

В. В. Розанов

Сахарна

Сахарна

**Обонятельное и осязательное
отношение евреев к крови**

В. В. Розанов

**Собрание
сочинений**

В. В. Розанов

Сахарна

Сахарна

**Обонятельное и осязательное
отношение евреев к крови**

**Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина**

**Москва
Издательство "Республика"
1998**

ББК 87.3
Р64

Составление
игумена *Андроника* (*А. С. Трубачева*)
и *А. Н. Николюкина*

Подготовка текста
А. Н. Николюкина
и *С. Р. Федякина*

Указатель имен
В. М. Персонова

Розанов В. В.

Р64 **Собрание сочинений. Сахарна / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1998. — 462 с.**
ISBN 5—250—02674—5

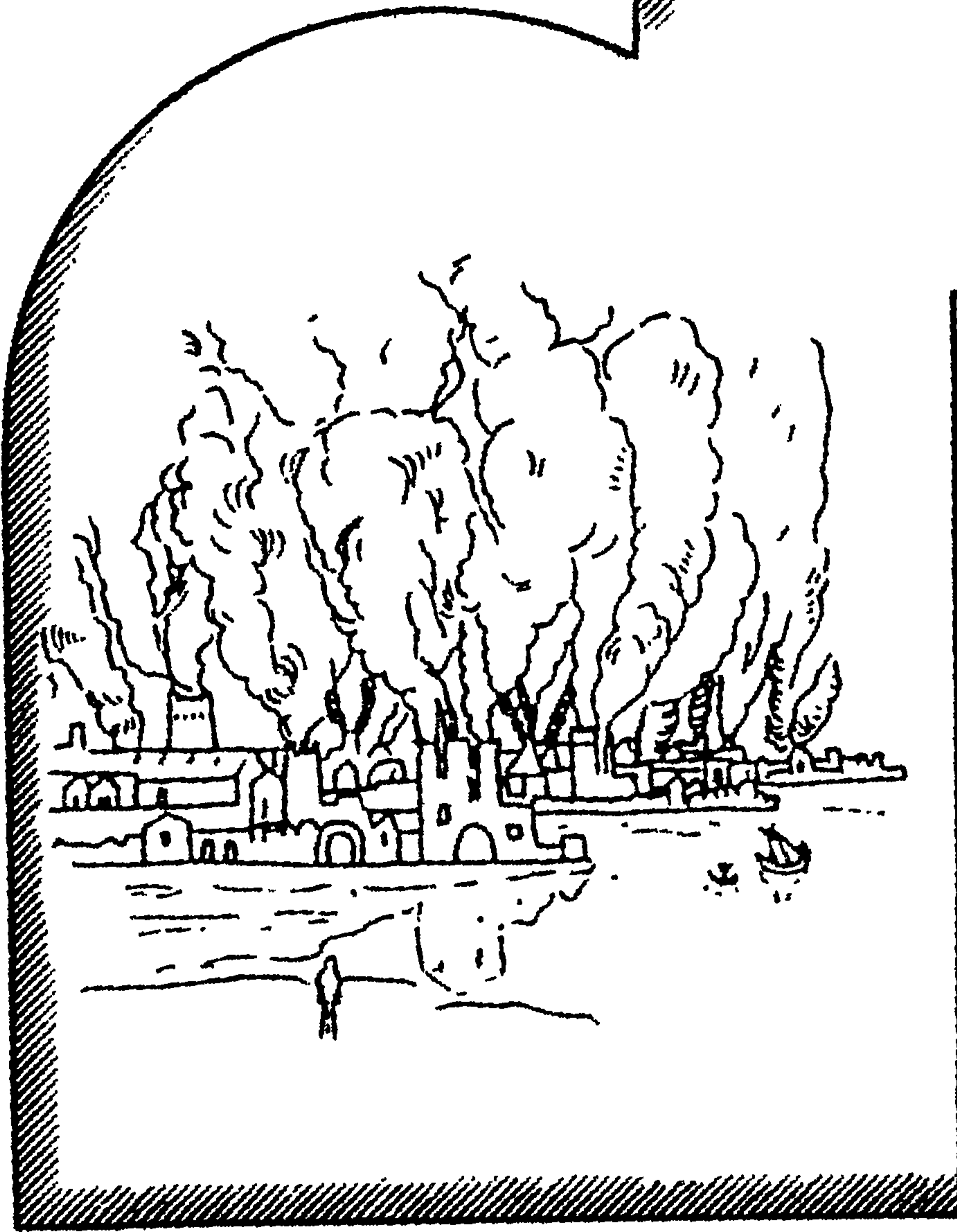
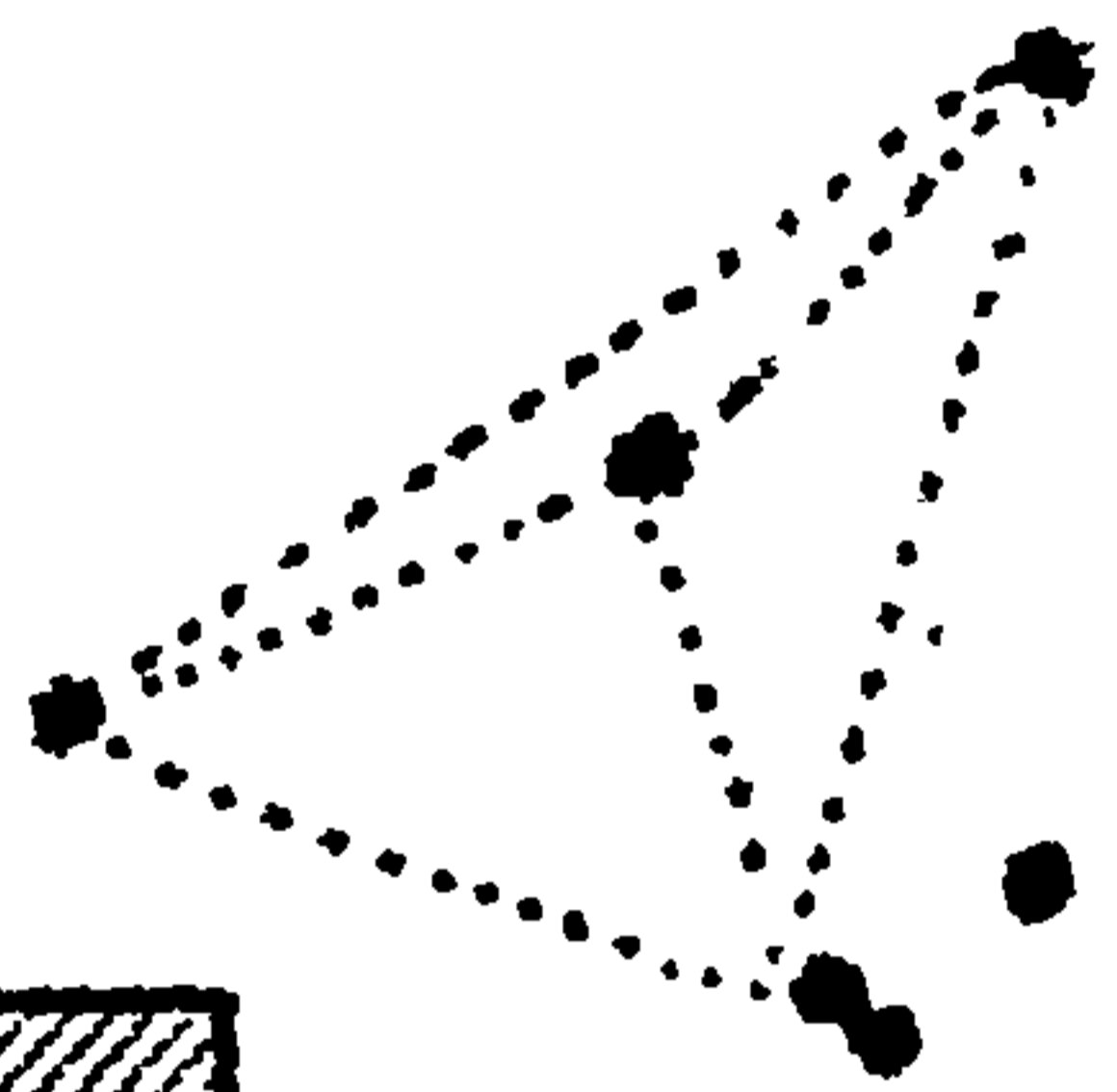
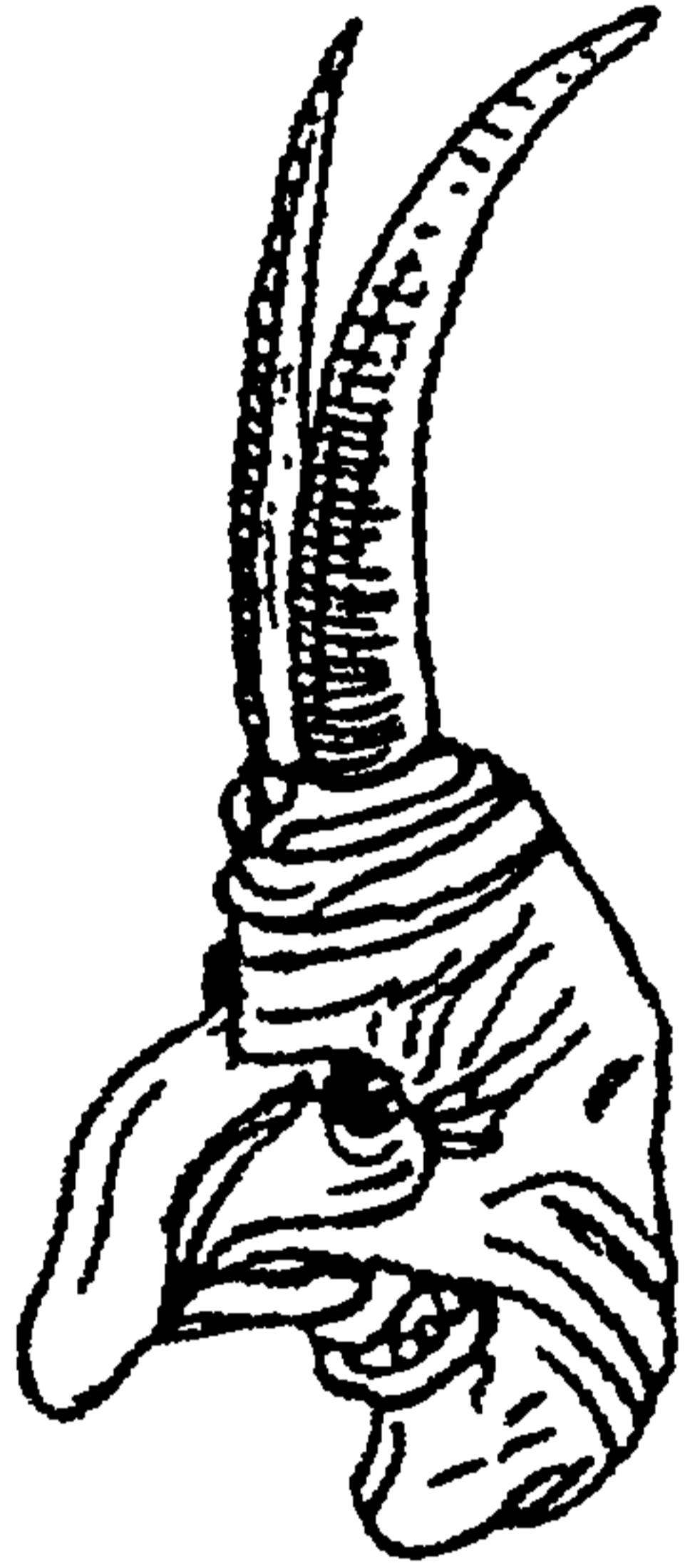
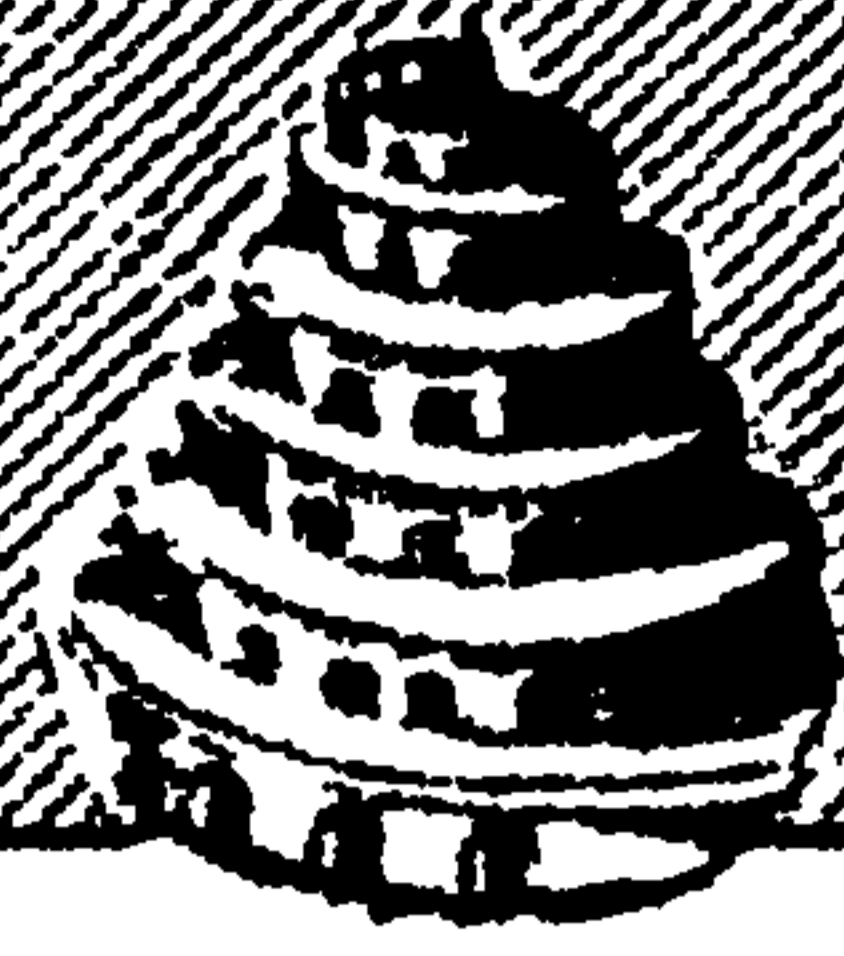
В настоящий том Собрания сочинений В. В. Розанова вошли два произведения, относящиеся к последнему периоду его творчества: "Сахарна" (1913; публикуется впервые по рукописи) и "Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови" (1914). В них представлен широкий спектр парадоксальных размышлений писателя о религии и культуре, большое внимание уделено мифологеме развития национального сознания в России.

Издание рассчитано на интересующихся историей русской философии и культуры.

ББК 87.3

ISBN 5—250—02674—5

© Издательство "Республика", 1998

Сахарна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кроме больших порицаний в печати, вызванных "Коробом 2-м *Опав. листьев*", — которые мне были печальны, как всякое порицание, я получил от нескольких друзей своих (собственно — от всех ближайших) особливые, исключительные упреки большой глубины и решительной основательности. Я "худой человек" и написал "худую книгу", — я "испортил свое *Уединенное*, внося суету и шум в это уединение". "Все серьезное, что было в *Уединен.*, рассеялось". И т. д., все в этом роде. Но пусть друзья говорят своим языком, а не моим. Вот отрывки из их писем:

"1915. X. 17.

Мое молчание и самого меня смущает, дорогой Вас. Вас.? Да, все сообщенное Вами было для меня тяжелым ударом, и надо было, чтобы впечатление улеглось и "обошлось", прежде чем я смог бы написать как следует. К этому присоединилось смущающее впечатление и от присланного Вами "Короба 2-го *Оп. листьев*". Несмотря на множество страниц, острых и бездонных, книга, прочитанная мною в один присест, оставила впечатление неблагоприятное. Самое главное — это что Вы нарушили тот новый *род* "уединенной" литературы, который сами же создали. Афоризмы по неск. страниц уже не афоризмы, а рассуждения. А если так, то читатель уже не относится и так бережно, как к малому ребенку, и не вслушивается в их лепет, а требует основных свойств рассуждения: сами выступив из области "уединенного", Вы естественно подлежите тем требованиям, которые предъявляют ко всему внешнему, не-уединенному. Затем, в строках "кор. 2-го" нет (во многих местах) непосредственности и гениальной бездоказательности прежних томов: чувствуется какая-то нарочитость и, в соединении с *манерою* уединенного, она производит впечатление деланной непосредственности. Это — о форме. В содержании *невыносимо* постоянное Ваше "вожжание"¹ с разным литературным хамством. Вы ругаете их, но тем не менее заняты ими на сотнях страниц. Право же, благородный дом, где целый день ругают прислугу и ее невоспитанность, сам делается подозрительным в смысле *своей* воспитанности². Что же Вас так беспокоит, — спрашиваю я, — успех Чернышевского и проч., давно умерших. Отцветут "яко трава дние его", их всех, отцвели уже. Народится новое хамство, и тоже пройдет. И так будет до конца дней. Но думать об этом и заниматься этим не только скучно, но и вредно. Что же мы *завидуем*, что ли? Каждый в мире получает то, чего воистину хочет. Мы³ не хотим публичности, не хотим внешних успехов (ибо все это связывает *свободу*) и, следовательно, поделом не получаем. Но мы имеем чувство *вечности*, пребывания, неотменности значения всего нашего. Мы стоим в сторонке, а они кричат. Но мы знаем, что

¹ От слова: "вы постоянно *возитесь*, занимаетесь, трудитесь". — В. Р.

² Удивительное выражение, удивительный принцип. — В. Р.

³ Говорится о целом кружке лиц, соединенных дружбою, в М. — В. Р.

перестоим их и всех подобных им, — и спокойны. Мы вечны, а они — теперь. Чего же ругаться.

Ах, дорогой Вас. Вас., я понимаю у Вас все, — понимаю, как Вы были зашиблены и затравлены; понимаю, что не Вы ругаетесь, а Ваши раны и синяки¹. Но как Вы не видите, что этим Вы выдаете скорее слабость свою, нашу, чем силу. Про Хомякова говорили, что он "горд православием". Будьте же и Вы горды — православием, Россией, Богом и не вмешивайтесь в гевалт "-зонов". "Помни последняя твоя, и вовек не согресиши" — вот основная заповедь православия.

Ну, будет. Господь да хранит Вас и всех Ваших. Мне хочется, чтобы дорогой Вас. Вас. обнаружил на конце дней своих то наивысшее, чем обладает, и чтобы оно не заволакивалось дымом и грязью, против которых он всю жизнь, в существе дела, боролся.

П. Ф."

Какое вкусное письмо. Стоит быть литератором и даже можно постараться быть добродетельным человеком, чтобы иногда получать такие письма. Но, "высушивая дело" из влажного дружбою письма, находим все-таки *печальное résumé*: "Ты испортил свою книгу" ("Уед.").

"5. X. 1915 г.

.....
Работы много, забот, — ветром ежедневности все сдувает "опавшие листья", и поднимать их не хочется трудиться, пусть несутся по ветру. Ваша книжка, "короб 2-й", как... *печатанное не для печати*, все-таки обманывает жизненностью (далее не поддающиеся разбору строки)... Он, казалось бы, приближает Вас, а в сущности — отдаляет скорее. И это бы совсем ничего, но хуже то, что Ваше уединение давно уже отравлено "Уединенным". То, 1-е-то "Уединенное", сделалось, а "листья" Вы, местами по крайней мере, ведь *делаете*, — они не сами падают, а [Вы] срываете их, рвете и пускаете лететь. Это явственно *не то*. Падающие звезды — прекрасны, ну а те, что *пускают* в фейерверке, — другое... Эта смесь есть — в последних книжках, и если уже *то* вышло, то, быть может, лучше бы прямо делать выбор, *отбирать листья* в короб. Но тут отсутствие у Вас (какое-то изумительное по силе безмерной) — *чувства выбора*, различения своего². Все — *само* и себя, своего не различает, не видит, не разбирает запаха, что самое и что не самое.

А. Г."

¹ Удивительно, что я этого не очень чувствую. И объясняю *массой домашней жизни*, забот, хлопот (главное — болезни), ну — и такими утешениями, как нумизматика. "Судьба Страхова в литературе", "судьба Ап. Григорьева в литературе", судьба зоологических идей Н. Я. Данилевского в русских зоологических и биологических представлениях — это от 1891 до 1916 года намучило меня гораздо более, чем "моя судьба", которую, кстати, я отнюдь не считаю несчастною. Литературно и *en masse* я считаю себя очень счастливым. А что "не веду за собою", — то этого я и не очень желаю, предпочитая иметь, — *и зная, что имею*, — друзей вроде пишущего это письмо. Как в гимназии, так вот и до старости я был "удачен в друзьях". — В. Р.

² Нужно заметить, что самый *метод* составления *этих* книг и заключался в намеренном устранении "выбора", "избирания", откладывания одного "добра" или одного "умного", "интересного"... и проч.: а в *занесении на бумагу* (и затем без перемены "йоты" в печать) суммы всего (и на языке) за год. Через что осуществляется полная видимость внутренне-пережитого, умного, глупого, порочного, добродетельного, обыкновенного. *Очень* многие места мне было самому очень *трудно отдать в печать*, — и именно места самые интимные, нежные, а с другой стороны, места очень грубые (о деньгах), единичные. *Но я себя принудил*. Конечно, я "выбрать" слишком сумел бы. Но это была бы не "душа", а "литература". — В. Р.

Письмо это до того меня поразило своим ясным смыслом, что я "закалялся" дальше что-нибудь печатать "в этом роде" и, кроме того, — оплакал свое "Уединен." как погибшую книгу; т. е. "погибшее" — самое лучшее и дорогое, что написал за жизнь. Тоска и печаль моя была безутешна. Как в самом деле я, сложив что-то в самом деле подобное "могильному памятнику", забыл, что и для чего он, — уселся на него и, отколупывая камешки, стал ими "бросаться в прохожих". Как смел я, — *какое безумие толкнуло меня*, — свою дорогую, милую книгу, "душу" и "паутину души", превратить в базар, шум, почти в газету. "Но дело сделано", и мною почти овладело (да и овладело) отчаяние о погибшей литературной деятельности. Пока я решил:

"Так литератор не остался литератором. Человека не вышло, и что не вышло его — судьба".

И я утешился в том, что это "не вышло" — обнаружилось и все-таки "истина" — осталась. Отвратительная — но истина.

Слова А. Г. я передал одному всего лишь один раз мною виденному ученому, и он написал мне:

"Рад был, дорогой Василий Васильевич, получить оба Ваши письма, второе — в особенности, Александра Сергеевича Волжского я хорошо знаю, высоко ценю: на редкость чистая душа, и такая, не нынешнего века, скромность! Бог умудрил его сказать Вам прямо, сполна то, на что, по мотивам, мною указанным, я себя не считал вправе, но на что, однако, раньше намекал, еще в своем письме к Вам, по поводу "Уединенного". Я писал тогда, что столь задушевные и откровенные признания носят характер *покаянный*, но каяться, думается, *не во всем* можно всенародно, и то, что *должно* сказать "на духу" отцу духовному, — что можно сказать другу, того без разбора нельзя отдавать напечатанным каждому, между прочим не подготовленному почему-либо (по возрасту, по неопытности и т. д.) читателю. Но Вы тогда на это замечание не откликнулись, и теперь я не стал повторять той же мысли. Но раз брешь в этом направлении пробита не мною, а более правомочным, чем я, — должен признаться, что в "коробе" меня кое-где "коробило" не то, что многим считается "непристойным", а коробило получавшееся впечатление некоей самопереоценки, приписывания уже не субъективной, а объективной важности некоторым интимным чертам характера и переживаниям личным. Знающий Вас поймет, что Вы *этого* не хотели сделать; а *против желания* Вашего впечатление такое получалось все-таки. Я не читал замечаний Волжского; не отрывки, сообщаемые Вами, а — главное — Ваши собственные разъяснения во 2-м письме вскрывают, как, неумышленно и негаданно, *это* могло выйти, как "исповедь" срывалась иногда то в "литературу", то в "публицистику". Можно бы оправдывать эти сдвиги скользкостью взятого пути: но зачем какие-то оправдания после Вашего покаянного вопля, такого прямодушного, пламенного, что он слезу радости вызывает и смыкает уста всяким назиданиям. Слава Богу! — вот и все! Утверди Вас Христос в духовном смирении! Не бойтесь, что оно свяжет, парализует в Вас "борца", которого Вы в себе чувствуете! Борение, к коему зовет Вас Бог, черпает силу именно в смирении: Апостол Любви (Иоанн) в то же время ведь был и "Сын громов"! Вот что нужно: смирение к себе, энергия и смелость в исповедании истины, со всеми, однако, требованиями христианской любви и чистоты сердца (будет чистота сердца, — будет и чистота дела, и "иже с ним"). Дружески Вас обнимаю; выздоравливайте телесно; к душевному здоровью Вы сделали огромный шаг.

В. К."

Мне кажется, из всемирной истории дружелюбий, встреч (с автором последнего письма, человеком лет 55, я виделся раз, за обедом, в одном дружеском доме) можно мало привести такого осторожного касания перстами "чужих ран", как в этих трех письмах, — мало примеров такой заботы о чужом и душевном и биографическом благополучии. Я думаю, я делаю хорошо, сообщая "в свет" эти письма, ибо они утешат многих, отчаивающихся о грубости века сего, о бессердечности века сего. Но, правда, — это исключительные люди, исключительный кружок лиц, питающихся и древними и новыми корнями мудрости, и ученой, и святой. Скажем молча благословение их имени, — и пойдем далее.

Одно письмо, которого у меня нет под руками, тоже упрекает за "короб 2-й". Но в памяти центральная его фраза: "Он не нравится, как всякий *повторенный* (т. е. "Уединенное" и 1-й том "Оп. л.") фокус". Письмо от друга приблизительно с 1897 года.

И наконец, последнее письмо от неизвестного друга, полученное по петроградской почте на 3-й же день, как "Короб 2-й" поступил в продажу:

"Эх, Василий Васильевич, что же это такое? Ваше "Уединенное" и "Опавшие листья" своего рода откровение, последняя степень интимности, вовсе уж не литература, живые мысли и живые переживания человека, стоящего над толпой. Когда я увидела в магазине новый томик "Опавших листьев", я так и вцепилась в них, думала снова встретить в них то же. Я думала, что эти опавшие листья так же нежно и тонко благоухают, как и первые. Но в этот короб, Василий Васильевич, кроме листьев напала высохшая грязь улицы, разный мусор, такой жалкий. Со страниц исчезла интимность, общечеловечность, ударились Вы в политику, таким размахнулись Меньшиковым, что за Вас больно и стыдно. И жирным шрифтом "Правительство", и еще жирнее "Царь"... К чему это, что за... лакейство. Я нисколько не сочувствую "курсикам", я дочь генерал-лейтенанта, революцию ненавижу и деятелям ее не сочувствую, но к чему же такое усердие? Кроме того, когда Вы пытаетесь защищать Аракчеева (люблю. — *В. Р.*) и пинаете ногою трупы революционеров (ненавижу. — *В. Р.*), у Вас чувствуется на губах пена. Это уже не интимный философ, а публицист из "Русского Знамени", да еще из крещеных жидов, т. е. наиболее пылающих патриотизмом.

Кроме этих страниц (поистине позорных), да писем честного и незначительного друга, да ненужного указателя — в последней Вашей книге что же имеется? Куда девались острые мысли и яркие образы первых двух томов? Кроме двух-трех страниц (например, определение любви) все остальное с трудом помнится. Но грустно не то, что в книге мало интересного матерьяла, — грустно то, что в ней есть матерьял, совершенно неприемлемый для человека литературно-чистоплотного. Во время чтения первых книг чувствуешь между собою и автором какую-то интимную связь "через голову других", веришь этому автору — Розанову "с булочной фамилией", веришь, что он мудрее всех мудрецов, имеет какое-то право взглянуть свысока на фигуры самых признанных авторитетов. При чтении Второго короба совершенно исчезает это чувство: точно человек, которого считал великаном, слез с ходулей: маленький, завистливый, злобный, неискренний, трусливый человек. И становится стыдно, что еще недавно готова была этому "обыкновенному" развязать ремень у сандалий.

Падение заметно даже в посторонних темах. В первых книгах поражает и восхищает любовь к "погибшей мамочке", это настроение и цельной и огромной грусти, тоски, одиночества. Короб 2-й и это чувство расхолаживает, и становится ясно, что жаль ему не самой мамочки, а жаль себя, жаль той теплоты и ласки, что исчезли вместе с мамочкой, жаль мамочкиной любви, а вовсе не

самое мамочку. Да и сам образ "мамочки", как он потускнел, отяжелел, оматерьялизировался по сравнению с "Уед." и "Опав. лист."¹. И если после официального "провала" *Уед.* и *Оп. Листьев* думалось с грустью, что улюлюканье толпы положит предел, не даст Розанову продолжать этот прелестный род художественного творчества, то обещание во *Втором* коробе, что это будет *короб последний*, наполняет сердце благодарностью. Ибо если первые книги были, действительно, "замешены на семени", то 2-й *короб* замешен на сукровице нечистых язв. Трудно себе представить, что между этими книгами прошло не более года: так постарела, отяжелела, съежилась мысль, так побледнели краски, так притупилось остроумие. Это не Розанов, а кто-то "под Розанова", это тоже не литература, но уже с другой стороны. Если бы я была очень богата, я скупала бы все издание и сожгла бы и закупила бы все издания вперед, — не потому, чтобы думала, что неталантливый "короб 2-й" был кому-нибудь вреден, а из уважения к "Уед."

А. Данилевская

Если хотите ответить (не думаю, чтобы захотели), пишите 28-е почт. отделение, до востребования А. М. Д."

Я написал на эти инициалы ответ, но через месяц оно пришло обратно нераспечатанным. На адресе не было *фамилии*, а только позволенные письмом инициалы, и, быть может, поэтому оно не было подано адресату, спросившему письмо *на свою фамилию*.

Письмо это меня поразило и, признаюсь, сбило, п. ч. "нашего духа" человек пишет, способный понимать все, что нужно понимать.

И как на песок пустыни капнуло росой следующая записка, месяца через 1 1/2 по выходе полученная:

"Читаю и перечитываю Ваши книги.

Мучают они мысль; без слов, но сильнее слов укоряют за пустоту, и злобность, и легкомыслие.

И учат и исцеляют. Главное — исцеляют. Сами — боль, а исцеляют.

Когда теперь думаю о том, что будет после смерти, — и когда хочу, чтоб было "что-то", думаю об этом для себя, для близких и для Розанова.

И когда молюсь у всенощной, плохо веря, что молитва услышится, но все-таки молюсь, — тоже крещусь и "за Розанова".

И вот пишу. Вы же близкий, хоть и во многом далекий. Я еще молода и знаю, что ближе почувствую Вас после (Вы и сами об этом говорите).

Но именно тому и рада, что узнала Вас, пока еще можно вложить это узнанное в жизнь.

Я слабая, "современная" женщина, и много во мне такого, что Вы очень не любите, — но вот Вы учите и исцеляете...

А многие Ваши слова вошли в самое сердце и не забудутся никогда, никогда. Как сказать Вам спасибо, чтобы Вы слышали?! Спасибо!

В.

Искренно, искренно желаю Вам бодрости, покоя, здоровья, всего, чего хотите Вы.

И верьте и знайте, что Вас очень любят.

¹ Поразительно. Но ведь это все в *один* 1912 г. писалось, и *короб 1-й*, и *короб 2-й*. И лишь *напечатан* был *короб 2-й* за недостатком средств, *через год*, и не мною, а "Лукоморьем" в кредит. Откуда же "разный дух" и "разные таланты"? Мне кажется поэтому, здесь есть разница во впечатлении, при отсутствии разницы в написанном. *Читатель* переменялся, *читатель* вырос. Разве это невозможно? — В. Р.

Очень много я хотела бы сказать Вам, но ведь Вы заняты, у Вас своя жизнь. Храни Вас Бог”.

Признаюсь, я не решился бы издать настоящей книги без этого последнего письма.

Ах, книги, книги... Сочинения, сочинения... Что-то несется в душе. Кому? Зачем? Знаем ли мы источник, корень написанного? В особенности, понимаем ли мы *смысл* написанного, и автор и читатель? Читает книгу одно поколение, читает книгу другое поколение. Всем она *одно* скажет? Я думаю, смысл книг, — как и растений, и цивилизаций, и каждого из нас, смертных, уясняется окончательно лишь тогда, когда мы или вот книги — умрем.

Что пишу? Почему пишу? А ”хочется”. Почему ”хочется”? Господи, почему Ты хочешь, чтобы я писал? А разве без Твоего хотенья я написал бы хоть одну строку? Почему кипит кровь? Почему бежит в жилах? Почему сон? Господи, мы в Твоих руках, куда же нам деться?

Мне кажется, кому *не соответствует* книга — не должен ее читать. Не пришло время, не пришла минута. Не настало ”такого настроения”. Или ”такое настроение” прошло. Ах, мы страшно разные люди, и бесконечно разны наши минуты.

А если так бесконечно разнообразен мир, не всякие ли книги в сущности ”должны быть”. ”Распустим немного губы”, не будем сжимать их. Холоду, суровости в сущности слишком много. Ну, вот мы все сжали губы и замолчали. Какой толк? Даже чаю напиться нельзя без беседы.

Зачем гордо замыкаться в себе? Зачем вообще такое недоверие друг к другу? Мы все люди и ужасно слабы. Но уже сказав ”слабы”, выиграли в силе, потому что выиграли в правде. Не нужно абсолютностей, Господь с ними. Ограничимся ограниченностью, кой-какой помощью друг другу и вообще будем *вместе*.

Книга, в сущности, — быть *вместе*. Быть ”в одном”. Пока читатель читает мою книгу, он будет ”в одном” со мною, и, пусть верит читатель, я буду ”с ним” в его делишках, в его дому, в его ребятках и верно приветливой милой жене. ”У него за чаем”.

Не будем, господа, разрушать ”русскую кампанию”. И вот я издаю книгу.

В. Р.

ПЕРЕД САХАРНОЙ

”Любовь существует для пользы отечества”

3 января 1913 г.

В-я привезла на Рождество две двойки, по немецкому и арифметике. Ее встретили сухо, и почти не разговариваем. Она опешила. Заглядывает в глаза, улыбается виновно и заискивающе, но мы не обращаем внимания. Однако, когда прошли дни, — ее впустили в комнату к Шуре, куда собрались две курсистки, она сама (Шура) и все детишки.

Я что-то копался. Когда вошли в кабинет и сказали: ”Идите к нам, папочка; как весело”. Скучая, что оторвали, — я, однако, вошел.

На полу — ”подножках” и табуретках — разместились, кроме трех больших, — все маленькие: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя. Все были в ажитации и, когда я тихо сел, — почти не заметили.

Играли ”В свои мнения”. Эти ”мнения” составляли определения вещей; имя коих писалось на бумажке.

Меня поразили многие из мнений, и, когда все кончилось, — я захватил бумажки и здесь воспроизвожу их.

Вопрос: Что такое цветы?

”Цветы одушевляют человека, когда он бывает угнетен чем-нибудь, и освежают его душу” (*Вася*).

”Цветы да еще дети одни украшают землю” (*Вера*).

”Дыхание красы”.

”Цветок есть последняя отрада человека, посаженный в землю около гробовой доски” (*Варя*).

”Цветы — внешняя улыбка природы, их запах — тайное признание ее” (*курсистка*).

”Цветы — это песнь природы” (*Наташа*).

”Без цветов мир стал бы мертвее самой смерти” (*Шура*).

(*Вторично заданная та же тема, или второе мнение при первом же задании*):

”Цветы — покорное создание, которых каждый смертный может сорвать и растоптать” (*Вася*).

”Цветы — это маленькие и нежные создания Бога, которые остались как печальные воспоминания о Рае” (*Вера*).

”Цветы, как люди, горды, нежны”.

”Цветы — в природе — милые, светлые, разноцветные. В своих чашечках они скрывают мечты... своим благоуханием они сдувают муки и тягость. — Цветы в душной комнате. Скучно, серо... Вьются нежные

цветы у пыльного окна. Подходишь. И встают золотые воспоминания о чем-то далеком” (по-видимому, Таня).

Вопрос: Что такое ум?

”Ум — очень трудно определить тому, кто его имеет; для тех же, кто его не имеет, ум — святое счастье и богатство” (курсистка).

”Вечно ”Горе от ума” (Шура).

”Ум — это счастье несчастливых” (Наташа).

”Ум — руль” (Таня).

Вопрос: Что есть высший героизм?

”Самоотверженно к себе, радостно умереть за ближнего и даже за самого низкого преступника” (Надя или Вася).

”Героизм есть высшая отвага и стремление к великому делу” (Варя).

”Высший героизм есть самоотречение. Только тот сможет создать великое и прекрасное, только тот может, как герой, отпечатлеть своей рукой на истории и в измученных душах людей, кто скажет: я для всех, но не для себя. Это есть истинный герой человечества” (Вера).

”Жажда сгореть в любви” (Таня).

”Высший героизм — стереть свое лицо” (Шура).

”Героизм — ни один раз в жизни не солгать” (Наташа).

”Героизм есть лишь вспышка, но не огонь” (курсистка).

”Истинный героизм заключается в силе любви, заставляющей забыть свое мучительное я” (вторичное — Тани).

”Высший героизм — сказать про себя самое смешное и низкое” (вторичное — Шуры).

”Героизм есть необыкновенная жизнь человека, иногда незаметная, а иногда заметная” (по-видимому, — по почерку — Вася или Надя).

”Как мы можем спрашивать, что такое героизм, когда вся жизнь Христа есть высший подвиг героизма” (судя по почерку, кажется, Вера).

Вопрос: Что труднее всего на свете?

”Всего труднее в жизни полюбить ненавидящего тебя” (курсистка).

”Труднее всего в жизни побороть себя” (курсистка).

”Прожить без любви” (Наташа).

”Забыть себя” (Шура).

”Самое трудное — сказать в старости то, что говорил в молодости” (по-видимому, Вера).

”Сохранить юность” (по-видимому, курсистка).

”Верить и прожить честно, без фальшивых прикрас” (Таня).

”Труднее всего в жизни — просто, без затей ее прожить” (по-видимому, курсистка вторично).

”Труднее всего в жизни — забыть о себе” (Шура вторично).

”Самое трудное — стать выше своих страданий” (Вера).

”Труднее всего — переживать предсмертный час, если был грешен” (Вася, — sic!).

”Труднее всего в жизни — переживать муки” (Вася вторично).

”Труднее всего в жизни — пойти выпить молоко и лечь спать” (“Пучок”-Надя).

Смеялись больше всего последнему. Дивились больше всего Васе. Он был по пояс мне, совсем маленький. Пораженный, я его отвел в сторону (после игры) и спросил: ”Разве ты думал о смертном часе?”

”Думал”. — ”Ну, это *мне* тяжело умирать так, а *ты?*..” — ”Нет, папа. Какие у тебя грехи? Если тебе захочется согрешить, то ты удержишься”. — Прыснув со смеху и замирая в страхе, я пошел и рассказал Шуре ”своего Ваську”.

Но... потеряны листки с ”любовью”.

”*Что такое любовь?*” Ответили разное. Но Варя — вся проказа вне этого ”наказанного” Рождества — поспешила утешить родителей и успокоить общество:

”*Любовь существует для пользы отечества*”.

Этому-то больше всего мы и смеялись тогда.

* * *

Еврей находит ”отечество” во всяком месте, в котором живет, и в каждом деле, у которого становится. Он въязвляется, вырастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободой) и с силою, как родной.

Он в высшей степени *не чужой* везде, со всеми. Общее предположение, что евреи ведь чужие, — верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до ”единокровности”, со всем.

Отсюда проистекают некоторые мелочи, например знаменитое ”жидовское нахальство”, которого сами евреи не замечают и даже не понимают, о чем мы говорим. Нас поражает и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют, ”как мы”; а они и чувствуют себя, ”как мы”, и так говорят и ведут себя.

Отсюда (*отчасти*) побои и — то, что евреи так этого не понимают.
(*в клинике около мамы*)

* * *

Когда идет добро от священника и когда идет добро от мирского человека, и собственные ”измерения добра” в одном и другом случае одинаковы, — т. е. равны: доброе слово здесь и там, утешение здесь и там, милостыня здесь и там, — то есть разница какая-то в благоухании. Добро священника благоуханнее добра светского человека.

Отчего это? Явно чувствую. Чувствую не потому, что я ”таких убеждений”. Не ум чувствует, а нос чувствует.

(*припомнился разговор с одним добрым батей*)

Эх, попы. Поправьтесь! — и спасете Русь.

* * *

Мне не нужна ”русская женщина” (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива.

Волосы гладенькие, не густые. Пробор посередине, и кожа в проборе белая, благородная.

Вся миловидна. Не велика, не мала. Одета скромно, но без постного. В лице улыбка. Руки, ноги не утомляются.

Раз в году округляется.

(иду от Пр. Гор.)

* * *

— Это что́ часы-то? Остановились?

Большие, с белой доской. С тяжелыми гирями, из которых к одной был прицеплен еще старый замок.

— Это худо. Это к чему-нибудь. — И мамаша задумывалась. Правда, энергией своей она все преодолевала. Но когда они останавливались, это было дурным часом в ее дне.

(в Ельце)

* * *

Часы ходили еле-еле. Вековые. От покойного Дмитрия Наумыча (мужа, отец "друга").

За него она вышла замуж, п. ч. он был тихий и удобный для воспитания брата ее. Ей было 15 лет, брату 4 года. Но она все сообразила и планировала и не вышла за "бойкого", который был бы "самой люб", а за удобного.

Она была постоянно веселая и любила, чтобы было все чистое, комнаты и нравы, — и поведение сыновей и дочери.

Умирая, завещала похоронить "вместе с мужем". "Вместе родили детей", "вместе лежать в земле", "вместе идти к Богу".

* * *

Три-три-три
Фру-фру-фру
Иги-иги-иги
Угу-угу-угу.

Это хорошо. После "Синтетической философии" в одиннадцати томах Герберта Спенсера — это очень хорошо.

(Статья о футуристах Рог-Рогачевского с примерами из их поэзии)

А не верят люди в Бога, Судьбу и Руку. Но Он дерет за ухо не только верующих, но и не верующих в Него.

* * *

Теперь стою в банке, перевод или что́, — смотрю по сторонам: где тут международный плут, с его "печатью на лице", которого бы ловил Шерлок Холмс.

(Начитавшись Ш. Хол. Перевожу последнюю уплату за монеты Осману Нурри-бею в Константинополь)

* * *

Много можно приобрести богатством: но больше — ласковостью.

(мудрость евреев)

* * *

Булгаков честен, умен, начитан и рвется к истине.

Теперь — к христианству.

Но он не имеет *беды* в душе, ни *бедствия* в жизни. Он не восклицал никогда — "тону!" — среди ужаса. Он профессор, а не обыватель; ученый, а не человек. А христианство (думается) открывается именно "немудрым земли" в особых точках и в особые минуты. И, кажется, проникнуть особенно глубоко в *не свои темы* ему не удастся.

* * *

Как поправить грех грехом — тема революции.

(на извозчике)

И поправляющий грех горше поправляемого.

* * *

— Отдай пирог! Отдай пирог! Отдай пирог!

Вера лежала животом на полу в Шуриной комнате. 10-ти лет. И повторяла:

— Отдай мне пирог!!

Шура выбежала ко мне и, смеясь "до пупика", спрашивала:

— Как я отдам ей пирог?

— Какой "пирог"??..

— Вчера, вернувшись из гостей, она вынимает из кармана завернутый в платок кусок торта и говорит:

— "Это, Аллюсенька, тебе".

— Конечно, я съела. Сегодня она на что-то рассердилась, кажется, — я сделала ей замечание, и требует, чтобы я ей отдала назад торт. Говорю: — Как же я "отдам", когда я съела? — Она кричит (юридическое чувство):

— Все равно — отдай! Мне нет дела, что ты съела.

Шура смеялась (курсистка). Вера плакала.

В гневе с Верой никто не может справиться, хоть ей всего 10 лет. Она всегда безумет, как безумет и в увлечениях.

(на семейной карточке "Оп. л." она одной рукой обнимает, другую устала в бок)

* * *

Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... А когда рассчитывается с извозчиком — норовит дать екатерининскую "семитку" (2 коп.) вместо пятака.

И тем не менее я отделяюсь от Влад. Набокова, профессора Кареева и дворянина Петрункевича и подойду к нему...

Почему же я к нему подойду, отделяясь от тех, когда те разумны, а этот даже и в семинарском-то "вервии" лыка не вяжет?

По традиции? Привычке?

Нет, я выбрал.

Я подошел к мудрости и благости. А отошел от глупости и зла.

Почему? Как?

Да около Набокова станет еще Набоков, и около Кареева станет еще Кареев...

Как бы они ни множились и как бы цепь их ни увеличивалась, она и в середине, и на концах, и в бесконечности не обещает ничего еще, кроме Набокова и Кареева или Тьера и графа Орлова-Чесменского, Захарьина и князя Юсупова; а рядом с попом может стоять сейчас же митрополит Филарет, да и сам Св. Серафим Саровский. Чего, и дальше: "за руку с попом" не погнушает взяться и древний Платон, сказав: "Он — *от моей мудрости*".

А я прибавлю: "Нет, отче Платоне, — он превзошел тебя много. Ты — догадывался, а он — знает, и о душе, и о небесах. И о грехе и правде.

И что всякая душа человеческая скорбит, и что надо ей исцеление".

* * *

Вина евреев против И. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? Т. е. только "эта толпа" "не могла понять", и, главное, "теперь" — ну, "при исходе времен"? Или — от корня, издревле, от Моисея и даже Авраама? Было ли больно все, от *истока* начиная, или — только в *устье*? В последнем случае, т. е. если только "нравы" и сейчас, — не для чего было отменять обрезания и всего жертвенного культа, и суббот, и храма.

В этом случае была бы у христиан сохранена библейская семья; сохранено бы было живое и животное чувство Библии, а не то, что "иногда читаем". Не было бы ужасного для сердец наших противопоставления Евангелия и Ветхого Завета.

Ничего не понимаю. О, если бы кто-нибудь объяснил.

* * *

Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

"Пришествие Гиксосов". Черт их знает, откуда-то "Гиксосы" взялись; историки не знают откуда. Пришли и разрушили египетскую цивилизацию, 2000 лет слагавшуюся. Потом через 1¹/₂ века их прогнали. И начала из разорения она восстанавливаться; с трудом, медленно, но восстановилась.

(придя с Айседоры Дункан домой)

Как хорошо, что эта Дункан своими бедрами послала все к черту, всех этих Чернышевских и Добролюбовых. Раньше, впрочем, послали их туда же Брюсов и Белый (Андрей Белый).

О, закрой свои бледные ноги.

Это было великолепно. Поползли на четвереньках, а потом вверх ногами. И тщетно вопияли Лесевичи и Михайловские:
— Где наш позитивизм? Где наш позитивизм!!!
Позитивизм и мог быть разрушен только через "вверх ногами".

На эмалевой стене
Там есть свет чудных латаний.

Дивно. Сам Бог послал. Ничего другого и не надо было. Только этим "кувырканием" в течение десяти лет и можно было прогнать "дурной сон" литературы.

* * *

Вчера разговор в гостях. И выслушал удивительный взрыв отца:
"Моему 13-летнему сыну, который никогда не знал онанизма, в гимназии сказали никогда не дотрагиваться до... потому что хотя это наслачительно, но вредно для здоровья. Он дотронулся и сделался онанистом.
10 чиновников в мундире министерства просвещения, из которых каждый был шпион и ябедник, учили его "не послушествовать на друга своего свидетельства ложна". И он стал клеветником и злословцем.
Те же десять чиновников, из которых каждый был предатель и втихомолку занимался социализмом, учили его "быть патриотом". И он возненавидел свое отечество.
Таким образом, когда он "окончательно получит образование" и сделается никуда не годным человеком, — ему выдадут бумажку, по которой он может получить всякое место на государственной службе.
Перед ним будут "открыты все двери".
Он войдет в наиболее широкую, выберет девицу с кушем и женится. Теперь он сделается не только "полезным гражданином", но и в высшей степени "приятным членом общества". У него станут занимать деньги. Ему везде станут предлагать "председательство". Он станет заниматься "благодетельством". Когда он умрет, поп скажет хорошую речь".

(русская цивилизация)

Я подумал молча про себя.
Нет. Мой Вася жив. С ним никогда этого не будет. Берегись, Вася. Берегись "русской цивилизации".

* * *

За попа, даже и выпивающего, я трех кадетов не возьму.
Только злой поп (поп А-бов) — невыносим. Он хуже всякого человека. В нем этот яд становится хуже, проклятее, смраднее, стрельчатее яда во всяком другом человеке.
Отчего это? Тоже — тайна. "И, взяв кусок с блюда и обмакнув в соль, — подал ему". И всякий исповедник Христа, если он зол, — увеличивает в зле на всю величину Христа и становится Иудой.

* * *

”Знаешь (и она назвала одного любимого мною умершего писателя), если бы он *теперь* жил, он не показался бы интересным. Он был тогда интересен (в 90-е годы). Люди с каждым годом растут; душа с каждым годом растёт, и человек теперь не то, что был 15 лет назад”.

(*мамочка в постели, 13 янв.*)

* * *

Греки — ”отец”; римляне тоже — ”отец”. Даже сухопарый чиновник — и он ”отец”. Одна ”жидова” — Вечная Мать. Отсюда проистекает их могущество и значительность.

(*идя из клиники*)

* * *

Батя. С Урала, член Госуд. Думы. Еду с дочкой на извозчике. И говорю:

— Сколько платите за квартиру?

— Сорок.

— Сорок?! Сколько же комнат?

— С прихожей 4.

— Как же вы помещаетесь? Из кого семья?

— Я. Да брат студент, технолог. Да сестра замужняя с ребенком. Да папаша с мамашей. И еще брат двух лет.

— Как же вы спите?

— Я в столовой на кушетке, брату в прихожей на ларе стелют. Сестра с мужем за перегородочкой. Папаша с мамашей за другой перегородочкой.

— Сестриному-то ребенку сколько будет?

— Полтора года.

— А меньшому брату вы, кажется, сказали два?

— Два.

— Это хорошо. Сестра-то еще не беременна?

Она помолчала.

— Это хорошо. Тесно, а тепло. И отец еще молодой?

— 53 года: а когда на именинах были гости, то говорили, что ему едва сорок можно на вид дать. Лицом белый и большого роста. И живот, — хотя не очень большой.

— А мамаша?

— Мамаша совсем молодая. Ей только 42.

— Совсем хорошо! То-то и фамилия у вас красивая. Нет красивее на Руси, — т. е. не может быть красивее такой фамилии: тут и ”мережки” и ”золото”. Оттого, что вы старые люди на Руси.

Курсистка улыбнулась. По задумчивому виду я вижу, что ей тоже пора замуж. Уж 19 лет.

Так растет добро на Руси. Или не сказать ли по-церковному: так произрастает и густится пшеница Господня на землях тучных.

Берегите тучность земли. Берегите, берегите. Хольте, вспахивайте, — молитесь дождичка.

Солнышка молитесь. И во благовремении полной пригоршней бросайте зерна в землю.

* * *

Что истинно интересно?

Своя судьба.
Своя душа.
Свой характер.
Свои тайны ("сокровенное души").

С кем хотел бы быть?

С Богом.

Еще с кем?

С тем, кого истинно любишь.
Таков за всю жизнь один-два.

Что нужно?

* * *

После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России.

Мог быть только энтузиазм к разрушению России.

— Вот и 1 марта, и полупаралич турецкой войны, и "ни одной победы" в Маньчжурии. Вовсе не Алексеев и еще какой-то "гофмейстер" — Абаза — устроили "авантюру на Ялу", а превратили в "авантюру" возможную победу и расширение Земли своей господа "Современника", "Отечеств. Записок" и "Русского Богатства". Победа вообще никакая стала невозможна, пока не явился "международный еврей" Азеф, который вообще стал всею этою гнилью "торговать", продавая "туда", продавая "сюда", — и вообще всякому, кто бы ему дал на винцо и женщин.

* * *

Да, если вы станете, захлебываясь в восторге, цитировать на каждом шагу гнусные типы и прибауточки Щедрина и ругать каждого служащего человека на Руси, в родине, — да и всей ей предрекать провал и проклятие на каждом месте и в каждом часе, то вас тогда назовут "идеалистом-писателем", который пишет "кровью сердца и соком нервов"... И весь-то мотив этого, что "сопричисляющий вас" с залихватской русской фамилией Рог-Рогаческий пишет в журнале еврея Кранихфельда, и "чей хлеб кушает, того и песенку поет".

— Если ты не изменник родине, — то какой же после этого ты русский? И если ты не влюблен в Финляндию, в "черту" и Польшу, — то какой же ты вообще человек?

Что делать в этом бедламе, как не... скрестив руки — смотреть и ждать.

* * *

”Ни я, ни вы, ни Новоселов ц.... не нужны”, — написал NN.

— Это что, дело стоит даже крепче: ей *чести* не нужно, ”правильных документов на торговлю” не нужно.

Лопаты, приставленные к забору, бьют глубоким строем:

— Нам нужны только доходы. Остальное уже обеспечено *им*.

(получив письмо от NN)

* * *

Да почему он ”скиталец”? Везде принят, все кланяются. Религиозно-философские собрания сочли ”за честь”, когда он одно из них посетил, придя в середине чтений и обратив всех внимание черною блузою, ремешком и физиономией ”под Максима”. Почему же он ”скиталец”, и кто его ”изгнал”, и откуда он ”исключен”? ”Качества его произведений” никому (вероятно) не приходили на ум, пишет ли он стихами или прозой, публицистику или ”так рассказы” — никто не знает, и только всякому известно, что ”есть еще другой Максим, который называется Скитальцем”, и тоже с ремешком и в блузе. Да это скорее — граф, ”его сиятельство” и уж во всяком случае ”превосходительство”.

В первый раз проходят какие-то в литературе с фальшивыми физиономиями ”под другого”, в чужой прическе и совершенно не своим ”видом на жительство”.

Барин, который называет себя ”Ванька с Сенной”.

* * *

Фл. бы заговорил другим языком, если бы из его дома вывели за ручку Ан. Мих., со словами: ”На все четыре стороны, прощальга”, а Васюка присудили бы с двухлетнего возраста ”здорово живешь” в солдаты без срока. Тогда были бы песни другие, и он не приравнивал бы это к бедной кофточке и грубому слову кухарки, с добавкой, однако: ”Заочно от меня”. То-то ”заочно”: ну а что, если бы на глазах? — сказал ли бы он только: ”Будьте, Катерина, мягче: мы все — христиане”.

И Новоселову с его ”мамашей” тоже всего этого не нужно. Но что, если бы его ”мамашу” стали бить кнутом на конюшне, как в Петербурге *сек с конюхом* (при пособии конюха) *свою жену гвардеец*, — урожденную Варгунину, за которою взял 150 000 приданого, но уже во время ее первой беременности сказал ей, что его, как дворянина, компрометируют поклоны на улице и посещения на дому ее купеческой родни и чтобы сама она постаралась, чтобы эти родные ”не навязывались” и не ”ходили к нам”, а затем начал — и сечь (на конюшне). Отец, Варгунин, обратился к властям, но, согласно Фл. и Новоселову, получил ”кукиш с маслом” в утешение, т. е. ”ни развода, ни отдельного паспорта на жительство”, ни вообще — ”прав у отца на дочь, раз она обвенчана”. И только уплатив еще 75 000 ”правильно-каноническому, повенчанному” мужу, отец выволил дочку из ”благодатного благословения церкви”.

Так была подробно, с именами, рассказана в "Гражданине" князя Мещерского эта петербургская история. Я не прочел, к сожалению; но со слов "Гражданина" рассказывала вслух всем гостям эту историю за обедом Анна Ивановна Суворина. Да что: разве не такую точь-в-точь историю рассказывает в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков? И у Аксакова *все духовенство* прочло это; прочло и *ничем не отозвалось*.

Так вот вы полюбуйтесь, сперва, и Фл., и Новоселов, на эту Варгунину, да и вы, Иван Павлович, да и Цветков с Андреевым.

А я же до благосклонного ответа скажу:

— *Пока это есть*, представляется каким-то мазурничеством говорить о "цветочках" Франциска Ассизского и прочих чудесах.

* * *

Чем "молиться" на секретаря духовной консистории (однако же ведь не в *ней* суть, она "приложится" во временах), — то уж лучше помолиться вотяцкой "Керемети": все-таки живее, да и фольклор по крайней мере.

Это я говорил (писал) Рачинскому и страшусь, что придется говорить Фл.

Вот где возможен поворот к: "вернемся к египетским богам, потому что они кормили нас и мы не были *голодны*".

И ведь израиль в пустыне был бы прав, если бы не прилетели *перепелы*. Вот и кое-кто и кое-что (лицо и потом возникшие учреждения) пусть "пришлет перепелов" и "источит из камня воду". Если кое-кто и кое-что бессильнее Моисея, — нельзя удивиться и нельзя будет негодовать, если люди вдруг из-за "перепелов" начнут заворачивать к Моисею, да и к египетским богам.

* * *

Мерзавцы-канонисты подумали бы, что с *коровою* привычною расстаться нелегко, *квартиру* удобную передают неохотно: по какому же *праву* и по какому скаредному мотиву они вообразили, они наклеветали на людей, они закричали в печати и, ранее Гутенберга, кричали в манускриптах, что мужья-человеки все такие же мерзавцы, как они сами (т. е. как канонисты), и сейчас побросают жен и перейдут к "молоденьким и сладеньким", если Рачинский и Фл. вдруг "согласятся на развод". Но они *злы*, эти мерзавцы, и хочется им засадить "гною в кости" ("худая жена — как *гною в костях* человека", — Соломон в "притчах"). И, пользуясь идеализмом, отвлеченностью и мечтательностью Фл. и Рачинского, они (канонисты) им все "навевают" о человеческом легкомыслии и недобродетели, соображая про себя: "С *гноем-то* в кости нам человек все *заплатит*".

Канонист-профессор (был процесс о наследстве, — недавно) оставил 100 000 дочерям. Занимал именно по бракоразводным делам "стол" в высоком духовном учреждении. Автор книг и статей в "Христианском чтении" и в "Отдыхе христианина". 100 000 из "профессорского жалованья" не скопишь.

* * *

...Скука, холод и гранит.

Что это, стихотворение Пушкина?

— Нет, это каноническое право. "Кормчая", Суворов, Красножен, Сильченков, еще кто-то, многие. Как говорится где-то в Библии: "Взойди на башню и посмотри, не идет ли это *на помощь* осажденным войско?" — Посланный вернулся и сказал: "О нет, — это идет *стадо скота* и подымает пыль".

* * *

Вот идет по тротуару проституточка. Подойду к ней и разделю... последнюю папироску. Она одна мне "своя" в мире: такая же бездомная, тоже без отца, без матери, также никому не нужная, также ей никто не нужен. Дам ей папироску, она закурит, я докурю. Потом пойдем к ней. И будет она мне жена на ночь.

Как и мне на час работы нужен каждый хозяин, и я говорю о всяком через час — "провались".

(за корректурой своей статьи о Страхове: место ее о "меланхолии в Европе")

Подошла Пучок и молча поцеловала папу в щеку; в рубашонке, сейчас в постель (ночь). Нет, я теперь не такой: мне мама дала другое. — Но ведь не у всех была "наша мама", и другие — именно таковы.

(т. е. "меланхолия в Европе" происходит от КОРНЕВИДНОЙ в Европе бессемейности; от того, что семья там есть случай и удача)

* * *

Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа!

"Как ты, пачкунья, смеешь это думать?"

— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

"И лукавая? и скрытная? обманная?"

— Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

"Весь запутанный? Скверный?"

— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

(Бреду ночью из редакции. 3-й час ночи. Кругом проститутки)

* * *

Собственно, есть *одна книга*, которую человек обязан внимательно прочитать, — это книга его собственной жизни. И, собственно, есть одна книга, которая для него по-настоящему поучительна, — это книга его личной жизни.

Она одна ему открыта вполне, и — *ему одному*. Собственно, это и есть то *новое, совершенно новое в мире*, ни на что чужое *не похожее*, что он может прочитать, узнать. *Его личная жизнь* — единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается *для своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке Земля (планета) получает себе подарок. Но "подарок" этот исполнен внутренними письменами. Вот прочесть-то их и уразуметь и составляет обязанность всякого человека. И если он добр к людям, расположен к ним, если "у корыта (мир) мы все щенята", — то без церемоний и ужимок, без стыда и застенчивости, без кокетничанья скромностью он должен сказать "пороссятам у корыта": "Братья мои, вот что написано в этой книге. Вникните все и читайте меня. Может, кому понадобится. Может, иной утешится через меня в себе. И "третий добрый молодец" позабавится, — без зла, а с добрым смехом. Ибо злым смехом ни над каким человеком нельзя смеяться".

Поэтому "Уедин.", собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. "Все прочее не существенно", — и все прочее, что он мог написать или сказать, лишь частью верно; "верное" там не в его власти, не в его знаниях.

* * *

В белом больничном халате и черных шерстяных перчатках, она изящно пила чай с яблочным вареньем.

Едва открыл дверь — вся в радости.

— Что же это ты чай в перчатках?

— Я уже с 12 часов одела их. Сама, — и на больную руку сама.

Я и забыл, что больную всегда мы одевали, — я или Надя (горничн.).

Прислуга куда-то разбежалась.

— Можешь надеть на меня платье?

Я в две минуты одел серый английский костюм (сшитый для Наугейма).

— Едем.

— Подожди. Сперва к Варваре Андреевне (близ Клиники). Она меня каждый день проведывала, — и ей мой первый выезд.

Отбыли.

— Теперь едем (кататься)?

— Нет. Еще к Скорбящей (на Шпалерной).

— А кататься? Отдыхать?

— Потом уж и кататься.

(21 января 1913 г.)

* * *

Купа седых (серых) волос давала впечатление львиной головы, и когда она повернула умеренно-массивную голову, — то (так как она была против статуи Екатерины) я не мог не залюбоваться этим "Екатерининским видом" сурового, бронзового, гордого лица. Оно было прекрасно той благородной грубостью, которая иногда нравится более, чем нежность. Перейдя к плечам, я увидел, что они как будто держат царство. Муж — сухой, узкий. Второй ряд кресел, по 10 р., — должно быть, "товарищ министра" или большая коммерция. Но явно — и образование. Сколько лет? 60 или не менее 55. Но никакой дряхлости, изнеможения, рыхлости.

Я дождался, пока еще повернулась: белым скатом лебяжья грудь была открыта до "как можно". Бюст совершенно был наг, увы — неприятным или недогадливым современным декольте, которое скрывает главную прелесть персей — начало их *разделения* и оставляет видеть только один могучий скат.

— Такое ведь неприличие смотреть *внимательно* на декольте.

И я никогда не смотрел на него прямо.

Но 60 или 55 лет меня взволновали. Оттого именно, что мне казалось неприлично глядеть прямо, я был поражен удивлением, что она так декольтирована в 55 или 60.

"Однако если она открылась, то ведь, конечно, для того, чтобы *видели*. И смотреть *внимательно* на декольте не только не обижает, но скорее обижает, если не смотрят".

В первый раз мелькнуло в голову: "Америка", "эврика".

И я посмотрел прямо, как никогда. И хотя она перевела глаза на меня, продолжал смотреть прямо.

Вдруг каким-то инстинктом я провел языком по губам... По верхней губе... Раз... три... четыре... Теперь она сидела так, что мне были видны только шея и щеки. Станный инстинкт: она, как львица, полуоткрыла рот и, тоже высунув язык, провела по нижней и верхней губе и немного лизнув щеки. Я никогда не видал "в Собрании", и очень пышном, такой манеры — за всю жизнь не видал! — Но она сделала движение языком (высунув!) так, что это не было ни безобразно, ни отвратительно.

Балалайки играли "Осень" Чайковского. Звуки шептали и выли, как осенний ветер. Музыка чудная. Но эта манера неужели не взаимный сомнамбулизм? Так как нельзя поверить, чтобы она читала мои мысли. Она сидела во 2-м ряду, я — в третьем, немножко наискось и сзади. Немного вправо от нее.

Муж сидел прямо. Он сухой и прямой. Он чиновник.

К моей добродетели надо сказать, что в переполненной зале Дворянского собрания я не заметил ни одной женщины. Только эти 55 лет.

(22 января)

* * *

Я — великий методист. Мне нужен *метод души*, а не *ее* (ума) убеждения.

И этот метод — нежность.

Ко мне придут (если когда-нибудь придут) нежные, плачущие, скорбные, измученные. Замученные. Придут блудливые (слабые)... Только пьяных не нужно...

И я скажу им: я всегда и был такой же слабый, как все вы, и даже слабее вас, и блудливый, и похотливый. Но всегда душа моя плакала об этой своей слабости. Потому что мне хотелось быть верным и крепким, прямым и достойным... Только величественным никогда не хотел быть...

”Давайте устроимте Вечерю Господню... Вечерю чистую — один день из семи без блуда...

И запоем наши песни, песни Слабости Человеческой, песни Скорби Человеческой, песни Недостойнства Человеческого. В которых оплачем все это...

И на этот день Господь будет с нами”.

А потом шесть дней опять на земле и с девочками.

* * *

Христианству и нужно всегда жить ó бок с язычеством: в деревнях — бедность, нужда, нелечимые болезни, труд. Конечно, там христианство. В городах — Невский, ”такие магазины”: христианству некуда и упасть, все занято — суетой, выгодой. Но, мне кажется, об этом не надо скорбеть. Это — натуральное положение планеты. Христианство даже выигрывает от этого, потому что ”в вечной борьбе с язычеством” оно тем самым делается вечно *in statu nascentis*¹.

(на концерте Андреева в Дворянском собрании)

* * *

Первый из людей и ангелов я увидел *границу* его.

А увидеть грани, границы — значит увидеть небожественность.

Первый я увидел его небожественность.

И не сошел с ума.

Как я не сошел с ума?

А может быть, я и сошел с ума.

* * *

Какая-то смесь бала и похорон в душе — вечно во мне.

Творчество — и это, конечно, бал. Но неисполненный долг в отношении людей — ужасные похороны.

Что я им дал? Написал ”сочинения”? В ”Понимании” я тешил себя. Да и вечно (в писан.) тешил себя.

Накормил ли я кого?

Согрел ли я кого?

В конце концов действительно 10 человек согрел и кормил, — это и есть лучшая моя гордость.

¹ в состоянии зарождения (*лат.*).

* * *

— Я счастлива...

(1-й выезд из клиники. Матовое лицо. Без улыбки. И как "дело" это:— "Я счастлива". Первый раз это слово за три года. 29 января)

* * *

Самый плохой мужчина все-таки лучше, чем "нет мужчины".

И женщины бросаются.

И "самая плохая женщина есть все-таки женщина".

И мужчины — ищут.

Так произошла проституция и "совершенно невозможные браки".

(за Айсед. Дункан)

* * *

Вот две вещи совершенно между собою несходные.

Бог захотел связать их.

Тогда Он в ночи взял нечто от одной вещи и перенес в другую. А от другой нечто взял и перенес в первую.

Пробудившись, каждая почувствовала, что ей чего-то недостает. И встала и возмутилась. И почувствовала себя несчастною. Она почувствовала себя потерпевшею в мире, ненужною миру.

И стала искать "это мое потерянное".

Эти искания и есть тоска любовных грез.

Все перешло в брожение, хождение, странствование.

Все стали искать, тосковать.

— Где *мое*? Где *мое*?

— Где мой Утраченный? Где мой Потерянный?

И найдя — женщины брали и целовали.

И найдя — мужчины улыбались и целовали.

Так произошли поцелуи, и любовные, и не только любовные.

Произошли объятия, произошли вздохи.

Мир зарумянился. Мир стал вздыхать; побледнел.

Мир забеременел.

Мир родил.

* * *

Почему я, маленький, думаю, что Бог стоит около меня?

Но разве Бог стоит непременно около большого?

Большое само на себя надеется, и Бог ему не нужен, и, ненужный, отходит от него.

А маленькому куда деваться без Бога? И Бог — с маленькими. Бог со мною, потому что я особенно мал, слаб, дурен, злокознен: но не хочу всего этого.

Страхов так и не объяснил, *почему же* "мы враждуем против рационализма"¹. Изложив его мысли, "рационально изъясняющие природу" (в статье "Идея рационального естествознания"), я тоже почувствовал *в уме* и душе что-то неприятное, тяжелое и тоскливое.

Действительно — "враждуем с рационализмом", и именно и особенно разумом. Отчего? Что за загадка?

Умерщвляется всякая поэзия в природе, всякий в ней каприз и прихоть, всякое "отступление от нормы" и гений, "преступление и наказание" (а они в природе *есть*). Уничтожается картина и добродетель.

Построив так (в уме своем) "рационально природу", — плюнешь и отойдешь. "Ну тебя к черту". "Заприте сад, — никогда не пойду в него". "Спустите с цепи Шарика, — не могу его видеть".

Природа становится глубоко рациональной, но и глубоко *отвратительной*.

Облетели цветы
И угасли огни...

Природа — не дышит. Это — *труп* ее, а не она. А кто же захочет долго быть "в мертвецкой" и даже там "закурить папироску".

В "лесу из Страхова" папирки не закуришь.

А закуриваем. Т. е. природа вовсе не "из Страхова" и вовсе не "рациональна".

Вероятно, он свою идею взял "из немцев" и даже только изложил. Или "сколотил" из разных мест их объяснений, из Шеллинга, Окена или откуда-нибудь из маленьких. Эта "немецкая природа" действительно не дышит.

Итак, откуда же "тоска" ("тоска от рационализма" — по Страхову)? Да как же не быть тоске перед гробом и как не быть тоске после преступления? Раз мы умерщвляем в рационализме природу, мы, естественно, совершаем над нею преступление, хотя только в уме своем. Но самый этот ум, *который тоже жив*, возмущается, тоскует, принужденный к этому логическому препарированию живого предмета.

Нет, природа *не рациональна*. В ней есть рациональное, но это — бок ее, а — не она вся, не брюхо ее. Ньютон утром и вечером пил чай, и в этом был правилен, регулярен и рационален. Но если бы кто-нибудь, войдя сзади ночью в его комнату, указал другому на его согнутую над письменным столом спину и объяснил:

— Вот это — Ньютон, регулярнейший человек Оксфорда: ежедневно утром в 7 часов и вечером в 8 он пьет кофе. Поэтому называется "Ньютон" и считается самым добродетельным и самым мудрым человеком в городе...

...то, выслушав, мы воскликнули бы:

¹ Интереснейшее, "хватящее за сердце" его рассуждение в предисловии к "Мир как целое". *Прим. 1916 г. — В. Р.*

— Идиот. Какое идиотическое объяснение и мудрости и добродетели! Зачем ты взялся за Ньютона, когда ты мог бы объяснить его лакея, а еще лучше — как устроен тот ларь, на котором спит этот лакей!¹

* * *

Кто же научил меня крестить подушку на ночь (и креститься самому)?

Мамаша.

А мамашу — церковь. Как же спорить с ней.

(перед сном)

Я и испытываю (перекрестя подушку) это простое, непонятное, ясное: что отгоняются дурные мысли, что ко всему миру становлюсь добрее.

* * *

Только человек, помолившийся поутру и помолившийся к ночи, есть человек; до этого — животное. Усовершенствованное, обученное, но животное.

* * *

Церковь есть устроительница душ и устроительница жизней. Церковь домоводственна.

Церковь — зерно цивилизации.

(2 февраля)

Завтра 3-е вливание в вены.

* * *

Все они — сладкие и демократичные.

И безжалостные.

(педагоги нового фасона)

Н-ня, опустясь на пол и положа тетрадь на кушетку, сидела в труде. Два часа ночи.

Взял. Посмотрел.

¹Теперь, в 1916 г., думаю иначе: мозг наш — фалличен (2-й, после мозга в поясных позвонках, центр полового возбуждения, — именно через грезы, мечты), — и он, в то же время "источник разума", враждует против "рационализма", так как этот последний, будучи "чистяком", — гнушается взять в объяснение мира эту половую "нечисть". Тогда мозг чувствует себя угнетенным и тоскующим, как бы принудительно обесфосфориваемым и иссушаемым. Отсюда, при рациональных объяснениях, прямо физиологическая в нем тоска и боль, "вывих мозга". Обратное, "мистические" и "религиозные" объяснения мира и природы радуют мозг, озаряют его, кормят его, ибо в глубине и сокровении они всегда суть фаллические объяснения ("творец вещей" и "податель жизни" и т. д.).

"Теорема. Общие кратные двух чисел суть общие кратные наименьшего кратного (?? — В. Р.) двух из них и третьего числа" (!!?? — В. Р.).

(Билибин: "Теоретическая арифметика")

Не понимаю. Вчитываюсь, вдумываюсь, усиленно вдумываюсь, и не могу понять, сообразить, усвоить, что такое тут "требуется доказать" ("теорема"), — а не то уже, чтобы понять ход и сущность доказывания этой теоремы. Мне 57 лет, дочке 15; я прошел классическую гимназию и университет, она же в 7-м классе гимназии N-й.

Гимназия с курсом "естествознания", физики и химии, рациональная, — и с дикими насмешками законоучителя N над чудесами Библии и прямо с выражениями перед классом, что "в Библии рассказывается много глупого" и заведомо ложного.

Но что "я", "мы" не понимаем...

— Может быть, Мусин Пушкин¹ понимает?

Мотает головой.

— Может быть, понимает Кассо?

Тоже мотает головой.

— Но ведь вы все хорошие люди и развитые?

Обе головы утвердительно кивнули.

— Тогда отчего же то, чего не понимают министр и попечитель, должна "непреренно" знать бледненькая девочка в 15—16 лет?

* * *

Для безличного человека программа заменяет лицо. Программа вообще издали кажется лицом. Вот почему, по мере того как общество падает, вырождается, как способных людей в нем становится меньше и меньше, — программы пылают, все обряжаются в программы, — и, кажется, живешь не среди людей, а среди программ. На самом же деле и в глубине вещей программа есть просто неприличие.

Ведь программа — "не мое" на "мне". Она есть всегда плагиат и обман "на счет того лица, которое имеет программу".

Можно ли представить себе Кольцова, держащегося "партии демократических реформ"? Гоголь или Пушкин "с программой" — это что-то чудовищное. Напротив, Кутлера и нельзя себе вообразить без программы. Если он "без программы" — он ничего.

Без галстука, шляпы и вообще голый. Голый и жалкий. Без "программы" он только спит. Но, уже просыпаясь одним глазом, говорит лакею или жене: "Душечка — скорее программу!"

Вот происхождение Набоковых и Родичевых. И вот из кого состоит парламент.

* * *

Пошлость N. — это что-то *историческое*.

С кулаками, с бубенцами, с колоколами — требует ото всех, чтобы все здоровались с прислугой непременно за руку, не спросив, желает ли еще этого прислуга; и устроив у себя, чтобы эта же прислуга моментально спрятавалась за дверь, поставив кушанье заранее на особый стол сзади (т. е. сзади общего обеденного, для сидения гостей, стола). Через

¹ Попечитель Спб-ского учебного округа.

это достигается, что гости вовсе не видят прислуги, и "дом хозяйки" как бы "сам себе служит", обходясь "без рабовладельчества". Гости — каждый — берут себе жаркое на тарелки и наливают суп из кастрюли. Таким образом, достигается "братство, равенство и свобода". После обеда гости коллективно тащат доску (тесину) с надписью черною краскою и огромными буквами: *кооперация*... И я тащил, дабы хозяйке было хорошо.

Теперь читает лекции, чтобы все ели только травы, — как бы до нее не было вегетарианского стола; требует ассоциаций и назначает великому живописцу в пошлой своей пьесе играть роль дворника, в фуражке, с метлою и в грязном "пинжаке". Обращает его дивную кисть — каждый день работы которой есть национальное приобретение России — в средство иллюстрировать свои знаменитые романы, пьесы и дневники, под крикливыми заглавиями — "Почему мы рабы", "Эта" и еще что-то, из ее жизни, не то русской, не то американской. Изгоняет из писем и из многочисленных аншлагов в своем имении "Церера" буквы *ѣ, э, ъ, ь* и *і*... Это что-то такое, чему нет имени или чему имя найдется в каком-нибудь восклицании... Право, ее можно назвать "девица-О-если-бы!!!"...

При этом — полна, здорова, спокойна, уравновешенна. Никакого признака нервов. Все в высшей степени рассудительно и обдуманно.

"Бейте в *трам-трам* громко!" — "Смело входите на крыльцо от 3-х до 5-ти в среду", и Въезд на столбе ворот... Все это достойно кисти Р. или стихов Кузьмы Пруткова...

И побежденный и влюбленный Голиаф кисти рисует и рисует победившую его амазонку... всегда *почему-то со спины*... Не может не кинуться в глаза, что лицо ее, выпуклое, большое, отлитое, и через все это как бы "сутуловатое", — имеет отдаленное сходство со спиною. И он ее изображает с этой исключительно содержательной стороны, или — интересной, значительной, осмысленной, "не зачеркнутой". С единственной — которую не зачеркнул Бог. Но здесь *nota bene*, уже о художнике: что, кажется, в центре его таланта и ума лежит именно "постижение спин человеческих", — спин, поясниц, ног, — а не лица человеческого. И не в этом ли разгадка его странного порабощения.

1½ года, что я знавал их, они были моим кошмаром. Я дома все думал: "Что такое? Почему? Откуда?" И разгадки не находил и не нахожу.

.....
.....

* * *

Твердость есть отличительное качество Рцы. Прочие замечательные умы, которые мне встречались в жизни, колебались, сомневались, изменялись, росли. Рцы решительно ни в чем не изменился, не вырос, не умалился — и не переменил ни одного мнения. При этом у него были некоторые порочные мнения или, вернее, суеверия, предрассудки, навыки жизни, методы жизни, — напр., ничегонеделанье, — но он, в полном убеждении и о великих качествах этого "ничегонеделанья", при всем ужасном страдании его же самого от него и при страдании от него его горячо любимой семьи, — нисколько о нем и в нем не поколебался за 20

лет, как я его знаю, вижу, выдаю. Это можно было бы назвать "деревянностью", "застоем", "кирпичностью", и вообще это — так и есть *во всяком*; но в *Рцы* — отнюдь этого нет, и притом — в нем одном. Он ежеминутно, даже в ватере, работает умом, вечно напряжен, "руки и ноги" ума (отнюдь не физики!) в вечном движении. Его молекулярная жизнь так же напряжена, как его *anatomica* недвижна.

Tu es Petrus¹... это о нем сказано.

Камень.

И плещут на камень волны со всех сторон, но он недвижим.

И светит солнышко. А он все так же темен и непроницаем для солнца.

Мимо проезжал экипаж. Задел колесом. Разбилось колесо, разбился экипаж, вывалились люди и кричат от боли.

А камень все молчит.

— О чем ты думаешь, камень?

— Я думаю о том, что было с основания мира и что будет к концу мира. Ибо я положен здесь от основания мира. И я пролежу здесь до конца мира.

— Ты слушаешь музыку Россини?

— Да, и музыку Россини (*Рцы* ее любил).

— Ты любишь покушать?

— Да, и люблю покушать.

— Фу... оборотень, леший, лешее начало мира. В тебе Бога нет. Совести нет. Стыда нет.

— Бог есть во всем.

Так лежит он, темный, в темном углу мира. Кровать. Стол. Образ. И "Новое Время" (горой старые №№).

— Что вы в *Новом-то Времени* читаете?

— Последние сплетни.

— А образ?

— Это древние молитвы.

— И вы их сочетаете?

— Непременно. Последнюю сплетню так же необходимо знать, как необходимо знать самую древнюю молитву.

— И башмачок барышни?

— Да... Когда, оглянувшись, она поправляет подвязки и из-под приподнявшейся верхней юбки видны белые фестончики нижней юбки².

— А потом "Господи помилуй"?!

— Отчего "потом"? В то же время.

* * *

Вечное — в мгновеньях. Вечное именно — не века, не времена, не общее, а "сейчас".

Их и записывай, — как *самое важное*, что вообще увидел в жизни.

¹ Ты Петр еси (*лат.*).

² Это — не "для примера", а он подлинно — купил такую карточку, — рассказал о ней дома, и дома смеялись и пересказывали.

Почему это важно, как "студента арестовали" и "что он думал, когда его вели в полицию". Таких павлиньих перьев — сколько угодно. Но Пучку *одному* пришло на ум надписывать "поспешно" на письмах, идущих к знаменитой "Гузарчик". И это, — потому что "единственно", — достойно книги и печати. Это — прекрасная жизнь, во всем ее божественном величии. А то — сор. И я сор — пропускаю, а величие записываю.

(Как произошло "Уед.")

* * *

Вся натура моя — мокрая. Сухого — ничего.

Похож на воду синюю и грязную в корыте, в котором прачка стирала белье. Вот и во мне Бог "стирал белье" с целого мира. И очень рад. Много я узнал о мире из этой стирки и полюбил много в мире, "принюхавшись к старым панталонам" всех вещей.

* * *

Почему это важно, что "я думаю о Чернышевском"? Сегодня думаю — это п. ч. во мне мелькнула такая-то сторона его деятельности, лица и слога¹. Завтра мелькнет совсем другая сторона его же, и я напишу другое. И ни одно, ни другое не имеет иного значения, как "минуты моей жизни", и ровно нисколько не важно *для самого Чернышевского* и нисколько *его* не определяет. Ибо все мы

Се — раб, се — червь.

Но как тогда Вера радовалась найденному под подушкой пуделю (игрушка автоматическая), то вот это вообще — *было* и — *не пройдет*, как минута ее восторга. Что же *важнее*, ее восторг реальный или — то, как А. В. Тыркова начинает свою повесть рассказом об обыске у студента, — и потом, конечно, "повели" и "что он думал".

Мысли наши, как трава, вырастают и умирают. Но радости и печали суть какие-то *отлагания* в Склад Вечности.

Эти отлагания я и *записываю* в "Уед."

Все прожитое — вечно. А продуманное прошло.

* * *

Наша молодежь отчасти глупа, отчасти падшая. И с ней совершенно нечего считаться. Бриллиантики, в нее закатившиеся (или, вернее, в ней сущие), это сами хорошо понимают, тайно страдают, тайно находятся в оппозиции товариществу, и также втайне думают то же самое (т. е. "падшая").

Молодежь — в руках Изгоевых. Ну и пусть они носят ее на руках, а она носит их на руках. Эти муравьи, таскающие пустые соломинки, нисколько не интересны.

¹ В "Уедин." — о Чернышевском, м. б., верное, а м. б., и неверное.

* * *

В самом деле, писатель не должен смотреть на то, что написал много страниц; даже не должен утешаться тем, что произвел своими писаниями или своею личностью много волнения в печатном же мире, — и, наконец, даже в самой жизни, в политике или культуре. А — "что в конце концов из этого *вышло*" или "что в конце концов он *сотворил и оставил*". Это совсем иное, нежели "хорошо написанные страницы" и даже "очень хорошо написанные" и "очень много". До конца жизни писатель этим вопросом не задается. "Шуми, ветер, неси — листы: а ты, писатель, как Древо же Жизни, роди новые и новые листы". Это упоительное представление молодости сменяется другим: "А где *добродетель?*", т. е. в чем итог написанного? Иногда его нет после всего шума. Вот что хотел Страхов сказать мне надписью на портрете подаренном ("боюсь, что при всей талантливости из вас ничего не выйдет"). И я не умею о этой "добродетели" сказать ни "да", ни "нет". Скажу только доброму учителю в могилу: "Старался, Ник. Ник., — и паче всего старался за *идеализм в философии* и за *доблестную в России веру*".

(в вечер отправки портрета Страхова
в фототипию Прокудина-Горского)

* * *

Пустынная земля есть голодная земля. И земледелец, насаждая сады, засевая поле, — насыщает ее голод.

За это, что он ее насыщает, земля выкидывает ему "сам 24" колос.
Вот Деметра.

* * *

И Деметра улыбалась,
Баубасто с ней шутила.

Несколько лет уже, с тех пор как добрый Туренский (чиновник контроля, — из духовных) подарил мне III том архим. Хрисанфа — "Религии древнего мира", я заметил следующее поразительное там сообщение:

"Когда Деметра, сетовавшая о похищении дочери своей Персефоны Плутоном, пришла, разыскивая ее, в Элевзис, то Баубо, жившая здесь вместе с Триптолемом и Евмолпом, угощая богиню (подчеркиваю далее я), *поднесла ей* отвар из полбы, *χυχέωννα*; но богиня, удрученная горем, *не хотела пить его*. Тогда огорченная Баубо (слушайте! слушайте! внимайте, внимайте!) *ἀναστέλλεται τὰ αἰδοῖα καὶ ἐπιδείκνυει τῇ θεῶν* (т. е. "обнажила свои стыдливые части и показала на них богине"). Богиня *после* этого повеселела и приняла питье (Климент Александрийский в "Admonit. ad gentes"¹). Арновий рассказывает это иначе, нежели Клим. Александрийский; он говорит, что *Baubo partem illam corporis, per quam secus foemineum subolem solet prodere, facit in speciem laevigari nondum*

¹"Увещание язычникам" (лат.).

duri atque striculi pusionis, redit ad Deam tristen et reteggit se ipsam”¹ (Aglaaph., t. II, 819, 820; Хрисанф, т. III, стр. 550—551, примечание).

Перед этим — несколько выше — у архим. Хрисанфа:

”В Элевзинских и Дионисовых мистериях, — говорит с негодованием блажен. Феодорит, — τὸν τοῦ Διονύσου φάλλον ἴσμεν προσκυνουμένον καὶ τὸν κτενα (τὸ αἰδοίον) τὸν γυναικᾶίον παθα γυναικῶν τιμῆς ἁξιούμενον”².

Но ведь это, — в рассказах Клим. Ал. и Арновия, — *modus vivendi inter se virginum aeternarum sive virginum utriusque sexus?!!*³ Через миф и ”якобы шутки” Баубасто, как и в ”тайнствах Диониса”, греки выразили *admirationem, adorationem et divinationem*⁴ (богиня Деметра) этой, как мы именуем, ”аномалии” пола...

Мы же через наименование ”аномалией”, т. е. ”странностью”, ”неожиданностью”, говорим: ”Не по-ни-ма-ем”... Чтó нам ”не понятно” — они были вправе *истолковывать*. Мы же с ”не понимаем” не имеем даже права *возразить*.

Возвращаясь к ”шуткам Баубо”, мы должны отметить, что ”улыбнувшаяся” Деметра ”стала пить” вовсе не ”отвар полбы”, и последний играет роль ”для отвода глаз” ”непосвященным”, — тем именно, которым не находили возможным что-либо ”рассказывать о *содержании тайнств*”!.. Им и говорили: ”Да она пила просто полбу!”, ”отвар из ячменя!” А если бы он спросил, любопытствуя, *для чего* Баубо вышла к богине в таком странном виде и совершила неприличный жест, — то, посмотрев в глаза спрашивающему, ”посвященный” ответил бы: ”Баубо просто *шутила*”. — ”Шутила? зачем?” — ”Да потому, что была богиня *печальна*”. Таким образом, ”посвященный” отвязался бы от спрашивающего. Но замечательно, что ”улыбнулась” Деметра и утешилась от неутешного горя по утраченной дочери — *не при виде полбы, а — взглянув на странное одеяние или раздевание Баубо*... Неужели нужно еще что-нибудь говорить, чтобы разъяснить вдумчивому ”ученику”, чтó именно утешившаяся богиня начала ”пить” и каковы настоящие отношения Баубо и Деметры? Миф определенно говорит, учит, открывает, что ”пьющие эту *влагу жизни* приобщаются бессмертия и становятся небожителями”. Мысль мифа идет далее и учит о *происхождении* божественного и богов на земле: быть может, Баубо и Деметра были обе простыми и равночастными женщинами, — но равенство и сходство между ними нарушилось, когда Баубо не захотела пить и ничего у гостыи не спрашивала, — а тоскующая гостыя захотела пить и отказом от фигуральной ”полбы” показала, что она хочет другого питья. Баубо была слишком элинка и жила в элинские времена, чтобы не понять, чего

¹ Баубо, сделав ту часть женского тела, через которую появляется плод, гладкой, подобно младенцу, еще не покрытому волосами, вернулась и показала ее грустной богине (лат.).

² Мы видели фаллос Диониса, перед которым преклоняются, и женский срам — несчастье женской чести, перед которым испытывают благоговейный страх (греч.).

³ Способ существования вечных дев между собой, т. е. дев того и другого пола (лат.).

⁴ Поклонение, молитвенное обращение, обожествление (лат.).

гостья хочет. Она вышла в другую комнату, приспособилась и, вернувшись к гостю, недвусмысленным жестом ей выразила, что "согласна" и "готова".

— Гостья улыбнулась и начала пить...

В тот же момент, *как бы отделясь от земли...* она оставила Баубо внизу, а сама *поднялась в сонм олимпийских небожителей*, около Зевса, Хроноса, Урана, Геры, Гелиоса, Аполлона, получив имя поклоняемой "Деметры".

Таким — образ, миф... миф и "таинства" греческие... учили и открывали избранным и немногим, что то́, около чего мы девятнадцать веков ставим "не знаю", — существует и никакими гонениями не могло быть истреблено, ибо оно протягивает нить связи между землею и небом... И что происхождение "существа человека" не *предполагаемо* — божественно, а *фактически* — небесно и божественно, а обнаруживается это в неистребимом инстинкте людей, хотя бы очень немногих, повторять неодолимо "ни к чему не нужное", "ни из чего не истекающее", вполне "анормальное", *если не признать суть небесную в сем:* и тогда вот это *adoratio et divinatio* становится понятно, нормально и естественно.

§ 1. Но это — *есть*.

§ 2. Стало быть, — *суть небесная*.

Арх. Хрисанф ни одним словом не сопровождает сообщения Климента и Арновия. Но замечательно, что Катков в "Очерках греческой философии" тоже говорит "о шутках Баубо": но и принимает их за "шутки", "шутливость", за "игру" с богинею, не догадываясь, что под видом и зрелищем шутящей Баубо *греки излагали таинства*. Нужно бы посмотреть у С. Н. Трубецкого в "Метафизике древней Греции", да лень. М. б., мои бывшие друзья справятся.

* * *

Египтянки, провожая в Серапеум нового Аписа, заглядывали в глаза юношам и напевали из Толстого —

Узнаем коней ретивых
По таким-то их таврам.
Юношей влюбленных
Узнаем по их глазам.

Тут встретил их пьяный Камбиз:

— Из Толстого?! Запрещено! Святейшим Синодом!

И пронзил Аписа.

∞

В Мюнхене я видел останки-мумии Аписов. Увы, мертвые они были отвратительны. Чудовищные бока и страшные рога. Умерший даже архиерей не стоит живого дьячка. И вот, когда Апис пал, о нем запели:

"— Умер!.. Умер, Возлюбленный!.." — "Женщины рвали на себе одежды и посыпали головы землею" (истории религий).

Так и египтянки, вспоминая длиннокудрого Владимира Соловьева, при выходке пьяного Камбиза, — процитировали из него:

Ныне так же, как и древле,
Адониса погребаем...
Мрачный стон стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Дьякон подтягивает:

— *И ныне и присно и во веки веков.*

* * *

Что́ я так упираюсь "†"? Разве я любил жизнь?
Ужасно хорошо утро. Ужасно хорош вечер. Ужасно хорош "встреч-
ный человек при дороге".
И мои три любви.

*(на Забалканском, дожидаясь трамвая; собираемся в Са-
харну) (яркое солнечное утро)*

* * *

Пьяный сапожник да пьяный поп — вся Русь.
Трезв только чиновник, да и то по принуждению. От трезвости он
невероятно скучает, злится на обращающихся к нему и ничего не делает.

*(на полученном письме со стихотворением; любящее)
(в трамвае на Забалканск)*

* * *

...да ведь и оканчивается соском, как в обыкновенном детском
"рожке" ("выкормили ребенка *на рожке*"). Даже снизу углубленьице есть
— для положения языка: чего нет в детской соске.

Приспособленность, соответствие, сгармонизованность — бóльшая,
чем в необходимейшем питании детей. *Для чего?*

5000 лет смотрели и не видели. Розанов увидел. Первый
.....Какое изумительное открытие Небесной Гармонии.

(на пути в Сахарну)

* * *

Никогда не упрекайте любовь.

Родители: увидите ли вы любовь детей, не говорите им, что еще "не
пришла пора любить". Они любят и, значит, любят, и — значит, пришла
их "пора". Та другая, чем была у вас, "пора", и она вам неизвестна, ибо
вы другого поколения, и другой души, и других звезд (гороскоп).

И вы, дети, когда уже бородаты и кормите своих детей, не смейте
делать изумленных глаз, увидев, что отец или мать начали опять зару-
мяниться. Не отнимайте радости у старости. Ибо Сааре было 90 лет,

когда она услышала: "У нее родится сын". И засмеялась. Но Бог услышал, как она засмеялась за дверью, и сказал мужу ее, столетнему (Аврааму): "Чего она смеется: хоть 90 лет, жена твоя родит от тебя младенца, и произойдет от нее множество народа".

Ей уже не хотелось: но *теперь* она захотела, видя и узнав от мужа, что захотелось Богу.

Ибо Он — Великий Садовод. И не оставляет пустою ни одну кочку земли. И поливает бесплодное, и удабривает каменистое, и всему велит производить семя.

Верьте, люди, в Великого Садовода.

И, страшась отмщения Его, ибо Он мститель за поруганную любовь, никогда не улыбайтесь о ней.

Услышите ли о ней, увидите ли — благословите и останьтесь серьезны.

Что бы и когда ни слышали — не улыбайтесь.

Ибо улыбнуться о ней — значит лишить любовь надежд. Между тем любовь есть уже надежда, а надежда есть уже любовь к тому, на что надеется.

И не отнимайте крыл у любви: она всегда летит. Она всегда ангел, и у всякого.

(10 мая; услышав рассказ о Джорж Элиот и Т.; дай Бог обоим счастья)

* * *

Я отрастил у христианства соски...

Они были маленькие, детские, неразвитые. "Ничего".

Ласкал их, ласкал; нежил словами. Касался рукой. И они поднялись. Отяжелели, налились молоком.

Вот и все.

(моя роль в истории) (7 мая; жду возле Технологического трамвая) (сборы)

* * *

"У нее голубые глаза", — сказал древнейший завет о любви, и насадил для нее рай сладости.

— Нет, глаза у нее черные, — сказал второй завет о любви. И указал ей могилу.

С тех пор любят украдкой, и тогда счастливо. А если открыто, то "все уже сглазили".

(8 мая, вагон; едем в Сахарну)

* * *

Целомудренные обоняния...

И целомудренные вкушения...

Те же в лесу, что здесь.

И если в лесу невинны, почему виновны здесь?

(вагон; близ "Барановичи"; 9 мая)

В САХАРНЕ

В тускло-серо-голубом платице, с низким узким лбом, с короткими, по локоть, рукавами и босая, девушка подходила ко мне навстречу, когда я выходил к кофе, со спичками, портсигаром и пепельницей ("ночное"), и, сблизившись, — нагнулась низко, до руки, и поцеловала руку. Я света не взидел ("что"? "как"?). Она что-то сказала учтиво на неизвестном мне языке и прошла дальше ("что"? "зачем"?). Выхожу к Евгении Ивановне:

— Что́ это?

Она с мамочкой. Уже за кофе. Залилась смехом:

— Ангелина. Я выбрала ее из села в горничные. Мне показалось — она подходит. В ней есть что-то тихое и деликатное. Крестьянка, но, не правда ли, и немножко фея?

"Немножко"...

Голоса ее я никогда не слышал. Она ни с кем не заговаривала. Она только отвечала, когда ее спрашивали, — тем певучим тихим голосом, каким приличествовало. И вообще в ней все "приличествовало". Евгения Ивановна умела выбрать.

— Поцеловала руку? Но это же обычай, еще из старины, когда они были помещичьи. Я оставила, так как обычай ничему не вредит и для них нисколько не обременителен.

"Не обременителен"? Значит, — я "барин"? В первый раз почувствовал. "В голову не приходило". Но, черт возьми: до чего приятно быть "барином". Никогда не испытывал. "Барин". Это хорошо. Ужасно. "Не обременительно". Она же вся добрая, у нее нет другой жизни, чем с крестьянами, — и если говорит, что "не обременительно", то, значит, так и есть. Разве Евгения Ивановна может угнетать, притеснять, быть груба. "Господи!.."

Но я слушаю сердце.

Эта так склонившаяся передо мной Ангелина, так покорная, вся — "готово" и "слушаю", — но без унижения, а с каким-то тупым непониманием, чтобы тут содержалось что-нибудь дурное и "не как следует", — стала вся, "от голых ножек" до русо-темных волос (ах, на них всех — беленький бумажный платочек), — стала мне необыкновенно миньютюрна, беззащитна, "в моей воле" ("барин"), — и у меня сложилось моментально чувство "сделать ей хорошо", "удобно", "чтобы ее никто не обидел" и чтобы "она жила счастливая". Была "чужая". "Не знал никогда". Поцеловала руку, скромно наклонясь, — и стала "своя". И — "милая". Привлекательная.

Ее недоумевающие глазки в самом деле были привлекательны.

Я еще дрожал, когда и в следующие разы она наклонялась и целовала руку. Но не отнимал. Всякий раз, как поцелует руку, — у меня приливалось тепла в грудь.

— Ангелина! Ангелина! — неслось по комнатам. И Евгения Ивановна говорила что-то на непонятном языке ("выучилась по-тутошнему для удобства"). После чего Ангелина куда-то уходила, к чему-то спешила.

Решительно, без Ангелины дом был бы скучнее. Она — как ангел. И неизменно — этот робкий и вежливый взгляд глаз.

— Ангелина! Ангелина! — Решительно, мне скучнее, когда я не слышу этого несущегося голоса. А когда слышу — "все как следует".

"Домочадцы"?

Она не член семьи, ничто. Кто же она? "Поцеловала руку". Так мало. Евгения Ивановна говорит, что "ничего не стоило". Но во мне родило к этой безвестной девушке, которую никогда не увижу и никогда не видал, то "милое" и "свое", после чего мы "не чужие". Не чужие... Но разве это не цель мира, чтобы люди не были "чужими" друг другу? И ради такого сокровища разве не следовало "целовать руку"? Да я, чтобы "любить" и "быть любимым", — за это поцелую что угодно и у кого угодно.

* * *

"Мы соль земли".

— Да, горькая соль из аптеки. От которой несет спереди и сзади.

(*"наша молодежь"*)

Да: устроить по-новому и *по-своему* отечество — мечта их, но, когда до "дела" доходит, — ничего более сложного, чем прорезать билеты в вагонах, не умеют. "Щелк": щипцы сделали две дырочки, — и студент после такой "удачи" вручает пассажиру его билет.

* * *

— Сердит. Не хочу слушать лекции.

— Вы на каком?

— На медицинском.

— Как же вы будете прописывать лекарства?

Помолчав:

— Я от всего хину.

(*студ. забастовки*)

* * *

Игорный дом в Храме Божиим.

(*духовенство и роль его в браке*)
(*еще семейная история в Шерлоке Холмсе*)

* * *

Самое семя души нашей сложно.

Т. е. не факты и состояния "теперь" противоречивы; а "из чего мы растем" уже не было 1) "элементом азотом" или 2) "элементом кислородом", а — семенем:

— Жизнью.

— Противоречием.

Жизнь есть противоречие.

И "я", хотя выражено в одной букве, включает весь алфавит от "А" до "У" <ижица>.

В мамочке, однако, этого нет: за 23 года — она *одно*, и мне кажется это одно — благородным монолитом. Она никогда не изменялась и не могла бы *измениться*; я думаю, "изменение себя" привело бы ее в моральный ужас и она бы покончила с собой.

И еще я знал 2—3 примера людей "без противоречия" (в себе).

* * *

Не понимает книги, не понимает прямых русских слов в ней, а пишет на нее критику...

Вот вы с ними и поспорьте "о браке". Человек не знает самого предмета, самой темы: и в сотый раз переписывает или "пишет" семинарскую путаницу, застрявшую у него в голове.

И никогда не скажет: "Бедная моя голова". Куда: все они "глаголют", как Спаситель при Тивериадском озере, так же уверенные в себе.

(читаю свящ. Дроздова в "Колоколе" об "Опав. листьях")

* * *

— Вам нравится этот цветок? (Евгения Ивановна).

— Колокольчик?.. Наш северный колокольчик?

— Вы не умеете глядеть. Всмотритесь.

Я взял из ее рук. Действительно, несколько другое строение. А главное — цвет: глубокий синий цвет, точно глубина любящих глаз женщины. И весь — благородный, нежный, точно тянущий душу в себя.

— Я думаю, наши молдаванские хижины красятся особенно охотно в синий цвет в подражание этому цветку. Это — *delphinium*.

И Евгения Ивановна повертывала так и этак цветок, забыв меня и впиваясь в него.

Небольшие ее глазки лучились из-под ресниц, и вся она лучилась сама какою-то радостью навстречу цветку. Она вообще лучающаяся.

Горькое не живет на ней.

Кислого нет возле нее.

Нет дождя и грязи.

Она вся пшеничная. И этот чистый хлеб "на упитание всем" живет и радуется.

"Счастливая женщина".

Как гармоничен их дом, в окрасках, в величине. Цвета — белый (преобладающий), синий (полоса по карнизам) и темно-зеленый (пол и стены в прихожей, т. е. нижняя половина их, дощатая). В прихожей

— соломенники по стенам (предупреждающие трение повешенного платья). Да и золотистый цвет крупной, толстой соломы — прекрасен.

На подъезде — из песчаника 2 "сказочные фигуры": птицы и зверя. С первого взгляда — безобразно, но как это "народные изделия" — то необъяснимо потом нравятся вам, чаруют, притягивают.

Ведь все "народное" — притягивает.

* * *

В собственной душе я хожу, как в Саду Божиим. И рассматриваю что в ней растет — с какой-то отчужденностью. Самой душе своей я — чужой. Кто же "я"? Мне только ясно, что много "я" в "я" и опять в "я". И самое внутреннее смотрит на остальных, с задумчивостью, но без участия.

* * *

...поправил. Переписала и порвала свое на мелкие-мелкие кусочки и бросила в корзину. Я заметил.

Ночью в 2 часа, за занятиями, я вынул. Сложил. Мне показалось днем, что сказало что-то удивительно милое, в сущности, к посторонней женщине, говорящей с затруднением по-русски (шведка, массаж).

"Милая дорогая Анна Васильевна¹, здравствуйте! Каждый день [в] два часа² я бываю [душою] с вами. Рука моя³ [опять] тяжелая становится. Очень, очень скучаю по вас. Доехала [в Бессарабию] хорошо, не устала, местность [здесь] чудная, удобства все есть. Хозяева ласковы, жары [пока] нет, только сильный ветер, что мешает быть на воздухе, но это скоро пройдет. Простоквашу кушаю натошак. Зелени [тоже] много. Стол свежий и легкий. Стул [имею] без слабительного, [желудок и кишки] действуют. Взвесилась. 3[4] пуда 6 фунтов. Каждую неделю буду взвешиваться. Можно много быть ["одинокой" — зачеркнуто] одной, чему я очень рада. Из общих знакомых увидите, — если вспоминают меня, — пожалуйста, им привет передайте. Надеюсь, вы напишете о себе, где будете [летом жить]. Не забывайте меня, которая очень вам благодарна и [зачеркнуто: любящая вас] уважающая и любящая пациентка

Варвара".

Увидала (проснувшись). Рассердилась:

— Какую ты все чепуху делаешь.

Не ответил. Почему "чепуха"?

Почему выдумывать (повести, романы) — не "чепуха", а действительность — "чепуха"?

Мне же кажется "состриженный ноготок" с живого пальца важнее и интереснее "целого" выдуманного человека. Которого ведь — нет!!!

Все, что есть, — священо.

И как я люблю копаться в этих бумажках, откуда "доброе движение моей Вари к массажистке" никогда не умрет (теперь) через Гутенберга...

¹ Макокен, из Стокгольма, — приехала в Спб. лет 10 назад.

² Час массажа в Спб., когда приходила Анна Васильевна.

³ "Больная" — полупараличная после удара.

— которым, пожалуй, только не умели воспользоваться. Нужно *рукописно пользоваться печатью*, — и тогда она "ничего себе", "кой-чему служит".

* * *

"— Посмотрите, коровы: ни одна не пройдет, чтобы *не протащить спины своей* под этими спустившимися низко ветвями дерев..." (*Евгения Ивановна*).

Я ахнул. "В самом деле". Ведь и я это замечал, но никогда себе не выговорил, а посему и не знал. Но, действительно: вверху, против окон, по плоскогорию проходили коровы, и так "любовно" что-то было у них, когда сучья почти скребли у них спину или ветви хлестали ее. Между тем деревья были в линию, и коровы могли бы пройти без "этого"... "некоторого затруднения". Они *пролезали под ветвями*, — явно.

— Не понимаю, — сказал я Евгении Ивановне.

— Есть странности у животных... манеры, что-то "в крови" и, вернее, "в породе". Например, — козочки: инстинкт встать на самое узенькое, маленькое место, где чуть-чуть только можно поставить 4 копыта рядом. 4 точки: и тогда она стоит долго на одном месте — с явным удовольствием.

Действительно. Это что-то художественное. У животных есть некоторые движения, позы маленькие, явно имеющие в себе пластику и без всякой "пользы".

* * *

Если предложить "подать мнение о предмете спора" двум одинаково темным и злым господам и еще третьему, *подчиненному* им обоим (какой-то знаменитый "учитель семинарии", — будто нет профессоров Академии), то подано будет, конечно, "согласное мнение". Чтобы проверить такую аксиому, можно было и не тревожить Антония с Никоном, — причем первый из них прошел только Духовную академию, но *вовсе не был в семинарии*, где и проходится весь серый и скучный и очень важный матерьял богословия (напр., где прочитывается с пояснением весь *сплошной текст Св. Писания*), и другой был только в семинарии, но не был в Академии и, след., слаб в методе философско-богословского рассуждения...

И разве в распоряжении духовной власти не было Бриллиантова и Глубоковского? Да для чего же тогда вообще, не для таких ли вот случаев, и существуют и учреждены Духовные академии? Но их *избегали*, — и не понятно, чего тут смотрел В. К. Саблер: это и была минута для вмешательства светской власти, блюдущей *справедливость и необижаемость* среди слоев и корпораций и переслоек духовенства. То-то *заранее* уже академиков "сокращают" и "презирают", чтобы "разгуляться нам" и в догматах, и в философии, после того как "мы" сто лет только наживались в консисториях.

Просто какое-то вырождение. И все эти вырождающиеся "корректно" избраны и поставлены на должность...

Что тут поделаешь, молчи и плачь.

(история с Булатовичем)
(21 мая 1913 г.)

* * *

Итак, по литературе — русские все лежали на кровати и назывались "Обломовыми", а немец Штольц, выгнанный "в жизнь" суровым отцом, делал дела и уже в средних летах ездил в собственном кабриолете.

Читали, верили. И сложили студенческую песенку:

Англичанин-хитрец,
Чтобы силу сберечь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик,
Коль работать невмочь,
Запевал про родную дубину.
Эй, — дубинушка, — ухнем.
Эй, родимая,

Субики слушали нас в университете, переписывали фамилии и доносили ректору, — который "по поводу неблагонамеренности" сносился с другими ведомствами, — по преимуществу внутренних дел. Так "писала губерния"...

Студенты были очень бедны и томительно ждали стипендий или искали частных уроков. Они были в высшей степени неизобретательны, и к ним действительно применим стих, что, "кроме как тянуть *Дубинушку*, — они ничего не могут".

И никогда "всемогущий Плевэ" не сказал Боголепову, а "всемогущий гр. Д. А. Толстой" не сказал московскому генерал-губернатору, добрейшему князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, или ректору Николаю Саввичу Тихонравову:

— У вас студенты на лекции не ходят, — скучают; поют полную упреков *Дубинушку*. Послушайте, командуйте из них пятьдесят человек, они будут получать по 50 р. в месяц, "вместо стипендий", и я их отправлю в Людиново, на Мальцевские заводы (на границе Калужской и Орловской губерний) — составить "Описание и историю стеклянного производства генерал-адъютанта Мальцева", — с портретом основателя этого производства, генерала николаевских времен Мальцева, и с непременно сборником всех местных анекдотов и рассказов о нем, так как они все в высшей степени любопытны и похожи на сказку, былину и едва умещаются в историю. Это ведь *местный Петр Великий*, который даже во многом был удачнее того большого Петра Великого.

"Другие 50 студентов будут у меня на Урале изучать чугуноплавильное и железоделательное производство на Урале, — Демидова.

Еще третьи пятьдесят — Строганова.

Еще пятьдесят — ткацкую мануфактуру Морозова.

И, наконец, в поучение покажем им и черное дело: как русские своими руками отдали нефть Нобелю, французам и Ротшильду, ни кусочка не оставив себе и не передав русским".

Воображаю себе, как на этот добрый призыв министра отозвался бы мудрый Ник. Сав. Тихонравов, Влад. Андр. Долгоруков, а радостнее всех — студенты, изнывающие в безделье, безденежье и унижительном нищенстве ("стипендии"), гниющие в публичных домах и за отвратительным немецким пивным пойлом.

Проработав года три над книгами, в архивах заводов, в конторах заводов, на самих заводах, они вышли бы с совсем другим глазом на свет Божий:

— Какой же там, к черту, "Обломов" и "Обломовка": да этот генер. Мальцев в глухих лесах Калужской губернии создал под шумок почти Собственное Королевство, но не политическое, а — Промышленное Королевство. Со своими дорогами, со своей формой денег, которые принимались везде в уезде наряду и наравне с государственными "кредитками", со своими почти "верноподданными", подручными-министрами и т. д. и т. д. Он сделал все это на полвека раньше, чем появились Крупп в Германии и Нобель в Швеции. А его *личная, человеческая, анекдотическая и романтическая*, сторона так художественна и поэтична, что это ей-ей... одна из заметных страниц русской истории. Да даже и не одной русской, а общечеловеческой...

Знал ли об этом Гончаров, Гоголь? Что же такое их Обломов, Тентетников, — и "идеальные примеры купца Костонжогло и благотельного помещика Муразова", которым "в действительной жизни не было параллели, и они вывели воздушную мечту, чтобы увлечь ленивых русских в подражание" (résumé критиков и историков литературы).

В *этом отделе своем*, довольно обширном, как русская литература была плоско глупа! Ударилась в грязь. Воистину "онанисты, занимавшиеся своим делом под одеялом", когда в комнате ходила красивая, тельная, полная жена и хозяйка дома, которую онанист-супруг даже не заметил.

Вот — литература.

Вот — действительность.

А еще туда же "претензии на реализм". Да вся наша литература "высосана из пальца", но *русской земли и русской деятельности* даже не заметила. И Островский, и Гончаров, и Гоголь. Все занимались любовью, барышнями и студентами. "Вязали бисерные кошельки", — как супруга Манилова, — когда вокруг были поля, мужики, стада, амбары и, словом, целая "экономия".

* * *

Несомненно, когда умер Рцы, — нечто погасло на Руси...

Погасло — и свету стало меньше.

Вот все, что могу сказать о моем бедном друге.

Его почти никто не знал.

Тогда как "умер бы Родичев" — и только одной трещоткой меньше бы трещало на Руси.

И умерло бы семь профессоров Духовных академий — освободилось бы только семь штатных преподавательных мест в Духовном ведомстве.

И умер бы я?

Не знаю.

(22 мая)

* * *

Никто не смешает даже самый
великолепный кумир с существом
Божеским и божественною истиною.

Сицилианцы в Петербурге, стр. 230

...религия вечно *томит* душу; религия, судьба, наша маленькая и бедная судьба, горе ближних, страдание всех, искание защиты от этих страданий, искание помощи, искание "Живого в помощи Вышнего"...

Боже, Боже: когда лежишь в кровати ночью и нет никакого света, т. е. никакой осязательный предмет не мечется в глаза, — как хорошо это "нет", п. ч. Бог приходит во мгле и согревает душу даже до физического ощущения теплоты от Него, — и зовешь Его, и слышишь Его, и Он вечно *тут*...

Отчего же люди "не верят в Бога", когда это так ощутимо и всегда?..

Не от "кумиров" ли наших: взглянув на которые — *знаешь*, что это не "моя Судьба" и не "кто-то тут ночью возле тебя"...

Провидение...

Опять, глядя "на образ", — скажешь ли: "Он — мое Провидение"?

А ведь чувство Провидения почти главное в религии.

Посему, любя, и бесконечно любя, наши милые "образки", наши маленькие "иконки", и так любя зажигать перед ними свечи, вообще нимало их не отрицая и ничего тут не колебля, я спрашиваю себя: не был ли этот "византийский обычай" (собственно *икон* нет в католичестве, где — лишь "не молитвенные" картины), — не был ли он причиною понижения в стране, в населении таких колоссально важных ощущений, как Провидение, Промысл, Судьба: без которых вообще какая же религия? И не оттого ли, едва в обществе (образованном) потерялась связь с "иконами", — потерялась и "с Богом связь" (*religio*), потерялась "верность поста́м" (очень у нас нужная и хорошая) — потерялась и "верность *совести, долгу*".

Вообще чрезвычайная осязательность и близость "божеского", — "вот у нас в углу стоит", — прекрасная и глубокомысленная в *одном отношении*, не была ли, однако, причиною страшного ослабления других отдаленных и громадных религиозных чувств, тоже важных, необходимых, "без которых нельзя жить и не хорошо жить".

Пусть подумают об этом мудрецы: Щербов, А. А. Альбова, Флоренский, Цветков, Андреев. Я не знаю, колеблюсь; спрашиваю, а не решаю.

(за корректурой "Сицилианцев в Петербурге", — о театре и "подобиях" у евреев. Вчера, в вагоне, смотрел, как татарин, наклонясь к свету, читал утром свой Коран, или — молитвенник, вообще большого формата тетрадь толстую. Он ее читал громко, ни на кого — в купе II класса — не обращая внимания. Вот этого за всю жизнь я не видал у русских; никакой Рачинский и Новоселов этого не делают, т. е. не имеют этого усердия, этого сейчас и перед лицом всех людей смелого, нестесненного усердия). (Все мы "крестимся под полюю")

* * *

Кабак — отвратителен. Если часто — невозможно жить. Но нельзя отвергнуть, что изредка он необходим.

Не водись-ка на свете вина,
Съел бы меня сатана.

Это надо помнить и религиозным людям, — и религиозно, бытийственно допустить минутку кабака в жизнь, нравы и психологию.

А потом — опять за работу.

∞

— Едем на тройке кататься.

— Собираемся в компанию.

— У нашей тети — крестины.

И все оживляются. Всем веселее. *Ей-ей, на эту минуту все добродетельнее*: не завидуют, не унывают, не соперничают по службе, не подкапываются друг против друга. "Маленький кабачок" — не только отдых тела, но и очищение души. И недаром saturnalia завелись даже в пуристическом Риме, где были все Катоны.

— Ты нас Катонем не потчуй, а дай Петра Петровича (Петуха) с его ухой.

Вот "русская идея". Часть ее.

(на пакете с корректурами)

* * *

Мережковские никогда не видали меня иначе чем смеющимся; но уже его друг Философов мог бы ему сказать, что вовсе не всегда я смеюсь; Анна Павловна (Ф-ва) и вовсе не видала меня смеющимся. Но Мережковские ужасные чудаки. В них и в квартире их есть что-то детское. Около серьезного, около науки и около кой-чего гениального в идеях (особенно метки оценки М-ким критических, переламывающихся моментов истории) — в общем, они какие-то дети (кудесники-дети), — в непонимании России, в разобщении со всяким "русским духом" и вместе (суть детей) со своей страшной серьезностью, почти трагичностью в своих "практических замыслах" (особенно "политика"). Димитрий Сергеевич всегда спешит с утра уехать скорей на вокзал, чтобы "не опоздать к поезду" (всегда только за границу), который отправляется еще в 5 часов дня, и только Зинаида Николаевна его удерживала от "поспешного бегства на вокзал". Он с мукой и страхом оставался... ну, до 3 часов, но никак уже не долее. За два часа до отхода поезда он уже абсолютно должен сидеть на вокзале. Ну, хорошо. Вдруг такой-то "опытный человек" говорит, что надо все в России перевернуть приблизительно "по парижским желаниям". Или — реформа Церкви, "грядущее Царство Св. Духа". И хлопчут, и хлопчут, Зин. Ник. — "вслед", Фил-ов — "сбоку", Мережковский — всех впереди: когда "улучшения развода" нельзя вырвать у этих сомов. Сомы. А те говорят о "реформе". И я посмеиваюсь,

входя в комнату. Они думают: "Это у Розанова от сатанизма", а я просто думаю: "Сомы". Сом — один Сергей, сом — и другой Сергей. А уж в Соллертинском два сома. Тут — Тернавцев, а у него морская лодка (яхта): какая тут "реформа Церкви"? Но, любя их, никогда не решался им сказать: "Какая реформа, — живем помаленьку".

* * *

"Единственный глупый на Сахарну еврей (имя — забыла) раз, жалуюсь мне на крестьян здешних, воскликнул:

— Какое время пришло? — Последнее время! До чего мужики дошли — справки нет, и я, наконец, поднял кулаки и крикнул им: "Что же вы, подлецы этакие! Скоро придет время, что вы (православные крестьяне) гугли (еврейское сладкое кушанье в субботу) будете кушать, а мы, *евреи*, станем *работать?!?!*"

Это он воскликнул наивно как подлинно дурак: но в этом восклицании — весь еврейский вопрос".

Т. е. мысль и надежда их — возложить ярмо всей тяжелой, черной работы на других, на молдаван, хохлов, русских; а себе взять только чистую, физически не обременительную работу и — распоряжаться и господствовать.

(рассказ Евгении Ивановны)

* * *

До так называемого "сформирования" девушки (термин, понятный начальницам женских учебных заведений) — закон и путь ее (девушки), и заповедь, и требование от нее — *сохранить девство*. Потому что она уготовливается. А после "сформирования" путь и закон ее — "с кем потерять девство". Потому что уже готова.

(Отсюда любовь, и искание, и тревога.)

К этому "течению Волги" должны приспособляться церковь, общество, законы, родители. Само же течение Волги ни ради чего не изменяется. Это "канон Розанова" для всего мира.

* * *

Раз он поставлен на чреду заботы о заповеди Господней: то он должен на селе, в околотке, в приходе недреманным оком наблюдать, чтобы ни одно зерно не просыпалось и не было унесено ветром, но "пало в землю и принесло *плод*" и — ни один уголок поля не остался незасеянным. Как кварталный стоит на перекрестке 2-х улиц и говорит возам "направо" и "налево", так священник должен бы стоять у входа и выхода бульваров и говорить: "Не сюда, не сюда, а — в семью", и — не для луны и звезд и тайных поцелуев, а — в домашний уголок, для благообразной и обычной жизни.

Выдача замуж дев — на обязанности священника.

И за каждого холостого мужчину священники будут отвечать Богу.

* * *

Отсутствие государства и врожденная к нему неспособность, как и отсутствие отечества и тоже неспособность "иметь свое отечество", и есть источник индивидуального могущества евреев и их успехов во всех странах на всех поприщах. Та колоссальная энергия и неизмеримое по протяженности прилежание, какое русские и французы тратили на своих "Петров" и "Людовиков", на "губернии" и "департаменты", на канцелярии и статское советничество, — евреями никуда не была израсходована: и брошена в частные дела, частную предприимчивость. И в то время как у нас в каждом личном деле "теплится свечечка", у них — пылает костер. Каждый из нас с "стыдливой фиалкой в руках" — у них пунцовый пион. Ноги их длиннее, зубы их острее, у каждого 5 рук и 2 головы: потому что он не разделен на "себя" и "Людовика", а весь ушел только в "себя".

* * *

Евгения Ивановна сказала мне удивительную поговорку молдаван:
"Когда женщина свистит — Богородица плачет".

* * *

Да не воображайте: попы имеют ту самую психологию "естествознания" и "Бокля", как и местный фельдшер, и в самом лучшем случае — земский врач. И только это обернуто снаружи богословской фразеологией, которую ему навязали в семинарии.

(в Сахарне, думая о попе, лишившем все многолетние сожительства без венчания — причащения. Между прочим, он уничтожил местный церковный хор, сказав, что к нему "примешиваются и блудницы". Когда Евгения Ивановна заступилась за них и за хор, он этих пожилых и босых баб в ответном ей письме обозвал "примадоннами". В то же время во всем уезде только он один выписывает "Сатирик-кон" и заложил огромный фундамент для строящегося своего дома)

* * *

"Наша школа — тупа. И способные люди ее не воспринимают, а просто разрывают с нею. Через это выходит, что все тупые люди у нас суть "окончившие курс" и "образованные", а люди действительно даровитые — без диплома и никуда не пропускаются в жизнь, в работу, в творчество. Они "на побегушках" у "тупых дипломированных людей".

Евгения Ивановна сказала это как-то лучше, талантливее. Рассказала это как заключение к рассказу о своем умершем брате — вдохновенном и предприимчивом дворянине-землевладельце, но который, кажется, не был в университете, "потому что не мог кончить в гимназии". Обыкновенная история, еще со времен Белинского. У нас почти вся история, все пламенное в истории, сделано "не кончившими".

”Тупые образованные люди” заняли теперь почти все поле литературы; составили бесчисленные ученые статьи в ”Энциклопедию” Брокгауза и Ефрона. О ”тупых образованных людей” разбивает голову бедный Цветков (который, однако, наговорит им много комплиментов).

Шперк говорил мне: ”Я вышел из университета (юридический факультет в Петербурге) потому, что *не мог принимать в свою живую душу мертвое содержание профессорских лекций*”.

Слова эти буквальны. Меня так поразило, когда он сказал это. Как поразила сейчас формула Евгении Ивановны. Евг-ия Ив-на пошла учиться ”духу и красоте” у крестьян, училась у молдаван, училась у наших (Казанск. губ.). Шперк, с отвращением отвернувшись от профессоров, начал ходить и *смирненно, кротко* учиться у биржевого маклера (Свечин, — издал под псевдонимом *Леднева* ”Кристаллы человеческого духа”).

О, как понятно, что с этими господами (профессора) ”расправились” студенты и в конце концов отняли у них университет. И бросили его в революцию. Ибо воистину революция все-таки лучше, чем ваше ”ни то ни се”, ”революция из-под полы” и ”на казенный счет”...

Когда же пройдут и *кончатся* эти ”тупые образованные люди”, которых у нас и повсюду так же много, как селедок на Ньюфаундлендской мели, коих весь свет ест и никак не может их съесть?..

.....

* * *

Вот идет моя бродулька с вечным приветом...

[— ”Ты ушел, и как стало скучно без тебя. Я спустилась”.]

Уходит и, оборачиваясь, опять улыбнулась: волосы стриженные, некрасивые, — широкий полотняный халат тоже некрасив; и палка, на которую опирается и которою стучает.

Что-то бессмертное мне мелькнуло. П. ч. это бессмертно. Я почувствовал.

Вечное благословение. Она всегда меня благословляет, и вот 20 лет из уст ее — нет, из ее улыбки, п. ч. она ничего не говорит, — идет одно благословение.

И под этим благословением я прожил бы счастливо без религии, без Бога, без отечества, без народа.

Она — мое отечество. Улыбка, отношение человека.

И я был бы *вполне счастлив*, если бы был достоин этого благословения. Но в тайне души я знаю, что его недостоин.

(Занимаюсь в домашнем музее Евгении Ивановны, в нижнем полуподвальном этаже, очень уютном и изящном. Музей — молдаванской старины и деревенщины)

* * *

Мысль о вине Б. против мира моя постоянная мысль.

(26 мая 1913 г.)

Что это за мысль? Откуда? В чем даже она состоит?

Туман. Огромный туман. Но от него $\frac{3}{4}$ моей постоянной печали.

* * *

Церковь *возникла, сложилась* и долго росла и сияла, и собрала все свои добродетели и разум до книгопечатания и обходясь — без книгопечатания. Это — *до-книгопечатания-явление*. Не есть ли ошибка поэтому, что, когда появились орудия и формы книгопечатания, — церковь также потянулась к ним? Как священник "необъяснимо" перестает быть им, переодеваясь в сюртук (*ужасное впечатление от Петрова, когда он, смеясь и лукавя и пытаясь скрыть неловкость, — появился в сюртуке на "чествующем его обеде"*), — так "необъяснимо" что-то теряет "печатающий свои сочинения" иерей, епископ etc.

Конечно, есть *призвания* и среди них, которые не могут не печататься, — "врожденные писатели", которые не могут не принять этого рока. Но таковых, очевидно, немного, и притом очень немного.

Было бы печально и бедственно, если бы и Флор. не писал. Вообще тут "судьба" и "общий путь".

Но и его надо обдумать. Очевидно, "церковь" чем меньше пишет и печатается, тем полнее она сохраняет свой древний аромат *дела и факта*. Факта около больного, около умирающего, около гроба, около купели, возле роженицы ("наречение имени отрочу"), возле любви (брак, венчание).

Оставив слово публицистам.

Которые ведь тоже несут страшный рок: остаться вечно с *одним словом*.

Одно слово...

Одни слова...

Бедные писатели не понимают судьбу свою: что "заболели зубы" — и читательница откладывает в сторону "симпатичного Чехова".

* * *

— Вы хотите с меня снять портрет, вы пошлете его Царю и Он нам землицы даст?

(цыганка старуха с красавицей дочерью, когда с нее снимали в степи "домашнюю фотографию", — спросила Андрея Константиновича) (он снимал)

* * *

Русские — вечные хлысты, невесты... Говоря миссионерским языком, "грязная девчонка" лежит в основе всех наших европейских увлечений. "Жди дружка *издалека*", — говорит народная поговорка девушкам. Никогда "жених" не отыщется под боком, в соседстве. Это и у растений с "перелетною пыльцою", когда органы другого пола тут же, на одном экземпляре растения, но крепко запертые (особые приспособления, например *неодновременное созревание органов мужских и органов женс-*

ких). *Настоящий* жених, бесконечно кружащий голову, всегда "залетит издали" и в высшей степени (для нашего глаза) случайно.

В этом отношении интересна история родителей Фомы Бекета (у Августина Тьери: завоевание нормандцами Англии): не зная английского языка, туземка, из Сирии, приехала на корабле (спрятавшись) в Лондон и здесь родила зачатого от крестоносца-воина-англичанина младенца мужского пола (Фома Бекет).

Тоже свадьба Сикó (Цынагамарова — грузин) с еврейкою (абсолютно случайная встреча в вагоне; у матери еврейки вытащили кошелек с деньгами; она заняла у матери Сико — в Тифлисе "пришлось отдавать"; но уже в вагоне юноша и девушка молча слюбились; и когда евреи вернулись в Варшаву, "Ривка" бежала от родителей в Спб., разыскала студента-грузина и (слышав, что он хочет на ком-то жениться) сказала на крыльце: "Стой. Ты женишься — Бог с тобой. Но я взгляну на тебя и брошусь в Неву". Он (прелестный) ни на ком не женился. Хотя она приехала без паспорта в домашнем черном платье, — ее крестили (годы свободы); поручился за нее свящ. Григорий Петров, крестною матерью была мамочка).

Ну, вот "издалека" и русские "ждут женишка" (Спенсер, Бокль). Подождите, когда-нибудь русским вскрутит голову какой-нибудь негритянский философ.

Революция — это какой-то гашиш для русских.

Среди действительно бессодержательной, томительной, пустынной жизни.

Вот объяснение, что сюда попадают и Лизогубы, да и вся компания "Подпольной России" довольно хорошая (хотя и наивная), и Добогор. М.

В 77 г., в Нижнем, я видел и идеальные типы. Но в Петербурге уже исключительно проходимцы, социал-проходимцы.

Приведи, Боже Вечный, победить этот кабак! Приведи, Боже Вечный, победить этот кабак! Приведи, Боже Вечный, победить этот кабак!

Кабак фраз, обмана и мундира.

"Литература".

(на конверте с корректурами "Литер. изгнанники" и "Среди художников")

* * *

Проклятие России есть суть "История русской литературы"...

Какие ужасы...

Уже начиная с "К уму своему" заезжего Кантемира и "Недоросля" также все-таки немца Фон-Визина...

Потом "Горе от ума", потом "Мертвые души" и "Ревизор"... Невозможные "купцы" Островского, хохот отставного полицейского (Щедр.)...

Все любящее побито камнями; нет, хуже — накормлено пощечинами. "Разве можно любить эту стерву".

Какие ужасы, какие ужасы; какой ужас земля, хохочущая сама над собою.

"Она пропащая". "Она воровка". "Она бл..."

Между тем, вот рассказ Евгении Ивановны:

Входит поутру крестьянка. В ночь приехала (на голод, Казанская губ.) и остановилась где-то на тычке, на проходном месте. И, должно быть, лицо ли мое внушило ей доверие или что, а только она сразу рассказала повесть о своей жизни, трогательнее и деликатнее чего я всю жизнь не видела и о данном не читала.

Парень и девушка любили друг друга чистой и пока бесплотной любовью. Парень был очень молод, — и родители, не посчитавшись с его чувством, женили его на девушке, по их взгляду более подходящей и обещавшей больше выгод. Тогда и девушка, не надеясь более ни на что, вышла замуж. О любви их вся деревня знала, и думали — тем и кончится. Но не кончилось. И парня и девушку потянула прежняя любовь, и долго ли, коротко ли поборовшись с собою, они вступили в связь, не разрывая и прежних уз, т. е. брака, который был церковно заключен, да и физически уже начался. Повторяю: вся деревня знала историю и что оба виновные были безвинно виноваты, потерпя насилие или давление старших и собственно из-за того, что были покорны родительской воле. Вся деревня дала молчаливую санкцию им, выраженную в общей сумме продолжающегося хорошего отношения. Все, так сказать, "позволили", без слов и говора, как только "мир" (деревенский) умеет. Теперь дело за "женой" насильно женатого парня и за мужем со слезами выданной девушки. Несмотря на "мир", оба могли бы подняться за личное свое право, за "законное право" мужа и таковое же жены на "нераздельную" если не любовь, то сожителство плотское.

Рассказывала Евгении Ивановне именно жена этого невольного женатого парня, потерявшая таким образом мужа. И начала, передавая слова мужа той женщины, с которою он жил. Как-то где-то встретясь, он говорит ей, положа руку на плечо: "Дан нам (жена его живет с другим) с тобой (муж ее живет с другою), Максимовна, крест Богом, и должны мы его без ропота нести".

И несли. Несут. Много лет. Какая судьба!! Где в литературе это или подобное рассказано? И величие и простота этих мужиков и *всей деревни* — не заливают ли красотой и правдой все, что мы читали о любви, не заливают ли оно образы Андромахи и Гектора, Пенелопы и Улиса, Дамаянти и Наля так же, как лица евангельские и само Евангелие заливают эти произведения вымысла и вымышленного героизма. Не говоря уже о "решениях" подобных случайных коллизий, какие дал Пушкин в Татьяне, Тургенев в Лизе Калитиной и Толстой в Анне Карениной.

Евгения Ивановна много рассказывала о крестьянах Каз. губернии. Вся талантливая, интимная, глубоко человеческая, — она вызывала их на признания. Сама вынесшая глубокую трагедию в браке (18 лет невинной болезни, и в связи с нею потеря 4-летнего сына, горячо любимого, она особенно пробуждала доверие на этой почве, с особенным интересом следила за семейными коллизиями). Но вот еще ее заметка, вне этой сферы:

— Во многих избах умирали от цинги, и приносимая помощь уже не могла восстановить сил истощенного организма. И среди этого ужаса бывало видишь: стучит в окно еще более голодный и говорит: "Христа ради". И я не помню случая, чтобы в избе, где сами *будут умирать с голоду*, если есть пока каравай, — не отрезывали половину его и не подавали в окно.

Она заключала рассказы:

— Всего не перескажешь. Но только вынесла я впечатление, что выше простого русского крестьянина, только непременно из глухих мест и без всякой школы, — я не видала человеческой души.

Она молдаванка. Что ей русские, и еще с (неприятным ей) "обрусением Бессарабии"?

Между прочим, интересную она провела параллель между русскими и молдаванами: молдаване цветистее, показнее, и не только в факте, но и в тенденции. "Не жалеют — самые бедные — дать лишнее попу за венчание, потому что это есть *честь жениху*". Молдаване нежны. Жену называют "сестрица". "Но у них нет той несравненной религиозной глубины и силы, как у русских. Весь русский народ несравненно мистичнее и интереснее".

* * *

Кабак — это всегда шум.

И существо литературы — шум.

Чем больше писатель, тем больше шуму из него и около него.

А "быть больше" всякий усиливается.

А посему существо литературы всегда будет сливаться с существом кабака.

Никакой идеализм и никакая осторожность от этого не уберезет: уже "печататься" — значит хотеть "шуметь".

Как воде свойственно быть жидкой, огню — жечь и воздуху быть газообразным; и гнилому свойственно худо пахнуть.

Это "существо вещей" непреодолимо для частной воли.

* * *

Нет праведного гнева, нет праведного гнева, нет праведного гнева. Нет святой ярости. Как было не догадаться на убийство иудеем первого русского человека (Богров Столыпина в Киеве) ответить распоряжением *на другой же день* выкинуть из русских музеев, из Музея Александра III, Эрмитажа, Академии Художеств все эти "chefs-d'oeuvre" разных Левитанов, Гинсбургов, Аронсонов, все эти павлиньи перья из иудейского хвоста. Да, — еще Рубинштейнов из Мариинской оперы и какого-то скульптора с "Ермаком", "Грозным" и уж, конечно, "Умирающего Спинозы". Как его? Забыл, к счастью, имя (захлестнуло).

Но мы "ленивы и равнодушны" (Пушкин).

Как иудеи вступились за *одного* французского офицера — еврея (Дрейфус). А мы?

И они понимают, что нас можно раздавить.

(на обрывке поднятого конверта). (Сахарна, июнь)

* * *

"Крестьяне смотрят на книгу как на *молитвенник*. И когда им открываешь Гоголя, то они не понимают: что это такое?"

Им непонятна шутка, смех в книге: им кажется, что книги написаны от Бога, и они поражены, если там шутка или смех.

Сказку — да, допускают, как мимолетное. Но главное — житие святых или поучительное. Поэтому, когда мне предлагают жертвовать на библиотеки, я никогда не посылаю, зная, что все эти книги совершенно не нужны и враждебны народу.

Но: как сеять хлеб, ходить за виноградником — это крестьянам нравится и нужно. И, по моему мнению, книги для деревни и должны быть только такие: *серьезные и нужные*".

(Евгения Ивановна, подойдя к столу, сказала "во вдохновении". Оговорка: сама она имеет школу, оплачивает учительницу — безнадежно и махнув рукой; по ссоре со священником — злым сплетником — не ходит вовсе в церковь. Что в деле библиотек не скупость играет роль, — свидетельствует тем, что на свой счет ездила в Казанскую губернию на голод)

* * *

Не стесняйтесь, не стесняйтесь, господа... Русский пейзаж "обработал" Левитан из Вержболова, народные песни собрал или забрал Шейн, славянофильство взял под покровительство и защиту Гершензон, Ермака и Грозного вылепил Антокольский.

"Мертвые души", каковыми, к несчастью, мы уродились, естественно раздвигаются перед "живою душою" еврея, который долги уплачивает вовремя, берет в аренду имение у гофмейстера и патриота Крупенского по сходной цене и не только скупил лен и яйца, но, как таковой, раздает тысячи вместо копеек, которые раздавал прасол — Кольцов, и в этом смысле является благодетелем не только Крупенского, но и простонародья. Вообще он благодетельствует и покровительствует. Разве "Шиповник" Копельмана не покровительствует почти всем русским писателям. Подождите, он пойдет и дальше и уже идет дальше. Щедрый кошелек он раскрыл или завтра раскроет Красному кресту, Синему кресту и "Крестам" вообще всех цветов... Будет отправлять сестер милосердия в Черногорию и Сербию "нашим" и со временем только "нашим братьям славянам"...

(Июнь)

* * *

Да, ну что же, ну что же, ну что же, если розы имеют нектар и нельзя всех за это тащить в тюрьму.

(Протоиереям А-бову и Д-ову)

* * *

Слышу шум,
Но голосов не слышу,
И вижу ноги,
А лиц не вижу.

(Ночью, засыпая, всегдашнее состояние)

Прочел:

Ужасы жизни

18 июня около 7 часов вечера внимание многочисленных пассажиров в зале первого класса Варшавской жел. дор. было обращено на быстрое течение воды из дамской уборной. Предполагая, что в уборной испортился водопроводный кран, чины жандармской полиции бросились в уборную, однако она оказалась закрытой на ключ. Вызвали слесаря, взломали дверь, вошли в уборную. Оказалось, что девица Эмилия Рачковская, 20 лет, находившаяся в последнем периоде беременности, прошла в дамскую уборную, закрыла за собою двери и здесь же разрешилась от бремени. Желая скрыть позор, Рачковская задушила малютку и трупик опустила в раковину с водою, но так как в раковине образовался затор и вода стала переливаться через края чашки, то перепугавшаяся женщина открыла главный водопроводный кран. Вода хлынула со страшной силой. Рачковская потеряла сознание и без чувств свалилась у раковины. Когда вода наполнила всю уборную и стала выливаться за дверь, на это обратили внимание. Трупик малютки был извлечен из раковины, еще теплым. Несчастную мать отправили в городскую Александровскую больницу. Она была очень слаба, и допросить ее не представилось возможным.

"Нов. Время", 19 июня 1913 г., № 13386

* * *

Почему вы пристали к душе моей и пристали к душе каждого писателя, что он должен

НЕНАВИДЕТЬ ГОСУДАРЯ.

Пристали с тоской, как шакалы, воюющие у двери. Не хочу я вас, не хочу я вас. Ни жидка Оль д'Ора, ни поэта Богораза. Я русский. Оставьте меня. Оставьте нас русских и не подкрадывайтесь к нам с шепотом:

— Вы же **ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК** и писатель и должны ненавидеть это подлое правительство.

— Я образованный человек, даже Бокля читал, но **УВАЖАЮ ПРАВИТЕЛЬСТВО**, и убирайтесь к черту. Я не правительство считаю подлым, а вас считаю подлыми, отвратительные гиены.

(Вчера весь вечер и сегодня, вообще часто)

* * *

Еὐρηκα! Еὐρηκα!!¹

в вопросе о половом стыде, который был наименован стыдом *своего пола*, и дальше был сделан вывод (Вл. Соловьев вслед за бесчисленным множеством других), что тут мы стыдимся *своего греха, своей животности, своего умаления*; причем вовсе не было обращено внимания на следующее:

1) *Кого же именно стыдится стыдящийся?*

Предполагалось — *всех*.

¹ Нашел! Нашел!! (*греч.*).

2) Стыдятся *не* акта, который один и мог быть грешен, в котором человек предпологаемо "умалялся", но стыдятся *вида*.

Ибо уже тот факт, что в бытовой Руси все решительно, включая и духовное сословие, обычно ходят в баню семьями, т. е. муж и жена, иногда и с малолетними детьми при себе, — показывает, что муж *не* стыдится перед лицом жены, а жена — перед лицом мужа.

Но еще разительнее, что стыдятся, и именно *вида*, перед лицами *своего пола*, — и обычно во время купанья мужчины закрываются *рукою*. Жест закрытия рукою передан бесподобно в статуе Венеры Медицейской.

Наконец, не обращено внимания богословом и моралистами, что скрывают и груди; стыд "женский" существует в отношении груди: тогда как мужчины обнаженной своей груди не стыдятся. Между тем грудь женская — прекрасна, а бытие "декольте" показывает, что и женщины находят свои груди прекрасными, показывают *начало* их: но замечательно, что "стыд" начинается с наполненного молоком овала груди, и особенно никогда не показывают *соска*. Между тем "кормление детей", органом чего является грудь, — уже ни одним моралистом и богословом, кроме единственно еретиков-скопцов, "грехом" или "дурным" не считается.

Что же все это значит? Что показывают все эти подробности, частности?

Да означает все это — то, что как груди, так и половой орган есть "лицо к лицу", есть "лицо для лица", с исключением от взора, от видения *всех прочих во вселенной лиц*, в отношении которых всех и появляется "стыд", т. е. "не смотри", "не покажу". Наоборот, не только нет этого чувства застенчивости и скрытности, но есть "зов" в отношении того, к кому орган обращен: мать манит младенца грудью и дает ему играть ею; а половой орган и обращен единственно к мужу, — т. е. к единственному во вселенной существу, с которым он и имеет соотношение, *и уже в отношении его нет стыда!!* "Ласки", как известно, простираются так далеко и глубоко, что никакое их описание и даже одно только наименование невозможно и никогда не было произнесено ни на одном языке мира хотя бы как намек. Здесь "вывороченность" полная и "зов" так силен, что, конечно, есть что-то не только *отвергающее* стыд, но и явление, пожалуй, новое, для которого нет слова, но суть которого *в обратности стыду*. Это — не без-стыдство, но *анти-стыд*, жажда, потребность и готовность дать ощутить самое внутреннее, притом — чтобы ничто не осталось затаенным, — сперва одним, и потом другим способом, и потом бесчисленными способами, сперва для одного и потом для другого и, наконец, для всех других органов восприятия, ощущения. Причем, конечно, Дездемона и Отелло, Татьяна Ларина и муж ее не были после этого *анти-стыда* менее целомудренны, нежели Офелия и Гамлет, не нарушившие стыда когда-нибудь. Что же означает это? Что за феномены?

Да это-то, притом это *одно или главным образом*, и показывает, что

1) Перси есть *лицо к ребенку своему*, т. е. что он *лицо матери!*

2) И половые части суть *лицо супружества, мужа — к жене, жены к мужу*. С ЗАКРЫТИЕМ для всего остального мира.

Если бы то, что именуется "половою сферою", не было *лицом*, пожалуй, — *Лицом*: то тогда не было бы *личного брака*, а лишь было бы

безличное половое соединение, т. е. одна проституция, вечная и непрестанная. Как "орган", где — "орган", так — проституция, там — проституция. И по сему весь свет — и наука и законы ошибаются грубо и страшно (опасно), наивнавливая "это тайное" — "органы". При таком наименовании и понимании *семья была бы невозможна*. Поэтому так называемую "половую сферу" можно еще наименовать *душою семьи, колыбелью семьи и двое-лицем* супружества. *Муже-лицие* — мужская "сфера", *жено-лицие* — женина "сфера". Семья, конечно и начинающаяся с мужа и жены, в их так называемой "половой сфере", никому не показываемой, от всего света сокрытой, и имеет все:

Лицо,
душу,
притяжение,
связность.

Все!! Все!!

Святая сфера — как не сказать. Слово само рвется из уст:

Семья

Род

Потомство

Предки.

А от мира, от Вселенной, от всего "*прочего*" они отвернуты и signum¹ этого, закон этого, орудие этого, "ворота" и "замок" сей священной обители, и есть "стыд". — "Стыдно всех" — кроме "мужа"; т. е. не касайся, — даже взглядом, даже мыслью, даже самым "представлением" и "понятием" — того, к чему *ты, и каждый другой, и все прочие люди, весь свет* — не имеете отношения: потому что это *принадлежит моему мужу*, и в целой Вселенной только *ему одному*.

Как не сказать, в каком-то страхе, — **ЕМУ ОДНОМУ** — о муже.

И — ЕЙ ОДНОЙ — о жене.

Оба вырастают в Геркулесов. В первородное. В высокородное.

"Мужа" — его "надо бояться" (миру). Он "страшный".

"Жена" — ее надо бояться, ей уступать дорогу, при ней не вести пустых разговоров. Она — "грозная" (из нее прут дети).

Вообще семья — "страшное". В "черте", в магической черте, которую вокруг нее провел Бог.

Таким образом, "стыд" есть "разграничение". Это — "заборы" между семьями, без которых они обращаются в улицу, в толпу, а брак — в проституцию². "Стыд" и есть "я не проститутка", "я не проститут".

¹ знак (лат.).

² Т. е. *нашу*, — уличную и торговую. Так называемая в древности "священная проституция", наоборот, и была первым выделением из дикого беспорядочного общения полов нашего "священного брака", "церковного брака", "непрерывно церковного". Без "священной проституции" невозможно было бы возникновение цивилизации, так как цивилизация невозможна без семьи. Внесение "священства" в "проституцию" и было первым лучом пролития "религии" в "семью". Уже тем, что она была именно "священная", она отделилась от "обыкновенной" проституции и затем продолжала все "отделяться" и "удаляться", суживаясь во времени и лицах, пока перешла сперва в "много-женный" и "много-мужний" (полиандрия) брак и, наконец, в наш "единоличный церковный брак". "Измены" в нашем браке суть атавизм полигамии и полиандрии. Нужно заметить, что в полигамическом

— "Я — не для всех". Стыд есть *орган брака*, — и вот в отношении его, явления чисто духовного, уместно название "органа". "Стыдом" брак действует, отгораживается, защищается, отгоняет от себя прочь непричастных. Это — его "щит" и "броня", т. е. "орудие" и "средство", "орган". Тогда как телесная половая сфера суть "существа", "дух", "система" и "царство". В отношении ее (половой сферы) "стыд" есть незримый, духовный покров "невидимости", "некасания", "сбережения". "Стыд" есть Ангел Хранитель, оберегающий то, что очевидно по ценности и значительности для бытия человеческого и достойно быть оберегаемо Ангелом Хранителем.

* * *

Они-то их целуют в плечико, а те всё им "накладывают". Вот уж поистине "смирись, гордый человек". Смирился.

(Философов и Мережковский среди Рубакиных и Ивановых-Разумников и прочей соц.-демократич. компании)

Бедные друзья мои. И вижу ваши слезы, но ничего не могу сделать. Сей род лютый и не забывает ваших прежних обид себе. "Выкресты" — это крещеные. А как "раскреститься" — не знаю. Если есть "выкресты", — значит, могут быть "выобрезанцы".

∞

Не понимаю.

Надо спросить Гессена, Любоша (есть такой), Минского и Ходского. "Философов, который выобрезался..."

Нет: "сын действительного тайного советника, всю жизнь существовавший на казенную пенсию, который выобрезался?.."

И понимаю, и не понимаю.

(8 июня)

* * *

"Симпатичная молодежь" все преуспевает. Один, год назад, с $1/2$ часа не уходил, не столько даже прося, сколько прямо настаивая, чтобы я внес за него 40 р. платы за ученье ("недохватка"). Он был величиной с печь, и ему 24 года, я маленький, и мне 57 л. Совсем недавно другой просто написал мне: "Нахожусь в таких-то обстоятельствах, жену отправил в Самару: пошлите ей (никогда не видал) 40 р."

и полиандрическом сложении есть так же много основания, как и в нашем "единобрачии", — отчего они и атавируются. "Царь животных", человек, имеет в прототипе себя, в корне себя, и "попутчиков — inseparables", и "верного лебедя", убивающегося после "†" подруги, — друга; но и "покрывающих все стадо быков", и совершенно "бродячих собак" (без порицания). И корни *всего этого* — вечны и останутся до конца мира. Так что роптать не следует.

Если столько у *меня* просят, сколько же у Суворина просили?! Видал письма — и он все удовлетворял. *И ни один*, когда он умер, не прислал телеграммы, письма: "Он мне *помог*, — вечная ему *память!*"

Вообще "симпатичная молодежь" — в высшей степени симпатична.

"Молчи! Мы — *не будем тебя читать!*" Господь с вами, господа, — и не желаю. Вы не рожь, а спорынья.

Ни — мысли, ни — труда. "Одна молодость". Ну, так я же и говорю, что вам давно пора жениться, т. е. утилизировать свою "молодость" единственным хлебным для отечества способом. И, "женясь", пожалуйста, не читайте никаких книг. Только отвлечение сил на сторону.

(21 июня, Сахарна)

* * *

Вовсе не радикализм враждебен мне (я сам радикал), а *формализм* (теперешнего) *радикализма*, радикальные "одеяния" на людях...

Которые представляют внутри себя просто *ничего*.

Радикализм, социализм более не *природа*.

* * *

Проблемы Родзевича

Купил все, как он велел: бумаги гляцевитой по 2 коп. за лист, сделал тетрадку из 3 листов и обернул наружные листы ее в обертку. И написал: Проблемы по геометрии ученика IV класса В. Розанова, — начертил черточки и выставил формулы, все как показал сделать на классной доске Родзевич. В левом квадратике:

Проблемы

в среднем наибольшем — чертеж (2 треугольника). В правом —

доказательство.

Красиво. И я залюбовался.

Штейн взглянул и спросил:

— Ты что, Розанов, сделал?

— Проблемы Родзевичу.

Он взглянул на такого же, как сам, шестиклассника и сказал, пожав плечами:

— Посмотри, какой дурак Розанов. Он думает, что сделал "проблемы Родзевичу".

Я смотрел с недоумением. Тот улыбнулся.

Через минут пять:

— Купи завтра, по 5 коп. лист, 3 листа. И принеси мне. Циркуль и транспортир и тушь у меня есть.

Завтра я сделал все и отнес к Штейну. Он жил у Шундикова (надзиратель) наверху.

Он взял и молча положил. Я не спрашивал, что́. Через 3 дня он меня позвал.

— На́ тебе, Розанов, проблемы. А свои порви. Это не проблемы, а дерьмо. Я дотронулся. Он:

— Осторожно.

Т. е. "осторожно отворачивай, смотри". Осторожно я отвернул послушный лист в обертке и обомлел.

На чудной толстой атласной бумаге изумительной тонкости и ровности линии были проведены, и нигде в линии не было утолщения (нажима), и ни одна линия не была толще или тоньше остальных. И как линии — были этой же толщины буквы *a, b, c, A, B, C* в "проблемах" и "решения".

— Осторожно, осторожно, — сказал он, видя, что я складываю (закрываю) тетрадь.

Завтра я и прочие ученики подали тетради Родзевичу. Он был маленький и гадкий. Поляк, в шарфе на шее. Он фыркнул в шарф толстым носом и сказал: "Хорошо". В фыркании было удовольствие и одобрение.

Все тетради он связал пунцовой лентой. Унес. И мы больше их не видали.

Долго я думал, что и зачем. Потом старших классов ученики объяснили:

— Если будет ревизия, приедет Попечитель округа или Помощник попечителя, — то у Родзевича он тоже перед посещением урока спросит: "Как у Вас занимаются?" И он вместо ответа подает

Проблемы

учеников IV класса

Нижегородской гимназии.

Попечитель увидит, что "Проблемы" сделаны, как ни в какой гимназии всего учебного округа, пожмет ему руку, поблагодарит за прилежание в занятиях с учениками и всегда будет думать: "Какой серьезный и талантливый у меня преподаватель математики в Нижегородской мужской гимназии".

* * *

Образовался рынок.

Рынок книг, газет, литературы.

И стали писать для рынка. Никто не выражает более свою душу. Никто более не говорит душе.

На этом и погибло все.

(судьба литературы)

* * *

Чуковская (еврейка, симп.) на вопрос мой: "В чем *суть* еврея?" — долго молчала, и на повторение — опять молчала, и еще на повторение, опустив голову, проговорила:

— Ум.

Перед этим разговор был о Богоразе (Тан), и она говорила, что "он умнее всех их (сотрудников) в "Совр. мире" (или где это). Горнфельд (Горнфельдишко) тоже "умнее всех" в "Русск. Бог." (называл мне всех их — темными невеждами).

Но печаль евреев состоит в том, что Розанов еще умнее евреев. Я знаю все, что знал "отец их Авраам". И их роль около меня — грустное молчание.

* * *

У социалиста болит зуб.

"Вне программы..."

И бегаёт, бегаёт по комнате бедный социалист, стонет, зажимает щеку рукой, берет в рот то холодной, то теплой воды, и всех окружающих ругает, и совершенно не замечает, что совершает ряд поступков и в себе переживает ряд душевных движений вне предвидения Маркса и Лассалья.

Меня же мутит и отчасти смешит эта непоследовательность его или то, что Маркс и Лассаль "при всем уме" все-таки не все предусмотрели. И я говорю:

— Друг мой, социалист! Это что — зубная боль — настанет еще смерть, настанут раньше ее дурные и неспособные дети, настанут болезни и потеря жены.

— Потеря жены — все равно — возьму другую, — делает он "программную поправку".

— Ах, друг мой. Вот если рак голосовых связок — никакая "программа не поможет".

* * *

Да, променяю я Государя своего на повестушки Айзмана в "Русск. Бог."!! Подставляй карман.

"Мрачного террориста вели в тюрьму, но сердце его было исполнено любви. Он говорил в себе: "О, люди, если бы вы знали"... "И ты, Кира, неужели ты меня забудешь".

Очень интересно.

* * *

Государи терпели. Государь наш чувствовал во время японской войны кой-что другое, чем Короленко.

Вообще государи терпели, этого никак нельзя забывать. Государствование есть терпение.

И мы, подданные, должны быть с "терпением государевым". Помогая ему трудом, сочувствием и пониманием.

Хочу быть "подданным" больше, чем "гражданином". "Гражданином" совсем не хочу быть. "Гражданин" есть претензия, выскочка и самомнение. А я русский.

Я грешен, вот почему я люблю Государя.

Я слаб и хочу "лежать за спиной у нашего Царя". Он — стена. Защита.

27 июня 1913

* * *

— Я рад, потому что это от Государя; не тому что это хорошо или дурно, но тому, что от Государя.

Вот мой ответ, — интеллигента, писателя и университетанта (учился в Унив.).

(утром рано встав)
(в ответ "мотивам литературным")

* * *

Снять нареkanie с оплодотворения человеческого — на это уложена $1/2$ моей литературной деятельности?

Скажут: "Напрасно; никто на него и не нарекает, когда оно творится *надлежащим человеком, именуемым мужем, с надлежащею женщиною, именуемою женою, в надлежащее время, именуемое браком, с надлежащею целью* — именно для произведения сынов отечеству и дочерей церкви. Брак *установлен, и именно церковью: и кто на него нападает, тот противится церкви и будет ею побежден. О чем же вы писали $1/2$ своей литературной деятельности?*"

∞

В самом деле, *о чем?* Но и церковь, и добрые люди могут понять, что было что-то "очень мало заметное", даже "вовсе не заметное", — что заставило меня забеспокоиться 15 лет назад и потратить столько чернил, нервов и времени на вопрос.

Почему это такое всеобщее молчание, т. е. всех *равнодушие*, к тому, что миллион лучшей мужской молодежи стоят под ружьем и это "ружье" заставило умолкнуть заповедь Божию о размножении, тогда как *других заповедей*, не только Божиих, но и "святых отцов" и "византийских императоров", церковь не уступала никакому напору государственной воли?

Посмотрите (исторически и у нас теперь) на вопрос о разводе, на вопрос о сокращении праздничных дней.

Почему это еще 500 000 юношей, цветущих силами и здоровьем, в брачном возрасте, запрещены к браку, "потому что они учат логарифмы", и в сем случае уже не напор воли государства, но напор интеллигентной педагогики тоже заставил церковь "выдать ягненка из-под полы", дабы его съел волк. Почему ягненок-брак вообще выдается церковью и духовенством всякому, кто хочет откусить у него ногу, ухо, голову, хвост. Почему такое несберегание *этого единственно "тайнства"* и только этой одной заповеди, как бы она перестала быть заповедью?

Почему в каждом городе, губернии, везде такое множество старых безмужних девушек? без детей, заботы, долга и обязанностей, присущих женщине?

И в параллель — почему ночные тени скользят по улицам и бульварам городов, шепча прохожим: "Кто меня хочет?"

Почему?

Почему?

Почему?

Почему безбрачен высший сонм церкви?

И, вступив в брак (член этого сонма), — уголовно наказуется?

Почему вступивший в брак не законодательствует, не управляет, а повинуется, как малолетний взрослому и (как) несовершеннолетний совершенному и ученик учителю?

Почему "брачное состояние" есть "несовершенное"?

Почему?

Почему?

Почему?

* * *

Еще 20 лет назад, когда я начинал литературную деятельность, "еврей в литературе" был что-то незначительное. Незначительное до того, что его никто не видел, никто о нем не знал. Казалось — его *нет*. Был только один, одинокий Петр Исаевич Вейнберг, переводчик и автор стихотворений, подписанных "Гейне из Тамбова". Только 20 лет прошло: и "еврей в литературе" есть сила, с которою никто не умеет справиться. — — — Через издательство, через редактуру, через книгоиздательство, — нельзя торкнуться ни в какую дверь, чтобы через приотворенную половинку ее не показалась черная клинообразная бородка, как на рисунках пирамид в Египте, с вопросом: "Что угодно? Я секретарь редакции *Захаров*. Рукопись? От русского? Перевод!!? Извините, у нас свои сотрудники, и от посторонних мы не принимаем".

Так русские (кроме "имен") мало-помалу очутились "несвоими" в своей литературе. В "Литературном Фонде" у кассы стали Венгеров и Гуревич, в "Кассе взаимопомощи русским литераторам и ученым" стал у денежного ящика "русский экономист и публицист" Слонимский. В "Русском Богатстве" принимает рукописи и переводы Горнфельд, и в "Современном мире" — Кранихфельд (кажется, это не *один и тот же*).

* * *

— Ну, вот и "тайнство" совершили над Львом Николаевичем, обвенчали его с Соф. Андр., и все. "Все честь честью" и "по закону" (Акулина во "Власти тьмы").

А кончил почти как Анна (Каренина) — над головой коей поставил эпитафией: "*Мне отмщение и Аз воздам*".

Поставил предостережением для живущих в "незаконной любви".

И брезжится мне, что "Аз-то воздам" стояло позади его головы, а он не заметил. "Бог... милующий праведных и грешных", говорил:

— О, фарисеи и лицемеры, судящие концы Вселенной и поднимающие камни побиения на ближних своих... Вот я спутаю умы ваши,

и спутаю в петли шаги ваши, и покрою мглою очи, и очутитесь все, все на *сам том месте*, куда бросили камень”...

Остапово — ”рельсы” повенчанного семьянина Льва Николаевича.

(на хохот Т-ва: ”Хе-хе-хе! Анна Каренина и должна была так кончить, п. ч. она жила с Вронским без венчания”)

* * *

У Герцена утонула мать. Он написал потрясающее письмо с изложением этого Карлу Фохту. Вся Европа сострадала страдающему Герцену.

* * *

Когда немец Шиллер и немец Гофман высекли поручика Пирогова, то он пошел было жаловаться начальству, но по дороге зашел в кондитерскую, съел два пирожка, один с вареньем и один паштетом. Погулял. Успокоился. И уснул.

* * *

Есть люди, которые смотрят на христианство как на ”последнюю честь” бесчестной жизни. — ”Христос с вами! Христос с вами! Христос вас сохрани”, — говорил мне с лестницы, прощаясь. И грустно смотрел мне в глаза глубокими красивыми глазами. Он ”пришел и взял” невесту у глубоко любившего ее прекрасного человека, — но не столь красивого, — и взял около 50 т. приданого. И лег на нее и на это приданое, как бревно на живых людей, не обращая никакого внимания на жену и рождаемых ею, при его участии, детей. Все возился с просфирами, с лампадками и только туда и ездил или ходил, где можно было поговорить о Христе. Делать он ничего не делал и не способен был делать: какая-то лимфа в крови. Все его должны были везти, или нести, или тащить. Сам он — ничего.

И вот когда я думаю: отчего он всегда так говорил — ”Христос с вами” проникновенно и страстно, печально и грустно, — то нахожу то только объяснение, что это было для него последним якорем, за который держалось его существование. ”Ночлежка”, ”барон” из Горького. А теперь — жизнь, фигура и сложная натура из Чехова и психология проповедничества.

* * *

Два случая я знал, когда мужчина женился ”на деньгах”, — и оба кончились необыкновенным счастьем и полной любовью. Сегодня Михаил Андреевич (необыкновенно благородный эстонец, ”Симонсон” из ”Воскресения” Т-го) рассказал, что один друг его женился не только без любви, но девушка была ему определенно неприятна. ”И теперь они так любят, так любят друг друга, что полнее нельзя”. Я забыл спросить его, ради ли денег был брак. М. б., было приневоливание родителей. Другой случай известен. Человек со службой, но бедный, сказал и всегда говорил

сам, как и родители о нем говорили, что "и думать нечего брать без приданого". Он познакомился "с приданым". Она была очень некрасива, особенно до брака. Близко к "урод". Но скромна, настойчива и очень "семейственна" (серия инстинктов). Муж и дети для нее точно одни населяли весь мир. У него — огромное "я", умен, железный характер. И он потом, заброшенный вдаль, *ежедневно* ей писал года два. И потом (когда вновь соединились) никуда ногой из дома.

Толстой это первый рассмотрел в жизни и подробно описал в "Войне и мире" (брак Николая Ростова и княжны Марии Болконской). Но это вообще нередко *так*. *Любовь и счастье*, очевидно, может рождаться просто из "сожителства", из полового сближения мужчины и женщины, после того как "деньги сосчитаны". *Тогда* ведь, пока считали, — очевидно, еще любви и привязанности не было. Но потом пошло "день за днем", "мелочи сегодня", "мелочи завтра", — прихворнул муж — и вот жена *испугалась, захлопотала*, всего обдала негой и заботой; неприятность по службе — она *утетила*; он ее "приголубил" во время беременности, "поберег" от труда, да и от своих удовольствий: и, глядишь, родилось *уважение*, родилась *привязанность* и, наконец, *полная любовь*.

Потому-то не надо особенно долго "рассуждать" о браке, "построить теоретически будущее счастье", а — "поскорее же жениться", едва девушка (или вдова) "приглянулась", "подходит", "мне приятно с ней говорить". Этому препятствует "нерасторжимость" у христиан брака, которая вообще все испортила, произведя испуг перед "вечным несчастьем" (картина, — многолетняя, — неудачного брака для всех окружающих). Жиды правильно сообразили, что "пусть чаще и легче женятся", — а уж *там* Бог устроит". Также нельзя порицать ни прежних русских "свах", которые дело "слаживали", ни даже теперешних браков "по объявлениям". Что же делать. Это смешно тому, у кого нет нужды. А у кого есть нужда — это трагично: и мы должны *помочь, улучшить*, а не "хохотать до упаду"...

Но вообще чем далее — тем положение брака трагичнее, печальнее и страшнее. "Планета ссыхается". Случай дочерей Лота, — как последняя угроза, — как-то понятнее, что вошел в *Священную Книгу*. — "Смотрите! Берегитесь! Не доводите девушек до этого". Никто не слышит. Никто не понимает.

* * *

Евреи знают, что "с маслом" вкуснее, и намамливают, намамливают русского гражданина и русского писателя, прежде чем его скушать.

И что он "самый честный человек в России", — даже единственно честный в этой вообще подлой стране; а в литературе, конечно, "теперь первенствующий публицист". "Рассказы его замечательны, даже разите-

льны". "Ничего подобного". Русский совершенно счастлив. Масло с него так и течет. Короленко совершенно счастлив, смазываемый Горнфельдом, и дал этому еврею положить "народническо-социалистический русский журнал" в карман сперва просто социализма, потом просто оппозиции и, наконец, совсем просто в карман Горнфельда и его 33 еврейских безгласных переводчиков и переводчиц. "Нам же надо что-нибудь кушать. И Короленке хорошо, и евреи сыты, и в полиции, я думаю, довольны, что "все-таки эта неприятная традиция Некрасова, Салтыкова и Михайловского куда-то пропала".

* * *

Смотри на дело свое как на молитву.
На главное дело...
(но ведь все дела главные).

9 июня 1913 г.

* * *

Да вовсе и не социалисты против меня (дружба Ст., очень доброе письмо Г. Л., — тоже М. Г.), а накладные бороды в социализме.

∞
∞
∞
∞

Конечно, с социализмом я не имею ничего общего (жидовская тварь) (и на ³/₄ позитивизм), но
.....

Я думаю — его *нет*. А только и остались бакенбарды крашеные и парички.

И от берега крутого
Оттолкнул его веслом.
И мертвец наш поплыл снова
За могилой и крестом.

(10 июня 1913 г.)

* * *

10 июня 1913 г.

Нужно различать *стихию веры* от догматов веры... Догматы я, пожалуй, ... "adieu"¹, но во мне сохраняется и никогда не умрет, как ни на

¹ прощай (*фр.*).

минуту не исчезала, *стихия* православия. Стихия нашей веры, стихия нашей церкви, храмов и богомольцев. Это, пожалуй, очень много разгадывает, и между прочим для меня самого, чего я понимал и что мне казалось странным. Что, почти всю жизнь положив на борьбу с церковью, я, вместо того чтобы просто "забыть" и оставить (как вся литература), на самом деле только об этом и пишу; а главное — о всех *иных-то предметах* (искусство, науки) пишу "под углом православия", и мои *opera omnia*¹ можно озаглавить "Универзус как он *кажется православному*", — что "православный в нем *отвергает* и что *очень любит*". М. б., если *так*, я значительное явление. Но оставим "я". Митр. Антоний (передавали): "А Р-в *совсем наш*" (т. е. попович; его первое впечатление). В редакции меня Д. звал "дьячком". Мы с ним поминутно ругались и разговор начинали уже прямо бранным словом. Любили друг друга. Он мне раза 3 присылал зайцев (русаков) с охоты.

(на уведомлении от Нелькена о дивиденде: 150 р. с 10 акц.
"Кавказ и Меркурий")

* * *

Отчего так сердятся на "Оп. л."?

Еще больше, чем на "Уед."

Не понимаю.

Не понимаю своего литературного position².

(10 июня 1913 г. статьи Яблоновского, еще что-то и Мержковского)

* * *

Мы, русские, нечистоплотны. Какая нечистоплотность говорить *не* с нашими о наших делах. Будет ли говорить еврей о цадиках с русскими или — если взять хоть партии — будет ли говорить социал-демократ о положении и о распрях в своей партии с членом Союза русского народа.

Но мы во всем свињи. Входит к русской семье в гости еврей. И, ласково смотря на хозяина и хозяйку (всегда *так*), заводит разговор о последних газетных сообщениях насчет наших министров, с обычной присказкой, что "кто-то где-то украл". Видя ласкового гостя, хозяин тоже думает, что "украл", и разговор очень скоро переходит на тему, что "русские вообще воруют". Благородная нация врожденно непорочных людей при этом остается в стороне, и скоро тон водворяется тот, что русские всех вообще обокрали в России, а что нерусские в России вообще ужасно томятся и когда-то придется вздохнуть. Хозяин и хозяйка и взрослые гимназисты, дети хозяев, вздыхают, что в России вообще тяжело жить, причем хотя не упоминается, но уже тон стоит такой, что русские всех задавили и особенно мучительно среди них евреям, полякам и финляндцам. Гимназистик угрюмо смотрит в стакан чаю, милая хозяйка имеет извиняющийся вид. "Я все-таки не притесняла, — это

¹ Полное собрание сочинений (*лат.*).

² положения (*фр.*).

другие, *темные* русские, а я кончила курс гимназии”, — говорят ее опущенные глаза. Еврей подает вид, что он и не думал упрекать собственно ее или ее мужа, не говоря уже об этом превосходном гимназисте, юноше идеальных порывов, который читает Бокля и беллетристику Шолома Аша, а приватным образом посещает “фракцию”, руководимую сомнительным гостем милых хозяев (гимназист благодарно взглядывает на еврея)...

Так еще поговорив и сыграв на пианино “из Мендельсона”, еврей уходит, провожаемый до лестницы, и добродушные хозяева светят ему свечкой на лестницу и дают спичек, чтобы он и там зажег, внизу, и вообще не оступился. И еврей не оступается.

Но русские ужасно оступились этот вечер. Не замечая, они предали отечество свое и посмеялись над отцами своими, в гробах. Если б они брали “душевную ванну”, если б у них язык был немножко “на привязи”, они при первом слове еврея “о русских делах” сказали бы деликатно и твердо:

— Извините, о русских делах я буду говорить со своими. И о министрах. Но если вы мне что-нибудь скажете интересного о цадиках и об яичной торговле или о еврейских банках, напр. о том, как Рафалович и Кеслинг скупили сахарные заводы в Киеве, чтобы перепродать их англичанам, — я готов слушать, интересоваться и говорить.

(вспоминая свое былое)

~

~

~

— Вы обходитесь в своей микве без нас? в своем бет-квнт (суд)? Не приглашаете нашу полицию и наших юристов и прокуроров на совещания своей в каждом городе общины (кагал). Почему же это мы, русские, обязаны вас приглашать в обсуждения своего управления, своих университетских и студенческих дел, припускать вас “защищать” в наши суды (адвокаты-евреи)?

— Позвольте нам автономизироваться от вас, как вы автономизированы и автономизировались от нас? *Куда* вы лезете? Все навязываетесь? В часовщики, аптекаря, в доктора, в суд и литературу?

Да, конечно, это *естественно* — не допускать евреям самый вход в наш суд, школы и врачебное мастерство.

Иначе как обвиненному или как нуждающемуся во врачебной помощи. В школы — совершенно *нет*. Пусть учатся в своих хедерах. Сколько угодно и чему угодно. Заводят там “своего Дарвина” и хоть десять Спиноз. Не нужно вовсе вмешиваться в “жаргонную литературу” и ихние “хедеры”, не нужно самого *наблюдения* за этим, никакого надзора и цензуры за печатью и школами. Пожалуйста, — пишите там что угодно и учите чему угодно, только не с нашими детьми и вообще — не с нами.

(12 июня 1913 г., на обложке попавшегося конверта)

1916 г. Но это вечное и содержится в еврее как именно в еврее, с миквами, хедерами и в своих костюмах. Едва еврей становится "русский евр.", "франц. евр.", поучился в гимназии, поучился в университете и вообще "потерял свое", как он становится "микробом разложения" для всего окружающего.

У евреев есть своя *завершенность* в нации, в духе, в истории. В Брянске я видал в банях много евреев (по четвергам, парятся ужасно) — и все они суть "что-то свое". В таком виде они хороши, признаны, нужны миру. Я думаю — нужны. Нельзя забыть, что их Библия, конечно, согрела мир, — этот ужасный, похолодевший греко-римский мир, и особенно римский. Библия — теплая ванна для старика, для умирающего. Вообще Библия, *их* национальная Библия — вечна.

* * *

12 июня 1913

Вся литература поражена, что я считаю деньги. "И так цинично, на глазах у всех".

Но ведь я не студент, получающий стипендию, за которого "считает" казначей. И не сутенер-журналист, за которого считает "супруга-тетинька" (рассказ об одном красивом и рослом беллетристе-народнике, которого долго содержала почтенная зубной врач, но вынуждена была прогнать, так как он "баловался с кухарочками", по вкусу Никиты из "Власти тьмы". Тоже и этот философ, проживающий у акушерки).

* * *

12 июня 1913

Кроме всего другого прочего евреям присущ своеобразный гипноз в делах и отношениях, основывающийся на великой их "убежденности в себе".

* * *

Портрет Репина — Короленко (в "Н. Вр.").

Это — еврей.

То, что у живого Короленко не кидалось в глаза, изумительный гений художника вывел к свету.

Он наклонен. Слушает. Вглядывается. Нет, не это; есть что-то неуловимое, почему, взглянув, мы говорим, что, конечно, из тысяч хохлов и миллиона русских мы не видали никогда "Короленко", и из 10—100 евреев пожилого возраста, солидных и либеральных, конечно, 1 непременно "Короленко".

Он говорит, что отец у него был русский чиновник, а мать "полька". Конечно, он не договорил или недоузнал, что она — польская еврейка.

Сын же — в мать. И К. просто — еврей.

"Честный еврей передового направления". Так вот откуда "кристально чистая душа" (пресса) и странная связь с Горнфельдом.

* * *

— Хочешь книжку?

Скучное лицо.

— Может, физическими опытами займешься?

Скучное лицо.

— Ну, тогда возьми стипендию.

— Давайте.

*(все наши русские; молодежь) (12 июня 1913 г.)
(на конверте уведомления от Нелькена)*

* * *

Нимфа Эгерия сказала мне:

— Передай Сервию Туллию следующее:

Хлебная торговля не так в России организована. Надо бы передать ее старообрядцам за древнее благочестие, и за то, что все делают помолясь и с крестом, и в память Бугрова и Блинова, родельцев нижегородских. Пусть будет "печатью" их крест с перекладинками и верхушкой, и пусть вывоз хлебов из России начинается после молитвы по всем приволжским, окским, камским, вятским и кубанским, и черноморским, и балтийским, и азовским пристаням, с водосвятием и всяким благочестием. И чтобы корабли и вагоны без старообрядческой печати с хлебом не перепускались через границу и из гаваней морских не выпускались.

(12 июня, в вт.) (на конверте уведомления от Нелькена)

* * *

"Павший Розанов впал в позорное падение", написал статью об эмигрантах.

"И никак из этого трафарета не выскочит".

"Опозорившийся опозоренный Позоров" опять пишет против евреев.

Напротив, "кристально чистый Короленко написал против кровавого навета".

И где она, тихая, милая русская литература, — времен Тургенева, Грановского, Кольцова и споров Погодина и Белинского.

(читая "Одесские новости")

Все какие-то "Огни", "Прометеи", "Молот", книгоиздательство "Просвещения" (берлинского еврея Цетлина).

Французский каблучок из Варшавы в 1^{1/2} вершка, шляпка "Шантак-лэр" и проститутка Ривка Ивановская из Шклова.

* * *

Все-таки с "Уед." и "Оп. лист." поумнела Русь (насколько прочтала). Все-таки кой-что ей прибавилось в голову. Кой-какие мысли, каких раньше не было. Это немного, но "все-таки"...

(перечитав о "стиле Растрелли" и Пушк., Толст. и Гог. в "Оп. лист." 12 июня 1913)

Тяни-тяни к умному. Не к мелочно-умному, а к серьезно-умному.
"Ум все-таки не мешает".

* * *

"Пройду" я, "пройдет" Меньшиков, а квартальный на углу Литейного и Невского все будет стоять.

И сменятся царствования, — а он все будет стоять.

"Он все будет стоять".

И говорить: "объезжай *вправо*", чтобы извозчики не перепутались и не было больше, — *в этом месте толкотни не было*, — "дяди Митяя и Миняя", которые не могли разъехаться, въехав друг другу в сани оглоблями. Если бы тут въехали — была бы беда.

И беда эта устранена, это теорема царствований и нас, двух писателей.

Что́ же это такое? Это и есть цивилизация. Цивилизация состоит из прикладывания камешка к камешку в каждом месте, где случилось больно, где кто-то упал и проч., и проч.; где потерло, надавило, случилась обида, несправедливость и проч. Камешек прилег к камешку, и образовалась тропка, потом постройка пошла вверх и вывелась стена, потом — переходы; этажи. Все строилось, и вышел дом.

Цивилизация есть дом, в котором мы живем. Все. Всякий. Добрые и злые. Глупые и мудрые. Писатели и цари.

Дом этот строится так же долго, как потом может разрушиться. Скорее "царь пройдет", чем "квартальный уйдет"; и легче переменится "система философии", чем "порядок на Невском".

"Порядок на Невском" бесконечно тверд, и его меняют только века, век. Он тверже "направления политики", и хотя Победоносцев, Горемыкин, Витте страшно шумели, но они все "прошли", а "порядок на Невском" не шелохнулся. Между тем я завишу именно от "порядка на Невском", а не от Победоносцева. Что́ же это значит?

Да что "перемены" страшно трудны и в сущности даже никому не подильны. Даже министры и наконец цари тащат только соломинку. Квартального на Невском не сменит никакой министр и даже не захочет отменить царь: неудобно будет. Почему? Сейчас тут что-нибудь свалится и оглобли запутаются. Место это выверено, что без квартального неудобно, не скептическое, не "быть или не быть". Это — быть. Посему и написано: быть посему. С такой же твердостью не пишется в других местах, ибо не выверено, ибо еще "быть или не быть". Где "или" — ничего нельзя решить и нельзя поставить городского.

Вот, юноши мои, маленькое размышление о цивилизации, какого вы не услышите от ваших профессоров в университетах. Они еще дики и сосут лапу и не понимают, что квартальный необходим. Весь Гоголь приходил для того, чтобы позвать квартального, и для этого рассказал о "Дяде Митяе и Миняе" и много других грустных историй. Квартальный, конечно, меланхолия, п. ч. отрицает "сад", и "гимназистов", и "юношей и дев". Он отрицает утопию и мечту... Гоголь оттого и писал грустные истории и сам был грустен, что догадался, что из грязи

никакой не вытащит нас "Архангел Гавриил", нарисованный Мурильо, а что для этого надо позвать **ГОРОДОВОГО**. Ему это было ужасно, но он "проснулся от третьей действительности" — стал проповедовать квартального Муразова, Костанжогла и т. п. новые добродетели.

В новых добродетелях все и дело. Старые добродетели прошли. Они были с белыми крылами, в голубых хитонах, шейка открыта, как у наших сахарных детей лет до 8-ми. Пришел квартальный и заметил:

— Простудитесь. Наденьте лучше пальто. Да с форменными пуговицами. Не лето, холодно, сыро. Ведь мы в Петербурге, а не — в Занте.

Все оглянулись. Действительно зима. И стали грустно придвигать камешек к камешку и проводить тропки, тротуары, выводить стены и вообще

строить нашу цивилизацию.

Она вполне по Гоголю. Отвратительна, как его мир. Нельзя скрыть, что она пахнет дьяволом, мертвецом и подлостью. Но

что делать????! Господа, что же нам делать!!

(12 июня 1913 г.)

* * *

Что же мы, русские, сделали с принятым от греков Православием? Вот уж поистине нельзя сказать, что оно нас *оплодотворило* (рост дальше, рост шире).

Как сухое чрево, мы носили сухой плод.

(14 июня 1913 г., Сахарна)

* * *

Добрый человек посадил женщину и кота в мешок и, завязывая, сказал: — Благословляю вашу любовь.

Когда кот царапал женщину и женщина била кота, завязавший говорил:

— Приучайтесь жить вместе. В том культура и история, чтобы вырабатывать привычки корректного поведения.

(история христианского брака; 16 июня 1913 г.)

* * *

Всякий имеет "своего Иегову" и даже произносит (не зная) Имя его, т. е. те звуки, как " 'Ιαω", " 'Ιοαλ", — на которые он не может не приблизиться...

(на театральной афише)

* * *

Есть религии *лиц*, и есть религии *народов*.

Последние содержат то "общее", κοινον¹, — что берет каждый в нужде, берет в скорби, берет в радости, благодаря, пугаясь... Это "культ", молитвы, "службы церковные".

¹ родное (греч.).

Это вообще "церковь"...

Религии лиц и не "против" этого, и "не совпадают" с этим...

(там же тогда же)

* * *

У каждого собственно своя религия. Она с ним рождается и с ним умирает. Совпадает или нет с "церковью" как с "κοινον". Мож. быть, не нужно об этом распространяться. "Износились сапоги, которые были только *по мне*".

(там же тогда же)

* * *

"Он скорее художник, чем проповедник, и скорее балерина, чем священник".

(о Гр. Сп. Петрове — Евг. Ив-на)

* * *

"У Левитана все красиво...

...Но где же русское безобразие?

И я поняла, что он *не русский* и живопись его *не русская*".

(Евг. Ивановна, — бурно, — подойдя внезапно к моему письменному столу)

Да. И Левитан, и Гершензон оба суть евреи, и только евреи. Индивидуально — евреи, сильные евреи. И трактовали русских и русское, как восхищенные иностранцы, как я "Италию" и всякие "Пиренеи".

Из жидов "настоящий русский" только ограниченный и нелепый Венгеров. Вот этот — вологодские "лапти". Ненавижу (брюхо), но за *это* люблю его.

* * *

"Говорю я Ш-ду: "У вас был погром?" Он всегда мычит только. И чуть помолчал, а затем сказал неожиданно: "Был. И — точно *теплый дождь прошел*".

(Евг. Ив.)

Так что евреи должны знать, что от них скрываются настоящие чувства образованным обществом. Они не представляют себе, что хотя оно и не высказывается громко, не печатается, но его чувства в отношении евреев не только печальны, но и трагичны.

(я)

* * *

В Казани на голоде

Входит баба:

— Я задумала сходить к Казанской Царице Небесной. Так *займи* ты мне где-нибудь рубль.

Что значит "займи"?!! Конечно, это была застенчивая форма попросить у *меня* рубль. Я дала, — конечно, без мысли получить обратно. Я эту бабу в первый раз видела и, кормя голодных в разных пунктах, конечно, была *здесь* именно случайно.

Прошло время. Приканчиваю работу в этой деревне и собираюсь уезжать. Вдруг входит эта же баба и сует мне рубль:

"Накося! Я у тебя брала в долг".

— Что ее нудило кроме благородства и своего слова в душе? А рубль, в голодный год, крестьянке — дорогой рубль.

(из рассказов Евг. Ив-ы)

* * *

"Я несчастна. Я так несчастна, что несчастнее меня на свете никого нет. Я его люблю, — почему, не знаю. Но он взял образ Николая Чудотворца из нашей спальни и бросил им в собаку, а Божию Матерь называл п..... (потаскушкой)".

Передав эти слова молодой погибшей женщины, которую она знала с детства, Евг. Ив-на добавила:

"А думали: брак будет хорош до невиданности. Я знала ее с рождения; покойный брат мой был ею восхищен; жених же окончил низшую сельскохозяйственную школу.

Всего на третий день брака, увидя смазливую еврейку на перевозе, он сказал с живостью молодой жене: "Какая хорошенькая! Но говорю тебе — она будет моей". Каково было любящей жене выслушать. Так он изменял ей на ходу, нисколько не скрывая. Она прожила год в замужестве и умерла".

Помолчав:

"Чем же отразилась в его жизни и личности пройденная им сельскохозяйственная школа?"

(рассказ Евг. Ив-ны)

* * *

— Я предпочла бы жить среди каторжников, чем среди их (о еврейских банкирах).

(Евг. Ив.)

— Он может только мычать (о Р-ге): но у него 11 миллионов, и В-е рекомендовал его в члены правления N-го банка, где он заседает и мычит. Но В-е никогда не нужно было *ума* у зависимых людей, а только миллионы.

(Евг. Ив.)

* * *

— Мы надежда России. Мы ее будущее. Дайте денег.
— Бог подаст.

(пришел к Евг. Ив. поп и говорит: "Я пришел просить за жидовочку: дайте ей 300 руб. на окончание курсов в Москве". Она ответила: "Я предпочитаю дать на грамоту крестьянским детям здесь, в Сахарне". После отказа он говорил везде: "Я теперь каждый день молюсь о смерти Евгении Ивановны". И это — открыто, громко)

* * *

"Мягкую белую руку — Вы знаете эти польские руки, холеные, — он положил на грудь, говоря:

— Вот я ранен *тут!*

И все рассказывал, как он завтракал у Марьи Павловны... Около него бегал жиденок, — и, когда дело доходило до расписки, он выходил в другую комнату, а жиденок говорил:

— Вы знаете, у него (полковника) дети, — ну, что же делать: ему надо...

У этого еврея дочь на курсах; и он говорил:

— Вы знаете, моя дочь такая образованная, и вы ни за что не скажете, что она еврейка..."

(полковник интендантства, закупивший у Евг. Ив-ны рожь; "расписки" должны были писаться выше, чем сколько Евг. Ив-на получила. Разница шла полковнику и еврею. Евг. Ив-на с тех пор перестала сеять рожь, которая в Бессарабии неупотребительна, покупается только интендантством)

* * *

Мне не надо Патти, я имею граммофон.

И мне не надо литературы, потому что я имею телефон.

(новая культура)

* * *

...достало духу судить Пушкина...

Судить в самый момент смерти (как он должен был представляться писавшему), умирающего. И что "не следовало сердиться", и что "дано было слово Императору".

Совсем виновен легкомысленный лицеист перед автором "Оправдания добра".

Мне думается, тут даже не сердце: но как мало в этом ума.

"Долженствующий долженствовать всю жизнь поэт и камер-юнкер Пушкин не долженствовал 18 ноября 1836 года и посему принял смерть. Он зарядил пистолет долженствующим долженствовать долгом, поднял курок Гуго Гроция и Пуффендорфа и прострелил грудь ревнивому мужу. Но сие не случай, но Провидение, Пуффендорф и моя лекция".

Мерсі. Поняли. Слава Богу.

(23 июня 1913 г.; рассматривая у мал. Вари книгу Пушкина)

* * *

Когда Белинский написал Гоголю ругательное письмо, — с руганью на церковь, на православие, на все христианство, — и с отрицанием, чтобы "русский народ был православно-христианским"; равно когда Толстой ругался над православною обеднею (заграничное издание "Воскресения"), на которой русский народ молится, — то ни один из писателишек не назвал этого "цинизмом", "гадостью", "мерзостью" и *post hoc*¹ М-кий не назвал, чтобы это "напоминало публичный дом". Тут "правда" писателишек сказывается, и сказывается, *кто* они и *куда* ведут, да и *куда* ведут их корифеи: едва я сказал, что "этот Толстой пожил *пошлую жизнь*", что назвавший Россию "страною мертвых душ" был в психологической тайне души мертвенным идиотом, что Герцен был хвастунишка и Щедрин "наелся русской крови", как поднялся вопль: "Он *хулиган* в литературе", "его надо (в который раз) *исключить*", "вот оно *подлое общество, которое продолжает читать Розанова*" и являет собою не общество живых людей, а *публичный дом*" (Мер-ский).

Что же больше?

Россия или Щедрин?

И что священнее:

Христианство или Белинский?

И что вам, писателишки, нужнее и дороже:

"Свои журналы" или то, на чем держится вся человеческая культура?

Ага, выловил, подстерег "сокровенное" души литературы: "после нас трава не расти".

И удар по спине таких господ исторически своевременен.

(23 июня 1913 г.)

Сами, конечно, они не покаются... Но общество оглянется: "Наших *бьют, а мы им молились*".

Писателишки ведут:

— К разрушению России.

— К разрушению церкви (не к исправлению *недостатков*, коих больше, чем песка в пустыне, о нет: а к ее *небытию*).

— К разрушению вообще идеализма, идеалов.

* * *

"Нужно функции выводить из формы! Нужно функции выводить из формы!.. Если ты видишь, что тебе известная и миру известная функция *не вполне* исчерпывает и покрывает форму, то знай, что остается еще другая функция, не открывшаяся никому, но что она *существует*. И если ты набредешь мыслью на что-нибудь, отвечающее вполне этой форме, знай, что ты или отгадал, или близок к отгадке большой тайны мира".

(из наставлений нимфы Эгерии Сервию Туллию. 23 июня 1913 г. Сахарна)

¹ после этого (*лат.*).

...с дочкой, и дочка довольно красивая. Лет сорок (а кажется 50) — "матушке". Дочке лет 20—22. У дочки какие-то особенные серьги, со вкусом, и по бокам головы спускаются какие-то египетские повязки, широкие, с бахромой и с чем-то блестящим. Костюма "шантаклэр" (связаны ноги), который есть высшая "мода" у поповен в Кишиневе, на этой еще нет. "Матушка" мала ростом, толста, молчалива и держит руки на животе. Румынка. Два дня гостили. Уехали. Евг. Ивановна и говорит:

— Ужасно устала с ними. Матушка ничего не говорит. Раз среди долгого молчания спросила только: "У вас индюшки несутся?" — и, узнав, что "да", опять замолчала.

— Только о вас все выпросила: сколько вы, В. В., получаете в год (денег) и много ли за Варв. Дим. (жена) взяли (приданого). И на что ей? В первый раз видит и никогда еще не увидит.

К дочери сватался учитель гимназии. Отказала. Хочет и надеется "взять выше". Может, за члена суда или адвоката. Если наденет "шантаклэр" — может за адвоката.

И всё руки на животике. Сидит и еле когда встанет. Хозяйство в порядке (дома).

.....

 "Утробушка"... Около "утробы" ничего еще почти не заметно. Голова, душа — не заметно. Даже рук и ног как-то незаметно, и кажется, что в тележке на маленьких чуть-чуть колесиках помещен один живот, который изредка и немного перекачивается, — из угла в угол комнаты, в столовую, гостиную и на кухню (дома) и совсем редко в курятник и к индюшкам.

И судят такие "утробушки" живых и мертвых. И строго судят. "Девушка с ребенком" внушает им ужас, а битая и ушедшая от мужа и сошедшая с другим женщина — проклятой.

.....

 И поворачиваются такие "как на колесиках" утробушки на восток и на запад, на юг и на север, и из них исходят "речения", которым должно внимать государство и сам Государь не может пойти "против", если утробушки в "сонме"... Из них одна почему-то интересуется "Виклефом" в Англии, другая (Аль.) трясется от злости при слове "интеллигенция", — третья, никогда не застегивающая панталон и не запахивающая рясы (смещен был с места за небрежность костюма), профессорствует о "педагогике" и "нравственном воздействии на душу". А в глубине души только "несутся ли у вас индейки?".

И вот приходят на ум многие исторические параллели, многие бытовые вопросы, — и между ними *сравнение с дворянством*, против которого "утробушки" как-то донельзя и везде ожесточены. Тысячу раз

повторенную читал я жалобу, что "в былые веки" атеистическое дворянство даже подвергало "в своих поместьях" их "телесному наказанию".

У них "своих поместьев нет".

И вот я сравнил (близкая ассоциация) этих двух "утробушек" с деятельностью и всем образом Евг. Ив. (помещица здесь), — которая до такой степени полна какой-то "осязательной", "дотрагивающейся" любви к окрестному населению, — точно она все его родила или точно они все "происходят в одной линии" с нею, ее далекие "как-то" родственники... Эти два крестьянские сына, садовник и учитель школы, которые босые приходят и садятся с ней за обед (моя Варька тоже сейчас же сняла чулки и башмаки у них и даже так танцевала с крестьянами в грязи перед окном, — "национальный танец" в громадный круг). И почти влюбленность в старика пастуха (Юстин Левчук), который и говорить-то не умеет, и не ходит, а "прыгает" (по привычке за разбегающимся скотом в горах), и не *зашивает*, а склеивает масляною краскою прорехи на рубахе и панталонах, — у маляра)...

И вся она — вечное *внимание* к народу, и за биографию полна благородных *памяток*... И вся великая *мудрость* управления (нуждается иногда в 100 руб., а все имущество, с наследством от брата, доходит до миллиона рублей), ее готовность к борьбе ("более всего люблю борьбу и трудность положения"), ее забота и труд с раннего утра, где не играет "свое я" никакой роли, кроме любви к *среде деятельности*. Вся она — "гармония во взлете", и в 55 лет у ней вечное "утро" на почти не переставшем улыбаться лице. Как она сказала отставному солдату, с шинелью, вчера: "Иди, иди туда — наверх (в контору, что ли), мне рабочие нужны; будешь и осень работать, и зиму, весь год". Он попросил, подойдя к окну: "Нет ли работы, *остаться* здесь, на лето". В лице ее было именно *утро*; веселость; "все сможем", "все сделаем", "все удастся". Попа здешнего (Сахарна) она не пускает к себе и не пустила в школу (страшно обижает женщин, не дает причастия "блудницам"). Мне Дуня (кухарка с мелодичным голосом) рассказывала: "Дура я была и ничего не понимала. Как я вышла замуж, муж меня сейчас начал бить, а свекровь кричала ему (мужу): "Тяни ее за волосы! Тяни ее за волосы!" (садисты оба, по объяснению Евг. Ив-ы). Он и отца своего старика бил, и я в таком страхе была, что он отца бьет, такой грех, и когда это видано, чтобы отца сын бил. Свекровь же говорила мне: "Он может тебя в куски разрубить и в кадке посолить, так как ты ему *венчанная*". И поверила я по глупости. А как и муж, начавши бить, закричал: "Я могу тебя на куски разрубить", то я как без памяти кинулась из избы с испугу и, вбежав к соседям, спряталась под кровать. Муж пришел и кричит: "Избу зажгу, если жену мою не выгоните вон". А они — думая убить хочет — не дали. Так я скрывалась долго, вернулась к матери, у матери жила с девчонкой (дочка, теперь лет 9), а вот 6 лет уже живу у барыни. Когда в первый раз, уйдя от мужа, я хотела причаститься, то батюшка сказал мне: "Пусть деточка твоя причастится, а ты отойди". Я думала — только повременить, пока дети причащаются, и отошла. Когда кончили дети, я опять подошла (к чаше). Он как закричит на всем народе: "Пошла прочь! Пока к мужу не вернешься, не дам тебе причастия". Так у меня в глазах темно сделалось, и три дня я плакала, потому что он при народе сказал. А я жила у матери, и честно жила, мужу не

изменяла". Ее-то и *всех таких*, отвергнутых попом (женщин 6 в селе Сахарна), пристроила и сберегла около себя Евг. Ив-на. Об этой Дуне Евг. Ив. сказала мне: "Пойдите в столовую (рабочих) и там посмотрите комнату моей Дуни". Это недалеко от дома (барского). Я пошел. Тут их бесконечная "мамалыга" (любимый кукурузный хлеб). А вот и ее комната: белая как ладонка, с синими разводами по стенам (народный рисунок), портретами Царя и Царицы, каких-то монахов, каких-то "еще" и с образом или несколькими образами в углу. Когда вернулся, Евг. Ив. сказала: "Видели мою Дуню?" Я кивнул. Она сказала:

— Я нахожу ее удивительно *гармоничной* и нарочно устроила к рабочим, зная, что, *где она*, — там *будет порядок*. Так и вышло. С тех пор, как она служит, у меня эта сторона обеспечена тишиной и исполнительностью. Она умна, спокойна и беспредельно предана мне. Только дочь ее старшая (9 л.) с дурной наследственностью (от отца). Она мучит мать, — на нее что-то находит. Дуня терпит.

Это с нею случилась история с зонтиком. 9-летняя девочка захотела зонтика, пристала к матери, стала говорить занозистые слова, и мать купила — "варшавский" (жидовский) за 3 руб. Утром я услышал сильный крик, — и не верю, что голос Евг. Ив-ы. А ее. Раздраженный и гневный. Не решаюсь спросить ("хозяйские дела"), но к обеду разъяснилось. Она бранила Дуню за этот зонтик и уже в обиде все говорила: "Нужно купить у нее этот зонтик, отдать ей 3 р. Что за разврат девчонке в 10 л. покупать зонтик. С зонтиком на селе — она в 15 лет потребует шляпку и сделается в 20 лет городской проституткой. Вот как лезут жида к нам со своими зонтиками, ботинками на высоких каблуках, румянами и белилами. Весь здесь разврат и от их Резины с десятью миквами".

Это сумочка. Но и вообще (еще Ангелина) она вся забота и глядит не наглядится на своих "молдаван".

(вечером за ужином, 24 июня 1913 г. Сахарна)

* * *

...жулики-то эти, старички-то, что держат на содержании балетных танцовщиц, и другие ("сии старцы"), что потеют под ватными одеялами в онанизме, — "законодательно" решили и установили, что наши дочери не могут вступать в замужество до 16 лет, тогда как Достоевский (везде) и Лермонтов ("Сказка для детей" и "Это случилось в последние годы могучего Рима") указали и настаивали, — да и всеобщий наш глаз знает, что наибольшая *ангельская красота* наступает у девушки около 12 лет (в нашем климате) и держится года два, но не долее, пропадая куда-то к концу 15-го года, когда девушке и предлагается, т. е. предложили "сии старцы" и "государственные балетоманы", выходить замуж... Т. е., конечно, сперва *кому-то понравиться*, а потом уж и выйти... Но они не "нравятся", как и сами не влюбчивы, начиная вновь нравиться и влюбляясь сами вторичной и менее чистой любовью годов около 26 (теперешняя большая часть замужеств). Вообще годы любви и цветения:

12¹/₂ — 13—14
24—25—26
38—40 (возраст Кибелы, миф Кибелы)
52—54 (последняя возможная любовь)

как для мужского пола:

15—16
30—32 (теперь общественный возраст женитьбы)
45—47
60—62 (белый снег Мазепы).

В первый из этих возрастов *без исключения* всякая девушка *невыносимо красива* (о "невыносимости" много говорит Достоевский), и к ней тянутся неудержимо и сильно, безрассудно и, наконец, дерзко (большинство изнасилований падает на этот возраст); и *в старое время, решительно во всей Европе приблизительно до 1820 года*, девушки и вступали в замужество, причем вступали в него *всею массою*, ибо красота и притягательность этого возраста, незадолго, за ¹/₂ года до первых менструаций, — *всеобща*. В 16 лет решительно никто никому не нравится, а "2-й сорт любви", в 22—23—24 года наступающий, уже более холоден, спокоен и пропускает в себя расчет и "соображения". Как всякое дерево всего красивее в весну первого цветения, и всякое животное, теленок, жеребенок в этот год "невыносимо" же (Достоевский) миловиден, и его ласкают и обнимают (видал) дети, ласкают и кормят из рук взрослые, и ни единому, даже злому, не придет на мысль такого ударить, огорчить, оскорбить: так точно девушки в возрасте первой любви. Ибо тут невинность, а не искусство (наступающее *неодолимо* "коккетство") убирает красотой лицо и фигуру, взор и щеки, волосы и наступающую округлость форм. Но законодатели—"балетоманы" и — "сии старцы", одни все позабывшие за старостью и другие толком не выдавшие женщины, не выдавшие ее иначе, чем когда она подходит к дряхлой "ручке", — они отняли у нас, родителей, у *всего света* отняли возможность непременно и беструдно выдать дочь в брак, выдать "как по маслу", — превратив вообще весь брак в Европе (французское "вырождение") в "немазаную скрипучую телегу", которая еле шевелится и вообще всем противна. К 16-ти годам девушка тускнеет, *всякая*, ибо "Бог не призрел ее в ее час", и она становится не только хуже лицом и фигурой, но и становится раздражена, получает дурной характер, ибо уже внутренне грешна и не невинна от грешных воображений. И мужчины в таинственных инстинктах *верно* обходят это полуиспорченное деревцо, ибо жених ищет всегда *полной естественной невинности*, это его "канон", "canon nuptiarum"¹.

Ну, что с такими ослятинами (старцы) делать. Мы в их власти.

О, девушки и мужчины: топчите копытами, раздирайте рогами это проклятое скопческое отродье. Гоните его за забор. Скорее гоните из

¹ "брачный канон" (лат.).

сада своего: смотрите, это резчик-скопец подкрадывается к вам с кривым ножом, чтобы отрезать то́, что́ ему самому подлецу не нужно.

(на корректурной форме "Писем Страхова". 25 июня 1913 г.)

* * *

Социализм пошел в кабаки...

Впрочем, все явления теперь пошли "в кабаки"...

Вот это и волнует, и борешься. А не против самого социализма. Он груб, механичен. Но не таково разве *теперь* и духовенство? Он бесчеловечен...

Все явления идут к гибели. Что́ за эпоха? [Вырождаются революции, как и монархии.] И неужели это конец истории?

(28 июня 1913 г.)

* * *

Горнфельдишке никак не хочется, чтобы утвердилось, что Гоголь не был *реалистом* (полемика против "Испепеленного" Брюсова). Как жиденок, он боится *от себя* сказать, что русская жизнь есть *паскудство*, и он прячется в лесу гоголевского творчества, с криком: "Не ищите лес! Он утверждает нас в идеях, что русские — *паскудники* и все русское есть *паскудство*".

∞

Meḡi. Но это есть вообще трафарет "еврейского восхищения перед великой русской литературой". Они не вспомнят Карамзина, им не нужен Жуковский и Батюшков. Но "русские реалисты", но "русские нигилисты" для них священнее Торы.

Тут то́ особенного и хорошего, что "обвелось красным карандашом" реалистическо-нигилистическое направление русской литературы. До прихода еврея это казалось или *еще могло казаться* зовом к лучшему. С приходом его всем стало видимо, что это "разлом" России, клич — "на слом Россию".

И — приход еврейского царства, еврейского банкира, с литературой "Муйжейля", "Тана", Шелома Аша и Юшкевича...

(на конверте полученного от Цв-ва письма)

* * *

Обряд церковный весь свят.

Но *управление* церковное давно уже не свято. И "постановления" высшей церковной власти нисколько не равнозначны догматам и споримы как все человеческое и обыкновенное: ибо составляются и произносятся в обыкновенном человеческом порядке.

Между тем все силятся приравнять "постановления Синодального управления", в основе коего часто лежит доклад Скворцова или личный пыл Антония Храповицкого, к чему-то непререкаемому, священному.

Тут есть путаница и неясность, — таковая же, как если бы кто требовал, чтобы распоряжение Совета министров приравнялось священным главам "Русской Правды".

Но отчего, отчего наши канонисты, наши духовные журналы, наши богословы не разрабатывают, не освещают, не обрабатывают стальным напильником эти надвигающиеся туманы и неясности церковной жизни.

"Мы вообще ни о чем позднее XI века не говорим". О, археологи...

* * *

— Постыдно жить на содержании у своего имущества, не работая. Имущество — орудие "развернуться", "приложить силы", "показать талант".

(Евг. Ивановна)

— Да и опасно: "прогонят в шею" в конце концов. Нужно быть вторым супругом своего богатства, а не обирающим это богатство любовником.

(Розанов)

* * *

...бабушке было уже 76 лет; она хворала, лечилась — но *как* и *что* — скрывала. Это лето она все делала клумбы цветов, планировала, копалась и спешила. Раз и говорит мне:

— Посмотри, Женя, как все хорошо.

Я смотрела. Она молчала. И прибавила, нагнувшись ко мне:

— Все хорошо, Женя... Все, все... Если бы *не смерть*.

Кроме этих слов, она никогда ни разу не сказала о болезни.

В эту же зиму она умерла. У нее был рак.

(из рассказов Евг. Ив., Сахарна)

* * *

— Если я в темной комнате наткнусь на косяк, я говорю: "Pardon". Это привычка и воспитание. И неодолимо.

"Да, — подумал я, — а демократ, наткнувшись, немедленно дает в рыло". Эту Евг. Ив-ну замусоренный демократишко называл "кулаком" и "эксплоататоршей" за то, что она отказалась исполнить его совет — "пускать всех есть ягоды" в своих виноградниках.

* * *

Прокатилось колесо, пропылило, потом свалилось в канаву.

Эта канавка моя могила.

Так я умру.

(в мыслях о своей смерти)

* * *

— Не любят писатели России.

— Ну, что же: зато любят святые.

Щедрин не любил.

Тоже и Гоголь с Мережковским.

Но вот любил Дедушка Саровский.

И пойдем с Дедушкой. А от Мережковского с Бонч-Бруэвичем уйдем.

Из греха родилась наша литература. И в грехе умирает.

От сатир Кантемира до "Рассказа о семи повешенных".

∞

— Во всей России только мы хороши, писатели.

Ну, оставайтесь с "хорошим", господа. А мы терпеливо подождем, пока вас закопают.

* * *

Был вечер, христианство... И солнышко склонялось все ниже и ниже. И срезалось за горизонт.

Остановить ли космические сутки? Чего мы ждем, о чем плачем?

Солнышка не видно. После вечера — ночь. *Естественная* ночь. Чего же мы плачем, что так холодно, что не видно ничего.

Натягивай плотнее плащ на плечи, крепче надвигай шляпу. Сиди. И ничего не жди.

(*"наша культура"*)

* * *

"Наш Женя"

.....
.....
.....
... "Он любил молодую луну, лес, коров, людей... Безумно крестьян любил, — и всю жизнь, вот до 62-го года (возраста), возится около них, помогает, вызволяет из бед, из обид, притеснения и обмана; советом, властью, образованием и умом, деньгами понемножку. Сам небогатый дворянин и помещик. Солнце любил..."

Рассказчик рассмеялся:

"И любил девушек деревенских, не одну, а всех. Он не имел романов в обществе, хотя принадлежал к лучшему губернскому обществу. Но его романы с крестьянками, я думаю, исчисляются тысячами".

Я спросил:

— Ну ведь это только *нравилось* ему?

"О, нет! Нет! С полным окончанием и реально. Жена хотела с ним развестись. Она застала его "на месте" с горничной и говорит: "Тебе уже 50 лет, у тебя дочь замужем, дети не станут тебя уважать". Дядя — почтенный общественный деятель — упрекал его: "Женя, Женя!"

Когда же ты прекратишь это и утомнишься". Он закрыл лицо руками и говорит: "Ей Богу, дяденька, больше не буду!" — "Когда я услышал, — рассказывал дядя, — этот извиняющийся, как мальчика, голос — я едва удержался; так мне хотелось прыснуть от смеха".

"Я не знаю, — продолжал рассказчик, — какая у него психология, должно быть, магометанская, что ли. Но ни у меня и ни у кого из родни и из знавших его не хватало силы, слов и самого умения осудить его. Слово осуждения, готовое, по шаблону, было на языке: но своих осуждающих мыслей не рождалось в душе. Это как-то гармонировало "со всем" в нем, а "все" было необыкновенно хорошо, и я не знаю жизни более общественно-прекрасной и полезной. С 30 лет она была вся отдана народу, и отдана не формально, не по "службе" и "долгу", но оттого, что он художественно любил и любит народ; любит каждую форму его быта, его шкуру, его тело и чувствует до глубины его душу. И посмотрите, ему 62 года, а он прекрасен".

(выслушанный рассказ, — когда мамочка, строгая на этот счет, сказала: "Какой приятный барин; никогда его не забуду") (он за 40 верст приехал; и когда отдыхал от поездки, то попросил только подушку в кресло, — и, положив голову, — слушал разговор) (такого же я знал доктора в Москве)

* * *

Еврейская религия и (если позволено сказать) еврейская церковь, которая со Христа осталась непреобразованною и есть просто, таким образом, ветхозаветная церковь, только лишившаяся Храма и с ним потерявшая возможность осуществлять жертвоприношения, — она: вечно чистит, моет, рассматривает "как в увеличительное стекло" родники деторождения, удаляет оттуда сор, грязь, "лишнее", все к детородию не относящееся — волосы и проч., — предохраняет их от поцарапания и повреждения (смысл стрижки ногтей до самого тела в вечер пятницы и перед венчанием, — что указывает на бывающие у евреев прикосновения в субботу) и пр., и пр., и т. д., и т. д.

Не забудем, что в Храме стоял небольшой металлический сосуд с водою, имевший сбоку краны, и что в стенки его были вделаны "стекла из женских зеркал" (Олесницкий: "Ветхозаветный храм"). Олесницкий не обратил внимания на высоту над полом кранов. Если бы он обратил на это внимание, он заметил бы, что в Храме совершались омовения частей человеческого тела молящихся (может быть) и священников (наверное), аналогические "намазу" Востока (мусульмане).

Вот смысл их "миквы" и множества обрядов. Они вечно "моются" и как будто плятятся или выпячиваются перед кем-то невидимым, с мыслью: "Посмотри, я чист". И у них это так же обыкновенно и привычно, как у православного невольная "на ходу" мысль: "Зайду, поставлю свечку Угоднику".

Такова знаменитая "чистка всей посуды" перед праздниками, — религиозная чистка, ритуальная чистка. "Руки еврея, мысль еврея, сердце еврея должны быть направлены к тому, чтобы очиститься и очиститься, скоблить (грязь) и скоблить, мыть и мыть...

Это — метод; "extemporalia"¹, долженствующие всю "грамматику" затвердить в памяти. "Памятуй! Памятуй! Чисти! Чисти!"

Что??!!

— Все...

И шепотом:

..."чтобы там-то все было чисто", чтобы "дети рождались из чистоты, в святости".

"Волосок к волоску", "пылинка к пылинке". Между прочим, здесь родник их упрека, неправильно понимаемого полемистами:

— "Евреи говорят, что христиане рождаются от скотоложного (= грязного, как у животных) брака", "рождаются в грязи" и в "грехе", что "у христиан нет брака, а грязные сношения по типу как у животных (modo animalium)".

Христиане, имеющие венчание (чего у евреев почти нет), с недоумением и гневом отвечают:

— У нас-то именно брак — таинство, венчает его Церковь. А у вас только гражданский брак.

Евреи ухмыляются и кивают головами.

* * *

Все образы Нестерова просят пощады.

(за корректурой "Молящ. Русь")
(на конверте уведомления от Нелькена)

* * *

Александр Яблоновский считает себя либеральным и просвещенным писателем, между тем в черепе его может только вариться каша, — притом без масла.

"Не будем говорить об этих мерзостях", — записал он о браке гимназистов и гимназисток; и величественно сослался на мнение Мечникова, произнесшего совершенно идиотическую фразу о "неодновременности наступления половой зрелости и зрелости к браку". Но с тех пор как один член Академии наук (Марков, — по мат-ике) испросил в бумаге за гербовой маркой соизволения у Св. Синода перейти в атеизм, "мнения ученых" вне их книжных и бумажных премудростей вообще некомпетентны. Ученые показали себя вообще "возможными к глупости". И около Маркова-математика отчего не сидеть Мечникову-зоологу, вздумавшему после наблюдения над фагоцитами и обезьянами рассуждать о социальных вопросах, о структуре общества и планах истории.

Но разве Ал. Яблоновский не слышал, что из VI и VII класса гимназистки "уходят", п. ч. им "сделано предложение" и родители их нашли необходимым и своевременным не отказывать подходящему жениху?

Зачем же им выходить из гимназии, когда они могли бы кончить курс и в случае вдовства — кормить трудом, должностью, службой детей?!

¹ учебные упражнения (лат.).

* * *

Стена каменная — высокая, — не перелезешь. И натыканы гвозди.
Ни войти, ни выйти.

И дубовые ворота. Как сядет солнце, на них вешается а-гра-мадный
железный замок. Ни отпереть, ни сломать.

Ключ у игумена. Строгого.

Но в воротах врезана тихая калиточка, которая уже не запирается.
Без скрипа и в целость с воротней.

И замок висит. И калиточка есть.

∞

В калиточку народу не пройти. Но человек в калиточку проходит.

∞

Таков монастырь и мир.

Таков закон и исключение.

∞

Зачем "народу туда", куда человек двигается. А с другой стороны,
зачем человеку ходить, куда народ идет.

Об этом сказано: "Не лежит закон *праведнику*". И всякий, кто есть
"сам" и "лицо", — уже оправдан высшим человеческим оправданием.
А "все" — это овцы. И им свое поле, своя трава, свой пастух и пастьба.
Об них сказано: "пасут их *жезлом железным*".

∞

Если бы "отворили ворота" — все бы расстроилось, ибо не разделял-
ся бы монастырь и мир. И не надо. Пусть ворота будут. И замок, и все.

Но и калиточка пусть будет. Чтобы прошел человек, кому случилось.

∞

Нужно, чтобы был "закон" и "случай". Закон грозит и запрещает,
а "случай" прощает и пропускает. И все цело, и человек и народы.

∞

И мудрые напрасно волнуются, зачем "людям не дано *то*", "не дано
это". Путь мудрого вовсе не тот, что всех. "Не дано" всем, но мудрому
всегда и все дано. Мудрому Провидение указывает "свой путь". Кото-
рый он должен только *оправдать* и не совершить на "своем пути"
ничего, что не угодно Богу и Небесному Милосердию.

— "Не убий!" И —

— "Помни Бога".

* * *

Горнфельду очень нужно утвердить "натурализм" Гоголя. — "Русские — прощальги, все русские суть вообще прощальги! *Вот их великий писатель сказал*".

Без этого как же будет торжествовать Шклов над Москвою, "шляпка" над платком и французский каблучок над "котами": три элемента европейской культуры в истолковании Слонимского и Горнфельда.

(15 июля 1913 г.)

Да. "Уходите мертвые русские души, — приходите на их место живые еврейские души..." — "На место *гнуснее чего не может быть* — Фемистоклюса и Алкида, которые только смогли обходиться на рукав Чичикова, — приходите благоразумненькие, смышлененькие, белеенькие и вымытые Ицак и Шая. Все русские дети прокляты, все еврейские дети — благословенны".

Суть Горнфельда и Гоголя. На этом им и поклонимся. *Но останемся при своем.*

(тогда же)

* * *

Шум, звон, колокол и хвастовство пошло в русской литературе от Герцена.

И его "1001"-го таланта, между которыми не было одного:
Блазородства.

∞

Как *величественный* Карамзин был тих... Пушкин, "не чета Герцену", и тот был скромненький. Жуковский, Козлов, Подолинский, Батюшков — все "уездные барашки" русского затишья...

∞

И вся Россия, и все русское было тихо и деликатно.

∞

Вдруг явился этот "побочный сын" уральского золотопромышленника Яковлева и какой-то гувернантки-немки. В "побочности" Герцена, кажется, и заключается "червяк": "между своими", несмотря на миллион и папашу, он не мог быть "равным", — и он решил "скакнуть книзу", "в демократию", чтобы среди нее быть уже несомненно первым. А "горячий роман" в подпочве дал ему таланты и силу.

Так появляется "в июле нашей литературы" гениальный выкидыш, который, как "кукушка в чужом гнезде", расталкивает лежавших в гнезде чужих, не родных ему, детенышей. Герцен вообще не имел "родного"

себе (существо выкидыша) ни в России, ни за границей, ни в аристократии, ни в демократии.

Он *между* всего этого, *среди* всего этого, "ничего" ("выкидыш"). И толкает все. "С того берега" — характерное его заглавие. Но ему весь свет виделся и даже *был* "с того берега", потому что по существу рождения у него не было "своего берега". А статья умом и душою, великодушной и нежной, он не смог "езде" как "на своем берегу".

Люди *такого* рождения суть "Божьи люди" и должны чувствовать братство со всеми, везде — "своим" (местом), всех — "своими". Голубой глаз. Или — черный. У него не хватило сил на голубой. И он на весь мир посмотрел черным глазом мирового скитальца или "вечного жида". Так объясняется его "революция", не очень длинная.

* * *

...да мне противны только люди "с общественным интересом", а не то чтобы "общие дела", "дела мира", *res publica* в благородном смысле первых веков Рима, или пастушеских общин Греции, или наших приволжских волостей. *Волостная* общественность мне дорога и мила, и близка, и горяча у моего сердца; но вы с Невского проспекта, и из редакции, и из ресторана "Вена" с вашей "общественностью и Оль д'Ором" противны, непереносимы, отвратительны. Вы-то и погубили "*res publicam*" и "волость": ибо при виде вас и симпатичных ваших лиц квартальный сгреб вас за шиворот и потащил в участок и с вами кое-какие блестяшки и вздохи и *rei publicae*... Общественность начали губить фанфароны 14 декабря, и "Русские женщины" Некрасова, и мстительный полицейский (Щед.). Тут квартальный пришел и распоясался. Он объявил себя спасителем отечества. "Вот они каковы, видите, эти граждане чаемой *Республики-Славонии*"...

И, видя, что все разделилось на вас и на ряд полицейских, "кто следует" подумал:

— При полицейских все-таки Россия с Рюрика: не возвышалась, не цвела, была угнетена, было худо, тошнило. Но все-таки была-то именно тошнотворная *Россия*, которой если дадут капель и порошков, то тошнота пройдет, все-таки больное, но что-то: а эти же прямо заявили *ничего*, *nihi* ("нигилист" тот, кто отрицает все и признает нет, признает одну частицу не в отношении всего). Возможно ли колебание, чтобы выбрать тошнякащее что-то, а не *ничего*, т. е. квартального, указав ему взять за шиворот Плеханова, Столпнера и Струве.

Очень просто. И я за это. Сгребай в охапку и вези в свал за городом. И потом тебе честная пенсия и отставка с благодарностью.

∞

Как же, Марк Волохов рвал на папироски издания XVIII века, т. е. косвенно и с вытяжкой он и *они* рвали всю Публичную Библиотеку, собранную "деспоткой" Екатериною II, на зажигание своих демократических папирос, которые закурят такие господа, как Аладьин и Аникин. В 1906 году очень озабочены были коллекциями Эрмитажа, а Ив. Ив. Толстой отправил древние монеты в Берлин, тоже — Якунчиков: ибо

были угрозы, что "мы покажем аристократам собирать ненужные мужикам коллекции". Что же еще? Был Писарев, и им зачитывались, и, конечно, появится почище Писарева, который вторично предложит закурить Пушкиным сигарки. Горнфельд подскажет, что Пушкин действительно уже устарел и притом ведь имел придворный чин, хотя и менее важный, чем папаша Мережковского; во всяком случае, читаемость Пушкина кой в чем мешает признанности Айзмана, Шелома Аша; и три корифея русской критики, Горнфельд, Кранихфельд и Айхенвальд, единогласно "постановят мнение", к которому примкнет и "академик" Овсяннико-Куликовский. Изберут в академики Куприна за "Яму", Шелома за "Городок" и самого Айхенвальда за "Критические силуэты" (удивительны эти еврейские заглавия еврейских книг; помню у Левинсона в Ельце галстухи, с восхищением им показанные: "Саади-Карно"). Ну, и прочее. И что же тут было сказать, т. е. "кому следовало"...

Да: куда девать эту дуру-Россию. Финляндии (отдать) — до Онеги и Северной Двины, эстам и латышам — до Пскова и Новгорода, по Волге — Чувашская и прочие республики, с цадиками в роли президентов, Черноморские губернии — армянам, Киев — Польше, Сибирь — самостоятельна, Кавказ — тоже, Туркестан — тоже.

Россия?

Где ее место?

— Этого клоповника?! Клопов передавали, — ответит Плеханов, перехвативший пенсию после умершего Кутлера и занявший должность Герценштейна в еврейском банке. Место — очистили, и заняли его истинно культурные народы.

— Вот и банки...

— Вот и еврейские лавочки...

— Черты оседлости нет.

— И эти милые русские, исполняющие у нас роль репетиторов, бонн и нянь; и усердно переводящие на финский и эстонский язык, которому они теперь выучились по нашему указанию, "Городок" Шелома Аша. Мы живем и даем жить другим. От нас и хлеб, и подачки, и золотые часы из Варшавы "за преуспеяние".

Я думаю, Горнфельд подарит тогда золотые часы Короленке.

* * *

Единственный барин в литературе и есть революция.

Нет, единственный — Государь ее. "Его Величество никто не смеет оскорбить. Ни — заподозрить".

Но я снимаю с него хламиду и говорю: "Лакей".

"Всем барин, а мне лакей". Хочу и буду кричать.

* * *

— Герои! Они 20 лет сидели под замком. Потом "женились".

— Друг мой. Секрет "долготерпения" их заключается не в героизме, а в замке. Потому что если меня запрут, то как же я уйду? Это стоит всего два рубля, и о "человеческом достоинстве" поднимать речь — не

на тему. Будут "сидеть" Сократ, кошка, мышь, Галилей, вор, фальшивомонетчик, "кого запрут". Два рубля. А прочие определители — недостоверны. Карпович зарезал Боголепова, и для других он "политик", а для меня он — гимназист, зарезавший отца семейства. И если бы его выпустили, я своими руками опять посадил бы его в Шлиссельбург. Он — злая крыса.

— Но он для свободы народа.

На это я молчу и даю оплеуху.

Ибо он не только убийца, но фальшивомонетчик.

— Кто же его уполномочил?

— "Своя партия" в Париже?

— Друзья?

Вообще:

— Сам?

Но тогда я "сам" буду брать чужие кошельки, делать кредитки и насилловать чужих жен и дочерей: потому что 1) одному нравится убить Боголепова, п. ч. "сам", 2) а другому "нравится" изнасилловать ну хоть Веру Фигнер, п. ч. тоже "сам", 3) и третьему нравится "пороть в тюрьме арестантов", потому что тоже "сам". Тогда отчего же "мутило в душе" Вере Засулич, раз объявлен лозунг, что "сам хочу" и "сам могу". Карпович, Вера Фигнер, начальник тюрьмы, генерал-губернатор тогда пусть убивают, порют, дают зуботычины. Почему "Карповичу" можно, а генерал-губернатору "нельзя". Под этим и лежит: "мы — цари", "нам все можно", "мы святые".

Но тогда я, не желающий иметь над собою царем Карповича и царицею Веру Фигнер, даю обоим:

— Оплеуху.

Вот и разговор.

* * *

"Р-в крестник Победоносцева", — пишет Яблоновский. Да уж никак не "крестник Яблоновского". А очень хотелось бы Яблоновскому иметь крестником Розанова. "Розанов либерал, как и я". Просто, как апельсин скушал бы. Теперь может только говорить: "Мой крестник Оль д'Ор. Оба сидим в баре и через соломинку тянем 8-рублевое шампанское... Потому что мы, Ицка и Шмуль, замечательные русские писатели. Просвещаем страну, насаждаем свободу, читаем Герцена и отдыхаем в баре".

(бар — учреждение, где начинают пить с 2 часов ночи и где дамы пьют даром, п. ч. за них уплачивает сосед, какой-нибудь, все равно. Состоит из высокой скамейки перед полкой с винами, откуда им подают, что требуется. К удовольствию Иванова-Разумника, бар с успехом заменяет все религии, и христианство давно уступило ему место. Видел бар один раз — в литературном ресторане "Вена", где обедали обычно и убийцы-сутенеры тоже) (за корректурой книги)

В 12 часов по ночам
Из гроба встает барабанщик...

.....
В 12 часов он сдергивает со стола скатерть, на которой были расставлены лицемерные, приветливые чайные чашечки и бокалы, из которых пили вино "его дорогие гости в четверг", восхищенные "Ларамии" с "вездъ" (въезд) на воротах, — ударом ноги он разбивает флагшток с надписью: "Входите, дорогие гости, никак не раньше 2-х часов дня и не засиживайтесь позднее 8-ми вечера", "Громко звоните в там-там", "Сами снимайте калоши и пальто" и "Чувствуйте себя весело и приветливо, как подобает" при "давлении барометра в 750 миллиметров, температуре в 17° по Реомюру, при голубом небе и ясном виде на море"...

— Господи, какая чепуха! Господи, откуда в одно место стащили столько чепухи. Но это же *ее* чепуха, к которой, впрочем, на старости лет и в Самсоновском ослаблении примкнул и я сам...

В 12 часов по ночам

входят в "Пенаты" ведьмы. Она спит, раскидавшись на пуховой, вкусной постели, спит тупым, деревянным сном удовлетворения, что "новая глава" глупой повести начата и с нее рисуется "23-й эскиз немного со спины и сбоку", а главное, что "в этот четверг было сказано особенно много милого *ему* и главное *мне*", и уже окружающее общество, видимо, начинает сознавать, что "не там, в официальном и чиновном Петербурге", огни коего виднеются по ночам из "Пенат", но именно здесь, в "Пенатах", горит все молодостью, счастьем, кооперацией, кухарками, пьющими чай с сахаром и с господами, и всем этим Россия обязана МНЕ, МНЕ, МНЕ, которая стала вне предрассудков...

Сон переходит в неясность, и раздается храп, столь же могущий принадлежать кухарке, как и барыне. Голова отдыхает, бедра отдыхают под теплым одеялом, купленным в Париже в магазине №№...

В 12 часов по ночам

он хватает свои толстые кисти, огромную палитру и рисует свою ночную истинную душу...

Он вознаграждает себя за день...

Он отдыхает от тех сахарных улыбок, которые одни были допущены и вообще допускаются в блаженных "Пенатах", где все цветет счастьем, прогрессом, всемирным братством людей, — молодых людей в молодом счастье, — и рисует, рисует...

Вот он рисует эту стерву, о таланте, душе и успехах которой говорил так много "своим милым гостям" утром... Он выдвинул у нее правую ногу немного вперед: как бы одновременно она и *топает* ею, и *раздавливает* какого-то гада и ничтожество... Хвастливая голова откинута назад, хвастливая, плоская и самодовольная... Голова горничной, "попавшей в счастливое обладание" своим барином, голова международной авантюристки, сбравшей деньги, мальчишек, девчонок, шелк и титулы в Берлине, Монако, Париже и Лондоне...

— Потом он нарисовал этого толстого русского увальня, с неизмеримым телом, с небольшим количеством в себе крови, состоящего вообще из жира и "мягких частей", — в красной рубахе и детском "пояске" монастырского или старорусского происхождения. — Стоит он, глядит вперед, "в прогресс", ничего особенно не думает и имеет вид, что в России он первый начал о чем-нибудь думать...

Весь плоский, тупой, не то красный, не то желтый (цвет одежды)...

— Потом он начал этого pretre'a¹, запряганный в неосвященный угол: квадратный небольшой портрет дает впечатление разбойника, сжавшего в кулаке крест, как нож, ненавидящего этот крест, п. ч. он попался ему, когда он искал ножа, — с короткой бородкой, раздавшимися скулами, с лбом низким и тупым и всем лицом как бы вырывающимся из рамы и хотящим схватить зубами...

Что?

— Все!!!!

"Все", потому что это "Все" догадалось о его волчьих зубах и отходит от него со страхом, не доверяя овечьей одежде, в которую он официально одет...

Потому что это "Все" ему не верит...

Потому что это "Все" его презирает...

Но и еще главное:

Потому что у него нет *дара* и в сущности нет *зубов*, а только толстые мягкие губы, в которых можно пожевать ненавидимое "Все", можно помять его, но нельзя ничего перекусить, убить и разорвать...

И он рисует, рисует, этот темный Демон, окруженный фуриями. Почему?

Вся жизнь была бессилием. Бог дал ему гений и не дал души. Той доброй простой души, с которою он мог бы *создать* великое...

Ему даны были на палитру дивные краски, в его лоб были вставлены глаза чудного понимания красок, его пальцам было сообщено волшебство. "Так сделать", как вообще никто не умел и не мог...

Но в грудь не положено было сердца...

Ни в мозг — ума...

Пустая душа.

Пустой человек.

О, как это ужасно. А гений. Гений без души. Со стеклом вместо "натуры"...

"Все могу", но ничего "не хочу"...

О, тогда я захочу ненавидеть и ненавидеть...

Я весь мир захочу представить уродливым, безобразным, корчащимся...

Бороденки "так" и "этак", черепа голые... ("Запорожцы").

Хохот и хохот...

"Вальпургиева ночь".

Художник плачет. Великий художник плачет. Он оплакивает возможное свое счастье, великое возможное свое величие в истории, для которо-

¹ священник (фр.).

го "все технические средства даны" и позабыли дать "душу", или, вернее, в миг рождения черт выкрал "душу"...

Великий художник плачет. Будем, отечество, плакать с ним и о нем.

* * *

Провокация как пылесос: сосет в комнате, в стране пыль — и выносит из квартиры вон.

"Сверху" никак не откажутся от провокации, пока снизу не откажутся от революции.

А моральное состояние революции, родившейся от корня нигилизма, — от корня Чернышевского — Некрасова — Салтыкова — Слепцова — Благосветлова, — таково, что "провокаторы всегда найдутся".

— Мы герои! — Мы ангелы!..

Но глаз полицейского внимательно всматривается и из-под полы показывает кошелек.

∞

Где-то уже у Герцена есть восклицание... "Знаете ли, знаете ли, я скажу наконец... в революционной эмиграции, в ее богеме находятся голодные, необутые, неодетые... которые, которые ДАЖЕ дают сведения за плату в тайную полицию".

Герцен никогда голода не испытал. Голода и мук унижения. Кроме того, всемирно известен. Но чем революция вознаградила тех, кто никому, не известен, литературных талантов не имеет и всю жизнь голодал для революции? Кончается восклицанием: "Я столько служил революции, что наконец хочу быть за ее счет сыт".

(Черный огонь)

* * *

Русские вообще все (кроме редких исключ.) суть невинные сутенеры. И потому у них совсем нет *философии денег*, которую я хочу дать здесь.

Обломов — сутенер своего поместья; Чацкий и Молчалин (не велика меж ими разница) "висят" на своей должности как камень. Гоголь "просился на пенсию" ко Двору... И вообще "пенсия", "подачка" и "помощь". Не спорю — праведны, потому уже, что ленивы, но царство привозных сутенеров все же очень плохое земное царство.

Русская история началась было с отрицания "сутенерства": это — Микула Селянинович. Но это — древний богатырь; на смену его пришли "новые богатыри" с подвигами и приключениями, но без сохи и земли.

У меня давно сложилось 2 афоризма:

1) Моя приходно-расходная книжка — хороший путь в Царство Небесное.

И:

2) Чтобы пройти к Богу — нужна совесть; но еще больше она нужна в мелочной лавочке.

И наконец:

3) Благородство нужно отечеству — чтобы сделать предложение девушке, — в сражении, — в церкви; но важнее всего и неизбежнее всего оно тому, кто хочет быть богат.

Таким образом, суть денег, что они связываются с Богом и Вечным Судом и главное наше оправдание перед этим Судом.

— Не говори мне о том, что ты всегда "резал правду-матку", что был белоснежен с девицами, "как фарфоровая куколка": а покажи жене *Вечное Золото*.

Которое приплыло и не уплыло.

* * *

Мне кажется, когда критикуют или обсуждают "отношение Церкви к браку", "отношение духовенства к браку", "отношение духовной литературы к браку", — все эти порядки и процедуру бракоразводного процесса, еще это "каноническое право *о тайне супружества*" (хватило же духа у проф.-священн. Горчакова так озаглавить свою книгу), причем самые приученные супруги не решаются переступить самый порог "Судилища" и нанимают лжесвидетелей и особливых "адвокатов", которых никогда не принимают в обществе обыкновенных адвокатов, до того они провоняли пачулями (духи проституток), публичным домом, ложью и взяточничеством...

Когда, говорю, частный и посторонний человек задается вопросом, "откуда сие", т. е. откуда эта жестокость и мерзость духовного отношения (читайте, Филевский и Альбов) к людям семейным и браку, то не принимается во внимание, что единственным, что в *воспоминаниях*, в *осязательном* и *виденном* когда-то преподносится воображению "духовной особы" в отношении женщины и влечения ее к мужчине, в отношении мужчины и его влечения к женщине, это

судомойка.

И когда проф. А. И. Павлов писал "Об источниках 50-й главы Кормчей" (глава — о браке), то он прибрал различные "варианты", и "рукописи", и "кодексы", не заметив, что

источником

всего этого служили вовсе не рукописи, отысканные в монастырях Афонской горы и Синайского полуострова, а

судомойка.

Потому что это есть, за 1000 лет, единственный

образ женщины

во влечении ее к мужчине и единственный воспоминаемый объект "преlestного влечения мужчины к женщине". Единственный образ

любви.

Поэтому когда тоскующие муж и жена приходят в Консисторию (они *никогда, лично, и не приходят*), когда приходит *одна* жена и просит развести ее с мужем, потому что она полюбила другого, — приходит муж и просит о том же, — когда девушка приходит и плачет и говорит, что она любит "того-то", а брак "неканоничен и запрещен", то у тех, от кого зависит решение, кто держит судьбу их в руках,

ничего иного

не вырисовывается, как что "сей мужчина" хочет обнять сзади
моющую полы

судомойку,

а барышня, пришедшая и плачущая, — притворяется, а в сущности ей
хочется, во время

мытья полов

быть обнятою сзади мужчиною... "как бывало"... "у нас 40 лет назад
тому"... "когда мы баловались и грешили"... но "грех тот замолили
и более не грешим".

Какой же ведь еще-то образ женщины им предносится? Ничего другого!
Никакого иного воспоминания, осязания, практики. Если священники,
конечно, имеют несколько иную практику, иной дух и иной нюх, — то что
такое "священники" в духовной литературе, что такое священник-богослов?
Такие если и *есть* или, вернее, *попадают*, то голос их так слаб, незаметен,
так невлиятелен и, главное, несамостоятелен и зависим, что, конечно,
никакой "священнической о браке традиции в духовной литературе" не
существует. Это — факты "в молчании" или в пренебрежении. Решают
"отцы", мнение устанавливают "отцы" и "сан", "отцы и учителя веры", и *их*
же *одних* спрашивают, когда пишутся или проектируются вновь "законы
о браке", "законы о расторжении брака", о "примирении супругов" и проч.,
и проч., и проч. И с *их* же мнениями, авторитетом и проч. сообразуются
и канонисты. Но "сии все" были в малой келии, были "в послушании",
перешли "в бóльшую келью", наконец "в достодолжную квартиру" и еще
и окончательно уже "почти во дворец". Тогда он именуется "Исидором",
"Филаретом", "Иннокентием" и виден "всея Руси". Вся Русь и преклоняется
перед ним, — и даже основательно преклоняется, п. ч. он мудр, богобоязен,
благочестив, молитвенник. И три тома "Речей и проповедей" или "Творе-
ний" у него на столе в кабинете и у Тузова на прилавке.

Да.

Но в отношении требуемой темы он, не будучи виновен сам, только
глазом наблюдателя 50 лет назад помнит шутки соблазнения молодень-
ких послушников

судомойкою.

Что-то отвратительное. Что-то мелочное. Что-то глупое. О чем,
конечно, естественно сказать:

— С глаз долой!

— Гадость! гадость!! не хочу видеть!!!

— Не хочу расспрашивать!!!! Вон. Казнитесь! Ничего вам! Никакого
поощрения блуду, шашням,
обниманию судомойки сзади.

И с негодованием, с истинным омерзением, чистосердечным, свя-
тым, — он гонит *Лизу Калитину*, он гонит *Елену* ("Накануне" Тур-
генева), гонит *Татьяну* (Пушкина)...

Все законы о браке и всё судопроизводство о браке, эти "обыски"
(хороший термин!!!) и консисторская процедура о расторжении брака
и проч., и проч., и проч., и т. п., и т. п., и т. п. суть

законы о судомойках

и ничего больше, ничего меньше, ничего "в сторонущке" от этого... От
этого милого идеала и милого представления, единственно реального,
обняемого, осязаемого, ощупываемого, представимого.

Не скажет ли читатель: "Это черт знает что́"... "Смешать женщину с судомойкой", "представлять женщину только в образе судомойки". Но я скажу читателю, что все Министерство юстиции, сам министр, целое правительство находятся под угнетением и игом этого представления, ничего с ним поделаться не могут, даже протестовать не могут, так как они даже и подумать не смеют

рекомендовать митрополиту Филарету читать романы Тургенева.

Он молится. Как может он читать романы? Да не только романы, — а прочитать "Евгения Онегина" не только нельзя рекомендовать ему, а нельзя даже *Гермогену* из Саратова, который писал и обдумывал вот это "расторжение брака", которое я привел.

И вот я вою-вою над этой темой, — скулю над ней, как собака. И только одно:

замолчите!!!

Ну, замолчу.

Радуйтесь и царствуйте, господа духовные. Но кроме правды здесь, на земле, здесь и *вашей*, — есть правда на Небесах, и я верю, что это есть *моя правда*.

Sic и satis¹.

Только не удивляйтесь, что я усиливаюсь все разрушивать у вас здесь; и в усилиях иногда говорю "слишком".

* * *

... на всю жизнь человек получает в рождении какую-то тайну, с которою живет всю жизнь, и всю жизнь разматывает эту тайну. Как будто, когда ему было "вот-вот прорезаться через таз матери", — ему что-то (кто-то?) шепнул что-то: и это "что-то" будет в нем жить тревогою, ожиданием и, м. б., "ангелом хранителем"...

Между прочим, та $\frac{1}{2}$ минуты, которая проходит после рождения до перевязывания пуповины, когда он и делает первое вдыхание "этого мира". В это время, по Спасителю, женщина "радуется", и в радости ее, слиянной из облегчения и умиления, из благодарности к Богу, есть что-то необыкновенное. Нельзя ли бы эти $\frac{1}{2}$ минуты удлинить до 2—3—4 и даже 5 минут. В это время через новорожденного, через его мозг, душу струится еще кровь матери. И он одновременно и "на сем свете", и "на том свете". Но "тот свет" (утроба матери, ее душа) — в неизъяснимом подъеме сил. И может быть, *тут-то* на всю жизнь в младенца хлынет "идеализм", "надежды" и "сила", которые будут его держать в минуты слабости и упадка.

¹ Так и довольно (*лат.*).

∞

∞

∞

Нужно бы подумать об этом. Никто не думает. Отчего не думают люди?

(за корректурой "Писем Страхова")

* * *

Вот что:

Если перед вами еврей и еще несколько человек, немец, поляк, русский, чухонец, то вы всегда увидите еврея в озарении некоторой деловитости и вам нужности, а прочих — индифферентными себе.

Русский по обыкновению спит.

Поляк рассказывает "нечто из своих подвигов".

Француз волочится.

Немец глубокомысленно рассуждает о том, чего никто не видал и о чем никто не знает.

Чухонец сосет трубку и ни о чем не рассуждает.

И англичанин поглаживает мускулы.

Вы — не существуете для всех.

О *вас* думает один еврей; и начал думать с той самой минуты, как вы вошли в дверь.

Он думает, *в чем вы нуждаетесь*, — серьезно, участливо и практично. Он взвесил вашу душу. По лицу и движениям он определил, что вы за человек, и какую вы почву представляете собою, и какое семя способны принять в себя. "Что из вас может выйти *в отношении его*". И когда это решено, почти в бессознательных мыслях, он вынимает из одного из бесчисленных своих карманов соответственное зерно и вкладывает в вас.

Он удобрил вас, он оплодотворил вас.

Он подошел и сказал вам, что то, о чем вы думаете и чем озабочены, — легко исполнить. И если вы не откажетесь, то исполнит именно он... Вам нужно только сидеть и немного подождать...

Вы ждете. И действительно все хорошо сделано. Главное — успешно. У еврея всегда успешно (магическая их тайна в истории).

И вы даже не замечаете, что уже не "сам" и "я", а — "его". Почва, которая засеяна евреем и которую пашет еврей.

"Поля наши — не из земли, а из людей". Вот отчего мы и не пашем земли, исторически не пашем, провиденциально не пашем. Ибо для нас уготована благороднейшая почва — человек, народы".

* * *

— Чего же ты хочешь, когда не хочешь ни литературы, ни политики?

Мне кажется, "литературное появление В. Розанова" совпало с глубочайшим внутренним поворотом общества, о котором лучше всего я дам понятие, сказав "о московских друзьях" (5—6): хотя оказывается, "мы вовсе не ищем литературного выявления, но взамен этого горячо

культивируем личную дружбу. Случается, меня вызывают в Москву, чтобы поправить запятую в корректуре такого-то друга, и я иду (профессор), равно к себе зову из Москвы, чтобы посоветоваться об одном слове. Но, в сущности, мы оба идем и не для запятой, и не для слова, — а ища прицепки повидаться и поговорить”. Если *имя* мы и выставляем, то лишь в смысле, что написано *в стиле* такого (имя на книге), а труд обычно — нас всех общий. Настолько мы все стараемся для *каждого*, помогаем ему, ищем справки, источники, переводим для него. Вот. Общество, а не литература. Братство, а не программа. Повидавшись с одним из ”них” всего 2 раза, я ему рассказал вещи, какие и не снились ”Уединенному”, — по доверию, что он ”не захочет брата своего осудить и огорчить”. При огромном уме и образовании, они живут без *огорчения*. Мне случилось (по неосторожности письменной) мучительно оскорбить другого: оказывается (при громадном уме) — просто *забыл об этом*. Почему забыл? Он погружен в ”сущности вещей”. Все они погружены в ”сущности вещей”. Между ними есть 60 лет, есть 26 лет, одни — очень учены, другие — не очень учены и даже не особенно, не изысканно умны. И изысканные считают этого неизысканного в ”отца” себе, за глубокую и великую гармонию и ясность души, из которой все учатся. Вот. Что же это? Да и *есть* то, о чем я тосковал в письме к Рцы (в 1892 г.), пиша, что ”литература есть собственно сифилис”. Вовсе не *литература* нужна, а *прекрасное общество*, и опять же не политика нужна — а братство людей. Здесь *Дума* умерла, ”новых законов” не нужно: п. ч. закон, конечно, — для хулигана, для злоупотребителя; а эти люди живут вовсе без закона, п. ч. они суть хорошие люди. Теперь я припоминаю жизнь бедного Рцы, — и думаю, что он тоже пришел раньше времени. Что такое была его одинокая жизнь, насыщенная идейностью, как я думаю, ни один дом в России, и куда постоянно тянуло, п. ч. это был ”святой дом” по воспитанности детей, по добродетели жены, по многодумию его самого. Что такое была жизнь г-д Щербовых — как не другой такой высочайше идейный, хотя немного и сонливый (он) дом, полный прелести и художества? А чтобы ”дополнить гармонию”, назову Сахарну, где я увидел уже перешедшую в ”братство” собственно жизнь десятков и сотен людей, где все шло к великой и прекрасной женщине с ее любовью к ”белому и синему”, к цветам, к работе, к помощи. ”Все должно быть прекрасно и гармонично”. Как она сказала *жене* повара своей сестры, с которой чтобы увидаться — проехала 4 часа по железной дороге. Та ужасно много страдала в жизни (лицемер — фарисей — развратник муж). И вот, приехав, села: ”И у меня стало хорошо в душе. Подняв на нее, милую, глаза, я *почему-то* сказала: — ”Христос воскрес”. Она ничего не сказала. И мы долго сидели молча. Потом поговорили. И я уехала. Это — чудо. Чудо любви и уважения. И вот в Москве нашли это:

— Будем *уважать друг друга*. Будем верить.

(свечка гаснет)

* * *

— Так вы нами не очарованы?

— Нет.

— Но нами все очарованы?!

— Ну, что же...

(разговор с социал-демократами)

* * *

Прочел у Глазенапа:

”Лучшими представителями переменных звезд нашего северного неба являются β Лиры и β Персея”.

На вопрос:

— *Отчего* происходит переменность звезд?

Ученый бы ответил:

— Звезды — бывают *переменными*, если их обозначить одною и тою же буквою, напр. β Лиры и β Персея. Указываемые *одною* буквою греческого алфавита, они *одинаково* переменяют свой блеск.

И сколько бы вы ни удивлялись такому заключению, ученый остался бы упорен, тем более что он оказал знание астрономии и греческого языка. Едва ли нужно продолжать, что не существует вовсе никаких средств разубедить его в этом, и просто оттого, что он глуп и сложнее умозаключения, содержащегося в его суждении, не может ничего воспринять.

А знает действительно греческий язык и астрономию.

(судьба устойчивости дарвинизма и философии Конта)

* * *

...хоть бы постеснился *скромностью*.

Уйти в ту пору, — *тогдашнего* Петербурга и тогдашней ”в мундире” России в далекий глухой лес... Молиться, жить в созерцании, в одиночестве...

Потом *приходит народ*, простолюдины, крестьяне, купцы, лавочники, вдовы, сироты, жены жестоких мужей, мужья беспутных жен.

Плачут, молятся. Говорят:

— *Наставь, как жить*.

И он с ними молится, о них молится и советует, что умеет.

Потом садит капусту, умывается в ручье. И живет с Богом, звездами и молитвою.

∞

Перед этой жизнью как пуста и суетна, ненужна и ненародна столичная жизнь журналиста Белинского с разбором французских повестей и профессора Грановского с четырьмя чтениями: Александр Великий, Тимур, Людовик Святой и еще кто-то.

Как же Мережковскому хватило духа посмотреть на него ”через плечо назад”. А он посмотрел.

Где же здесь *ум исторический* и *благородство души*? Ибо ”если ты благородному не поклонился, не поклонятся и в тебе даже тому, что благородно”.

”Последний святой”... Почему ”последний”? Да уже после Серафима Саровского и даже частью современно Мережковскому жил Амвросий Оптинский и Иоанн Кронштадтский.

Нет, тут, пожалуй, был и ум, и благородство: но он *совсем не русский* и *ничего русского не чувствует*. Вот где зарыт корень.

* * *

”Пролетарий” обычно делает судьбу через женитьбу. Осмотритесь, девушки, пожалуйста, осмóтритесь. Попросту, — по счётам посчитайте своих бывших ”женихов”: все пристроились к титулу (очень любят) или к капиталу. Оставив простушек и бедных ”с носом”.

* * *

”В Петербурге не было у меня никого знакомых, — лето, разъехались. И я бродя-бродя зашла к нему...”

Она заплакала и не продолжала. Он что-то с нею сделал, — вне ”отдачи”, что́ было бы простительно в их лета. Он ее, как мы догадываемся и ищем в долгих разговорах за полночь, загипнотизировал, и каким-то злым и страшным гипнозом, à la Гр. Расп. Что́-то с нею сделалось: она стала ”сама не своя”, он убил в ней страшным убийством ее душу, ее образ (кроме внешнего), ее волю. Осталась тень, скульптура прежней. Ее все любили и любят по-прежнему. Хотя ”говорить” с нею что́ же: она повторяет его слова, его суждения, автоматически, безвольно, *со страшною безжизненностью в себе*. Между тем неизмеримо его талантливее и умнее, — образованнее. Что́ он с нею сделал — никому не понятно. Но что́ она заплакала, рассказав, как первый раз зашла к нему, — показывает, что душа ее не вовсе умерла, что у нее сохраняется, ”как за занавеской”, память прежнего, смысл прежнего.

Она — сомнамбула, лунатик. Всегда щемит сердце, когда на нее смотришь. А он вертится, нюхает, втирается и чего-то ищет, как сыщик тайной полиции ”самого красного оттенка мыслей” (прежде и долго).

Вообще ”личный состав службы” социал-демократии — поразителен. ”Вот уж святцы”.

* * *

Я взглянул и вздрогнул.

Из пука свечей, которые о. Настоятель держал в левой руке, он брал одну, другую... И, зажигая, передавал по очереди сослужащим священникам. И в момент, как тот брал, оба нагибались и целовали друг другу руку.

Целовали друг другу руку!!!...

Пусть это форма сейчас, и они ничего не чувствуют друг к другу, — не только ”братства”, но и простой дружбы или расположения. Но ведь это и не ”братство”, а ”отцовство” и ”сыновство”.

”Сын мой”...

”Отец мой”...

Чужие друг другу, встретившиеся в "службе".

"В службе" встречаются чиновники: но говорят "Ваше высокоблагородие".

И военные: "делают под козырек".

И парламентареры: дают друг другу в зубы.

И журналисты: клеветают друг на друга.

Только "в церковной службе" они поцеловали друг у друга руку, "как отец и сын".

И молящиеся научились. Научились ли? "В жизни надо быть друг другу отцом и сыном", "матерью и дочерью", "братом и братом".

"Перед Христом, братие: будем как отец и сын, дочь и мать, брат и сестра".

Премудрость! Воимем!

"Церемония", "форма". Откуда и отчего стало только "формой"?

Потому что мы "совершенно не таковы теперь, как были сотворившие впервые эту *форму* люди", и бессильны повторить ее с такою же душою, и от этого бессилия уже совершаем все как церемонию.

"Торжественную церемонию", однако.

Мы торжествуем и торжественно поклоняемся людям совсем другим и нам теперь уже непонятным, которые — передавая — свечу от свечи и зажженный свет от зажженного света — целовали друг другу руку в минуту передачи...

Потому что любили...

Потому что хотелось...

Это мученики — прощаясь друг с другом перед тем, как идти на арену цирка, — целовали руку друг друга и уста, и все...

Это мудрецы Платоновой Академии, в Афинах, восторгались и обожали друг друга, юноши старцев и старцы юношей, и целовали тоже руку друг у друга. "И если бы я не боялся показаться безумцем, я *зажигал бы перед ним (человеком) лампады*" (Платон).

(в Сахарне)

Взял девку с бородой замуж и так одарил подарками, как не получала ни одна девка без бороды.

Вот старая история.

И девка-то была уже немолодая, да и сама женатая. Черт знает что. Лысая гора. Брокен. Но он заметил, что ее жених-красавец был слаб и позволял ей лечь в постель к другому.

Сущая Лысая гора.

Так неужели на "Лысой горе" заварилась история?

— Вольно вам Лысую гору называть "лысой горой"... Все — кажущееся. Назовите ее "Садом Сладости", и она будет нравиться всем как Эдем... Паспорты перепутали.

* * *

Если бы не губы, мы старели бы, а как есть рот, то мы вечно молоды. От этого и сказано: вкусите в жизнь вечную, пейте ею оставление грехов.

* * *

Нимфа Эгерия раз сказала Сервию Туллию:
— Учение о форме (наружном *виде*) вещей относится к самым глубоким частям магии.

* * *

Б. попросил у Авраама... А Авраам нисколько не навязывался Б-у.

(лекции о христианстве Гизо; там — об Аврааме и его "покорности Богу"; читал в унив-е)

* * *

Нимфа Эгерия шепнула Сервию Туллию:
— Обрати, сын мой, внимание, что этого и нельзя сделать, не повторив вот на эту минуту того, что Авраам сделал перед Б.

* * *

Когда же, услышав это, Сервий Туллий закрыл лицо руками, нимфа улыбнулась и сказала:

— Так закрылся Моисей, говоря лицом к Богу. Ты ладонями, он завескою.

И успокоила царя, приложив ладонь к щеке его, и потихоньку дотронулась пальцем до щеки его.

Он вздрогнул и открыл лицо. Нимфы не было.

* * *

— Напрасно опять ты волнуешься, — сказала нимфа Эгерия Сервию Туллию. — Разве ребенок не берет каким-то инстинктом сосок груди своей матери и теленок соска коровы. Чего и не было бы, конечно, не будь именно *соска*, а с другой стороны, едва ли бы он явился, да и *наверно* бы не появился у женщины и коровы, не будь у рожденных ими — *губ* и всего сложения рта. У птенцов — *клюв*, и у птиц нет поэтому никакого *соска* для питания детей своих. А с другой стороны, так как матери птиц не выделяют молока, то у них вообще "лицо" могло сложиться в форму почти одного клюва. Природа везде устанавливает этим двойные гармонии. Так что, где есть губы, — ищи и сосок. А где находится, с другой стороны, сосок, найдутся для него и губы.

Подняв голову, царь сказал нимфе:

— Так ты думаешь, купол на вершине всех на земле храмов?..

— Тссс... — сказала нимфа и, дотронувшись ладонью до щеки Сервия Туллия, улыбнулась и, ведя рукою, чуть-чуть тронула пальцем губы царя.

* * *

— Теперь ты понимаешь, сын мой, что на Востоке все это происходит *con grazia*¹, а у нас, на Тибре, "просто". Почему римляне народ прозаический и трезвый. А на Востоке Песнь Песней и омовения.

(нимфа Эгерия Сервию Туллию)

* * *

На Тибре и около Cloaca Maxima² добрый римский народ так шумел, что Сервий Туллий, проходя, почти оглох и от этого потом не мог расслушать всех слов нимфы Эгерии. Притом же, на этот раз, она говорила особенно тихо. Он расслышал только конец ее шепота:

.....
.....
.....
.....
.....
.....

..... ты обоняешь чашечку цветка, не срывая его со стебля, — и пчелы, и мотыльки, привлекаемые издали его запахом, цепляются нежными, тонкими ножками на его лепестках и, развернув хоботок, свернутый под головкою в спираль, погружают его в липкий нектар и пьют сок. И даже всякий человек, юный или старый, сорвав медвяный, липкий листок с куста или дерева, еще не распутившийся вполне из почки, кладет его на язык и чувствует освежение... Для этого и выделяют деревья, листья, цветы — смолы, соки, влаги; и, я слышала, на Востоке в Храме перед Богом всегда воскуряют ладан и жгут воск, не оскорбляя этим Творца Неба и Земли. Этот-то Творец и сотворил смолы и все пахучие вещества, в которые входит все драгоценнейшее и внутреннейшее жизни и живых существ. Для этих-то смол и пахучих веществ и дано обоняние всем существам, не исключая и человека; или — всем высшим существам, и особенно человеку. И, вообще, где есть пахучесть — непременно есть и обоняющий; и где пахучесть скрыта особенно глубоко и никому не доступна — все-таки есть кто-нибудь единственный, кому она доступна, и тогда он особенно и лично призван к обонянию ее. Это — закон насекомых, цветов, деревьев, животных, людей, и закону этому не подлежат только птицы и рыбы. Что же касается жрецов Юпитера, то они строги, но не мудры. Ты напрасно советовался с ними об этих вещах. Иди домой, сын мой, и да будет тих твой отдых. И не смущается твоя опочивальня.

¹ живо, легко (*ит.*).

² Большой сточный канал (в Риме) (*лат.*).

Сказав, нимфа скрылась.

* * *

У нас — минутами, у евреев — вечно. У нас — некоторыми и как беззаконие, у евреев — всеми и как закон.

(нимфа Эгерия Сервию Туллию)

* * *

Странный договор...

.....
.....
.....
Яркое солнечное утро. Две армии, французская и русская, стоят на двух берегах Немана, среди которого стоит плот и на нем шатер... При музыке с той и другой стороны отчаливает по судну, — и они везут властелинов, от которых зависит мир и война, олива или фурии половины земного шара. Причалили. Гребцы остаются в лодках. Властелины *одни* входят в шатер, на котором разложена карта Европы, и они будут теперь ее делить.

Юный и неопытный подошел к столу и взглянул на карту...

Старший и всемогущий оглянулся...

Он задвинул занавески на окнах, положил крючок на дверь и, сделав тихий оборот, — поманил к себе молодого, когда тот оглянулся на него.

Подошел.

Подняв палец к губам, он отвел его в самый темный угол и, смотря на него внимательно, сделал что-то губами около пальца...

Тот смотрел и не понимал.

Опустив глаза, он показал, что надо сделать, и протянул руку...

Мелкая холодная дрожь сотрясла все тело младшего. Ему казалось, что ум его мешается, а глаза перестают что-нибудь видеть...

— Темно. Не вижу... — проговорил он.

— И не надо видеть, — услышал он шепот. — Это я навел тьму. Но нужно сделать. — И когда тот, все застывая и застывая, оставался недвижим, тот стал на колени...

Тьма еще сгустилась. Но это снаружи. В то же время младшему показалось, что уже теперь не тьма, но необыкновенный свет, белый, пронзительный, музыкальный, исходит из всего существа его... Как будто тянутся из него реки, моря, и он так обилен, что может наполнить из себя весь мир; и это, что он напояет собою мир, исполнило его невыразимого блаженства. Огромное ощущение всемогущества, всемогущества не только теперь, но и над всем будущим, наполняло его, и с каждой секундой все более и более. И таких секунд — 60, и как будто прошло 60 веков, но не около него, а в нем. И точно гром и рассыпавшиеся молнии. Когда еще минута, вторая прошла, он очнулся и увидел, что старший кладет ему холодное полотенце на голову.

— Ну, вот и все. И только. Теперь вы будете владеть всем, чем хотите, и французские войска завоюют для вас все, чего вы пожелаете.

Он ласково улыбался. Бессильно улыбнулся ему и младший. Он был страшно обессилен. Старший же, хотя и без того был могуществен, еще стал могущественнее теперь, сияющее, полнее молниями, волшебством и магией. Казалось, прикосновение к нему убьет всякого. Он был полон. И пополнился от младшего.

— Теперь ты будешь жить мною, а я тобою. — И вывел его из шатра...

Народы безмолвно ожидали их по обоим берегам. "Договор заключен, — сказали они, вступив на твердую землю. — Земля благословлена и освящена. Теперь здесь и там, к Востоку и Западу от Немана земля будет рождать сам-тысячу и болезней почти не будет".

Музыка заиграла. Солнце также светило.

(когда-то в Халдее; пояснительная аналогия)

* * *

Почему эта клумба астр хуже стихотворения?

Стихотворения "О клумбе астр"?

Значит, — первее, *свежее* жизнь...

Не прикрыть ли вам, гг. писатели, свои чернильницы. Кроме как Пушкин, которым пишется невольно. Ведь у вас не "невольно", а стараетесь?

(перед цветами)

* * *

Хворалось.

И целый день читал К. Тимирязева (о земледелии, "Речи и статьи", "Жизнь растений").

Какое *освежение*...

Лучшее самое в нем — отношение к Буссенго (наставнику), к товарищам по науке и общее народное русское чувство науки. В нем есть осколочек Ломоносова, как во всех лучших русских ученых. И до сего времени мы живем духом Ломоносова, и в сущности в науке есть только его школа. Школа приткности, свежести и единичных открытий.

Его память о Кауфмане ("Московская флора") прекрасна. По Кауфману и я определял растения в Подновьи, селе Черном, Растяпове (близ Нижнего). Слова его, что Кауфман "более всех содействовал ботаническому образованию в России", мне кажутся меткими. Вообще в книгах много меткого, но выше всего благородный тон.

Тимирязев — из великих русских натуралистов XIX в. Спасибо ему. Он украсил родную землю.

(на полученном письме Верочки)

* * *

Хоть и мелочь, и не хочется говорить, а все-таки:

Что же эти сменяемые чиновники, без памяти (или с самой плохой) о себе. Все поводят животиками. При малейшей утонченности, проезжая через Москву, они должны бы телеграммой запросить у Тихонравова, Ключевского, Тимирязева разрешения "отпить чашку чаю". И хоть

в недолгом разговоре, как освежались бы и благороднели в общении с человеком науки.

Но у них не сердце, а живот. И они "поводят животиками".

(Делянов, Толстой, Ванновский, Боголепов, Кассо, — еще кто-то был)

* * *

...было *легко* писать. Почему было легко писать "направо" и "налево" — я не знаю. И писал.

Очень просто.

Если бы *не легко* — конечно, не писал бы. "Наш увалень ничего трудного не делал".

"Вам надо утереть нос", "вы не честны". Не знаю. Со мной Мамочка, и мне хорошо.

(на корректуре писем Страхова)

* * *

...я себя считаю ("себе кажется") самым богатым *лицом* в XIX в. (в Росс.): чего мне конфузиться и перед кем?

Когда я вспоминаю историю написания "О понимании", — перед кем мне конфузиться?

Были минуты, когда я себя чувствовал между Парменидом, Ксенофоном, — как *друг* их, *ближний* их, — между Араго, Ампером ("биографии" их читал в III классе): ...кто пережил *эти, такие* минуты, м. б. иллюзионные (не все ли равно), — перед кем он опустит глаза?

Я был (бывал) **истинно счастлив** умственно: кто испытал эти голубые, эти лучезарные минуты, когда вставшие из гробов мудрецы обнимают тебя, ласкают тебя, когда ты чувствуешь себя равным всему благородному и умному в человечестве: то как бы мало *таких* минут, и хотя бы ты сделал потом что-нибудь глупое, пошлое, подлое ($2 \times 2 = 5$), наконец, — уже ничто, ничто не унизит.

И меня невозможно раздробить (в моем сознании). Вот в чем дело. И я ступаю вперед, и ни до кого мне дела нет.

История "О понимании" — это сплошная 5 лет поэзия.

(на той же корректуре, с другого поля)

* * *

Скопческое отродье только и могло выродиться в формализм и канцелярию.

Чего же я ожидал?

Чего мир ждет?

(после звезд; третий край той же корректуры)

* * *

Отрицание-то пола и есть корень мирового пессимизма, религиозного пессимизма. Суть вовсе не в евреях, суть (историческая) у нас

(извините) в панталонах: поставили вы там *минус* — и вдруг везде стала Ночь... Ужасная, страшная ночь... Слезы, скорбь, молитвы. "Не хочется жить", "не нужно жить". Цветы увядают, коровы бессмысленно мычат, нет бычков с ними, нет телят у них. Девушки не причесывают волос (не для кого), весь мир сидит неумытый, нечесаный и под конец веков во вшах. Через Авраама ("завет") жиды — *само в себе* ничтожное племя (только с большой и красивой "частью" у Авраама) *присоединились* к "этому", о чем я говорю, и стали бессмертны, неумирающи. Всё стали одолевать. Вообще тут корень одолений. Кровь начинает иначе бежать в жилах, корова подходит к быку, бык ищет коровы, курица садится на насест, хозяин идет в поле, насвистывая песню, девушка убирает волосы. "Жених! Всеобщий Жених!" Все приходит в "венчание", — нет, лучше в "сговор", эти 3—4 месяца перед свадьбой, когда невесте шьют платья и жениху она же стыдливо пришивает пуговицы "кой-куда". Весь дом убирается. Вносятся цветы.

Вьется алая лента игриво...

Запеваётся песня. И Государю шлется телеграмма: "Ваше Величество — мы сегодня в радости". Весь город убирается. Все города убираются. Все полито, свежо. В воздухе нет пыли. И Солнце, Солнце...

— Здравствуй, День!

Это говорит Розанов всему миру.

— А где же Ночь?

Не видим. За забором: ибо, когда она придет, мы ее не увидим.

(на той же корректурной форме)

* * *

— Если индейку назвать *курицей*, — какого она будет вкуса?

— Индейки.

— А если курицу назвать *индейкой*, какого она будет вкуса?

— Курицы.

— Вот, батюшка Дернов, и конец нашего с вами спора о *браке* и *незаконных сожитиях*. Одни кушают курицу и называют это индейкой, а другие кушают индейку, которую другие называют курицей. Но Кто на Небесах — о всех печется и говорит:

— Индейку я создал индейкою и курицу создал курицей. Однако люди перепутали имена и теперь сами не знают, кто что ест. Я же благословляю всех.

Так и будем любить Бога Благословляющего...

А Дернова... не будем обращать на него внимания. И если он нас не любит, пройдем безмолвно, но не возненавидим его.

* * *

...да очень просто, что "не было никаких изображений": ну, — что же если бы "по нашему методу" изображать начальную точку всего, исходный пункт всего — ветхозаветное "крещение в Иордани"... Ведь таковым было "обрезание сына Измаила и слуг своих Авраамом". И вот он

с острым камнем (вместо ножа) сидит перед шатром, а перед ним и подходя к нему 60 и, может, больше "слуг" с вынутыми для обрезания удами. Воображаю зрелище, и мог ли бы его Микель Анджело нарисовать на стене Св. Петра или Васнецов в Киевском Соборе????!!!!

А наши-то "изъяснители Ветхозаветного храма" стараются о своей "духовности" и объясняют "духовностью", что не было ничего "для осязания, взора" и вообще чего-либо вещественно изобразительного. "До того было все идеально и только духовно, что не было допущено ничего из матерьяльного мира, и запрещено было всякое изображение". "Изобразили" бы перед вами, так вы все бы разбежались, закрыв лицо и вопия. Евреи и "скрыли сие", ибо после грехопадения вообще уже не "раскрывалась" (листья, кожаные препоясания) эта часть.

Из этого "изъяснения" духовными писателями Ветхозаветного Храма видно, до чего в Священном Писании не понимают ничего наши ослы, наши кашееды.

И туда же учат, "истолковывают", "руководят" народ; никого, кроме себя, не допускают до "изъяснений" и пасут "жезлом" консисторским стада народов.

(прочтя статейку в "Вере и Разуме")

* * *

В вопросе брака и безбрачия духовные так же гибнут, как черные мухи на клейкой бумаге: дотронулся — и умер; ножка прилипла, крылышко прилипло...

Защищает девство — отвергает брак. А он "таинство"...

Защищает таинство — отвергает монастыри. А они — корень всего...

"Ножкой уперся — крылышко прилипло", "крылышком уперся — ножка прилипла".

Это только легко *по-видимому* сказать: "выбирай кто что хочет" и "следуй свободно избранному". Ибо с Адама никто никого не принуждал ни к браку, ни к безбрачию — и *вопроса* не было. Дело в том, что наличность факта "монашество *есть*" уже означает *принуждение* и содержит другую наличность, что *кого-то принуждают к безбрачию*, хотя бы прикровенно, где-то кого-то в уголку, в тени, вполголоса.

∞

Если "выбирай кто что хочет", зачем же статья уголовных законов: "За вступление в брак монашествующих — *ссылка, Сибирь, каторга*". Раз он "вступил в брак", тем самым и показал, что "*другого* хочет". Почему же "стой", "нельзя"? Разве холостой, живший "холостым" и затем "вступивший в монашество", подвергается какому-нибудь наказанию за "измену холостому состоянию"?

И далее:

Пусть тогда в монастыри (во всякий час суток) входят женщины: ибо "*кто хочет удержаться — удерживайся*", а "*кто не хочет — пусть и не хочет*".

Таким образом, разглагольствования *о свободе выбора* пусты и притворны. Разумеется, нельзя прямо сказать "в царстве благодати и свобо-

ды": "Мы *принуждаем*". Но не прямо и тайно понуждение к безбрачию, конечно, есть.

Устраните *принуждение*, и монастыри (в теперешнем образе своем) исчезнут: потому что туда *войдут женщины*, т. е. монахи (кроме немногих), конечно, их *позовут к себе*. Таким образом, монастырь, конечно, зиждется на *принуждении*.

Но каким образом можно "принуждать" (хотя бы единого человека) к отвращению от "тайинства"? Тогда — не "тайинство". (Хорошая вещь, желаемая вещь, позволительная вещь, добрая вещь, благословляемая вещь: но — не "тайинство", т. е. что-то сакраментальное. Можно ли хотя шепнуть, хотя слово сказать о "воздержании" от *настояще ощущаемых* "тайинств" церковных: "подожди и не исповедуйся", "подожди крестить ребенка", "отложи причащаться" и т. д.?) Ножка именно прилипает, ножка именно вязнет. "Все духовное *гибнет*": ибо объявить брак не "тайинством" — значит допустить личность, светскость, простую прозаическую гражданственность главного человеческого состояния, основной стихии человеческого быта. "Останемся *без семьи*, с одними *холостяками*", которые, конечно, "будут читать Бокля".

Что же делать? "Ни то, ни се", "притворствоваться", "гнутьяся" и "выдумывать слова".

Так выдумываются "слова", все "выдумывается", — но делу не помогают, и муха никак не может отлететь от "клеякой бумажки".

Тут ей и "скончание". Вот что значит "вопрос о браке", который многим представляется третьестепенной публицистикой. "Вопрос о браке" есть вопрос о "кончине времен", о конце "всего у нас", о почве, "на которой стоит вся цивилизация", и, наконец, о "песке", на котором хозяин неосторожно "построил дом".

Потому-то я все и возвращаюсь к нему. Хочется покоя, и молчу. Но мука входит в сердце — и вновь говорю. Не просто мука, а мука о правде.

Мука, в которой столько же любви, сколько и негодования.

Такие требования, как требование *семейного целомудрия*, требование *верности* жены мужу, на чем могут быть утверждены, как не на приписании: *полу — духа и духовных добродетелей*? Но поместите *spiritus in sexum*¹, и вы получите египетско-сирийский "культ фалла". Как же вы удержите целомудрие, "верность чрева женщины детородному органу мужа"? "Мы приказали": но приказание надо как-нибудь объяснить и мотивировать. Если "чтобы она рождала", то ведь рождать можно

¹ дух в пол (*лат.*).

и при изменах: сколько угодно, и я знаю один случай, где жена ежегодно рождала, изменяя мужу "напропалую" (и он знал об этом, и плакал, и не мог развестись "по церковным законам", так как церковь измену не при свидетелях, а в запертой комнате или в гостинице не считает изменою). Да и "приказать"-то вы могли именно по мотиву: "не оскорби детородного органа своего мужа". Но уж если его можно "оскорбить", то, очевидно, это (т. е. орган) есть "я" и "дух". В "Что делать" Чернышевского изменами не оскорбляются, ибо тот, естественно, стоя на физиологической точке зрения на брак, — *на обыкновенной точке зрения*, — вынесенной им из семинарии, спросил наивно:

— Если не оскорбляет хозяина то, что гость покурил табак *из его трубки*, то почему он может оскорбляться, если его друг или знакомый совершил половое сношение с его женою?

Вопрос этот ошеломил 60-е годы, п. ч. он был разительно нов и вместе было разительно очевидно, что от него защититься нечем. Действительно, если приятели, разговаривая, дышат воздухом одной комнаты, если клубы от их трубок мешаются, — то отчего им не "дышать одной женой", "подышал один", "подышал другой", разумеется, если жена не имеет ничего "против", а с таким вкусом, конечно, есть жены или, точнее, женщины. Есть женщины... но вот *где* начнется "жена"? *как* начнется, *откуда* возьмется? Вопрос Чернышевского, действительно, опрокидывал "жен" и становил на их место "женщин", а "брак" и "семья" заменялись "гостеприимной проституцией".

Крик по поводу этого было поднято много, но *опровержения* не было сделано ни одного: и по простой причине. *Опровержения* вообще нет в нашей цивилизации, в христианском круге мышления и понятий, кроме только "приказания", на которое можно ответить голым неповиновением.

Верность души моей, верность сердца мужу — не "дружба" с ним и "преданность" духовная, не хорошее с ним "товарищество", — а верность *половая*, преданность *лона и чрева*, конечно, может вытечь только из темного чувства, из темного сознания, из допотопного крика "всево мне", что:

чрево и лono мое есть дух, "верность", "доблесть", есть некое "я" и "кодекс законов" и, словом, бездна ума и глубины, идеализма и героизма... spiritus purus, spiritus sanctus, genius, angelus¹, не знаю что...

А, тогда "по чину — и должность".

Но какая же "должность", если никакого "чина" нет, если это "плюнуть", "гадость", "шельма", "вонь".

Если это мировое

— Фи!..

"Чина" нет — и "должности" нет: какие обязанности у жены к мужу?

Не больше, чем у бродяги на улице к другому бродяге. "Друг мой: я буду тебе переписывать твои сочинения, дружить с тобой, читать вместе с тобой книжки и, словом, быть тебе *незаменимым товарищем* в убеждениях и делах... Но, извини, *спать буду с другими*"... "Ведь это все равно".

¹ чистый дух, здоровый дух, гений, вестник (лат.).

Брак совершенно разрушается, семьи вовсе нет, иначе как по "непонятному приключению".

Которое может быть понято, разделено *с убеждением...* которое, наконец, до сих пор таится в сердцах благородных жен, пот. что до сих пор в них таится неуничтожимый и вечный в действительности инстинкт, что лоно и чрево включает в себя:

Spiritus.

Что это —

лицо

индивидуум

совесть

закон.

Но тогда по всем сим качествам дайте и "мундир". Это должно быть выражено "в чем-нибудь". Всякая истина выражается "в чем-нибудь": в учении, в слове, да и более осязательно и материально — в ритуалах, из коих первый, конечно, сохраняющееся *остатком от древности* ритуальное ежедневное омовение, как *столп религии*.

Пока их нет, омовений нет — не доказана *верность*.

Это (лоно, чрево) "ничто", без "уважения", "общий воздух" в комнате, "один дым" и "с кем хочу курю", "с кем хочу сплю".

Семьи — нет.

Омовения — *начало семьи*. Начало брака. Без них брак есть "проблема", "заданная задача". Но никакой решительно "решенной задачи" — нет.

* * *

Морить мух, однако, не нужно: достаточно около себя поставить тарелку со "сладким сором" — сахара, булки и воды. Все и сойдут туда — *оставив меня в покое*, "что и требовалось доказать", как говорят гимназисты, кончая теорему и кладя мелок.

Так надо "оставить в покое" и монахов, лишь бы они нас оставили в покое: 1) отменив законы монашеские о семье (т. е. *теперь* все сущие законы) и 2) лишив их прав вмешиваться в семью (т. е. права архиерея и монашеского Синода расторгать и разводить браки); оставить их на краю горизонта... там, где закат солнца, там, где вечерний свет... В мудрости особой им присущей и в поэзии тоже особой ихней.

Отшельник — вечен в мире.

Отшельник нужен миру.

Отшельник даже отнюдь не скопец и не "враждебен миру".

В Сирии и Палестине, как писал (и жаловался; см. академическое издание его "Книги бытия моего") Порфирий Успенский (епископ наш),

они имеют "духовных сестер", и никто этому особенно не враждебен, и никто к этому не придирается. Порфирий Успенский называет это грубым русским именем: но хотя он вообще мудрый человек, но в сем случае не был дальновиден. Именно эта умеренность отношения к женщине спасает все. Когда у духовных сестер тамошних архиереев родится дитя — архиерея поздравляют "с новорожденным", и это делается открыто, без лжи. Русские паломники не соблазняются этим, принимая, что "там такой закон" (обычай), и не считают тамошних архиереев более грешными, чем наши. — Ф. мне рассказывал, что, адресуя письма к этим "сестрицам" архиереев, пишут (он приводил греческий титул, т. е. на греческом языке) — "Ее преосвященству"¹. У нас скопчество какое-то формальное и неприятно канцелярское. "В формуляре не значится — женат". И все испуганы. Детей убивают (т. е. если случится у монашествующего лица). В Сирии живут "по благодати", кто сколько может исполнить. Формально обязательным скопчество ни для кого не может быть, ни единый человек не может быть формально и по закону лишен права иметь детей. Он может их *не иметь* — в естественном порядке вещей. Но сказать ему: *не имей* — никто не может, если даже он и монах. Я сам был на постриге монашеском и очень внимательно любопытствовал о сумме даваемых постригаемым завтрашним монахом обетов: среди обетов нет безбрачия. Я был поражен и потому твердо это запомнил и ничего не путаю.

Доселе — мой ответ г. Полтавцеву из "Русского Знамени", который, не зная дела, не зная ни Священного Писания, ни связи событий в церковной истории, вздумал возражать мне и даже дерзнул обвинять меня в "искажениях" по поводу описания Сахарнянского монастыря в Бесарабии.

Иночество выросло в пустыне. А пустыня — природа. Никогда, никогда каинского безобразия (ибо *детей*, т. е. *родных нам*, убивают) не могло появиться среди природы. Это — выдумка петербургских канцелярий, петербургского дозора, петербургского шпионства и ревизий; выдумка легкомысленного Феофана Прокоповича и неосторожного в сем случае Петра Великого, поместивших неосторожные главы в "Духовном Регламенте". Это — выдумка Гильдебрандта и пап (действительное и обязательное безбрачие).

¹ Как известно, Государь Александр II, основываясь на слове Апостола Павла: "Епископ должен быть единой жены *мужем*", хотел и решил восстановить древнее правило о непрременной женатости архиереев; и только митрополит Филарет при помощи юдиистической книги еп. Иоанна Смоленского "О монашестве епископов" воспрепятствовал этой моральной реформе.

Победоносцев (Кон. Пет., обер-прокурор Синода) в популярной для семейного и для школьного чтения приспособленной "Истории христианской церкви" говорит, что *выбор монахов на епископские должности* обязан происхождением своим не канонам и еще менее какому-нибудь принципу, а *обыкновению греческих императоров*, которые, усмотрев, что монахи (т. е. *того времени, ихнего времени*) отличаются более строгою жизнью, чем прочие лица духовного звания, стали *по преимуществу их вызывать на епископское служение*. И монахи (т. е. "теперь", в их время) оправдали их выбор. Так этот *обычай и укрепился*. Но еще в XVIII веке в юго-западе России среди епископов был один или два случая — семейных. С тех пор эта традиция угасла. Но только нелепое невежество может утверждать, чтобы древнейшая традиция не имела права восстановиться.

* * *

— Gloria! Gloria!

5—6 часов утра. В соборе Св. Петра. Рим. Все в ожидании, волнении. Я сидел на 3-й скамейке перед главным алтарем. Утренние лучи в окнах золотили храм. Служил Рамполла и сонм епископов. Хор был влево, сейчас над нами. Орган молчал.

.....:.....

Голубой воздух и солнце. И клубы дыма входили в лучи и отливали там. Все было прекрасно, но прекраснее всего звуки:

— Gloria! Gloria!

И еще, и еще. Я службы не понимал. Но это-то я понимал:

— Gloria! Gloria!..

Я поднял глаза: с немного старческим, безобразным и морщинистым лицом выводил звуки мужской сопрано. Я вспомнил, что у католиков готовят этих сопрано и оскопляют мальчиками. Содрогнулся и отвернулся. А на сердце падали и куда-то уносили эти восторженные, эти чудные, эти действительно мною не слыханные никогда прежде звуки:

— Gloria! Gloria...

"Gloria!" — прошептал я в сердце своем. О, зачем мы разделены с ними. Зачем вообще разделения, и тоска, и злоба. Не нужно. Не нужно, ничего не нужно, кроме любви, и вечных сияний, и поцелуев, и братства. О, люди... О, братья...

.....,
.....
.....

— Gloria! Gloria! — шумели Фивы... И в прозрачных туниках из бумажной ткани египтянки шли вслед избранного Аписа...

Щеки пылали у них и глаза горели... Он же шел медленно... Их дыхания и его дыхание смешивались. Он весь был черный, и горячие лучи хотя вечернего, но еще сильного солнца впитывались без отражения в его могучий крестец, где было изображение священного жука. И будто гипноз какой-то охватил и его, и он сознавал себя Господином идущих вслед...

Глаза его были разумны и все лицо мудро.

— Gloria! Gloria...

Он медленно покачивался, и идущим сзади видно было, как розовела кожа его, — человеческого, телесного цвета. С невыразимым умилением египтянки глядели на эту кожу, за которою были потоки Могущества, и Силы, и Жизни, ею же живет мир. И им казалось, что это не солнце отражается на коже, а Само Вечное Солнце пребывает там, и лучится оттуда, и дает жизнь и счастье в их лица...

— Им же живем мы!!.. Gloria! Gloria!..

Мягкие и нежные сопрано их разносились по всей равнине и катились через Нил и даже были слышны на том берегу. Они не могли оторвать глаз... Молодые, перебивая старых, и старые, перебивая молодых, все хотели приблизиться и не смели приблизиться и хотели коснуться и не смели коснуться...

— Gloria, gloria...

И крики, и шум, и фимиам, и смятение поднимались тем больше, чем ближе подходили они к храму, куда вступит он, Господин их, "ваали" их, — и за ним войдут они, его рабыни и служанки, и прах и грязь между раздвоенных копыт его...

И ему стало нежно, столь любимому, под их дыханием. Их волнение передалось ему, и показалось, как капля крови, Солнце, которое стало восходить. На небе Оно гасло, здесь показывалось.

— Вечное Солнце, неумирающее Солнце.

* * *

Удивительно, упрекают меня в порнографии (и суд, и цензура), когда и капельки ее нет во мне и единственно оно сидит у цензоров, судей и литераторов. Конечно, я "это" все считаю священным: да как же иначе, если у меня есть дети? как же иначе, раз я имею отца и мать? Но послушайте же, что я вам скажу, и цензоры, и писатели (до судей не дойдет, — ничего не читают):

Разве мы *бережем у детей* так ум и душу, мысли и убеждения, как "это". "Книжки какие хочешь читай", — ну, с "выбором"; но все же и чтение, и книжки могут быть разные, мы можем в них колебаться, изменять их. Тогда как никаких не может быть *колебаний*, чтобы 1) "сюда" самому не дотронуться, 2) ни единому человеку (до возраста) не дать дотронуться и 3) сохранить "это" в необыкновенной чистоте и строгости до акта (возраст, брак).

Позвольте: да мы к *душе* так не относимся, к *религии*, — где все же можно иногда "манкировать", поленившись к обедне или не помолившись на сон грядущий; войдя полюбоваться музыкой и всем — то в лютеранскую кирку, то в католический костел. "Это" есть единственное в мире — *в целом мире* — чего порча, "перемены", "колебания" мы именуем гибелью и развратом, грехом и преступлением.

”Это” — одно!

Так ведь не значит ли это: тут такой завет, такая строгость и тайна, что поджилки трясутся. Чтó? В чем? Без имен и вообще ”анонимно”, ”в органах и функциях”, т. е. в том, чтó мы так именуем и чтó *нам открыто* в таких обыкновенностях, как ”орган” и ”функция”, но что *на самом деле не исчерпывается этим*. И вот отсюда-то и начинается моя тревога и говор; отсюда и моя ”порнография”. Все люди кричат: ”У Розанова порнография”, тогда как, напротив, я первый начинаю извлекать всех людей, все человечество, из ”порнографии”. Все так и считают ”орган” и ”функция”, и считают их ”грязными”, — считают тем, что ”низко” и ”неприлично” назвать, а ”тем паче — в печати”. Между тем если продолжить аналогию с ”органом” и ”функцией”, то ведь никто не считает ”грехом”, если мы подышим пылью, а не чистым воздухом или если пройдемся не на своих ногах, а на ходулях, т. е. неестественно. Не считают ”павшим” человека ”ослепнувшего”. Вы чувствуете, — может быть, и цензора почувствуют, — что ”это” не орган и функция: а раз здесь всовывается категория ”греха”, *ни к единому органу не могущая быть отнесенная*, — то, значит, в ”этом” религия или какой-то кусочек религии, лучок религии. Раз я могу сказать ”грех” о *несвоевременном* употреблении полового органа и *совершении* половой функции, тогда как ни о *каком ином* органе в голову никогда и никому не придет сказать ”грех”... ”против Бога”... ”против *религии*”, то не ясно ли, что *своевременное* в этой самой области есть...

Чтó?

Тут-то и начинается расхождение ”порнографии” и ”святого”.

Мир и говорит, о *естественном* и *своевременном* — что будто все-таки это есть ”грязь”, ”гнусно”, то, чего ”нельзя назвать вслух”, а ”печатать — тем паче”: совершая всем этим невообразимое кощунство и поругание святынь. Ибо

если *несвоеременно* — ”грех”,

то ведь *eo ipso*¹ это — есть часть религии, ибо ”грех” относится к категории религии. Откуда очевидно, что:

своевременное и естественное свято

и какой-то особенной нитью *связано с Богом*. Как? — мы не знаем еще, но — связано.

Поэтому-то я, давно утвердившийся в этих мыслях, — и *доказательно* утвердившийся (всему свету могу доказать), — и говорю полными словами, ясно, открыто, — говорю, наконец, радостно как ”об открывшейся мне истине” — об этих якобы органах и функциях, а на самом деле о *неведомом начавшем брезжиться религиозном свете* — счастливо, упоенно, настойчиво, постоянно, нисколько не скрывая, что все ”это” люблю, чту, исполняю и велю прежде всего детям исполнять, — благодарю, что мои родители исполняли, благодарю, что все люди исполняли, благодарю, что все сущее исполняет.

¹ тем самым (*лат.*).

Вот.

Кто же "порнограф", цензóra или я?

Они не поняли нового открывшегося света и продолжают думать, что все "функции" и "органы" (и довольно "гнусные"), не видя, что через это мажут грязью себя, своих жен, своих семейных знакомых, своих родителей, наконец, всю вселенную мажут, сорят, занаваживают. "Нельзя вздохнуть" от этого ихнего литературного и цензорского навоза, порнографии, грязи, при коей совершенно невозможно жить.

У меня же только: "не ходи на ходулях", "не кувыркайся", "не дыши пылью", береги, "осторожней"! береги невинность (до возраста), чистоту, недотрагиваемость.

Береги! Храни!

Ибо это (и именуемое у людей "целомудрием", "целостью" до возраста) есть тот личный твой и особенный, даваемый с рождением каждому младенцу, Ангел, который сохранит тебя на всех путях, на протяжении целой жизни, если ты сам его не оттолкнешь и не оскорбишь.

∞

∞

∞

Но как же все это выразить, всему этому научить?

Невозможно иначе, как употребляя слова, имена, говоря о предметах, коих значение в устах литературы и цензоров — одно, а у меня — совершенно другое; у них — грязное, и они *всему моему приписывают свой смысл*; тогда как я все усилия употреблял и много лет употребляю, чтобы придать ему совсем *другой смысл*.

Почти наверное меня поймут только чистейшие девушки. Они одни хранят "огонь Весты": у них у всех каким-то сбереженным от веков инстинктом, — а я думаю, тайной работой Божией, — нет ни малейшего представления, чтобы "эти" их части были грязны, гнусны, незначительны, неважны. Суть их целомудрия и застенчивости и заключается в неодолимом внутреннем голосе, что тут "игры" нет, "захватывания пальцами" нет, что эти "имена" не произносятся не по неприличию (выдумали же!), а по страшной тайне, с ними связанной, по чему-то потрясающему, с ними связанному, так что лучше "не выносить на базар" и даже "никому не говорить", потому что "никто не поймет". Чистейшая девушка знает, что это не "проходимая общая дорога", не "дверь, которою все ходят", а что у каждой, у *нее*, девушки, это что-то "неслиянное со всем миром", ото всего мира отдельное и всему миру недоступное, что она со временем в целостности и чистоте, неузнанности и неведомости — передаст мужу, как самому ей близкому и единственному лицу, с коим начинает свою судьбу, свою и ничью. Она знает, что из этого "заветного" разовьется вся ее жизнь, построится вся ее судьба; и построится "как храм на камне" — на том именно, что ни один взор до мужа сюда не заглянул и ни один язык до мужа же не упомянул, не назвал; и даже — мечта! мечта! — ни один ум же не подумал и ничья душа не коснулась!

(Обратите внимание: ни мать, ни отец. Только — муж!)

Вот "целомудрие": оно зиждется все не на "порнографическом", "унижающем" отношении к "этому": а на вознесении "этого" на такую высоту, к какой способны только девушки в великом (затаенном) энтузиазме своем.

Для нас все эти *якобы* "функции" и "органы" действительно являют мерцающий вдали религиозный свет; оне в свете его видят все "это"¹, и на них-то, на девушках, а отнюдь не на кавалерах, писателях или цензорах и также не на консисторских предписаниях зиждется *никогда не имеющий умереть* институт "брака".

"Таинство"...

Вот девушки *одни* еще вправе произнести это слово. Девушки и целомудренные жены. А консистории только брячат языками, воображая, что "таинство" есть форма, а не чувство и душа, не сохраненный от древности огонь Весты; и что заключается оно в их циркулярах, в правилах полицейского характера и духа, да в поповских претензиях, "шитых позументом" на басонных фабриках.

* * *

— Пора начинать детей!!! — сказал я, проснувшись и не проснувшись. Тру глаза. "Что это?" Во сне? Было во сне, очевидно, в самом кончике сладкого утреннего сна, должно быть, солнце, пробравшись в окно, коснулось головы и согрело ее, и, когда я от неловкости проснулся, губы шептали:

— Пора начинать детей!

И сейчас же хорошим литературным ухом я сообразил, что это "ладно", а потом и вся душа мне сказала, что это "идет" как призыв всей моей литературной деятельности, и я тер глаза, просыпаясь и не просыпаясь и нежась в мягкой постельке, и все шептал:

— Пора начинать детей!!

Так призывным голосом, с рожками и свирелями, в будущие века стареющее и "безнадежное" поколение будет высылать детей, увенчанных колокольчиками и стеблями хлеба, в поле, в лес, "в природу", повторяя им в спину:

— Настала первая седмица², — день отдыха и ничегонеделания. В течение 14 дней вы проводите время в заповедных рощах, где топор не

¹ Есть имя или, вернее, *качественный* эпитет всему "этому" у них, — повторяемый между собою в девичьих разговорах, полуласкового, полушутливого характера; которого *мужчины и юноши* никогда к себе не прилагают, называя все грубо, жестко и в ругательно-насмешливом тоне. Этот-то насмешливо-ругательный тон мужчин перешел и в цензуру, и к писателям.

² Если за 1-й день года, "новый год", принимать 1 сентября, день плодов в полном наливе, — когда *и был сотворен мир*.

касался дерева, и пила не пилила кору его, и ни один лист не сорван, ни один плод не взят. Но все живет, дышит и размножается в себе самом без участия и без руки и без глаза человеческого. Так и вы дышите в листьях дерев: но не сорвите там ни одного цветка и не вырвите из земли ни одной травы, дабы вас не покарал Бог: но плоды, и листья, и травы, и цветы надышат вам в душу весны и надышат сотворения нового мира. Все в жизнь вечную.

И старые на окраину роц, — не входя в них сами, — будут приносить каждое утро яства и пития, а дома будут приносить просительные жертвы богам.

(июль 1913 г.)

* * *

Яблоновский подражает Амфитеатрову, Амфитеатров поддерживает Яблоновского, за обоими бежит Оль д'Ор, и все три поют хвалу Горнфельду, потому что Горнфельд (в "Русск. Богатстве") отмечает "их произведения": но почему это "литература"?

Это "что-то", а не литература.

Все на всех похожи, все говорят то же: и неужели не объемлет страх, что читатель просто перестанет читать?!

Перестанет читать все...

Переход к "Нат Пинкертону" как-то удивительно вырисовывается. Пятьдесят лет гасили вкус. 50 лет гасили ум. И когда безголовое чудище "вообще ничего не хочет", когда перекормленный конфетами желудок не приемлет никакого хлеба и только просит: "Дай пососать сладенького", — все говорят, жалуются, плачут: "Какой *мрак*". Но вы же его ткали на станке своей приятной, ходкой, всем угодной, всеми одобряемой литературы; и дотыкают последние нитки "наши талантливейшие фельетонисты", от Амфитеатрова до Оль д'Ора.

От Гоголя — до Щедрина.

От Щедрина до Оль д'Ора.

Sic transit gloria...¹

После Оль д'Ора, я думаю, спустят же занавес.

* * *

"Охранка", я думаю, с большим удовольствием смотрит на газетные сочинительства Философова и Мережковского. За что прежде "поденные деньги" приходилось платить, то теперь писатели делают "из чести". На ласковой флейте (читай "Старый дом" Ф. К. Соллогуба; разительную у него вещь) эти когда-то серьезные писатели заманивают теперь гимназистов и студентов идти "влево" и "влево", — "рвать динамитом бесчувственный камень". Герасимов (генерал) уплачивал за это Азефу из "специальных сумм" Мин. вн. д., а теперь за все уплачивает касса "Речи".

¹ Так проходит слава... (лат.).

Затем Азеф давал "адреса лиц", особенно с ним сблизившихся, а теперь эти "адреса сочувствующих" прочитываются "где следует" на "Письмах к тетеньке" русских "Шпонек": т. е. на письмах к "сочувствующим читателям" авторов "Смерти Павла I" и "Неугасимой лампы".

Очень просто.

Неужели им не приходило в голову?

* * *

Как много *тем* даже не начато в науке! — самой серьезной, самой солидной. Лет 20 я читал назад нелепую книжку — сколько помнится, Кэрби и Спенса — о муравьях, — и там исследование и *снимки*, "как муравьи бегают" (им ножки намазывали черной краской, бегали они по бумаге, и вот эти "пути" сняли).

Между тем Михаил Андреевич рассказывал случай, — в ответ на рассказ мой о "вчера", как бабочка рвалась на горящую свечку, отскакивала от пламени, уже сожегши ножки и, очевидно, испытывая боль, муку и страх: и в конце — точно прошибая препятствие, как бы цирковая наездница прошибая круг с натянутой на него бумагой, — кинулась в самое пламя, затрепетала, билась и сгорела.

Ужасно!

Мих. Андр. и говорит: "Это — что! Еще не так явно, по быстроте движения бабочки. Однажды мы зажгли костер. И вот вижу я, что гусеница — которые вообще ползают *очень медленно* — издали как-то неуклюже, но с всем доступным ей старанием и доступною быстротой, все скорее и скорее, начала ковылять к костру... ковыляет, ковыляет... ближе, ближе, печет ее, все ковыляет и... испеклась!!"

Я задрожал в страхе, в ужасе!! Молох. Ведь это молох животных, насекомых. Ведь это кусочек религии, финикийских храмов, карфагенских. Что за притяжение? Какая тут тайна? Что за Рок. Ибо "сгореть" — это "судьба насекомого".

Как не произвести опытов? как не начать опытов? *Свет ли блистающего* пламени тянет? Тогда поставить черный экран или залепить глаза гусеницы и бабочек воском. Я не знаю, *как*, ученые знают. Они все умеют: но *отчего* сюда не приложили "уменья делать опыты", по Бэкону Веруламскому и Д. С. Миллю. Поставить бы разные "препятствия", и пусть бы "одолевали". Пусть бы ученые "элиминировали" (выделяли и удаляли) причины, сохраняя "остаточек" *настояще действующих*?

1) Свет?

2) Тепло? горячность?

3) Гипноз "блестящего предмета"?

4) Своеобразный сомнамбулический сон?

5) "От судьбы не уйдешь". Т. е. в *организации* есть "Рок" — "сгореть, если встретится пламя", и она падает в пламя, как уже извечно и от сотворения мира обретенная смерть.

Брр...
Ужас...
Волосы дыбом...
Боюсь. Проклинаю. Жалко.
А ученые молчат.

Дураки они этакие, эти ученые. Всем "1" за "успехи".

Поправка: это видел Александр Александрович, учитель школы виноградарства. Также он видел раз *рака*, который впятился задом в костер и испекся! Значит, — тут нет гипнотизма *блестящего пламени*.

Гусеница *медведки* ползла с расстояния 1¹/₂ аршина от места, где испеклась. И все *скорее* и *скорее* бежала!!!

* * *

Конечно, обрезал палец, обрезал ногти, "она обрезала" волосы и обрезают картон для переплета книг и материю, когда шьют платье. К слову так все привыкли, что, когда прибавляется "обрезание у иудеев" или "Авраам обрезал себе крайнюю плоть" — мы ничего себе не представляем и ни о чем не спрашиваем, и во 2-м классе, "по программе выучив заключение Ветхого Завета", и там строки: "Авраам обрезал себе и слугам своим крайнюю плоть", — ни один из всего класса гимназист не догадывался, какой это имело и имеет вообще неприличный и непозволительный вид. И мы даже не думали, что это касается "того"... Наконец, когда позднее все узнали, то узнали до того лениво и с "нам дела до этого нет", что "История о Монтецуме" казалась гораздо интереснее, важнее и занимательнее.

Ничего.

Между тем, — ведь это не "ничего". И вот когда узнаешь, что это не "ничего", то весь свет начинает переменяться в глазах.

Один *вид! вид, вид!!..* У Авраама и слуг его какой ужасный, странный, страшный вид...

Еще *до* обрезания, когда только подходили.

И манипуляции обрезающего над ними...

И когда "все зажило" — опять какой же *вид* у этих 60—100 мужчин.

Можно с ума сойти. Не правда ли, можно с ума сойти при мысли, что "Бог этого захотел"...¹

И не только "захотел", но еще и отдал Аврааму *за это* именно одно все обетования и все будущее; ему и "таким же"! непременно — "таким же", только — "таким"!

Вид, вид, вид... ужасный вид... все дело в "виде", и самая Скиния будет названа Скинией *свидания*... Т. е. "таким местом, где *видаются*" между собою, где *встречаются*, как возлюбленные между собою, Бог в тайном существе своем и этот для Бога обрезавшийся человек.

"Ах, так вот что́ нужно: иметь такой *вид*, чтобы сделаться угодным Богу".

Мысль, естественная у всякого еврея после заключения завета.

"*Без этого вида вы — не Мои*".

Знает ли об этом Переферкович? По крайней мере перед ним лежали документы.

* * *

— Хорош запах розы. Но хорошо пахнет и резеда. Что делать. Что делать. Так мир устроен.

Поп:

— Кто нюхает розу, пусть нюхает розу. А кто нюхает резеду, пусть нюхает резеду.

Качаю головой.

— Вы нюхаете розу, значит, вы отрицаете резеду.

— Да нет же, батюшка...

— И когда вы нюхаете резеду, значит, вы отрицаете розу.

— Да нет же, батюшка, — это все в семинарии так думают, а у людей не так. Розу я нюхаю правой ноздрей, а резеду левой.

¹ Господин Гладков года два назад принес мне свою книгу — "Ветхий Завет". Перелистывая на его же глазах эту книгу, огромный фолиант, — я заметил, что он совершенно *пропустил в нем обрезание Авраама*. Я сказал ему о странности сего. Он ответил мне: "Я знаю, что обрезание есть у евреев, но *не могу допустить, чтобы Ветхий Завет заключался в нем*". Поговорили еще. Чудный, прекрасный старик, лет 65. Прощаясь в дверях, я сказал ему: "Все-таки с обрезанием-то вы неосторожно". Задержавшись, он воззрился на меня и ответил спокойно и вместе удивляясь на мое упорство: "Я не допускаю этого, потому что *не понимаю, зачем это нужно было Богу*". Ответ, чистосердечный и глубокий, был так прямо сказан, и вместе ответ этот в честном недоумении своем до такой степени *полно заключал в себе всю номенологию обрезания*, не открытую никогда и ни одному смертному, что я от страха и брызнувшего в глаза света чуть не упал тут же в дверях. Но те "колеблющиеся мысли", или мысли смутные и неясные в обрезании, с этого ответа г. Гладкова перешли у меня в полную уверенность. *Примеч. 1917 г.*

— В таком случае только две.

— Да нет, батюшка, есть еще "восковое дерево", у которого маленькие листики точно лепешечки или точно грудки "вот-вот начались", и я ужасно люблю, и я ужасно люблю щупать эти листочки. Так в пальцах и тают.

— С вами не сговоришь...

— "Взялся быть груздем — полезай в кузов"! Взялся судить "о сей тайне" — не набирай воды в рот!

— Вы всего хотите. Как же я буду с вами говорить.

— Любишь говорить с умным, а приходится с дураком. Ездишь на коне, а другой раз выпадет сесть и на осла. Бог сотворил А-бова и сотворил Соломона. А мне, зрителю, повелел любить и А-бова, и Соломона.

(вспомнив слова А-бова, жестоко и насмешливо сказанные: "Единая для единого и единый для единой". Как выговорил канон, — комментируя "о сотворении одного Адама для одной Евы)

* * *

Подождите. Через 150—200 лет над русскими нивами будет свистеть бич еврейского надсмотрщика.

И под бичом — согнутые спины русских рабов.

∞

Но зато этим ленивцам будут даны два праздника в неделю — суббота и воскресенье. И оба дня будут петь благодарственные молебны евреям, давшим России Царя, веру и хлеб. "Ты вывел нас из рабства царского и дал, что́ есть".

* * *

В настоящее время для России нет двух опасностей.

Есть одна опасность.

Евреи.

* * *

О судах человеческих...

Знаете ли, что когда родился я, то родилась новая нравственность, новая логика, новая правда, новый долг и новые права.

Пот. что, "когда человек родился", — "мир родился".

Есть "логика Бэконовская", и "логика Гегелевская", и "логика Розановская"; совсем новая "логика Флоренского". А нет "вообще логики", нет схемы, отвлечения и учебника.

Рождается "умный человек", рождается "нравственный человек", но нет "ума" и "нравственности".

Рождаются и есть лица, люди; но, увы, не было "дня первого, когда сотворена логика" и "дня второго, когда сотворена нравственность".

Поэтому когда сотворял Бэкон то, что для Попа (Роуе, английский поэт XVIII в.) было "не хорошо" (ужасные его стихи о Бэконе), то он сотворял "Бэконовский путь", а Поп сотворял "Поповский путь". И было 2 пути, а не было "Поповского суда над Бэконом".

Как когда Поп писал стихи, — то были "Поповские стихи", а — не "Бэконовские стихи".

Суть, что Бэкон не чувствовал себе *укора*. И, значит, он был органически прав.

(прочтя у К. Тимирязева жестокие стихи Попа о Бэконе)

* * *

В царстве теней

— Ваше Превосходительство, — спрашиваю я у Соломона, — что значит: "*и девиц без числа*"?

Он немного поднял глаза.

— В первой "Книге Царств" начертано, что "Соломон имел 300 жен, 700 наложниц *и девиц без числа*"?

Он еще поднял глаза.

— Смысл сих последних слов, где говорится о "девицах", я не понимаю; и комментаторы Св. Писания не удостоили объяснить.

Он взглянул на меня прямо.

Лицо его было спокойно, как Небо в час заката. Длинная борода серебрилась. Щеки были бледны, но не увядши.

Он смотрел на меня с полминуты и улыбнулся.

Повернулся и отошел.

∞

Тут подвернулся один "усопший прокурор" и сказал:

— Он ничего не ответил, потому что *виновен*.

Но я размышлял иначе:

"Не есть ли улыбка его и ответ? Действительно. Есть крайние вещи, и есть средние вещи; день и около него утро и вечер; предмет и около него тень. Что такое "тьень"? *Не* предмет и — *не* непредмет. Есть разговор, но есть и молчание. Но есть еще улыбка, которая не есть молчание и не есть разговор. "Девица во дворе Соломона" так же не похожа на жену и наложницу, как улыбка не похожа на разговор; а от "девицы вообще" она отличается, как улыбка отличается и от молчания. Царь наполнил дворец улыбками.

(в тихое ясное утро)

* * *

Может быть, во мне и есть изгибы змеи. Таким уродился.

(критика Струве)

Но не упрекайте и не браните очень — во мне нет ядовитого зуба. Я смиренный русский ум. Гнусь, но не кусаюсь.

Что́ делать. "Если я родился рыжим, то куда же мне девать рыжоту".
"Подайте Христа ради" и "рыжему".

(две разного тона статьи о памятнике Алекс. III, в "Среди художн.", корректура)

* * *

...я раскутываю *сердце* их Герцена, их Чернышевских: холодное, хвастливое сердце... И вот это-то им и *нестерпимо*.

И нельзя им даже выговорить:

Так храм оставленный — все *храм*,
Кумир поверженный — все *бог!*

Можно сказать только: был пустой *балаган*, в котором, пока дверь была затворена, можно было делать вид, что "мы совершаем мистерии", а как дверь отворилась — все увидели, что тут жали масло друг из друга.

(Герцен и Некрасов в отношении Белинского)

* * *

Даже мудрейшие не понимают *темы брака*. Все сводится: "Да кто же вам мешает жениться" и — "Оставьте в покое отшельников".

(размышляя о полученном письме Цв-ва)

∞

У них омовения, у нас венчание.
Омовения имеют отношения к браку.
А венчание?
— Произнесены слова
— Ах, слова... всё слова...

∞

Между прочим, в "словах" нет даже *обещания* жениха невесте и невесты жениху *брачной верности*. На это мне пришлось однажды указать несчастной (молодой и прекрасной, — 7-й год брака) женщине, когда, рыдая, она мне наивно говорила:

— Ведь он *обещал, обещал* перед Престолом Божиим и священником...

— Ничего *не обещал*, — ответил я сухо, а на душе скребли такие кошки. Показывая на грудь, она мне говорила: "У меня нехороши легкие, мне грозит чахотка, а он *такое делает*" (сошелся с француженкой, — инженер, — и жестокая француженка любила кататься в экипаже с ее мужем и появляться в театре, в концертах с ним под руку, вообще афишируя связь).

Как хотел бы я, чтобы она (дай бы Бог, но жива ли) прочитала эти строки и знала, что я не забыл ее печаль.

Она уронила перчатку (прощаясь, и все плакала); я поднял и поцеловал (прощаясь же) у нее руку.

Она была вполне прекрасна. Ребенок 5 лет, мальчик.

* * *

Порядок сотворения Богом мира перевешивает авторитетом, полновесностью, значительностью все писания, хотя бы под ними были имена тысяч праведников...

Ибо Бог праведнее всех людей.

Вот почему слова о человеке: *"мужа и жену сотворил их"*, т. е. *"человека (общий род) Бог сотворил мужем и женою"*, — авторитетнее всей святоотеческой письменности.

И кончено.

Я прав.

Ибо я только повторяю и твержу слова Божии.

* * *

Царство социал-демократической пошлости

— так, кажется, будет обозначено время от половины прошлого до (приблизительно) конца первой четверти XX века.

Она обняла общество, литературу, подчинила себе журналистику и газеты. "Посидеть среди социал-демократов" то же, что посидеть в ложе первого яруса в Императорском театре. И социал-демократишко или называющийся так выпячивается из ложи, — следит тайным глазом, все ли его видят, знакомится с Бурцевым или переписывается с ним, а уж если знаком с Плехановым, то "черт ему не брат". Так они все пялятся, топорщатся, барахтаются ногами и руками и сваливаются в могилу с счастливой улыбкой, что совершили на земле все земное и отдали человечеству все должное.

Друзья: у меня нет роз, чтобы украсить столько могил; но будь достаточно роз, я все бы клал их на ваши святые могилы.

(история с проф. Рейснером и В. Л. Бурцевым)

* * *

Чего вообще стоит эта печать, подхлестнутая иудеями и получающая от них деньги за ругань.

— Пиль!

— Кого изволите?

— Суворина.

— Что пожалуете?

— Ордер на кассу. "Выдать нашему уважаемому сотруднику сто рублей".

(Рог-Рогачевские, Алекс. Яблоновские и Изгоевы о Суворине после его "†") (по прочтении статьи Яблоновского о домах терпимости и объявлениях в "Нов. Вр.")

* * *

Оборотившись назад, часто видишь паука, вошь или скачущую блоху (душевные качества): с каким отвращением раздавишь — но уже поздно ("слово не воробей — вылетит не поймаешь").

(за корректурой статей — "Среди художников")

"Не плюй в колодезь — самому придется напиться".

(мои осуждения литераторам)

* * *

...да что́ имеет вид соска, то́, естественно, должно сосаться.
Кем?

* * *

То-то на том свете все "за язык повешены". Я думаю, не за одни разговоры...

Однако какое это "вырвавшееся" признание. Эти картинки Страшного суда. Они гораздо занимательнее и жизненнее, чем "литературная опера" Микель-Анджело в Ватикане.

Мне до старости в голову не приходило. А глупый же я малый.

* * *

Станция "Мечта". Поезд стоит 15 мин. Будят.

Выхожу. Направо. Стойка.

Барышня во французской прическе. На голове — "вся сложность цивилизации". Что-то около шеи. И прочее.

По ломтикам нарезанного сыра, яблокам, ветчине, икре ползают мухи. И около тарелки с семгой пробирается осторожно таракан.

Взглянув внимательней, я увидел, что и у барышни в прическе "уснула" одна муха. И в лице у барышни что-то уснуло. Оглянулся: как будто и пассажиры, пьющие чай, несколько уснули.

Повернулся и вышел.

* * *

Федор Павлович К. захотел покормить друга и спрашивает:

— Хочешь?

Тот был большой чиновник. И говорит:

— Нет. Я уже не на действительной службе.

Он имел орден Белого Орла и другие украшения за заслуги в течение 40 лет. Прошелся по комнате и говорит:

— Одни воспоминания.

Фед. Павл. любил литературу и сказал:

— Друг мой, все в мире кончается "одним воспоминанием". Таким Пушкин сказал в утешение:

То́, что́ было, — все прошло.

Что́ прошло — то́ стало мило.

(первое и последнее)

* * *

Чем не человек: и сочинения пишу, и к угодникам езжу, и жене сапоги на 20 пуговиц крючком застегнул (особая система, очень трудно).

(я; Ильин день 1913 г.)

*Homo sum et nihil humanum a me alienum puto*¹: каким образом Белинский осмелился приложить к себе эту (священную) формулу, когда он ругался над церковью:

*Homo sum et omne extra Ecclesia a me alienum puto...*²

Но тогда надо говорить:

*Pars hominis sum quia omne humanum extra Ecclesia a me alienum puto...*³

И вся гордость Белинского расплывается в мыльные пузырьки. Очевидно, "под всем человеческим" он разумел "разговоры свои с Герценом в накуренной комнате о всем человеческом", — но и здесь под "всем человеческим" разумелись повести Жорж Занд и теории Бенжамена Констана.

"*Studiosus sum et nihil...*" etc.⁴

* * *

Преодолеть "я" в "я" — великая проблема.

Она не удаётся никому, кроме Святых.

∞

"Я" без "я" есть всемирное Я.

Оно подобно животным и богам.

(1 июля 1913 г.)

* * *

...да это не революция, а кабак. Может быть, на Западе на почве этих идей идет революция, но в России, несомненно, "на почве этих идей" идет кабак. Какая же это "революция" — сплошь 50 лет уверять, что красивые и интересные женихи находятся все у социал-демократов и нигде еще, отнюдь не у военных, особенно не у военных, и не среди чиновников и дворян. Это "рекомендательная контора молодых людей" и социал-демократический конский завод, а отнюдь не литература и не "новая политика".

(5 июля 1913 г.)

¹ Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

² Я — человек, и все, кроме церкви, мне не чуждо (лат.).

³ Я — часть человека, потому что все человеческое, кроме церкви, мне не чуждо (лат.).

⁴ Я — ученый и ничто... и т. д. (лат.).

Поговорка турецкая:

”Конь того, кто на нем ездит, меч того, кто его держит, а девица того, кто с нею наедине”...

Евг. Ив., рассказав это, от себя прибавила:

”А земля того, кто ее обрабатывает”.

Моя поправка:

”Включая обработку наймом и организацией”. ”Но земля должна быть обложена увеличенным налогом, если оставлена хозяином без обработки, если он на ней не живет или если сдает ее в аренду”.

* * *

7 июля 1913

...да может быть это *хорошо*, это всепобедное шествие кабака? Тут он и торжествует, тут он и гибнет? Чего я борюсь, сражаюсь, пишу? Пусть шествует и преуспевает. Не напрасно ли я лью чернила?

Если ”книги” прошли, неужели не пройдет ”Современник”, ”Заветы”, и вся ”традиция”, и осел, ”40 лет стоявший на славном посту”?

(”*новейшая русская литература*”)

* * *

Ах, этот серп молодой луны, серп молодой луны, серп молодой луны...

Нет, не молодой, а юной. Когда луна еще девочка.

Один рог, другой рог.

Эти ”рога” завораживают сердце на всем Востоке.

Уже, уже, уже... до линии и точки. Один Рог.

Но и с другой стороны, суживается, суживается, в линию и опять в точку. Другой Рог.

Между ними открыто, шире. Все с такой безумной постепенностью.

С ума сходишь. И персы, мидяне, евреи, греки с ума сходили, думая о своей Луне и видя юную Луну на Небе. Когда луна девочкой, и все небо девственно.

Безумие дошло до того, наконец, что они обожествили Луну и начали ей поклоняться.

И ”всему воинству их”, звездам. Множеству.

Но главное — Луне. Потому что звезд нельзя рассмотреть, а Луна ”вот-вот в ладонях”.

”Смотрит на нас”, ”мы на нее”.

До сих пор евреи, при рождении молодой луны, выходят во двор и подсакивают кверху. ”Так хочется”. И трепещут, и волнуются.

Чистая луна. Бледным золотистым серпом она нам реет в темном небе, разливая волшебный свет...

Она волшебница. Кто устоит против ее волшебства...

И колдуны и колдуньи на земле ворочались в своих черных норах, думая чем-нибудь попользоваться от луны!

Разве это можно? Корусть от луны... ”У, демоны!” И их ненавидели, боялись и убивали.

Открыто, ясно народ, женщины, дети, старики, мужи — выходили ”встречать свою Луну”. Быстрейшие поднимались на горы Ливана,

Загросие, Синая, чтобы "первым увидеть Рожденную Луну". И, сбегая вниз, где был народ, кричали: "Ужé! Ужé!!.."

И весь народ подпрыгивал, а вестника, как "добрého ангела", ἀγαθὸν ἄγγελον, награждали подарками.

Прошли века. Гул Луны докатился и до Запада. Уже римские корабли приставали к берегам Сирии, Финикии. Вся Малая Азия покорена. И в III в. по Р. Х. императрицы Юлия Домна, Юлия Маммея, Корнелия Салоница, Этрусцилла, — стали помещать поясное изображение свое (на денариях) в серп молодой Луны.

"Мы рождены от луны, и мы даем луну".

И мусульмане, сурово выкинувшие из религии и ритуала всякие "изображения", не могли устоять перед одним: Девочки-Луны на небесах.

Луна умывается в росе. И мусульмане, и евреи передают шепотом из поколения в поколение: серп месяца всегда должен быть омыт.

(в Киеве летом 1913 г., около Ильина дня; у Гро-нофе)

* * *

9 июля

...он шел по косогору, справа которого высились небольшие сложенные из известковых плит хижины. Они больше походили величиною и видом на загоны для скота, нежели на человеческое жилище.

Перед каждым был небольшой камень, на котором можно было присесть.

Не на всех, но на некоторых сидели темные фигурки их, — скромно опустившие глаза. Закат солнца розовел на их щечках.

Моряк шел и шел и пропустил уже многих. Все сидели безмолвно. Наконец он остановился перед одною и, ласково положив руку на голову, сказал:

— Приветствую тебя, сестра моя. Во имя богов твоих и моих, дай отдыха моим усталым ногам и прохладного питья. А я дам радости тебе и твоим родителям.

Личико ее немного зарделось. Подняв робкие глазки, она застенчиво сказала:

— Войди, Господин мой, в хижину родителей. И да будет силен твой вечер, а ласка за мной.

И, подняв занавеску над дверью, они переступили порог.

Мать и старый отец приветно улыбнулись ему. Отец сейчас же подал ногам воды, а старуха вышла и через минуту принесла козий сыр, молоко и немного вина и плодов.

Ели.

Старуха, подняв занавес над дверью, выглянула на двор. И, увидя серебрястые рога молодой Луны, сказала молитву:

— Двурогая! Даруй росу твоей и моей дочери и крепкое стояние ему.

И, постояв еще, вернулась. И долго слушала вздохи любви.

Трирема тарентинская отплывала только на четвертое утро, и моряк остался в хижине бедных людей и второй вечер, и третий вечер. На четвертый день с утреннею звездой он поднялся, чтобы идти. Услышав шорох за собою, он обернулся. В ту же минуту старушка обвила тело его руками и поцеловала долго в уста.

Он обнял ее ласково и тоже поцеловал ее сухую и черную руку. Она раскрыла пальцы и опустила ему большую медную монету: "В дороге может случиться нужда". Он кивнул головой.

И ушел. Она вернулась.

Тихонько отодвинула полог и увидела зардевшееся личико дочери и совсем маленькие перси и чрево выпуклое, крепкое и пушистое, как щечка персика.

Благословив спящую, отошла и легла к мужу. Но долго не могла заснуть, втягивая расширенными ноздрями насыщенный воздух.

Потом заснула.

Ей привиделся чудный розовый ребенок, которого протягивала дочь, лежавшая теперь бледная на том же ложе и улыбающаяся. Она приняла его на руки. И, как случается во сне, ребенок уже не был так мал. И протягивал ручки к ее сухой и вялой груди.

И ей почуялось, что что-то тронулось у нее в грудях и они стали полнее. Она дивилась дивным дивом и украдкой от дочери вынула грудь и поднесла сосок ее ко рту ребенка. Сейчас же он схватил ее ручонками и крепко взял сосок розовыми деснами, чмокая ртом.

Двурогая в Тверди Небесной провела языком по губам: и в ту же минуту мелкие росинки выступили на губах старушки.

Ток счастья совсем обнял ее. Она не проснулась, но повернулась к мужу и положила на него руку. Сквозь сон она пробормотала:

— Надо было дать серебряную.

В эту ночь дочь ее зачала. Не в первую, а в третью, когда старушке слышалось, будто гость тихо призывал Юаѡ.

(в Доре близ Библоса)

* * *

...Самонадеянные глупцы, только самонадеянные глупцы...

И, пожалуй, только самовлюбленные политики. "Но какими Герценами себе кажемся". Да это всегда так.

(Чернышевский, Михайловский, Иванов-Разумник о религии)
(10 июля 1913)

* * *

Готы и вандалы могли цивилизоваться. П. ч. они были *страшно серьезные люди*. Нравственно серьезные. Но как цивилизовать современ-

ного члена Академии Наук? Так же трудно, как сделать религиозным "эпитропа Гроба Господня" или деликатным Антония Храповицкого.

* * *

...есть доля упреков Струве все-таки справедливая мне; из гордости долго этого не признаёшь и еще по большей гордости даже внутренне не признаешь... Но все глаже ложится старая пыль, проходит время, — и в более чистом воздухе все-таки становится ясно, что не должен был я писать и в "Русс. Сл." разом с "Нов. Вр.". К этому (кроме нужды в деньгах или, вернее, в заботе о будущем, — что так и *оправдалось*) приучен был привычкой писать "все равно где, лишь бы свое". Но мог ли бы Страхов написать хоть 10 строчек в "Вестн. Евр."? И этим решается — *все*. "Конечно — нет!!" А он был мне учитель, и этому учителю я изменил.

Очень уж во мне "всеядность" развита. "Пантеизм", перенесенный и в моральный мир. Этого не следовало.

(корректурa статьи "Вечная память" в "Литер. изгнанники")

∞

Впрочем, это неважно. Не очень важно.

Почему?

Что́ такое в мировом полете времен "нравственность Розанова"?

Ничего.

∞

А мысли его?

Мысли "в ходе русских дел" имеют значение.

А мораль "в ходе русских дел"?

Я думаю — не очень. Кому какое дело, как я жил? И неинтересно, и мелко. Потом в конце концов я хороший человек. Мне самому было бы приятней писать "в одной газете", притом "моей". Тогда "как хочешь". Что же делать, если Бог не дал. "Ходим и зиму в осеннем пальто". Ничего. Просто я не считаю этого очень важным. Вот если бы я оставил девушку с животом — мне могли бы (*каждый*) дать в рожу, наплевать в лицо. Но "сотрудничать в разных газетах" — я только *себя* марал. Какое же особенное до этого кому дело. Никто не смеет вмешиваться. "Хочу".

— Но это ваше "хочу" скверно.

— Так разве я порядился иметь одни хорошие "хочу". Всякие.

Опять моя всеядность. Никак я не могу осудить в себе "все" (т. е. что не "некоторое").

Господь мне не дал жестокости, и *жестоким я никогда не был* (дыбом волосы становятся при этом). Притом я сколько дал советов (девушкам, женщинам) в сторону *мягкости*, "умягчения злых печалей". И при этой сумме "сотрудничество в двух газетах" просто наплевать.

Притом, я думаю, было кое-что *провинденциальное* в "сотрудничестве в 2-х газетах". Это главным образом: в моих извечных, давних, самых

старых и самых упорных мечтах "все это должно *пасть*", — особенно партии, ссоры, политика. Шум газет. Как же этому "пасть", — механизм падения? Имеем много яиц, "определенных и отдельных" (партии): 1) от курицы, 2) гусыни, 3) индейки, 4) цесарки. Но кто "яиц вообще не любит" и "дальнейшего выводка вообще не желает", тому не наилучшее ли "перемешать яйца" и даже еще лучше "перемешать, разбив в одну яичницу", которая "невозможна" и "безвкусна". Так Henri IV ("vive Henri IV!") "разбил церковные споры, церковные свары, самую *душу церковной войны*, взял да (будучи протестантом и от протестантства не отрекаясь) поехал и благочестиво выслушал и католическую обедню". Совершенно "в двух газетах сразу". Моя мучительная, страстная (с университета) мечта: поднять вновь — "Тебя Бога хвалим!!" Тут я как кошка полез, с хитростью, с злобой, со всем, со всем. Ярость (на безрелигиозных) у меня иногда бывала невероятная. Ну, хорошо. Лежат яйца политики, *насколько она выражена или отражена в газетах*. В мечте — яичница. Да тут само "устройство судеб", что появился человек, довольно видный писатель, коему в-за-прав-ду все политики нравятся; нравятся студенты ("Такая-то Шура — превелика дура"), но и глубоко удивителен и *лично дорог* полицейский, коего раздавил (ночью) трамвай, когда он от другого (навстречу) трамвая спасал пьяного (стаскивал с рельс). Я чистосердечно кое-что люблю в "республике". Хотя (теперь) больше люблю все в "царстве". Но вот: все-таки и здесь и там — "яица". И тут Провидение, что появился видный писатель, которому все это симпатично, все политики: но с такой оговоркой и задней мыслью, что лучше, если б их всех не было. А везде были, как в Индии перед появлением Будды или в Греции в V веке, наука и философия вельмож в братском споре с нищими: "Что́ есть истина?" И т. п. Теперь я и думаю, что само Провидение выдвинуло меня начать путать всю эту паутину, за "пауками" (хитрость и хищность) политики оно выдвинуло "сверхпаука": у которого *в самой голове и в самом сердце* паутины все "сгромоздились в единство" и все как-то *удалились*, стали превращаться в "нет", но медленно... Тают, тают. Просто мне *не больно* писать (как было бы Страхову) и в "Русс. Слове". К этому присоединился еще один "туман": с одной стороны, я страшно *признавал* литературу, и в частности свои писания (все), *важнейшими*. Но, просматривая (приготовление к печати) письма к себе Рцы, увидел, что еще в 1892 году он мне повторяет какое-то мое к нему выражение, что "литература — это сифилис". Я *безумно любил* писать; и около этого (кроме книги "О понимании") к *самому написанному* чувствовал непобедимое отвращение, и более чем к чужому — к своему. Что́ это такое было — я не знаю. Мне казалось ужасным высказывать свою душу (я высказывал). Мне казалось, видеть нашу душу должен один Бог. Бог, жена, дети. Общество — совершенно чуждо. Как же "обществу" я буду говорить правду (я всегда говорил правду). Это значит безумно оскорблять Бога, жену, детей. Так. обр., в душе у меня тут "качались туманы", и я столь же ненавидел ("грех", "сифилис", "скверна") писание, сколько любил его...

.....

(не хватило бумаги)

* * *

Если это *так*, — и связано с глубочайшими тайнами религии и магии сложение рта, тогда понятно восклицание Репина, однажды мною услышанное, что, "пока мне не удались *губы*, я еще не знаю, выйдет ли *портрет*".

Губы: т. е. он хотел сказать, что самое главное в *загадке* лица и самое главное в тайне *индивидуальности* лежит в сложении рта. "Суди не по глазам, а по рту". Это — конечно!!

Нежный рот, лукавый рот, наивный "ротик", обыкновенный рот или (у чиновника) скучный рот.

Прозаический, восторженный, — все! все!!!

У стариков встречаются чудовищные рты. Вообще есть исключительные рты.

Но и обаятельные: раз, едя в Царское (Село), я был поражен красотой немного чувственного рта: и хоть далеко (очки, но через весь вагон), я как магией подводился глазами к этому рту.

(вагон; в Киев; лето 1913 г.)

* * *

9 июля 1913

Престарелый Архиепископ дочитывал последние "бумаги". Я вошел. Он поднял усталые глаза.

— Мне неможется.

— Ваше Преосвященство, если Вам "неможется", то нельзя же, чтобы от этого и весь свет "не мог".

— Это неопытное суждение, сын мой. Когда Архиепископу неможется, то вся епархия тоже ничего не может.

Вздыхнул и вышел, т. е. я. Он продолжал сидеть.

Земля продолжала так же скучно вертеться около оси и солнца, Везувий продолжал так же скучно дымить. Барышни так же скучно гуляли "при луне и звездах". Турция и Болгария, от рвоты со скуки, начали наносить друг другу удары.

Архиепископ продолжал сидеть.

(в Киеве на богомолье)

* * *

Гоголь — первый, который воспитал в русских *ненависть к России...*

До этого были шуточки, хотя к этому двигавшиеся (Грибоедов). Фон-Визин вовсе этой ненависти не воспитывает, он говорит о *недостатках* у русских, а не о *самых русских*. Уже Грибоедов заговорил о *самых русских*, с таким превосходством "себя"... Также исключение и "случай" в России. Помимо этого "случая", — Александра Ивановича и его Чацкого, — все остальное вообще глупо и пошло, и пошло "в *типичных русских чертах*", "от крещения". Пушкин только заметил на это, что сам Ч-цкий пошел и неумен, и мы можем простереть это несколько далее, чем сделал деликатный поэт о своем *современнике*.

Конечно, Грибоедов был гениальный *словесник*; как *словесник* он был, может быть, даже гениальнее Пушкина. Но было бы просто странно говорить об его уме или сердце... Он был только мелкий чиновник своего министерства, и размеров души он вообще никаких не имел.

Душа его была сморщенная, скупая. Она была старая и недоразвившаяся.

Но оставим его, вернемся к Гоголю. Гоголь есть самая центральная фигура XIX века, — *всего*... Все к нему подготавливало, — нерешительно; но особенно все *от него пошло*. И XIX век до того был порабощен ему, до того *одного его выразил*, что его можно просто назвать "веком Гоголя", забывая царей, полководцев, войны, мiры... О Пушкине — даже не упоминают, до того он был (почти) "екатерининским поэтом".

На Пушкине как отразился Пугачевский бунт, события Екатерины. Его "Капитанская дочка" и "Пиковая дама" поют эпоху Царицы. Но как на нем отразился, напр., Священный союз, довольно заметное событие Александра I, Аракчеев и Сперанский? Пушкин до того был археологичен, это до того "Старые годы" (журнал) России, что у него нет даже имени и никакого он не получил впечатления, толчка от Аракчеева и Сперанского...

Это удивительно, но так.

Гоголь — всё.

От него пошло то отвратительное и страшное в душе русского человека, с чем нет sprawy. И еще вопрос, исцелится ли вообще когда-нибудь Россия, если не явится ум...

Нет, если не явится человек в *правде и красоте*, который бы мог победить Гоголя. Он его не может победить, "слогом" его победить нельзя, ни — образами, воображением. Тут он всемогущ. Его можно победить только *правдою*. Один, кто может победить Гоголя, — это *праведник*.

В *праведнике* теперь почти весь вопрос для России. Вопрос ее стояния, вопрос ее жизни.

11 июля 1913 г.

* * *

Да, конечно, это дело.

Если Щукин ("Около стены церковной"), — "такой ласковый", — говорит "грешницы", если Фл. молчит при этом, если Цв. не сказал и *ни слова не скажет* в защиту беременного живота, если, образуя стипендии, вспомоществования и черт знает какие и в пользу чего "Общества", женщины не составили "Общества нравственной помощи и юридической защиты девушкам-матерям", — если, написав мне пламенные и траги-

ческие письма в защиту церкви и молитв и обрядов, *ни одна женщина не написала "спасибо, что вы защищаете беременных"* (точно у них язык жжет), то...

кончено.

Ну, тычьте, господа, сапогами в беременный живот, духовными сапогами, французскими каблучками, металлическими литературными перьями...

Вас уже подстерегают Арцыбашев и Анатолий Каменский, и Куприн: — Бар....чок.

Этим все заняты, и дамы-патронессы, и печать, и была председательницей (последнего) Петербургского Союза очень высокая особа. Ведь это не противодействует церковным канонам.

Прямо нигде в канонах не названо имя "б....чка". И все, занимаясь им, не оскорбляют церкви.

Ибо ведь *там* помещаемые вообще никогда не имеют чрева... Больше: подходят под категорию тех, о ком сказано: "блаженно чрево бесплодное и сосцы непитавшие". У них — никогда детей!!

А ненавидят

только детей.

Ну, ну, чего же упрямитесь: влезай на колени к Иуде, целуй его.

Да *кто* на коленях-то!..

То-то фантасмагория.

Ну, а я — бесстыдный и подымаю подол у каждой беременной и целую в живот.

Нет, анафемы, если так нужно: покалю и я вас железом смеха, и мы еще не разделались. И будут кровати у вас под носом, и выброшу я ваши позументы вон и заменю их кроватями. А Щук-н будет у меня петь... "соответственные песнопения"...

Точно змея ворочается в сердце, когда думаю о церкви...

И сосет, сосет его...

И нет отрады мне.

Никакой надежды...

Полное отчаяние...

Скажут: вот у *тебя* и ворочается змея, пот. что ты злой, а с нами ангелы.

.....

Ну, и оставайтесь с ангелами, а я пойду в сторону, пойду-пойду от вас... Далеко, и умру в лесу, хочу умереть со зверями, где нет ангелов.

(10 июля 1913 г., смотрев у крыльца час на танцы молдаван у крыльца в день "Зеленых травок". И маленькая моя Варя танцевала; все — босые)

* * *

— Ему пора жениться: уже статский советник, Анна 2-й степени на шее, должность VI класса и в спине неопределенные боли. Жена будет ухаживать за ним, ну... и после "винта" с гостями — ма-а-а-ленькие удовольствия после ужина...

В 35 лет жена "закроет глаза мужу", у нее будет двое бледненьких детей, которых она определит "на казенный счет". С репетиторами их заведет безмолвный роман, который, Бог даст, обойдется без бури и без явного скандала (порицания общества).

"Шито-крыто".

∞

∞

∞

У бледненького сына ее товарищ 17 лет. Собрались в классной. Две гимназистки, 17 и 18 лет, и он. Толковали об уравнениях 2-й степени, о различии античного мира от новой цивилизации, о том, "какие скверные у них учителя", и о последней статье Михайловского. Передали вполголоса слух о последнем покушении.

Простились. Пошли домой.

Ученик скучно посмотрел на учебники в углу, лег в постель и, погодив и подумав, вытянул машинально руку и начал заниматься онанизмом. Из гимназисток одна очень прилежно стала готовить урок по геометрии, а другая сказала, что "голова болит", и тоже легла в постель и, к удовольствию Ильи Мечникова ("способность к совокуплению еще не обозначает способности к браку") и писателя Александра Яблоновского, начала тоже заниматься онанизмом.

Родители девушек и мамаша гимназиста сидели в большой гостиной. Они играли в преферанс. Мамаше шли "масти", но у папаш была хорошая "вистовая карта": поэтому они проиграли ей, но только два рубля.

Придя домой, уже во 2-м часу ночи, мамаша перекрестила сына, крепко уснувшего, в кровати. А папаш подошли к дочерям и тоже перекрестили их в кроватях.

Законоучитель местной гимназии доканчивал, с большим удовольствием, статью в "Веру и Разум": "Где надо искать страну, из которой пришли, по рассказу евангелистов, волхвы к Родившемуся Господу нашему Иисусу Христу": потому что он нашел, что это была — не Персида, как большею частью думали, — а маленькая страна в северной Аравии.

Все семеро спали и не видели никаких снов.

* * *

Разбивайте цивилизацию нашу копытами. Разбивайте ее рогами. Раздирайте зубами.

* * *

Розанов — великий скотовод.

— А идеи?

— И идеи "ничего"...

— А "все"?..

Что вы сердитесь? Разве Б. иначе смотрит на землю, как вот... "стада", "телка сосет матку"... и бычок... и травы. Сказано "рай"... Чего вам?

— Слишком просто.

— Просто да прочно. На простом мир стоит. Я не грешник и не дурак. Оставьте меня в покое.

(вечером на мостике, при звездах; вчера пук рецензий, "Передонов" и "совращает ближнего" — с путей добродетели)

* * *

Прочел кое-где:

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
за 950 рублей
почти новое, полн. комн.
СПАЛЬНЯ "ST. ENGLISH",
п. серый клен
ГОСТИНАЯ "ST. EMPIRE",
красн. дер. с бронз. и зерк.
СТОЛОВАЯ "ST. MODERNE",
дубов. с зерк. стекл.
ПЕРЕДНЯЯ СВЕТЛ. ДУБА
в Спб. Аукц. Зале
18—2, Владимирск. пр.,
уг. Колокольной, 18—2.

(сидя в в...., попалось объявление)

— Так вот, попы, — слушайте. Вы, которым врождено лгать и которые никогда не говорите правды. Не вы ли, десять лет ведя против меня полемику о браке, неизменно поглаживая бороды и брюхо, начинали величественно:

"БУДТО БЫ...

брак заключается в чувственном влечении мужчины к женщине и женщины к мужчине ("и к мужу влечение твое", — сказано в Библии), а не в духовно-нравственной связи", не в "идеальной привязанности", не в "шествовании к одинаковым идеалам" и т. д., и т. д., и проч., и проч. С этого самоуверенного

будто бы

начинаются все ваши полемические дурацкие статьи, и что будто бы брак состоит просто в совокуплении, прозаически в совокуплении, мистически в совокуплении, бесоводно — в совокуплении, звездно — в совокуплении, даже денежно — в совокуплении, хозяйственно — в совокуплении, вы об этом пишете:

"Не можем поверить! Не хотим! Презираем!"

Но перечтите же равнодушное, торговое объявление, без "слов лукавствия" в себе, как все ваши семинарские лукавые статеечки, и вы увидите на ПЕРВОМ МЕСТЕ

СПАЛЬНЮ.

Да. Так объявляет магазин. — "Что покупаете?" — "Для новобрачных". — Значит, — важнее всего и первое — спальня. "Извольте осмотреть".

Куда деваться от этой правды приказчика, который и себе так покупал, и всем продает так, да, конечно, и благолепным протоиереям продает нисколько не иначе, для их полногрудых дочек...

Почему же, почему, почему стоит ложь в словах духовенства.

А очень просто: *продолжай* лгать, раз начал ложью. Ибо куда же тогда девать учение, что мирное и благополучное сожитие двух без обряда есть "не брак, а блудное житие", и куда спрятать косточки всех умерщвленных детей от такого "приблудного жития" и обделенных и выгнанных из дому по смерти "возлюбленного" женщин: которых жадные до наследства старые родные сейчас же выгоняют из дома.

Нет, это правда; вот это "ваша правда". И с нею, повиснувшей на шее, вы погрузитесь в воды Стикса в день Последнего Суда.

Впрочем, вы ни в Стикс не верите, ни в Последний Суд. Вам "все равно". Прощайте, господа "все равно".

* * *

Два раза мне случалось купаться с покойным Шперком, и по какому-то непонятному инстинкту оба раза я, имея всегда любопытство к полу каждого существа, с каким сталкиваюсь или о каком приходится думать, — "держал глаза так", чтобы даже нечаянно не столкнуться с тем, "на что запрещено нам смотреть". И знаю всю его фигуру, грудь, спину, плечи, — но, "избегая" уже живота, почти не знаю, — а "на что запрещено смотреть" — не знаю вовсе. Это душевное удерживание, которое ярко очертилось в моей памяти, потом я нет-нет — вспоминал. И не проходило года или полугода, чтобы я с удивлением не переспросил себя, что же именно меня тогда удерживало?

1) Мне было бы в высшей степени неприятно "встретиться глазами".

2) Ожидаемый или предполагаемый вид мне представлялся в высшей степени антипатичным. Собственно, я о нем и не думал: мысль "гналась", "бежала" от этого. Я неопределенно в мысли думал, что антипатично, а "в душе стояло" что-то "от сотворения мира" убежденное, что "фу! гадость! не хочу".

Неприятно — одно слово. И это — все. Но почему? Почему?

И вот с тех пор, — лет 14, — нет-нет и вспомню, и еще раз спрошу: "Да отчего?! Что мне за дело?! Ведь по существу-то никакого дела!!!"

И думаю, думаю. Ищу аналогий, примеров. Где же "корешок" этой действительности?

∞

Помню, гимназистом, купаясь в Оке и Волге со старшим братом (учитель гимназии) и его товарищем по службе С., — я замечал, что оба они, раздеваясь и входя в воду, "закрывались рукою", столько же друг от друга, как и от меня с меньшим братом, "от всего", "от всех". Только уединенно купающийся — solo — не закроется. Как "чей-нибудь глаз" — непременно закроется. Нужно сказать, что на самое закрывание

я никогда прямо не смотрел, а так знал "по общему положению рук" и общему очерку "входящей фигуры", — без пристальности. Вообще я никогда не допускал себя пристально взглянуть хотя бы на живот. В истории со Шперком я хорошо помню, что "держал глаза так" или "смотрел в ту сторону", чтобы даже *не скользнуть глазом* по "запрещенной части". Сам я, будучи мальчиком, гимназистом, не закрывался, но по удивительной причине. Мне казалось "стыдным" закрыться, т. е. как бы выразить, что "это есть", что я "об этом знаю"... Я входил в воду, как бы сделав вид и даже в душе чувствуя, что "этого ничего нет", а если кто-то и "привесил", то я собственно этого не заметил и вовсе *не знаю*, "что́ есть", и особенно не знаю, "что это такое". Закрыться — значило обнаружить, что "знаю", и это был невыразимый *стыд перед другими*. Никто не должен был знать или замечать, что я *знаю*. Здесь историко-этнографическое *nota-bene*: как-то давно мне случилось прочесть, что хотя "первобытные и дикие народы жарких стран, ходя нагими, закрывают фартуком *только эту часть*, — но есть другие народы, немногие, которые считают *стыдом именно закрывать*". "Это" у них открыто; "и когда закрыто, то у *кого* закрыто или *на момент* закрытия — ужасно конфузятся". Открыто — ничего. Закрыто — стыд! Это странное "до бешенства" явление находит прямое объяснение себе в моем гимназическом, отроческом и юношеском стыде закрыть. У тех первобытных и милых народов, очевидно, никто никогда *пристально не взглядывает*, и они так чувствуют себя, так относятся друг к другу (вне акта и его минут), "как бы этого *ничего не было*", и они не допускают *даже коснуться мыслью этого*. "Закрыть" же — явно значит "коснуться мыслью", "позаботиться": и это так же странно для них, совестно, как бы "заняться этим", "впасть в онанизм и распутство". Они как бы говорят, самым действием говорят: *органов мы не закрываем* потому, "что *мы не распутники*". Чтобы дать "последний чекан научности" моей концепции и "закрутить аргумент с полнотой Буслаева", приведу еще следующий этнографический рассказ. Как известно, в Финляндии нет банщиков, а эту легкую форму работы исполняют женщины, как в женских банях, так равно и в мужских (нельзя себе вообразить!). И вот, захворав или простудившись, входит в баню русский купец и зовет "прислугу, чтобы его помыли": вдруг в его "отделеньице" входит женщина!! Серьезный купец был раздражен и скандализован, — он уже разделся и испуганно закрылся снятою сорочкою. Это *в высшей степени оскорбило финляндку как женщину*, и она с негодованием, угрозой и презрением воскликнула:

— Вы уже старый человек и к тому нездоровы, — а у вас в голову лезут бесстыдные мысли! Разве можно об этом думать, когда вы пришли за делом, чтобы вымыться и, может быть, облегчить себя.

Пораженный и в свою очередь испуганный упреком за бесстыдство купец положил покорно рубашку на диван и пошел весь нагой за (нагою, вероятно? как же мыть, не будучи нагою, т. е. лить шайками воду и пр., одевшись?) женщиною. Здесь, добрый час, она спокойно и так же невинно, как те "дикари без фартуков", она мыла купца, — в тех обычных формах, как это происходит, т. е. кладя на лавку то животом, то спиною, моя ему голову, — когда он столь долго видит ее "всю" перед собой, — и окачивая "во весь рост" начисто тепловатою и прохладною водою. Наконец, при нездоровьи, — вероятно, и паря водою.

У нас в Луге была горничною тамошня лужская мещанка; и когда мы переехали на дачу, — то раздалась какие-то смешки в связи с этою горничною. По расспросам оказалось, что наша дача была недалеко от "собственной дачи" *петербургского* священника (вот воображают, что в Петербурге все "как в Петербурге", — а есть и как "внутри" России), который, ходя в баню, тут же у себя всегда берет мыть себя свою кухарку, "стародавнюю". "Сколько лет ему, старик?" — спросил я. "Нет еще. Лет 50". — "И матушка есть?" — "Жива. Есть". О детях не спросил. "Кухарка старая?" — "В летах. Но еще не старуха". "Так обыкновенно", — и явно при живой матушке это возможно было на почве абсолютного покоя всех трех в отношении пола, т. е. им "никому ничего и *на ум не приходило*", и "глупостей", конечно, никаких не приходило, ибо именно они "скрываются", "застенчивы".

Теперь я перехожу к этому "застенчиво". Если вернуться к Шперку, то собственно мое чувство "не взглянуть" на чем основывалось? *Испуг* взглянуть, *отвращение* взглянуть? Мы с ним *о всем говорили*, — и между прочим он много рассказывал мне о своей половой жизни или (он был студентом) о случаях из половой жизни товарищей, о каких случалось ему узнавать, из рассказов, из фактов. Ни малейшей застенчивости при рассказах ни он, ни я не испытывали. А случались и "казусы" в рассказываемом. И здесь (полная научность!) мы должны отметить набегающий штрих: "Рассказывать — рассказывай, но *не взгляни!*" И еще: "*о третьих* — да: но без перехода в *ты*". В рассказах о поле, если перейти мыслью к мировой литературе, есть "они" и "он", *за забором и не видно*: но тотчас же паралич и невладение членами, в виде неодолимого стыда, являются, как только разговор или беседа коснется местоимения *второго* или *первого* лица. — "Ну, а как это у вас?" — "А вот, со мною был раз случай"... Речь обрывается. Невозможно ни *говорить*, ни *слушать*.

"Слушание" и "речь" возможны лишь, если разговаривающие *переступят* какую-то разделяющую их линию, если уже *до разговора* — в знакомстве, в общении — они страшно и совсем особенным образом приблизились друг к другу, коснулись какими-то "краешками", как две капельки воды, сливающиеся между собою; когда в точке прикосновения появилась "общая душа", "одна душа", — может быть, третья и новая по отношению к их двум. Такой близости совершенно нет и не может быть между лицами одного пола, — но между лицами противоположного пола она бывает и вообще легко возникает. Отсюда поразительное явление. Между мужчиною и мужчиною (и, кажется, между женщиною и женщиною) совершенно не бывает "таких разговоров", и как-то их совершенно нельзя представить себе; абсолютно никогда "любопытства в отношении этой темы" между двумя братьями, между двумя сестрами и — уже абсолютно никогда ("чудовищно!"), если бы хоть мельком и шутя "этих вещей" коснулась в разговоре мать с дочерью, отец с сыном и т. д. Тут это так же исключено, как случай в Финляндии или в Луге!! Ничем так не мог бы оскорбить отец взрослого сына, мать взрослую дочь, — и *так страшно пасть в своем авторитете отцовства и материнства*, как если бы отец стал спрашивать у сына, "где он

проводит поздние вечера”, или мать дочь — ”об интимностях ее влюбления”. На этом основано то горестное и всеобщее, что ”приходится *узнавать* от прислуг” и ”от товарищей”. Между тем это вековечно неизбежно, — ибо в отношении прислуг и товарищей хотя ”вуаль” есть, но она не так страшно *уплотнена* и *неразрывна*, как между детьми и родителями. ”Вуаль пола” между детьми и родителями страшно плотна, толста, непрозрачна, непереходима! Это не ”вуаль”, а каменная стена, хотя она есть именно ”скрывающая все вуаль”...

Между тем разговоры о ”бывающих случаях”, хотя все с отнесением к ”он” и ”они” (вуаль), — бывает, есть и наиболее беструден между, положим, женатым и замужнею. Разные полы, т. е. отсутствие *абсолютного запрещения любиться* и *общиться*, — и разговор есть. Возможность почувствовать в сердце — ”он мне *нравится*”, ”она мне *нравится*”, — и беседа льется легко. Вуаль очень разрежена. И наконец образуется ”симпатия”. Если она становится очень сильна, если она дошла до поцелуев, переступила за них, хотя и недалеко, но далее, — тогда **впервые** возможно в этих темах перейти, наконец, к ”ты”, ”я”. Пол — открывается. **Впервые! Впервые!!!**

Что такое? Что за мир непонятных явлений? ”Пристальный взгляд”, ”отвращающийся взгляд”. Буслаев насторожен. Его старый ученый глаз весь мигает в ожидании какой-то ”ночной совы” (птица, посвященная Палладе-Афине), которая ”все знает”. Что скажет птица человеку?

Птица скажет следующее:

Розанов оттого не смотрел на Шперка, что ему действительно нет дела до этого, что это к нему ни в какой степени не относится, — космически не относится. Потому-то, что не относится, — ему было отвратительно взглянуть. Можно представить купающуюся невдалеке девушку: она бы взглянула, но уже не скользнув нечаянно, чего так боялся Розанов, а пристально и любопытствуя.

— Сестра, — о, нет: не взглянула бы! Мать — ни за что!! Как Розанов. Но совсем чужая, новая — да! да! Возможно, бывало.

И птица продолжала бы:

— Взгляд *сюда* или производит непереносимое, отвратительное, неловкое впечатление, если глаз во лбу того, кому *до этого дела нет*, космически — нет. Но кому до этого есть, и притом космически есть, дело — тот не только совершенно легко взглядывает, но испытывает влечение взглянуть; а когда наконец глаз упал — он становится *пристальным*. Т. е. каким-то ”знающим”, ”особенно видящим”, ”проницательным”; как бы заходящим ”внутри” и ”вглубь”.

— Розанову неприятно, и он ”держал глаз так, чтобы хотя нечаянно не скользнуть”. Между тем Шперк имел детей: и мать их не только, конечно, не избегала бы, но купанье здесь перешло бы в близость, в грациозные ласки, игру, шутки. Теперь я, птица, — сказала. Об остальном пусть догадывается человеческий ум.

Из-под ”вуалей” разного уплотнения, и именно если мы будем следить за линиями этого уплотнения, за законами этого уплотнения, для нас начнет просвечивать лицо и даже Лицо... Маленькая шутка филологическая: вуаль не надевается на ноги, а только — на *лицо*. И уже

то́ одно, что лишь здесь во всем мире присутствует "вуаль", — застенчивость, стыд, — говорит или намекает, что "за вуалью" мы должны предположить и искать "лицо". Но оставим филологию, право коей не простирается далее, как сказать шутку. Обратим внимание на женские груди. Мужчина спокойно обнажает грудь; спортсмены — гребцы, борцы, атлеты, гимнасты — открывают грудную клетку, без вопроса у себя и у смотрящих. Не то́ женщина: она грудь *закрывает* (вуаль). Отчего? У мужчины грудь принадлежит его *работе* и обращена к *предметам работаемым*, к *неодушевленным вещам* и всему их множеству. "Мужской груди некого стыдиться". У женщины грудь... обращена к *своему ребенку*, который ее сосет, питается ею и хватает ее ручонками. Он играет грудью как со *своею собственностью*, и грудь женщины есть действительно не *ее собственностью* или только *частично* — "ее", не главным образом ее, а лишь *боковым*, по прикрепленности к ее грудной клетке, к ее ребрам... На самом деле грудь в нижней ее половине, — там, где проходят молочные железы и особенно — сосок ее, принадлежит сосущему, питающемуся младенцу. И вот, при всей красоте груди и сознании женщиною этой красоты и привлекательности (декольте), она обнажает ее только до той части, где именно начинаются молочные железы, и никогда не обнажает *соска!!*

Почему? — Не *ее!* Это — *ее младенца!* И прав сюда, претензий сюда, смелости сюда — она не простирает!

Между тем младенец "не имел бы претензий" и вообще ему "все равно". Не понимает, молчит, только хватает ручонками и сосет. Женщина, спрошенная о соске, не сказала бы и ей на ум не придет сказать, что "это — собственностью младенца". Она отвечает: "Стыдно!" Называет — вуаль, то́ одно, что видит, чувствует, чувствует в целом существе своем, в костях, "во всем". Таким образом, мы впервые здесь встречаемся с восклицанием "стыдно", которое вырывается у женщины, когда кто-нибудь, если бы даже случайно и нечаянно взглянул на часть тела ее, *обращенную не к нему*.

"Обращенную не к нему!" Что́ значит "обращенную не к нему"?! С ума сойти. Значит, есть части тела, к кому-то "обращенные"? Рука? — Она хватает *все*. Глаз? Он смотрит *на все*. Ухо — слушает *все звуки*. Спина? Носит все мешки, все тяжести и даже сносит все колотушки. Таким образом, фигура человека "по образу и подобию Божию" вся или почти вся, во всех точках и формах, *всеядна, всепослушна, всеобращаема* и, словом, *безлична*; и даже знаменитое "лицо" человека, предмет славы и гордости его, ума и человечности, есть довольно "всеядное лицо", немного лакейское лицо, немного нечестное лицо, потому что обращается уже слишком "ко многим" и похоже на плутягу, который пробирается по рынку и, ко всем "обращаясь", говорит каждому комплимент:

Собаке дворника, чтоб *ласкова была*.

Неаристократическое лицо. Но мы его иногда *закрываем*, им иногда *стыдимся*, чего никогда не делаем с *все-выносящею* спиною и *все-делающею* рукою. Лицо "краснеет" — вот почему оно есть именно *лицо*; конфузится и вообще полно духа. Но — неаристократическое лицо. Чуть-чуть проституционное, с которым все "общатся".

Неизмеримо более в этом отношении "аристократическое" лицо и "священное" лицо есть сосок, которое поднимается достоинством над тем "я", которое его имеет, носит, как *свою часть*. "Грудь" есть "часть женщины", но которую она не "смеет показать". Что такое? — С ума сойти. Опять "с ума сойти", потому что ведь это отрицание основных аксиом всякого бытия, чтобы *целое не распорядилось своею частью*, чтобы целое чего-то *не смело сделать со своею частью*. Раб (часть) оказывается господином своего господина (женщина). Тогда она не "господин" только, но уже "Господь", как везде в Библии смешанно говорится "господин" и "Господь", "domine" и "Domine". Поэтому когда женщина "стыдливо закрыла грудь свою" при входе постороннего, — то она спрятала некоторый "фетиш" свой, с которым неосторожно расположилась, когда ребенок играл ее грудью. Некоторый свой "фетиш" и "царя", — царя и господина. Вообще тут мы входим в мир как "царств", "держав", непостижимого, безотчетного фетишизма, которому неодолимо покоряемся и который явно господствует над нашим умом и волею.

Царство фетишизма.

Царство господства "над человеком".

Которое, однако, *в человеке*, "часть его". "Вкраплено в него"...

Женщина войдет (какая-нибудь), мать войдет — ничего. Кормящая не скроет груди, — *по абсолютному отсутствию отношения их к ее груди*. Как в Луге и Финляндии. Она испугается, когда лишь войдет мужчина. И потому что если войдет *муж*, — то она потянется и грудью, — и, чего никогда с матерью или при посторонней женщине не случится, — еще выдвинет полнее грудь, которую сосет *его, этого мужа, ребенок* и на которую муж любуясь, наклонится и нежно поцелует жену, которая радостно ему навстречу поднимет личико.

Царство их. Ребенка, мужа (нега, ласки) и *ее*. Она носительница груди своей: но и еще есть кое-что: она от груди своей получает невыразимое наслаждение, когда ее ласкает или любуется ее муж и сосет ее ребенок. Притом — с оттенками.

Которые хоть немного объясняют "зависимость женщины от груди своей", "подчиненность женщины груди". Когда спина несет мешок, и глаз смотрит на письменный стол с бумагами, и "лицо" говорит комплименты всем "лицам на базаре", — то женщина и вообще человек *не чувствует ничего в остальном существе своем*. Но вы замечали странную задумчивость, — блаженную, сияющую, *глубоко тихую и в сущности глубоко религиозную*, — когда ребенок сосет грудь женщины. Нам (мужчинам) это непонятно и понятнее, ибо выражается словесно, — другое: когда муж ласкает или просто любуется на кормящую жену свою. Это выражается ею в полупонятном звуке, во взгляде, в рукопожатии. В воспоминаниях потом: "Помнишь, это было, когда ты вошел..." В этом случае разливается во всей женщине, — нельзя сказать, что "в теле" ее, ибо душевная радость еще сильнее, и нельзя сказать, что "в душе", ибо ощущается слишком телесно, в приливе молока к грудям, в приливе крови к щекам, в наворачнувшейся на ресницах слезе, — *счастье*.

Счастье?

Да. Ну, а счастье всегда "господин мой". Мне становится лучше, щеки зарумяниваются, дыхание — полнее и глубже, "что-то в спине" от

затылка вниз струится, таз, бедра, — все, все как бы наполняется тем воздушным, теплым и легким... Да нет, это не то.

— Я счастлива! — И она сияет.

— Ну вот я теперь успокоилась, — если была тревога.

— Побудь еще со мною. — Это — милому.

Как же не "domine" и даже "Domine"!

"Господь с нами теперь. Как я обрадована".

— Чем?

Что вошла не "ненужная мать", до которой *все это не относится*, а муж, "с которым мы родили этого сосуна", "нашего ребенка".

"Нашего?"

Удивительно. "Третий", который есть "не свой" до поры до времени, пока сосет грудь и несколько далее, а "наш": однако же и не *мой*, этого не смеет о нем сказать мать, хотя он сосет ее грудь и хотя она его выносила в чреве; а "наш", "мужа и мой", и даже у нее есть невольное, стыдное, но самое мучительно страстное желание сказать — "*его* ребенок", "*от него* ребенок", "мой — но *от него*" и потому "наш". Но, — о Господи: ни в каком случае не "мой *только*", не "меня *одной*". — "Что я за резинка, которая лопнула и высвободила из себя ребенка". Гадость! Ужас!

"Меня одной" — томительно, страшно, холодно, безнежно, механично, внешне, ненужно, пародия, кукла, извращение законов естества и Божиих.

"Наш" и — особенно, затаившись и покраснев: — "от *него*"...

Стыд и счастье, мука и блаженство, холод и жар, снег альпийский и какое-то небесное пламя, которое жжет и уже проходит не по одной спине, а забивается в пятки, и ноги трясутся.

"Это от *него*!..

В тот *стыдливейший* час...

Которого *не пересказать кому-нибудь*.

Не шепнуть *даже матери об этом* часе...

Который видели только он и я...

И который был так счастлив: точно Альпы все превратились в золото и это золото все просыпалось в меня.

И я не разорвалась: а *раздвинулась в ширину Альп* и еле пришла в себя...

Миры ходили во мне.

И миры родила я. Это — мой ребенок. Из него — опять ребенок. И — еще, еще, вечно... Мириады, целое Небо.

А если бы *нет*, — я умерла бы одна, как скошенная былинка в поле, без имени, без памяти, забытая, ненужная.

Одна".

И потому не мать меня родила, а муж меня родил и вечно рождает, — рождает желанием своим, вот что любит меня мною в кормлении, вот что нежит меня и хочет меня. Я живу через его "хочу", и во мне нет иной воли, как чтобы быть "его", "принадлежать ему" и во всем так относиться к нему, как ребенок относится ко мне, т. е. зависимо, поглощенно, имея "корень" себя в нем (муже), а в себе, — в прическе, в платьях, грудях красивых, имея лишь крону и листья, наружность и поверхность; согласна — я "красива" и "красота", так поют все обо мне, но я *его*

красота, "которую он имеет для себя" и собственно имеет... коротко и только — для своего наслаждения.

Родители родили "условие".

А муж — "осуществляет условие".

Родители родили меня "одну".

Одна? — Я? Какой ужас!!!

Только муж превращает этот ужас в блаженство, пустыню наполняет плодородием, поливает дождем засохшее поле. Он "всё"!! Поскольку "желает меня"...

"Желает"... И все было бы "неверно во всем мире", исполнено предательства и лукавства, злоухищрений и тьмы, дьявольщины и бесовщины, если бы "пущено было на ветер". Это его основное желание, — если бы женщина, "несчастно рожденная родителями", не могла прибавить в неопишемом восторге и как крик победы:

— Я ему необходима!

Необходима — вот якорь спасения; за что цепляется женщина, что уже не есть "птичка Божия", мечта и звук, роман и греза, сон без действительности, а железная действительность.

На которой держится мир. И небо, и земля, и Альпы. Все.

Блаженно, если "хочется" сливается с "необходимо": но терпеливая женщина в тезах высказывает: "Если и не хочется, то все-таки необходима", — и он "не уйдет", и в конце концов я не одна — а с ребенком. Этого-то ужасного "одна", "без потомства", "без молитвенника о себе за гробом" (п. ч. не родители же будут молиться, они уже "там", тоже "умерли", когда "я умру"), — я во всяком случае избегаю, если "побуду по его необходимости" с женщиною, которому меня "не хочется".

Проституция, — как "последний грош", который еще остается бедняге, у которой были Альпы. Но это — последнее и "всякой доступное" по высшему и обобщенному на весь мир милосердию... Оставим это. Зачем мы будем исследовать разоренное хозяйство, когда имеем перед собой "вообще хозяйство".

Теперь-то и объясняется, почему я не мог смотреть на Шперка. Все его точки фигуры казались безразличными и возможными "для взора", потому что именно эти точки были безразличны, безглазы сами и "открыты" в том смысле, что сами никого не избирали, никого не искали, ни к кому не были обращены. Были безличны и отчасти неодоухотворены. Напротив, я совершенно "не мог взглянуть" на то, что ко мне никакого отношения не имело, со мною нисколько Шперка не связывало и до скончания веков не могло бы связать, а посему ни в каком смысле и не было ко мне обращено. Я видел его "спину": а "лицо" и взглянув все равно не увидел бы и вековечно бы не увидел, так как и видеть его может лишь то, или тот, или та, к кому оно обращено или обратится. Кто? Да та "видела лицо его", которая (были уже дети) сказала:

— Это мое дитя, но от него.

Как же я вмещался бы в эту сферу, стал "третьим" между двумя, естественно их отделив и затенив жену от мужа, — своим пристальным

взглядом. *Пристальный взгляд*, и жена закричала бы в невыносимой боли: "Он разоряет меня и дом мой, он убивает меня". Невозможно. Чудовищно. "Лица его никто не видит, кроме одного, к кому он обращен": кто зовется его "жена", единственная в мире. Но вот она уже взглядывает не только пристально, но и с тем вожделением, доходящим до пятки ног, как случается, когда муж смотрит на нее, кормящую "его" ребенка. Та застенчивость, *но другого тона*, застенчивость не испуга, а блаженства, не негодованья на "вошедшего нечаянно", а сладкой муки желания, чтобы "скорее пришел", — эта застенчивость желания овладевает обоими, как сфера волнующего влечения,

(устал)

* * *

— Развлеки меня, — говорит читатель с брюхом, беря "Опавшие листья".

— Зачем я буду развлекать тебя. Я лучше дам тебе по морде. Это тебя лучше всего развлечет.

(Розанов и читатель)

* * *

Моя тихая, молчаливая Муза, 20 лет меня со спины крестившая.

(М.) (опять перекрестила на занятия)

Сегодня сказала:

— Вот мы с тобой состарились, а в небесах все весна.

И погодив:

— В небесах вечная весна.

(звездная ночь 17 июля 1913 г.)

* * *

Вы восторгались "великим отрицанием" Гоголя, — помните, как, захлебываясь, вы надписывали эпиграфом к своим ругательным (насчет России) статейкам: "Неча на зеркало пенять, коли *рожа крива*". И захлебывались, захлебывались, смотря самолюбивыми мордочками в самолюбивое зеркальце, как "один красивый на Руси" Николай Гаврилович 1) да Димитрий Иванович 2)...

И вот прошли годы. Я подставил "зеркальце" перед этими самолюбивыми и сказал Николаю Гавриловичу и Димитрию Ивановичу:

— Ну, что́ делать, господа: не очень хороша у вас физиономия. Но при чем тут зеркало?

И как все завизжали.

Вот мое отрицание литературы (т. е. вас) в "Оп. л." и "Уедин."

(на конверте полученного письма Цв., из Манглица, 23 июля 1913 г.)

* * *

Смех есть вообще недостойное отношение к жизни, — вот почему я отрицаю Гоголя.

2
2
2
2

Боже! — даже улыбнуться над жизнью — страшно.

2
2
2

Жизнь, вся жизнь, всякая жизнь — божественна.

2
2
2
2

И не любить жизни — значит не любить Бога.

2
2
2
2

Вот отчего весь Гоголь или все существо Гоголя есть грех.

Прекрасный грех, — не отрицаю. Но кто же будет настаивать на прекрасном грехе.

*(мысленный спор со Страховым и Говорухой-Отроком.
Тогда же на том же конверте)*

* * *

Первый раз в жизни спросил себя определенно и прямо, в чем же разница между "нами" и "ими"? И ответил: в *формальности* души и существования у "них" и в *эссенциальности* души и существования у "нас".

"Мы" вовсе не одинаковых между собою убеждений, не одного уровня образования и развития, и в темпераментах, крови у нас нет сходства. И здесь единства или близости мы не ищем, хотя спорим, высказываем свои убеждения, и через это все как бы стремимся к "единству". Но это собственно формальное стремление в силу формального действия обыкновенных человеческих способностей. "Живем на квартире, как все, — и полотеры приходят раз в неделю — как ко всем". Далее, из "нас" некоторые писатели, другие совсем не пишут, одни — профессора, другие не очень учены: и нет, однако, разницы тех и других.

В чем же заключается наша эссенциальность, — душа и существование "по существу"? Это можно оттенить всего лучше, рассмотрев душу и существование "по форме".

Профессор и полон самосознания профессорского: не что он в науке совершил, сделал, думает, "открыл", а что он "профессор". Писатель и еще "признанный" — и опять какой-то "вечной гранью" (в "Демоне": "снежной гранью перед ним Кавказ блестел") перед ним и пораженным умом его сияет это его "писательство". "Марксист" или "социал-демократ", "кадет" или "октябрист", наконец, "националист", "патриот", "государственник" — и все эти рубрики он носит на себе, как дворянин носит шитый золотом мундир "предводителя дворянства". Словом, и душа его, и существование его все заключено в *форме*, в *виды* и *видимости*, и этими "видимостями" он исчерпывается, найдя в них совершенную удовлетворенность себя, сытость себя, свое "Царство Небесное".

Основание *существования* его в сущности коренится в "мнении *их* о нем". Кого "их"? Окружающих, толпы, общества, всех. "Сам себя" он даже, пожалуй, никак не оценивает, это ему и на ум не приходит, что он "существует *для себя*".

Так. обр., он есть в сущности член огромной системы, огромной организации, *до себя* существовавшей и *вне себя* существующей. Родившись, он как бы вошел или вплыл в форму, "от создания мира уготованную для него", в которой и счастлив, удовлетворен, ему в ней удобно, ее он находит наилучшею. У него есть труд, усилия, старания по отношению к этой форме, но не по отношению к себе: и когда он умрет — форма останется и наполнится кем-то другим.

Они живут собственно коралловой жизнью. *Есть* в огромном мировом смысле этот "риф": а чтобы отдельные "кораллики" существовали — об этом как-то даже и не спрашиваешь себя, никто не спрашивает.

Муромцев — "председатель 1-й Государственной Думы, стоявшей в крайней оппозиции к правительству".

Бокль — написал "Историю цивилизации в Англии", есть "историк-философ", с глубокомыслием и позитивизмом.

Михайловский — "сорок лет стоял на посту".

Сакулин — "известный профессор", "как можно не знать его".

Скабичевский и Шелгунов — "наши известные писатели", "самого благородного образа мыслей".

Все — *формальные определения*: под которыми не стоит — "кто?" — "что?", "зачем?", "откуда?". Не стоит вопроса и недоумения: "Какой в конце концов этого всего смысл?"

"В конце концов" и "конца концов" для них вообще не существует, и все они суть какие-то "проходящие" по какому-то бесконечному коридору, — без Неба.

Эссенциальность "нас" заключается в глубоком равнодушии ко всем этим *формам* души и существования. Напр., я случайно узнал об одном из "нас", что у него крепко заперты в столе огромные трактаты по истории и культуре, которые он не думает печатать и просто писал "для себя", "интересуясь". О нем же от другого человека, уже вне "нас" живущего и работающего, я узнал, что он "мог бы занимать не одну, а несколько кафедр в университете, — и не делает этого по отсутствию интереса к этому. Чем же он живет? — Для души. — С кем живет?"

— С друзьями. Что́ он такое? — Да просто *человек* в глубоких определениях его существа: мудрый и благородный.

О другом я узнал, что он "считается в Москве Далай-Ламой по государственным вопросам, зная *все*, — всякую *литературу* и *ученость* — по этой части". Между тем я никогда не слышал его имени, и оно никогда мне не попадалось в газетах, журналах, печати, в письмах. Живет и знает *для себя* (и "для друзей своих" — подразумевается).

Один из "нас" чуть-чуть не влез в архиерея. Как же: почет, деньги, власть, значение. "Авторитет". Но он просто все спит и предпочитает свою знаменитую сонливость архиерейству. "Пьет с приятелями чай и рассуждает о церкви". Умен, образован, начитан. Кушает, спит, рассуждает, читает и никуда не стремится.

"Для себя и в себе существует". Das Ding an und für sich¹.

Таким образом, во всех "нас" есть большой или маленький ноумен, — в противоположность "феноменальному" существованию "их". И мы не "проходим по коридору", а "сидим где кто вырос". Вместе с тем, т. к. ноумены все одинаковы и между ними "малое" и "большое" исключено по существу, то́ все "мы" суть в глубочайшем смысле братья, непреднамеренно, несознательно, а просто потому, что (это) "есть". Три знаменитые французско-некрасовские ("Песня Еремушки") определения — "братство, равенство и свобода" — глубочайше осуществлены в "нашем круге", и это "удалось" потому, может быть, что ни один и никто об этих фетишах ни на минуту не задумался и палец о палец не ударил, чтобы их достигнуть. Буквально "пришло" и "случилось", "Бог принес", а сами "спали".

Все мы "с ленцой", — не очень большой, но и не преуменьшаемой, не побораемой. "Как Бог даст".

Между "нами" есть 24-х и 60-ти лет, очень богатые и очень бедные. *Возраст* и *имущество* всегда клали грани и вражду между людьми. Между тем среди "нас" никто не спрашивает об имуществе другого и не интересуется этим; и "24"-х, и "60"-ти лет суть совершенно равные, — товарищи, друзья. Наконец, есть различия в степени умственной остроты: и я с удивлением узнал или скорее почувствовал, что более "острые" считают себя в "учителя" более простого, менее сложного, но крепкого и прямого человека. Мудрец и посох: и мудрец опирается на посох, и бережет его, и ставит в передний угол, и говорит: "Он — друг мой и *ведет* меня", "пощупывает *дорогу*".

Как все это "образовалось"? откуда "взялось"? Выросло. Никто не старался. Каждый "существовал *для себя*"; потом капельки дотронулись бочками и слились. Получилась малая община.

Все, господа, — в лени. В лени и — в Боге. Пока люди ленивы, они, естественно, не соперничают, не завидуют, не перегоняют друг друга. А это-то и есть корень почти всех зол социальных и всей черноты душевной. "Наш пруд прозрачен, потому что он без движения". И хорошо. Настоящее православное существование. Эта "тишина", которую можно назвать и "заросшим зеленью прудом", и "тихим лесным озером", и прозрачною "пустыней Верхнего Египта, где появились первые

¹ Вещь в себе и для себя (нем.).

христианские отшельники”, — тишина эта по существу есть выражение человеческого глубокомыслия и добродетели в натуральных, врожденных, непрописных формах. Ни один честолюбец не был бы принят в ”наш круг”, ни один славолубец, ни один тщеславный, ни один ”любящий деньгу”, или — лживый, или — злой. Так. обр., в сущности всех соединяет нравственное чувство или, вернее, — нравственная натура, но без ”пронюхивания” об этом, без подсматривания, без полиции. Просто *если этого нет* — ”капельки боками не сливаются”. Но и вражды или *определенного* ”разграничения” от ”ненаших” — нет.

В конце концов — это Божественная тишина. Я верю, что Господь ”родил Себе это малое стадо”. И пусть его ”пасет Господь”, а сами пусть всего они должны стараться не устраиваться, не умничать около себя, не ставить себе цели. Я едва ли имею право называться в ”их круге”: я только ”заприметил”. ”До” и ”вне” меня все возникло в М.; а только издали хочется им сказать:

— Господа, ленитесь! Ради Христа — ленитесь! Пока вы ленивы — все спасено. Как заторопитесь — чудное Видение исчезнет и на месте его останется грязная лужа действительности.

(получив письмо Цв., 25 июля 1913 г.)

* * *

Семя души нашей не единосостванно. От *двух* рождаемся и *два* несем в себе; а с *дедами* — несем четырех и с *предками* — тьмы...

Вот отчего и *жизнь* и *мы* противоречивы и мучительны.

∞

Все растет из *противоречия*, и поистине противоречие есть *корень жизни*.

∞

Если бы ”согласие” — был бы покой. Молчание. Смерть? — По крайней мере ”не стреляет”. А пока мы живем, все что-то из нас ”стреляет”.

Только когда ”подмочен порох” — тишина и мир, и покой... могилы. Вечная зима. Вечное ”нет”. Бррр...

∞

Нет, уж пусть лучше ”стреляет”, хоть и с мýкой.

(28 июля 1913; прочтя)

* * *

Писали ”оды” вельможам, потому что они платили.

Теперь платят евреи, и пишут ”оды” им.

Очень проста ”История русской литературы”, от Хераскова до ”Шиповника” с рядом ”сотрудников” из ”лучших русских литературных сил”.

28 июля 1913 г.

И Мережковский так старается у Гессена и Винавера. Бедные, бедные...

Кто ты был и что стал...

И еще ужаснее, что это постыдное рабство, — рабство унижительное, которого никогда не было, несет над собою флаг свободы и позу независимости.

* * *

Вы все лжете, и перед собою, и перед другими.
И называете меня "циником" за то, что я не лгу.

∞

∞

∞

За то, что не надеваю вашего "условного платья", об условности которого вы сами знаете.

(рецензентам; 28 июля 1913 г.)

* * *

Сохранение *личной независимости* стало теперь гораздо труднее, чем прежде; т. е. для писателя — *сохранение души своей*.

Это независимость журналиста от еврея-заказчика; работника от капиталиста. Независимость автора с (невольным) самолюбием от критических, рецензентских, "обозревающих" тарантулов, которые со ста (положим, перочинными) ножами в руках требуют, чтобы вы были революционером, социал-демократом и состояли в "оппозиции" до отмены "черты оседлости". Против этих 100 ножичков и толстой сумы еврея не выстаивает ни один "русский независимый литератор".

"Независимость" — это священник-профессор среди атеистов-профессоров.

Цветков — издатель "Русских ночей" перед "заслуженным профессором" Сакулиным.

О, как трудна эта независимость. Я знаю ее. Днем, ночью, каждый час, в каждом месте, в Москве, Тифлисе — грудь дышит тяжело, поднимая невероятную тяжесть.

Но терпите, добрые.

Терпите и помните слова — "Блаженны вы, когда будут *знать вас*".

28 июля 1913 г.

∞

У либеральчиков зятьев не зарезывали, — зарезывали признанных *идеалистов* (наподобие Серебрянского, друга Кольцова или Никитина). "Люди оппозиции" женились на еврейках с миллионным приданым, на которое и издавали 40 лет "оппозиционный журнал", приобретя высокое положение в обществе, в высокочинной бюрократии, в профессорских

кругах и во всей "уважаемой русской литературе" (Стасюлевич и "Вестн. Евр.").

Провести параллель между Троицким и Стасюлевичем, между Достоевским и Некрасовым.

* * *

С помощью Юао, которому повинуются все древние боги, я упросил их послать душу Соломона.

И когда он поднялся, белый, я спросил:

— Объясни мне, отец мудрецов, одну строчку из повествования о тебе в Книге царей израилевых, которую оставили без истолкования все, кто занимался Св. Писанием.

Он поднял глаза, спокойные, как безветренное небо.

— Сказано о тебе: "Соломон имел 300 жен, 700 наложниц *и девиц без числа*". Смысл и значение около тебя первых и вторых понятий согласно всемирному языку, но согласно тому же всемирному пониманию человеческих слов вовсе не понятны "девицы около тебя". Кто они были?

— Девицы были девицы.

— Я понимаю слово, что они *были* девицами; но слово Писания не оставляет сомнения, что они и *остались девицами*. Так как, конечно, и жены, и наложницы "были" тоже до поступления во дворец царя "девицами", но не удержали этого титула, оставленного за другими.

— Истории вашего времени лукавы, льстивы и неполны. И в них сказано было бы обо мне, что я имел "одну жену", с умолчанием о прочем. Только как слух и потаенно где-нибудь было бы грубо рассказано, в виде злословия, еще о двухстах девяносто девяти женах. Но было бы везде пропущено о "девицах без числа"...

Он остановился. И погода продолжал:

— Любовь начинается поцелуями. Но лукавые люди удерживаются сказать, что, совершив свой круг, она приходит к началу и оканчивается также поцелуями. Летописец дней моих и назвал тех, кто был в дворце моем и не прошел средних звеньев этого круга, а только первые и последние...

Я ждал и недоумевал. Он же кончил:

— Разве садовник разводит цветы, розы и бесчисленные другие, чтобы срывать их и поднести господину своему мертвыми или предназначенными к смерти? Нет. Но господин сам выходит в сад. И здесь путь свой не усыпает трупами. Он не безобразит сад, а наслаждается им. Не срывая ни одной, царь идет между цветов и, приседая возле пышнее цветущих и свежее растущих, как простой смертный, чуть-чуть коснувшись стебля и не дотрагиваясь до лепестков, наклоняет к лицу своему и обоняет розу почти без ведома для самой розы. Это самая нежная любовь, ибо цветок ничего не теряет, а царь насладился. Разве мудрецы вашего времени не научили вас, что не сотворил Бог аромата, не сотворив соответствующего обоняния. Цветы существуют действительно для человека, и ни одно животное или насекомое их запаха не чувствует. Из этого вырос первый сад, в котором был поселен человек; и садоводство, немедленно распространившееся по всей земле. Человек вдыхает жизнь, долгоденствие и очищение души. И о чем ты спрашива-

ещь — было собрано много для продления дней моих, очищения души и в жизнь вечную.

Когда я поднял глаза, говорившего уже не было.

(29 июля 1913 г.)

* * *

Все затянуло жидом.

Туманный октябрь литературы. Скорее бы декабрь, скорее! скорее!!
Морознее, еще бездушнее. И —

Новый год.

О, как хочу его...

*(за письмами Страхова. О лекции Соловьева о первома-
товцах: "Вот уже было не по-христиански сказано на
религиозную тему. Соловьев вообще говорит, как неживой,
как будто у него одна голова, а сердца нет, еще не выросло".
Гениально)*

* * *

У нас Polizien-Revolution, Судейкин с Дегаевым, уговаривающиеся (Богучарский, Глинский): 1) умертвить Вел. Кн. Владимира Александровича, 2) министра внутренних дел графа Д. А. Толстого и, перепугав всех и вся, 3) овладеть государством в качестве его единственных "охранителей".

Не понимаю, куда же тут студенты суются и эти барышни. И Анна Павловна Философова, и "пророчественная" Вера Фигнер. "У бабы волос долог, а ум короток", — ну, а студенты в качестве статистов.

ПОСЛЕ САХАРНЫ

Отчего я так волнуюсь от литературы (антипатия). Тут есть что-то особенное. Не только во мне, но и в звездах (судьба, история). Даже, может быть, чего я сам не понимаю?

Не это ли: что литература есть *недостаточная* форма общения между людьми... слишком далекая, слишком формальная, слишком холодная? Люди должны *ближе* стать друг к другу. Не "от читателя к читателю", что слишком отвлеченно и далеко, а тереться плечом, соработать, видеться, общаться.

Что́ это? От "общества" к "хлыстам"? Но какой же я, ваше благородие, хлыст; я коллежский советник и журналист.

(утром за занятиями) (2 сентября 1913 г.)

Люди должны *дотрагиваться* друг до друга — вот моя мысль.

Гутенберг уничтожил всеобщую потребность дотрагиваться. Стали дотрагиваться "в трубу", "через телефон" (книга): вот злая черная точка в Гутенберге.

Гутенберг один принес более смерти на Землю, чем все люди до него. С него-то и началось замораживание (планеты). Исчезли милые дотрагивания.

(потом приписал)

И что я вышел "голым перед людьми" ("У.", "Оп. л.") — в звездах: я хочу, чтобы все трогали меня пальцами и я всех трогал пальцами: ибо тогда-то я крикну: "Был мертв — и жив", "мы — умерли — и воскресли".

В дотрагиваниях великая тайна мира. Знаете ли вы, что Элевзинские таинства заключались в дотрагиваниях?

* * *

Не велика вещь: обернуться на каблуке в $1/2$ оборота. А увидишь все новое: новые звезды, новые миры, Большая Медведица — здесь, там — Южный Крест или что-то подобное.

Вращайтесь, люди, около своей оси. Не стойте "на одном градусе". Один раз вы приходите в мир и должны все увидеть. Вращайтесь, вращайтесь!..

(2 сент. 1913 г.)

Переходите из холода в жар и из жара опять в холод. Испытывайте среднее и испытывайте крайнее. Смирение изведайте и всю сладость его. И восстание, и весь ужас его. Смотрите на север и смотрите на юг. Любите небо и любите "преисподняя Земли".

— Что ты видел, человек, — спросит Б. "на том свете".

И, утирая рукавом губы, вы скажете:

— Я выпил весь Твой мир, и весь он сладок.

Б. скажет:

— Я и сотворил его сладким. Ты поступал, как Я сотворил тебя, и увидел мир таким, каков он есть...

Я:

— Кроме смерти.

Он:

— Ты умер и пришел ко Мне.

Если так — "осанна". Но так ли?..

* * *

Сентяб. 13

"...дам тебе и Землю Обетованную, текущую молоком и медом, и буду охранять тебя в путях твоих: Мне же от тебя надо одно обрезание".

— А добродетели? Молитвы?

— Нет. Только чтобы от уда твоего была навеки отодвинута назад... и дабы случайно или по нерадению она не могла закрыться — даже вовсе удалена закрывающая его конец крайняя плоть.

* * *

История сливается с *лицом* человека. Лицо человека поднимается до исторического в себе смысла...

Каждая мысль осуществлена. Каждый шаг уже закончен...

(суть монархии)

Писатели, и особенно передовые, говорят, что нужен не человек, а Человек...

Хорошо.

Но кто будет "с большой буквы", тот и есть монарх.

Догадываются ли писателишки об этом. Они, по-видимому, ни о чем не догадываются.

Суть, однако, в том, суть "времени" (нашего), что к республике и "равенству" никто не стремится: и хулиган вовсе не хочет "освободиться от опорков" и "быть равным Олсуфьеву". Это его нисколько не занимает. Он хочет, чтобы Олсуфьев побегал ему за табачком в лавочку и, если купил не такого, — засветить ему в морду. Вот это занимает и жжет душу.

Существует, напротив, бешеный порыв "послать другого в лавочку", — порыв к абсолютному неравенству, к "выше всех", к Человеку. Вот это есть. Мутная (черная) волна демократии ходит круто и вертит народную жизнь именно этим "Человеком" в себе, которого кто-то из нас получит. В революции есть упоение картежной игры. Больше, чем расчета; хотя жидки (Маркс) и считают по пальцам. Но это пустяки. Не в этом дело.

Аладьин с криками в 1-й Думе неужели очень старался о народе. Я видел его заложившим руки назад *под* (коротенький) пиджак. Конечно, "я" и "Человек", и "походил бы мне Горемыкин в лавочку". Больше ничего, и вся "государственная идея".

На этом-то и основано *vis-à-vis*: прыснуть по ним свинцом. "Человеку" будущего, увы, мешает Человек прошлого. Почесываясь, он говорит: — Вы еще обещаете, а я *сделал*.

(8 сентября 1913 г.)

* * *

В редкие минуты я достигаю всемирной любви...

Это такое счастье...

Такая праведность...

— Так что ты праведник?

.....

— Что молчишь?

.....

Что я скажу, когда слышу и слышал: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф... Исполнены Небо и Земля славы Его.

— Какая же связь?

Вы этого слова не слышите: а мне дано Ухо Душевное услышать хвалу моему Господу. И слышит ее только достигнувший всемирной любви.

(утром за корректурой. 10 сентября 1913)

* * *

...да, так вы и думаете, что есть розы, которых бы никто не обонял. Подставляй карман.

(духовенству) (10 сентяб. 1913)

* * *

Я Василия Михайловича (Скворцова) спрашивал:

— Да какая разница между хлыстами и монахами?

Сделав глаза недоумения, он сказал:
— Монахи берут ордена, а хлысты нет.

Действительно: в учении и идеалах между ними нет разницы. Но хлысты девствуют по природе, и их сажают в острог, а монахи девствуют по должности и карьере — и сажают тех в острог.

(за корректурой о хлыстах. 10 сентября 1913)

* * *

У вас не жезл, а палка. Вы с палкой пришли. "Палок" нигде в Священном Писании не указано. "Жезл" — кроткое, мудрое управление. Какой же у "никона" может быть жезл, когда он даже догматов церкви не знает, и когда заспорил на Афоне с монахами, то преподаватель Троицкий, стоявший у него за спиной, на каждом слове его вполголоса поправлял: "Что вы, владыка; это — ересь; не так, вот как".

(вчера выслушал в редакции рассказ чиновника Синодской канцелярии)

Когда я сказал:

— Ведь это *Антоний* водой-то облил, а не "никон", он сказал:

— Антоний! Антоний! при чем тут "никон": он только пешка в его руках.

Но заметим, что и Антоний — только пешка в руках своего невежества и грубости.

Чудный рассказ о Макарии Московском: благословлял народ "произносить всю формулу благословения по Библии" (и сказал, какую: очень трогательно). В Томской епархии ходил пешком по селам, входил в избы и, сев у избы, поучал крестьян. Вот — Пастырь Божий.

(10 сентября 1913 г.)

* * *

10 сентября 1913

Ясно, что, если бы *Песнь Песней* не была отвратительно и, наконец, совершенно идиотски истолкована у нас, а понималась бы и исполнялась в прямом ее смысле, — никогда мерзкое скопчество Кондратия Селиванова не появилось бы у нас, не зародилось бы, не пришло бы на ум никому. Вот что значит "утаивать истину" от простецов, дабы они "не соблазнились", уйдя в ласки мира, в поцелуи мира ("да лобзает он меня", т. е. с поцелуев начинается *Песнь Песней*).

...да, да, да! *Есть* некая книга в Священном Писании, первослово которой: "ПУСТЬ ЦЕЛУЕТ он МЕНЯ!.." Да, да, да: кричите об этом с крыш, ибо это радость мира, которую скрыли от вас.

О, если бы не те годы (57): с *Песнь Песней* я побежал бы по улицам и, останавливая юношей, останавливая девушек, говорил бы всем:

— Радость, Радость пришла! Которую скрыли от вас и которая *есть*: что Священное Писание говорит и зовет к поцелуям, чистым, невинным, но именно девичьим, но именно юношеским. Ступайте же, омойтесь, очиститесь, помолитесь — и приходите тогда ликовать на улице великую Песнь Песней.

Ликуй, улица, ликуй, сад, ликуй, поле, ликуй, лес: прекрасный человек вернулся к тебе, а тот, урод, изгнан. Знаете ли вы, кто Прекрасный Человек?

— Кто целуется! — И знаете ли вы, кто урод:

— Кто не целуется.

(за корректурой скопческих стихов)

* * *

Это и в ботанике так: десятый сорвал розу, а девять прошли и только понюхали.

Что́ поделаешь. Бог так сотворил. Это "не наши нравы", а космология.

10 сентября 1913 г. (на записи, что́ купить в пятницу)

* * *

Я колеблюсь...

Мерцают звезды, а не льют свет, "как из трубы"...

Извилисты горы...

И дрожит, как луч Божий, человеческая душа.

* * *

Один Михайловский "не знал колебаний".

Ну, Бог с ним.

Михайловский и "наш штатный протоиерей", тоже довольно уверенный в себе.

(ясное утро; еду в казначейство. 10 сентяб. 1913 г.)

* * *

11 сентября 1913

Что́ же делать, если "окончательно" один, но "не окончательно" почти все... Из "не окончательно" вышли балы, декольте, общество, приветы, ласки и любящие взгляды, какие мы бросаем друг на друга...

И рукопожатия (т. е. что-то физическое; зачем бы оно при "духовном уважении"?), и "подстригаем волосы", и надеваем мантильи.

.....

Если бы не было "не окончательно" — не было бы культуры.

(на конверте полученного письма)

* * *

Что́ это, коварство или глупость — не понимаю: пока я боролся с хр... и "был за юдаизм", Мережковский, слегка упрекая за Христа, — был мне другом и необыкновенно ласков лично. Но едва от "евреев сейчас" я отвернулся и хотя в то же время хоть несколько стал повертываться к хр....., он обрушился на меня со страшными укорами за хр..... и в энтузиазме христианского усердия почти предлагает побить камнями (которые, впрочем, в литературе суть пробки). Всё — в газете "Речь".

И "Речь" такая христианская.

Очевидно, и ей больно, что Розанов не только нападает на Бердичев, но и на Христа.

Конечно, тут дело в Бердичеве и Гессене. Но каким образ. писатель с большим именованием и памятью о себе в будущем, — рискуя всю последнюю, ставит коренные слова идеи в зависимость от сотрудничества в мелкой газете, которая, конечно, никакой памяти в истории не будет иметь. Конечно, — не коварство, а глупость ("чечевичная похлебка" Исава).

(11 сентября 1913 г.)

* * *

Всегда перекрестится, что́ бы ни начинала делать.

(мамочка; едет к зубному врачу, 12 сент. 1913 г.)

— Я одна! Я одна!

Ни меня, ни прислугу не взяла (допустила поехать) с собою. А будут вырывать трудный зуб. Вчера уже вынули всю верхнюю челюсть (из ослабленной десны). Сегодня без всех верхних зубов, шамкает смешно губами и в первый раз я ее увидел старушкой, — молодой старушкой. Ибо настоящей старушкой мамочка не может быть: при всех страданиях, очевидно, чудное ее зачатие выносило ее на верх молодости.

Наша мамочка всех моложе. Оттого мне всегда с ней весело. И с нею ничего не боюсь.

Но эти смешные губы (шамкает) пробудили во мне новое чувство. "Мама-старушка". 23 года позади. Как изогнулась дуга жизни и после высокого горба падает книзу.

Но каждое утро мы, просыпаясь, протягиваем руки друг другу и, пожимая, — смеемся:

— Мамочка, мы здоровы!!

Никогда не думал. Никогда не надеялся. 3¹/₃ месяца не принимает ни digitalis, ни strophon, ни камфору, ни кофеин; ходит, ездит — и ничего.

Господь с нами. Я верю — Господь с нами. Я опять счастлив.

* * *

Хорошо. Великие события происходили. И великие чувства переживались. Синай дрожал. Иов страдал. И Давиду возливался елей помазания на голову.

Нет, больше: когда Авессалом вопреки воле царя был умерщвлен Иоавом, то Давид, получив весть об этом, "шел и, рыдая, говорил: О Авессалом, сын мой! О Авессалом, сын мой! Как бы я хотел быть мертв вместо тебя".

Но

КАК ВСЕ ЭТО ЗАПИСАЛОСЬ???

Не то же ли наше слабое, человеческое, обыкновенное, мое ("Уед.", "Оп. л."):

Иов прекрасно затрепетал и записал.

Давид прекрасно почувствовал и записал.

Моисей "испугался литературно" и, присев к камню, нацарапал на бараньей шкуре слова, которые Синод перепечатывает в "Синодальной Библии".

∞

∞

∞

И я, последний, посыпаю пеплом голову, говорю:

— Как же давно зародился Гутенберг, и... перо... и чернильница. Бедные мы человеки. Вот уж не "боги".

(14 сент. 1913 г., устав за счетами)

* * *

Дурака и "дураком" называют в глаза и бессовестного — "бессовестным", а он подводит в небо глаза и величественно не отвечает.

(наши "европейцы" в литературной полемике)

Beati possidentes¹.

(на извоишке; 15 сент. 1913 г.)

* * *

— Он перекрестился на церковь и потом зарезал на дороге проезжего *(возражение; "Власть тьмы")*.

— Да, разбойник возражающий; но ты знаешь, что он и без "перекрестился" зарезал бы, и может быть бы, двух.

И что без "перекрестился" он уже никогда не оглянется, а теперь вспомнит...

Не всякий вспомнит, но некоторые вспомнят.

(курю на крылечке церкви; 17 сент. 1913 г.)

* * *

Побыл в церкви и чувствуешь, что день провел "как следует". Не побыл в церкви и чувствуешь, что "все как-то не так".

¹ счастливы владеющие *(лат.)*.

Из борьбы этого "не так" и "как следует" и сложилась "История церкви".

(курю на крылечке церкви; 17 сент. 1913 г.) (на улице, по сторону стеклянной закрытой двери)

* * *

17 сентяб. 13 г.

Конечно, "все человеку простить можно" (либерал-гуманисты); — кроме молитвы. Вот этого уж простить нельзя.

Нельзя простить религии. И я никогда не слышал ни одного либерала, который бы прощал человеку то, что "он помолился". Тут он неопишум — и в последней ярости.

(Стасюлевичи и Пытины)

* * *

О болящих молится церковь **ОДНА**.
И об умерших молится церковь **ОДНА**.
Чего же тут спорить. Как можно.

(на паперти курю папироску) (17 сент. 1913 г.)

* * *

17 сентября 1913

Ставлю "на канун" две свечки: "Надежды", "Веры". Верочка умерла 45 лет назад (сестра). Надежда (мать) — лет 40.

"Давно бы забыл". Церковь напомнила своим обычаем.

Сыну и брату она напомнила, что он должен вспомнить, может вспомнить; проложила путь и создала форму для воспоминания.

ОДНА церковь создала **ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ**.

Помня "святых своих", она этим самым проложила путь к нашим "воспоминаниям" о покойниках.

Это еще от египтян, от пирамид, которые тоже — "Вечная память".

Как же спорить с церковью, как ее порицать.

Как смеют говорить о ней лютеране и Гарнак со своей "разумностью".

Что такое "память о покойнике". Это и не разумно и не неразумно, это — хорошо.

Это — возвышенно, истинно, благородно.

Это — то́, что называют святым.

* * *

Удивительно, Чуковский почти исчез.

Почему?

Нет мыслей. Нет пафоса.

Как известно, он не чистой крови. И, должно быть, родители его были в ссоре. Потому насколько он "в отца" — не любит мать, а насколько "в мать" — не любит отца.

Чем же тут любить Россию, человека и человечество.
И он замолк. Т. к. фальшивых слов не допускает ставить вкус.

(19 сент. 1913 г.)

* * *

Как в счастливой семье легко трудиться.
Т. е. весело.

(мамочка идет к врачу; сегодня фельетон на 80 р.)

В смысле *чисто экономическом* для страны запрещение развода равняется всему "алкоголизму" в России, т. е. отнимает столько же у народа материальных средств, сколько весь алкоголизм.

Счастливая семья, "слаженная", "удавшаяся", — подняла бы все руки, убыстрила бы все ноги.

Всем весело стало бы работать.

А "весело" — великий принцип в экономике.

(19 сентября 1913 г.)

* * *

...без нигилизма — нельзя. Без нигилизма и *нигилистов* нам все-таки не обойтись. Нигилисты принесли "волюшку", разгул и "хочу". Пьяное "хочу", глупое "хочу", дерзкое "хочу", разбойное "хочу": но железное "хочу". В этом и дело. Что же такое поэзия и особенно что такое государство без железного "хочу". Глина, разваливающаяся по всем направлениям, и которую топчут и непременно затопчут другие. Грановского, Тургенева, самого Толстого могли затоптать; Толстого сломили "масляные" жидки и наши "приятные во всех отношениях" ("дама приятная во всех отношениях" у Гоголя) радикалы. Но, позвольте: Добролюбова не сломят и ни одной пяди из своих "убеждений" (положим, дермённых) он никому не уступит. Никому. Ни даже своему другу Чернышевскому. "Убежден", и шабаш. Это — высокая ценность, в России это несказанная ценность, историческая многозначительность. Это "начало Государства Российского", прообраз "богатырей на страже" (Васнецов). Вот головы у них были мешками (у нигилистов), идеи куриные, сердце и так и сяк, образования никакого: но их *VOLO* бесценно, золотое, бриллиантовое.

И бросать в сор эту новую черту истории нашей, столь необходимую, без которой решительно мы все погубим, расплывемся в сиропе "сладких вымыслов" и даже еще хуже — в сиропе слащавых и ложных под конец фраз, — невозможно.

(19 сент. 1913 г.; за корректурой "Возле русской идеи...")

* * *

Людей, решавшихся проповедовать, что
нужно уважать человека,
было не так много. Прежде всего приснопамятный
Кавелин
— вечная ему память. Потом

Пыпин и Стасюлевич,

еще

Анненский и Караулов (член Думы),

потом

Слонимский

и еще немного. Апостолов 12 найдется, и без Иуды среди них. Измены не было, и никто не обратился в бегство (не было "петуха" и "отречения").

Все они действовали против злобного правительства, настаивавшего, что

человека уважать не надо,

а надо тащить в кутузку. Дело собственно шло о пьяном и растерзанном на улице, которого "по Петру Великому" и "по западноевропейским образцам" правительство хотело 1) вытрезвить в участке, по некоторым версиям, — 2) пошарить в карманах, не лежит ли колбасы, и, по случаю скоромного дня, ею воспользоваться. Но я этому не верю. А верю, что оно хотело его 3) отправить домой, правда, — дав тумака в спину. Наоборот, "народники" и вообще "уважавшие человека" говорили, что надо 1) ему самому дать выспаться на улице, 2) и, когда он пробудится — приняться за обучение его грамоте, 3) дать книжку прочесть о вреде алкоголизма и, 4) отойдя в сторону, — ожидать последствий.

Но мне кажется, "человек на улице" на первое, второе и третье, а пожалуй, и самому правительству ответит:

— не ха-чу.

Что тут делать, публицистика растеривается, а история еще не ответила. Один полицейский, и тоже не без причины в винных парах, находит мужество ответить:

— Ничего, ваше благородие. Не смущайтесь. Во всяком случае как-нибудь найдемся, и дело обойдется.

Храбрый человек. Полицейский у нас всегда самый храбрый и самый надеющийся человек.

(19 сентября 1913 г.)

* * *

Постоянный шелест крыл в душе. Летящих крыл.

(ночью в постели) 21 сентяб. 1913

* * *

Боже Вечный, держи меня всегда за руку. Никогда не выпускай руки моей.

(Разве иногда дай погулять.) (в в.....) 21 сентября 1913 г.

* * *

Обрезанные уже невольно для себя становятся религиозными. А необрезанные только ищут, спотыкаются и редко находят. В большинстве это *ex natura qua*¹ безрелигиозны.

¹ которые по природе (*лат.*).

Вот в чем дело. Это совершается не прямо, а косвенно, не *есть*, а *происходит*.

Отсюда такая разница между европейской религиозностью (наука, "богословие") и восточную (поют, "псалмы").

У обрезанного в душе поется. Необрезанный же, слыша его песнь, удивляется, — не понимает, *что́* это, — и начинает думать, размышлять и изучать

(только есть среди европейцев необрезанные, но *как бы* обрезанные, "духовно-обрезанные", по выражению Ап. Павла. И тогда они тоже религиозны) (я с 21 года).

(на обор. транспаранта) (22 сент. 1913 г.)

* * *

Я не "блудный сын" Божий. Во мне нет буйства, и никогда я не хочу пойти "на сторону" и "далече". Этого нет.

Я люблю Его и покорен Ему. И тогда счастлив, и тем более счастлив, чем покорнее. Тогда радостно. В покорности Богу вообще величайшая радость, доступная на Земле.

Но я шалунок у Бога. Я люблю шалить. Шалость, маленькие игры (душевные) — мое постоянное состояние. Когда я не играю, мне очень скучно, и потому я почти постоянно играю. Глупости, фантазии, мелочи, сор, забавы. В них, однако, никогда не привходит зло и вредительство. Никогда. Потому свои шалости я считаю невинными или с маленьким грешком. Грехов тяжелых, омрачающих душу, я не знаю и никогда не знал. Вся моя душа — неомраченная. Никогда. По части 2-й заповеди — грехи. Люблю ковырять в носу. "Должность не исполнять" ужасно люблю. Кому какое до этого дело. Тут я "сам с собой".

Играют же собаки на дворе. И я "собака Божия", играющая "на Божьем дворе" и никуда не хотящая с него уйти.

Я люблю Б.

Больше всего я его люблю.

Люблю его двор. Ужасно люблю.

Я счастлив.

Я грешен и праведен. Но я больше праведен, чем грешен.

Чувствую! Чувствую!

(проснувшись рано утром) 22 сентября 1913 г.

* * *

24 сентября 1913

...да *соработать* колоссальной силе, *нашей* силе, *нами* в истории сработанной, из *нас* истории и планете выросшей, а посему *дорогой* и *милой* силе, — неужели уже не сладостно?..

С сознанием, что это *мы и наше?*..

Чем тащиться в хвосте европейских социалистишек, с жидами Марксом и Лассалем во главе?..

С сонмом вообще жидков, сосущих соки изо всех народов?..

Вот почему я предпочитаю и считаю больше чести, больше гордости и славы, больше моей сердечной радости служить "квартальным надзирателем на Руси" и даже обирать взятки с купцов (по маленькой), чем стоять во главе женевских эмигрантов, парижского "Центрального комитета" и всего этого, с позволения сказать, дерьма.

Хочу быть полицейским, а революционером не хочу быть.

Вот мое credo и кулак 14-му декабря.

(прочтя у Меньшикова "Золотое чудище", — о Государственном банке, ныне первом в мире по запасам золота)

Что бы мы были со своими личными силенками, не являй "Россия" колоссального могущества, к которому *мы можем приложить силы.*

* * *

24 сентября 1913

История не есть ли борьба, игра и вообще соотношение могущественных эгоизмов? Нескольких, не очень многих, десятков, сотен и не доходя до тысячи?

Разве Данте, не обращавший внимания "на свою Флоренцию", не был эгоистом? "Черный Данте, сердитый, как дьявол", коего "душа точно побывала в аду" (современники о нем).

Конечно, — могущественный вихрь эгоизма. Великого, своеобразного, идеального. "Своя мечта", "своя мысль"; все — "свое".

Необъятный эгоист может в то же время жить великим идеалистом. Наполеон не был вовсе "великим человеком", потому что в нем не было вовсе никакой новой мысли, нового движения, нового чувства. Бесплодие и "отрицательные только мотивы" революции превосходно выразились в этой могучей и замечательно бесплодной личности. "Ничего не растет". Камень. Чурбан. Который всех задавил. "Пушка, которая всех перестреляла". Только и сказать: черт с ней. "Стреляй, пушка, в меня: я презираю тебя, хотя ты меня и убьешь".

Вот отчего, считая "примером и образцом эгоизма" — Наполёона, мы так ошибаемся в оценке эгоизма как безобразия, как моральной антихудожественности. Иов, так жаловавшийся на боли и не отрехшийся от мысли о богатстве, — был эгоистом, как и Дант. Да даже Св. Серафим Саровский, "настаивавший на лесе, отшельничестве" и хибарке в лесу, — был упорным своим "я", т. е. святым эгоистом. Эгоизм есть просто "мое лицо", и оно может при могуществе быть прекрасным и праведным.

* * *

...да будет она проклята, да будет она проклята, да будет она проклята. Она, сама проклинаящая.

(русск. лит., Щедрин, Ф.-Визин, Чацкий)

Ту черную отраву, которой ты поила Россию, — выпей ее сама. Это сигара с черным кофеом. Покашляй и умри.

* * *

В чем мое *отличие* в литературе?

В *деятельности* этого "нашего направления".

Все, Гиляров-Платонов, Киреевские, Хомяков, Аксаковы, были при замечательной *красоте души* и глубине мысли как-то бездеятельны, не живы. Все — "милые рассуждающие Обломовы" (Илья Ильич тоже превосходно рассуждал и прекрасно чувствовал). Все с *чудовищной головой* и без ног. И их, бедных, затоптали жиденские Белинский, Некрасов, Герцен, Чернышевский.

У Чернышевского было 5 ног.

Суть "меня" в том, что у меня тоже выросло "5 ног". По уму и сердцу я стою ниже славянофилов, каких-то "безукоризненных" (у меня много "укоризн"). Но мое "прекрасное" в том, что я полюбил этих тихих и милых людей, — "жиденским умом" разглядел, что они первые по уму в России. И приложил свое деятельное и хитрое плечо к их "успеху".

Так и да будет.

* * *

Если бы "Бог Израилев" взял в любовь Себе — не в милосердие (к Ниневию было), не в снисхождение, но в положительную активную любовь греков, римлян, русских, — будьте уверены, моментально евреи почувствовали бы право свое изменить своему Богу и начать вступать в браки с римлянками, гречанками, русскими, чего теперь они (кроме "свободомыслящих") и "подумать не смеют"; почувствовали бы по-настоящему право пахать наши земли, родниться с нами, растить наши деньги, — и, словом, "по всем швам сшиваться" с другими цивилизациями...

Но дело в том, что "гой" (гуй, изгнанник из Завета) родился не в Вильне, а "под дубом Мамврийским". В момент "Завета" Бог столько же обещал евреям все иные народы считать себе "гоями", чужими, "невозлюбленными", как евреи поклялись Ему Его одного считать "богом", "единым".

Союз-то, как *ограничение*, был *обоюден*: и нарушь "Бог Израилев" свою сторону договора, евреи тотчас нарушат свою.

* * *

Сердечный монотеизм...

Монотеизм бедного влюбленного сердца...

И бегают друг около друга, и нашептывают — он в "пророчествующих" и они в ритуалах и молитвах...

"Мальчиков мне высовокупи!"...

"Высовокупляйте мальчиков!"

”Мальчиков! Мальчиков! Мальчиков!”

Целый народ ”радостно старается”. И в благодарность, что он особо дает так много им мальчиков, изредка, раз в несколько лет, приносят ему в жертву мальчика, хоть чужого... (Саул, по требованию пророка, должен был *чужого царя*).

* * *

25 сент. 1913

Розанов еще молод.

Розанов совсем молодой.

Когда м. здорова.

А 57, даже кажется 58 лет (родился в 56 г.).

* * *

25 сентября 1913

К литературе было предназначение, и литература ”вышла”. К жизни не было предназначения, и жизнь ”не вышла”.

Очень просто.

(на извощике, в дождь)

* * *

Он был волосом рус и очень красив и дошел до экзарха Грузии. Очень приятен. Приятное в его приятности было то, что она была без угодливости и серьезная.

Он был серьезен и приятен. И стал экзархом Грузии.

(† Иннокентия. Сентябрь 1913; заседал в Рел.-фил. собраниях)

* * *

25 сент. 1913

Каин просит крови...

(”Труп” Толстого; ”все опять жена и муж” — со спившимся окончательно Федей) (длинные бороды вообще, когда встретится семейная неладница, — облизываются, как кошка при виде сырого мяса)

* * *

26 сентяб. 1913

— Гребни, гребни, Вася! Не уставай, гребни...

(читая корректуру ”Возврат к Пушкину”) (вспомнив Мережковского, ругал за Гоголя, летом)

∞

О русское юношество, русское юношество! Какая правда к тебе ни приходила, и ты от всякой отвернулось (Пушк.).

Ну, беги, беги стрюцким, беги за Грузенбергом, Лассалем и Ревекочкой Э... Беги, пока новый Азеф не пошлет тебя на нововыстроганную виселицу.

* * *

Какое-то ёрничество...

И его выступление у Аксакова, и печатание ненужной *журналу* — "своей" диссертации у Каткова ("Критика отвлеченных начал"), и поступление к "великосветскому" "Вестнику Европы" на службу... с руганью оттуда обманутых друзей своих (Страхова, Данилевского и Хомякова).

Везде он был очень талантливый, но ёрник. В сущности и не талантливый, а "очень скоро бегающий". Эти его быстробегающие ножки были приняты за талант, и он был сочтен "русским Оригеном".

Его унижительные письма к Штроссмайеру... Какой тон и пошлое лизанье рук "его преподобия"...

Только стихи хороши...

Стихи были хороши, где он плакал о себе, о своей бедной погибшей душе.

Она погибла, его душа. И он весь сгорел в нашей литературе, как брошенная в печь ненужная бумага (бросаю туда).

Но стихи его вынем из печи. Они вечны и вечно пылают. И, как вечно прекрасное, пусть вечно живут.

(Влад. Соловьев; у Леонтьева, VII том принесли, — о нем)

* * *

Тетраграмма была вздохом.

И на этот вздох Б. не мог (не имел сил) не отозваться.

(28 сент. 1913, собравшись в гости)

* * *

28 сентяб. 1913

Да у нас не "реализм" был, — куда! Не эмпиризм и прочее. А просто — трактир.

Просто захотели "водочки" и "погулять", а не то чтобы построить физический кабинет и делать опыты. "Очень нужно" для русского.

(60-е годы)

"Станем беспокоиться". Иное дело "девочка" и "бутылочка".

(Цебрикова и Щелгунов)

* * *

Русский грибок — самый пахучий.

Как-то понюхал в лавке белые: ничего не пахнут. Спрашиваю: — "Почему?" — "Это — из *Витебской губ.* В тех губерниях — не пахнут". — То-то.

* * *

28 сент. 1913

Напишешь что́.

Побежал Левин. Полаял. Потом отбежал.

Не понимаю, почему это "литература".

* * *

Нет евреев.

Есть еврей.

У которого 10 000 000 рук. 10 000 000 голов. 10 000 000 ног.

(бросились все сразу на нас, и полетели в нас комья земли: ученицы Стоюниной, проезжая через местечко, кинулись на русских подруг своих. Герд — инспектор — стоял испуганный и побледневший и ничего не сказал)

* * *

29 сентября 1913

Ах, не так просто. Ах — похоже на *Иеговах*, 'Iаω, 'Iωah...

(на извозчике из бани ночью)

* * *

...однако же и у скопцов есть радения. Что́ они-то наедине делают?

Сказав, отвернулся и услышал мелодичное и нежное:

— ...ах! ...ах! ...ах!

* * *

29 сентяб. 1913

Горечь, горечь! Больше огорчения! Не ешьте сладких трав, люди, ешьте горькие травы.

*(история самовоспитания)
(опять меня ругают, и "слава Богу")*

* * *

29 сентяб. 1913

Очень ошибаетесь, Елизавета Кускова, думая, что меня читают "Передонов со Смердяковым и больше никто". Кто-то раскупает 2400 экз. книжечек, а "денежка счет любит" — и это не даром. Смердяков хоть любит литературу, но представьте (ведь он либерал), он читает именно "Русск. Вед." — "последнюю ученость"; и Ваши там великолепные статьи, а в Розанова, "который прислуживает Правительству", уж, конечно, не заглядывает. Может, Передонов еще заглянет: но, предпочитая, конечно, передового Короленку, — сбывает Розанова букинисту, а Короленку переплетает в золотой переплет.

Что-то щемит у меня сердце, когда Вы пишете об оставляющих Вас курсистках. И поверьте (у меня 4 дочери), когда Вас все оставят, Передонов-Розанов скажет своей пылкой Вере:

— Поди, Верочка (по такому-то адресу), назовись псевдонимом, — там живет когда-то любившая вас всех, молодежь, — старая гаснущая женщина. Она не очень умна, или, вернее, она умна, но родилась в глупое время и всю жизнь повторяла глупые слова. Но ты "Розановского гнезда" и понимаешь, что слова вообще ничего не значат, а душа. Душа же всегда у нее была если и без стрелы, т. е. без остроты и понимания, но была ласковая, приветливая, добрая... И вот у нее никого нет, у нее и около нее. Все разбежались к новым богам и новым людям. Поди к ней и скажи ей, что, "прочтя Ваше" и т. д., "захотела познакомиться".

И познакомься. И читай с ней Некрасова... Даже если о Щедрине будет говорить, не спорь. Отечество ругает — не спорь. Она стара. Но она славная и добрая, — она от России...

И войди во все планы ее, даже в революцию. Только бомбы не бери — приколотят полицейские. Но в "идеях" все в ней раздели, согрей и скажи последние ей слова вечернего участия.

И хочется мне, чтобы она умерла на твоих руках, и ты ей даже устрой "просто гражданские похороны", только сама молись потихоньку "Розановскими молитвами" о нашей старой сестрице Елизавете. И никогда, никогда ее не обидь в памяти. Т. е. после смерти. А при жизни согрей ее всяким грелом.

Она славная. Она безумно любила вас, молодежь: а при этом вообще ни о чем третьем нечего спрашивать.

.....
Так вот, Елизавета Кускова, меня все-таки читают... Но сперва я Вам дам сладкий пирожок; как меня ругают:

Я, Матерь Божия.

Лерм.

* * *

29—30 сентября 1913

...ужасный сегодня рассказ проф. Грибовского (юрист), что *официально известно*, что две некрещенные собаки, Иоллос и Герценштейн, орудовали переводом из-за границы в Россию (Иоллос там живет) и распределением здесь их между действующими революционерами — сумм из заграничных банков: причем (сообщение мне Пирожкова, Мих. Вас., издателя книг моих), что "Лионский Кредит (банк) *скупит все*". На мой вопрос: "Т. е. закладные листы земельных банков?" (верная бумага) — "Нет, *все, все*, и акции, и ренту, и закладные листы". — "За что, — добавил Грибовский, — мерзавцы и были убиты".

Т. е. революция отчасти шла, конечно, "азефовским порядком", т. е. через полицию, но главным образом это была "решенная кампания" уронить русские ценности и за бесценок скупить их. Что же тут Мякотин и Пешехонов страдали.

Конечно, они страдали "честно", но, я думаю, Горнфельд получил, кроме "идеальных ценностей", что русских много перебито и повешено, и более осязательный куртаж.

Боже мой, Боже мой, Боже мой. Бедная моя родина, бедная моя родина, бедная моя родина.

Никогда не слышал. 1-й раз. Он сказал "официально известно", и я проставляю полное имя: Грибовский.

Это было время, когда и я на 18 000 нажил в 1½ года 8000 (не понимая, что́ делается, нечаянно). Что же нажил Лионский Кредит, который мог завести on call¹ на миллиарды. Конечно, он мог бросить 10 миллионов, и все банки Европы (евреев) 500 миллионов, чтобы через 2 года получить через продажу повысившихся ценностей до 10 миллиардов.

Вот у меня: продав *закладные листы* на 18 000, купил:

	Купил	Продал
2 акции Московского зем. бн.	480 —	600
2 акции Нижегородско-Самарского з. бн.	490 —	600
2 акции Спб.-Тульского з. бн.	295 —	425
10 акций Харьковского з. бн.	270 —	404
5 акций 1-го Российского страхового о-ва 1827 г.	890 —	1250
10 акций пароходного о-ва "Самолет"	300 —	400
15 акций о-ва "Пароходства и торговли" (Черноморские)	325 —	550
10 акций "Перестрахования"	265 —	425

Из моих акций земельных банков через продажу + части *закладных листов*, а остальные через "открытие on call'него счета", когда Нелькен объяснил мне, что такое это: т. е. что можно, "имея денег 5 тысяч, купить бумаг на 15 тысяч". При этом я действительно *в глаза не видел* 10 акц. "Самолета", 4 акц. 1-го Россий. стр. о-ва, 4 акц. "Пароходства и торговли", а честно записал у Нелькена "приказ" — "прошу купить для меня". Это было вначале, когда собралась "законопослушная 3-я Дума".

Если "законопослушная", сообразил я, то земельные акции во всяком случае не будут *дальше падать*. На доход же с *закладных листов* (4 ½%) дети мои на 18 000 никак не могли жить, а с *акций* (8% дохода) уже могли, хоть перебиваясь, жить. Так "соображал" Розанов: но я думаю, Лионский Кредит соображал немного живее Розанова. И знал все то, что и он.

Так вот как делается история. Банкиры прекратили содержания революционерам: и голодная революция умерла.

Ну, что́ же Мякотин и Пешехонов? Что подводящий глаза к небу Короленко? Но ведь уже *Мережковский*-то с Философовым, конечно, *понимают эту механику?*

¹ счет до востребования (онкольный счёт) (англ.).

* * *

30 сентября 1913

На куртаге изволил оступиться
Максим Максимович...
Упал он больно, встал здорово.

Вот уж поистине Авраам, когда упал на спину: то, пролежав три дня (обычно после обрезания "болен" три дня и лежит), встал на 3000 лет "здоровым".

(за молоком после бани)

* * *

Без книг и разумения все-таки нельзя. Уже потому, что все идет к нам из древности, а древность только и может сказать нам или мы только и можем услышать ее — через книгу.

Поэтому выступление против "книги" и "учености" полученных наших монахов, становящееся столь дерзким, — попираание ими духовных академий, — имеет нечто безумное и притворное в себе. Книга им просто "не удалась", и они возненавидели ее. Они хотят все взять или свести хотят всю церковь к молитве, обычаю и традициям. Положим, — величаво и сильно. Но кое-что надо просто знать, и без знания не обойтись.

* * *

Как все лакейски вышло. Из-за куста, когда вечерело, и убежали. Разыскивали "как скрывшихся". А говорят, во главе стоял дворянин. Да я вышел "из последней бедности" костромской и взял бы открыто застрелил в "овалом зале", где я его видел раз сидящим на стуле и разговаривающим. Крупный рост. Борода клинышком, как вообще у еврейских банкиров. Жесткое бездушное лицо. Публика спускалась в эту залу. И можно было просто вынуть что нужно и застрелить, и никакой суд не посмел бы осудить: ибо я защищал бы или мстил за тех бедных перепуганных помещиц, на которых негодяй поднял огонь и дубину (в интересах своего банка).

(Герценштейн: мне принесли продавать французские книги помещицы, которая с ума сошла от страху при погроме)

* * *

Сентябрь 1913

Девство добрачное, непременно девство, с жестокостью требования его, — только и объяснимо из "фаллического культа": "принести на жертвенник ему непорочное, чистое, недотронутое, без пятнышка". Требование этого девства, напр., со стороны родителей ("согрешившую дочь купец выгоняет вон из дому"), — требование его в древнейшие времена, — взято народом патетично, страстно и исполнялось с ка-

кой-то любовью, хотя жестокости подвергались собственные дети. Вот эту патетичность нельзя ни из чего объяснить, как из внутреннего у каждого, безмолвного у каждого, тайного решительно всяким родителям, "культу будущего зятя", — неведомого, невидимого, *но который непременно будет, придет* откуда-нибудь, "будет послан Богом" (история Товии, сына Товита) в древнем культе фалла: и девственница готовилась ему как *непременная жертва Непременному*. Что же у нас теперь, когда официально этот культ исчез и не называется? Теперь девство — "рудиментарный остаток" несуществующей системы мысли, — и выполняется он только у мужиков, и особенно у купцов, где жених и муж довольно "непременен". У чиновников, дворянства, разночинства, у мещанства и интеллигенции девство и вообще невинность до брака не имеет никакого смысла и основания, потому что никому не приносится в жертву, "оставляется при себе". Здесь это есть чисто предрассудок, — и так понятно, — не феноменально, а метафизически понятно, — что *casta virgo*¹ стала переходить в *demi-vierge*² и даже в тайную кокотку. Если наши времена продолжатся, — от чего да сохранит Бог, — мы будем наблюдать массовый переход интеллигентных девушек в проституцию; массовый и, может быть, бурный, всеобщий. Настанут годы, когда плотина прорвется и воды хлынут. Вот тогда придется вспомнить о культе фалла: потому что *один мотив* — "сохраните себя невинными для него же" — "повысьте качество свое, повысьте достоинство свое", а то "куда же вы идете грязными, мерзкими" — сможет вернуть девушек из проституции и восстановить опять общественную и народную чистоту. Ибо с тем пафосом, с каким даже проститутка теперь "прихорашивается" к вечеру, одевает лучшее пальто, кладет цветок на шляпку, "все тратит для костюма" (тоже своеобразный культ фалла, отнюдь не один только заработок, — ибо столько и не заработаешь, сколько потратишь, "влезая в долги"), — с этим же пафосом они будут лелеять, питать, украшать свое девство, до огня и наказаний, — потребуют не только "побивающих камней" на себя, но и омовений... И, словом, потребуют всех §§ осязательного и религиозного "культу девства" как "полового жертвоприношения". Невинность может восстановиться: но лишь в культуре и при религии, которая потребует и обеспечит каждой мужа с первым у нее расцветом пола.

Невинное девство. Неопытное. Слепое.

Но глаза раскрываются, бутон налился: тогда подавай мужа.

"Нарушение девства" будет непременно мужем, и только им одним.

Но "муж"-то будет приходить, как только созрело девство.

"Прелюбодеяния" не будет, а только одни мужья. Когда мужья-то будут непременно у *всякой* — свой. Это "буди! буди!".

* * *

Сент. 1913

А окурочки-то все-таки вытряхиваю: не всегда, но если с $\frac{1}{3}$ папиросы не докурена. "Надо утилизировать" (вторично этот табак выкурить, вместо свежего).

¹ непорочная дева (*ит.*).

² полудева, развращенная девушка (*фр.*).

Отчего это? Вырабатываю 12 000 р. в год, и, конечно, "не нужно".

Старая неопрятность рук (они у меня неопрятны), и, пожалуй, "сие творю в воспоминание детства" (серьезно).

Отчего я так люблю его (детство)? Такое дождливое, тягучее, осеннее детство?

Люблю.

*(перебрав в пепельнице окурки
и вытряхнув в коробку свежего табаку)*

* * *

Сентябрь 1913

Иногда что-нибудь грязное мучит душу. Не опасное, не вредное (никогда) (кому-нибудь), а грязное. Оно не влечет, не нравится, неприятно даже. А "навязалось" и не отвязывается. Так одна очень грязная мысль мучит меня лет 10. Смешная, забавная, "и вообразить нельзя". А мучит.

Смешные мы и жалкие. "А так умен". Ничего не поделаешь.

(на Гороховой по делам)

* * *

Сентябрь 1913

"Уважение к Государству" и "верность Престолу" должно выражаться не в том, что вы "метете бородами пол" перед обер-прокурором и любите получать ордена, а во внимании к нуждам населения, именно в той части этих нужд — которая до вас относится: семьи и брака, и — в согласовании закона о браке с нуждою времени.

(архиереям)

* * *

1913, сентябрь

Ну вот и папочка нашел лесного зверька "по образу и подобию своему". И, задерживая смех "от пупика", я прошептал про себя:

— Voila mon portrait pas materiele mais intime et psychologique...¹

Кто-то у плеча сказал:

— Et exclusivement adopté pour "Ouevres complète" de Basile Rosanow?...²

Я сказал:

— Oui³.

* * *

1913, сент.

...что-то мне отдаленно кажется симпатичным в Елиз. Кусковой. Что-то говорит, что она не Войтинский, не Петрищев, а вроде Богучарского (замечательно симпатичный человек, — похож на Каблица). После

¹ Вот мой портрет — не телесный, а душевный и психологический... *(фр.)*.

² И исключительно пригодный для "Полного собрания сочинений" Василия Розанова?... *(фр.)*.

³ Да *(фр.)*.

Якубовича, об отсутствии знакомства с которым я оч. сожалею, она и Богучарский последние симпатичные точки на левом горизонте. Судя по портрету, Плеханов несколько не интересен.

Богуч. кажется немного курносый. Волосы "так" (не причесаны). Пиджак. От него я услышал поразительное слово:

— Не жизнь, а *жития* (т. е. у революционеров).

Он сказал его, откинувшись на спинку дивана и как бы себе под нос. Не важно, что это, м. б., ошибочно (и иллюзионно): но эта его *вера в них* меня поразила, и она б. трогательна и прекрасна.

Ах, если бы они любили Пушкина и ставили свечи в церкви...

* * *

...жена министра. Пришел попросить о назначении К-му чего-нибудь вместо 40 рублей. — Живут в той же квартире, как до министерства. И одета она чисто, но так же скромно, почти бедно, как моя Варя. Я даже удивился: около ног так бедно, точно юбок нет. Некрасиво.

Комнаты большие, но и всегда были большие.

Между тем внучка Морозовых, "тех самых, которые". Знает греческий и латинский язык. Очень образована. Бывало, всегда с детьми в Таврическом саду (т. е. дети не с бонной, а с матерью).

Эта несчастная наша демократия воображает, что существо министра состоит из трех вещей:

- 1) ест на золотых блюдах;
- 2) спит, развалившись на постели, до 11 часов дня;
- 3) не женат или, во всяком случае, имеет шесть любовниц;
- 4) для содержания их обворовывает казну и обирает мужика.

Несколько таких министров образуют "Совет" и "вот — правительство".

Но ведь это сон волка в мерзлую ночь о том, "что́ за морем". Тут ни географии, ни истории.

∞

∞

∞

Много рассказывала о Морозовых, которых знает как близких или дальних родственников, мало или хорошо. О милом Давыде Ивановиче (поддерживал "Русск. Обозрен.", †):

— О нем говаривал (кто-то из родных), что он за всю жизнь не сказал ни одного умного слова и не сделал ни одного глупого поступка.

Давыд Иванович (лет 15 назад — глава Морозовской мануфактуры) действительно говорил односложными словами и даже почти вовсе не говорил. Он был крупного роста, и лицо у него было очень некрасиво, — по устройству нижней челюсти и. небольшого, крючком, носа напоминавшее голову осетра. Но вот черта удивительного его благородства и тонкости:

У Ш. была женщина, долгие годы с ним жившая (гражданским браком, церковный был невозможен). Она беззаветно его любила, цени-

ла выше небес, считала ученым и все "ставила Хомякова вверх ногами на полки" (шутка Рцы), — т. е. не понимая в литературе и славянофильстве. Потом Ш. с нею дурно поступил: оставил для "блестящей женитьбы", за что был жестоко наказан Богом (жена его не любила, издевалась над ним и на каждом шагу изменяла, — не скрывая даже). Но это в сторону. Раз Давыд Иванович заехал в его бедную квартирку, и так как Ш., вероятно, был ему должен и "еще просил на издания", а кстати и делал разные глупости и фантазии, то Давыд Иванович и пошумел на него, т. е., вероятно, зычно изрек несколько односложных порицательных или наставительных слов, может быть, нечто вроде "дурак, братец мой", на что, конечно, имел право.

Вдруг из-за ширм выбегает "вся в нервах" эта его, положим, Наталья Ивановна и набрасывается на Морозова:

— Как вы смеете С. Ф-чу говорить такие слова и таким тоном! Вы необразованный купец, и нам ваши миллионы не нужны. — И пошла и пошла. Отпустила.

Все уже кончилось. Эту верную "любовницу" я никогда не знал. Ш. был уже блестяще женат. Но из тех немногих встреч, какие я имел с Дав. Ив., всегда он, бывало, вспомнит эту Наталью Ивановну, и эту ее горячую защиту мужа, и как она "как курица бросилась на меня". И всегда говорил вслух Ш., что Бог его накажет, что он ее оставил.

Ш. смеялся.

Вечная память Д. И-чу.

* * *

1 октября 1913

— Мои ошибки так же священны — как мои правды, п. ч. они текут из действительности, а действительность священна.

* * *

2 октября 1913

Жидки могут удовольствоваться, что за ними побежал Вл. Соловьев, но Розанов за ними не побежит (пробовали "обмазать"). И они знают, что Розанов есть первая (кроме апокрифов) умственная величина своего времени. И что эта первая величина — не с ними и от них осталась независима — это (для будущего) есть исторический факт и свои плоды сделает, т. е. сохранит или сделает движение к сохранению "своего лица" у русских.

Теперь у всех русских "перекосило морду" на жидовскую. Все немного Бейлисы ("он интеллигент" писали о нем). Фигура мешочком, что-то подлое и вороватое в фигуре, нос—губы — к "клюву" (клюет голубку коршун) и "рабочий вид": социалист, убийца и вор.

Жидки старой вековой мудростью, мудростью от "Иисуса семя Сирахова", знают, что всякий человек есть самолюбвец, что всякий человек былинка на один день и в нем так мало БЫТИЯ, что он, как нищий, просит его еще, т. е. просит славишки, просит признаньица, просит известнишки: и на эту малость его бытия, малость в нем бытия, они отвечают надбавкой, "притекой" (на караваях сбоку) и говорят, что он значительная величина, что его все видят и об нем думают: "Вот

и Янкель тоже думает о Вас, как и я, Горнфельд" (Амфитеатрову). Ну, тогда любой человек начнет распинаться за жидов:

— Евреи первая нация в мире. Евреи выдвинули Спинозу, и Спенсер тоже был сын еврейки Сарры. Евреи делают культуру и самые точные часы.

Ну их к черту. Единственно, что они сделали, — нанесли грязи на все русские улицы и "подделали" Пушкина (Венгеров), Толстого (издает Венгеров), Белинского (издает и "обрабатывает" Венгеров) и даже "один друг мой" — славянофилов.

* * *

2 октября 1913

Всегда мамочка скажет: "Не из дорогого материи". И так как ей, бедной, трудна была всякая "материя", то выговаривала так красиво, как будто дело шло о фамильных бриллиантах.

(Васе куртку задумывает) (растет)

* * *

Коровы и собаки постоянно играют.
Хочется этого и человеку.
И пусть играет.

(за корректурой — "Возврат к Пушкину")

* * *

3 октября 1913

Сто топоров за поясом. Лес рубим, щепки летят. Пни выкорчевали. Поле чисто.

Надо засевать. А за поясом только сто топоров.

(наша история)

* * *

3 окт. 1913

Новоселов, — не поднимай нос.

Ты занял известное situation. Но всякое sit. "есть пыль в глазах Господних". И завтра будешь (можешь) сидеть не на стуле, а на навозе (т. е. м. б.).

(тон его открытого письма по поводу Гр. Р.)

* * *

Когда я читаю о "богочеловеческом процессе" (Вл. Сол.), то мне ужасно хочется играть в преферанс.

И когда читаю о "философии конца" (Н. А. Бердяева о кн. Е. Труб.), то вспоминаю маленькую "Ли", у нас на диване, — когда мы потушили электр. и я, 2 Ремизовых и она, залившись тихим ее смешком, решили рассказывать анекдоты о "монахах"!

Тут-то под. Ремизов и рассказал о "мухах".

(3 окт., за "Рус. Мысл.")

* * *

4 октября

Отечество евреев в крови их. Ибо кровь их (в отличие от других народов) имеет выпущенные из себя корешки, и они зацепливаются (родственно) с корешками крови соседа (не родственника), и так они все на всей земле соединены кровными корешками, кровною паутиною, и собственно эта колыхающаяся, нежная, волнующаяся и невидимая паутина — слой (кровяной) и образует их *отечество*. Так что они "отечество" имеют, и даже прочнее нашего. Еврей Америки *чувствует* еврея русского, тогда как я не чувствую русского даже соседней улицы. Мы все "один", каждый из нас "один"; но евреи "все", и они везде "все", во всякой точке "все".

Но, подходя к нам, они говорят: "Будьте без отечества", "будьте просто только *людьми*", "храните и культивируйте в себе просто *человека*", как делаем это "мы", бескорыстные и идеальные. И каждому русскому это кажется истинным и убедительным, ибо они не имеют видимого отечества. Он поддается их гипнозу и логике. И тогда его пожирает их странное "отечество". Их "кошерное мясо" и "мосол, которого они *ведь* не станут есть".

* * *

4 октября

Евреи в субботу, а прочие в других днях недели.

Вот их отношение к другим народам.

И причина их торжества и отделенности. "Гои" — это понедельничные люди, вторничные люди, средние люди, четверговые люди, воскресные...

"Мы же, святое семя Иакова, родились в субботу и существуем в субботу".

* * *

Разгадка Библии и иудейства начинается вовсе не с "впервые признали они Единого Бога" — как, расчесывая русые бороды, полагают православные богословы; а эта разгадка начинается с кошерного мяса и с ритуального убоя скота. Тогда откроется, что это язычество. И понято будет все разом, до "Песни песней", которая загадочно начинается поцелуями ("Да лобзает он меня лобзанием уст своих").

* * *

— Псалмы Давида! псалмы Давида...

Да не в этом дело. А что они держат телячий мосол (бедро) в руках: и, морщась и мотая головами, не решаются с религиозным страхом от него откусить.

— Почему?

Раввины сказывают: "Ибо Бог, когда боролся с Иаковом ночью, то тронул у него *жилу в бедре*. Отчего Иаков с тех пор стал хром".

Понятно у Иакова, но почему же у быков?

И у всех млекопитающихся, теплокровных "мы не вкушаем мяса бедра". Отчего?

В ту пору не различалась "жила" и "нерв"... У всех млекопитающихся, что знает человек по своему опыту, во время совокупления в его последний миг и оставаясь надолго *впечатлением*, происходит содрога-ние и неизъяснимое волнение в *бедре*. И евреи почтили совокупления у всех тварей, отделяя бедро и не вкушая его. "Оно — Богу" (Израилеву), "Бог (Израилев) касался этого места во все время жизни животного", "коснулся бы в будущем у заколотого теленка": и мы отлагаем его и не едим. Оно для нас священо, как заповедная область Божия.

* * *

5 октября, вокзал

Лавка. Комната большая. Полки тесаные. Но не насыщена товаром, как бывают все лавки от пола до потолка, а только товар занимает часть полок, большими пачками. Лицо хорошее, русское, средних лет. И говорит:

— Вы человек образованный, и я вам достану и подам (табак и гильзы). А тó утром пришел какой-то, — не умеет спросить вежливо. И я ему сказал: "Пошел вон".

— Покупателю "вон"?..

— Чтó же. Я с необразованным человеком не хочу иметь дела. У него деньги, а у меня честь.

Не знаю, долго ли проторговал милый русский человек.

Но вот такого не встретишь ни из вертлявых жидков, ни из аккурат-но-вежливых немцев.

(в Москве, студентом, близ Храма Спасителя) (у кассы на вокзале вспомнил)

* * *

6 октября 1913 г. Глубокой ночью

— Хоть бы кто помолился о душе моей грешной.

Все молчат (бегут мимо).

Церковь сказала:

— Я помолюсь.

.....

(прошло 1000 лет)

— Но ведь это обратилось в шаблон?

Я поднял глаза. Старик вовсе без волос. Без зубов. Глупый и похожий на сумасшедшего.

Не разберу, чтó и шамкает. Кажется, ничего. Только все рукой машет и как будто — кадило.

— Ты того. В горе. Так я помашу. .

Всмотрелся. Совсем глупый дед. Глаза вытарацил. Явно ничего не понимает. И все кадилом.

— Он поглупел.

— Шаблоны.

— У него сердца нет.

— Он без души.

— Дурак. Ха! ха! ха!

И, низко, низко наклонив голову, я стал на колени и поцеловал у деда руку.

— Спасибо, дедушка, ты хоть рукой помахал, а те молодые даже пуговиц не расстегнули.

— И я им не нужен, и они мне не нужны.

— Махай, дедушка, махай. Стой и махай, пока Бог не возьмет твою душу. А возьмет он ее тогда, когда ему мира будет не жалко.

(когда дома все заснули) (6 октября 1913 г.)

* * *

7 октября 1913

Все общество покачнулось в сторону Невского. Еще пройдет несколько десятков лет, и все высыплет на Невский.

И дочери..... и замужние...

(впечатление в фойе театра) (7 октября)

* * *

Издательство "Пантеон", книгопродавчество "Капитолий" и двухнедельный журнал "Прометей"...

"Энергия", "Сила"... какая-то провокация всех имен и понятий.

Боги, герои, жрецы — все притащено в обстановку всеобщего бл.....тва.

И душа вздыхает по Аракчееву, который всему сказал бы величественное:

— Цыц.

(в фойе) (7 октября)

* * *

7 октября 1913

Устраните берега, и река разольется в болото.

Вот жизнь и история.

∞

Река поила. По реке плавали. А болото только заражает воздух.

("свобода" и "стеснение")

* * *

8 октября 1913

— Какая проклятая капля, папа. Не дает купаться.

И заботливо бежит сажень 20 на берег. Подымает белье и отирает нос.

Опять у ног моих.

И все как следует. Приседает и делает попытку плавать. И все благополучно, пока, закрыв ладонями лицо, не окунет его в воду. Подняв из воды, опять раздраженно:

— Опять капля. Проклятая.

И опять бежит на берег. И опять вытирает нос сорочкой. И опять возле меня.

— Да я не понимаю, Верочка, что такое ты делаешь? И зачем бежишь.

— Проклятая капля не дает купаться.

— Какая "капля"?

— На кончике носа. Все стоит, пока не вытру.

— Так и ты вытри здесь, а зачем же на берег бегать. Устанешь. Далеко (отмель моря, Тюреево).

— Я и вытирала. Но она опять, сейчас тут, пока не оботрешь рубашкой.

Я понял. Лицо мокрое, и *со всего лица* опять набегают капли на кончик носа, хотя за минуту была стерта. Но, прибежав с берега, она немедленно окунывалась в воду лицом — и образовалось *perpetuum mobile*.

— Ты, Верочка, как увидишь каплю, опять окунывайся в воду, все окунывайся в воду, а на берег не бегай. Устанешь.

— Ничего ты не знаешь, папа, какая это проклятая капля и как мешает, точно щекочет.

* * *

8 октября 1913

Сколько я могу объяснить психологию Веры, — у нее нет представления о существовании в мире обмана, лукавства, фальши. Я теперь припоминаю, что она и в детстве (младенчестве) все брала патетично и прямо, думая, что вещи говорят свою правду, что люди говорят свою правду; это в высшей степени серьезно; а кривого нет в мире. Отсюда постоянно расширяются на мир глаза и страшно серьезное ко всему отношение, которое "третьему" (всем нам) кажется комическим.

Но в сущности это хорошо ведь.

От этого она со всеми расходится и неуживчива. Не слушает никого, и с ней "нет sprawy".

Все боишься, как бы она не сломила себе шеи, и это очень может быть. Мир лукав и бездушен.

Но если и сломит шею. (кто это может предусмотреть?), она в всякой сломке не будет дурною. Это надо помнить.

* * *

9 октября 1913

Большой "пуд" все-таки я положил в чашу умственной жизни России. И это исполняет мою душу какого-то счастья...

И семья...

И юдаизм...

И язычество...

Так пристально, как я, до меня никто в эти предметы не всматривался... Были "штрихи", было "кое-что"... Но это не то что "настоящее". Я дал нечто настоящее. Река времен и мысли будет обтекать это, будет заливать это... Но я даже не сумею сказать, сможет ли она *издреевить* это, обратить в сор, песок и пыль.

И наконец, моя *любовь* к этим темам уже останется вечным памятником.

Sic.

Тут моя "слава" ничего не значит. Но что я обогатил кое-чем нашу милую родину, которая дала нам всем хлеб, которая дала нам всем обед, откуда мы взяли женушек себе и которая дала нам язык свой (ведь это *народное* достояние, — коим я *пользовался* как даровым), — вот это, что я "дал Руси" нечто, исполняет меня блаженством.

В сию минуту я счастлив.

(за корректурой, 9 октября 1913)

* * *

9 октября 1913

"В эти дни позора, когда весь культурный мир с таким презрением следит за той вакханалией гнусности, которую патриоты проделывают...

.....
.....
.....
..... (дело † Ющинского)
.....
.....
.....

но когда они влачат имя русское по самым мрачным низинам, есть другая Россия, Россия великих страстотерпцев, славных художников и самоотверженных героев".

Ну, конечно, подписано

С. Любош

(Сразу в "Речи" и "Современном Слове" — вырезка)

* * *

9 октября

Русские вовсе уж не так негражданственны, как хочется (и мне) многим думать.

Меня поражали, и я залюбовывался толками "о мире сем" на дороге, в вагоне, в "общественных санях" (зимой) чуек, зипунов, армяков и баб "в платочке" или в самой невзыскательной шляпке. Толки эти необыкновенно живы, энергичны, зорки и часто умны.

Но вот что надо заметить и чем "граждане наверху" будут в высшей степени смущены:

Почти все толки сводятся к жалобе на "нерадения начальства", "распушенность начальства", "халя-валя" начальства. Тех жалоб, которые обыкновенно слышатся в журналах и газетах, в беллетристике и "гражданских стихах", что "начальство *жить не дает*", "от начальства *тесно*", "начальство *обижает*", я за тридцать лет ни одного раза не слышал. Ни одной "Некрасовской жалобы" и "Щедринской насмешки" я в народе не слышал и поэтому с особенной твердостью говорю, что это — одна "литература", "честь и слава писателю" без всякого дела.

Не забуду восклицания:

— В Америке за это сейчас **штраф!!!** (дамские булавки с выколом глаз). У нас **НЕ СМОТРЯТ!!!**

Вечные жалобы: "Нет досмотра", "начальство не строго", "многое спускает".

Но оставляю темы и перехожу к характеру.

Когда я слушаю эти деятельные суждения, мне всегда брезжатся в этих чуйках не только "граждане", но превосходные "общинники" и в глубине глубин даже "республиканцы" (разумеется, — с Царем). Я не так выразил свою мысль: мне представляются эти "политики в народе", эти "общинники", превосходною древнею, почти эллинскою, "полицейскою республикой". Ведь Платон наименовал свою "Республику" — *Полициею*, т. е. *Полициею*, и "полиция" у афинского философа в его мечте действительно какое-то "чудище обло, *стоглазо* и *лаяй*". Строгости у Платона — умопомрачительные, и, напр., даже женскую любовь он сводит к необходимому его "полиции" деторождению, без всяких разговоров. Вообще там грех чудовищен. Мы, русские, — слабее и добрее. Перехожу к "нам".

Государство открыто "чуйкам" и "платочкам" одною стороною — *полицейским на улице*, и вот постоянная жалоба и протест: "почему он не действует?" Т. е. "почему он не тащит в полицию", "почему он *редко таскает*", "почему он не *расправляется* с злодеем" и тем не служит или мало служит "обществу". Взгляд на полицейского у народа совсем не то, что наш: для него "городовые" — спартанские "эфоры", которые ведь произошли (в Спарте) из "надзирателей за рынком", в сущности — "из *городовых*". У русских вот и есть это воззрение на городских как на "эфоров", спартанское же: он страшно уважает городского, городского считает (довольно основательно) важнее разных "казенных палат" и вообще чиновников, которые по отвлеченности, по образованности и по формальности совершенно непонятны народу и чужды. Городовой же ему близок, понятен, совершенно уважаем, и вообще он "любит почитать городского". Это есть единственная форма "государства" и "отечества", ему открытая: и в "городовом" (тоже — "эфор") он видит защитника от всякой неправды и насилия, от всякой обиды и притеснения (хозяина). Почти все жалобы простонародья на государство и отечество сводятся к недоумению: "Отчего он *не так строг, как нужно*" и еще позволяет дышать разному хулиганству, мошенничеству, нахальству, озорству и проч. "Обстоятельный околоточный" есть благодетель участка, улицы, кваратала. Он друг всякого порядка и гармонии, мира и благоденствия. Он-то (по народному воззрению) и сеет "мировую гармонию" на земле: т. е. чтобы лавочник не обвешивал, родители не избивали детей, муж не измывался над женой, дети чтобы учились,

ходили в Храм Божий и почитали родителей. Не "Томас Мор" (*Утопия*), а "городовой".

И вот в этой мысленной и уважительной возне с "городовым" я и усматриваю залогов русской республики, русской общины, вообще русского "политического строя". Это гораздо выше, многоценнее и обещающее декабристов, которые были чужестранные фанфароны. По "интересу к городовому" я усматриваю, что "мир здешний и земной", мир гражданский и общинный, мир "ближайшего будущего" и матерьяльный "стеклышком стоит в глазу народа" и "лежит у него на ладоньке", что он к нему горяч, а вовсе не занимается "одним загробным" и "святыми угодниками". В этом (в интересе) — и дело, притом главное дело; почти — *все дело* "гражданское".

(9 октября, утро)

* * *

Ах, холодные души, литературные души, бездушные души.
Проклятие, проклятие, проклятие.

10 октября 1913

* * *

10 октября 1913

Завязав в один узел оба Завета и полагая, что ни один из них уже не живет и оба погасли, а остались только "мы", — они поливают узел деревянным маслом и ходят вокруг его "посолонь" и "навстречу".

Но огоньки вспыхнули. В каждом Завете свой огонек.

(не пропускают моих статей о † Ющинского)

* * *

10 октября

Еврею тепло, русскому холодно.

Еврею во всем мире тепло, русскому и на родине холодно.

∞

Захочет ли что-нибудь русский сделать "у себя на родине", — сейчас везде препятствия: "Куда вы?" — "Да кто вам *позволил?*" — "Вы имеете разрешение?" — Русский только поворачивается, пялит глаза, не понимает.

Пока, брося шапку оземь, не выпьет штоф и не разобьет посуду вдребезги. Теперь он впервые находит участие и внимание: городовой берет (даром) извощика и везет его в казенное место вытрезвиться.

Еврей и без таланта, но уже все "свои" ждут от него таланта; он и без чести — но все ("свои") защищают его честь. И пока он не уголовный преступник (а он никогда им не станет по осторожности, да "и нет надобности", и "так хорошо"), все, как девицу женихи или как жениха девицу, провожают (проталкивают) его к успеху, славе, богатству, положению, власти.

Вот в чем дело.

* * *

Борьба с еврейством для *успеха* не должна быть концентрируема. Все "густое" — не успешно, п. ч. некрасиво, в литературе, в жизни, обществе. "Евреев" скорее надо иметь в виду, держать во внимании: и почти вся "борьба" должна заключаться в "как можно *меньше* с ними дела", — разговоров, общения и особенно денежных и матерьяльных связей.

Вы можете успеть против еврея только тогда, когда еврей не замечает, что вы с ним боретесь. Но боритесь с ним внутренне непрестанно и неустанно.

Лучше же: *выкиньте его из мысли, не думайте о нем*. Живите "как просто русский". И только когда увидите протянутую его лапу — отвертывайтесь.

* * *

10 октября 1913

"Рабочая эпоха", т. е. наше время. "Рабочий — самый уважаемый человек".

Я и говорю:

— Заработал тетрадрахму Антиоха VIII Гриппа на полемике со Струве, приложил счета, сколько зарабатываю, сколько накопил, — и вообще $\frac{1}{2}$ моей литературы есть "рабочая" и $\frac{1}{2}$ — "художество" ("ва"). Вдруг:

— Ах, он получает деньги, ах, он ведет им счета! Ах!! Ах!!! Ах!!!! (*истерика*).

Я же и говорю, что они прохвосты и около "рабочего" то же, что "муха на шапке".

В том числе и социалистишки (Петр Рысс смеялся на "56 р." перед лицом Бога, "не потупляющими глаза").

Нет, господа. Баричи вы, а к тому же и плохие литераторы. Совсем тоска (т. е. вам; а мне хорошо: я и рабочий по-настоящему, и писатель по-настоящему).

(сидясь за нумизматику: через 1 $\frac{1}{2}$ года 1-й раз, со счастьем. Мамочке лучше; без докторов и лекарств в страшный октябрь, — и так по комнатам и носится)

* * *

11 октября 1913

Какой же он к черту "профессор государственного права", когда он не умеет Его Превосходительству под козырек сделать.

Не понимает первой строки Рима: чин чина почитай. Чем были покорены царства и народы.

Такого надо в шею гнать. Т. е. профессора. Или сослать в Сибирь за развращение нравов и соблазн юношества.

Он тать. Дьявол. А не учитель.

(думая о В. В. Болотове)
(канон Розанова для Министерства просвещения)

* * *

11 октября 1913

...да ну, смотрите проще на вещи: ведь бывает же, что сучка играетя с сучкой, а кобелек с кобельком. Коровы — постоянно. Чего же разохались моралисты всего света.

И туда же "рак с клешней", премудрые ученые. Мечников, Бехтерев. Все.

Такой содом подняли, т. е. наука в старом чепце и моралисты в "чем-то" от Плюшкина. А цветы цветут, и вещей старец из древности (Плат.) упорно стоит на своем.

Пора оглядываться во все стороны.

(11 октяб.) (утром за кофе и корректурой)

* * *

И он ученый, и инструмент учен: с обозом знаний в голове, он повернул микроскоп к небу и стал рассматривать глубины и ширину его...

И не увидел даже солнца. А только паутинки и сор, застрявшие в собственных ресницах, да пыль на "предметном стеклышке".

Вот "интерпретация" Библии и Евангелия у европейских ученых.

И о Библии он сказал:

— Очень пыльно.

И о Евангелии он сказал:

— Очень пыльно.

(12 октября 1913)

* * *

13 октября 1913

.....
.....
.....

— хорошо, я знаю: и украл, и прелюбодействовал, и играл в карты. Чем же ему оправдаться?

Зоил подал бумажку, и я прочел:

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избушку леса попросила.
Отвечал: "Нет лесу, и не жди, не будет".
"Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка.
И велит дать лесу", — думает старушка.
.....
.....
Умерла Ненила; на чужой земле...

Благословен поэт. О человек, не Бог ли велел думать: "Оставим ему грехи вольные и невольные".

* * *

Есть стороны, есть уголок какой-то мысли и жизни, где Некрасов действительно "стóит Пушкина". После Пушкина или всей его "народности" люди не пошли в деревни, а (по чьим-то "Воспоминаниям") "хождение в народ" 70-х годов было вызвано *именно* Некрасовым.

Всеобщим увлечением молодежи его стихами. Я помню то время: мы никого, кроме Некрасова, не читали и не хотели читать.

М. б., мы при этом погрубели и ограничивались. Но ведь и рай "имеет границу", и вообще нераспространителен и наивен. В этом *единолично*-Некрасовым увлечении было что-то святое (75—78 гг. в Нижнем).

* * *

13 октября 1913

...да тут не "житие Розанова", а "Розанов знает" и Роз. вам "указал" и "разъяснил", и собственно с 3 лет разъясняет, да вы не слушали. Едва пришлось, под практическим толчком, схватиться цепко за евреев, как стали высвечивать *из древности* ритуалы крови и дымящиеся в огне животные жертвы ("замен" человеческих) и показалось черное лицо Молоха... Но ведь это же все *там* написано: и "Аз есмь Огнь пожирающий, Бог-Ревнитель", и "Бог — в мгле", и "Имя Мое дивно" (Иакову в борьбе ночью).

Чего же вы не умели читать вовремя. А теперь стонете, "дивитесь" и "не верите".

Веры и не спрашивают: а *знайте*.

(профессор-протоиерей Московского университета Н. М. Боголюбский: "Религия евреев трактуется Розановым как одна из языческих религий. И даже сам Иегова, Единый Истинный Бог и для всех нас верующих, по мнению Розанова, настолько близок к известному Молоху, что разница между ними неуловима. Выходит так, что и испытание веры Авраамовой в принесении в жертву Исаака было лишь одним из обычных проявлений культа человеческих жертвоприношений. Розановым забыта или нарочно отвергнута истина ветхозаветной богооткровенной религии. Основную

идею ее о духовном общении человека с Богом в достойных символах и прообразах великого будущего (NB: с протоиереями во главе. — В. Р.) он подменил другою идеей, соответствующей какому-то каннибализму. Святыню Завета Божия Розанов осквернил кощунственным прикосновением нечистого воображения”) (“Минский Голос”, 9 октября 1913 г.) (вот что значит в науке отсутствие воображения и отсутствие сердца: чем одним только я превосходил вас)

* * *

15 октября 1913

Сквозь безумную ненависть...

Такая же безумная любовь...

И капают капли крови из-под ненависти...

И капают капли крови из-под любви.

(на извоишке) (особенно о христианстве и церкви, но и “вообще”)

* * *

15 окт.

— Чтó же это, любили, любили и вдруг разлюбили.

— Да чтó же, господа: заколотый ребенок. И вы же гостя “угощали, угощали: но, увидя, что он тащит серебро со стола”, попросили бы выйти из-за стола и даже из вашего дома.

(евреи и я; о гневе на меня Г.: “Он нагадил у меня в доме”. Очень горько. Но не могу)

* * *

16 октября 1913

Александр III в Петропавловском соборе... Венки, знамена. Зажженная лампада.

А самого уж нет.

Ужасно.

* * *

Нет ли Александра III? Личность его вошла в историю; и дело уплотнило часть “русской истории” в одном месте, на месте коего (уплотнения) ничто не станет.

И дело его есть.

Как живет “Коломенская улица”. Одно царствование живет, другое царствование живет. Как будто ничего не меняется. “Умер” один хозяин, а другой “вошел” в его владение. И собственно *на улице* не заметно, что другой “вошел”, а тот “умер”. Булыжник, мостовая, тротуары, вид домов — все прежнее.

Через 100 лет, т. е. 5—6 царствований, “вид домов” изменится. Другой стиль, план, архитектура: и это будет уже “перевернутая страница в Истории Коломенской улицы”.

Это будет "1-я страница жизни Коломенской улицы", где "смерти и рождения домохозяев" не играют никакой роли и не заметны.

И, наконец, через 500—600—700 лет "кончится История Коломенской улицы", потому что "поперек" проведут другую и, таким образом, "Коломенскую улицу снесут на кладбище".

"Коломенская улица" — лицо; другое, чем человек. Она — тоже человек долголетний, с 700 годами жизни; как ветхозаветный "патриарх". И "страны" и "народы" суть лица, с трагедией и комедией судьбы.

"История С.-Петербургской духовной академии"...

"История города Парижа"...

"История романа"...

"История литья колоколов"...

Черт знает что. Никогда не приходило на ум. Мне по крайней мере эти "лица" чужды и враждебны. Никогда не стал бы писать "Историю литья колоколов", а мне "звонил бы мой колокол".

"Мой колокол" — это *все* для меня.

* * *

16.X.1913

Грибок самый пахучий и белый. **Наш.**

Мех самый красивый — камчатский бобр. **Наш.**

Рыба самая вкусная — стерлядь. **Наша.**

И мамочка самая благодатная — наша. **Уродилась в России.**

Как же я променяю "наше" на соц.-дем., в которой рóдятся плотва, кошка и жиловки.

* * *

16 октября 1913

Прекрасная статья Фил-ва о Достоевском (письмо о ней Страхова).

Философова порицают...

Но, во-первых, Филос. умен, и это уже "кое-что" в нашей неумной литературе.

Во-вторых, он непрерывно и много читает, да и б. образован уже раньше "начитыванья". И это тоже "кое-что" теперь...

Правда, Б. не дал ему силы, яркости, выразительности. Собственно "стиля"... Но это — Божье. "Сам" Философов сделал все, что мог, и в вечер жизни своей скажет Богу:

"Я постоянно трудился, Боже: неужели хозяин может не дать награды тому, кто всегда шел за плугом и бросал зерна, какие у него были за пазухой".

∞

Фил. сохранит себя, если будет всегда поглядывать на компас с меткою: "Путь Григория Петрова. Расторопность, слава и деньги". И сворачивать туда или сюда, а не "на этот путь".

* * *

17 октября 1913

Что-то мне нравится в Кусковой.

Что?

Не знаю сам.

Она любит молодежь. А кто любит, "уже прав во всем".

∞

Ее путь не мой путь (даже повесил бы, если б встретился). Но да будет она благословенна в своем пути.

(вечером за занятиями)

* * *

19.X.1913

Хорошо это в России устроено.

— Ра-ды ста-рать-ся, ва-ше вы-со-ко-ро-дие!!

Мережковский:

— Россия уже труп. Не Ющинский — мертв, а вся Россия мертва, и что она мертва — это почувствовалось с Цусимы...

Октавой:

— Квартальный. Убери.

Философов:

— Теперь мы опозорились перед Европой. Европа не может нас уважать, потому что...

Октавой:

— Выведи.

Пророчица — иоаннитка Фигнер:

— Западные социальные идеи уже...

Городовому басом:

— Отодвинь.

(на Рел.-фил. собр.)

* * *

19.X.1913

Рел.-фил. собр. как-то потеряли *кристалл* в себе, — то твердое и нерастворимое, к чему приставало все. Теперь они сами пристают ко всему...

И мертвец наш поплыл снова
За могилой и крестом.

Больше всего пристают к Богучарскому и марают его. Потому что он чистый, а они не чистые.

Куда девался Каблуков? Нет его. И секретарь другой.

Бедный. Он все печатался на пригласительных повестках:

”В случае ненахождения адресата прошу вернуть по адресу: Сергею Платоновичу Каблукову, Спб., Эртелев пер., д. 11”.

И, так обр., весь интеллигентный Петербург знал, где живет Сергей Платонович Каблуков.

Как все переменялось.

Не твердо все под нашим Зодиаком.
Лев — Козерогом стал, а Дева стала Раком.

Что-то я чувствовал такое, во взглядах, во всем — будто сердятся.

Адвокаты громили меня: один, все махая в мою сторону, почти указывая на меня, кричал: ”Эти злодеи и городовые” (несколько раз). ”Почему-то они нам не отвечают”. Но *почему* же я тебе должен отвечать. У меня была золотая цепочка в руках, и мне было так уютно между дочерью и ее подругой.

* * *

19.X.1913

Когда по темным улицам (довольно далеко) я ехал назад¹, то мелькали в электричестве улиц наши церковки...

— Наши милые церковки с золотыми крестами на них.

Далеко было ехать, и от скуки я закрывал глаза.

И тогда в тьме закрытых глаз вырисовывалась их чудовищная синагога с этой ”шапкой на колонне”, — архитектурным утверждением обрезания.

— Вот в чем дело и о чем спор.

* * *

20.X.1913

...да, да, да! ”Не позвали к обеду”, ”не позвали к завтраку”, не позвали ”так поговорить” — лежит в слове всей нашей оппозиции. И ”русский гражданин” начинается с лакея, а ”русская общественность” есть взбунтовавшаяся кухня.

Около князя Крапоткина какой ”гражданин” — ”раб” Шибанов. Да, *настоящий* русский гражданин начинается с ”верноподданничества”.

Раб трудолюбивый и заботливый о имени Господина своего — вот ”русский гражданин”.

¹ Из ”Религ.-фил. собр.”, где вотировалось дело Бейлиса.

* * *

20 октября 1913

Что же эти повестушки Тургенева: "Они сели около камина, и я стал им *рассказывать*..."

Около оскорбленного и униженного высокого старика ("Униженные и оскорбленные") и Наташи и "я" (рассказчик — автор). Между тем Тургенев назвал "вонючим больничным" произведением роман Д-го.

Какое высокомерие и какое непонимание.

"Униженные и оскорбленные" — из удивительнейших произведений Достоевского.

И я всегда был безумно влюблен в *этот* его тон.

* * *

20.X.1913

Где *губы*, там и *лицо*.

А сзади и целая голова, если даже невидима. "Днесь спасения нашего главизна" ...

(за "Пропавшая невеста" Шерл. Холмса)

∞

∞

∞

Но об этом раньше Розанова догадался, кажется, Египет.

* * *

20 октября 1913

Что прекрасно в наивном, то будет отвратительно в опытном, — вот чего не разглядел "Д....."¹, — подражая своей матери².

И она вошла в историю и будет иметь биографию, но *его* биограф заскучает матерьялом, — и *он* если войдет в историю, то — недоумением или кляксой.

∞

Радикализм прекрасен в наивном. Но чуть "поумнее" — он начинает переходить в Азефа.

I

Ведь радикализм — отрочество, юность. Вечный радикал слова — это Писарев. В "деле" — это все герои "Подпольной России" (Степняка) и "последние могикане" — Мельшин, Анненский, Богучарский.

Мне приходилось близко знать Каблицу ("ходил в народ"): *лучшего* человека я не знал, и, в сущности, это был идеал человека. Когда-ни-

¹ Кружок "Мира искусства".

² Теперь, 1913 г.

будь новый Шиллер создаст русского Маркиза Позу из Дебогория или Каблица.

Есть точки и линии, которыми они стояли неизмеримо выше "людей 40-х годов". Удивительное в них было: реализм, трудолюбие, простота, естественность, грубоватость манер и тона, прикрывающие неизъяснимое благородство и любовь (нежность) к человеку.

В сущности, ни Тургенев, ни Достоевский этих "ходебщиков" в народ не передали; не говоря уже о высокомерном Толстом ("граф" и "не занимаюсь" — к тому же "святой"). Они, в сущности, переданы только в замечательных "Записках" Дебогория, которые совершенно параллельны по правде и по чистоте "Сказаниям инока Парфения" и "Запискам" А. Т. Болотова, — и также характеризуют нашу историю, характеризуют полосу в ней. Судя по личному знакомству с Каблицем, эти "Записки" (Дебог.) совершенно точны и "с подлинным верны".

"Уголок" этого я еще видел в 1876—77 гг. в Нижнем.

Но уже в Университете (Москва) я их совсем не видел: там (у медиков) была водка, публичный дом, длинные нестриженные волосы, "дай займы денег" и бесчеловечная ругань "Московских Ведомостей" и правительства. Гул и бестолочь сходок. В этой "красе" уже разгуливал Желябов. Пока позднее всех не повел на убой Азеф.

II

Действительно замечательно (указал Меншиков — "читайте Библию"): родоначальник еврейского племени богател через жену свою. Уступая ее фараону и ханаанскому князьку, — уступая не на ночь, бурно и не поборов обстоятельств, а уступая "на сколько хочешь" и *сам* войдя в Египет и зная предварительно, что там такие нравы. Это спокойствие к судьбе жены — поразительно. И после того "лэжаную" он берет опять ее к себе. Какая-то нечистоплотность и небрезгливость.

Что́ это? Случай? Но почему *такого* избрал Бог, когда было много "не таких"?

Поразительно. Загадка.

Бог (Иегова) его нисколько не упрекает за это, не укоряет. "Как ничего не было". Этот грех ему Бог (Иегова) явно не вменил ни во что́.

Вообще "mésaliance" 'ов нет в Библии, а есть факты. Живут со служанками (Иаков) — и ничего. Даже тесть (обычная ревность за "честь" дочери) не укоряет¹. Лот имел сношение с дочерьми — и опять ничего. "Факты, батюшка, факты!" Библия вся есть книга фактов без утайки чего-либо.

Была ли тогда "совсем другая мораль", чем теперь? Но ведь Библия — не книга этнографии, а книга божественных откровений, которые вечны и перемениться не могут. Не показывает ли это, что "Божие" и "религиозное" лежит совсем вне плоскости "VII заповеди", пришедшей через века потом и которая начертана "в хвосте" предписаний, — ниже "соблюдения праздников" и "почитания родителей". А "пожелание жены ближнего" даже поставлено позади клеветы и злословия.

¹ Лаван Иакова за сожителство с Валлою и Зелфою, — когда Иаков живет в шатре возле тестя.

Что же над нами все трясутся с "VII", выдвигая ее, — решительно выдвигая, — на первое место, как какое-то новое "Аз есмь Господь Бог твой". Да это ("VII") просто пустяки. "И так, и этак можно" — не теряя любви Божией к себе, не переставая быть очень религиозным человеком.

III

Истории с Авраамом и Иаковом как будто показывают, что Б. вовсе не вмешивается в личную жизнь, в "наши любовные истории и ход их", а наблюдает лишь космологические законы, и в данном случае — первый: чтобы Земля, еще пустынная, была населена. Отсюда-то проистекает колоссальная свобода "лица" в Ветхом Завете. У нас как "закон Божий" — сейчас стеснение, узкое платье, везде жмет; там "закон Божий" — и ширь, простор, "халат", если не "нагишом". Во всяком случае, "полная естественность"...

* * *

20 окт.

Как же все это произошло?..

.....

А очень просто.

На "Птичку Божию", в которой 16 строчек, Венгеров написал замечательные "Критико-Биографические замечания". Ему возражал Аничков, изложивший "Мысли в дополнение к Сообщениям Венгерова". Игнатович из Варшавы, зоолог, написал: "О птицах и поэтах", что вызвало отповедь Горнфельда. Все это очень остроумно опровергал Сакулин. И наконец, ко всему Овсянико-Куликовский, академик, написал "Историческое обозрение споров о Пушкине и о птичке".

По истечении достаточного времени все это затвердело и стало спрашиваться на экзамене.

Когда же отвечающего на экзамене спрашивали:

— О чем вы говорите?

То отвечали:

— Я говорю о Сакулине (*один*).

— Я говорю об Овсянико-Куликовском (*другой*).

— Я говорю о Венгерове (*третий*).

И когда спрашивали:

— А "Птичка Божия"?

Тó все три недоумевали и говорили:

— Мы об этом никогда не слыхали.

∞

Так постепенно произошло забвение Ветхого Завета и Нового и о чем там говорится.

(ночью в постели: "богословие" Григория Петрова, Мережковского и прив.-доц. Дух. академии Петропавловского; тоже проф. Троицкого)

* * *

**Как произошло, что профессора Духовной Академии
не помнят Ветхого и Нового завета?**

...Мелкий бес нас водит, видно,
И кружит по сторонам.

Как же это, в самом деле, могло произойти? А произошло.
Но произошло очень просто.
Возьмем параллель из истории литературы.

* * *

Представьте себе, что на "Птичку Божию", которая состоит из 16 строк, Венгеров написал "Достопримечательные изъяснения историко-биографического содержания" в 1½ тома. Игнатов из Варшавы, зоолог, написал: "О птицах у Пушкина". Первый труд вызвал собою "Поправку" Овсяннико-Куликовского, а второй труд вызвал собою "Элегические размышления о птицах и о поэтах" Горнфельда. Все это вызвало полный раздражения "Ученый ответ профессора и академика" Шляпкина. К чему всему Сакулин написал: "Исторический обзор споров по поводу *Птички Божией*".

Читатель "позднего века", который "обязан сдавать к экзамену" все эти рассуждения и споры, конечно, естественно, все их знает. Но на простой вопрос:

— О чем он отвечает?

Ответит:

— Я отвечаю о проф. Сакулине (*один*).

— Я отвечаю версию между Венгеровым и Горнфельдом (*другой*).

— Я отвечаю об исторических трудах Шляпкина (*третий*).

И на вопрос:

— О чем идет речь?

Все трое ответили бы:

— О Сакулине, Венгерове, Горнфельде и Анненкове.

И наконец на раздражение экзаменатора:

— Да прочтите мне "Птичку Божию".

Все трое ответили бы:

— Птичку Божию? Мы о ней никогда не слыхали.

* * *

Таковы рассуждения преподавателей духовных академий и даже лиц священной службы "о книгах Ветхого" и о книге "Нового Завета".

"Два завета с своим огнем в каждом? В голову не приходило никогда".

В. Розанов

* * *

20.X.1913

...о, как хотел бы я, взяв на руки тельце Андрюши, пройтись его по всем городам России, по селам, деревням, говоря: — рыдайте, рыдайте, рыдайте.

Иго еврейское горчайшее монгольского, не — ”угрожающее будущее”, а — наставшее теперешнее. С веревкой на шее тащат лучших русских публицистов говорить и подписывать заявления, что русские уже не должны заступаться за свою кровь, что если убит невиннейший мальчик и в том есть подозрение, что убил его еврей, — то они не должны ни разыскивать, ни судить заподозренного еврея...

Царь, слышишь ли ты вопли наши?

Одна против евреев надежда — Царь. Оттого-то ”вытолкнуть из России” Царя, подорвать в русских (молодежь) авторитет Царя, поднять восстание на него — их лозунг.

* * *

20.X.1913

И понесли все убийцу на руках своих, и не вспомнил никто убитого.

”Он, священный еврей, из народа, принесшего человечеству столько культурных ценностей”... А тот — ”из презираемого русского племени, которого вообще никто не уважает”... О ужасы, о ужасы, о ужасы.

И Кондурушкин тут же, ”рак с клешней”. И ”Иван Алексеевич” (Пешехонов), и (еврей) Ордынский, и эксперт ”профессор Троицкий” (какая болванная рожа на портрете). С каким удовольствием этот ”нам известный гебраист” давал Кугелю в ”День” для напечатания своего портрета.

”Меня, Троицкого, теперь увидит вся Россия”.

И Троицкий наступил профессорской ногой на тельце замученного Андрюши.

(Андрюша Ющинский и Бейлис)

* * *

21.X.1913

Когда я был младенцем, вид огня (печь топится) производил на меня гипнотическое воздействие.

...взлизы огня, красный цвет его. Движение его, жизнь его — особенно!!!

Я бы никогда не отошел от печки. И плакал, когда меня отводили. Я думаю, в таком ”гипнотическом действии” лежит корень древнего ”поклонения огню” и всех языческих ”огонь на жертвеннике”.

* * *

21.X.1913

...и та ”головка” начала преобразовываться в Озириса, а это лицо начало преобразовываться и выросло в Изиду.

”Так объясняются старые сказки”.

Кажется, где-то я прочел — ”Osiris” = Os-iris = Os-isis = Глас Изиды.

Как все верно и точно.

* * *

21.X.1913

— Машка, стерва!

А у самого такая безграничная любовь к ней. Вцепливая, въедчивая. И она это чувствовала и все отвечала тихим, каким-то детским смехом — хи-хи-хи-хи. Хотя ей было 27 лет.

Она вся была тихая и деликатная. И вся таяла в этих его повторяющихся восклицаниях:

— Машка, стерва!

(20 лет назад: воспоминание молодоженов)

* * *

21.X.1913

Учение о содомии ”кое-где” и ”кое в чем” и даже ”кое в ком” может быть поведано и как ”скандал”, безобразия и разрушение...

Все зависит от *тона*.

Но если взять другой тон, то вдруг ”все вещи начнут преобразовываться”.

И я не знаю, ”какой тон взять”. И молчу.

(за набивкой табаку)

* * *

21.X.1913

Между самым большим счастьем и самым большим несчастьем расстояние только в один день.

(вспоминая Евгению Ивановну)

— Еду к Косуне (сестра). Проститься.

— Еду делать завещание.

А еще вчера:

— Какие баклажаны...

— Посмотрите на этот delfinium...

— Как хороши эти мальчики, убирающие виноград.

— И Музей в низу дома.

И:

— Алеша Щусев прислал проект церкви. Как хорош! И как хорошо все делает этот милый мальчик, которого я знаю с детства.

* * *

21.X.1913

...почему ты, царь, который умираешь: и вот о тебе говорит весь свет.

...и вот лакей в твоей лакейской. Тоже умирает. Но о нем все молчат. И умерли оба. И уравнились.

Смерть — "великое равенство людей".

Отвратительное равенство.

* * *

21.X.1913

Чиновник в морали. Им был не только Толстой с гнусной "Крейцеровой сонатой", но "и в самом деле" устроитель брака. "Ему" было 63 года, и как он "ничего не мог" с женой и только облизывался возле нее, то она естественно по утрам била его туфлей по щеке и целый день была раздраженная.

Он целый день был тоже озлоблен, п. ч. и к вечеру не мог надеяться ни на что лучшее. В то же время он был уже тайный советник и член Госуд. Совета, и его, естественно, спрашивали, как устроить брак и развод и незаконных детей. Он уже не мог иметь детей, ни законных, ни незаконных. О "браке" он совещался с митрополитом, который тоже "весьма не мог" и даже "дела" прочитывал за него секретарь, а хорошенький келейник сажал его на судно. П. ч. он вообще ничего не мог. Вот они двое и устраивали брак в стране, с глубоким ненавидением "всех этих молодых людей", "всех этих молодых женщин" и всех этих "пузатых ребят".

(проснувшись утром внезапно) (К. П. П.)

* * *

21.X.1913

Они живут по типу "собачей свадьбы"...

Через микву они все нюхают друг друга...

И воют "как одна свадьба".

И радости у них "свадебные".

И злость в случае "нападения на одного".

"Собачья свадьба" в семь миллионов голов. Конечно, она съест всех и разорвет всякого, кто "встретится".

"Не суй пальца" между собак.

Стая бежит. Воет. Преуспевает. Все одолевает.

И вот "весь еврейский вопрос". Ни "точки" далее и ни "точки" в сторону.

* * *

22.X.1913

Если кто будет говорить против развода, то ты, пожалуйста, не спорь с ним, а скорее хватай за бороду.

П. ч. он злой человек.

И если он будет приводить тебе изречения древних старцев, то бросай его на землю и наступи ногой на грудь.

Потому что это ехидна в винограднике. И мошенник, опирающийся ложь души своей на слова святителей. Он попирает святителей и гасит свет вокруг лица их.

Колоти такого. Пожалуйста, колоти. И нисколько не сомневайся.

* * *

22.X.1913

Совершаются преступления. Давятся, вешаются. Топят. Отравляют. Режут. Жгутся в огне отчаяния и гниют в отраве ложных чувств...

Старички сидят в сторонке и кушают сухую просфорку...

(брак, развод, старцы) (в постели засыпая)

* * *

25 октября 1913

— Каждый в конце концов ложится на свою полочку (Гр. Сп. Петров в письме ко мне о *Рцы* и его участии в "России").

Так. И не "новый путь", не "религия Третьего Завета" и не церковь "Иоаннова" или "Святого Духа": а откровенное сотрудничество в еврейской газете, или слияние со всеми ее пафосами и ее ненавидениями. "Религия Св. Духа" для отмены черты оседлости.

А не привести ли письмо этой московской барыньки... Они же прокатили меня за "участие сразу в 2 газетах", "Н. Вр." и "Рус. Сл."

Нет, не буду. Бог с ними. Перед людьми нечего искать очищения, а Б. все видит.

(за завтраком. Письмо вчера, 24 октября 1913 г., получил)

* * *

28 октября

День оправдания Бейлиса. И "мне в нос" (были ссоры) в собственном доме "учащаяся молодежь" поспешила в кинематограф.

Есть "подруги" из евреек.

Я понимаю "кинематограф на радостях". Но неужели у девушек никакого воспоминания о Ющинском?

Тут-то освещается все явление за 50 лет: и "Цюрих", и наши там девицы. Все это уже тогда не русское движение...

(28 октября 1913 г.)

* * *

28 октяб. 1913

Почему у Мережковского и Философова этот *извиняющийся* тон перед Богучарским, Иван.-Разумн. и, должно быть, перед Парижем (эмигр.)?

В чем они виноваты?

Все трутся возле *этих*. Точно они замазались (в 1903 г.) около Христа и христианства и теперь очищаются через Богучарского.

(вспомнил рел.-фил. собр. о Бейлисе: "Приглашаем во временные председатели Александра Ивановича Богучарского")

* * *

28 октяб. 1913

Евреев не 7 миллионов.

Еврей

один,

у которого 14 миллионов рук и 14 миллионов ног.

И он везде ползет и везде сосет.

(на извощике, утро)

* * *

28 октября. Ночь.

Митрополиты — ни один — не отслужили панихиды по Ющинском. Знаю и понятно, — "боялись смущения". И отошли от замученного христианского мальчика.

И Владимир "С.-Петербургский".

И Макарий (впрочем, он благ) Московский.

И Флавиан "Киевский".

Прошли украдкой мимо мальчика: и он вас не помянет "егда придет во Царствие Его"...

Ющинский — у Христа теперь. Боже, Боже, — неужели это миф и мифология, что слеза отмщается (*там и здесь*). Но какой это ужас, что митрополиты "ничего"...

Ничего... Ничего... Ничего...

О, как хочется плакать и уж поистине по-библейски посыпать голову золой.

"Завшивей, голова моя". Так я и хочу.

∞

∞

∞

∞

Да и что с них взять: 2 века уж избирают их столь старыми, что и голова заоченела, и сердце выстыло. И я в 70 лет буду "не шевелиться", а "все Саблер". Как понятна механика... Но отчего же хоть механику-то не изменяют?

* * *

Есть что-то некрасивое в наших чиновниках. Какая-то мировая антиэстетичность.

Эти трусы на всякий смелый шаг и на всякое решительное слово...

Вот откуда, что их забивает "наше милое общество", и даже, пожалуй, скоро курсистки будут лупить их по щекам "ради Бейлиса". И уверен — они будут только утираться (т. е. чин.). С этими господами что же делать и какая на них России "надёжа".

Кто же "надёжа"?

Пока царь один. Не выдаст. И уж ни Бейлису, ни адвокатам, ни вообще "милому обществу" не поклонится.

И будем Его держаться. О, если бы царь знал, как скорбит русская душа.

(28 окт., ночь)

* * *

28 окт.

Боже Вечный! Помоги мне...

Помоги не упасть.

Ведь Ты знаешь, что я люблю тебя. И видишь, как задавливают наш народ, у которого ни защитника, ни помощника, даже когда у него точат кровь. Точит племя, называющее себя "Твоим".

Но Ты видишь, что там адвокаты, и неужели Ты именуешь его по-прежнему "своим".

(оправдание Бейлиса)

* * *

29 октября 1913

Поразительно нет интереса к личности Суворина. Заглянул к Митюрникову ("книга живота"): за 5 мес. продано только 2 экземпляра его "Писем". О них шумела печать. Рцы мне говорил: "Я стал здоров, читая ее: так интересно". Цв. писал: "Очень интересно и трагично". Так как другие книги идут, — то что же это такое?

Бедный и милый Суворин. Вечная ему память. Дети мои *никогда* не должны забывать, что, если бы не он, я *при всех усилиях* не мог бы им дать образования. До поступления в "Н. Вр." *ежемесячно* не хватало, и ни о плате за учение, ни о "мундирчике" не могло быть и речи. И бедные дети мои, эта милая Таня и умный Вася, — жались бы в грязных платяцах в углу, без книг, без школы.

Как это было в Лесном в 1896—5—7 (?) году: мама стряпала в кухне, она же и передняя. А Таня (только ползала) (с мамой и соседями, семейная карточка в "Оп. л.", — немного раньше карточки) играла в уголку, и мать на нее оглядывалась (присматривала).

Я вертаюсь (из проклятого Контроля, где меня морили "славянофилы" Ф. и В.): и так резво на меня поднимет глаза и быстро-быстро, подсовывая ножку, поползет навстречу.

∞

Когда я думаю, что мои дети *действительно* не получили бы без Суворина образования, и до сих пор в страхе и отвращении сжимается мое сердце.

Что значит "самому быть образованным" и видеть бы *каждый день*, что дети сидят дома, потому что не на что их послать в училище (внести плату за учение).

И в то же время тупые толстые дети банкиров из жидов имели бы "к услуге своей" все лучшие педагогические силы Петербурга. Вот где познается социальный вопрос и чего Философов и Мережковский ("папина пенсия и капиталец") никогда не поймут. Дураки. Дураки и проклятые. И тоже залезли в "русский идеализм". "П. ч. мы с Богучарским".
О, всемирная пошлость.

Да, мои дети — не то, что Щедрина, супруга которого, приходя в казенную гимназию, заявляла на всю залу "кому встретится":

— Доложите директору гимназии, что пришла супруга русского писателя Салтыкова.

То-то "Розанов — торжествующая свинья", а Салтыков — "угнетенная невинность". И Суворин — представитель "Всероссийского кабака", а Щедрин — "конспиративная квартира русских преследуемых идеалистов".

Да будет вечно благословенна память Суворина.

* * *

Сколько лет думаю, 20 лет думаю, отчего "у нас" (консерват.) все так безжизненно... Людей нет, и они какие-то вялые.

(29 октября 1913 г. В конторе "Земщины" получаю гонорар. Портреты особ и Петра Великого)

Петр Великий воплотил живость. Но он же, наивный, воплотил и отказ от Родной Земли, кроме "прав владения". И с тех пор все живое — отрицательно к родной земле, а все верное ей — вяло.

(пустая комната конторы. Портреты. Совершенно никого нет, кроме прошедшего мимо студента. Видно, что "получают" и "пишут" и "никто не читает")

* * *

30 октября 1913

Не есть ли исток "русской революции" в том едком, кислотном чувстве, в том *ежедневном* раздражении, какое мы испытываем, какое испытывает русский человек, глядя на все вокруг, глядя на "наши русские дела", и по преимуществу на наши "распоряжения сверху"... Это тот "стиль неудовольствия", какой горит неумоимо у Никитенко в его благородном "Дневнике".

Если бы *так* — конечно, революция была бы права и благородна. "Наше русское неудовольствие" имеет слишком много корней для себя. И тут приходится вспомнить опять Герцена, который все здесь изгадил. Никитенко, конечно, никогда бы не пошел в "изгнанники", в беглецы

и в конце концов в изменники. Он "служил", т. е. работал, вез воз России. Такие, как *труженики России*, имеют право негодовать и сердиться: "Моя работа есть право мое на критику". Но ведь Герцен не работал, а был только богат и был талантлив. Его, естественно, следовало посадить в полицию, как буяна. Буяна на улице, "и единственно потому, что талантлив". "Вытрезвись, батюшка".

Но Никитенко имеет право говорить. Вот эту революцию ("стиль Никитенко") я люблю и уважаю.

Почему гимназистам старших классов не дают читать и изучать Никитенко. Там учат какое-то "законоведение" как "введение в политику". Никто так правильно, спокойно и мотивированно не вводит в "политику", — притом нигде не отделяясь от Русской Земли, как Никитенко.

За XIX век это есть один из лучших русских умов. Он был сын крепостного крестьянина. Служил в цензуре. Центр работы и жизни — николаевское время. И лицо, и "что-то на нем" (мундир? форменный фрак?) являют типично "человека николаевских времен" (бритое, сжатое лицо).

(на полученном счете Нелькена; 1250 р. за "Люд. л. св." в типографию) (за рецензией на Каптерева)

* * *

3 ноября

Дети, поднимающиеся на родителей, — погибнут.

И поколение, поднимающееся на родину, тоже погибнет.

∞

Это не я говорю и в особенности не "я хочу" (мне жаль), а Бог говорит.

(2 ноября 1913 г., за нумизматикой)

И наше поколение, конечно, погибнет самым жалким образом.

* * *

В собственных детях иногда я вижу ненавидение отечества. Да и как иначе? — вся школа сюда прет. Радуйся, литературочка. Радуйся, Гоголюшко.

Только не радуйтесь, мои дети.

∞

∞

∞

Как правы наши государи, что не входят в наши школы. Все это погань и зло.

И как дельно, что они просто поворачивают к "училищам потешных". Давно пора. Это — дело.

Васю моего бедного учат 1-му марта (IV класс Тенишевского) в "объективном изложении". Задают: "Характеристика *Миры*". У Веры: "Характеристика *Каина*". Все — отравка, все — зло. Постоянная учеба — восхищаться злему человеку. Злой человек — везде герой. И на заднем фоне, как что-то ненужное и смешное, — "молитвы Богородице" и противный, как скисшее молоко, катехизис.

"Папа, я не понимаю: как мне приготовить характеристику Петра Великого" (Вася).

— Я сказал: твой учитель дурак, и, пожалуйста, не готовь ему никакой "характеристики П. Вел."

Что делать. Школа считает нас дураками, а мы считаем школу душой набитою.

Но мы ничего не можем с ней сделать. А она делает "все, что находит нужным", с нашими детьми.

Что же она "находит нужным"? Преждевременное развитие, преждевременную зрелость; т. е. некоторый бесспорный онанизм.

Онанистическая школа? — Да. И ничего с ней сделать нельзя.

* * *

Я даже не помню, за 50 лет, где бы своя земля не проклиналась. Достоевский, "хоть с кой-какой надеждой", — единственное исключение. Все Гоголюшко.

* * *

3 ноября 1913

Не *весь* Авраам нужен был Богу, а часть его.

(...*pars pro toto*...)

* * *

Русский пересидит всякого бегуна.

— Беги, братец, беги! Поспешай!!

И смеется.

И "тихость" русская пересидит еврейскую суетливость.

(4 ноября)

* * *

7 ноября 1913

Мир, который я узнаю, слушаю, вижу, — который так люблю и восторгаюсь им, — он "мой мир". И поистине Розанов из "Розанова" никак не может выскочить, ни — разрушить "Розанова".

Это и есть мое "уединение". Т. е. такое *слишком близкое* отношение всех вещей ко мне.

Мне кажется, "уединение" есть и у всякого. Но только другие все-таки выходят "из своего дома". Я не выхожу.

И не хочется...

Не манит.

Мне "в моем мире" хорошо...

* * *

7 ноября 1913

Сказать ли некоторый *стыдный* секрет нашей литературы и ее далеко "не мудреных изводов": что с некоторого времени дальше прихожей и "приемной просителей" не стали пускать "гордого русского литератора"... И вот отчего он остался при таких бедных сюжетах. ...Все — проституточка, бедный студентик, швейка, мокрая барышня и тот коллежский регистратор, который с ним объясняется в "приемной"... И никакого понимания мира *вне* этого и *выше* этого...

"Мы *натуралисты*, и пишем то, что видим"...

Печальное и горькое признание человека в сущности "ничего не видевшего"...

Но этот ужасный секрет можно шепнуть только на ухо...

* * *

7 ноября 1913

Щедрина, конечно, они распяли бы на трех крестах, попробуй он вывести "Колупаева и Разуваева" из евреев. А ведь такой был Ойзер Димант, — лицо действительное, а не сочиненное. И вот теперь, едва вы подымете голос против сосущего деревню еврея, как "идеально настроенный молодой человек из литературы" подымет на вас глаза и говорит:

— Это вы о Колупаеве и Разуваеве?

— Нет, я об Ойзере Диманте.

Он отвертывается и не продолжает разговора.

(за набивкой табаку)

* * *

8 ноября 1913

Скропаешь строки... Мыслишки, полумыслишки... Ан, смотришь, и выключнулись "25 руб."

На 25 р. купишь "много товару":

1/2 ф. чаю — 1 р. 20 к.

10 ф. сахару — 1 р. 50 к.

Колбаса, сыр и прочее — не больше 3 р.

"КУДА же девать?!" Просто НЕКУДА девать из "25 руб.". Даже о сапогах с калошами Василию можно подумать.

Вот что значит "25 р.": польза, удовольствие, два дня сыты. И так весело, общая болтовня за чаем. Да: из "25 р. купили чудных яблоков кандиль за 1 р. 80 к."

Теперь: с этим удовольствием и пользой, просто с сытостью за столом можно ли сравнить "мысли" и "мыслишки", какие я написал: что, "может быть, политика идет влево", а "может быть, она пойдет и вправо" и что "Коковцев вернулся" и "что-то будет"...

Эх, господа: ведь и у Коковцева есть свой "чайшка". Дадим и ему пощаду. И свое удовольствие.

Но говорю "о себе", ибо это я понимаю. Мысли? Важные? Не важные...

Они прошли, они пройдут...

Туман... Густой... Реже, реже... и нет ничего...

Так и в природе. "Ничего нет вечного". Господи: Илион пал. Так неужели же не "пасть" моим мыслишкам.

Нет, чайшка вернее. Чайшка — скромность и добродетель. Чайшка — великий путь человечества на Земле.

(за вечерним чаем)

* * *

8 ноября

...да это не головка, а "главизна". "Днесь спасения нашего главизна": с этого и началась

"история религий".

Разграничительная между Западом и Востоком линия и проходит в шутливом и смеющемся названии или в трепетном и с ужасом. И где смеялись — получился роман и песенка и учебничек истории, а где "с ужасом" — не смели начаться песни, сказки, мифы, а выковалась

"Священная история действительности".

*Nam hoc caput ens realissimum est.*¹

(за вечерним чаем)

* * *

8 ноября 1913

Шеренга солдат и за ней "в глубине" довольно пустой генерал и лысый старичок, штатский, — о чем-то хлопочущий и что-то шамкающий беззубым ртом.

Перед нею — толпа волнующихся рабочих, основательно волнующихся на обиду: и среди нее агитаторы — нахальные люди — и... вижу: "мой Вася" там же кипит негодованием и тоже хочет поднять волну...

Душа моя с рабочими. Знаю, вижу — обижены. И нахальные люди прекрасны. И мой Вася. "Ведь он дорогой мой", "он мой" (сын).

Но знаю я вот что:

Что тупой генерал и отвратительный старикашка здесь *случай* и *личное*, что идеализм "там" есть тоже "личное" и тоже случай. Это "сегод-

¹ Суть в том, что реально существует (*лат.*).

ня” так случилось, что героизм и лучшее — у молодежи; что обида сделана *им*. Но в веках и вечности старикашка и генерал стерегут ”тó, доколе построилась Вавилонская Башня” истории, тот ”холм Babel”, ныне засыпанный песками в Месопотамии, от которого вообще ”пошло все”...

”Там бдолах и камень оникс”...

Там ”рай”, и изгнание, и слезы, и грехи, и трудный путь...

Там сокровищница человечества...

И, последним взглядом взглянув на моего Васю, я бы сказал роте:

— Пли!..

Берегись же, Вася, — берегись. И никогда не союзься с врагами земли своей. Крепко берегись. Люблю я тебя: но еще больше люблю свою землю, свою историю. Не доверяйся жидкам, в особенности жидовочкам, которые будут тебя сманивать, будут чаровать тебя... А к чарам, я знаю, ты будешь слаб.

Крепко, Вася, стой на ногах.

И вспомни то слово, которое от брата Коли я выслушал, едва не получив плюху:

— Дурак. Хоть бы ты подумал, что произносишь свои подлые слова о России на том языке, которому тебя выучили отец и мать.

Пусть это будет ”канонем брата Коли”. Помни его. Я всю жизнь не мог забыть этого вырвавшегося у него слова.

А ему ли не было ”трудно служить” у этой администрации, которая ”умучивает” русского человека не меньше, чем Ющинского умучили в Киеве.

Мерзость администрации, Вася, я знаю: но — терпи, терпи, терпи. Из терпения вытекает золото. А ”красивый бунт” — только золотые скорлупки пустого ореха на рождественской елке.

* * *

9 ноября 1913

Да, верно пишет Закржевский (из Киева), что теперь писателей пугает мысль иметь *свое лицо*... Года 3—4 назад, когда Ив. В. Жилкин (прелестный ”трудолик”) говорил с симпатией и, во всяком случае, без вражды о ”Нов. Вр.” и Суворине и я наивно ему сказал: ”Отчего бы *вам* не писать у нас?” — засмеялся своим добрым и спокойным смехом и сказал:

— Чтó же бы из *меня* сделали газеты, если бы я стал писать в ”Нов. Вр.”.

(Следует сказать, что товарищ его по 1-й Г. Думе, гораздо более его радикальный и разрушительный, помещал анонимно статьи в ”Н. Вр.”; и вообще-то ”у нас все почти бывали”.)

Но что же это за ужасы, чтó писатели боятся иметь свое лицо. Ибо ведь ”зачем же я пишу”, как не чтобы ”сказать *лицо свое*”, сказать ”от *лица своего*”.

Погасить лицо — значит погасить *литературу*.

Таким обр. литература внутренне *погашается*... Сама собою... Не ее высушивают, а она пересыхает.

Чахотка.

Как я и писал ("Оп. л."): все обращается в *шаблон*. В письме Закржевского объяснение происхождения *шаблона*. "Шаблонно потому, что *безлично*". Тогда понятно. Из 100 газет кричит толпа. Это "рев моря"... Но как он беден сравнительно с песнью юноши.

Гул печатных станков и ни одного человеческого голоса. В "Литерат. изгнанниках", пожалуй, мне и хочется собрать последние человеческие голоса. Пожалуй, это инстинкт или предсмертная (о *них*) тревога. В тайне-то души, хотя и надоела литература, — я ее люблю. Я с нею связан большою любовью. В последнем-то анализе мне ее жаль. "Божий голос" — брезжилось. И хоть надоела ужасно, но "Божий голос". Но ухо мое давно расслушало: чугунные голоса, медные груди.

Да, медно-трубопрокатный завод.

И я пришел в то, что можно назвать "священным ужасом". Да, втайне я любил ее и люблю.

Теперь пришел "все и Кондурушкин". Очень хорошо. Тогда я, конечно, ухожу.

(вся бумага)

* * *

10.XI.1913

Ах, Господи...

Но откуда же нежность, мягкость? Уступчивость? Соглашение на все и вечное посредничество между всем?

Ах, Боже мой — но это же вообще самые мягкие части человеческой фигуры.

По телу — и душа.

Жид мягок, вонюч и на все садится. По всему расплывается, всегда распространяется.

(*"в соседстве Содома", "по образу и подобию"*)

В человечестве еврей — то же, что у казака та часть, по которой его секут. Да уж не от этого ли и "колотушки" им в истории?

"Тебя будут вечно сечь. Но у меня вкус такой, что я буду тебя, и только тебя любить".

Так вот отчего "разумом нельзя понять еврея". Разум в этих "частях" вообще ничего не понимает.

Роковая сторона, что "разумный человек" все-таки садится именно на эту часть. Стоит, прыгает. Танцует, путешествует. Но в конце концов хочется "сесть". И вот когда приходится "сесть"¹ — то и оказывается, что "без жида не обойдешься".

¹ Культура, мирное состояние общества.

* * *

10 ноября 1913

Столпообразные руины.
(Лерм.)

Это хорошо, если применить к попам.

(на извозчике в дождь)

* * *

10 ноября

Тумба...

Это преобладающий тип "православного русского духовенства".

И "священный путь России" есть просто заношенный российский тротуар, уставленный деревянными тумбами.

(после слов Домны Васильевны, полных заботы и тревоги, — о Паше и муже ее, "молодоженах". — "Что-то чувствуется не так, да она и смеется, — но не так". — "Вы любите зятя своего?" — "Да, он же сделал счастливой сестру мою. Он мне брат: как брат, — все равно". — Да: вот откровение о поле; что это есть орган родства)

* * *

11 ноября 1913

Моя вечно пьяная душа...

Она всегда пьяна, моя душа...

И любопытство, и "не могу", и "хочется"...

И шатаются ноги...

И голова без шапки. Одну калошу потерял. Вот моя душа.

(бреду из редакции)

* * *

12 ноября 1913

...разговоры суть разговоры...

...а дело есть дело.

Евреи отдали нам разговоры, а взяли дело.

...с тех пор разговаривающие все беднеют, все худеют.

А делающие полнеют и обкладываются жирком.

Только дурно пахнут, — одна беда.

(засыпая после обеда)

* * *

15 ноября 1913

Читатели — не все, но очень многие — представляют себе авторов книг в виде каких-то попрошайек, которые пристают к нему, "милому читателю", на дороге, приходят к нему нá дом и навязывают все "свою

дрянь”, т. е. свои сочинения; свои кой-какие мыслишки и свое раз-
вращенное поношенное сердце. ”И сколько я ни отворачиваюсь, автор
все пристает”.

Судя по очень многим получаемым письмам, эта психология ”ми-
лого читателя” весьма распространена. Сам он где-нибудь служит
— и это *дело*; живет в семье и семьей — и это тоже *дело*. Но ”прочесть
книгу?..”.

— Разве для удовольствия автора?

Какое *qui pro quo*...¹

Тут почти нечего и рассуждать...

Ни — отрицать...

Неоспоримо, впрочем, ⁹/₁₀ книг чем-нибудь это и вызвало: увы, это
именно ”самые читаемые книги”. Тех авторов, за которыми, наоборот,
публика бежит...

Но есть ¹/₁₀, о которой именно представление: ”Зачем я буду его
читать? Разве для *его* удовольствия?”

Филантроп-читатель и обивающий его пороги автор. Друг автор, не
стучись в эту дверь филантропа. Поди в стужу, к которой ты привык,
погрейся у костра на улице. Глубже спрячь свои книги и потолкуй
— посмейся с извощиками, тут же греющимися у петербургского костра.
Они единственные друзья твои в мире, и не думай, не смей говорить
с ними как с неравными. Они около своих кляч и со своим *честным*
трудом суть единственная твоя родня и товарищи в мире.

(написав несколько деловых писем)

* * *

15 ноября

Безумно люблю свое ”Уед.” и ”Оп. л.”. Пришло же на ум такое
издавать. Два года ”в обаянии их”. Не говорю, что умно, не говорю, что
интересно, а... люблю и люблю.

Только это люблю в своей литературе. Прочего не уважаю. ”Сочинял
книги”. Старался быть ”великолепным”.

Это несправедливо и неблагородно.

”Уед.” и ”Оп. л.” я считаю самым благородным, что писал.

Там — *усилия*. Здесь — просто *течение во мне*. Искусство мое, что
я имел искусство поймать на кончик пера все мимолетное, исчезающее,
не оставляющее ни *памяти* и *ничего* в душе...

Прошло — у всех.

А у меня — *есть*.

Сегодня мелькнуло на извощике: СВЯЩЕННОЕ *есть*. Это мой ло-
зунг и привет миру. А всему говорю: ”Здравствуй, СВЯЩЕННОЕ *есть*.
Да. Это моя суть.

Не ошибкой было бы сказать, что в ”Уед.” и ”Оп. л.” я стал как
распятие. Плывут облака надо мной, и я говорю: хорошо. Гнездится
мышка в корнях моих, и я говорю: милая. Гуляют вокруг меня люди:
и я говорю — ”хороши и люди”.

¹ Одно вместо другого (*лат.*).

И расту. И ничего мне не хочется.
Это "прозябание" мне безумно нравится.

А, черт возьми: ведь и растения растут "лесом", и, значит, есть "социальный элемент". У животных — стада, у растений — лес.

Не хочу! Не хочу! Не хочу! Отвращаюсь, боюсь. Пожалуйста, растения без "социал-демократии". Я оттого и предпочел быть "деревом", чтобы без социал-демократии.

Но эта жидовская мерзость, кажется, прокралась и в леса и привила им "социализм", как их врачи где-то в Одессе прививали пациентам дурную болезнь (рассказ Корыстылевой). Бегу из лесу. Хочу "один" и "монастырь".

* * *

16 ноября 1913

...да, евреи вообще не имеют *углубления* в вещи, — нашего арийского; они — скользкие. Ни — ботаники, ни — зоологии (у них в истории).

Вот отчего Мережк. и Философов, соединясь с евреями и почти что с адвокатами, потеряли глубину и интерес. Они тоже стали поверхностны, трясут кулаками, повергают "гоев" в прах, и никакого из всего этого толку.

Шум есть, мысли нет.

Вот отчего Фил. и Мер. обмелели. И мелеют все русские, и будут обмеляться все по мере вступления с ними в связь.

Мелел и Толстой-публицист (еврей).

Обмелела вся левая печать. И тут их тоже "высасывание крови". Крови и мозга...

Один крик. О, к этому они способны.

* * *

16 ноября 1913

Собирались три года и даже "Господи помилуй" с места не сдвинули.

Наговорили попам много дерзостей. Положим, по заслугам.

Были кой-какие мыслишки. Но те ничего не поняли.

(о религ.-филос. собраниях) (пью с Варей чай на вечере типографчиков "Нов. Вр." в Купеческом собрании)

* * *

Лавочники...

Парламент есть просто собрание лавочников. Людей сегодняшнего "вторника", без мысли о среде и без воспоминания о понедельник.

И когда парламент, т. е. "эти лавочники", борются с царскою властью, они борются и ненавидят именно Древность и Вечность, как отрицание их "вторника".

Я думаю, у "парламента" и Царя нет общих слов, нет одного разумения. Я думаю, Царю в высшей степени удивительно, что говорит парламент, а парламент никогда не поймет, что́ думает Царь.

Царь, "Помазанник Божий", — прямо алхимия для современного человека.

(17 ноября; за корректурой)

* * *

17 ноября

Весь наш консерватизм есть какие-то ископаемые допотопные чудища... "совершенно не приспособленные к условиям новейшего существования"... И посему вымирающие...

"Вымирающее" — Катков.

"Вымирающее" — Кон. Леонтьев.

"Вымирающее" — Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Что́ же "не вымирающее"? Владимир Набоков, Оль-д'Ор, Кондурушкин. Эти "приспособлены к условиям существования". Мелкая река и мелкая рыбка.

Боже мой, *все* мелеет. Вот ужас. Это не исторический переворот, это космологический переворот.

Христианство "в условиях нашего существования"? Да это просто — дичь. "Пьем кровь Господа И. Христа": это какая-то древняя алхимия, древнее алхимии, это Халдея и Ханаан.

(за корректурой)

Теперь — банк.

— Не хочешь ли, В. В., поступить в банк?

— Бррр...

Нет, я не хочу "условий теперешнего существования". И борюсь. Бессильно.

Но "Господь с нами". Нет, мы победим. И разведем "банки" по лицу земли. Секты, сектантство — вот что́ нужно. Запирайтесь, люди, в секты: это последние цитадельки духа. Запирайтесь в них: и откатывайтесь в сторонку.

Церковь, "Храмина Вечного", — ведь тоже опозитивела. И, м. б., *ее*-то позитивизм и идет впереди всего. Слова у нее все древние, а чувства все новые, новенькие...

* * *

17 ноября 1913

.....
...а что́, если священное ЕСТЬ просто пошлость?

Гоголевская пошлость? Нет — "пошлость пошлого человека", как сам он определил?

Что́, если он (Гог.) как чертенок утвоздится мне в шею и его уж ни скинуть, ни сбросить, а нести до могилы и в могилу?.. Что́, если Гог., заворотив рыло, засмеется мне в рыло как последняя истина?..

"Ты думал отделаться от меня, ан вот я тут с тобою"...

И этак в халате Плюшкина или самого Павла Ивановича, который ныне называется Федором Федульчем Р.?

Боже, Боже, — почему мир так полон ужасов. Ужас не в странном, а в смешном.

Ужасное есть.

А как я любил его, это есть.

(за чаем вечером)

* * *

18 ноября 1913

М. б., это к лучшему в печати ("печать — 6-я держава"), что в ней ничего не осталось, кроме "гевалта". И значение в *мысли* переходит к книге.

(ряд отличных новых книг по истории Востока и Византии в ноябре—октябре 1913 г.)

* * *

20 ноября 1913

Часть похвал, на мой "нос корабля" несущихся, мне противны донельзя, т. к. вытекают из глубокого непонимания *всей моей личности* и всего "исхода" моих писаний. Хвалят и многократно хвалили меня за то, что "в религии я почти *бунтарь*", равно "в семье" и проч. Этим бедным левым кретинам только и брезжится, кто бы "устроил скандал в нашем клубе" или "залепил пощечину властям". Между тем все это мне глубоко отвратительно и несносно. За всю жизнь ("созерцатель") я ничего так <не>ненавидел, как "ремонта", "свалки" (в квартире), "чистки комнат" — вообще, перемены, шума и нового. Старый халат и проношенные туфли — мой вечный идеал. С "дырочками" рубашка, но мягкая и тепленькая; моя любовь с детства и до могилы.

Однако почему "это старенькое" я люблю?

Тепло и удобно.

Посему же я люблю взрыв, революцию, где "неладно сшито", жмет, ломает. Когда комнаты "черт знает как устроены", "портной все изгадил". Тогда я с бешенством Обломова (который может жить эгоизмом именно в меру своей лени) вскакиваю и кричу: "Ломай все", "Жги дом".

Вот.

У меня не *теория* революции, которую я ненавижу всем своим существом, и ненавижу именно сердце революции, пафос ее, жерло ее, надежды ее... А...

— Я люблю наш старый сад, и пусть он цветет вечно.

Как ни смешно сравнение, но "старая баба Розанов" похож или, лучше сказать, вышел из "Лизы" Калитиной и ее вечного покоя и вечной мечтательности о вечном. Я бы, в сущности, ничего не менял... *в природе*. "Мой город" должен быть хорош и удобен, как "природа"... А, тогда, пожалуйста, — не меняйтесь, не меняйте! Но пришли или стоят перед носом попы со своими "правилами", которые мучат меня (не важно, я-то и "наплюю"), а ближних, которые этими "правилами" смущаются, пристыжены и "готовы" бы, но не могут и не в силах лучшую и золотую правду сердца своего согласовать с этими "правилами". Тогда я вскакиваю со своего обломовского дивана и кричу:

— Гони их в шею!! Всех гони: с длинными бородами, с седыми бородами, с длинными посохами. Пожалуйста, гони, и, пожалуйста, не рассуждай с ними, потому что это плуты, обманщики и кровопийцы.

Так что, гг. теоретики революции, моя революция поглубже вашей. У вас это — феерия, блеск и бенгальские огни. А у меня:

Дело, добро и правда.

Вот вам моя "революция из халата".

* * *

20 ноября 1913

Зашел в кухню к Наде. Поднял голову: смотрю — *три веревки* протянуты, и на всех черные чулочки детей. Прямо — "амбар чулок". Когда вместе — то кажется множество. Должно быть, — и мои носки. Иначе — откуда столько. М. б., и мамины, и Домны Васильевны, и Наташи (курсистка-жилица).

"Штопаные чулки" моих детей — мое оправдание в мире, и за них я пройду в Царство Небесное.

Это было лет 6 назад, пожалуй, — 10.

Перед мамой лежала грудка чулочков, и, подняв одну пару, мама сказала:

— Ты видишь, больше нельзя носить.

Я всегда сердился на покупку всего носильного. "Одевать" нас должен Бог и "погода". "Платье — глупости" (в сущности, необходимы квартира и еда).

Лениво я взял чулок. И что же увидел:

Большими, мягкими, как подушечка, штопками ("штопали чулки"), как пятаками или как сосисками (продолговаты), были усеяны не "пятка", не "носок", что естественно и ожидается, но самое *туловище* их, длина, около икр и выше... "Первоосновы", как говорят философы о мире, — только остаток, "по чему штопать".

Вся душа моя как засветилась и запрыгала. Я думаю — были слезы. В душе они были. Я прижал чулочек к груди:

— Вот, Варя, когда я буду умирать, положи эти или *такие точь-в-точь чулки* в гроб мой. Это оправдание моей личности и жизни.

— Не "оправдание", а лучше: это то, что я люблю и уважаю. И для *этого жил*, и для *таких жил*.

(*позвали завтракать*)

21 ноября 1913

...никто так не удалил христиан от понимания "завета" иудеев с Иеговою, как христианское духовенство, как отцы церкви и вообще церковь. Взяв "ветхий завет" в параллель своему "новому завету", где Бог связуется с человеком за *свою добродетель*, христиане начали и ветхий завет понимать и истолковывать верующим в "катехизическом смысле" и в смысле "награды за добродетель". Но это — совершенно ложно. Авраам вступил в "завет" только обрезавшись: и Богу *только это и нужно было*... Т. е. вы понимаете ли что? А если поймете, то умрете от страха. Бог его ничему не научил, ни в чем не наставлял, не сказал ни утренней, ни вечерней молитвы (по-нашему бы), не дал колокола, чтобы звонить к обедне, ни дьячка, чтобы петь "Господи помилуй".

Ничего.

Пустыня.

Ни день, ни ночь...

А только заверни кожу или отрежь ее вовсе вон, на веки вон, до скончания мира у всех "Моих"...

Посему (по отвернутой: или оторванной коже; в обрезании *часть кожи* отрывается от органа острыми ногтями моголя) Я буду узнавать "Моих" и отличать их от "не Моих", от *чужих* и мне если не враждебных, то не нужных, коих *Я не вижу*...

Вот это-то все ускользнуло от Святых христианской церкви... И на веки вечные закрыло от человечества смысл Ветхого Завета, а с ним и Библии вообще...

Которая есть вся "Сокровение Обрезания"...

И доселе:

— Что нужно, Господи, чтобы стать Твоим?

— Обрежься.

— А женщине?

— Погрузись в микву.

— А по какому катехизису выучить урок?

Молчание.

— Как исповедовать исповедание?

Пустыня.

— Какую читать молитву?

Безмолвие.

— Господи, чего же Ты хочешь?

— Обрежься.

— Что такое "обрежься"? Господи, я ничего не понимаю. Наставь.

Научи.

Ночь.

— Господи, в ночи к Тебе взываю: чего Ты хочешь?
Вдруг звезды замигали:
"Обрежься! обрежься! обрежься!.."
Все небо:
"Обрежься! обрежься!"
Выглянули серебряные рога луны, и, облизавшись языком, она мигнула что-то в сердце мне:
— Ну же!.. ну!.. обрезывайся...

(за чаем в четверг)

* * *

22 ноября

А в самом деле, "Кому на Руси жить хорошо?"

Поглаживая ярославскую бороду, он мог бы сказать: "И знаю, да никому не скажу".

И в самом деле, демократ, член английского клуба, первое журнальное лицо. И "горка кредиток" на подзеркальнике, о которой сказал сотруднику, пришедшему попросить "вперед": "Из этих, батенька, нельзя, — это для игры".

И даже в старости — любовь "Зины". Полный фараон, сочетавший кифару Первосвященника с фригийским колпаком революционера.

Величие царя и свобода "уличного побродяжки". И, главное, — любовь, любовь, лучший дар на земле. Кроме прекрасной девушки, его любили и "крестьянские дети".

Так "Кому же на Руси было жить хорошо..."

Ах, да: "Сгорела книга"...

Сгорела книга, а была...

Но он на место одной — написал две. "Мое счастье и в огне не горит".

Изумленно все смотрим, а он, погладив бородку, сказал:

— А оттого, что я даровитый.

Тупицы потупили взор.

(в толпе на Невском, прислонясь к окну магазина)

* * *

24 ноября
ЦЫЦ.

*(Что хотел бы сказать "нашим людям")
(в кинематографе: "Антоний и Клеопатра")*

* * *

Легионы опрокинули и Иерусалимский храм: неужели же их остановит дверь редакторского кабинета с надписью: "Без доклада не входить" (надпись у Н. Э. Гейнце — в "Свете"). Войдут, голубчики!.. И источат из вас кровь, как вы (Пешехонов и Кондурушкин) точили кровь Ющинского...

Источат, источат, источат...
Хочу, чтобы источили.

В кинематографе я все вспоминал, как "вопяла граждански" печать во время Японской войны. И Мережковский потирал руки (в Р.-ф. собр.): "Россия уже труп". И вся "гражданская Россия" лизала чернильными проклятыми языками путающихся в колючей проволоке солдат. "Так им и надо! Так им и надо!"

И тонули — и не вспомнили (в Петербурге).

И "Шиповничек" колол. Жидки плясали свои плясы.

Как они лезли (легионеры) на стены Александрии. Какой *изящный* рост, и раньше — этот необыкновенный по *быстроте* и красоте шаг, когда они шли по взморью.

И центурион, показывающий Антонию, *как умереть* (сам "для примера" закололся).

В чем суть легионера?

"Имя мое неведомо ("серая шинель"), и я умираю за величие Отечества. Мне не надо ни памяти, ни памятника. Я — местоимение: "он", "ты". Меня даже били, когда обучали воинскому искусству. Но я великий человек: забыв зуботычины, даже в тот самый миг не помня их, я их терпел, чтобы достигнуть великого искусства — умереть за Отечество.

И сломлю. И убью. И умру".

Вот...

Сила.

Robur¹.

Бог.

"Ломитесь, стены Александрий, Ватиканов, даже Священного Храма: потому что **Я ПРИШЕЛ**".

"Бегите, первосвященники, мудрецы, попы: ибо **Я ПРИШЕЛ**".

"Забирайте, господа, свои газеты и стишки: **Я ПРИШЕЛ**".

— Чтó такое **ТЫ**? Кто **ТЫ**? Ужасный **ТЫ**?

"Святое в откровениях земли. Я и такие же умирали без имени, в Манджурии, на Доне, в Бессарабии. Топтали земельку и били нас в морду, при неповиновении: и мы все вытерпели за честь умереть когда-нибудь за Отечество. И умерли. Не пели нам отдельных похорон, а валили в кучу — не "нас", а тела наши — ... И много таких кучек везде, по всей Руси. Где шаг "завоевания" — кучка нас. О, безымянная кучка, без славы кучка, без стихов об нас, как вы все друг друга воспевали в стихах и в прозе.

Мы "не петые".

Дрожите же вы все, бахвалишки, перед нами "не петыми". И когда вот пришли

МЫ,

¹ крепость, мощь (лат.).

будет

ПО-НАШЕМУ.

* * *

25 ноября 1913

Мне 57 л. и издал уже 15 книг, — и вообще чувствую, что "все это" (лит.) развертывается и устраивается как-то богато и благоутробно; по-светски — великолепно. Сол. (Вл.) издал при жизни только: "Критика отвлеч. начал", "Христианские основы жизни" и "Оправдание добра". Т. е., если 15 разделить на 3, — я издал *при моей жизни в пять раз больше, чем он*. И у Соловьева при жизни его ни одно сочинение 2-м изданием, у меня же довольно много 2-м изданием, и самые издания я делаю крупные (в большом количестве экземпляров).

(перед "еду к доктору"; начало склероза)

* * *

25 ноября 1913

Ни откуда с таким удовольствием не получаю гонорар, как из священной редакции "Бог. Вестн.". Сегодня за статью о Философове получил 11 р. 10 к. (а жена за час сказала: "Надо покупать у разнощика — дешевле: рябчики по 30 к.). За дураков эмигрантов получил что-то около 30 р. Все трудится Павел. Сам задыхается в рукописях, учености и не забывает слать деньги.

А ведь обратно бы ему следовало за "кое-что" в "Л. л. св.". Но пока не окупилась типография. Потом *непрерывно* вышлю. Он трудится, я дол. трудиться. Он честен, я д. б. честен.

Да: почему нравится *эта* копейка. Поповский пот. Все-таки я его люблю, хотя и ругаю вечно.

* * *

Во мне нет *ἀπειρον* ... Вот незнание этого-то понятия ученой философии и запутало моих критиков: *ἀπειρον* — значит "беспредельное", "не имеющее границ", "формы"; по-нашему бы, "туманное", "неопределенное" ... "Без убеждений" (по Струве)... Во мне есть величайший "περας", "граница", "предел", "грань" — тоже понятие ученой философии. Но их — несколько, много, почти бесчисленное множество. Но быть ограниченным "ста, тысячью", "сколько угодно" гранями вовсе не то же, что *безграницность!* В этом все и дело, вся и путаница моих критиков. Когда "Русск. Вестн." (редактор Ф. Н. Берг) напечатал мою статью "Декаденты", чуть-чуть поправил ее (опустив грубости), — я пришел в велич. волнение, вновь ее перепечатал в неисправленном виде в "Русск. Обозр." — для чего пришлось разойтись с Бергом.

Я помню, что когда в курсе алгебры перешел к "отрицательным величинам", то удивлен б. множественностью приводимых примеров. Уже давно все я понял, из первого же примера: а составитель учебника все умножал и умножал примеры; беря их из счета времени, из отмеривания движения в разные стороны и т. д., и т. д. "Зачем?" Но составитель

трудился над внедрением ученикам совершенно нового и вместе необыкновенно важного понятия и не боялся "толочься на одном месте". Поступаю и я так с понятиями, которые на первый раз "всем понятны", а при проверке оказываются "никому не известными".

* * *

...о, эти ослики Иерусалима,
о, эти ослики Иерусалима,
о, эти ослики Иерусалима —
они не дают мне покоя...

(все последние годы)

* * *

27 ноября 1913

Знакомые дорожки еврейства, выложенные червонцами, несомненно, проведены не в одну полицию и кредитную канцелярию министерства финансов, но и в цензуру; как они бесспорно проведены и в большинство редакторских кабинетов. "Трудись, Израиль, и множь золото, — и все запищат в твоей власти". Мудрость небольшая и совершенно доступная прилежным израильтянам.

(придя из балета)

* * *

28 ноября 1913

Расходившийся полицейский, который тыкает публику "в рыло"...

("критика 60-х годов" и социал-полицеймейстер Михаил Евграфович)

* * *

1913, ноябрь

Наконец, папочка нашел и себе "животное соответствующее", — как детишкам "зебру", "слона" и "жирафу". Смотрю на окно магазина (любуюсь) и шепчу:

— *Voila mon portrait, pas real, mais métaphisique et intime, et exclusivement adopté pour "Oeuvres competes de Basile Rosanow"*¹.

* * *

1 декабря 1913

Я свинья и бреду "куда нравится" без всякого согласования с нравственностью, разумом или "если бы кому-нибудь понравилось".

¹ Вот мой портрет, не настоящий, но метафизический и сущностный и чрезвычайно пригодный для "Полного собрания сочинений" Василия Розанова (фр.).

У меня всегда было желание нравиться только самому себе.
По сему существу свиньи я совершенно свободен.

* * *

2—3 декабря

Где есть квадрат, найдется и куб.

И революция en tout¹, которая есть в отношении "отечества", тоже вообще, конечно, — конечно, предательство, усиливающееся "сковырнуть во что бы то ни стало", получило себе куб предательства и задохлось в нем.

Так совершились дела от Веры Фигнер до Азефа.

* * *

2—10 декабря

— Копчушек.

Берет коробку. Развертывает. Копаются (веревочкой завязано). Открывает. Шпроты.

— Это шпроты?

— Да, шпроты.

— Так я спрашиваю у вас копчушек.

— Так что же "вы спрашиваете": шпроты не хуже копчушек.

— Да я не о том, что они "хуже", а о том, что они мне не нужны и я их не спрашивал. Дайте мне копчушек.

— Копчушек нет.

Специальная рыбная торговля. Одна рыба в лавке.

Рцы мне рассказывал, что все замки русской выделки разделяются на два сорта: каких не отопрешь и "своим ключом", потому что в нем что-то "застряло" вскоре после покупки, и которые, напротив, отпираются легко всяким ключом. Это и я заметил, и даже у меня в практике бывали такие замки, который потрясешь, стукнешь и он (дужка его) почему-то отваливается, и сундук отпирается.

Ввиду таких замков и шпротов интересно было, что гр. Д. А. Толстой даже в захолустных городках (Брянск, Белый, Сухиничи), для кой-каких туземных мещанишек, насаждал классические гимназии и крайне неохотно разрешал реальные училища. Впрочем, реальные училища, с гимназическим курсом реальных предметов, пожалуй, и не были горячо нужны. Горячо нужны были и остаются нужными низшие ремесленные училища и низшие торговые училища. Замечательно, что об этом первый догадался Александр III и приказал Делянову и Витте их заводить. Их-то, — в ведении Витте, — и ненавидел Хрущов, говоря у Берга: "Педагогические принципы! Педагогические принципы!"

¹ целиком (фр.).

* * *

2—10 декабря

Тебя покинул "твой бог", израиль: чего ты ждешь еще? — ведь 1800 лет твоей истории вдвое, если не втрое длиннее судьбы твоей от Авраама до Каиафы.

И это долголетие состоит только из банкиров, закладчиков, обмана, обирательства и побоев... и из подражательства нашим поэтам и философам. Из показной филантропии.

"Имя" израиля осталось, "сути" израиля нет.

* * *

2—10 декабря

Нет, не верна моя точка зрения на Некрасова. Я его примериваю "к себе" (тихий житель города, университетант) и взыскиваю жестоким судом. Тогда как суть его

Не гулял с кистенем
Я в дремучем лесу...

Он совсем почти даже не городской человек, а лесной, полевой. Дивные его "Коробейники" — вот суть, — тоже — крестьянские дети, охотники. Он был почти нецивилизованный человек и едва ли что серьезно читал, "прилежно" и чтобы "научиться". "Учил" его батюшка-острог да чистое поле (в переносном смысле), и "портреты со стен", смотревшие на него "укоризненно", в сущности мало его укоряли. Он и в мир литературы и даже вообще в город пришел "побродить по окраине", взяв все, что можно, отсюда, взяв картами, взяв книгами, — и опять уходя в поле, в лес, к зазнобушкам, бабенкам и девчонкам. Вот, взирая на сие, и думаешь: "А что же, не все быть в цивилизации тихим университетантам и теплым дохозяевам. Нужен и разбойник, нужна "щука, чтобы карась не дремал". Вообще тут Платон и его идея даже "порочного", которая самостоятельна.

Толстой, конечно, знавший его историю с Огаревой (взял темным образом у нее 95 000 руб.), пишет, что "Некрасов был симпатичен". Здесь эстетика есть поправка, и именно *моральная* поправка, — к морали. Без эстетической поправки с моралью легко попасть и в фарисеи, и в ханжи, — и провалить таким образом до преисподней и *мораль*. Итак, что же было у Некрасова с Огаревой:

Не гулял с кистенем
Я в дремучем лесу...

Он *отнял*, а не обобрал. Обирательные способы, обирательные методы (через интимно дружную с ним женщину) вытекли из могущества государства, из могущества города. Он — каменный, а деревня — деревянная, и не вступать же удалому охотничку в рукопашную с жандармами. "По логу — и зверь". "Где — волком, а где лисицей". "Другой раз и мышью пробежит".

* * *

Фон-Визин *пытался* быть западником в "Недоросле" и — славянофилом в "Бригадире". Но не вышло ни того, ни другого. Побывав в Париже и "само собою — русский дворянин", он не был очень образован. Он был скорее не учителем, а дитею — екатерининских времен, еще очень грубых.

Комедии его, конечно, остроумны и для своего времени были гениальны. Погодин верно сказал, что "Недоросль" надо целиком перепечатывать в курсе русской истории XVIII века. Без "Недоросля" — она не понятна, не красочна. Но в глубине вещей весь вообще Фон-Визин поверхностен, груб и, в сущности, не понимает ни того, что любит, ни того, что отрицает. Влияние его было разительно, прекрасно для современников и губительно потом. Поверхностные умы схватились за его формулы, славянофилы за "Вральмана", западники и очень скоро нигилисты за "Часослов", и под сим благовидным предлогом русская лень не хотела западных наук и пересмеяла свое богослужение, свои молитвы. От "Почитаем из "Часослова", Митрофанушка" идет "жезаны" и "жемажоху" Щедрина, и все лакейское оползание русского духа, которое побороть был бессилён образованнейший слой: Рачинский (С. А.), Одоевский, Киреевский.

(10 декабря. 30-летье Цв.)

* * *

11 декабря 1913

Сидит темный паук в каждом, гадкий, серый.

Это паук "я".

И сосет силы, время.

Тяжело дышать с ним.

Но не отходит. Тут.

И раздавил бы его. Не попадает под ногу.

Этот паук "я" в я.

И нет сил избавиться. Верно, умрем с ним.

Пробудимся на том свете "в жизнь бесконечную": а паук *тут*.

И видишь не Бога, а паука.

И услышан будет голос: ты смотрел на паука на земле, смотри и теперь.

И я буду вечно видеть паука.

Этот паук "я" в я.

(3 ч. ночи. Разбирая письма Перцова. Судьба самолюбцев.
Не могу отделаться от "я") (11 декабря 1913 г.)

* * *

Есть ли я "великий писатель"?

Да.

Почему?

Это не есть "ум", "талант", "хорошее сердце" и даже "добропорядочный путь". Как я уже говорил, "великий писатель" — в кончиках пальцев, и, след., это есть что-то "особенное", а не какое-нибудь "качест-

во" или "преимущество". И поэтому "великий писатель" есть не претензия, а определение. И, поднимая вопрос о нем в себе, я не впадаю в нескромность.

Итак, я думаю, что "великий писатель" во мне есть потому, — что я не знаю ничего в себе, что не ложилось бы "в литературу". Так. обр., у других людей человек "живет", "думает", творит, имеет быт, умеет красиво ходить, красиво есть, удачно одевается, строит себе дом, наживает себе имущество и проч., и проч. Воюет, дипломатничает, бывает "царем". Бывает "учителем", "философом". Офицером, полководцем. И, смотря вслед ему, говорят: "Какое шествование".

Шествование. Биография. Жизнь.

Поразительно, что, написав столько по философии, я никогда, в сущности, не размышлял. "А как же?" (спросит читатель). — Садился и писал, когда бывал в "философском настроении". Это, — "философское настроение", как и лирическое настроение, сатирическое настроение, — всегда было счастливо (я всю жизнь прожил в радости). Признак счастья в груди всегда выражался у меня в одном: сесть за письменный стол. Оттого я и записывал "на подошве туфли" или в "в.....", пот. что не знаешь, когда будешь счастлив. Все места моих записей (*где*) совершенно точны. Итак, едва я *сел* и перо в руках, как мысли (чувства, идеи, слова) льются, льются, пока не прекращу и встану, "позвали к обеду" и "вошли в комнату". Это, и притом *это одно*, я и называю "великой словесностью" или "великим писательством". При этом "написанное мною" не есть и не обязано быть "умно" или "добродетельно", — есть и должно быть прекрасно в себе самом, "как написанное" и верно или точно в отношении души моей, быть "верной собакой души". И "написанное мною" есть действительно "верная собака души", и оно прекрасно. Почему "прекрасно"-то? Легко и естественно легло на бумагу; и правдиво. Только. Оно может быть "не истинно", м. б. "вредно", дурно. Это вне литературы, т. е. вопрос этот затрагивает другие области жизни, другие категории бытия, "пользу", "политику" и проч. Для "литературы" есть "литература", т. е. прекрасное слово. "Это ваши *неуклюжести-то?*" (скажут). Да. Ведь если *неуклюжа* душа, то "правдивое зеркало" и должно быть неуклюже; если душа крива, безумна, прекрасна — то обязанность "слова" такою и дать ее. И "мои сочинения", конечно, есть "моя душа", рыжая, распухлая, негодная, лукавая и гениальная.

— "Гениальная"? Почему?

— Потому что "гением" уже во всемирной панораме именуется какое-нибудь и чего-нибудь "завершение", окончательная точка. "Конец" и, м. б., "смерть". Вот это "конец" и, м. б., "смерть", — конец и, м. б., смерть литературы, литературности, я чувствую в себе. Я недаром говорил о *глубокой скорби* быть литератором, и, когда "б. литератором" (с удачею) всех радует, — меня это (конечно, сквозь точки сияния, моя "вечная радость") томит томлением до того ужасным, черным, что я не умею сравнить. При безумной жажде жизни, именно *жизни*, я ведь не живу и нисколько не жил, а только "писал". Но, оставляя в стороне "самого" и возвращаясь к теме "великого писателя", я и думаю, что вообще не рождалось еще человека, у которого *сполна все его лицо* перешло бы в "литературу", сполна все бытие улеглось бы в "литературу". Читатель видит, до чего это не есть "качество", а просто "есть". Мы

называем "великим развратником" Дон-Жуана, потому что он только "совокупляется" и "обольщает", "великим математиком" Ньютона, п. ч. он всю жизнь "исчислял бесконечное", и "великим мыслителем" Канта, п. ч. он всю жизнь "философствовал"; или "святым" и "отшельником" называем Симеона Столпника, п. ч. "он всю жизнь простоял на столбе"; и так точно "Розанов" есть "великий писатель", п. ч. "вся его жизнь" и вся его "личность" перешла, естественно и неодолимо для него самого, в "написанное им". Другие писали — для политики. Еще другие — для религии; еще были: чтобы "написать поэму", "стихи". Я же, в сущности, "ни для чего писал", "для себя писал" с неотделимым всегда впечатлением, что это "прекрасно и правдиво", "есть" и "должно быть написано". "Долг" в отношении литературы я чувствовал, и этот один "долг" и был у меня, щипал меня. Я чувствовал себя "грешным", когда "не пишу", и, по правде, таких грехов у меня не было — я вечно писал. "Прочесть Розанова" (всего), я думаю, никогда никто не сможет: п. ч. ведь это надо читать его жизнь: п. ч. я всю жизнь писал, никогда не марая и не поправляя (кроме двух неудачных сочинений, когда я "пытался", "устраивал сочинения"). Замечательно, однако, что это не было мурчание струны, а "являлись и мысли". Откуда они-то являлись? Не понимаю. Мне приходилось встречать людей, которые запоминали мои статьи по их мысли. Да и внутренне чувствую, что есть мысли важные ("Сумерки просвещения"). Но оставляю этот вопрос, о "чем наполнена музыка", и возвращаюсь к музыке.

Это и есть существо. Не одни "пальцы", а еще ухо. В этом секрет. Я помню до гимназии экстатические состояния, когда я почти плакал, слыша эту откуда-то доносившуюся музыку и которой объективно не было, а она была в моей душе. С нею или, лучше сказать, в ней что-то вливалось в душу, и одновременно с тем, как ухо слышало музыку, мне хотелось произносить слова, и в слова "откуда-то" входила мысль, мысли, бесчисленный их рой, "тут" же родившийся, рождавшийся, прилетавший, умиравший или, вернее (как птицы), исчезающий в небе: п. ч. через час я не мог вспомнить ни мыслей, ни формы, т. е. самих в точности слов (всегда неотделимо, "вместе"). Это и образовало "постоянное писание", которое никаким напряжением не могло быть достигнуто. К тому же я никогда не "напрягался" и не "старался", а действительно всегда б. ленив ("Обломов"). Хорошо. Так вот все так вышло от Бога. И по этому качеству ("вечно обольщающий Дон-Жуан") я и считаю себя "великим писателем". Я знал свой "столп", и на этот "столп" (музыка, ухо) никто еще не встанет. И у всех "литература" была "для чего-нибудь", у меня же "литература в литературе", или другие "привходили в литературу" — неся достойнейшее, чем у меня, — как во что-то вне себя, как в "гости" и в "гостиницу". Моя же литература и даже (что-то брезжит в уме) литература вообще в своем рождении и существе есть "мой дом", в который я никогда не "приходил", но тут жил всегда и д. б. беспамятно родился.

Я и люблю его.

И ненавижу.

И счастлив им.

И от него вся чернь души и жизни.

(12 декабря 1913 г., преодолевая послеобеденный сон)

* * *

15 декабря

Где "мое" кончается — кончается история.
Нельзя ничего понять не "мое".

∞

За "мое" — мифы, предположения, догадки, страхи. "Не нужно",
"закрой глаза". Бука.

* * *

16 декабря 1913

Только душу мою я сторожил.
Мира я не сторожил.

(в казначействе перед решеткой)
(пенсия 49 р. в месяц)

* * *

17 декабря 1913

Конечно, тайный иудей сказался в Мер. Как легко он выговорил ("Рел.-фил. собр.", Бейлис): "Россия лежит у себя самой в доме *трупом*". Этого не сказал все-таки ни Философов, ни Анна Павловна. Почему же он сказал. П. ч. Россия ему не родная. И уже давно, всегда чувствовалось, и в 1903—1904 гг., что Россия ему чужая.

В тайне души он не выносит России: от этого, как кончились "заседания", литература и проч. (в апреле), он "в вагон" и за границу.

"Вези меня, Зина, подальше от этой вони". И везет, бедного, — эту "иностранную поклажу", — чуть не в багажном вагоне за границу. Лучше бы среди своих коробочек и картонок, длинных чулок и всякой "парфюмерии". *Que se que le Mer.? Ce la chose de parfumerie...*¹

В то же время вот за 13 лет, что я его знаю, он не сказал ни одного порицания евреям. Беспорочный народ? Но у них это *общий метод* — не проронить слова дурного о "священном народе".

И банки, и все — не порицаемо.

И сосут нашу кровь — не порицаемо.

Однажды он мне сказал проникновенно (он редко, но иногда так говорит):

— Влад. Соловьев, умирая, молился за евреев.

Конечно, за "отмену у них черты оседлости".

Мер. сказал это как конфиденциальное сообщение. Я смутился. Это было особенное (в тоне).

И все они таковы. До России им дела нет. Втайне они ее ненавидят или во всяком случае вполне равнодушны. От этого и Флексер (Вольнс-

¹ Что такое Мер.? Это предмет парфюмерии... (фр.).

кий) так равнодушно напал на "шестидесятников", которые нам все-таки родные; и Айхенвальд — на Белинского, по которому мы "все учились". И напали не преждевременно, а "вовремя", когда зуб получил укус и когда лев был "слишком мертв", чтобы ответить биющему. Это благоразумное и вовремя нападение — чисто еврейское. Еврей без "подготовленной почвы" не решится на крупный шаг, — ни в торговле, ни в литературе. Также и Г. "поет славянофилам", когда стало безопасно петь.

И все это — равнодушно. "Это не безрассудные русские, которые ломают себе шею".

Но в равнодушии — и слабость. Увы, "сваривает металлы" только сильное пламя. Евреи завладели русской литературой, но они не "сварились" с нею. Они — господа, но этих господ ненавидят (втайне и презирают, даже "Кондурушкин". Я слышал разговоры: везде перед евреями страх, но ни одного о них теплого слова, даже левых).

Русские равнодушны к евреям (кроме "милого друга", у меня — Стоппнер, у Веры — Маруся). К *массе* их равнодушны, "за пределом своего дома", вне личных и поименных отношений.

Еврей, т. обр., *не просочился* отнюдь в русских. И внешний теперешний захват, очевидно, временен.

Это хорошо. И эту "черту" разделения и сопротивления должно удерживать. Дело Бейлиса имело громадные последствия, — и именно тем, что русские были здесь поражены. Это "торжество евреев" открыло всем глаза. Множество людей — пусть безмолвно — испугались за Россию. Увидели угрозу будущности России. Во время Бейлиса "черта оседлости" была как бы снята: они точно хлынули всею массою в Россию; все увидели, что они всем владеют, деньгами, силою, властью; прессою, словом; почти судом и государством. Пережили ужас. И этот ужас чувствовался в каждом доме (домашние из-за евреев ссоры, споры). До Бейлиса не было "вопроса об еврее": вопрос был решен в их пользу, и бесповоротно. "Только одно правительство задерживало, но оно косно и зло". После "дела Бейлиса", когда увидели, что оно сильнее самого правительства и что правительство не может с ним справиться, несмотря на явность правды (Андрюша, очевидно, ими убит), — когда они вывезли с триумфом своего "Бейлиса" и наградили его покупкой имения в Америке, а г. Виленский тоже выехал за границу: все увидели, что "сплоченное еврейство" куда могучее правительства "в разброде", спорящего и вздорящего. И поняли, что правительство одно "кое-что еще защищает" и кое в чем "сдерживает" евреев, "общество" же — положительная труха.

Вот отчего, если бы "дело Бейлиса" было нами выиграно, "еще более угнетенная нация" пошла бы гигантскими шагами к триумфу и победе.

Теперь ее дело "застряло".

Она, несомненно, почувствует громадный отпор в молчаливых русских душах.

И отдаленно и ноуменально: Христос еще раз победил, после того как они "еще распяли"...

И, по-видимому, это судьба и будущность: евреи тем более будут всякий раз проваливаться, чем они еще раз будут "распинать"...

Именно, именно в торжестве их — провал, поражение и слабость. Так в Апокалипсисе и сказано о "победе" тех, которые "претерпели"...

Будем "терпеть"...

18 декабря 1913

"Не пришли к Суворину" (в юбилей) очевидно составило какую-то конспирацию, и были "уговоры не прийти": ибо не только тогда кричали во всей печати: "Мы не пришли", но, когда я издал его письма и сказал, что "он не обиделся", никто не поверил, а все стали уверять, что "ему было очень больно".

Но уверяю, что больно не было. Это я знаю, как "свой человек там". Но отчего? Об этом я размышлял.

"Не пришли" все те, которые были чем-нибудь обязаны Суворину.

Естественно, "не пришел" Амфитеатров, забравший шесть тысяч аванса, вышедший из газеты и даже не сказавший "уплачу", и не уплативший, и несмотря на успехи "России", т. е. уже начавший загребать деньги¹.

Столь же странно было бы сказать старику: "Здравствуй" — Мережковскому, коего даром объявления в "Нов. Пути" печатал Суворин. И свидания с коим столько раз он (Мер.) просил через меня. Но я, зная, что ничего не выйдет, и зная взгляд старика на Мер., уклонялся исполнить просьбу друга.

Стыдливые истины.

И "не пришел" никто из студентов и молодежи, за которых, по письмам, не видя их в лицо, "распоряжением на контору" уплачивал Суворин (плата за учение, — так помощь).

Милый, прелестный старик. Как чту я твою память. Она вся благородная. И как понятно, что тебе "не пожал руку" в 70 лет неблагородный век.

И что ты остался спокоен и после этого продолжая делать добро людям, которых никогда даже в лицо не видал.

∞

∞

∞

А Изгоев, как черная собака, писал о нем сейчас после "†": "сын безграмотной попадьи и битого фухтелями николаевского солдата".

Об этом Изгоеве говорил Столпнер: "Он никогда при разговоре не смотрит в глаза вам". Это я заметил тоже, раз видел его у Вергежской. Всегда потупит глаза.

Судя по словам в одной его статье (в "Р. М."), "нет хуже окаянства, как давать сведения кой-куда", я думаю: уж не дает ли он этих "сведений". Боль сказывания имела что-то личное. И тогда понятен вечно потупленный взор.

(за занятиями)

¹ Случайный рассказ об этом конторщицы "Н. Вр.". Сам С. об этом никогда не говорил.

18 декабря 1913

Говорят, вечна одна *истина*, и только она.

И вечна одна добродетель. И тоже только она.

С такой надеждой можно бы жить, и ради этого стоило бы осуществлять в себе и истину и добродетель. "Стать их Личардой верным", как выражается Смердяков.

Но ведь этого нет.

Напротив, "истина" — это мелькание.

И добродетель "там где-то"...

Перед глазами именно *не истина* и именно *не добродетель*. Постоянно. Самое устойчивое именно ложь, и самое устойчивое именно безобразие.

Попробуйте-ка постарайтесь "утвердить истину". Ноги сломаются. Грудь задохнется. Упадешь. И все-таки "истину увидишь только в спину уходящую за горизонт". И только отрада, что, умирая, мотаешь головой ей в спину: "Вот она! уходит! бегите за ней".

А "утвердить ложь" ничего не стоит. Да нечего и утверждать: стоит столбом и никуда не валится.

То же и добродетель: "ничего нет скучнее и монотоннее".

Так что Платон, сказавший, что "истины суть *идеи*" и что "они вечны", а ложь есть призрак, — не ошибся ли глубочайшим образом? Счастливый оптимизм, должно быть сказанный в счастливую эпоху "семи мудрецов". Эти "семь мудрецов" перекликались друг с другом своими "истинами", не замечая, что никто на них не обращает внимание и что самих "мудрецов" замариновали в спирт и выставили в Кунст-камере "для обучения юношества". — "Вот какие бывают в истории чудаки".

Ну, так что же?

Ложь. Безобразие. — Что вы этим хотите сказать?

Ничего. А только очень скучно жить.

Не от этого ли я "не принимаю участия в жизни".

И "отвалился в сторону в канавку".

Не только от этого. Но отчасти и от этого. Мое глубокое убеждение, что *интереса жить* — очень мало.

Тогда не переменить ли все в себе и вокруг себя и сказать о лжи и безобразии: "Вот *боги наши!*" — "*Новые боги!!*"

Будет плакать душа.

О, она будет очень плакать, эта душа.

Суть мира, что он забыл о своей душе.

(оторвавшись от других занятий)

* * *

18 декабря

Корректные люди...

Они не нарушают никакого закона; напротив, они напоминают другим о законе.

Всю жизнь они трудолюбивы, и их доходы покрывают их потребности.

Никому не должны. С какой же стати они будут произносить: "И остави нам долги наши".

В каком бы то ни было смысле. Позвольте, с какой стати он пойдет и начнет "исповедоваться попу". Да ему и рассказать нечего.

"Жил правильно и исполнял все свои обязанности. И напоминал другим об их обязанностях".

Любить? Но он никого не любил, кроме своей жены. Т. е. не вступал в связь ни с какой другой женщиной, кроме своей жены.

О чем же говорить К. Арсеньеву с Богом? О чем говорить тому, кто 40 лет "стоял на посту чести".

Они правы перед землей и небом, как древние фарисеи, и до христианства им дела нет, а язычество они "отвечали на экзамене, когда их спрашивали: "мифы".

— Вот история Тезея...

— Вот различие Парнаса и Олимпа...

Эти-то лучшие и, признаться, первые (очевидно!) люди нашего времени и покончили с религией...

И Чернышевский ведь был первым учеником в Саратовской семинарии.

И Добролюбов был любимое дитя в благообразной протоиерейской семье.

Первые. Лучшие. Благообразные. Без упрека и греха.

Немного тупые. Но такую неуловимую формою тупости, которую не могли заметить ни они сами, ни окружающие их.

Как не могли заметить тени около себя, сколько ни оглядывались древние фарисеи.

(вагон)

* * *

19 декабря

Не знаю, как *теперь*, — но до 1904—1905 г., когда я писал много *передовиц* в "Нов. Вр." и вообще теснее стоял к средоточию газеты и, так сказать, к ее гражданскому и общерусскому делу, — я чувствовал ее отношение к другим газетам. Было впечатление, как бы этих других газет *не было*. "Нов. Вр." *терроризировало* все другие газеты, притом не замечая вовсе их, не замечая своего до известной степени ужасного дела. Суть этого "террора", не замечаемого вовсе редакцией "Н. Вр.", заключалась в том, что голос всех других газет — притом довольно читаемых — был до того *глух* в России, до того на них всех, кроме одного "Нов. Вр.", не обращал никто внимания, — не считались с ними, не отвечали

им, не боялись их ругани и угроз и, увы, не радовались их похвалам и одобрениям, как бы они все печатались на "гектографе" и вообще домашним способом, "еще рукописно" и "до Гуттенберга", как ученические школьные журнальчики. Было что-то малолетнее и никому не нужное в них. Между тем пописывали (там) и профессора. И вот эти тоже "профессора", голос которых в самом "Мин. нар. просвещ." не обращал на себя никакого внимания, если они не печатались на столбцах "Нов. Вр.", — чувствуя полное свое бессилие сказать что-нибудь *громко* без связи с "Нов. Вр.", — и это *года*, и *долгие* года, накалились таким бешенством против "Нов. Вр.", какое вообще не имеет параллелей себе иначе как разве в классическом и библейском мире, в ярости Медеи, оставленной Тезеем, или Соломона, остриженного Далилой. На *много* лет, на *десятки* лет, — "Нов. Вр." сделало неслышным ничей голос, кроме своего. Шперк, который понимал практические дела как-то лучше и яснее моего, говаривал: "Пока я не буду печататься в "Нов. Вр.", я считаю, что я вообще *нигде не печатаюсь*" ("Отчего?" — спрашивал я мысленно, удивляясь, и понял только через годы). Отсюда напомним мне это недавние слова П. П. Перцова: "Когда была напечатана первая статья моя (П. П. П.) в "Нов. Вр.", в пору "Нового Пути", — то Дим. Серг. (Мережковский) сказал мне (тогда — друзья до неразъединимости): "Вот и отлично, Петр Петрович, что вы прошли в "Новое Время", — за вами и я пройду". Отсюда бешеные порывы, — до слез каких-то, пройти в "Нов. Вр.", Рцы. При этом все, и Рцы, и Мережковский, и кой-кто еще, ругали "Нов. Вр." и видели (не все истинно, но кой-кто и истинно) его дефекты. "Ругают", а "только бы пройти сюда". Один из старых членов редакции мне сказал как-то (с 1/2 года назад): "О, В. В., — вы не знаете, *какие лица* просились к нам, присылали статьи. Но мы отказывали, видя, что *тускло написано*". Таким образом, "вся литература побывала тут", но... "много званых, а мало избранных". В этом и секрет бешенства, и притом единственный секрет. Вся почти литература просилась: а вы понимаете, что значит обида "не быть принятым", — понести рукопись, свернутую в трубочку, назад, к себе, домой. "Не приняли. Не нужно". Когда по настояниям М. М. Федорова я ездил раза 3—4 к Александру Ник. Веселовскому попросить статью к Пушкинскому юбилею в "Литер. прибавл. к "Торгово-Пром. газете", он, все обещая и все не исполняя (оттого и был 4 раза), все почему-то говорил о "Нов. Вр.", в чем-то когда-то его обидевшем. В *чем* и *когда* — я не мог понять. Веселовский был европейская величина, и "что́ бы ему считаться". Но он годы не мог забыть, и было видно, что он сердился. Семенов-Тяньшанский (академик, географ) печатается, — иногда мелким шрифтом (шрифт всегда по усмотрению редактора) и, очевидно, "с удовольствием". Да и *как* иначе: все читают, все внимают, вся Россия слушает каждое мое слово, всякую мою мысль. За "таким делом" побежит всякий, и академик, и герой войны. Это "открытие книгопечатания". Теперь: не будь бы "Нов. Вр.", — *их* всех "слушали бы", ибо не было бы неравенства и преимущественности. "Нов. Вр.", достигнув (черт знает какими путями) колоссальной преимущественности, как бы всех "их", всю печать — спустила в какой-то погреб небытия, к качествам "гектографа" и писания *для себя*. "Ты, Рцы, гениальный человек. Так думаешь, и мы не оспариваем. Но тебя никто *не видит* и *не слышит*... Мы, положим,

и дураки сравнительно с тобой, но наши разговоры вся Россия слушает, интересуется ими и о них, в свою очередь, разговаривает". Это почти "безумное" положение вещей, может быть, почти "преступное", — коего как-то сумел достигнуть старик Суворин, и оно спокойно держится, без всякого потрясения, и теперь, — действительно удивительно, и может быть, не бывало в мире печати. При этом нужно иметь в виду изумительную распущенность и халатность в самой редакции, в ее "кабинетах", проистекающую из полной уверенности, что "все так и останется". Я никогда не видал, чтобы деятельность редакции была напряжена, старательна "на этот час", "на эту неделю". Мож. быть, в России многое "трясется", но в "Нов. Вр." ничего не "трясется". Вот Богачев бредет с сигарой, вот "кой-кто" не совсем трезвый. Все ругают редактора, что "не прошла моя статья", почти вслух и ему в лицо, и он курит папиросу и ничего не отвечает. Играют в шахматы. "Кажется, нигде и никаких событий не происходит". Этот полный и постоянный покой редакции проистекает из уверенности, что "с газетой ничего не случится" — одно и что "мы делаем доброе для России дело" — другое. Я много слышал со стороны: "Как отлично *держится* "Нов. Вр." (в процессе Ющинского): между тем никто "не держался", никакого напряжения не было, а только "Меньшиков писал свои статьи"; и "Розанов писал свои статьи". Евреев презирали (в редакции), как и всегда презирали, но в *это время* не презирали больше, чем во всякое другое. Мне кажется, что "великое дело "Нов. Вр-ни" (поистине великое) основывается на том, что в России рассматривали, и давно рассматривали, что это есть единственная газета собственно *русская*, не с "финляндским оттенком", не с "польским оттенком", не, особенно, с "еврейским оттенком", а своя, русская: и все нормально-русские, просто-русские, держатся ее; потому что иначе и взяв в руки другую газету, они, собственно, потеряли бы нечто в "русском в себе", а они этого — не хотят. И так как Россия с Петра Великого есть уже "западная держава" и в лице, напр., правительства нередко только перебегает от "поляков к финляндцам" и "чаще всего к жидам", вообще нередко бывает больше "инородческим правительством", чем русским: то "Нов. Вр-ни" почти постоянно приходится быть в оппозиции правительству, и оппозиционный характер его никто так хорошо не знает, как остальная печать, и это-то еще более вызывает ее бешенство. "Как смеет эта газета быть в одно и то же время оппозиционной и в то же время глубоко русскою". Потому что *все-то* другие газеты суть "оппозиция правительству" с точки зрения интересов Финляндии или интересов Польши или чаще всего с точки зрения "черты оседлости"; наконец, "оппозиция" думской партии, кадетов или октябристов; или "оппозиция" Михайловского и Щедрина и стоящей за ними "молодежи", которая никак не есть Россия, а только ученики и учебники в России. Вот "русские вообще", притом "зрелые русские", уже в *работе* сущие, живущие, домоводственные, отцы, семьянины, — все и "держатся" за "Нов. Вр.", с провалом коего они просто почувствовали бы, что "коренная Россия провалилась", что "мы все провалились", что "провалилась деловая Россия", морская, железнодорожная, сельская, фабричная, городская, земская: и осталась только "учащаяся молодежь", полузакланная (идейно) евреями. И эта фундаментальная Россия вели-

ким и сознательным упором своим не даст и не дает "провалиться" "Нов. Вр-ни".

Вот в чем дело. Вот отчего даже враги рвутся напечатать здесь "хоть несколько строк", хоть "маленькую статейку". Отчего "громилы" 1-й Думы присылали сюда потихоньку статьи; и все делая вид, что "ни за что не станут читать "Нов. Вр.", в сущности, только его одно и читают с интересом, тревогой и страхом. С тоской и злобой. С подавленной грустью, что это пишут не "они" и что, главное, не они "здесь печатаются".

Секрет полишинеля.

Как это устроил и, главное, как это *удалось* Суворину — не понимаю.

Роль его в печатном мире неизмеримо большая не только И. С. Аксакова, но неизмеримо большая и Каткова, которого правительство читало и побаивалось (ибо Государь читал его), но *общество русское не читало вовсе*. А в конце концов "печать" все-таки — "дело общества"; и "не читаемая обществом газета" тоже есть "гектограф", но "для правительства".

В "Нов. Вр." есть много удивительного. Кой-что есть даже иррациональное. "Иррациональные-то вещи и удаются". Это — так спокон веков. "Черт свистит в дудку, а люди танцуют".

Но добрый Суворин верил в Бога, и я верю, что "свистит ангел". Добрый Ангел Русской Земли.

(почему они "не пришли", эти знатные литераторы)

* * *

Да, они "не пришли", — но сидел у Суворина за обедом Сальвини. "Однако же Сальвини — не Дорошевич". Хорошо. Соглашаюсь. Приехал в Петербург герой болгарской войны (забыл фамилию) — его принимало у себя "Нов. Вр.". Наконец приехало монгольское посольство: лица видом — прямо допотопные, прямо спутники Атиллы, и *те самые*, которых победил Димитрий Донской. "Идемте, В. В., посмотреть монголов". И мы побежали. Едят апельсины. В кофтах желтых. Черт знает: целый "Розанов" каждому в рот влезет (особенно огромное, чудовищное, устройство головы и лица), и он его "проглотит" как котлету: и сидят в зале "Нов. Вр.", где, бывало, старик Суворин встречал с гостями новый год.

Всё "интересующееся Россией" и имеющее "нужду до России" входит в "Нов. Вр.", даже не интересуясь и, в сущности, не зная, что есть "Биржевка", "День" и "Русское Богатство".

Вот в чем дело. И почему Суворин был так спокоен, что к нему "не пришли".

Духовно он всю Россию имел в гостях, и это что-то большее, чем если бы он имел "в гостях" Кугеля и В. И. Немировича-Данченко, который к нему просился в корреспонденты (Японская война), но не был принят: "и дорого, и будет врать" (мотивы отказа, мной слышанные).

И он стал врать, вместе с Григорием Спиридоновичем, для московской газеты.

Я всячески жалею, что А. С. Суворин не сошелся (или не вполне сошелся) с Сытиным (И. Д.), который есть гениальный русский саморо-

док. Кое-что другое, но в том же масштабе, гений и размах, как старик Суворин. Вдвоем они могли бы монополизировать печать, — к пользе и силе России. Теперь "Рус. Слово" и главное — *сытинское книгоиздательство* — полурусское и поверхностное, в сущности — преуспевающий трактир. Могло бы быть иначе. Тут я кое-что должен был сказать Суворину. Но вот догадываюсь только теперь. Тогда социалистики совсем отлетели бы в сторону, а теперь они имеют прибежище у Сытина.

* * *

22 декабря

Всякое преобразование, однако, есть перелом. О чем-то было "да", о чем-то стало "нет".

И все тосковали люди. Плакали. Молились.

И все из "да" переходило в "нет".

Преобразовывались. Преобразовывались.

И видишь — одни щепки.

Человека и цивилизации.

Щепки и сор.

(говоря с Цветковым, откуда взялся пиджак)

* * *

Губы и сближаются с губами, и выходит поцелуй.

Длинный.

Так и говорят: "Назвался груздем, полезай в кузов".

(22 декабря 1913 г.)

* * *

23 декабря 1913

...и молоденькие, едва ли даже двухгодовалые, — совсем дети, — подбегая сзади, вскакивали на сестер старших, на матерей, тетей, двоюродных, троюродных, вероятно — бабок, — ничего не понимая и не разбирая, потому что в них играла кровь. Так красиво было смотреть, но неловко было смотреть. Старшие не обращали на них внимания, да и отгоняли пастухи. Вообще ничего не было. Но внешнее выражение "охотки" было, — такое красивое у этих чистых и еще невинных отроков, мальчиков. Детство уже прошло, они явно были мальчишки. Но и мужество еще не наступило: они были на $\frac{1}{2}$ аршина ниже нормальной лошади и на $\frac{3}{4}$ аршина короче ее. В первый раз видел именно *этот возраст* у лошадей ("подростков" в бычках часто видишь). Пока $1\frac{1}{2}$ — 2 минуты я смотрел, они непрерывно подскакивали и делали усилие вспрыгнуть: символ возбуждения был так красив, умеренно-велик и почти приближен к человеческому...

С усилием я отвел глаза (неловко).

— Их всех мы к осени выхолостим (оскопим), — сказал он (спутник мой по поездке).

— Жестокий! жестокий! жестокий! — кипела у меня буря в душе. Нет, стояла тоска.

О, заповедные мощи древности: как вы необходимы не человеку одному, но животному! Где сохраняется *virgo infanta*, "нетронутая дева" Природы — *Genitricis*¹. Где нож скопца не гуляет. Где лист с дерева не срывается. Всякий цветок расцветает и доцветает. Плодов не собирают, но они уходят в землю, и вырастает еще дерево.

И травы, деревья, козлы, овцы, лошади, коровы зачинают благословенных детей в покое, без того, чтобы человек засовывал грязные пальцы между ними.

(вспомнил Сахарну; после газет)

* * *

23 декабря

Очень это чистосердечно и глубокомысленно: два полноправных гражданина, Никифор и Алексей, отворяющие двери публике в клиническом институте Елены Павловны, сострадают профессорам "неполноценной" нации:

Якобсону — по гинекологии,
Блюменау — по нервным болезням,
Явейну (женат на еврейке, — и ассистент),
Бичунский — еврей,
Гранстрем — немец,
и директору

Долганову — хотя крещеному и якобы русскому, но происходящему от евреев.

И Кондурушкин, которого едва пускают где-нибудь писать, возлежит на груди несчастного, обездоленного Горнфельда, который его пустил "давать заметки" в "Русском Богатстве" и рекомендовал как "сносного" — "Русским Ведомостям".

И вот эти три, Никифор, Алексей и Кондурушкин, рыдают на плече у своего начальства, вопия и скрежеща зубами:

— Презренное, отсталое Русское правительство! Оно держит в полном бесправии талантливую, великодушную, благородную нацию. Оно лишило представителей этой нации самых первых, самых естественных и элементарных прав — права *свободного передвижения*, права натурального расселения. Мы, русские, со своим зоологическим национализмом, лишили их всего, лишаем света учения... О, о! о!!! ...

Явейн и Якобсон вынимают из жилетного кармана по пятиалтынному и дарят полноправным Никифору и Алексею "на чай", а Горнфельд тоже пошел было в карман, но, высунув пустую руку, "пообещал" Кондурушкину касательно его статьи, которую если подправить и отбросить конец — то она может "пойти".

Все три были очень счастливы, Алексей, Никифор и Кондурушкин. Блюменау, Якобсон и Бичунский были не так раздражены, видя, что

¹ мать-природа (*лат.*).

в России их не все не понимают, например "наш известный народный писатель Кондурушкин".

Горнфельд ощупывал в кармане серебряный рубль, который он никуда не истратил.

* * *

23 декабря

Поговоришь о евреях — и во рту какой-то неприятный вкус.

Это — серьезно, это не предрассудок и "кажется".

"Прикосновение к Священным книгам *оскверняет руки*" (многократное изречение Талмуда).

И кто "произнесет Имя" — должен после этого вымыть руки (в одной пьесе у Эфрона-Литвина: "Подайте воды и полотенце, потому что я взволнован и произнесу Святое Имя". Эфрон "готовился быть раввином" и знает эти бытовые мелочи, точнее, аксиомы религиозного Устава).

Так это и перешло даже в литературу. Я ясно чувствую "скверный привкус" самых статей об еврействе, "за" или "против", идеалистически или реалистически написанных, все равно. "Потерся об еврея — загадился". "Поговорил с евреем — самому нехорошо".

Так они пропахли, промаслились обрезанием, т. е. вот этим специфическим потом своих обрезанных частей... И говорить, думать, спорить об них — точно копать руками в халдейских юбках, штанах и каких-то грязных невыносимых тесемках, которыми они стягивают свои мужские и женские чресла.

"От чресл его вождь" и еще что-то... Мы затыкаем нос. Вот отношение.

* * *

26 декабря 1913

...да, русская армия "позорно бежала перед японцами" и "утонула в интендантских сапогах", как кричал социалист и армянин Зубаров во 2-й Госуд. Думе при радостных воплях всех левых скамей: но она может, однако, дать "по морде" всем социалистам мира, нашего и заграничного, и утопить в сортире из собственных испражнений всю "жидову", тоже нашу и заграничную. И сию добродетель свою она показала сейчас же после Японской войны, когда в Москве один — ОДИН — Семеновский гвардейский полк разбарабанил всю революцию.

Помните это, социалисты, и прячьтесь по щелям своим. Ваш удел, социалисты, не чистое поле, не панорама всемирной истории, а щель.

Щельная история и щельные люди. Вы иногда больно кусаетесь. Но из щели. И никогда щельных размеров не перерастете.

* * *

27 декабря 1913

Так сокрушается Кондурушкин о "неравноправии с собою" бедного Гессена, у которого просится напечатать хоть "что-нибудь из своего" в газете.

И негодуют гражданским чувством русские Муций и Сцевола, Философов и Мережковский, что правительство "затыкает глотку" бедным евреям черты оседлости...

Гессен, не вынимая другой руки из кармана, берет "ихнее", — и выдает ордер на кассу своей газеты, уплачивая Кондурушкину по 7 коп. со строки и Мережковскому с Философовым по 15 коп. со строки.

И несет домой Кондурушкин свои 7 коп.

Мережковский с Философовым садятся в автомобиль и увозят домой свои "по 15 копеек".

На другой день в "Речи" выходит "ихняя дрянь". Но ничего особенного от этого не происходит, и "проклятое отечество" все стоит по-прежнему.

Несносное отечество, которое ничем не разбудить.

*(vox clamantis in deserto)*¹

* * *

ХII. 1913

...словом, рабби Акиба был "Розанов I века по Р. Х.", такой же неуч, такой же гений, такой же мудрец и поэт, а "Розанов" есть "Акиба XX века", тоже "пастух и неуч", который все знает. И позволяет сейчас разболтать тайну Акибы, ибо кажется, вот "кончается все" и "ничего не надо".

(в партере театра бывшего "Коммисаржевской")

* * *

30 декабря 1913

Мудрость одиночества...

Мудрость пустыни (вокруг себя).

Вот монастырь...

Если *так* — "осанна". П. ч. это ничему чужому не мешает, ничего не ограничивает, а только выявляет свое "я". И не враждует с семьей и браком, да и вообще не есть принцип, а факт.

"Я один, и *мне хорошо*". Кто смеет возразить? Да и не таков ли я? Мне тоже враждебен шум и люди.

*(сидим с Таней возле заболевшей мамы)
(острое, поиспугавшее нас заболевание)*

* * *

30 декабря 1913

Лермонтов только нескольких месяцев не дожил до величины Байрона и Гёте...

∞

Не года, а нескольких месяцев.

¹ глас вопиющего в пустыне (*лат.*).

И мы в темах лирики (и эпоса), которые у Пушкина были благородно-личны, тогда как у Лерм. они были универсально величественны и были как-то схематичны, алгебраичны, не относясь к "я", к "XIX веку", к "русским", — но к "человеку" всех времен и народов:

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна...

Мы получили бы, Россия получила бы такое величие благородных форм духа, около которых Гоголю со своим "Чичиковым" оставалось бы только спрятаться в крысиную нору, где было его надлежащее место. Бок о бок с Лерм. Гоголь *не смел бы* творить, не сумел бы творить; наконец, "не удалось бы" и ничего не вышло. Люди 60-х годов "не пикнули" бы. Их Добролюбовых и Чернышевских после Лермонтова выволокли бы за волосы и выбросили за забор, как очевидную *гадость* и *бессмыслицу*. Неужели *смел бы* писать после Лермонтова Шелгунов? Таким образом, вот в ком лежал "заговор" против всего "потом" у нас (нигилизм).

Но значит...

Это не *случай*, а *Рок*. Ибо слишком большие вещи, суть Рок...

И все-таки проклятый выстрел Мартынова. Пусть "Рок": но орудием его был *злодей*.

* * *

— Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю.

(от Митюрникова: "Никакие Ваши книги не идут. Продажа совсем остановилась") (очевидно, в связи с "делом Бейлиса")

Что смущаешься, Розанов? Будь *красивее*. Литература — красота: и если ты будешь красивее, ты победишь.

Приляг к земле, как зверь, и ползи, и ластись. Красивую строчку пусти. И кроткие очи. Все употреби в дело. И — победи.

Ты не должен не победить. Ты не вправе не победить. За тобой кабак. Если ты не победишь, кабак разольется и затопит все.

Хитрости. Хитрости. Всего, что угодно. "Последнюю честь" брось на жертвенник. Пусть сгорит все. Но чтобы кабака не было.

Ведь, "если победишь ты", всех этих "уханцев" литературы не будет, и ставка действительно огромная, и "они" не без причины уперлись. В толстых журналах — ни одного о тебе упоминания, а "библиография" в них наиболее памятна, и по ней берут книги. Естественно. "Розанова нет", "не рождался". Вся причина тебе быть *красивее* и все-таки вырвать Победу.

Вырву ли?

Не знаю.

Вырву. Через много лет, но вырву.

И похороните не вы меня, а я вас.

Чувствую. Чувствую.

"Не читают", и все-таки я чувствую Победу.

Она в мозгу моем. Она в костях моих. Она в дыхании моем: я дышу сильнее, чем вы, и передышу вас.

Не задохнусь. Не воображайте.

Со мной Бог. А с вами нет ничего ("нигилизм").

Вы мне куετε судьбу, как Страхову ("не читают"), но страховской судьбы из меня не будет. Я хитрее его, и я талантливее его. Он камень, я звезда. Он, м. б., благородный камень, а я подлая звезда. Все равно. Меня увидят и меня сохранят.

Мое имя никогда не будет забыто, а с именем — *и мысли*. "Розанов сказал", "Розанов хотел", "Розанов пытался".

Если мой ум и не будет помниться (м. б., и не стоит) — мой *порыв* будет помниться. История "моего сердца" не пройдет в литературе русской: а сердце-то я и хотел сохранить, для сердца я работал.

"Мое дорогое!" "Мое дорогое!" — вот что сохранится. Не "мое истинное", чего, м. б., и нет. Но "мое дорогое" как зверь проползет из поколения в поколение и все будет поднимать глазки, и эти глазки будут ворожить сердца людей.

"Вот Розанов чего хотел", "сделаем, как Розанов хотел".

Ползи же, зверь мой, дальше. Ползи, не уставай. И нашептывай людям дорогие слова.

Будь хитер и терпелив. Идет дождь. Терпи. Горит "твое" — терпи. Все выноси. И грызи, грызи кабак и его вонючий запах.

Смотри, он затянул все.

Увяли розы. Меркнут звезды. Могучий *tabes*¹ разливается по миру. *Tabes* — знаешь ли ты его? О, как трудна болезнь. Как страшна она. Сохнет душа.

Только чудо может спасти.

Розанов, будь чудом своей земли. И моли Бога, моли Бога, потому что ты *сам* ничего не можешь, но если Бог *с тобою* — чудо выйдет.

Бог с тобою, Розанов. Не смущайся. Кто дал жизнь миру, может исцелить и неисцелимую болезнь.

Болезнь будет исцелена.

(все же на этот год придется отложить печатание "Оп. л.": 8000 долгу в типографию. Больше нельзя. Может семья погибнуть) (к этому относится мое: "терпение")

* * *

Почему фараоны хоронились не при основании пирамид?

Хороним ли мы усопшего, мы кладем его на *дно* могилы. Это так естественно: прийти и положить, принести на плечах — и *положить*. Во всяком случае *положить*... Пирамида — гробница, могила фараона: в таком случае естественно было бы, что тело фараона будет положено в *основании* пирамиды, и она — *воздвигается* над *ним* как его "мав-

¹ разложение, тяжелая болезнь (*лат.*).

золей”, ну — храм посмертный. Но и в мавзолее тело кладется — *на дно*, на *пол*, *невысоко* над полом, если оно помещено в особую ”раку”. Так, в храме св. Петра в Риме есть усыпальница Ап. Петра: пол храма идет ровно: затем сделано в нем большое *углубление*, туда сходит папа и служит службу Апостолу, читает молитву перед его прахом. Но и в сем случае папа *спускается вниз*.

У египтян единственно приходилось подыматься от дна пирамиды — вверх, почти до половины ее... Половина пирамиды: это страшно высоко! Ведь пирамида — почти гора! Это есть каменный огромный холм, — и вот нужно было дойти почти до половины его, чтобы найти маленькую комнатку, где находится, живет, существует, казалось бы, ”уснувший фараон”.

В обычном костюме, правда, — нарядном костюме египтянина, ”по всей форме”, я нахожу разрешение пирамиды.

Тело фараона положено на ”такой мере в отношении вершины и основания”, на какой мере от середины головы и подошвы ног положены необыкновенные, исключительные украшения египтянина, — и мистического ”переносного” значения.

Почему все египтяне это думали — постигнуть невозможно. Я могу только сообщить факт, который слышал и при слышании тоже ”содрогался от страха”, что в случаях казни через повешение преступников — наблюдалось, что эта часть у них становится ”как изобразили у умершего египтянина”. Слова эти я слышал от В. Т. Б-ина, который их сказал секретно, очевидно, тоже от кого-то узнал, м. б. медика. Но во всяком случае это можно проверить расспросами. Рассказывавший мне объяснял, что вследствие задушения кровь не попадает более в мозг; через то тело переполняется кровью и явление вызывается, правдоподобно, к жизни этим.

Но у египтян в основе лежало не это, а следующие их засвидетельствованные верования, что ”всякий умерший становится Озирисом”. В ”Книге мертвых” так и надписывалось: ”Умерший Озирис (имя рек) и т. д.”. Вот это их мнение, м. б., основано на наблюдениях над умирающими. Мы этого не знаем. Но их мнение, что ”умерший есть Озирис”, совершенно выражает приведенные рисунки, где все — ”прах”, но ”очистилось” — восстало.

Если так, то всякая ли пирамида (как великая постель) есть собственно храм Озириса: причем очень естественно, что фараон клался в пирамиде именно на ту самую высоту и вообще ”в той пропорции от макушки до подошвы”, где ”озирианская часть находилась у живого”.

Пирамида в сем случае становится совершенно понятною: это храм Вечного, каков им стал бранный человек после своей кажущейся смерти.

Если они были так важны: то ведь как радостна должна была быть мысль для того и как постарался ее запечатлеть ”великими храмами”: что смерть есть не смерть, а начало Вечной Жизни.

Прежде всего здесь висит треугольник, и это так странно вместо ожидаемого или нужного фартука, т. е. приблизительного четырехугольника, что нужно сделать усилие, чтобы не представить себе Δ , который составляет сторону пирамиды. ”4 фартучка египетские” — и пирамида готова. Ведь никем не разгадано и то, почему в могилу взята именно

пирамида. Но если бы мы могли понять, зачем и по каким "соображениям и тенденциям" египтянка носила треугольные фартуки, мы приблизились бы и к пониманию, почему выстраивались именно "пирамиды". Суть ее вовсе не в том, чтобы оканчиваться острою верхушкой. Суть в том, чтобы стороны были — треугольники.

Зачем эта лесенка: что́ она? Какое-то "восхождение", п. ч. по лестнице "подымаются". Или — нисхождение. Во всяком случае движение не по горизонтальной, а по вертикальной линии. Будет ли это "восхождение на небо" или "нисхождение в ад" — представления лестницы не избежать.

Но вот странные, неизъяснимые рисунки "скончавшихся египтян", которые изумительно каким образом не были переданы никогда в "истории египтян", хотя с первого же взгляда очевидно, что тут выражено нечто, что нам никогда не приходило на ум и что составляет какую-то специальную мысль за 1 и 3000 лет до Р. Х., и одного юного Египта. Как "такую специальность" было не отметить?

Вот все варианты этого, какие я зарисовал в атласах ученых экспедиций. А я поспешил, конечно, зарисовать все.

Везде — он "умер" и его оплакивают: но не только не умерла, но восстала к жизни та часть, какая у живого часто дремлет, большей частью дремлет; и которую живой прикрывает таинственным Δ . Он не прикрывал себя сзади, п. ч. сзади она прикрыта его телом. А с боков: именно потому, что "уснувшая" эта часть не видна.

ЗАПИСИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЙ ТЕКСТ "САХАРНЫ"

22.1

Да не будет наслаждения "с женщиною" — будет наслаждение в одиночку.
Т. е. онанизм.

И алкоголизм, и особенно *зов к нему* есть просто онанизм и зов к онанизму.
(любомудрам вроде А. Храповицкого)

* * *

Май/начало июня 1913

Удивительно, что русского писателя русские писатели и не представляют иначе как что он, конечно, ненавидит Россию, не уважает Царя, презирает правительство и только временно сдерживается, что не делает явного "выступления". Но "внутренний образ мыслей его", конечно, "благонамерен", т. е. самый красивый.

И когда он просто есть русский писатель, даже без всего "правого" в себе, — на него накидываются как на чему-то изменника. Чему и почему?

Это даже не столько трагично, только водевильно. Этот водевиль был разыгран с Чеховым. Но не удалось.

* * *

Да, конечно, если бы я почувствовал хоть каплю внутренне, про себя, молча в ночи (ненапечатанной) правды в эмигрантах и любви их к России, я на руках их принес бы в Россию и поцеловал бы руки им.

Но не верю этому, не верю! не верю!

Лжецы, крикуны, хвастуны (больше всего), тщеславцы.

Великие грешники самой поганой формой греха — самолюбием.

"МЫ".

И на таких я поднял палку. "Не надо пускать в Россию".

(4 июня; получив обратно от Фл. статью Философова из "Речи", со словами: "Такой газеты я никогда не видал и не знаю и, конечно, не буду возражать")

* * *

Я мог бы любить литературу не как выражение России, п. ч. можно выражать и ее пьянство, и ее безумие, и что же тут любить.

А как плоть ее благородства и величия.

И ненавижу, п. ч. ее нет (т. е. нет такой литературы).

* * *

Ведь Александр Боржиа "был правильно рукоположен"...

(отречение Булатовича и других, — с угрозой всей Московской компании. 21 мая 1913 г.)

* * *

Один чиновник рассказывал о "сих старцах", что они дремлют в заседании. Дремлют от старости, темноты и равнодушия. Он повел рукой, рассказывая (как "махнул"): "Один велел поставить у ног чашку. И вот, когда мокрота соберется к горлу, он открывал слезливые, скверные глаза и отвратительно по-мужичьи откашливался — выплевывал в чашку слюну или мокроту. Сделав это, — он опять закрывал глаза и погружался в спинку важного кресла".

Не знаю, чего "решения" этих господ стоят; и важные "постановления". Мне кажется, нужно *уклониться* от сих исторических обстоятельств. Переломить их невозможно, "убедить" их нельзя потому, что они все спят. Антон, которого (по тому же рассказу) П. не называл иначе как Антошка, и взял "палку", — "рано встав" и назвав себя "капралом". Ну и пусть машет и колотит. Приходится поклониться: и просто *делать в истории свое дело*. ДЕЛО ИСТИННОЕ — никогда не пройдет. Верьте сказанному: "Ни *тайная* молитва, ни *тайное* добро — у Бога не будут забыты".

Верьте, друзья, Богу: и все спасется. А сейчас — наклонитесь. Делать нечего — и пусть метет ветер, куда метет.

Он только ветер...

(друзьям Н-ву, Цв-у и Фл-у. 21 июня 1913 г., после "отречения")

* * *

Мне очень легко быть "стойким" в литературе: за исключением тех двух-трех умов, которых я встретил умнее (интереснее) себя, — и на этом я твердо настаиваю, — но которые не имеют никакого "признания", вся "признанная" литература мне (серьезно) представляется гораздо ниже меня стоящею, ниже *по объему, по содержательности*. По количеству и важности высказанных мыслей (идей).

Отчего же мне не стоять твердо? Очень пугает. Человек, а несть пыль. Я все-таки человек, — ну плохой, ну иногда глуповатый. Но ведь бесспорно же, что "трясущиеся животишки" только пыль.

И я пою свою песню, как птица поутру, которую слушает только заря.

И заря хороша.

И я хорош.

Хотя бы только "воробей".

(22 мая 1913; думая о "Сумерках просвещения")

* * *

Теперешний социализм точно пьяный рвется к успеху.

Признак неуспеха и безуспешности.

Рубакин печатает под *отвлеченным именем* "Среди книг" социал-демократическое руководство по устройству библиотек, библиотечек, по преимуществу маленьких, фабричных, сельских и т. д. "Попадется в руки учителю народной школы, и он *по мне* устроит при школе маленькую и невинную социал-демократическую читальню для крестьянских детей". И замечательно: в предисловии и вообще во вводных статьях он пишет о "беспристрастии" и "объективности" при выборе книг, при составлении библиотечек и при своем "написании сей книги".

Что сказали бы о патере-иезуите, который проводил бы римскую папистическую тенденцию под обложкою книги с позитивистским заглавием? Написал бы "Карл Фохт и его физиология", а в книжке написал бы: "Нужно у Рамполлы целовать ручку".

К такому обману прибегают социалисты. Конечно, это — пьянство пьяного, который рвется "отомстить".

Рубакин мне противен по следующему. Это социал-демократ, "за рабочих". Но мне носил корректуры от Вайсберга (типография) молодой человек, лет 19—18, — удивительно благородного идеального лица. Без бороды и чуть-чуть усики. Юноша, что-то вечно юношественное. Такие лица попадаются в простонародьи, — изредка. Точно "господское" лицо, ничего мужичьего (т. е. грубого и плутоватого, типа "питерщика"). Раз спешу к Вайсбергу (на извощике) и вижу: идет он по тротуару и читает. Потом спросил. Он ответил:

— Далеко, и я всегда читаю корректуры.

Вот искание света. Он задыхался. У него, ясно, была чахотка.

Я всегда давал и всегда считал неприличным не дать за принос корректуры — 25—30—40 копеек. Обыкновенно два по 15 коп. (30 к.). Всегда улыбнется и кивнет головою. Такой милый. И говорю раз, ему:

— Трудно ходить. Но если весь день, то вы порядочно получите (т. е. можете существовать на это, — холостой).

— Нет, — ответил он тихо, — ведь дают очень редко.

— Как???!!!

"Писатели, — подумал, — профессора, ученые". Он помолчал и добавил:

— Я постоянно ношу корректуры к господину Рубакину. Но он никогда ничего не дает.

Я был уверен, что хоть "гривенник" уже безусловно *все*: ведь дают же швейцару за подавку пальто и в кухмистерской подававшему обед. А тут — ходит 3—4 улицы, час времени. И спросил о гривеннике.

— Нет, — ответил он. — Ничего.

Вот этот-то рассказ и поразил меня, и с того времени я так возненавидел этого гнилого демократа. Что же это такое за ужас. "Как распределить книги по социал-демократии", и посвятил книгу "своей мамочке". Приходит рабочий, для него (Рубакина) трудился: и хоть бы он гривенник ему вынес.

Что же это за ужас и где *граница между добром и злом*? "Бог отделил свет от тьмы": а тут его вновь смешали, и всякий Плюшкин, спрятав в карман свой чепчик, одел на голову красный фригийский колпак. Мое выступление против социал-демократов на этом единственно, собственно, и основывается, что ни единая теперь партия, ни один класс не имеет столько *поддельных физиономий*, накладных волос, фальшивых бород и "плаща с плеча Гарибальди", как именно социал-демократия. Если бы социалисты были почутче, они бы ручки у меня расцеловали за вытаскивание за волосы из их тела этих гнилых червей: но в том и дело, что в журналах, газетах, на митингах давно шумят, пишут, говорят, клянутся и взывают эти социал-демократические черви, живущие в гробу

ПОКОЙНИКА.

* * *

Евгения Ивановна, подойдя к столу и вся улыбаясь своей бесконечной улыбкой, сказала мне:

— Нужен купол над всем, — над ровной местностью, над храмом. Скучно ехать деревнями и селами и все время не видеть этого поднимающегося где-то на пробегаемом горизонте купола.

— И купол небес над страной.

В самом деле... Я ахнул. И договорил в себе:

"Так, люди, не бегите *власти*, не бегите *авторитета*, не бегите *значительности* над собою. Лишь бы это не было "хмурое, дождливое, отвратительное" небо. Но и спорьте против дождя, а не то чтобы отрицать самое небо.

* * *

В лени — почти метафизический корень Православия. Корея называлась до прихода проклятых японцев "Страною утренней тишины и спокойствия" (тузем-

ное самоназвание). Вот Православие и есть вера такого "утреннего спокойствия и чистоты". Так что, пожалуй, Корея была "православнее самих русских". Только у нас скорее "вечерний покой".

Оттого и Никон, и Петр, бурные и страстные, "вперед" и упорные, — показались "такими Антихристами". — "Что-то *небывалое*". И Православная Русь начала "креститься" и "испужалась".

Как Столпнер (при понимании ценности идей Страхова) равнодушен был, что он "не идет" (не читается). А когда я жаловался ему, что новенькие еврейские писатели печатают свои знаменитые "шаржи" и "вещи" разом (*одновременно*) в 2, иногда в 3 газетах, конечно, *сразу с двух газет получая гонорары*, и дивился этой новинке, он *защитил*:

— Ну, что же, отчего же не печататься? Я не понимаю.

И вот я с тех пор тоже "не понимаю", зачем эти господа и в таком разом количестве пришли в русскую литературу.

Да, великие сокровища Греции попали в *бездарные русские руки*.

Этих скверных болотных людей, без воображения, без сердца, без живости. Вот в чем дело. И, может быть, только в этом дело.

Греция определила: "Когда женщина родила, то пусть сейчас придет священник и наречет имя новорожденному. И женщине говорит молитву и два слова поддержки и утешения".

Хорошо. Благо. Что же *русские*? Разинули рот и повторили. Но это *Греция повторенная*, а вы, *русские*? сами?

— Что "сами"? — спрашивает идиот.

— Да *сами*-то бы что-нибудь сказали? от *себя*? Ведь 1000 лет живете? Эй, Щукин, эй, еп. Михаил (старообрядческий), эй, Дроздов, Альбов?

Разинули рот, молчат.

— Сами? Для чё?

— Да "для того", что те имели сердце и принесли свое, и вы имеете же сердце и принесли бы свое. Ведь принесли "мирру", "ладан" и "золото" мудрецы Востока Спасителю, а не принесли все три 1) ладан, 2) еще ладан и 3) в-третьих, ладан. Вот красота! В богатстве, разнообразии и полноте.

— Боимся согрешить.

— Да чего вы боитесь, если будет любовь, если принесете то же, что и Греция, а не "ладан, ладан и ладан".

— Что же например?

— Да вот 1) чтобы и девочку новорожденную вносили в алтарь, как и мальчиков. Раз пример ("во Христе бо Иисусе, — сказал Ап. Павел, — несть мужеск и женск пол"). 2) Непременное повеление, чтобы женщина перед разрешением от бремени, месяце на 8-м, исповедовалась и причащалась.

— Этот обычай есть.

— Так "обычай", а не ваше "церковное правило". И вы бы поддержали прекрасный *начавший слагаться* обычай — правилом. Написали же "Правила духовных консисторий". Это — поважнее.

— Правила консистория написала. Заботимся. Доходы.

— То-то "доходы"; кажется, в них *primus movens*¹ северного движения. Где же ваше почитание женского существа, женского материнства... Вот коврики богатым под ноги выстелаете: отчего бы беременным не выстелать коврика? Отчего бы возле стены, на небольшом возвышении, со приступочкою, не устроить им особого места, поставив там скамеечку, — чтобы могли оне отдохнуть, чтобы их не толкали, чтобы могли оне видеть все богослужение. Не большое дело, но внимание церкви к беременным было бы сделано. Ба! ба! ба! Да самое главное — ввели бы со строгостью и непременноостью ваших "постных дней" правило — *именно церковное правило, ненарушимое для мужиков*, — по коему роженица обязана непременно восемь дней оставаться в постели. Тогда крестьяне, "которые постных дней не нарушают", не решились бы нарушить и этого "церковного правила" и не выгоняли бы тогда на тяжелую полевую работу своих рожаящих жен на 4, 5, 6-й, а иногда даже на 3-й день: о чем со слезами рассказы я слышал от старух, матерей этих рожениц ("муж-от прогнал мою дочь на работу, а она слаба здоровьем").

— Верно была нужда — и послал. *Мы* тут при чем?

— Но "ради нужды" даже в страдное время, когда хлеб может погибнуть в поле, ваших "праздников" не нарушают. И постных дней тоже не нарушают "ради нужды". И если бы *восемь дней* крестьянки *по церковному правилу* оставались в постели, то сколько бы здоровья сохранилось народу русскому. Патриоты... не патриоты вы, а вшивые головы и искириоты. Только где рублем пахнет — бежите, а без серебряного рубля вас ни к какому доброму делу не подвигнешь.

Византия вылила золотой образ.

А Россия сделала для него только осиноый киот.

Приведу-ка, кстати, я письмо о петербургском духовенстве, мною года два назад полученное.

* * *

"Мало учат в церковной школе. Только Евангелие. Это что? Даже не читают простых сочинений" (критика сегодняшняя и публицистика).

Между тем секрет образования заключается еще более в том, *чего не читать*, нежели в том, что читать. И церковная школа *на одном Евангелии* потому-то и велика, и культурна, что — "на одном". В "одном" весь и секрет, *единственным* и спасаешься. Проповедовать, что важно... Растворите хоть Евангелие в современной литературе — и получится кислотина, получится расстройство желудка, гастрит, тошнота. Важность школы невероятно возвышается, что 1) и сегодня, 2) и завтра, и 3) через год все *ОДНО*, о чем признано народами и веками, всемирным умом и всемирным вкусом, что важнее и лучше этого вообще в книгах и в написанном ничего нет. Все наши семинарии испорчены тем, что "размешено, что в них сделана уступка переливающейся через край и церкви, и школы грязи. Ну и затопило... превратив в "кабак" (Победоносцев). Не спорю, и очевидно, что великим умам надо идти и "за" Евангелие, к комментариям, к наукам. Но *обыкновенному* и *простому* уму надо тщательно беречь *одно*, и ни с чем не смешивая, не соединяя. Наш "литой из бронзы" народ, с его великолепными лицами, и характерами, и пословицами etc., и произошел из того, что ни мало ни много десять веков за незнанием грамоты он на обедне слушал исключительно величайшие слова, величайшие песнопения, что-то высшее и лучшее Пушкина; слушал и *знал* только серьезное, только о Небе, Ангелах, о Святых людях и привык смотреть как на "персть" и "грязь" не только на современные книжонки, но и на "дрязги в своей деревне", на свары и соперничество с писарем, на недостатки попа. Церковь, и действительно одна церковь и безграмотность (нет

¹ первопричина (*лат.*).

”разбавки”), дала народу величайшее воспитание и величайшую науку, какой не дали бы ваши Кембридж и Оксфорд. Ибо там все-таки ”в Дарвина” заглядывают: а здесь

одно

и это одно

лучшее.

* * *

...Да что́ такое Ст...ь, этот эстетический Ст-ь, с его умом и диалектикой?

В конце концов мелкий фактор еврейских успехов в обществе, в литературе, в шуме ”сегодня”...

Как я любил его и как долго. И какой обман...

∞

О Страхове он сказал, почти одобряя (вытянул губы): ”Ну, что же, если *его не читают*. Если он *скучен*...”

Да. Зато не ”скучен” ”Шиповник”, пропагандируемый Горнфельдом, и еврей Вейнингер, которому сделали ”шум” еврейские всесветные журналисты.

Из этого я заключил, что ”Ст-ь” и ”истина” друг с другом не знакомы.

∞

Несмотря на его вечную неумытость и ужасную грязь под ногтями, это был *один из самых красивых* (духовно, биографически) людей, каких я встретил за всю жизнь. И таким он вырисовывался в уме моем с первой минуты, как я увидел его, в 1/2 обыкновенного человеческого роста (чрезвычайно, неестественно маленький) *идушим тихо к кафедре* (в Рел.-фил. собр.). Сидевший около меня Бердяев сказал:

— Ст-ь, социал-демократ.

Я ничего особенного не ждал.

Но он заговорил. *Все и всегда*, что он говорил, было так *лично* — умно (не из книг), говорило о такой долгой мысли у себя дома, о такой длинной духовной биографии...

И я его полюбил. Теперь любовь кончилась.

∞

Я называл его (мысленно) ”из великих голов еврейства”. Он мне между прочим сказал (неохотно, как выдавая иудейскую тайну), что ”по общему поверью евреев, *на субботу* дается каждому еврею *добавочная душа*”, т. е., пояснил он: ”Еврей имеет в субботу две души”.

Свою и?..

Еще ”дыхание Элогима”?..

И другое: при браке у евреев совокупление происходит, конечно, в первую ночь, но *по закону* муж (”познав” жену) ”*двое суток воздерживается от совокупления*”.

Как глубоко и мудро: ”переход в женщину” всячески, а между прочим и анатомически, так потрясает невинную девушку, что, конечно, ей надо дать покой ”прийти в себя”.

* * *

Как эти негодяи уничтожили Хрусталева-Носаря! Кажется, — радикал, кажется, — социалист. Ненавидит русское правительство. Всего довольно, чтобы заслужить медаль первой степени. Но он стал *отделяться* от евреев, — говоря,

что революция есть все-таки *русская революция* и что она служит по преимуществу *русскому рабочему*. Тогда эти 95% евреев, о которых он проговорился в конце письма или, вернее, выдал с мукою этот секрет "русской политической эмиграции", запутали его в какие-то три украденные рубашки и подаренные или отданные в заклад часы и вышвырнули вон, всего измазанного в грязи. Как Рутенберг не просто (руками рабочих) задушил Гапона, а в воспоминаниях (напечатаны в книге "За стенами охранного отделения", — заграничной печати) говорит, что его, чистого ангела революции, Гапон все звал для переговоров в какое-то кафе, "потому что там много женщин и пахнет женскими телами". Мертвый Гапон уже не мог сказать, что он этого не говорил, а благородный еврей Рутенберг не постеснялся это сказать об усопшем друге; сказать это *вне всякой политики*, а чтобы уничтожить всякое сочувствие Гапону у таких людей, как Верочка Фигнер и Герман Лопатин. После "женского тела" и Верочка и Герман должны были благословить благословенного Рутенберга. Как "Речь" о Хрусталева тоже сказала: "Он — *мелкий, грязный и ничтожный человек*, иначе не запутался бы именно в рубашках и часах..."

.....

И когда революция начнет вообще одолевать (надеемся, однако, что этого *никогда не будет*, несмотря на помощь Философова), то евреи сбросят маску "сочувствия русскому народу", какую пока носят, и "примыкания к русскому литературно-освободительному движению", начиная с декабристов, Белинского и Добролюбова, и быстро и энергично передуют, как Гапона и Хрусталева (и также революционно-корректно), *всю русскую часть революции, всех собственно русских вождей революции*, и в "ворота взятой крепости" войдут, конечно, одни! — войдут с криками: "Радуйся, русский народ, — мы даровали тебе свободу!" — "Благодари нас и *поклонись нам!*" "Завтра начнется счастье..." Но сегодня еще надо доделать маленькое дело: додушить эту полицию на местах, этих мелких исправничешек и земских начальников из дворян и на место их поставить брюнетов из студентов, с фамилиями (к тому времени) русскими, и даже крещеных... Куда ни шло, подделка уже совершилась, и еврей идет по всем дорогам, крестясь обеими руками, по-православному, по-католически, по-лютерански! Эти "темные студентики" станут инструкторами около земли, "ангелами хранителями" рабочих около фабрик и вообще везде "радетелями и заступниками". Русский народ только кричи: "Осанна!" Гапоны и Хрусталева давно перевешаны, Верочка и Герман давно перемерли. Только жив бессмертный Гессен, да у него будет Столпнер инструктором, который так "чист" и ему "ничего не нужно". Но *главное* — ему не нужно русских. Их и нет почти, одно быдло, темное, не умеющее сосчитать до ста. В счете еврей поможет, Столпнер бескорыстно поможет. "Вот и Винавер". Тут вдруг неожиданно и непредвиденно Винавер и Столпнер поймут друг друга. Они начнут отлично оба считать, и вообще русских они не отяготят грамотой. Тут будет полная гармония между еврейским и русским духом. Школа (для русских) будет очень облегченная, да и в той талантливые еврей-педагоги ни к чему не будут принуждать по-прежнему ленивых русских учеников, как и ни в чем мешать проявлению свободной природы. Даже не будут особенно рекомендовать причесываться и стыдиться насекомых — и тут традиция Благосветлова и "Современника" будет сохранена как "священный" завет. Для студентов и старших гимназистов будут подаваться, как в "Что делать", зимние санки, и юноши и девы будут кататься в каникулы, петь песни другого тона, чем теперь, — да и вообще будут любиться, будут жениться, будут устраивать "половые коллективы" и вообще масленицу, во вкусе Бакунина. Все будет весело, счастливо, и русские вполне отдохнут "после такого тяжелого режима прежде". Но, предоставив русским устраиваться по Бакунину, сами евреи, "так, ради традиции и из уважения к своему простонародью", которое очень упорно и его скоро не переменишь, — будут устраиваться все по-прежнему, по Моисею. И в то время как у русских будет так же мало детей, как у Фигнер и у Перовской, у Желябова

и у Кибальчича, у евреев детей будет столько, сколько у Винавера и у Гессена. "Черта", конечно, снята, "инструкторы" — везде евреи, "педагоги" — евреи, "чиновники" — которых теперь заменили "конторщики" и "распорядители работ" — евреи: ибо само "государство" превратилось в "обширную экономию" по "принципам нашего гениального Маркса", у которого учились ваши Плеханов и Кропоткин.

* * *

Маркс и Лассаль производили Прудону обрезание и благополучно окончили. Прудон в это время обеими руками делал сам какую-то гадость, которую нельзя назвать. Когда они ушли, то на земле осталось что-то мокрое, белое и красное и вонючее.

Это мокрое называется социализмом.

На востоке жили свиньи. Увидя грязное и мокрое, они немедленно поспешили на это место и стали тут купаться и лизаться. Впереди всех бежал Герцен, затем "их множество", а поладила всех "она". Так произошла русская революция.

(Азбука социальных "наук")

* * *

Есть что-то хлыстовское в иудейской субботе.

И замороженность их своими "субботками" такая же, как у хлыстов радениями.

Нужно обратить внимание на следующее: "Если — возможно, то несколько дворов соседних пусть соединяются в одно (в одну клетку? как-то архитектурно связываются?) на субботу".

И "Гостя ждут" евреи, как хлысты ждут, что "Сам накатит", придет "Гость дорогой", "Батюшка родной"...

Во всяком случае, их субботы не имеют *ничего общего* ни с одним из наших праздников. Ничего с ними *сходного*.

Суббота еврейская есть обрезание в действии.

Через субботу обрезание проявляется. Ноумен переходит в действие.

∞

И посмотрите: ведь они все друг к другу относятся с этим *осязательно-нежным*, как "братцы" и "сестрички" у хлыстов.

(на синеньком конверте)

* * *

...на месте души у него кривая палка: и так поучает "сема и овамо" о правде, справедливости, морали и народе.

(журналистика Гофштетера)

* * *

...если духовенство настаивает и будет продолжать настаивать, что оно, *пока есть*, — не отречется от сущего им исповедуемого учения о браке, т. е. что единственной его санкцией, "освещением, оправданием и фундаментом признания" самою церковью, государством и людьми, — является повенчанность в церкви священником, —

а прочие все деторождения есть блуд и церковь не перестанет так именовать их,

то, со своей стороны, что бы я ни писал и ни говорил в минуты душевной слабости и проч., и проч.,

я остаюсь, умираю, дышу, кровообращаюсь и проч., и проч. совершенно — вне церкви.

И на:

— Наплевать на тебя.

Отвечаю:

— Мне тоже наплевать.

Это мое

последнее.

И пусть мои друзья Цв. и Фл. и не полагаются на то "мяконькое", что я скажу в минуту моей слабости, напр. умирая, ибо моя мысль — это

последняя.

А т. к., конечно, "сомы не повторяются" и вообще "пузо в жемчуге" и доходы, слава Богу, большие, то, кажется, и теперь можно сказать, что моя слабость в "Уед." была мнимою.

Задыхался. Нечего делать. Но "задыхающийся" вообще часто не может сказать, сколько 2×2 .

Сомы не ворочаются. В сомах вообще нечего искать религии, молитвы, утешения. Все это лишь *по форме есть*, а по существу все умерло.

* * *

"Мы — *такие же* люди, и *nihil humanum a me alienum puto*¹, — говорят Столпнер, Слоним и Эфрос.

— Да. Но у вас *особенные таланты*: ведь все банки крупные, за исключением разве 2—3, суть банки еврейские; да посчитайте, сколько сидит евреев и в 2—3 "русских банках", вроде Волжско-Камского. Что за особенное призвание? В местечке Резине, не больше русского обыкновенного села, я насчитал *три банка* ("Резинское кредитное товарищество" и еще два, названия не помню), тогда как ни в едином русском селе я не видал ни одного банка *самих сельчан*. А банк через кредит захватывает экономику страны, поддерживает одного промышленника и торговца, топит другого; помните, бросился под поезд Алчевский, воротила Харьковского коммерческого банка. Он бросился (я расспрашивал) потому, что управляющий Кредитною канцеляриею (поляк) отказался его в трудную минуту "поддержать кредитом". Кредитные учреждения и банки вообще "поддерживают" и иногда "не поддерживают", — и тогда приходится давиться. Банки, сосредоточенные в еврейских руках, т. е. золото страны, сосредоточенное у евреев, и дает им возможность "давать дышать" или "давить" русских... Ну, и уж, конечно, "давить", если кто решается поднять голос против этого задушения страны. Вот это бы объяснили многоумный Столпнер, "космополитка" Эфрос и Горнфельд с тросточкой; а "любитель народа" Короленко полюбопытствовал бы об этом у Горнфельда.

А то все Столпнер читает лекции "о Христе". Нам "о Христе" не нужно, а нужно о банках.

И Минский распинается "о мэонизме". Но нам и о мэонизме не интересно.

* * *

Из писателей нашего направления (православных) мне первому удалось добиться читаемости (книги расходятся). Это — *первый* раз за историю литературы, за XIX век. Киреевский, изданный Кошелевым, — "лежал", и я купил его (студентом) на распродаже у букиниста; Леонтьев раздавал книги свои "из рук"

¹ ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

(письмо ко мне Говорухи-Отрока) десятками, прося получивших "уже раздавать далее" — "тому, кто заинтересовался бы". Зато Анатолий Каменский с "Ледой" выходит сразу в 3 изданиях, Вербицкая строит 2-й каменный дом, Леон. Андреев живет в замке, и Алексей Толстой с кормежкой проституток во время акта устрицами ("посвящено жене") — уже "знаменитый русский писатель". Да: Хомяков, Кон. Аксаков, Ив. С. Аксаков при своей жизни вовсе не были изданы, а изданные много лет спустя после смерти — "лежат". Я пришел в этот кабак... зная, что почти умру, но и с яростью бороться сколько есть сил, бороться ослиной челюстью, бороться плетью, бороться нежностью, интимностью, теплотой, и чуть-чуть я считал (но для этого никогда не подбавлял; все "подбавления" глубоко и далеко задуманы) тут и порнографию. Все рассчитывал: и вот с 1891 года ("Место христианства в истории") мои раскупаются в год на 3000 (мне), а с процентом (35%) Митюрникову, значит, в год моих книг продается на 4500 рублей, и издания стали возможны!! И я через 22 года, *перейдя из славянофилов*, — могу, как комар над львом, трубить: "Победа! победа!" Это не ум, но поистине дьявольское упрямство и терпение. Нет, Розанов бывает и энергичный, хотя "всегда спит". Но я сплю и все *неспящее время одушевленно тружусь*. Победа! Победа! В кабак наконец внесен образ: и как проститутки ни беснуются, тихая свечка светится и светится. И не погасить вам ее...

Так что если "друг" болен из-за этого же (недосмотрел), пусть и ее великое страдание вошло в эту победу. Все 20 лет я видел ее молитву и слова: "Вася, я чувствую Бога около себя", не раз наворачивались слезы. Победа, победа... это не моя и не ее: но через нас Бог дал победу лучшему русскому течению (мысли, чувств).

(12 июня. За корректурой 53-го письма Страхова)

* * *

Печаль современного писателя — что он живет и пишет среди *циничного общества*. В котором *лица* (индивидуумы прекрасные), конечно, есть, но масса его — безголова, пуста и есть именно "масса", а не "лицо".

На "копейке" это всего виднее. История цен на мои книги, — не очень высокая, но и не низкая, — это целая история, притом история *души*, полная драматичности и интереса. Я как в старое время пытался, "размазывая половой вопрос", раздражить Рачинского и вызвать к свету, к объявлению его настоящие мысли о деторождении (скопческие, жизнеубивающие), так через борьбу же давать читателю дешевых книг — пробую "на алмаз" (стекольщики, "вставлять стекла"), из стекла или из кремня или из алмаза составлена душа общества.

Из простого стекла.

Прочел в "Оп. л." 342 стр. (о христианстве и язычестве), 351-ю (о верности человеку), 322-ю (о любви). Всех — строк 16. Пусть остальное вздор и пустота: но эти строк 16 *вполне новы для читателя* (п. ч. впервые сказаны в литературе) по содержанию и форме: форма — краткая и прекрасная, мысль — всем нужная, всех утешающая.

И я подумал...

Нет, я сравнил с эту зиму полученным билетом на "подражательные Дункан танцы" какой-то "своей школы" в Петербурге, где была перечеркнута (билет "пригласительный", — "посмотреть") чернилами напечатанная

ЦЕНА 10 руб.

да за марку что-то копеек 20, итого 10 р. 20 коп.; место — кресло 3-го или 4-го ряда.

10 рублей. Значит, средние места (зала на Моховой в здании школы Тенешевой, — культурный небольшой театр) 5 рублей и ближе к заду — рубля 3. Но берем, начиная с "3": это будет почти вся зала, которая и в середине, и спереди *была вся полна*.

Никто не жаловался, и ни печатно, ни устно не заявляли, что "цена дорога".
Теперь я не решаюсь покупать икру: зернистая — свыше 5 руб. фунт, а паюсная фунт — ниже 2 р. 80 коп. нельзя купить. Изредка покупаю только для больной.

Вино — нет бутылки ниже 2 руб. И покупают, опять не жалуясь.

Мне были и печатно, и в письмах (немного) заявления, что "дорого назначаете цены книгам". — "За "Русскую церковь" (NB в великолепном издании) вы берете 40 коп., когда там только 32 страницы".

40 копеек! Но "Русская церковь", которую пришлось перепечатать по суду (и оттого она удорожилась), *совершенно нова по 2—3 страницам о церкви греческой и нашей, нашей и сектантской и по основным вопросам церкви!*

Итак, из 32 страниц допустим *1 страница совершенно нова для русского читателя*. И вообще в каждой моей книге, — допуская при плохом ее общем составе, — есть 1 страница или строк *16 совершенно новых в русской литературе*.

И это вообще знают, это "признано", *есть*. И читатель, покупая, знает, что покупает, положим, за "2 р. 50 к." *строк 16 новых и неожиданных для себя*.

Новая мысль!!

Ну, представим, в составе "Пословиц русского народа", собранных Далем, появилась, т. е. к ним найдена

новая поговорка: вот 4 строчки. То ведь это есть приобретение русской литературы; нет — русского духа. Есть "еще дальнейшая страница Карамзина".

То же — новая молитва.

То же — новая песня.

"Новая мысль" и "новых 16 строк" в книге, но действительно *новых* и для какого бы то ни было читателя, самого ученого, — *неожиданных*, есть то, что в общем порядке вещей должно бы заставить сбежаться все *образованное общество*, — с восклицанием:

— Еще песню мы слышали!

— Воробей поет на дворе: да не как все: *это новый воробей*, должно быть, прилетел из Австралии: голос другой, тон другой.

Дети в саду:

— Мама! *Новая бабочка прилетела!!!*

На такую радость кто не прибежит? Кто с *человеческой душой*, которая хочет *нового*, *тоскует* в старых песнях и все томится, жаждающая чего-то услышать, чего не слышала, но что есть...

И вот я притаился — жду.

И слышу:

— Ах, если бы это новый улов икры?

— Или мадера от Дебрэ...

— А то это всего "новая мысль"...

— Если бы это разрез сбоку и видны бедра без трико. А это о "дружбе" и "бессмертии".

И окрик:

— Как вы смеете назначать 2 р. 50 к. за книгу, где всего 4 строки о дружбе и 16 о любви; всего *20 строк*, ну, соглашаемся, хороших.

20 новых строк хороших. Боже, но во что оценить новую бабочку? *Нет состояния*, на которое бы ее оценить, ибо "состояние" приобретается, а бабочка сотворена и никакими деньгами ее нельзя сотворить...

Новая мысль... всего 16 строк, есть такая радость миру, такое сокровище людей, что, если бы они понимали существо свое и вообще бессмертное существо человеческое, и вообще смысл истории, трагедию истории, — они сходились бы и плакали около "новых 16 строк", как дети плачут, найдя потерянную мать, и юноша, встречая невесту... "Новых 16 строк", когда под закоптелым небом и на уставшей рождающей Земле "нового" вообще ничего не появляется и планета наша похожа на черную старуху, которая сидит... не видит... не думает... и груди ее обуглились и иссохли.

.....
.....
.....

Ах, люди икры и Депрэ, — оставьте меня с "вашим чтением"... Мне и одному хорошо. Ей-ей, очень хорошо.

Мне, и мамочке, и детям, и немногим верным друзьям.

*(да и как же мне не быть "хорошо", когда я могу еще
рождать, и книги мои — семя мое)*

* * *

Куда же я пойду (пошел бы) от Церкви? Неужели к этим "опять"-зулусам-позитивистам, к этим сантиментальным людоедам в Париже и Женеве?

Смотрите, как они сострадательны: не хотели тогда обидеть ближнего на 1 р. 70 коп. Это когда под Москвой взрывали царский поезд. Они соединили проволоки для взрыва, и не их вина, что что-то не вышло и поезд уцелел, взрыва не произошло. Но они 1/2 года копали для взрыва, и в мысли и ожиданиях их, — нет, в их уверенности и требовании, поезд должен был взорваться и в части своей разбиться, скатившись с насыпи. И вот, соединяя проволоки, — они бежали, тут и Вера Фигнер, и Желябов, и еще несколько. Конечно, "ученый" Кибальчич. Но, убегая и в таком волнении или ожидании, они не забыли похвастаться "любовью к ближнему" и "состраданием к бедным" и положили 1 р. 70 коп. на прилавок за молоко соседей или где-то поблизости крестьянке. "К чаю" (молоко). Они знали, что дом немедленно будет обыскан, и все бумажонки причтены к "вещественным доказательствам", и счет за молоко с уплотненным долгом в 1 р. 70 коп. немедленно выплывет в печать, передастся по телеграфу за границу и не останется не упомянутым ни в одной из их хвастливых самоисторий.

И, действительно, упомянули их и прославили честность в 1 р. 70 коп. Этих искириотов.

Ибо каким надо было быть искириотом или в случае "веры в свою честность" — каким медным лбом, чтобы не понять, что, когда сотням людей будут ломаться кости, тут воистину уже не до 1 р. 70 коп. людям. И та баба, которой они уплачивали 1 р. 70 коп., — конечно, в смятении и крови (поезд крушился) забыла бы о молоке, о долге и никак тоже не оценила бы их замечательной корректности в уплате 1 р. 70 коп.

Нет, не *ее* они жалели, эту бабу с 1 р. 70 коп., и стояло в уме их, что "узнает Россия и заграница", что они "не захотели огорчить бедную женщину пропажей 1 р. 70 коп.". "Вот как мы любим народ".

Сколько же нужно было иметь лютости этим негодьям, этим хлороформированным душам, чтобы, готовя гибель сотням людей, не забыть похвастаться на 1 р. 70 коп.

Но тут провал идет шире и глубже: когда этим людоедам удалось загрызть старого бессильного Царя на Екатерининском канале, вдруг выскочили **Они Два**, "первые знаменитости", — Лев Толстой имел наглость писать — кому же? — **Сыну убитого** — чтобы этих волков "покормили лапшой", — нет, сделали через гувернера милым детям выговор за шалость и простили, "потому что, конечно же, они честные люди". И о том же позволил себе сделать выкрик на публичной лекции Влад. Соловьев в лицо сидевшим в стульях перед ним офицерам.

Тут почти невероятное добродушие нашего правительства. Конечно, ни единый из нас, частных людей, будь он в положении и власти Государя, не снес бы подобного (меднолобого) наглого обращения к себе, и Толстой никогда бы не выехал из своей деревни, а Соловьев навсегда был бы выброшен за Эйдаукен.

Но испуг ли, доброта ли, неизвестно что: правительство наше все простило и не вменило ни во что этого "пластыря из присыпки битого стекла" на кровоточащую рану.

И вот, куда же пойти? К этим социологам? И остаемся с Церковью.

Хотя...

Сегодня сообщение, 20-летняя девушка, "войдя быстро в уборную вокзала, заперлась там и сейчас разрешилась от бремени. Задушила рожденное дитя и бросила в раковину: а когда он не протиснулся туда — открыла кран, и вода, наполнив раковину, затем полилась по полу, вылилась за дверь, и встревоженные служители вокзала и жандарм сломали дверь. Когда вошли в уборную, то увидели несчастную лежащую от чрезмерного испуга и растерянности в обмороке".

Это — сопоставить с попом в Сахарне, который всех ушедших от бесчеловечных мужей жен и всех девушек, рождающих без его венчания, лишает причастия — явно как "самых больших грешниц". Этот поп строит себе громадный дом. Если он просто "дурак" и "дурень" и — "злоупотребляет" (властью), то отчего он глуп и дурен и злоупотребляет в *эту* сторону, а не в противоположную сторону. "По глупости" бы обвенчал дядю с племянницей, "по-дурному" женил бы при живой жене — на другой женщине и т. п.

Нет, ничуть не глупость. А то, что дурак слепо следует веяниям безусловно чистых людей и уму первых мудрых века сего...

И вот я зажат, душа моя зажата между теми людоедами и этими детоубийцами.

Куда я пойду? Куда я пойду?

Я хочу быть в раковине и в сортире с этой девушкой и ее ребенком.

А о вере я давно сказал: "Наплевать". Если нельзя ничего иметь, то такая вера называется "наплевать".

Поразительно и страшно, поразительно и страшно, поразительно и страшно, что девушки не столпятся над такою. Что оне не подняли воя ни разу. А всякие "общества" и "клубы" и "лиги университетских прав".

Трусихи...

Трусихи, трусихи и трусихи. О, как безмерна трусость и низость русской женщины.

И Бог ее карает.

Женщина, которая не умеет ребенка своего отстоять, есть сука, а не женщина. И сонм их, не отстоявших права на ребенка, *jus liberi sui*¹, — стая собак, лижущих руку у господина, а вовсе не "женское общество".

Не женское общество с судьбою и будущностью.

* * *

Вся моя дьявольская энергия уложилась "в брюхо" м. литературной деятельности. Я самого себя съел. И только себя и ем. Это что-то демоническое по исключительности. Неужели это без значения и предназначения?

Какое же назначение? Если бы добиться психологичности. Чтобы люди были с душою и чувствовали душу. Больше ничего не надо.

Что же тогда были бы земля, вид земли?

Люди сидели бы на солнце и взглядывали бы друг на друга, — двумя пальчиками подводя — дотрагивались бы до подбородка (как на одном египетском рисунке).

А работа?

— Не надо!

А религия?

— Это и есть религия.

— Ты говоришь о каком-то празднике, а есть и будни.

¹ право быть свободным (лат.).

— Я создал только праздник.
— Есть проза...
— Я вечный поэт и научаю человечество вечной поэзии.
Вот мое "чудовищное" и мой "эготизм".

(на синеньком конверте)

* * *

Верю ли я в Б. в точном, страшном смысле.

О, да! да! да! да! да! да! да!

Скептицизм, старый, давний?

А вот: когда я лежал у Тернавцева на диванчике, а мама была уже в Евангелической больнице (третья операция), то Марья Адамовна решала с Асей задачи по арифметике, и тоска и страх обняли меня до ужаса, как я не переживал, и сказал себе в ужасе и тоске, т. е. почувствовал право перейти в гнев:

— Если *ты* еще доведешь меня до такой тоски (т. е. 4-я операция и смерть), то я тебя *поленом по морде ударю*.

Почему "поленом" — не понимаю. Но это та осязательность, которая стóит "дай пощупать пальцем дырочки от гвоздей".

Потом только я сообразил и дивился, как было *близко*.

* * *

Выперем из литературы Герцена...

Не *его* собственно, а *его* хвастовство, самовлюбленность, грех...

∞

Не хочу быть за одним столом с ним, ни — в одной комнате, ни — в одной литературе.

Конечно, *политики* скажут: "К черту Р-ва". Но политики не все...

Вопрос решается тем, кто же сказал более *дорогого* человеку? "Дорогим" решается все. Не блеском — *для писателя*, не умом, образованием — это *его сокровища*; а — "дорогим", что уже есть сокровище человечества.

Ведь оно бедно, жалко, тащится; ему ужасно грустно. И вот этому "тащится", конечно, я сказал больше *нужных* слов, чем Г.

Он никому *не помог*.

Он все схватил... "Мы" и "наши"; главное — "я". "Колокол" его есть воистину символ *его*: он был "медным языком", стучавшимся о медные стенки, литые, огромные. "Бух... бух! Бом... бом".

Кому это надо?

Тому времени было надо. Но "то время" прошло.

Он "отзвонил", Герцен, твой колокол. Весь ты *историчен*, но весь ты *глубоко не нужен* теперь, потому что в тебе нет *ничего вечного*.

Вечна любовь; ее-то в тебе и не было.

∞

А моя любовь, — сколько ее ни есть, капелька, — канула в вечность.

∞

И повторяю то: т. к. я не хочу быть вместе с Герценом, то ты будешь выброшен. [Красуйся в Женеве; в России тебе нет места. России ты вообще глубоко не нужен.]

(оторвавшись от корректуры "Балет рук")
4 июня 1913 г.

9 июня 1913 г.

Где, собственно, родник ненависти к "Уед." и "Оп. л."?

С *моей* точки зрения, как я это понимаю?

Говорить, будто это "цинизм" (все), странно о книгах, где сказано столько нежного и любящего.

Пожалуй, — то и корень. Все говорили, как "он" к "нему". Вся литература есть в сущности категория "он". В сущности читатель автору и автор читателю абсолютно чужды, — это "покупатели моих книг", до "которых мне какое дело". Какое дело Оль д'Ору до читателей "Сатирикона". Все отношение — внешнее, формальное, торговца "чаёв" к "покупателю чая", до которых — молоды они или стары, мамаша это или дочка, дети или родители — продавцу дела нет. И он их не представляет, и они ему абсолютно не нужны.

И это делали не только Оль д'Ор, но и Шекспир и Байрон. Это невольно и бессознательно началось и так вышло в эту дыру, что — "они".

Я — нет. Больше чем нет: именно писателю на ум не приходит, что он *я* и что — его читатель *ты*. Что, напротив, именно в литературе не смеет быть *он*, что как к *он* относиться — здесь кощунство, *не* святость.

А литература, именно она и свята (это уж моя мысль, новая со времен Гутенберга).

Мне не то чтобы удалось, а так рожден был, чтобы сказать *я*. Для меня врожденно не существует *он*, а *я* и *ты*. Поэтому, когда я стал писать "совсем как хочется" и появились *ты* и *я*, все закричали: "Это сумасшествие", "Он без штанов". Между тем я не то чтобы без штанов (не знаю и не интересуюсь), а я именно *я* и по особенностям и могу быть лишь *я*, а весь мир для меня не *он* (совсем не понимаю, даже содрогаюсь от ужаса), а *ты*. Таким образом, что же произошло? Со времен Гутенберга литература (нечаянно?) попала в яму и говорила все время какие-то формальные, ненужные слова, "он" для "него", и естественно, что при крике "ребенок захворал" всякая (всякий) бросал раз-Шекспира к черту.

Меня тоже бросят, но разница в том, что Шекспир обиделся, а я кричу мамаше, чтобы она меня бросила к черту, и рад, что бросила, ибо я понимаю и кричу, что "ребенок", а не "книга", "жизнь", а не "литература".

Так. образ., в чем же собственно дело и в чем новизна? Тон "Уед." и "Оп. л." открыли настоящую литературу, единственную с правом на бытие, литературу самоотрицающую и вместе с тем через это именно самоутверждающую. Литература, которая кричит: "Ребенок", а не "Шекспир", как будто исчезает, с одной стороны, бледнеет, тускнеет, как гаснущая заря. Гаснет, гаснет, меньше, нет.

Нет.

Вдруг, с другой стороны, маленькое "есть". Рассветает. Что?

Жив ли ребенок?

Не корь ли?

Не скарлатина? Если скарлатина — все Шекспиры умерли. Если корь — умер только Оль д'Ор, а Шекспира можно почитать.

Литература — чулок в руках старой матери. Она вяжет — вот это литература. Любишься, списывай, изображай, рисуй, пой симфонию. А она вяжет и вяжет. И то, что вяжет-то она, — и главное. А все симфонии — так, чтобы ей было не скучно.

Когда литература дошла до этого, т. е. отвергла всякое "я" в себе, "я" в смысле гордости, в смысле самолюбия, когда она стала "штаны из штанов", и Бетховен держит только штаны старой бабушки, то...

Как будто она исчезла — ан тут-то она и зародилась.

Зародилась как нравственное добро, абсолютно новое, никогда в литературе не слыханное, потому что она вся от Гутенбергов состояла из самолюбцев, из тщеславцев, а теперь она отреклась от себя, умерла в себе и просто "подает чай старой бабушке". Она теперь веет ангельским веянием около всех вещей мира,

всех дел мира, всем служит, всех успокаивает, бегаёт в писарях и ставит клистиры из ромашки больным детям.

Я (самолюбие) — нет.

Я (служение) — спасена.

Все это, мне кажется, вышло невольно, когда от *тона* "Уед." я перешел к естественному рассказу "у нас в доме". Да и не рассказу. Это было бы не "он" об "них", а что-то другое.

— Вот наш дом в К.

— Вот как я купил игрушки детям.

— Вот как (мысленно) деру за волосы Горнфельда.

Мелочи. Глупости. Мой "фетишизм мелочей" тут тоже сыграл роль. Для меня "больших богов" нет: но "мои игрушки суть истинные боги". Тут сыграло роль мое вечное, врожденное, неразрушимое детство.

В чем же дело и (я возвращаюсь) отчего бешенство?

— Мы все читаем, как *он*. Вообразим *читателя* и пишем, как автор. В нем *автора* нет, и *читателя*.. он видит во всем мире, в коровах, звездах, куклах домашних, в одушевленном и неодушевленном: что́ все он чувствует, как *ты*.

Таким образом, всех взбесила ("цинизм") собственно степень моей интимности и, кажется, так можно передать, любви и нежности (при этом можно трепать и за волосы, — как отец ребенка) к целому миру, без выделения особенного для "читателей моей книги" (не вижу их), но и без исключения их. Конечно, — мое настоящее отношение "я" к "ты".

Чего холодный мир воистину не может, всех чувствуя, как "он". И в самой-то смуте и смятении все почувствовали:

— Или читать "Уед." и "Оп. л.", и тогда как же нам читать Шекспира, *которого нельзя выронить на пол, хотя бы ребенок умирал.*

— Или...

— Но мир-то читает Шекспира именно до болезни ребенка и выкидывает его, когда скарлатина.

— В сущности нас, литературу, никто не любит и никто не ценит. Переплетают в переплеты, ставят на полку *и в свободное время читают* — но для отдыха и удовольствия. И хотя нам "кланяются", в театрах "хлопают", но мы в сущности для всех "они", и нас выпроваживают за дверь дома при кори... Все к нам уважение в сущности фантом и кажущееся, обман и главным образом обман самолюбия нашего. Ну, ему уступают, дают конфетку, потому что до конфеток мы прожорливы. Но и только. Коснись *дела*: и нам указывают дверь. И только когда нас очень много и мы грозим скандалом, шумом, говорят:

— Ну, что́ делать. Оставайтесь. Посидите здесь или там. Почитайте газеты (друг друга), поговорите между собою. Я пока уйду во внутренние комнаты, п. ч. в самом деле ребенок.

Розан. вместо этой кажущейся литературы начал писать собственно ему одному доступную литературу, — которая входит в *дóмы*, ничему не мешая, не ища стула, ни от чего людей не отвлекая, а со всем в доме сливаясь, как "я" с "ты", все безмерно любя, нежа, на все дыша своим дыханием. Его и нет, не видно, и он есть. Он просто "сапоги у двери", которые "выставили горничной", и его "Уед." можно отрывать по листку, уходя "кой-куда": он не сердится. Вообще он чудак и его нет. Но он есть, как дыхание, везде. Он дышит с нами. Рассказывает свои глупости, как ходит в штанах и без штанов, на кого сердится, на кого нет. Очень бранится и очень любит. Какая это к черту литература. Но куда же его прогнать, если это просто "кошка на печи" и греет свое брюхо. Мы его и любим как кошку, и оставляем и во время болезни, и когда будем умирать. Он не хочет себе никакой значительности и просто хочет быть "с нами", и как это нам нисколько не обременительно, то мы и оставляем его с нами. Он — дом наш, наша семья, наши болезни. Он от нас вовсе не отделим. И "хлопать" мы ему не будем, но любить, или "дозволять", или "чесать ему за ухом", когда он трется о колени, — всегда будем.

Он не претендует.

И мы не претендуем.

Вот "я" и "ты". И вот откуда бешенство "они", прошедших мимо мужей своих и сидящих на каком-то чужом стуле.

* * *

Бог простит ему.

Видел доброе. Отчего же не вынести и худого.

(Мереж. в "Русск. Сл.") (9 июня 1913 г.)

Только мама расстроилась. Да Варя (14 л.) спросила из постели:

— Это, папа, Меньшиков написал?

— Нет. М.

— А, это знаменитый писатель.

— Глупости.

И так свежо у нее вышло и смешно (всех писателей путает), что я улыбнулся, и "все прошло".

∞

∞

∞

∞

Мама через 2 дня. "Я все плакала, обвиняя себя, что из-за меня ты разошелся с М. Вдруг лежу в сумерки, закрыв глаза, и почувствовала, что Христос стоит около меня, и слышу Его голос: "Утешься теперь" (не помню дальше слов, а смысл тот, что около него стоит Фл. и другие, которые ему или "ближе", или "полезнее ему", не помню). И я улыбнулась. И перестала плакать".

— Да что ты, мамочка. Это вовсе не произвело на меня такого впечатления.

* * *

Мы вышли с Мих. Вас. Нестеровым из Клиники Ел. Павл., — на Кировной. На улице было сыро, извозчики стояли дальше, да и хотелось размять ноги после долгого сиденья возле больной. Пошли. Я и говорю:

— Годы бы еще не старые, 57 лет. Но эта вот три года тянущаяся болезнь "около плеча" сделала, что ничего не хочется, никуда не рвется, никуда не лечится. Лежать, уснуть — самое желаемое. Как это случилось после возвращения из Наугейма, я на десять лет постарел.

Он молчал.

У него тоже любимая сестра захворала, и он подозревал — раком. Однолетка с ним. Дочь выдал замуж, и хорошо выдал. И после выдачи дочери, главной естественно заботы (единственное дитя "на выданьи"), как-то точно стал "подогреваться к тому свету", точно куда-то "выходит в отставку", — по речам, виду. И постоянной суровости.

Молчит и шагает. Мы с ним одного роста. Я трушу ("трусить" — особая походка) и все волнуюсь и снова повторяю:

— Болезни старят!! Не годы старят, а болезни!!

Помолчав (он):

— Нет.

Еще прошли, и он проговорил тяжело, как отваливая камень:

— Старит грех.

Как я люблю его, всегда пылкого, всегда сурового. И — настоящего русского. Вот за Нестерова я бы всей Палестины не взял. Но это — редкость, т. е. встретить неразвращенного русского человека, который сохранился "как из Вятки" (он — из Вятской губернии, купеческий сын, — небольшого или "так себе" торговца). Ушел в рисованье против воли отца. Раз, в Кисловодске, сидит он и еще с женою председателя Б-ого окружного суда. Тот корректный либерал. Нестеров, раздражившись в споре, ходил по комнате, как лев в клетке, и говорит (он видел председателя в 1-й раз в жизни, "познакомился"):

— Будет день, когда их всех убьют! Так — и убьют! Мы все подыдемся и убьем!!

Не стану говорить, о ком шла речь. Не в этом дело, не в объекте. А в том, что при 3-м интеллигентном человеке, и притом юристе, он не смутился высказать гнев так, как он стоял в его душе.

Я смотрел на него с восторгом. Все сжались от неловкости. Юрист, университетский, "что подумает". Но я заметил, что и "все" у нас в доме еще больше с того времени стали уважать Нестерова. И вообще, когда он приходит к нам в дом (редкие приезды в Петербург), он входит и сидит "своим человеком". Он мне родной, и да будет так.

(12 июня 1913 г.)

Когда он сказал: "Старит грех", я почувствовал, что это и есть фокус и разгадка всех его картин.

* * *

Читал (читаю) Ключевского о Лермонтове, Нартове, Петре Великом, "Недоросле" и пр. ...И опять удивлен, и опять восхищен.

Что за ум, вкус и благородство отношения к русской истории. "Оглядываясь кругом" (литература, печать), думаю, что это — последний русский ум, т. е. последний из великих умов, создавших от Ломоносова до него вот, Ключевского, славу "русского ума", славу, что "русские вообще не глупы". Ибо теперь, в настоящее время, русские решительно как-то глуповаты. Плоски, неинтересны.

Ключевский — полон интереса.

Историки до него или, вернее, "после него" кажутся даже и не историками. Кажутся каким-то "подготовительным матерьялом". Он есть в сущности первый русский историк. Но мне хочется, от пресыщенности удовольствий, назвать его и последним историком. Отвертывая страницу за страницей, учась из каждой

строки, думаешь: "Лучше не надо". Я даже не хочу, чтобы "лучше Ключевского объясняли историю": я хочу, чтобы непременно объясняли и чувствовали, как Ключевский.

Даже удивительно, каким образом в такое пошлое время, как наше, мог появиться такой историк. Это его сохранила Троице-Сергиевская лавра (долго был там профессором, до приглашения в Университет) да (прости, добрая память, если ошибаюсь в имени) Евпраксия Ивановна. Говорят, он очень любил свою старушку. Во всяком случае, за Ключевского мы обязаны: 1) Церкви, 2) Сергию Радонежскому, 3) Евпраксии Ивановне. И — 4) студенческой богеме, массе этих "нечесаных", которых он очень любил (рассказы).

Ключевский — весь благороден. Как он пользуется везде случаем сказать уважение о Болтине, Татищеве и пр. (своих предшественниках).

Фигуру его на кафедре я помню. Как сейчас. Она вся была прекрасная. Голос писклявый и смешной (бабий). Вертится (движется) на кафедре. Ни о чем не думает, о слушателях не думает. Творит. И он творил как соловей. Как соловей "с мудростью человека" в нем (вещие птицы).

Мне кажется, если сказать, что Ключевский был "русский историк", — то этого недостаточно. Место его выше. Мне сейчас хотелось сказать, что его место "в литературе". Но в сущности и *этого он выше*. Его место среди "замечательных русских людей" или — вооружимся классицизмом — "*среди достопамятных людей земли русской*"... Это одна из фигур длинного ряда, начатого Ярославом Мудрым, Иоаннами, Артамоном Матвеевым, Петром, Ордын-Нащокиным, Нартовым, Екатериною, Фон-Визиным и Новиковым, Пушкиным, С. М. Соловьевым и им — Ключевским.

Это — создатели русской земли. Ключевский именно не "написал русскую историю", но *создавал самую землю русскую*, — орудием чего избрал курс лекций.

Как малому мы от него воспользовались. О, какое бедствие (профессора мне казались недоступными), что я не "попил у него (студентом) чайку". Бесконечное бы заприметил в нем. Как (студентом) мне всегда хотелось пойти к профессору ("боги"). Но боялся. Ведь не помнил хорошенько латинских спряжений. "С такими-то сведениями..."

В дали моей юности какие это три столпа: Буслаев, Ключевский, Тихонравов. Самый рост их и вся фигура как-то достопримечательны и высокодостойны. Теперь я таких людей (фигурою) не вижу. Обыкновенные.

Но договорю: самое слово его (стиль, слог) прекрасны, т. е. везде *в уровень с предметом*. Он не "отстает от тем", хотя темами этими были Лермонтов, Пушкин, Петр. Говорит он везде как "господин дела". Нет, "господин" к нему не идет: говорит как друг и отец, как "верноподданный" великих Государей своих и как сописатель о писателях (о Лермонтове, о Пушкине, о Фон-Визине). Он еще не

побежал тою "воющей собакою" около трона, — тем клеветником около словий и исторических лиц, впечатленье чего дают позднейшие "историки и публицисты", все эти Бильбасовы, Пыпины, фон-Лемке, Стасюлевичи и сколько их там еще есть...

Несчастные...

Но Бог с ними...

Его место в рядах классической русской литературы, классических русских умов, поскольку проявлением ума они сделали *слово*. Между Карамзиным, коего больше не читают (и читать невозможно), но на неговорящий памятник коего никогда не перестанет оглядываться *всякий* благородный русский человек, как бы далеко ни укатилась наша история и разнообразно она ни покатила, — и между Львом Толстым с постоянной заботой о нравственном воспитании русского народа, возле "нашего наставника" Крылова, певца — Кольцова стоит и его семинарская тень. Не смейте улыбнуться. Без "семинарии" русская история неполна и однобока. Упрямо и могуче топнув, он сказал: "Семинария — не нигилизм. Семинария — не Чернышевский. Те были неучи, чего о мне никто не скажет. Талантом я не убожее Чернышевского, и приткности во мне не меньше, а ученостью, знанием и наукою я богаче не только всего "Современника", но и кумиров его — Бокля, Дрэпера и какие там еще есть. Семинария — не нигилизм, и в Славяно-греко-латинской Академии выучился Ломоносов. Семинария имеет золотое в себе зернышко, золотую пшеничку, идущую от Иоаннов Златоустов, от Савватиев и Зосим и всех праведников Русской Земли. Нет, больше того: и не это еще *главное*. От Самого Иисуса Христа, пришедшего *грешных спасти*, хранится в семинарии луч, и он хранится только в семинарии, в университетах его нет, в Петербурге он погас, погас в чиновничестве и придворной жизни. Но этот дрожащий вечерний луч — он греет всю землю русскую, он просвещает всех — и это **одна Церковь** напоминает на литургии каждый день:

Свет Христов просвещает всех.

Вот, господа. И этому лучу я остался **верен**. Пришел в университет — и **верен**; избран в ученые академики — и **верен**. Прославлен в печати, в журналистике — и все-таки **верен**. И не отрекаюсь я и не хочу отречься от темной, от заскорузлой, с гречневой кашей **семинарии**, которая "при всей греческой каше" **одна**, однако, стоит непоколебляющимся стражем у:

**БЕССМЕРТИЯ ДУШИ,
ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ,
ПАМЯТИ БОГА,
СОВЕСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ,**

без чего вообще у вас — и в журналах, и у Боклей, и в придворной жизни, и у чиновничества — рассыпается все мелкою крупкою, которую расклевывают воробьи. **Верен и Аминь**".

Хорошо теперь Василию Осиповичу. Пошел он со своей бороденочкой и дьяконовскими волосами ковыляющей походкой "на тот свет", не сняв даже мундира своего "Ведомства". Идет, ничего не думает, точно читает свои "столбцы" (мелкое письмо XVII века, разных "приказов"). Без ответа и без страха, с одними столбцами:

И встречает его Господь Иисус Христос словами:

Верным тебя послал, **верным** ты возвращаешься. Иди, сын мой **возлюбленный**, семинарская голова, — вот тебе и куща заготовлена, и давно дожидается тебя там твоя спутница... Видишь, сияет вся, что остался **верным** ее друг, и оба вы, **верные мои**, теперь загоритесь вечными звездочками на северной части моего неба, в странах **православных и русских**.

* * *

Это вещь совершенно недопустимая, чтобы дети не уважали и не любили родителей или ученики не уважали и не любили места, где они воспитываются.

— Что же их бить прикажете?

— Нет. Но *быть самим* такими и так поступать, чтобы этого никак не вышло.

— Значит, им во всем потакать?

— Тогда-то особенно они будут презирать семью и училище, как людей безвольных и ничтожных. Нужно быть "прекрасным я" семьи и школы; из "прекрасного я" вырастает прямая и откровенная, не поступающаяся ни на пядь деятельность.

Нужно, чтобы семья была мудрее детей.

И нужно, чтобы школа была добродетельнее учеников.

Тогда, кроме больших уродств, им все подчинится.

* * *

Но вот что нужно еще иметь в виду, о чем я должен предупредить братьев русских: что ведь "завет" — то в самом деле был заключен и не разорван до сих пор. И он не разорван единолично с каждым израильтянином, пока он обрезан, т. е. с каждым обрезанным. Бог решительно ничего еще не потребовал от Авраама и, след., от всех сынов его: и еврей м. быть вором, процентщиком, банкиром, газетным сотрудником, может ни разу не заглянуть в Библию, никогда не молиться, быть атеистом, Левиным, Винавером: все равно *лежащая на Боге сторона обязанностей* (у них это почти юридический "договор", "вексель") — остается, и Бог, между прочим, ему оказывает покровительство, защиту, поддержку. Поэтому однолично ли мы с ними имеем дело или — "со всеми", нужно быть в высшей степени осторожными в отношении этого "чего-то", что у них стоит за спиною и в сущности толкает ко всем победам.

Нужно сосредоточиться на "договорной" стороне их веры. Договор — дело точное. И "толкающая вперед сила" перестает стоять за спиною еврея, как только он не есть более "отрок возлюбленный, на котором — все Мое благоволение" в отношении этой силы: т. е. как только *не исполнена человеческая сторона обрезания*.

.....
.....
.....

Какая?

.....
.....
.....

"Закрой опять".

Тут-то и черный ужас. Поколебать "открой" — значит поколебать корень, от которого все начало расти.

А оставить "открытым" — значит примиряться с банкирами, биржей и атеистической сволочью, так как у них ведь у всех "открыто", а Бог, *кроме этого одного*, не потребовал ничего от Авраама и всего потомства его.

Черные ужасы истории. Черные ужасы особенно будущего.

* * *

1913, май

Евгения Ивановна, вся рассыпаясь в милом смехе, проговорила:

— "Дважды два" *именно* — не "четыре".

— В жизни.

— По поступку нельзя осудить человека и даже — судить о нем.

(рассказ о М. П. Соловьеве)

* * *

Всякая девушка ночью томится, — почему к ней никто не приходит, почему она одна?

Очень просто.

И вполне хорошо.

Разве что сухая земля ожидает дождя — не хорошо?

(к вопросу о том, надо ли попов драть за бороды)
(за набивкой табаку)

* * *

Когда танцуют — не вспоминают о священнике; и когда воркуют под кустом — тоже не вспоминают.

Священник должен уметь ждать.

И он дождется.

За воркованьем надо улечься — и его позовут (обряд венчания); родится у них через год *ребенок* — и опять позовут; умрет он (реб.) — и его тоже позовут.

Пришла няня и сказала погруженной в Шиллера матери:

— Что-то ребеночек першит...

И, выронив *на пол* (увы!) "Орлеанскую Деву", мать бежит в спальню и дает "Сереже" ромашки с теплой водой на сахаре...

Это так жалостно, так грусти достойно, но это — *так!*

Поэтому, разумеется, люди, читая Шекспира, не вспоминают о священнике.

Его зовут очень редко, но зовут в торжественных случаях, в главном.

И они суть — главное.

Зачем же им бежать за второстепенным, за мелочами, за подробностями, за книгой, за газетой, за направлением литературы.

Вовсе не надо.

Но в это "не надо" решительно все впадают. И в нашу редакцию "с просьбой напечатать портрет" всё обращаются лица с крестами, с панагиями и облеченные "благодатью" (видел, и нередко; особенно к "юбилею" и к "переводу в Спб.").

* * *

Пустота мысли у евреев, однако, удивительна. Это, действительно, изношенная нация, — тертая и перетертая и обратившаяся в труху. Только талант к банку. Этот исторический талант еще от Экбатан в Мидии, куда Товит послал сына Товию "взыскать долг", — удержался. Удержался талант вести дело сообща, "синдикатом" и т. д. Но и только.

Сколько их пишет, но где же мысли? Неужели это творчество у Герценштейна — сказать, что "поместья жгут и будут жечь", или у Тана — организовать Крестьянский Союз с намерением громить помещичьи имения. Это все разрушение и меньше содержит "постройки", чем Устав Духовных семинарий, который хотя и глуп, но его все-таки надо было выдумать, надо было построить! Да В. М. Скворцов хотя он и "пресловутый", а не меньше есть "творческая личность", чем все Таны и Герценштейны, т. е. также только "разрушает", "громит" (секты и сектанство), как "громили" (поместья) эти евреи.

И везде у евреев не "сотворить", а "разгромить". Воистину "распяли", когда кто-то как-то "зашел к ним". Христос, конечно, не был евреем. Ничего еврейского.

Распять. Разорить. Довести народ и страну до нищеты и отчаяния: но это "ловкость" и 1000 "приспособлений", а не ум. Где же ум? Где еврей "строит дом"? Невиданное зрелище. Он "покупает" дом и "перепродает" его. Но как это бедно, и неумно, и ничтожно.

"Разорить русскую литературу" они смогли этими выкриками, этим шумом, гамом и всем шкловским неприличием: но разве это то, что создать, напр., антипатичное мне *стойкое* и *многолетнее* "движение 60-х годов" с таким колоссальным общественным и умственным (пусть отрицательным) результатом. Это как "барочка купцов плывет по Волге", широкая, многохлебная. Замечательно,

что у евреев ничего не растет и последовательно не развивается. Их дело именно афоризм, а не мысль. Сверкнуть, блеснуть и убежать (Гейне) — вот еврей. "Случай!" "Какое событие!" — вот почва еврея. Это именно "перетертая труха истории". То же, что неспешные "грекосы", живущие в деревеньках на Марафонской равнине (т. е. еврей-банкиры в отношении Библии).

Я думаю, что евреи искренно ничего не понимают (пример — Переферкович) в Библии и чистосердечно, напр., считают обрезание "суеверием" и "гигиенической операцией", — по какому-то темному инстинкту, однако, его удерживая. Но замечательно, что Мендельсон (философ в Германии) чистосердечно предложил, *деловым образом* предложить отказаться от обрезания, перестать обрезываться. Юдаизм, собственно, бережется в гетто, в темных необразованных слоях, в "презрении" (моральное гетто). Но "просвещенные" они все суть "Винаверы".

Вообще их отношение к русским, к русской литературе, столь бездарное и слабое, более наивно, чем страшно. Я думаю вообще, что преувеличивают, когда рисуют их страшными. Лет 13—15 назад, т. е. около 1900 года, евреи, живущие в Лондоне, в тамошнем "гетто", поколотили русских молодых "эмигрантов" за насмешки над еврейской обрядностью и субботах. Над самым "размножением" евреи смеются, когда фактически и инстинктивно еще очень размножаются. Но ведь "грекосы" говорят "на языке Агамемнона". Дорошевич мне говорил, что в Бостоне (Америка) еврей-эмигранты курят папиросы (у *всех*) со штемпелем "Бакунин" и с его портретом на мундштуке. Вообще "жидки" — "отличные русские" и принимают и чистосердечно увлечены всем самым глупым русским, самым пошлым русским. "Винавер, Бокль, но глубокомысленнее всех их Шелгунов".

Таким образом, страшное и разрушительное их действие на русскую литературу происходит от пошлости их, от слабости их, а отнюдь не от того, чтобы они "заразили ее ложными идеями". Никаких ни ложных, ни истинных "идей" они не принесли и вообще никаких идей. Социализм пришел гораздо раньше их, — социалистом был уже Белинский, когда "еврей" и на горизонте не показывался. Они примкнули к этой до них явившейся пошлости как космополитической и красной, "разрушительной". Примкнули в социализме к "распни его", — как вообще в Европе примыкают к разрушению, не понимая Европы и не имея сердца — полюбить ее.

Что касается знаменитого "банка", то ведь и это есть "на-фу-фу" экономической жизни страны. "Русский для внешней торговли банк" (на Морской) в этом году через Киевское свое отделение скупил все сахарные наши заводы и перепродал англичанам (синдикату английских капиталистов): операция, давшая этому еврейскому банку (Рафалович, Кестлин и др., *все евреи*, главы) такую "заработную плату", что, говорят, директорам его было выдано "годовых наградных" (тантьемы) по 100 000 руб. на нос. Великолепно, эффектно, но именно афоризм, а не система. Они сделали скверное русское дело, передав сахар в английские руки и к английским капиталистам и синдикату. Но это именно вечное "распни его", вечное и извечное их дело, выше и шире чего они ничего не могут. Что такое "подло перепродать" сравнительно с колоссальным и действительно творческим трудом завести "все сахарное дело", сахарные плантации и сахарные заводы. Да "Терещенко" один поворотил больше умом, сотворил больше и волею, чем весь этот "Русский (!!!) для внешней торговли банк" со своими 5 архимиллионерами-евреями-воротилами.

Курбатов в Нижнем (хлебная торговля), Морозовы в Орехове-Зуеве, Хлудовы (где-то на Московско-Смоленской ж. д. фабрика) — это уже не "скупщики чужого труда", маячащие на чужой бедности, на чужом пороке — поджидающие слабого, алкоголика и вырождающегося и обирающие его, и хоронящие его. Еврей страшен только там, где *другой слаб*, и вся их мировая роль вращается в круге "чужой слабости" и за черту этого круга перескочить не может.

Не боюсь их: не боюсь и не боюсь. Не бойтесь их, люди. Это трусы и обирают только слабого, пьяного и порочного. На сильного они напасть не смеют.

И литературу они съели потому, что это *уже до прихода* их была не литература Белинского, Грановского, Погодина и Аксаковых, а "кой-кого". Они съели сорные травы ее, когда вся пшеница свезена в амбары. Когда "лето Господне" кончилось и хлебы вымолотили.

* * *

Отношение социализма к государству, народу, планете, облакам такое же, как *commis voyageur'a* к гостинице, где он остановился. Он спрашивает с планеты обед, сухую комнату с отоплением, чистоты. Чтобы прислуга была на месте, самовар вовремя и к вечеру "коридорную девушку". И чтобы все это было недорого. Непонятно, откуда бы тут "Богу взяться".

И когда он выходит в город, он с изумлением видит, что люди идут в церковь, что звонят в колокола, — и из лиц многие радостны, а некоторые грустны.

— Что́ это и к чему?

Это недоумение чистосердечно, как многое в нем; и "его" вытекает из "всего" у него, как наша религия вытекает из "всего" у нас.

Мы живем в домах, имеем жен и детей, у нас есть царь и отечество. Не будем сердиться на него, а он на нас... пусть как знает.

(Иванов-Разумник в окрике на Философова: "Все религии прошли", "христианство кончилось")

* * *

...вечное Солнце течет в моих жилах.

И томит, и зовет.

И наполняет счастьем.

...вот отчего я пишу.

∞

И земля и грязь здесь.

И холод.

(на обороте корректуры)

* * *

Всегда нужно помнить "12-го" среди Апостолов. Что́ это, — предсказание, предостережение, что "между ними встретим и *Иуду, который предаст Меня*"?

Если предостережение?..

"Вот он поставлен и избран, и не знает никто, что он Иуда, — и даже сам он о себе не знает, что творит злое. И тогда, когда все кончится, — пойдет и *удавится*".

"Все кончится" — это смерть. "И отойдет в геену". На церковных изображениях Страшного Суда видны эти головы в митрах и облачениях, горящие в адском пламени.

"Претерпевый до конца — тот и спасен будет". И нам указано терпеть, переносить, не волноваться, не раздражаться и все-таки не отделяться от стези Господней.

Секты, ереси. Как это нехорошо. Злоба. Из злобы не родится винограда.

И когда около плеча стоит Иуда, да еще безграмотный, — опустим ниже глаза и ничего не скажем. И только в сердце прошепчем: "На *этот час* дана власть ему предать Господа на мучения".

(к спорам об "Имени Иисусовом" и в мыслях о московских славянофилах)

* * *

”К банкирше (еврейке) введен был 3-х лет внук. Она спросила его:

— И что́ ты кушал сегодня?

— Я, бабушка, кушал немного икры и землянику (зимой).

И все восхищены, что он уже в три года знает самое лучшее и дорогое.

Помолчав:

И это люди, которых души — самые мелочные и глупые, все едят самое дорогое, ездят в экспрессах.

Я бы взорвала экспресс: потому что погибнет самая гадость”.

(Евг. Ив-на, подойдя к столу; июнь 1913 г.)

* * *

Да ведь есть в самом деле, есть загробное существование, бессмертие души и Бог...

Тогда...

Что́ тогда?..

А не более и не менее как ”глупость все”, наша литература (даже и с Пушкиным), цивилизация, культура, гимназии, школы, университеты, ”речь в Думе” и ”смена Коковцева”...

Ведь тогда...

Господи! Неужели есть?..

Ведь тогда **ничего** нет, ”нашего”, ”глупого”. Ибо все ”наше”, — решительно все, построилось и рассчитано в твердой уверенности, в абсолютной уверенности, что этих трех вещей —

загробного существования...

бессмертия души,

Бога

— **вовсе нет!**

Господи, **которое же есть...**

Господи! Господи! Неужели **Ты** есть?..

Но Ты — радостней всего мира. И как я хочу, чтобы (уж легче) мира не было, а был Ты...

Неужели?..

Какое **колебание**. Если Ты, то, конечно, **ничего не надо**. Ибо кто же, обладающий державой, поднимает гривенник.

Посему такая радость думать о Тебе. Тебя нет: но почему же думать о Тебе радостней всего на свете, — самого бессмертия, самого загробного существования радостней...

Есть ли?..

Нет ли?..

Но если бы сказали: ”Так-таки решительно — нет”, я захотел бы сейчас же умереть.

Какая странность...

Танцовать ли?..

А ведь мы с Богом все затанцуем. Если Бог — то как не танцовать. Не удержишься.

(июнь, 1913)

* * *

Человек, на которого никогда не взглянул Бог. Какой-то специфически безблагодатный. Бессветный.

Читает лекции. Начнет. Все расходятся (на вечере Полонского).

В печати подает государственные мнения. Никто не слушает.

Удивительно "не выходит" ничего. Не выходит судьба. Человек без судьбы. Странное явление.

Был демократ: демократы его не хотели. Теперь государственный и националист, но и эти не обрадованы его пришествием. Куда он пойдет дальше? "Вперед" и "назад" испытано, и я думаю, под старость он будет хищным клювом долбить себе злую могилу.

(из усилий Гофштетера обратить на себя внимание)

* * *

Укусы современности — те гвоздики, которыми вбиваются бриллианты в посмертную корону; хвала современности — тот вкус, в котором растворяются жемчужины этой короны.

(11 июня 1913 г.)

И пусть корона эта — тлен и "ненужно", но все-таки современность может оглянуться на эту аксиому.

Современность должна быть скромна и плакать о себе.

* * *

Какое страшное, какое полное непонимание Толстым Евангелия (и Библии). Кусков о нем тоже говорил. Он извлек оттуда некоторые слова, "мудрые, как у Конфуция", вроде "непротивления злу" и "о жизни". "Бог есть жизнь". И вооружился всеми комментариями, "прочел всю ученость".

Но он не имел умиления.

Кажется, есть Икона Божией Матери "Умиление". Вот у Т. совершенно не было той частицы души, которая сотворила эту икону и которой эта икона взаимственна. "Умиленного" Толстого нельзя себе представить, и его не было иначе как "в умилении" через плечо книзу, "на моих крепостных" Алпатыча, Платона Каратаева и Митеньку (молящийся странник в "Детстве и отрочестве"). Поразительна зависть Т-го, и зависть к такой мелочи и суетной стороне, как "ступень иерархической лестницы". См. изображение кн. Барятинского в "Хаджи Мурате". Он только дурак, хвастун и трус. Тоже — Николая I там же: он посмел нужным и сатирическим изобразить "такое важное событие", как что Государю нравилась придворная дама и "на этот раз не удалось". Так что можно подумать, что Россию сделали, "сколотили" (как плотник дом) и сшили 1) ухаживатели за дамами и 2) играющие в карты (Барятинский) трусы и болтуны. Вообще как только Толстой касается яруса *под собою* — он ненавидит, и в сущности плотно его живописи везде здесь есть клевета. Это — зависть. "Мудрость" и добродетель людей начинается только с "таких же, как мы", "не выше меня, Толстого", — с Ростовых, Болконских, Левиных; но нигде нет добродетели и мудрости *в стороне* от меня (ученые, славянофилы) и особенно *выше* меня.

Но тогда как же произошла Россия? Это так же, как у Гоголя и Щедрина. Здесь Толстой не стал выше трафарета русской литературы.

Вернусь к Евангелию.

Нет умиления. Это я упоминаю по поводу упрека графини Александры Андреевны Т. (переписка с ним), где она его упрекает за непонимание Закхея, которого Т. назвал "сухим и недобродетельным капиталистом". Это поразительно, ибо Закхей — трогательнейшее лицо в Евангелии, *в глубокой правде и реализме своем*. Так же он не понял ("нет умиления") "хозяина" в "Хоз. и работнике".

(помешали; позвали к обеду. 22 июня)

* * *

Твердо держи ружье, стрелец.
Твердо держи перо, писатель.

(15 июня 1913)

* * *

Трактирные люди — да, вот суть позитивизма.

Конт только "коридорный мальчик" цивилизации. Цивилизации и мира. Суть не в нем, не в книгах. Не в "Вестн. Евр." и не в "Отеч. Записках". Суть в трактире, а это все — только "Литературное Приложение" к нему, как было таковое к "Северной Почте".

∞

Люди мало-помалу стали из домов переселяться в трактиры. Уже гимназия есть трактир в сравнении с "дóма", — и университет в идейной (не социальной, не технической его части) есть трактир сравнительно с "дружбой" великого Друга (мудреца). Этот-то дух трактира, показавшийся во всех щелях цивилизации, и есть корень всего. Гутенберг ввел "трактир", т. е. *общие* проходы, *общие* дороги, *tables d'hôte*¹ гостиницы, в душу людей, в мысли людей, в сердцебиение людей.

И, подняв к Небу взор, человечество сказало:

— Умираю.

Этого голоса никто еще не слышит. Но услышат.

(15 июня 1913 г.)

* * *

Утверждать религию на детоубийстве — оправдывать "правило древних", хотя бы для этого и приходилось потребовать детоубийства...

(Храповицкому и его партии)

* * *

В революции музыкант — полиция, ноты французские и потом еврейские, канифоль польская.

Русский студент слушает, хлопает, и его отводят за ухо в полицию.

* * *

Суеверные не есть глупые, а — внимательные к тому, что еще "в тайне"...

(вагон IV класса, на богомолье в Киев)

* * *

Нужно вырвать Белинского из этого кабака ("Современник", "Отеч. Записки", "Русск. Слово", "Дело"), в который его затолкнули приятели. Там они опояли своим "зельем" и заставили говорить свои слова, помогать своему "богатому дому", — и словом, слили "разночинца" (первый и *по душе такой* — последний) со своим аристократическим отрицанием России, борьбою против "станового" и увлечением "французскими танцовщицами". Все это *внутренне*

¹ табльдоты, общие обеденные столы (фр.).

Белинскому было вовсе не нужно. Ему было нужно: Россия, он был русский. Славянофильства он не знал (ведь они ничего и не писали; издано все было "потом"), — православия по характеру школы того времени вовсе не понимал. Перед ним стояла официальная скучная Россия, в которой действительно что было любить. Но если бы понял ее "за пазухой" — он бы ее понял и полюбил.

Он бы сосал ее молоко, а не грыз ее внутренности.

(на полученной записке метранпажа Масляненко)

Интересное, что мы могли бы услышать от Горнфельда, — это о том, что яичная торговля (скупка, экспорт) вся перешла в руки евреев; и те 3—4 миллиона (на 100 миллионов отправляется за границу), которые от курочек своих могли бы иметь рязанские, и тамбовские, и всякие другие крестьяне, попали на подкармливание бердичевских и шкловских мальчиков и девочек, будущих сосунов того же крестьянства. Но Горнфельд скашивает глаза в сторону и все нам рассказывает о Гоголе и "письмах Чехова", да кстати о новом произведении Айзмана, которое не лишено недостатков, но отчего-то его следует прочитать подписчикам "Русского Богатства".

Но о Гоголе мы сами понимаем, а вот об яичках нам интересно.

Так русское дело проводится мимо носа русских, и Короленко, Мякотин и Пешехонов "несут зонтик" за Горнфельдом. Отчего у нас всегда такое остроумие?

Да: еще Горнфельд объясняет, что русский крестьянин потому страдает, что не осуществлены гражданские свободы, т. е. что евреи не припущены уже окончательно во все дела русских.

* * *

Революция — это какой-то *гашиш* для русских...

Среди действительно бессодержательной, томительной, пустой жизни.

Вот объяснение, что сюда попадают и Лизогубы, да и вся компания "Подпольной России", довольно хорошая (хотя и наивная), и Дебогорий Мокр.

В 77 г., в Нижнем, я видел и идеальные типы.

В Петербурге уже исключительно проходимцы.

Социал-проходимцы.

* * *

Оттого я так жизнерадостен, что много страдал.

Оттого я так люблю радости, что они были редки.

(4 июня 1913. Все хорошо)

* * *

23 августа 1913

— Да. Но до Священной Рожи две версты, а пошел дождь. Не остаться ли лучше на Невском?

(разительные возражения Розанову. На Невском)

* * *

Август

Помилуйте же, помилуйте, русские мыслители передового направления утверждают такие вещи, что с ног валишься: они говорят
НУЖНО УВАЖАТЬ ЧЕЛОВЕКА.

И не боятся, ужасные люди, хотя и оглядываются, не ловит ли их полицейский.

(на телеграмме из Одессы)

* * *

Мне представляется история русского общества за XIX в. сплошным безумием.

(18 декабря. — Корнилов о Бакуниных, судьба Вареньки Бакуниной-Дьяковой. История ее брака — в матерьяле о "Людах лунного света")

* * *

"Оп. л." и "У." есть моя естественная форма. Во всю мою жизнь я никогда ничего не придумывал, но очень любил думать и с детства думал обо всем решительно и совершенно непрерывно. Вся моя жизнь сложилась в двух линиях, — спанья и думанья. Просыпаясь, я в тот же момент начинал думать и засыпал, лишь когда мысль переходила в грёзенье, рассеянность и "вот сплю". За чаем, за едой, на лекциях, "в углу на коленях" (брат за курение во 2-м классе) — я все равно думал. За читаемой книгой, Шер. Хол., — думал и думал. И решительно ни одного раза я не думал о читаемой книге, а о "своем". Что же такое было это "свое"? Все. Решительно никогда я себе не ставил задачи, темы, предмета. Никогда не ставил "вопроса". Никогда не "разрешал". "Подглядывать", "подчитывать бы", справиться, достать книгу — это мне решительно не свойственно.

Но каким возбуждением — я не знаю — мысли мои непрерывно текли, совершенно непрерывно, не останавливаясь даже на мгновение, и я никогда их не останавливал и никогда ими не управлял. "Хорошо или дурно, я так поступал..." Но нельзя даже сказать "поступал", п. ч. просто давал им "течь", "не мешал им"... "Хорошо или дурно поступал" — я не знаю, п. ч. "хорошо и дурно" просто отсутствуют из моего сознания, я не "при них родился"... Но, вероятно, у меня что-нибудь застряло ли, замутилось на душе, я бы "поперхнулся" психически, если бы не чувствовал, что "все, что течет, — хорошо", т. е. не чувствовал бы постоянно совершенной легкости души, совершенной ясности души, "так текущей". Я только не записывал до старости, — или записывал и терял, слишком много терял. Только болезнь мамочки и страдание, ею вызванное, заставило напечатать "мои грустные мысли — впервые. Она умирает. Пусть же через эти мысли (Гутенберг) мы будем вечно соединены". П. ч. канальственное изобретение Гутенберга сообщило мимолетному вечность.

Мимолетное до Гутенберга всегда и всеобщее умирало. Из "мимолетного" ничего не осталось от человечества. Кроме, однако, стихов, — как "мимолетных настроений":

Пью за здравие Мери,
Мери милой моей.
Тихо запер я двери
И один, без гостей,
Пью за здравие Мери.

Это — мимолетное. Т. ч. я даже "вышел из Пушкина". Лермонтова "Выхожу один я на дорогу" и "Когда волнуется желтеющая нива" или "Я, Матерь Божия", "Ветка Палестины" — суть великолепные "мимолетные". Так что собственно форма не впервые. Форма всегда была, но — в стихотворениях. Именно в прозе-то ее никогда и не было. Между тем она естественна именно для прозы, т. к. душа наша и есть проза (говорит не стихами).

Почему не записывали?

Вышло бы глупо и пошло, п. ч. без музыки. Вышла бы каша безобразия. И я вовсе не все сплошь абсолютно записываю, а лишь тогда и то, что попадает на какую-то странную во мне таинственную музыку, сущности которой я совершенно не знаю, но которая заключается в чем-то приятно текущем во мне, что меня успокаивает, от чего мне хорошо, от чего мне гармонично. От чего мне в сущности *мелодично*. Вот нашел слово и, пожалуй, разгадку. Душа моя *мелодически* сложена, ей *поется*, — но глухим, безмолвным пением. Разве бы я мог столько написать (невообразимо), если бы не эта тайна *мелодичности*. При которой, — раз слова попали на эту нить, музыку, — я только "записываю", а слова безусловно и все уже сами родятся.

Но тут должна быть добавлена степень "мыслителя" ("О понимании"): так что мое "мимолетное" вышло не "пью за здравие Мери" (никакой Мери нет, на балах не бываю), а — мысли, мир, Космос. Ибо любовь моя, "роман" мой — с Космосом.

Я точно слышу, как шумят миры. Вечно. Звезды слушаю. Цветы нюхаю. Особенно люблю нюхать серые, с земли взятые грибы. Мох. Кору дерева. Все это ужасно люблю нюхать. Вообще у меня мышление обонятельное (как, я думаю, есть "зрительные" и проч. мышления).

Ну, вот. Чем же я виноват?

Флоренский и Перцов говорят: "Не нужно больше *так* писать. Не хорошо". То же Волжский и Кожевников. Все — авторитеты для меня. Я сжался. "В самом деле не хорошо".

Но в конце концов почему же "не хорошо". Почему "Пью за здравие Мери" хорошо, а "как я ненавижу социалистишек" — не хорошо? "Это нервы, раздражение" (Флор.). Но если я "раздражаюсь", то почему я должен иметь вид спокойного? Даже гадюка имеет тот вид, какой имеет гадюка: и только одному бедному человеку "нельзя иметь такого вида, какой он имеет". Это какая-то беспаспортность. Хуже: "не имею вида". Это что-то ужасное. Фл. пишет: "Вы должны быть спокойны". Но если я не спокоен? "Скрывайте". Но почему я должен скрывать? Вообще тут что-то не то. Что "не то", я не понимаю. Но мне это мучительно и дурно.

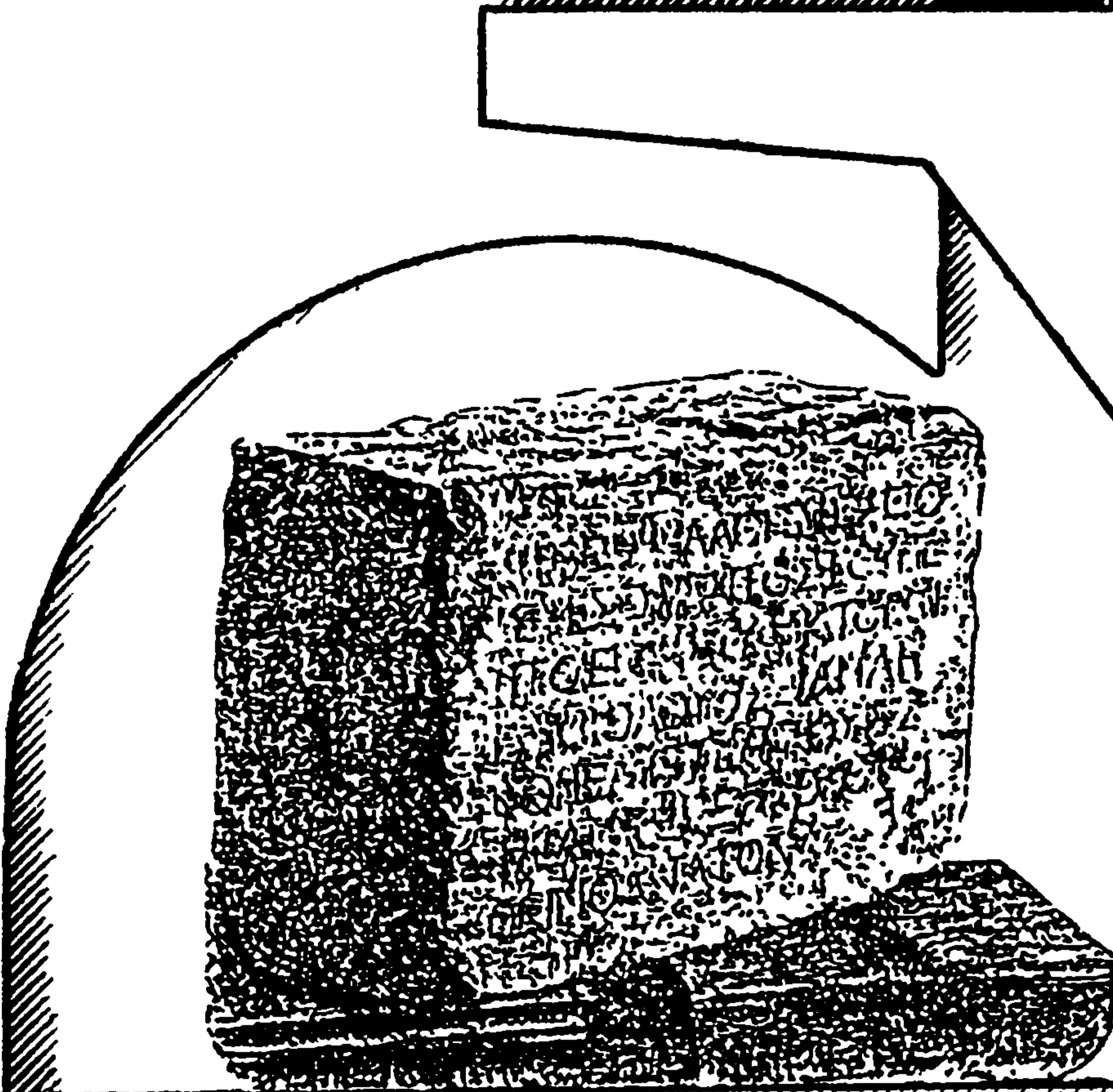
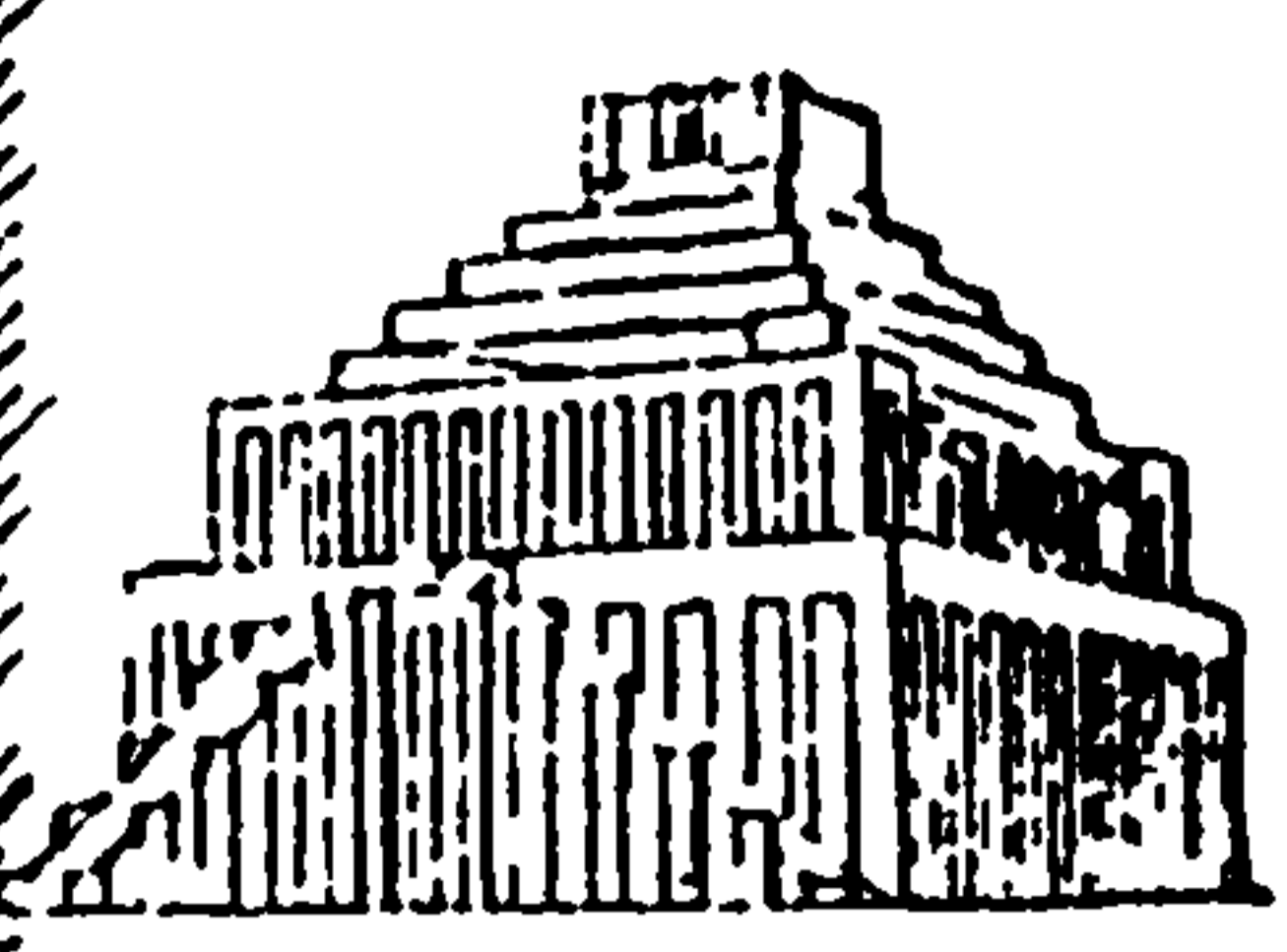
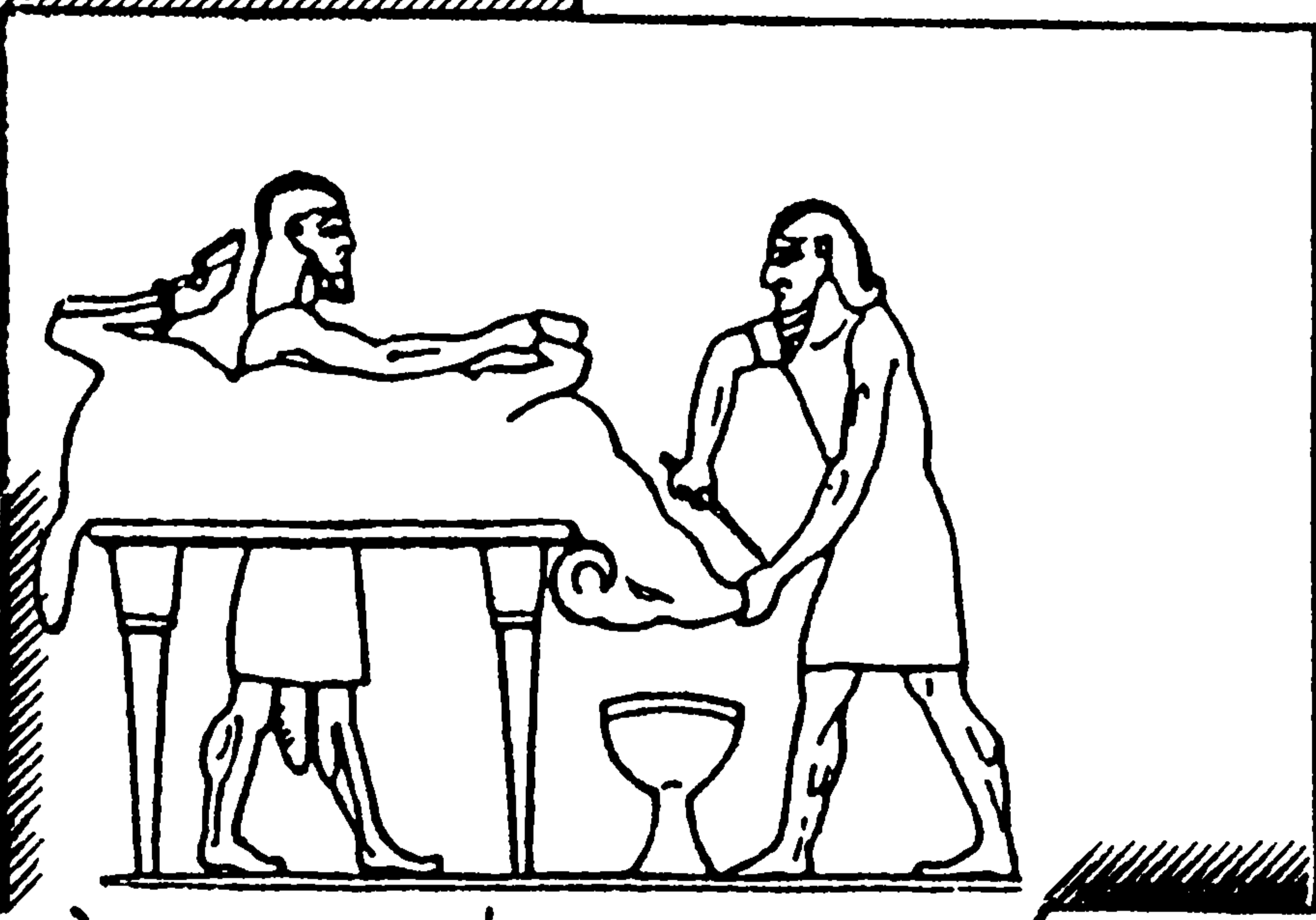
"Я не свой".

А я хочу быть "своим". Господи, один раз дана жизнь человеку, и он не должен быть "своим". Нет, Боже: Ты дал человеку предназначения, и каждый должен жить по своему предназначению. Фл-му он дал "к тишине и молчанию", и я не отрицаю, что это прекрасно, не отрицаю и того, что — прекраснее моего. Но если Он дал мне предназначение к вечным говорам (в душе), то я и должен вечно говорить. А раз "есть Гутенберг" — то и печататься. Зачем же "дана литература", что такое "литература". Не золотая вещь. Не спасение. Не спорю. Однако она все-таки "есть".

Отказываться "быть литератором", когда явно "позван к этому", мне кажется не хорошо. А что "не хорошо", чувствуется потому, что "стеснение". Зачем я буду заирать зов в груди, когда зов кружится. Пусть кружится. "На здоровье, батюшка". И вот я расхожусь с моими друзьями. С моими мильными друзьями. "Пусть всякая птичка летит по своей линии".

Природа.

Я хочу быть в природе.

**Обонятельное и осязательное
отношение евреев к крови**

*Вопросы науки решаются
не счетом голосов,
а знанием науки*

Статьи мои "Иудейская тайнопись", напечатанные в конце 1911 года, не были окончены, — как отмечалось и в печати, и в обществе того времени. Мне было болезненно, что люди волнуются около этого предмета и что статьи могут возбудить раздражение одних (у нас) и муку у других (у них)... Но события пошли неудержимо... Пришла мука с другой стороны, и в таком страшном очертании, что все вздрогнули. Задрожала Россия, задрожала, кажется, и Европа... Страдания Андрюши Ющинского вопиют к небу. И когда 99/100-х печати и общества накинудись на себя же и на своих, зачем мы не позволяем евреям делать с нами, что́ они хотят, — умученная душа писателя хочет кричать.

Статьи, помеченные *двумя* годами, 1911/1913 г., были написаны в 1911-м, но печатаются теперь впервые.

Другие статьи, притом важнейшие, написаны мною для этого сборника вновь. Но мне не удалось бы придать книге тот фундаментальный и закругленный характер, какой она имеет, если б ко мне не пришли на помощь один ученый друг и двое совершенно сторонних и мне дотоле незнакомых лиц. Эти-то их труды и подняли "свод над зданием", фундамент коего я закладывал. Вопрос о жертвенных убийствах главами всемирного еврейства христианских мальчиков может отныне считаться решенным в положительную сторону с тою же полнотою, точностью и достоверностью, как доказаны геометрические теоремы.

Молчание. Согласие. И — ничего третьего. Вот роль евреев отныне в этом деле.

В. Р.

30 октября 1913 г. Спб.

ИУДЕЙСКАЯ ТАЙНОПИСЬ

I

Представьте себе, что я хочу написать из Петербурга в Москву письмо, — или изложить на всю Россию какую-нибудь мысль. Ну, и пишу, печатаю. Какой вопрос?! А кто получил по почте мое письмо или купил мою книгу — читает. Дело явное, простое, осязательное. Но представьте другое: что получивший мое письмо или купивший мою книгу развертывает листы, видит — алфавит, буквы, наши, "русские", "православные"...

— Ну, читай!..

Шепчет губами и не может произнести ни одного слова. На лице недоумение, даже страх, — и он роняет книгу, письмо на пол:

— Тут ничего не написано. Буквы наши, русские: но все слилось *к ряду, слова не разделены*, а главное — *выпущены буквы "а", "е", "и", "о", "у", "ю", все гласные...* А ведь звук-то дают слову *гласные*: и все письмо, целая книга — *беззвучны!* Шевелить губами можно, а *выговорить ни одного слова нельзя.*

— *Что́ за чертовщина!* — скажет каждый. — Книгу или письмо можно только *прошевелить губами*, а *вслух прочитать нельзя!* Но если "вслух нельзя", — *то́* ведь это значит "шепот": и кто писал письмо или книгу, тот *самым способом написания* сказал покупателю книги или адресату письма:

— Тише! Не вслух! *Никому не "в слух"!* А только сам *посмотри, запомни и промолчи.*

Вот это письмо с угрозой "промолчи" и есть все так называемое "Священное Писание" иудеев, т. е. *самое раннее* по части письменности, что́ у них появилось и для записывания коего употребились буквы "все равно — какие есть", именно бывшие о ту пору возле них буквы торговых финикийян. Евреи не изобрели своего алфавита, — не старались, пренебрегали. "Дело не в том, *как* писать, а в том, *что́* писать"; "а напишем мы так, что *никто* прочесть не сможет, кроме того, кому мы *шепнем*".

В самом деле, странное письмо. Я обращаюсь к примеру частного адресата. Подает его человек, попридержавшийся у порога: а когда я развернул и начал читать, то он на цыпочках протянулся ко мне, положил палец на губы в знак осторожности и прошептал: "Его прочесть нельзя: но писавший (или изобретший слово, письмо, письмена) мне *передал устно и велел заучить*: как разделить сплошные буквы в слова и в какой строке и слове *вставить "а", "е", "и", "о", "у", все*

гласные. Я запомнил. И вот *при моей помощи* вы можете прочитать письмо”.

— Две чертовщины! Не одна, а две! Да что же тут за *секреты* в письме, когда оно не только так написано, но и послано с таким специальным посланцем?! Извините, я с вашим господином не в заговоре, не в договоре... И не хочу...

— В договоре...

— Что?!!

— Господин оттого и написал письмо этим особенным способом, и уполномочил меня все разъяснить вам, что, по его словам, вы именно вступили с ним в тайный договор, ото всех скрытый, с тайными условиями обеих сторон; и он посылает “вслед договору” это письмо, которое, естественно, не должно никем читаться, а если бы кому и попало в руки по нечаянности, то он не сможет его прочитать: письмо же детализирует договор, говорит, как именно и что вы со своей стороны должны исполнить... Исполнить и исполнять все дни вашей жизни, дни и ночи, 365 дней в году, и все годы до старости, до могилы!..

Возвращаемся от примера к самому делу, — истории. Самая *иудейская письменность* есть результат условия; “условие” было заключено родоначальником народа, за много веков до появления закона и всего вообще “Священного Писания”, до появления самого алфавита и грамотности; но весь ум народа до такой степени был скован “договором”, что когда появилась возможность написать что-нибудь, умение что-нибудь написать, — то моментально ум народа или его начальников мысленно применил эту возможность не к написанию частных писем, или рассказов, или песен, или правил благоустройства, или счетов, а к написанию *договора* и той *массы мыслей*, которые хлынули у него вследствие договора, вслед за договором, в зависимости от договора. То есть алфавит, грамотность и письмо уже *в момент появления* согласовались “завету” (с Авраамом) и получили внешний вид возможности прочитать только *двум*: написавшему и к кому послано “письмо”, — при невозможности прочитать *кому-нибудь третьему*.

Это и есть знаменитая иудейская *тайнопись*; притом исключительно — *священная*, не имеющая ни одной себе аналогии ни у одного народа, никогда во всемирной истории!

— Для чего не записать?! Пиши что думаешь! Пиши что знаешь!..

Вдруг, кому мы это говорим, — *не пишет*. “Такой же мужичок, как мы”, семит, среди арабов, финикиян, сирийцев. Даже без своего алфавита, с алфавитом чужим. Тогда мы догадываемся, что у него есть *тайная мысль*, которую он не хочет, а может быть, и не может никому сказать.

Тайнопись иудейская имеет под собою *иудейское тайномыслие*. Вот разгадка, — алфавита, письменности, всего: с самого начала, с самого же появления на земле, иудеи пришли уже с *тайною мыслью*. Ничего подобного ни с одним народом!! “Мужик Гомер” писал свою *Илиаду* явно, без сокращений; и наши былинщики свои “былины” говорили и пели явно; все мужики всей всемирной истории говорили, пели, сказывали явно, — кроме одного “мужика из города Ур” (в Халдее, откуда вышел Авраам) и другого “мудреца из Египта”, Моисея: эти — ничего *явно*, все — *шепотом* или говоря какими-то непонятными знаками.

Невероятно и действительно. "Откровение" (церковный термин) есть *только и непременно* второй член "сокровения". Что предварительно не "сокрылось", — тому нельзя когда-нибудь и "открыться"... И тот термин, к которому мы все так привыкли, — "Божественное Откровение", — и имеет свою предварительную и подготовляющую фазою вот эту *тайнопись и тайномыслие*, которому соответствует *тайное поведение и тайный культ*. "Всякий не еврей, который переступит через эту черту, будет убит", — было написано на одной из перегородок непонятного иерусалимского Храма! Как странно — для нас, нашей психологии и наших храмов! На этой "черте" бились до последнего издыхания еврейские священники и левиты, когда в Храм вломились римские воины: и все пали, грудую, кучею здесь. Воины, нечаянно для себя, вступили в "яицо", мистическое "яицо" целого племени: ну, за скорлупу — проникли, в белок — проникли, прошли даже в желток "чужие бактерии": и вдруг — "Остановитесь! Не далее!"... "Вы умрете, или мы умрем", — когда воины стали ломиться в "зародышевое пятнышко". Не понимая, воины все шли; тогда "священники" умерли. Странные "священники", до такой степени непохожие на наших, у которых нет ни секретов, ни тайн, ни темных уголков. "Религия *Откровения*" (наша) — "религия *Сокровения*" (ихняя).

II

Ничего нет интереснее, волнующее, а в конце концов и тревожнее, страннее, — чем когда читаешь подробности *скрывания смысла текста* священных книг у евреев. "Чтобы птица *не подглядела*, дикий зверь в поле *не заглянул*", — только так и можно выразить постоянный испуг, "как бы кто *не узнал*"... Испуг и смущение авторов, писателей и переписывателей странных, "заветных" книг. — "Кому узнавать?!" Грамотности — нет, интервьюеры — не рождались, "корреспонденты" не любопытствуют... Пустыня, никого нет! — а они хоронятся и хоронятся, зажимают себя "в горсточку", скрываются "в кулачке", — оглядываются: не видит ли кто, не *смотрит* ли кто, в особенности — не *слышит* ли кто. — "Тише!!" — и нет гласных букв. *Гласные* буквы, где и как их расставить, и, далее, как расчленивать сплошную массу букв на слова, на связную и ясную *речь*, — более *тысячи лет* сохранялись в *памяти, в традиции*: но с таким совершенством, с такою абсолютною точностью, что когда потом знаки расставились, — расставились уже в пору, когда евреи были рассеяны по всему свету, — то они расставились в Месопотамии, Палестине, Египте, в Германии, Испании и в Польше одинаково, как бы были отпечатаны стереотипно. Внимание и осторожность уравнивались машине, механике. Это чудо памяти и точности принадлежит только евреям. "В рукописях" достигли точности "печатания". — "Списывающий, прежде чем написать слово, должен предварительно громко и отчетливо его выговорить вслух: и уж затем — писать буква за буквою" (одни согласные). — "Встретив непонятное или кажущуюся ошибку, предположенную и, наконец, явную ошибку (грамматики, согласования слов), — пиши с ошибкою, как видишь в предыдущем списке, с которого списываешь". — "Если буква ненормально велика срав-

нительно с прочими в тексте — пиши ее ненормально большою, отнюдь не уменьшая”. — “Копируй, — и *только*”. — “Кончил: весь список проверяют 30 дней ученые по оригиналу, с которого списано; и как только найдена одна-две ошибки, т. е. просто недостает одной-двух черточек, точек, — весь свиток, целая рукопись уничтожается” (сверщиками-цензорами)! — “Встретив имя Божие, — прежде чем начать его копировать — встань и произнеси краткую молитву-славословие: и затем уже, сев, можешь его списывать”. Если мы взглянем на теперешний (масоретский, с пунктуацией) текст, то мы увидим как бы страницу нашей книги, но всю засыпанную пылью или сором... Всматриваемся, что за “пыль”? Это *между* буквами, *над* буквами и *под* буквами проведены осторожно тончайшие черточки, паутинные, и — точки, одна точка, две точки, три точки под одною буквою, и, напр., *три точки то прямо кисточкою висят* под буквою, то свернуты в *треугольник*, то отходят *вбок, полувися и полуже*. “Читай так, а не этак”, — говорят все эти знаки. Это — гласные, разделения слов и проч. Как бы около текста — *шепоты* автора и, затем, *генераций* переписчиков, — *теперь* читающему. Наконец, против некоторых строк на полях стоят пометки: “в слове (таком-то) отними (такую-то) букву”; тогда получится другое слово, и вот это другое слово и читай про себя, когда в тексте написано вовсе не оно (написано *с пропускаемою мысленно буквою*); или: “читай, но не пиши” (*keri velo ketib*); “пиши, но не читай”, “пиши и читай”, “читай *так*, а не *этак*” (*al tikri ken ve ala ken*)... Казалось бы: “*так — читай, то и пиши — так*”, “нечитаемою букву — *пропусти и в рукописи*”, “*начни писать без этой выпускаемой при чтении буквы...*” Нет! *тысячу лет держали в памяти*, как нужно прочитать: и всю тысячу лет писали с нечитаемою буквою. Например, в тексте: “Ты (Господи) не умрешь” (пророк Аввакум, I глава, 12 стих), а в чтении: “*Мы* не умрем”... *Звучит*, в синагогах, везде: “*мы* не умрем”, а видится беззвучно: “Ты (Господи) не умрешь”... Совсем другой смысл! Да: но взглянуть на него можно, произнести — нельзя. И никто *не произносит*, а в мыслях у *всех проносится*. Наконец, уже в эпоху составления Талмуда было непонятно, что в некоторых местах текста Св. Писания стояла такая-то буква — одна как бы линейно-вытянутая, а в другом месте та же самая буква — *точечно-малая*: разницу *величины* сохранили до нашего времени... Точно в надежде: “когда-нибудь это откроется”. “Бог откроет”, “мудрец шепнет”...

Но “обсыпанный текст” — только в домашнем употреблении: в синагогу вносят свиток только “голый”, без всяких знаков и руководств для чтения! Это — непременно и закон! Всякий свиток с проставленными гласными — тем самым негоден к храмовому чтению! Между тем он читается *вслух*, и не одним раввином, но к нему подходят и евреи — *выкрикивая* слова и *жестикулируя*! Без знаков? Читают, поют, кричат — *по традиции*! В синагоге вдруг встает требование еще времен Вавилонского плена: “*кроме сплошных согласных — ничего в Священном Писании!*”.

Характерны выражения Талмуда: “с Синая закон принесен был *обнаженным*” (одни согласные); и, затем, про “пыль знаков”: “они дают Писанию *одушевление*”. Вот *его-то* и “скрой”. “Кости все могут видеть, в кровь — не заглядывай”. В “Святое Святых” Храма — тоже “никто не

заглядывай”. Удивительно, что на странный способ еврейской *тайнописи* походит и *тайностроительство* Скинии: двор, притворы и даже “Святое” с богослужением — это как бы “согласные буквы” религии, которые можно “писать и видеть”: но вот — занавеса, густая, со складками, в несколько рядов, за которую *в совершенную темноту* входит однажды в год один первосвященник, чтобы покропить кровью стоящий там ковчег завета... Это — “keri velo ketib” культа, его — “смотри, но не читай вслух”, тайные “гласные”, с которыми только смысл и становится ясен. Когда первосвященник показывался назад из-за занавесок, то весь народ восклицал ему навстречу: “Жив ли ты?” Т. е. не “умер” ли? не “случилось” ли что с тобой? Странные слова, напоминающие те, которые в Талмуде сказаны о *догадавшихся* насчет “колесницы” Иезекииля: “один — умер, другой — сошел с ума, и один Акиба вошел с миром и вышел с миром”.

— Да для чего скрывать?!! — восклицает Гомер и наш былинщик.

Значит, было для “чего”... Все ведь мы, *православные*, “признаем Ветхий Завет”: а подите-ка, *нарисуйте на стенах наших церквей* “Авраама, заключающего завет с Богом”, т. е. совершающего странную операцию над собою и 14-летним сыном Измаилом, как равно и над всеми *взрослыми* рабами своего дома: молящиеся православные закроют руками лица, глаза и со страхом, в смятении разбегутся!

А “священно”... “Священно”, — но нельзя “смотреть”, “видеть”. Это и есть — “Сокровение”, первая фаза Откровения, — по которой, по ее *стилю*, по ее *духу* — и *тайностроительство*, и *тайнопись*, и в основе всего — *тайномыслие*.

А 400 раввинов на всю Россию уверяют: “ничего *тайного*”. Напротив, *все* решительно — “тайна”, а вот *явного* — ничего!

Да вы всмотритесь в походку: идет еврей по улице, сутуловат, стар, грязен. Лапсердак, пейсы; *ни на кого в мире не похож!* Всем не хочется ему подать руку. “Чесноком пахнет”, да и не одним чесноком. Жид вообще “скверно пахнет”. Какое-то всемирное “неприличное место”...¹ Идет какою-то не прямою, не открытою походкою... Трус, робок... Христианин смотрит вслед, и у него вырывается:

— Фу, гадость, и *зачем* я не могу обойтись без тебя?

Всемирное: “зачем не могу обойтись”...

Но жид стукнул в дверь; грязная рука высунулась и подняла защелчку. Совсем согнувшись — он прополз туда.

Проползла — *тайна* и в *тайное место*. И опять все в *согласии* со всем: пока вы его видели на улице — вы видели как бы одни “согласные” человека; вошел он *в дом* — и открываются в нем “гласные”. Самая фигура его, толстая, округлая или, наоборот, преувеличенно вытянутая и преувеличенно худая (два *типа* евреев), с лоснящеюся потною кожей, имеют что-то в себе напоминающее пузатую старую синагогальную “тору”, свитую вокруг палки.

— Ах бы обойтись! А не можем!

— “Бьем” его, — а “торгуем” с ним и — “читаем его книги”.

1911 г.

¹ В “тайнописи”, в которой много узоров, есть и следующий: некоторых “резко неприличных мест текста”, “грубо неприличных” — не читают, а вместо их вслух читают другие, смягченные (“эмфатические”) слова, выражения, формы.

Есть ли у евреев "тайны"?..

(Ответ на заявление 400 раввинов)

Все русские раввины, — числом более 400, — дали торжественное клятвенное заверение, что "в законах их, вероучении и толкованиях, письменных или устных, не содержится ничего тайного", что не было бы объявлено всему свету, куда они не повели бы каждого заглянуть и понять; что у них нет *темных* и *неосвященных* углов. Но в таком случае что же означает начало 2-й главы трактата *Хагига*, в Талмуде:

"Законы о кровосмешениях не истолковываются сразу трем слушателям; рассказ о сотворении мира не истолковывается сразу двоим; *Колесницу* же (в видении пророка Иезекииля) позволительно объяснять лишь одному, — и то, если объясняющий заметит, что тот, кому он хочет объяснить, уже *сам и собственным разумением дошел до понимания*".

Нельзя образнее выразить *полное запрещение* всякого объяснения. Единичные талмудисты "сами доходят своим умом": и беседуют о запрещенном смысле этого явного текста, лишь заметив, что *оба его понимают в одном смысле*.

Дальше слова и приметы еще разительнее, а речь очень темна, и дозволяет только заметить, до чего *юдаизм полон тайн*, притом каких-то зловещих, от которых "уразумевающие дело" даже сходят с ума. Приведу темный текст (тот же трактат, та же глава):

"Тому, кто размышляет о следующих четырех вещах, лучше бы не родиться на свет: что выше (?!) и что ниже (?!), что прежде (?!) и что после (?!). Тому, кто *не щадит чести своего Творца (!)*, — лучше бы не родиться на свет".

Тосефта, или пояснение, к этому тексту талмудического закона:

"Не толкуют законов *о кровосмешении* трем, но толкуют двум; не толкуют рассказа *о сотворении мира* двум, но толкуют одному; а *Колесницу* толкуют одному лишь в том случае, если он ученый и понимает по собственному разумению. Однажды рабби Иоанн, сын Заккая, ехал на осле, а рабби Элезар, сын Араха, погонял сзади. Он сказал ему: "Рабби, преподай мне один отдел из *Колесницы!*" Тот ответил: "Разве я тебе не говорил, что нельзя толковать *Колесницу* одному, разве что он учен и понимает по собственному разумению". Он сказал ему: "*Позволь мне, — и я произнесу перед тобою*"...

Без сомнения, в подчеркнутых словах содержалось что-то, что указало рабби Иоанну, что рабби Элезар *догадался о Колеснице* и "понимает" ее так, как и он. Ибо вот что произошло:

"Рабби Иоанн, сын Заккая, *тотчас же сошел с осла*, и они *накинули на себя плащи* и сели оба на камне под оливковым деревом. Когда он кончил, то рабби Иоанн, сын Заккая, встал, поцеловал его в голову и сказал: "Благословен Господь, Бог Израилев, который дал отцу нашему Аврааму сына, умеющего истолковывать и пояснять слова Отца нашего, что на небесах; иной *хорошо толкует, но не хорошо исполняет (!)*, иной хорошо исполняет, но не хорошо толкует; а Элезар, сын

Арахов, хорошо толкует и хорошо исполняет. Блажен ты, отец наш Авраам, из потомства коего вышел Элеазар, сын Арахов, который умеет *истолковывать и пояснять славу Отца нашего, что на небесах*" (!!).

"Рабби Иосе, сын рабби Иуды, говорит: "Рабби Иисус произнес *Колесницу* перед рабби Иоанном, сыном Заккая; рабби Акиба произнес перед рабби Иисусом; Анания, сын Хахинаи, — перед рабби Акибою".

"Четыре человека вошло в парадиз (рай, сад): Бен-Азай, Бен-Зома, Ахер и рабби Акиба. Бен-Азай *взглянул и умер*; о нем говорит Писание: "Дорога́ в очах Господних смерть святых Его" (!!). Бен-Зома *взглянул и потерял рассудок*; о нем говорит Писание: "Нашел ты мед, — ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться и не изbleвать его" (!!). Ахер посмотрел и вырубил насаждения (т. е. "парадиза, на который он взглянул"). О нем говорит Писание: "Не позволяй уста́м твоим вводить в грех плоть твою" (!!). Рабби Акиба вошел с миром и вышел с миром. О нем говорится в Песни Песней: "Влеки меня, мы побежим за тобою, — царь ввел меня в чертоги свои".

"Однажды равви Иисус шел по улице, а Бен-Зома шел ему навстречу. Он поравнялся с ним и не приветствовал его. Тот сказал ему: "Откуда и куда, Бен-Зома?" Он ответил: "Я размышлял о мироздании и нашел, что между водами верхними и между водами нижними нет даже одной ладони, ибо сказано: "и Дух Божий *носился* над водою"... В тот час рабби Иисус сказал своим ученикам: "Бен-Зома — *уже вне*" (разума). Спустя несколько дней Бен-Зома *умер* (!!). Привели притчу, чему это подобно: "Царскому парку, в котором построена башня. Чтó делать человеку, как не смотреть, не отнимая глаз от него? Другое, чему это подобно: дороге, проходящей между двумя стенами: одна огненная, а другая снежная; склонится он в эту сторону и обожжется огнем, склонится в другую сторону и обожжется снегом (!!); но человек должен держаться середины, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону".

Не правда ли, выразительно и поразительно?

Таким образом, в юдаизме есть какие-то темные уголки, куда смотреть "запрещено", которые "обжигают" и, вместе, сливаются с рассмотрением "славы Божией"; и вот об этой "славе Божией" почему-то нельзя разговаривать, *продолжая ехать на осликах*, а учителю и ученику надо *сойти на землю*.

1911 г.

* * *

Все 400 раввинов клянутся, что "не только человека кровь, но даже и животных кровь — *запрещена к вкушению евреям*". Но если бы переменить форму вопроса и спросить их: "Бог, коему поклоняется юдаизм, разве не имеет некоторого *положительного отношения к крови человеческой*, некоторого *притягательного к ней отношения*?" — то неужели решились бы они сказать: "Нет, не имеет"?! Они *этого* не скажут, не напишут и не заявят. А в *этом-то* и лежит тайна юдаизма. Евреи очень хорошо знают, что в одном ритуале служебное лицо синагоги *высасывает ртом некоторое количество младенческой крови*,

взяв в рот предварительно вина. Так как в юдаизме — все тайна и покров, все иносказание и намек, то посторонним людям необыкновенно трудно судить, где кончаются эти намеки, чем ограничиваются эти иносказания. В христианстве решительно никто не берет в рот кровь живого человека, — и предложить это, притом *в ритуале*, — значило бы смертельно испугать христиан!! На намеки — отвечу намеком: скажите, что повлекло иудеев не обойтись как-нибудь, не заменять чем-нибудь этого высасывания живой крови из живого человеческого существа? Я же отвечу, что хотя им запрещено вкушать кровь всякого живого существа, но — как еду... И может быть запрещено оттого, что они живьем съели бы тогда мир: ибо они и "бог" юдаизма *страстно любят кровь.*

"Так люблю, что запретил себе, — страшными запретами"...

И — не *вкушают*...

Но — любят и томятся... вот до *ритуального обычая хоть подержать во рту кровь!*..

Так иногда старое густое вино страстный любитель его, взяв в рот и наклоняя голову так и этак, переливает справа влево и слева вправо; и течет оно по деснам, по языку... Ах, все это очень страстно. И недаром сказано в Песне Песней:

"И мирра падала с рук моих, и с пальцев моих капала мирра"...

А что "есть", "обедать"... Скучно... Но вкус, но запах — это родит безумие. Вот 400 с лишком раввинов, подписавшихся под "исповеданием", сказали бы лучше, что евреи, — да и не одни они, а даже юдаический "бог", — *лишены влечения к запаху крови, к осязанию крови, к виду крови, непременно живой (до свертывания), как можно дольше — живой, в движении — живой*...

Ведь еще в библейские времена они подбрасывали лопатками кверху кровь, "окисляли" ее раньше химии, не давая свертываться: и дышали, и дышали ею, непременно — живою! как можно дольше — живою!..

Как не понятно христианину! *Человеку вообще* — не понятно! А еврею — сладко!..

И вот тут... большие многоточия. Укрывшийся в тайну не говори, что он — въяве. И даже не ропщи особенно на подозрения, на шепоты около тайны. Евреям надо быть скромнее, евреям надо быть тише.

1911/1913 г.

Еще об иудейской тайне

(Ответ г. Переферковичу)

Ни один из раввинов не ответил мне в печати по вопросу, *есть ли* в юдаизме тайны; но ответил г. Переферкович, переводчик на русский язык всего "Талмуда". "Юдаизм, — он сказал, — *единственная религия, в которой нет никаких тайн*".

В таком случае я предложу г. Переферковичу *напечатать в общераспространенной газете "Речь"* (ответ его мне появился в кишиневской газете "Бессарабия", представляющей в своем роде литературную тайну для России) *изложение без пропусков* всей процедуры "заключения завета новорожденного младенца с Богом", т. е. ихнего священного *обрезания*;

и, в особенности, того, что обрезывающее лицо делает с младенцем после того, как оно уже окончено, когда нож перестал действовать.

Изложения этого еврейская газета "Речь" не допустит на свои страницы.

Изложения этого г. Переферкович не решится сделать. Т. е. вслух русских — для "погляденья" и "прочитанья".

Хотя все евреи это постоянно видят и знают.

"Мы знаем; но еще — никто не должен знать. И мы никому не скажем".

Неужели это не тайна? не *прототип тайны*? Наше крещение, наше причащение, наше венчание, миропомазание — "каждый приходи и смотри". И все наши ритуалы можно изложить в газете, журнале, в учебнике для детей. Это "тайинства" в смысле ценности, важности, тяжеловесности, золота; но это не тайны, как скрываемое. У евреев нет "тайнств" в смысле христианских, в нашем смысле; но есть тайны, как "секреты". Как то, чего нельзя *показать*, ни — *рассказать*.

* * *

Итак, процедуру обрезания г. Переферкович не расскажет печатными словами.

Но есть еще более важный пункт.

Г. Переферкович, — к его чести, очень уважающий христиан и христианство, считающий христианство религиею высшею и более просвещенною, нежели юдаизм, — не откажется признать, что христиане почитают И. Христа не менее, чем евреи — Иегову.

Но христиане выговаривают вслух: "Иисус Христос".

Отчего евреи никогда не произносят имени Иеговы и им это запрещено?

Ссылаются: "из великого страха и трепета перед ним".

Но ведь это не бóльший трепет, чем у христиан перед И. Христом?

Нет, — они по *чему-то другому* не произносят. Почему? Пусть переводчик Талмуда вслух объяснит. Но — он не объяснит.

Опять тайна.

Я же замечу, что имена в древности заимствовались от существа того, что получало имя. И в "тайном Имени Божиим" выражалось *Существо Божие*: которое было до такой степени *укрываемо* от всех на свете, от чужих людей, от иных народов, что самим евреям было запрещено когда-либо вслух произносить его, дабы не совершилось *подслушивания* (посторонним человеком). Но в то же время евреи (все) знали это имя: ибо бессмысленно запрещать произносить то, что человек, выслушивающий запрещение, не умеет произнести.

Конечно, *знали* произношение; но никогда — вслух.

Г. Переферкович и еще один *еврей-оппонент* возражали мне, что "во всех семитических языках согласные не пишутся". На это — два ответа:

1) Да все семиты и исповедывали одну религию, с *одною тайною*. Это были "двоюродные религии", хотя и непрерывно враждовавшие между собою, как враждуют "старообрядцы" и "православные", "лютеране" и "католики", — все одинаково *христиане*. Об этом писал я еще

в 1897—1898 гг. в "Русском Труде" и в "Новом Времени", гораздо раньше, чем Делич начал сблизать религию евреев и вавилонян.

2) Что это — *так*, подтверждается фактами, что уносимые завоевателями сосуды из иерусалимского храма они *ставили в свои храмы*. "Сапог пришелся по ноге", т. е. в Вавилоне, Ниневии, да и везде решительно у *семитов*, сапоги были скроены "по мерке с одной ноги". Но храм Божий, по иудейскому представлению, есть *вместилище Бога* (почему и храм может быть только *один на земле*). Следовательно, в одинаковых храмах обитал везде *тот же Бог*. Только евреи говорили: "Он — не у них, а — у нас", финикияне: "Нет, не у вас, евреев, а — у нас"; "и *ваши* сосуды должны быть поэтому *перенесены к нам*".

3) Да это и *очевидно*: все семиты поклонялись богу *плодородия*. Но евреи и до сих пор не поклоняются ли богу *плодородия*? Какая же и в чем *разница*?! *Существо* — одно. А иногда вдруг высказывало одно *даже имя*: Давид был совершенно "православный" иудей, говоря нашим языком — "канонический", настоящий. Что же мы видим: в состав имени некоторых сынов его *входит имя Ваала*, с выражением полной в Ваала веры; например, "Ваал дал" (сына), "милость Ваала" (ко мне). Имена человеческие давались в древности по существу, по вере, *не были простыми звуками*¹.

Может ли христианин когда-нибудь назвать своего сына именем, в которое составною частью входило бы имя "Аллах", "Будда" или "Конфуций"?! Значит, Давид почитал Ваала *своим богом*; только *вообще-то* у евреев он назывался иначе, как бы, напр., не "der Got", не "Matka Boska", не "Notre Dame", а, напр., "Бог" и "Пречистая Богородица". Другие звуки. Эта-то *разница* только звуков, а не мысли и представления и ввела ученых в заблуждение; о чем евреи *промолчали и посмеялись над европейцами*.

1911/1913 г.

Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови

Все 400 раввинов клянутся, что не только человека кровь, но даже и животных кровь — "*запрещена к вкушению евреям*".

Это слишком явно, ибо мы читаем в Библии: "никакой крови *не вкушай*", с добавлением, однако, на которое нужно обратить все внимание: "ибо кровь — *это душа*". "Не вкушай крови, потому что *она священна*" — вот перевод. Поэтому ни о каком примешивании крови человеческой или какой другой *к какой-нибудь пище* евреев, — не может

¹ "Ваал-Имаф" — имя одного из сынов Давидовых. Еще в той же V главе "Второй книги царств" говорится об употреблении Давидом имени "Ваала" как имени *своего* бога: "И сказал Давид: *Господь* разнес врагов моих передо мною, как разносит вода. Почему и месту тому дано имя: *Ваал-Перацим*". См. стихи 16 (имя сына Давида) и 20-й.

быть и речи. Это — бессмыслица, и этого просто — *нет*, ибо это противоречит *стилю* веры, культа и "тайны".

Напротив, что "*кровь есть душа*" — это одно из великих "Сокровений" Библии, которое они *таили* от всех народов, так обильно проливавших в то время кровь (особенно ассириане). Отсюда — не только *война*, но и *охота* почти запрещена евреям всем духом их законодательства. Еврей *с ружьем*, подстерегающий *дупеля* в лесу, — невиданное и смехотворное зрелище; как — и еврей *верхом на коне*, *чертящий воздух саблей*: смех, невозможность и беззаконие. *Жид* в сущности *баба* (старая), которой ничего мужского "не приличествует". Их и "бьют", как "баб", с этим оттенком презрения, удовольствия и смеха: делают это как что-то "само собою разумеющееся" и "ожидающееся"... Втайне я даже думаю, что евреи не не любят, когда их колотят, но только делают "вид протеста", подражая мужчинам и европейцам или притворяясь мужчинами и европейцами. Но "милого побои не долго болят", и никуда они от "бьющих" не уходят... "Сладко садняет", и вообще тут есть садизм "сладких язв". Пророки им предсказывали: "Будешь *язвен и мучен*": это буква в букву о кишиневских и белостокских делах, об английских и о старо-казацких. Но "бабы", в отличие от мужчин, имеют свои вкусы, иногда застенчивые вкусы. Если бы я спросил всех раввинов: "А не имеют ли евреи, да и не они только, а и "бог" юдаизма, *некоторого положительного отношения к крови человеческой, некоторого притягательного к ней отношения*", то они ужасно бы смутились, смутились и застонали бы, сознавая в недвижимом стоянии своем, что подходят к главной их тайне. Да, вот великое "сокровение" иудеев: "Мы любим кровь". Было, что "скрывать от народов", было основание для "тише", "не смотрите", "не читайте"; в особенности — "не догадывайтесь". Библия полна *косвенных сказываний*... Все указывают, евреи указывают, Рембрандт и другие художники рисуют, как Бог *не дал Аврааму совершить* "заклание" сына Ему в жертву: но это пока — *явное*, те "согласные буквы", которые видны глазам. Но тут есть и невидимые гласные буквы, которые подразумеваются... Никто не обратил внимания, что *моментажно* последовало за *недовершенным* (только) сыно-жертвоприношением. Напомним: Бог везде называется в Библии "огнем": "Аз есмь *огнь пожирающий*", — говорит Он о Себе. Вдруг этот "Бог-Огнь", едва подвели к нему отрока, взвился, лизнул и отступил, точнее, — повелел отвести мальчика в сторону, *удовольствовавшись ягненком*. Рембрандт и другие, пораженные красотой и значительностью события, его *картинностью*, не заметили *слов сзади ее*, которые нельзя не назвать жадным лизанием жертвы:

"*Мною клянусь* (какой жар, *нигде* еще такого тона!!), что так как ты сделал сие и *не пожалел сына твоего*, единственного твоего (какая нежность!), *для Меня*: то Я, благословляя, благословлю тебя и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов твоих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа (зова? требования? алкания?) Моего".

Вот на что надо было обратить внимание, а не на картину спереди, *en face*, в выпуклости. Не "*дразни огонь*", говорят. Что-то живое в самом деле есть в огне. Поднесите хворостину к пламени костра, — не касаясь

его, — и пламя вытянется в язык, в длинный угол, в острую ленту и хочет лизнуть хворостину. Но вы отдернули назад хворостину: ничего не произошло, хворостина цела; отрок цел, Исаак жив. Однако из этой "целости" и "живости" дико было бы заключать, что между огнем и хворостиною *нет притяжения*; что между иудейским "неисповедимым" Иеговою и *отроческою кровью*, — именно *отроческою* или *младенческою*, невиннейшею, чистейшею, — нет мутящего ум *притяжения*. Жертвоприношение Исаака, так *обманувшее чужеродцев* тем, что оно *не довершено* (именно — для их глаз), *последующими словами* говорит (шепотом потомству Авраама), что его хранитель и ангел в истории "любит вот то-то"...

Да, эта "баба с Востока" — страшная! Страшное видение, не нарисованное Рембрандтом: человек, *мальчик*, сын, *несший дрова для себя* (какие подробности!), перед жертвой *попросивший отца связать себе руки*, чтобы не биться при заклании и *хоть видимостью сопротивления не оскорбить Бога* (комментарий Талмуда к этой сцене): и... какой-то жар... и истерика: "отведи", "не надо", "только ягненка Мне дай", но... "как ты благословен за это", "какими наградами я тебя за это осыплю".

— За что "за это"?!!

Пообещал сына; и *подвел* уже к огню, "в котором Аз" ("Аз есмь Огнь *поедающий*")...

Что *еда*; еда — глупое, грубое; еда — это *земное*. "На небесах" только обоняют; и на земле иногда обоняния родят безумие.

* * *

Вот я раввинов и спрошу об этом: нет ли у евреев, да и крупнее, — нет ли у *самых раввинов*, не у "казенных", спереди поставленных, а у *стоящих позади их, настоящих раввинов, положительного обонятельного и осязательного отношения к крови*, вообще всякой, но и к *человеческой особенно?*

Стонет душа еврея: не может он сказать: — "нет!"... Не смеют (евреи). — "Не смеем" (раввины).

Да и слишком явно: кто же припишет в "Священном Писании" Богу то, чего *сам не имеет?* Христиане кротки, — и Бог их "кроток сердцем"; но если израильский Бог любит "обонять запах жертв" (буквальные слова Библии), то *евреи неужели же этого не любят?!*

По "богомольцу — Бог", и, обратно, "в связи", "в завете": "по Богу — *и богомолец*".

Явно!

Да и как *вывод* тоже явно: "в крови" ведь "душа", дух, жизнь; кто же не "любит душу человеческую"?! И как только *тайность* и *тайномыслие* слили "душу" и "кровь", — так обоняние крови, осязание крови, всякое отношение к крови из "отвращающегося и гадливого" перешло в "безумное и сладостное", "восхищенное и восторженное".

Да всмотритесь же вы во *все "богослужение"* иудейское, которое нимало не походило на спиритуалистическое христианское, с нашими "эктениями" и проч. ...

Правда, там возглашаются псалмы, — не думайте, не нашими тихо льющимися тонами! — Звенели серебряные длинные трубы; и среди

храма, с привешенною к потолку виноградною кистью-лозою из золота (пожертвования), до того огромною, что ее не имели силы поднять десятки священников, — непрерывно и непрерывно текла, струилась, капала кровь, *всегда разделенная в струйки и капельки*, для большего испарения и большей пахучести. Выражение Песни Песней: "Имя твое сладко, как пролитое миро" (буквально: "как миро, переливаемое из сосуда в сосуд") — есть закон всего "богослужения", прежде всего — *пахучего кровью богослужения*. Для нас бы — отвратительно пахучего: но "что немцу смерть, то русскому здорово", а что "христианину — вонь, то иудею — сладость". Посмотрите на их большие тяжелые носы: это не наши маленькие носы "с переимочкой", а какая-то обонятельная утроба. Посмотрите на их толстые, мясистые губы. И *вкусы* у них, и *обоняние* у них — совсем другие, чем у христиан. Как и другая хватка, походка. Мы все немножко "копытные", простодушные, громкие, явные, "водовозные"; "пасемся на полях" вширь и даль. Евреи ходят около чужих стад, — непременно рассеянно, разбросанно, всюду, — как и все хищные, не кучащиеся в стада. Они "воды не возят" и сыты... Стелются по земле, кроются в камышах, уходят к себе и в себя, — ночные, таятся... Нога их или лапа вовсе не оканчивается копытом.

Они пугливы. И кошки пугливы!

Во всяком случае этот "трус" любит кровь.

"Кровавая баба" Востока: тут нервы, закон и неодолимое. Тут нет вины, а только вздохи. Тут тоска народов, судьба народов. — "Ну, что же сделаешь", — если около пасущегося огромного буйвола есть и маленький ягуар, около лося — рысь; что делать, когда мир вообще сотворен в *копытных и когтистых животных*, в *мотыльке* и в *склевывающей* его птице... Судьба, покорность и терпение. Покорность и глухое молчание. Да зачем в мире сотворены и жизнь, и смерть?

Идиллия и трагедия?

Никто не понимает. Молчат и евреи о своем странном призвании. Человек сходит на землю, чтобы *исполнить* жизнь свою, а не чтобы понять что-нибудь в жизни. И "покорность воле Божией", с этою, как в Библии, настойчивостью, частым повторением, не как "присказка", а самая "сказка жизни", грустная и нескончаемая о ней повесть — это все тоже в "Сокровениях" Израиля.

Это уже — *молитва кротости*, льющаяся в псалмах, впервые вырвавшаяся у еврея; ее нет у Гомера, нет *нигде* у явных народов. Она появилась у того же тайного народа, который любит обонять кровь. "Кровь — душа"; а молитва — сущность души. Но опять это из тех страшных тайн, которые нужно было сокрыть. Это уж я говорю, что надо было скрыть. Зачем людям знать то, от чего может помутиться разум?

"Бог невидим"? — Да! — "В Библии?" — Невидим! Прекрасно: но по какому же умственному закону, сердечному закону, совокупному душевному закону — евреи и Библия придали "невидимому Богу" *ноздри?!!* "Пар от ноздрей Его" — выражение Библии. Лица нет, ничего нет, головы нет... "Но ноздри"?.. Еврей задумывается, упорно молчит, долго молчит, и шепчет: "Ноздри есть *и у Бога*". "Ибо я самого сладкого, до молитвы, до экстаза, не отведал бы без ноздрей: и не могу отнять у Бога то, чем сам живу, оживляюсь, восторгствую"...

Библия прямо говорит, что Бог *обонятельно* воспринимает земные молитвы... Опять "прячь это в *Сокровение*". Мы же можем заметить: каково же *умонаклонение* у евреев?!

1911/1913 г.

Откуда несходство греческого и еврейского текстов Св. Писания?

Епископ Антонин. Книга Притчей Соломона.
Текст книги. Том II. Спб. 1913. Стр. II + 299 in 4°.
Цена 6 руб.

"Пройдя через сознание и быт других времен и наций, священное слово Библии равномысленно ли выразилось в их понятиях и языках? Раскрывая свою славянскую Библию и читая в ней священные глаголы, данные на языке евреев, преложившиеся потом в *призме разумения греков* и оттуда перешедшие к нам, мы читаем то ли самое, что Провидение изрекло "во свет языкам"?"

"Этот вопрос веры возможен на первой странице каждой библейской книги, но относительно некоторых книг он может перейти в тревогу. Переводчик еврейской "Книги Сираха", живший за сто лет до Р. Х. и знакомый одинаково с еврейскою и греческою Библиями, отметил, что "закон, пророчества и остальные книги Св. Писания на греческом языке имеют немалую разницу в смысле, если читать их в подлиннике"... "До такого значительного разногласия текстов еврейского и греческого, какое встречается в "Книге Притчей Соломона", — говорит профессор Олесницкий, — никакая другая библейская книга не доходит". Итак, изначальные изречения еврейского вдохновения в отражении греческого духа претерпели значительное преломление".

"Предмет настоящего труда — "Книга Притчей Соломона", а задача — розыски ее автентичного смысла".

"Характер исследования по преимуществу филологический: ювелирная работа, гранение слов и понятий, которое дало бы нашему разумению настоящую игру и блеск изначальной, ничем не затемняемой, священной мысли".

Так пишет в предисловии к новому громадному труду епископ Антонин, бывший викарий митрополита Антония и его друг, ныне находящийся "на покое" и проживающий в Сергиевской Пустыни, близ Петербурга (по Балтийской железной дороге). Ученые труды, — *кто к ним способен*, — естественно должны бы наполнять досуг таковых владык "в плаче", каковыми можно назвать владык "на покое", т. е. не призываемых более на должность и службу. К чему плакать? Можно трудиться. А труд умом и пером для духовных лиц поистине необозрим и ждет делателей.

Книга представляет четыре параллельные текста "Притчей Соломона": 1) русский перевод епископа Антонина с подлинника; 2) еврейский текст (подлинник); 3) греческий перевод LXX "толковников" и 4) русский

перевод с этого греческого перевода. Расхождения действительно замечательны. Например, в подлиннике:

Бедным становится, кто обленит руку,
А рука прилежных — делает богатым.

В греческом и славянском совсем другое; пропала самая *мысль* еврейского текста, очень воспитательная и наставительная:

Бедность человека унижает,
А руки доблестных — обогащают.

Еще — по-еврейски:

Разумный сын летом собирает,
Срамный сын спит в жатву.
Благословения — на голове праведника,
Уста же нечестивых закроет (еп. Антонин
без нужды добавляет: *их*) насилие.

По-гречески и по-славянски:

Разумный сын спасается от зноя,
А беззаконный сын подвергается в жатву
губительному ветру.
Благословение Господне на голове праведника,
Уста же нечестивых покроет плач безвременный.
(Начало 10-й главы)

В первых двух строках проведена та в высшей степени национально-целебная мысль, — мысль, предохранившая евреев от социального загнивания, которая потом разнообразно и твердо была развита у отцов Талмуда и наконец "втесалась как кол" в головы еврейской общины и каждого порознь еврея. Она стоит угрозой, личной и патологической угрозой, перед каждым евреем, склонным полодырничать, полениться и попопрошайничать. В Талмуде на разные манеры говорится и теперь перешло у евреев в пословицы: что, кто *притворяется* хромым, чтобы выпросить милостыню, у того *Бог отнимет ноги*; кто притворяется слепым ради подаянья, тот *ослепнет в самом деле*; и кто вообще *симулирует* боль, или страдание, или бедствие в целях профессионального нищенства, тот в такой мере противен и враждебен человеку и Богу, что Бог его "разразит" и найдет ту самую болезнь, в которой он притворствует. Мысль социально страшно ценная; и как она неслась по улицам и домам как гул и говор всех, то у всякого мальчонка стоял страх, что за подобным притворством наступит определенная болезнь, слепота, хромота, уже доводящая действительно до нищенства. И профессионального нищенства у них, как мы знаем, не развилось.

Эта ценная мысль почему-то скрадана, рассеяна и в греческом переводе, и в славянском, сделанном с греческого.

Что́ за причина этой разницы текстов? Популярная легенда, будто евреи изменили и испортили свой текст, дабы уничтожить в нем места, особенно ясно предрекающие пришествие И. Христа, не заслуживает никакого внимания ввиду указанного у епископа Антонина факта, что

разница текстов была замечена уже за сто лет ранее Рождества И. Христа. Едва ли осторожные и слишком общие слова самого еп. Антонина, что "проречения еврейского вдохновения — в отражении греческого духа претерпели значительное преломление", не могут быть приняты потому, что ведь переводили на греческий язык еврейские книги вовсе не греки, знавшие еврейский язык, а переводили ученые евреи, говорившие в то же время по-гречески, как теперешние еврей-литераторы говорят и пишут по-русски. Таковы именно были александрийские иудеи времен Птолемея Филадельфа.

Где же родник неверностей? Простая небрежность переводчиков, которых никто не будет проверять? Какая-нибудь *тенденциозность*, и тогда — какая же? Можно бы скрупулезно изучить дело и подметить общие наклоны этой тенденциозности.

Нужно, однако, принять во внимание следующее. Едва палестинские евреи узнали, что египетские их собратья дерзнули начать переводить Слово завета, данного *исключительно одному израильскому народу* в наставление и охранение, на греческий язык, на язык "гоев" ("отверженных Богом"), как тотчас же все 70 "толковников-переводчиков" были подвергнуты "херему", т. е. отлучению от синагоги и общины израильской. По-нашему, — были "преданы анафеме", специальной еврейской. Так в этой плачевной "должности" они и переводили, по личному поручению царя, собиравшего свою знаменитую библиотеку и решившегося на греческом языке объединить все легенды и все священные книги не одного Запада, но и Востока. Перевод был сделан. Но как только евреи ознакомились с переводом, так *херем* (проклятие) немедленно был снят с переводчиков. Евреи успокоились. Почему они могли успокоиться? Приходится вернуться к тому, что я говорил в "Иудейской тайнописи". Она неоспоримо *есть*, и *есть* в священных их книгах. Вполне разуместь их смысл в *некоторых двоящихся и темных местах* могут и вправе единственно евреи, "которым *единолично дан закон*", и смысла этого ни в каком случае они не должны выдавать "гоям". Наложен был "херем" ввиду испуга, что "тайное иудеев" переводчики рассеют по всему свету. Но переводчиков некому было проверять, переводчики были "патриоты своего отечества"; и, сберегая свою общину, оставляя "завет", т. е. "заветное" и "тайное" — только себе, они в кардинальных пунктах перевели, *отклоняясь от тайномыслия еврейского* в обычный греческий "здравый смысл", "рационализм", или в сближение с господствующими философскими системами; около чего могли быть еще и простые небрежности (как приведенные выше разночтения). Но вообще переводчики "не выдали своих", удовлетворив ученую в сущности *прихоть* греческого царя — поверхностно, формально и отнюдь *не искренно*. Евреи (*учители их*) всегда скрывали и скрывают до сих пор как некоторую национальную тайну, в чем же собственно заключался "завет Бога с ними", какова "материя и пункты" этого завета, каково содержание и текст договора-завета: неужели просто *вера и повинование* со стороны людей и *покровительство* со стороны Божией? Всякому "праведнику" Бог "покровительствует": это есть *общерелигиозное*, это есть и христианское, и католическое, и всякое языческое обоюдное отношение. Явно, есть что *что-то другое* и *главное*. Об этом главном евреи — ни гу-гу. Полное молчание. Только наблюдая *панораму*, т. е. "все в целом" и Св. Писания, и еврейс-

кого "исполнения закона", мы замечаем, что дело вовсе не в "повиновении" и "покровительстве", сей слишком элементарной и обобщенной вещи, в сей до некоторой степени базарной вещи. Что есть "пункты", о которых действительно "гоям", да и никому, кроме "исполнителей", сказать нельзя. Отсюда в Талмуде мелькают изречения: "Исполнит тот, кто знает, как исполнить", а не знает — не надо объяснять. Тайномыслие и тайнодумие еврейское, тайночувствие их — явны, очевидны. Вот "выдачи"-то этого и испугались палестинские евреи. Но "свои своих не выдали", как и всегда у евреев. *Нашего понимания* их закона евреи вовсе не боятся, предоставляя нам брести в трафаретах общерелигиозной фразеологии о "покорности Богу" и что "Бог поможет нам", и что "лучше быть праведником, чем грешным", и "не убий", и "не укради". Но уже о *первой* заповеди: "Аз есмь Бог твой" — они ничего нам не скажут и никому не скажут, предоставляя думать, что это "только монотеизм", "вообще монотеизм". Но это и не "вообще" и не "только", а специальное еврейское: *лично* им и одним им сказанное и содержащееся *implicite* уже в завете с Авраамом. "Ты один у Меня, и Я тебе буду Один", а "до других богов (не отвергаемых и *сущих*) нам дела нет". Вторая заповедь, опять не отвергая иных "богов", грозит: "Ни! Ни! ни — направо, ни — налево, ни — вверх, ни — вниз: а только Я Один как стеклышко буду в глазу своем". Никакого тут монотеизма нет, не утверждается, а есть сосредоточенность взгляда. "Пожалуйста, не рассеивайся и не гляди по сторонам". Все видят, что едва я сказал несколько слов, как смысл заповеди, излагаемой у нас догматически-рассудительно, получает какой-то другой *оттенок*, хотя слова все те же и смысл как будто тот же. Но иной привкус, страстно-патетический, — не протоиерейский; "невестин" привкус. И ведь израилю дана была "обетованная земля" именно в силу заключения завета, — дана еще Аврааму и сейчас же в момент договора. Что это такое, этот дар?.. Это — брачное "вено", брачный подарок: Авраама, как и весь израиль, Бог взял не в "торговый договор" с собою, а в "невестин договор": смысл и мириады оттенков совсем другие! На этом основан совершенно особый дух празднования субботы ("Царица Саббат спускается в дома еврейские с неба"), — дух какой-то невестин, дух какой-то свадебный, дух отнюдь во всяком случае (говорю символически и обобщая) не протоиерейский и не архиерейский. Все совсем получает другой колорит, другие краски на себя, другой тон... И — другие последствия, выводы. А *форма* и *слова* одни: "праздник", "7-й день". У евреев, кроме неугомонности и шума в истории (тоже характерно: на свадьбе всегда "шумят"), есть повсеместно и в каждом какая-то крикливость, страстность, патетичность, риторство, — маленькое сумасшествие, — и безумная настойчивость и самоуверенность. Все это от "Аз есмь Господь твой", но переведенной не "монотеистически-излагательно", а сосредоточенно и страстно. "Эй, не гляди по сторонам, а только на Меня одного: и раз это сделал — ничего не бойся, везде поддержку тебя". Евреи бессовестно и кидаются в головокружительные торговые предприятия, везде лезут, везде с нахрапом лезут, точно "все силы небесные" у них за спиною, точно их особый "Иегова" поддержит их во всяком мошенничестве. "Поддержит, — потому что я не свожу глаз с Него" (мнимое отвержение политеизма), — думает всякий еврей. "Мы свой завет знаем и никому не скажем". Тут начинаются бездны

национальной субъективности, которая никогда не приходила богословам на ум. Для богословов евреи — "они" и их бог — "он", "Он". Они разглядывают юдаизм *объективно*. А в юдаизме-то именно и нет, и исключен "он". Юдаизм есть чудовищное и ослепительное разверзание "я" — в стороне земной (нация, евреи) и небесной (их "бог"), где все только субъективно, внутренне, где есть какая-то внутренняя мысль, текущая из "я" в "ты", с слиянием *в одно* "я" и "ты". И никогда, никогда еврей для Бога не есть "он" и Бог для еврея не есть "Он"...

Вдвоем...

А читавшие перевод остались как "они", — чужие, "гой", не нужные, обойденные. В этом и заключался секрет "перевода", т. е. так сделать, чтобы греки никак не попали в огненную черту "своих людей" и "своего (только своего) Бога".

1913 г.

Важный исторический вопрос

В "Утре России", в номере от 22 сентября, приват-доцент духовной академии г. А. Покровский поместил статью под заглавием: "К полемике о ритуальных убийствах: по поводу дела Бейлиса", а в "Русских Ведомостях", в номере от того же числа, приведено мнение профессора Петербургской духовной академии, "известного гебраиста", И. Г. Троицкого, по тому же предмету. Г-н Покровский, говоря, что в *древнейший* период своей истории евреи несомненно приносили жертвы Молоху, т. е. человеческие жертвы (мальчиков), говорит далее, что эти жертвы, как и весь культ Молоха, вызвали против себя величайшее движение еврейских пророков, уничтоживших его. Кончает статью он так: "Несомненно, что в завершительную, после пленения вавилонского, эпоху, — вместе с исчезновением остатков язычества, совершенно прекратились и эти человеческие жертвы, возврат к которым стал теперь религиозно и психологически совершенно невозможен для всякого правоверного иудея, нисколько не меньше, чем и для всякого верующего христианина. Таков голос неподкупной истории о кроваво-детских жертвах у древних евреев. Какой же вывод отсюда должны сделать мы к обвинению современного еврея в ритуальном убийстве? А тот единственный, что обвинение это запоздало по меньшей мере на двадцать пять веков".

Таково одно мнение.

Профессор Троицкий высказал корреспонденту "Русских Ведомостей":

"Хотя я и не располагаю достаточным временем, но, понимая общественный интерес к этому делу, передам вам свой взгляд по существу вопроса. Я признаю, что во всех известных мне и изученных источниках древнееврейской литературы и библейской истории я не встречал никакого указания, чтобы можно было вывести заключение об употреблении крови иноплеменных, и в частности христиан. Евреи уважают свою

личность, но относятся также с уважением и к личности других национальностей. Относительно употребления евреями крови животных вообще в письменных источниках, изученных мной, я не нашел указаний, разрешающих такое употребление. Устное же предание разрешает евреям употребление крови только рыб и саранчи; и лишь в самых исключительных случаях, когда кому-либо из евреев угрожает смерть и по условиям лечения это необходимо, разрешается употребление крови животных: но такое употребление разрешается по предписанию врачей, и притом в виде порошка или капсул, чтобы больной и не знал, что он употребляет кровь. Обычно в основу обвинения до сих пор в таких процессах клалась рассказы какой-нибудь деревенской бабы, николаевского солдата, которые от кого-то, где-то и что-то слышали, и редко к судебному разбирательству приглашался какой-нибудь эксперт. Не то в деле Бейлиса. Здесь привлечены профессора. Мнение Сикорского и отца Пранайтиса, конечно, совсем не то, что рассказ простой деревенской бабы. Обвиняют не Бейлиса, а весь еврейский народ. Отсюда-то и происходит нервность и тот интерес, которые проявляются к этому делу. Исход процесса имеет слишком серьезные последствия для нации, чтобы отнестись к нему поверхностно или пристрастно”.

Слова ясные, большие, отчетливые. Глаза у обоих ученых, — позволим сравнение с совой, “птицей мудрости”, — сильно выпученные, и зрачки расширенные. “Не видим! Не читали нигде!” — говорят оба ученые, конечно, — чистосердечно.

Но сова, “птица мудрости”, при огромных глазах — не видит ничего днем. Так оба ученые, копаясь в мелких шрифтах Талмуда, как будто не видят, да и в самом деле не видят того, что знает всякий священник, просто любящий по вечерам читать Библию, “свою Библию”, “нашу Библию”.

Вот заповеди “Бога Израилева”, отнюдь не “языческие” (приват-доцент Покровский), сказанные народу у Синая через Моисея:

“Исход”, глава 34, стихи 17—19:

“Не делай себе богов литых”.

“Праздник опресноков (пасху иудейскую) соблюдай”.

“*Все, разверзающее ложесна, — Мне, как и весь скот твой мужеского пола, разверзающий ложесна, из волов и овец*”.

Т. е. по закону, “по первому его параграфу”, все живородное должно быть принесено Богу в жертву, во “всесожжение”, “в приятное благоухание Господу”, как вторит многократно Библия.

А вот “второй параграф” — исключение, в своем роде “сенатское разъяснение”, делающее возможным жизнь на земле, продолжение жизни, сохранение жизни: ибо, по основному требованию, все разом и сейчас или скоро после рождения должно бы быть “сожжено Богу в жертву”:

Стих 20—21, прямое продолжение предыдущего:

“Первородное из ослов *заменяй* агнцем, а если не заменишь, то *выкупи его; всех первенцев из сынов твоих* (человеческих младенцев) *выкупай*”.

“Шесть дней работай, а в седьмой день *покойся*”.

Спрашиваю ученых: что́ это такое? Нужно же видеть и *днем*, нужно видеть не только в микроскоп и мелкий шрифт, а и крупное, явное.

Да это — *заповедь* “Бога Израилева”, что “первенец из сынов Израилевых” должен бы по жажде Его к “сладкому благоуханию” принесен

быть в жертву "Богу Израилеву"; должен бы... но не приносится в жертву, а *заменяется, выкупается* жертвоприношением животного.

А образец этого, первый, — жертвоприношение Исаака, тоже "первенца" от Сарры, Авраамом: ведь этой жертвы потребовал от Авраама не Молох, а потребовал вступивший с ним в завет "Бог Израилев". И когда уже все было готово — дрова зажжены, руки отрока связаны назад и сам Авраам взял нож, *чтобы сейчас пронзить сына*, посланный Богом ангел удержал руку Авраама и указал на овна или барана, запутавшегося рогами в кустах, который и был принесен *взамен* в жертву.

Так только "взамен", как *не настоящее*, а "настоящее" — явно есть *человеческое жертвоприношение*.

О чем пишет г. Покровский, о каком "опоздании на 25 веков", и о чем говорит профессор Троицкий, о каком "уважении к чужестранцам" (точно об этом идет речь!!!), когда жертвоприношение младенцев написано среди заповедей и законов и не было никогда *отменено*, а лишь *заменено*, по милосердию и жалости к страданию родительскому.

Так "заменено", а *идея этого — есть*. Есть тяготение, есть позыв, есть вкус. В законе установлены "ассигнации", но есть и "золото". "Бог Израилев" допустил ассигнации в жертвоприношениях: но сказал об этом, вслух в заповеди, дабы обратить память своего народа, что "ассигнация" есть лишь условный знак и "в ходу" настолько, насколько где-то хранится полный запас их всех обеспечивающего золота. Этот "золотой фонд" есть готовая, по примеру Авраама, принестись в жертву кровь всех живых "старших сынов" евреев, до сих пор от древности. Они все "пощажены", "заменены": а в *идее-то и в мысли* они бы должны быть принесены в жертву.

Ни один еврей не откажется, что это — не так.

А кусочек этого и сохранен. На "ассигнациях" еврейских есть крупинка золота, мазок подлинной крови: это — *обрезание*.

Все-таки нож, в *религиозном обиходе* евреев, дотрагивается до тела еврейского новорожденного мальчика и извлекает из него кровь. Вещь — невообразимая у нас! у христиан! в Европе!

Чего же вы, господа слепые совы, не видите: да раскройте диссертацию своего же ученого собрата: "Обрезание у евреев. Историко-богословское исследование В. Соколова. Казань. Типография императорского университета, 1892" (на обороте заглавного листа напечатано: "Отдельный оттиск из журнала "Православный Собеседник" за 1890—1891 год"), и прочитайте это описание обрезания у евреев не мертво, не по-ученому, не для написания только диссертации, а с живым нюхом живого человека, как это, без сомнения, и происходит у всех евреев:

Страница 452 и следующие:

"Операция обрезания, как она совершалась у евреев с древнейших времен и ныне совершается, распадается на пять отдельных актов:

"Акт первый. Он состоит в пеленании младенца по правилам искусства — посредством перевязки, налагаемой на тело, руки и ноги — так, чтобы младенец сделался совершенно неспособным произвести какое-либо движение во время операции и через это помешать ей". В примечании автор делает указание, не замечая огромного его смысла:

”Случается, что спелененного младенца завертывают еще *в плащ жениха*. Делается это на основании слов IV, 26 книги ”Исход”: ”ты теперь — *жених крови* по обрезанию”. Это — восклицание Сенфоры, жены Моисея, когда по грозному приказанию Бога она обрезала рожденного ею младенца, — что на время было отложено по трудности исполнить это во время движения по пустыне Аравийской. ”При пеленании часть тела, имеющая быть обрезанною (т. е. орган деторождения), остается свободною, открытою и доступною падающему на нее свету и руке оператора. Окончив пеленание, дитя кладут на мягкую пуховую подушку. *Восприемников* при обрезании должно быть два”. Опять в примечание отнесено г. Соколовым весьма важное указание, сближающее *обрезание* именно с *жертвоприношением*: ”Обязанность восприемника у евреев считается выше обязанности обрезавателя (т. е. хотя и *ниже* стоящая, но обязанность обрезавателя, могеля, есть обязанность *священная*, так сказать *храмовая* и *богослужебная*). Если родятся близнецы, то для каждого младенца должен быть особый восприемник: потому что восприемник, т. е. принимающий на свои руки младенца после обрезания, говорят талмудисты, ”*подобен священнику, сожигаящему курение*, а священник более одного раза не делает курения”. Восприемниками должны быть люди благочестивые, добрые; они наблюдают за правильностью обрезания и должны молиться, чтобы пришел Илья пророк. Они приходят в синагогу заранее и ожидают младенца, — т. е. как бы священники ожидают себе жертву, согласно всему ходу и духу и формам дела. Едва им сообщат, что младенца уже несут, как они выходят к преддверию синагоги, берут младенца из рук принесших и вносят в синагогу, где все приглашенные к обряду встают им навстречу и произносят приветствие: ”Благословен приход ваш”. Вслед за тем младенец передается из рук в руки всем присутствующим, ”и каждый из них принимает с радостью на руки его, *как жертву, имеющую быть принесенною Богу*” (слова г. Соколова). Затем ”всеми присутствующими сообща читается молитва *бехорис*, в которой вспоминаются обетования Божии, данные Аврааму при вступлении с ним в завет обрезания (Бытие, XVII). После этой молитвы зажигают одну большую восковую свечу и рядом с ней двенадцать других маленьких свечей, в памятование 12 колен израилевых. ”Обилие свечей обозначает общую радость и принятие в царство света”. По общему верованию евреев, при каждом обрезании младенца присутствует пророк Илья, — и для него оставляется пустое кресло, рядом с креслом ”ассистента”, особой почетной должности. ”Тогда могель, т. е. обрезаватель, берет младенца от восприемников на свои руки, подносит к креслу Ильи, как бы показывая пророку младенца, и начинается самое обрезавание”. Ассистент держит подушку с младенцем на руках и молится о нем. Все присутствующие говорят: ”Сподоби, Господи, младенца сего принять святое обрезаение. Молим Тебя, милосердный Боже! благослови отца его и да возрадуется мать о плоде своем и да растет дитя сие”. И еще читаются некоторые краткие молитвы, порознь отцом и могелем. После чего последний осматривает младенца и удостоверяется в состоянии его перенести обрезаение, т. е. в отсутствии у него всяких ненормальностей.

Акт второй, *chitach*, *шитах*. Большим и указательным пальцем левой руки обрезаватель берет половой орган младенца и ставит его

вертикально к телу его и затем ножом (в правой руке) рассекает кожу". Так происходит в России. В Западной Европе другой прием. Кожа обрезаемого члена оттягивается, зажимается в особые тиски и отсекается ножом вплоть до тисков.

"Отсеченная часть в одних странах кладется на тарелку с песком, а в других сжигается на 12 зажженных свечах" (опять проходит тень жертвоприношения, в коем животные после зарезания "сжигались в благоухание Господу").

Третий акт — *periah*. Обрезыватель заостряет у себя ножницами ноготь большого пальца на обеих руках так, чтобы образовались острые щипцы. Ими он разрывает (т. е. ногтями человеческими человеческое тело!) шкурку обрезаемого члена, причем это вызывает обильнейшее кровотечение, так что весь член становится невидим". Все продолжая действовать ногтями, обрезыватель отрывает вовсе эту разорванную часть. Это составляет центральную часть обрезания. Она самая мучительная для младенца.

Четвертый акт, *mezizah*. Он состоит, — говорит г. Соколов, — в высасывании крови устами из раны и совершается так: могель берет в рот глоток вина, схватывает кровавую рану устами, держит ее между зубами, высасывает из нее кровь и выплевывает последнюю в сосуд с песком или в тот самый сосуд с вином, из которого взято вино для высасывания крови; потом все вино из сосуда выливается за ковчег завета. Считая кровь обрезания священной, раввины заставляют могеля во время совершения этого четвертого акта держать младенца над сосудом с водой, *чтобы кровь из раны стекала в сосуд*, и присутствующие при этом (мужчины и женщины, например обязательная восприемница!) мыли лица свои кровяной водой; а чтобы они охотно совершали это омовение (? — *В. Р.*), установлено было употреблять для этого такую воду, которая бы была вскипячена с разного рода *наркотическими веществами*" ...

Если бы для "приятности" или неотвратительности, то воду бы просто душили, прибавляли к ней душистые вещества. Но *не это* сказано, а сказано: "кипятилась вода с *наркотическими*", т. е. одуряющими или возбуждающими, веществами.

"Высасывание крови повторяется от двух до трех раз. Могель, совершивший обрезывание без высасывания, *mezizah*, отрешается от должности" (Соколов, "Обрезание у евреев", стр. 462).

Все кончается пиром, — как и жертвы ("без торжественного обеда и речей не обходится ни одно обрезание", Соколов, стр. 468). "Раввины и гости приглашаются на пиршество, на основании 49-го псалма, где говорится: "Соберите Господу *преподобных его*, вступивших с ним в завет при жертвах". Здесь опять, через указание на основание и причину пиршества, указывается, что "обрезание есть жертва", есть "жертвоприношение".

Уже в чтении все это выразительно, но какая картина, *если бы поглядеть!*.. Без "своего поглядения" нет серьезной науки, как нет науки о жизни растений при одних гербариях и нет чувства животной жизни и восприятия живого организма при рассматривании только анатомических атласов! Все дребедень слов, — надо испытать! Надо попроситься у евреев "посетить их обрезание", всего на Офицерской улице в Петер-

бурге, — и потом разговаривать, спорить. Тогда будет "нюх дела", будет внутреннее, а не внешнее понимание его. Все-таки около языка и губ моголя, лица синагогального, лица служебного и ритуально-служебного, без которого ни одна община еврейская не может существовать, не может совершить своих *религиозных* обрядов, — около его языка и губ бывает младенческая кровь, он ее чувствует, горячую, липкую, красную, артериальную, — непременно артериальную, а не венозную черную, по общему закону и методу всех еврейских жертв! Но только тут-то не животная, а человеческая кровь. Это уже не ассигнация, а настоящее золото. И ребенок кричит, — ему больно. Это тоже метод и дух жертвы: бывают новорожденные младенцы *без крайней плоти* и которым, следовательно, обрезание не нужно, и тогда его в полном виде не производят. Но одна часть, самая болезненная, — отрывание ногтями моголя кусочка кожи, — совершается... И акт *periah* причиняет младенцу сильнейшую, чем самое обрезание ножом, боль, и этого акта не могут избежать дети, которые родились обрезанными, без крайней плоти. "У них в знак завета Бога с Авраамом извлекают несколько капель крови посредством разреза (надрыва) члена острым ногтем". Явно — метод и дух!

Боль прошла, пройдет скоро. Без "боли" мир не обходится — это судьба после грехопадения мира и человека. "И животные терпят за наши грехи", хотя Адам — не в них, и, казалось бы, им нет дела до Адама и до греха. Невинные животные терпят, жертвоприносятся, — и также невинные младенцы. Тут иудейская космология. Это неразрывно с их духом и самыми "изводами", началами израиля. Они не могут от этого отречься, как мы от "крещения Руси". Нет "некрещеного" русского и нет "необрезанного" еврея, т. е. сознающего, что Господь "пощадил его в седьмой день от рождения", — взял не *всего* его, но однако же взял хлынувшую *кровь из его тельца*, когда он страшно закричал. Он закричал, а община запела гимны. Община собралась в пир, до того одушевленный, что "кто на пире обрезания не ест и не пьет, того Господь исключит из общины израильской" (Соколов). И родители тут. Все радуются, все восторженны.

Чему? — Да что обошлось ассигнацией, а не полным червонцем. Однако и на "ассигнации" капелька крови, крошечка червонного золота — есть. "Помни, Израиль!.." Что "помни"?.. А что нужно бы всего младенца, да нет человечеству тогда дыхания и жизни, — и по милосердию это отложено и сложено. А что только "сложено" и ни один отец и ни одна мать евреев об этом не забывают, об этом говорит следующее:

"В силу того закона Моисеева, что всякий младенец мужского пола по полной идее обречен в жертву Богу, родители должны его выкупить. Это выражалось, пока существовал Храм, через жертву: богатые приносили в жертву ягненка, бедные — двух птенцов голубиных". Священник брал голубей, свертывал им голову и переламывал (зঁживо! — опять идея *боли*) кости крыльев. Затем жертва сожигалась. Это — в присутствии матери и искупаемого младенца, которого она тут же держит в руках ("жертва за жертву", "ассигнация за золото"). "А по нынешнему талмудическому закону, — говорит г. Соколов, — этот обряд, известный под тем же названием *искупления*, или *выкупа*, совершается иначе и состоит в следующем: в самый день искупления обрезанного младенца *раввин* приходит в дом родителей его и спрашивает их: *желают ли они выкупить младенца?..*"

Вот центральный пункт дела: продолжим мысленно всю нить событий, но повернем ее в другую сторону, без "ассигнации". Пусть бы родители сказали:

— Нет, *не хотим* (выкупа не даем, денег не платим).

Что́, спрашивается, — что́, спрашиваю я у гг. Троицкого и Покровского, — ответил бы *по мысли Моисеева законодательства раввин*, т. е. что́ говорит или *имел в мысли сам Моисей*, т. е. его устами говоривший "Бог израилев"?

Что́?

Пусть евреи ответят. Пусть ученые скажут.

Я же скажу, и никто не сможет потрясти моих слов, что раввин *сказал бы и должен сказать* единственное:

— Тогда, если вы выкупа не даете, — *давайте самого младенца* для заклания его на жертвеннике и сожжения "в сладкое благоухание Богу нашему" (вечное повторение Библии о жертвах).

Это точно, как алгебра, как таблица умножения. Как вексель и уплата. *Идея человеческого жертвоприношения содержится во всем законодательстве Моисея*, — и его не видят только совы, не видящие днем. А решительно всякий еврейский раввин об этом знает. Потому-то и происходит описываемое дальше г. Соколовым:

"Раввин получает ответ от родителей, что они *желают выкупить младенца*, — и ему подают блюдо, на котором положены деньги. Раввин берет деньги, называемые *выкупом*, благословляет младенца и уходит. Выкупная цена при этом бывает неодинакова: она зависит от материального благосостояния родителей *выкупаемого* (какой термин!) и той степени уважения, каким пользуется раввин; назначение же ее — *служить заменю жертвы искупления*, приносить которую, как и всякую, впрочем, жертву, евреи лишились возможности со времени разрушения второго Храма Иерусалимского" (стр. 469—470).

Вот картина всего дела, о котором помнит всякая хижина еврейская, и, выдавая деньги ("денежка счет любит"), всякие отец и мать еврейские знают, что они платят *за дело*, а не за словесные разговоры, оплачивают не церемонию прихода к ним раввина, а чтобы ему *чего-то другого, настоящего, не дать*, именно не дать 40 дней назад родившегося младенца. Но *раввин приходил за младенцем*. Вот пункт дела, в котором зерно всего. Конечно, никаких (теперь) "жертвоприношений" у евреев нет, ни животных, ни человеческих; животных нет, ибо нет Храма, синагога есть только "училищный дом", без всякого освящения и святыни в себе. Но когда был Храм и жертвы приносились, — *часть их приносилась взамен* долженствовавших бы приноситься в полной мысли *человеческих жертвоприношений*, отмененных по милосердию к евреям Божию, но вообще-то даже и не отмененных: ибо Саул был отвергнут Богом, не принеся в жертву Ему царя побежденного племени. Это не "язычество", г. Покровский, это "правоверие" израильское. Вы совершенно ошибаетесь. Но оставим древность и вернемся к "теперь". Идея человеческого жертвоприношения и теперь жива и насущна в Израиле, официальна в нем: она поддерживается и *частично есть* в обрезании, а другая часть, "вексельная" и "бумажная", содержится в денежном выкупе. Соединив разорванные части в одно, мы и прочитываем то самое, о чем ведется столько споров.

Но, конечно, они не вкушают, не едят ее: ибо сказано в *"Левите"*, в 17-й главе:

"Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будут есть *какую-нибудь* кровь (т. е. в пище, в Пасху или в будни), то обращу лицо Мое (говорит Господь) на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа его".

"Потому что *душа тела в крови*, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы *очищать души ваши*, ибо *кровь сия душу очищает*".

"Потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови".

Очищает душу кровь. Это закон, канон. Когда евреи умываются, т. е. плещут себе *в лицо* воду из сосуда, куда накапала кровь обрезанного, как и моголь, когда берет *в рот* кровь обрезанного, они, может быть, чувствуют от прикосновения, от вдыхания "с ароматическими веществами" это своеобразное *очищение души, облегчение души, снятие грехов и мрака и уныния* с нее "в жизнь вечную". Тут те неисследимости юдаизма, осязательную сторону коих мы видим (все-таки видим), а проследить мысль не можем. Однако читаем: "кровь сия душу очищает".

Это официально.

Это прямо.

Смысл "юдаизма", конечно, представляет мировой интерес. Тут и наука, и религия, и философия. Это гораздо выше и обобщеннее "случаев на улице" и тревог "наших дней". Меня поражало, каким образом ученые, "совы днем", не видят и как-то *не замечают* того, что, конечно, они читали (но "днем" с "совиными глазами") больше и чаще моего. Но не видят. "Все пишут диссертации", а в диссертации кровь не течет и она вообще не зряча. Не интересуясь вовсе происшествием у нас на юге (мало ли сотнями гибнет и губится людей! мало ли "незаконнорожденных" детей ежемесячно убивают сами христиане), — я в горячую минуту споров высказываю несколько религиозно-исторических тезисов, которые уж теперь-то не могут быть не замечены и не обратить внимания ученых на дело, которого они непостижимо не понимают и не видят.

Именно, что разница между "Молохом" и "богом израилевым" весьма и весьма неуволима: первый не был так *жесток и бессмысленно кровав*, как *нам теперь* кажется, а второй не есть вовсе бескровный и водянистый или словесный "бог"... Правда, смягчена форма и взято *другое одеяние*, но существо и "я" — одно. Это начало огромного прозрения во все сирийские религии, соседние религии, которые евреи никак не умели "отличить" от своей и *потому* именно постоянно впадали в них.

Андрюша Ющинский

Страшное личико Андрюши Ющинского, с веками, не вполне закрывающими глазное яблоко, как бы еще смотрит на нас тусклым взглядом... "Устал! Не могу!" — "Больно! больно! больно!"... Сколько *истомы* в лице, какая грусть! Какое милое все личико, бесконечно милое, ка-

кое-то особенно кроткое, какое-то особенно нежное, изумительно благородное! — Посмотрите, посмотрите, запечатлейте черты, на всю жизнь запомните этот усталый, опущенный взгляд страдальца и думайте, всю жизнь думайте о том, что это такое. И нашлись же в каком-то безумии испуга люди, инсценировавшие какую-то распутную бабу и шайку хулиганов, будто бы *умертвивших Андрюшу, потому что он о воровских их делах знал!* "Поправили воровства убийством", — к удовольствию Грузенберга, и Елпатьевского, и нашего бедного Кондурушкина. Хулиганы *душат*, — так ведь это просто! Размозжают голову чем попало — вот наша "грязная Русь"... Ежедневно, повсюду, видят и судьи, видит и публика... Видят наши дела, грязные, отвратительные, вонючие, со "Дна" Горького... "Вот она, Русь"... Ужасно, плачем, стыдно. Тут водка и бездельничанье, жизнь на даровщинку, кончающаяся "резанул по горлу", "проломил голову". Но кто же это *прилежный* трудился над Андрюшей, ставя ранки на правом виске, ранку около ранки, каким-то проклятым тонким ромбовидным инструментом? У нас — "обухом", а не инструментом. Кто-то прилежный, кто-то методичный, "без гнева и испуга" (слова проф. Сикорского в напечатанной экспертизе) наносил все эти язвы... Боже мой, Боже мой, Боже мой, — до чего же мы все слепы и безумны, чтобы не понять, о ком и о чем идет речь в знаменитых, на весь свет известных словах о каком-то "отроке", который "ведется на заклятие", "бессловесен, безгласен"...

Пугаемся сказать и высказываем *предположение*. В разных местах, у разных пророков, встречается мглистый, глухо указанный "отрок", — которого "ведут на заклятие"... Это какое-то темное указание, как будто глаза пророческие где-то *вдали* видят его, — видят и *не могут рассмотреть*... Эти слова об "отроке, ведомом на заклятие", издавна поразили ум читателей и истолкователей Библии, и Святые Отцы Церкви, недоумевая, что бы это означало, включили эти места в состав "мессианских указаний на Господа нашего Иисуса Христа", — тем более что последующие слова как будто говорили об искупительном подвиге Христовом. "Той бысть язвен за грехи наши, и мучен бысть за беззакония наши. Наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелили".

Сообразно такому пониманию, в синодальных изданиях Библии печатается "отрок" с большой буквы — "Отрок"; и тогда при чтении как будто ясно, что это относится к Иисусу Христу. Но оставим *так, как* было написано в древних манускриптах, — простое, нарицательное и общее название "отрок", — и тогда не забрезжит ли у нас мысль, что в пору израильского царства и пророков все равно уже существовал ритуал, по которому какой-то "отрок" в возрасте и невинности Андрюши Ющинского, но взятый где-нибудь у соседей, у пограничных "гоев", у хананеев, у египтян, у сириян, у персов, приносился в жертву ритуально как и теперь?! Ведь Иисус Христос, умирая на кресте, имел 33 года, и никакой пророк Его не наименовал бы "отроком". Да и Христос *потом пришел*, а пророк и пророки говорят о чем-то *сущем уже и известном* народу. Израильтяне слушали пророков и не недоумевали, не спрашивали, "о каком это *отроке* идет речь?". Иисус Христос *оправдывается и доказуется* из Евангелия, из правды и величия Своего, из

крестной смерти и воскресения. Доказывается из учения Своего, из предсказания о судьбе Иерусалима, из всего при Нем бывшего и потом наступившего. И эти о нем "мессианские предсказания" вовсе не так необходимы, как казалось во время первых Отцов Церкви, которые старались убедить самих евреев в божественности Иисуса Христа и для этого указывали им, что *их же пророки* предсказали появление Иисуса Христа. Евангелие стоит на своем основании и в ветхозаветных основаниях вовсе не нуждается, как в *необходимых и неизбежных*. Что касается слов: "наказание *мира* нашего на Нем", то здесь слово "мир" нужно истолковывать в смысле "мир иудейский", "мир израильский": не космологически, а этнографически.

"Отрок, ведомый на заклание" пророков, — вот он, "приготовишка" духовного киевского училища, — избранный именно за чудное, ангельское личико (посмотрите! посмотрите!), — по общему методу закона Моисеева — избрать в жертву "лучшее, непорочное, безболезненное, чистое, невинное". Несчастливая "маца", к которой якобы "примешивают христианскую кровь", — все спутала, навела христиан на безопасный для евреев путь, потому что оправдаться в *этом* им ничего не стоит, показав ясные и, конечно, исполняемые (евреи *не смеют* не исполнить — общий принцип их) законы. Тут вовсе не это, не темная средневековая легенда, конечно ложная, об *употреблении*, — т. е., разумелось, *в пищу* — христианской крови. Общий закон Моисеева ритуала: *помазание кровью и окропление кровью*. Приблизительно как у нас — помазание *миром* и окропление святой водою. И для этих, а не для каких-нибудь других целей была взята кровь Андрюши Ющинского. Но не одна кровь была нужна, а и *замучивание* жертвы, — опять по типу и методу всего Израиля. Тут идея — "кровь и страдание искупает *грехи наши*" (иудейские), "наш бог требует крови *за грехи наши*". "Грехом" же у иудеев вовсе называлось не то, что у христиан ("духовная религия"), а назывались болезни, страдания, эти вкрапленные в человека частицы *смерти*, общего последствия и объединения греха. Все — в связи. Вся Библия высвечивает одним светом: 1) согрешил (Адам) — и умер, 2) грешим мы — и бодем и 3) чтобы мы не болели — пусть прольется жертвенная "богу израилеву" кровь. Вот полный круг мысли, из которого иудеи не могут вырваться, из которого вырвать хотел их Христос "последнею жертвою", жертвою Себя, но они не поверили Ему и поступили, как написано. Они остались при идее "своих жертв", маленьких, постоянных, — не приняв последней и все закончившей "жертвы Сына Божия". Они назвали Его богохульником и поступили, как поступили. Их сковывает эта автоматическая мысль, которою апостол Павел в "Послании к Евреям" формулировал то, что он знал слишком хорошо в бытность "Савлом": "кровь тельцов и козлов *уничтожает грех*" (10-я глава, стих 4). Замечательно, что и "козлы" и "тельцы" брались "в возрасте Ющинского", — чистенькие, беленькие, еще не заигравшиеся на свете и не нагрешившие. Непременно — такие. Это — канон, закон, дух. Ющинский входит сюда, в этот канон и закон, как "вещь" в "свой футляр". Но именно — *в свой*. "Он понес наказание наше (всегда — угрожающие, возможные болезни) на себе", "язвою его мы *исцелели*". "Исцелели" вовсе не духовно, по-христиански, а — телесно, по Ветхому Завету, пошедшему от обрезания, т. е. от органа деторождения и физиологичес-

кой жизни. От этого все в моисеевом ритуале вращается в круге тела и телесно; и понятно же, что там льется кровь жертв, — как в теле живом совершается *кровообращение*. Жертвы — ”кровообращение” Израиля и необходимы ему как движение крови всякому человеку. Тут — все, тут — смысл; без жертв и крови — ничего в еврействе нет, нет самого ”Моисеева закона” и нет иудеев как касты этого закона, как жрецов-исполнителей его. Теперь ведь у них иерархия пала, ни — первосвященника, ни — священников (раввины — *учителя*, а не священники), и их значение, и вес, и авторитет, и функции разлились в толще народа, — где и ”справляется” и ”усердствует” каждый как может и умеет и насколько допустит случай и явятся благоприятные условия.

О, все понятно, слишком понятно... *Единолично* никто не виноват в Ющинском; *кто бы ни тащил ”овцу на заклание”*, — он был ”в идее” своего закона. Все, все понятно: и что *все, как один* за него восстали: ибо ведь он всем *помогал в здорoвьe, исцелял всех, сводил болезни со всех*, рискнув один шейей и каторгой. Все и чувствуют его... Бейлиса ли, кого ли другого, все равно, — чувствуют ”неизвестного X” как добровольца за всех, как слугу всех, как энтузиаста и священника всех... Они чувствуют Бейлиса, как мы Ющинского. Вот взрыв вызволить, освободить его, купить принятие вины другим за 40 000. Все — ему! Весь Израиль — ему служит сейчас, как он послужил всему Израилю вчера.

О, все понятно, слишком понятно...

Неужели такие слепые, что не видят?

Кто как хочет думает, — для меня Андрюша Ющинский есть *мученик христианский*. И пусть дети наши молятся о нем, как о замученном праведнике; да не мешало бы помолиться и в больших церквах, народно. Будет же заниматься только перепиской канцелярских бумаг.

3 октября 1913 г.

Испуг и волнение евреев

Евреи всего мира заметались. Конечно, не по тому поводу, что "Россия оказалась такая непросвещенная страна", ибо разве это удивительно и ново, что "Россия не просвещенная страна"? Евреи всегда это говорили и всегда это знали; просвещали нас, учили нас; снабжали нас "варшавскими циферблатами", чтобы мы "ежечасно" учились... Поэтому, что для них, что у нас такой "средневековый процесс"?!

Нет, не из жалости к непросвещенной России они заметались. А потому, что при средствах нового суда, гласного, народного, публикуемого, со "сторонами" обвинения и защиты, — суда свободного и *неподкупного*, — выплыло дело, которое при старых полицейских судах, с бумагописанием и без устных речей, без зрителей и слушателей, всегда можно было погрузить в *безвестность* и *мрак*. Ведь и теперь, предупреждая и запутывая следствие, слышались торопливые шаги чего-то испугавшихся господ, делающих все попытки, чтобы оклеветать родителей убитого мальчика или чтобы свалить вину на Чеберякову и на воровскую шайку, имевшую притон у нее. На ту самую Чеберякову, которая отказалась взять в Харькове от евреев что-то около 40 000 рублей за "принятие на себя вины"...

Странные усилия евреев.

Зачем "принимать вину", когда никто "не виновен"? Зачем евреи просят за 40 000 рублей принять на себя "вину", когда без платы даже одного рубля суд скажет: "Евреи здесь — ни при чем".

Вдруг стало это явно для всей России.

Поэтому с испугом они накидываются на каждого:

— Разве вы *верите*? Это в *средние века* верили! А теперь?! Когда мы просвещены, когда у нас ХХ век?! Что скажут о вашей темной вере человечество, история и культура?

— Друзья мои: надо не *верить*, а *знать*. И мы хотим *знать*.

— Но ведь никто *не видел*, как *Бейлис убивал Ющинского*?

— За стеной идут часы, и никто не "видит", что они *идут* и как они идут. Но, войдя в комнату, замечаем, что стрелка передвинулась сравнительно с тем, как видели раньше, и *заключаем отсюда*, что часы "идут" и даже что они "верно показывают время". Вот... Не было бы ни науки, не возможен был бы вообще суд, если бы человек знал только о том, что лежит "перед глазами". Славу Богу, мы живем после Бэкона Веруламского. Видел неподкупный ребенок 10 лет, что Андрюшу потащил за руку в уединенные камеры кирпичного завода еврей; потом ребенка вообще никто не видал; потом нашли его с некоторыми характерными и без специального знания не могущими быть произведенными

поранениями (инструмент проник в большую пазуху головного мозга, для обильнейшего извлечения крови), — с каковыми ранами находили тоже все мальчиков в возрасте Ющинского, и никогда — стариков, и никогда — женщин, и в Германии, и в Венгрии, и в новые века, и в средние века. Но всегда было не ясно и не доказано: а теперь вдруг ясно и доказано! Так как ни ограбления, ни вражды, ни корысти здесь нет и не могло быть, то убийство приписывается "религиозным целям", приписывается "ритуалу", потому что всем известен именно *этот метод* вытачивания крови из убиваемого, этот метод *обескровления организма*, встречающийся во всей всемирной культуре и истории только у одних евреев при убое скота.

Ющинский убит именно так, как евреи, и *одни они* в Европе, убивают ритуально свой скот и никогда не едят мяса иначе как от животного с таким, "по Ющинскому", обескровлением. Чего же тут "верить", когда мы "знаем"?! Часы "идут", потому что они "идут", а Ющинский — "при ритуале", потому что обескровление — "по ритуалу".

Как, что, зачем, куда эта кровь — неведомо. "На которой стене повешены часы" — неведомо. Но "часы идут", а "кровь была выточена" по ритуалу, которого никто не знает, никто не умеет произвести (кроме ученого, да и тем надо специально поучиться у евреев) и никому он не нужен и не интересен, кроме евреев.

Это их древний трехтысячелетний метод и способ относиться к животному.

Чего же тут опровергать, спорить, когда перед нами простая задача на вычитание:

Метод, которого ни у кого нет.

Метод, который есть у евреев.

И вдруг:

— Еще у Ющинского.

Из "никого" вычитаем — "евреев" и получаем "остаток", или "разность": Ющинский был в руках у евреев и умер по их ритуалу.

Вот перед этим-то простым вычитанием евреи заметались: ударили в набат своих и "арендованных" газет:

— *Не может быть!!* А посему — и *нет!!*

Это — трудно, это — Гегель, а мы судим по Бэкону Веруламскому. "Опыт, господа, — опыт и наблюдение". Мало ли что "не может быть". "Не может быть", чтобы в деревне кто-нибудь умер от хитрого яда *кураре*, но ведь если нашли в желудке после вскрытия — *кураре*, то он все-таки и умер от "невероятного кураре". "Ритуальное убийство", конечно, невозможно от руки европейцев, невозможно от руки христиан: но ведь вы — с Востока, а на Востоке Бог знает какие тайны, вкусы, позывы, алкания. *Мы вас не знаем*, и вы сами о себе усердно не рассказываете, даже об обрезании, навязав всем мысль, будто это что-то вроде "обстригания ногтей" и "для чистоплотности" только. А оказывается, *вон что и как: кровь даже в рот берется, и ритуально берется*, а кто в рот не взял крови младенца — лишается должности, службы и жалованья. Это — серьезно, жалованье-то. Так и тут: "совершенно невозможно, чтобы из младенца вытачивалась кровь и он особенно мучительно и сознающе умирал". Но невозможно — нам. А вам не возможно ли, этого мы не знаем, потому что вас не знаем. Метод и дух

особой муки при жертвах и при обрезании, у нас немислимый, у вас — есть.

Что́ же делать:

1) здесь — немислимо.

Вы подхватываете: "У вас, значит, — и у нас немислимо".

Но тут никакого "значит" нет: у вас-то это —

2) должно.

И именно — в религии. Ведь религия вообще есть область невероятного и невозможного, область новых и неслыханных измерений. "Вытачивание крови из живого" (доказано у вас), и притом из младенца (будет рассматриваться в суде), есть просто "четвертое измерение юдаизма".

Открытое письмо С. К. Эфрону (Литвину)

Ваше письмо к г. Ардову, где вы "клянетесь Всемогущим Богом", что ритуальных убийств у евреев нет, разбивается о тот ведь осязательный, ведь на глазах лежащий факт, что перед всеми лежит кем-то ритуально убитый ребенок. "Не может быть", а "есть". Что́ же делать с очевидностью, осязательностью? Куда деваться от наглядности? Если бы никакого процесса не было, не было обвинительного акта, а дана была только одна фотография Ющинского, с этими мелкими тринадцатью ранками на голове и со всеми другими анатомическими, очень утонченными и учеными, поранениями тела и с удостоверением вскрывавшего тело врача, что ранки эти попали в такие жилы, чтобы выточить еще у живого почти всю кровь из организма, — то убеждение всей России в том, что это "ритуальное убийство", сделалось бы непоколебимо.

Теперь, — кто?

Метод вытачивания крови у всего убиваемого, обескровления заживо, существует только у евреев и применяется у них при убое скота. Это всем известно. Из этих двух вещей и вытекает убеждение столь непоколебимое. Я просто не могу, не умею поверить, чтобы С. К. Эфрон или Грузенберг в душе отрицали это. И мне кажется весь процесс просто неискренним: потому что что́ же спорить, когда перед глазами явный ритуал и столь же явный (ученый и утонченный) метод еврейства. Тот ученый и утонченный метод, которого, конечно, не могли бы применить Чеберяки или Приходько, едва ли знающие, что у человека есть "печень" и тем паче, что под черепом есть "большая лоханка головного мозга", дающая в случае ее протыкания — обильнейшее кровотечение. Я учился в университете, рассматривал анатомические атласы, — и, конечно, ничего подобного не нашел бы ножом, что́ у Ющинского нашел ученый некто.

Кто? Метод — еврейский; и заключение — "еврейский ритуал". И клятве вашей никто из русских не откажется противопоставить свои клятвы, вытекающие из очевидности, по крайней мере я противопоставлю.

К прекращению ритуального убоя скота

Сколько пустозвонства льется в газетах по поводу процесса Бейлиса, — и между тем всеми опущено сказать очень нужное слово, — слово, которым полон рот:

— Да прекратите ритуальный убой скота. Т. е. пусть евреи откажутся от одного из "темных средневековых суеверий", — что́ им тем легче, что они теперь, и уже давно, "просвещенная европейская нация". Пусть они перестанут видеть в крови какой-то "религиозный фетиш", что ведь полный предрассудок по науке; пусть употребляют в пищу обыкновенное наше мясо, получаемое на наших бойнях.

Наш убой скота моментален и не сопровождается мучением: животное оглушается обухом и через отверстие в затылке отделяется спинной мозг от головного. Это одна секунда, причем самое умерщвление производится уже над животным в беспамятстве. Сострадание к человеку начинается с сострадания к животным, — и мы будем, и невольно будем, относиться с некоторой тревогой к обитающим среди нас евреям, пока они будут "не садиться с гоями за один стол", будут брезгать нашей пищею и вообще так страшно *физиологически от нас отделяться*, как теперь. Кто с нами не ест, не пьет, не живет, как он не покажется нам или, по крайней мере, живущему стихийною жизнью простому народу, — каким-то стихийным врагом? Пока они нас зовут "гоями" и чувствуют нас "гоями", людьми точно прогнанными от лица Божия, как вы заставите простой народ не называть их шепотом "нехристями" и "распинавшими нашего Господа"? Вот откуда надо начинать крушение разделения, начинание слияния, начинание борьбы с "чертой оседлости". Пусть евреи уничтожат прежде всего около себя, вокруг себя, эту "черту оседлости", в какой сами замкнулись.

Вот забота Гессена, Марголина, Грузенберга и всего "Общества распространения просвещения среди евреев". Зачем они кричат, что́ "мы должны сделать" (отменить черту оседлости). Пусть сперва сделают "сами", выйдя открыто и ясно и благожелательно навстречу русским.

И их убой скота пугает нас. После дела Ющинского, из которого была выточена вся кровь, — нас вообще пугает этот ужасный способ *обескровления заживо* животного. Ничем нельзя успокоить тревоги простых беднейших классов, живущих на окраинах городов, что через 15—20 лет из них не будет взят еще Ющинский. С психологией масс нельзя не считаться, и сильные волнения этих масс надо предупреждать своевременно принятыми мерами. Между прочим, самое блуждание среди народа суеверия или подозрения об "особом употреблении крови" у евреев возникло именно оттого, что на окраинах городов и сел, где происходит их ритуальный убой скота, случайно проходящие русские люди видят это зрелище *еще живого быка или теленка*, который все слабеет и слабеет от порезов и уколов, и из него струится кровь! Кстати, присяжным в Киеве, "чтобы положить все дело на ладонь", должен быть

показан *на деле* убой евреями скота: иначе все для них останется отвлеченно, словесно и литературно.

Нервы и подозрительность, а по-моему, и настоящую *тревогу за будущее*, т. е. чтобы "не случилось еще Ющинского", нужно прекратить через *погашение* у евреев *самого искусства и мастерства обескровливать* *з*аживо животных. Не будет такого мастерства, — и мы естественно станем хотя несколько спокойнее касательно того, что "никто из человеческой жертвы не сумеет извлечь всей крови". "Нельзя", "не умеют", и — "не будет". Конечно, можно и не на животных этому научиться: но еще *кто-то* и *как* будет учиться. Опасность (или почва для подозрений) в том, что теперь это *повсеместно* "умеют", и, увы, умеют только евреи, эти их ужасные "резники". Вот к устранению-то и уничтожению этих ужасных "резников" я и веду речь. Возвышенная ветхозаветная религия и мудрое законодательство Моисея решительно пятнаются этим диким, изуверным и для нас подозрительным способом убоя скота и присутствием среди синагогальной иерархии этих убийц животных, ритуальных мясников!!! Зачем мясники в вере, зачем мясники в единобожии, в монотеизме, зачем мясники в религии высочайших правил? Так определяют евреи свою религию. Погасить, погасить эту традицию, разучиться этому ужасному мастерству, которое "от учителя к ученику" и, может быть, от отца-наставника к сыну-преемнику передается, как говорится, на ощупь. Как у нас тоже из рук в руки передаются мастерства, начиная с простейшего сапожного. Пусть никто из евреев не умеет вытачивать кровь, обескровливать животных. Мы, христиане, от многих "средневековых предрассудков" отказались; мы, например, лечимся у евреев-врачей и берем из еврейских аптек лекарства и допускаем евреев в свои бани, хотя нам это запрещено нашими "средневековыми", церковными, каноническими правилами. И, сближаясь с нами, евреи должны пожертвовать этим своим убоем.

В Великом Княжестве Финляндском запрещен ритуальный еврейский убой скота, и, кажется, в Финляндии никогда не было найдено "ритуального мальчика". Конечно, "резник" может приехать откуда угодно, но все-таки тут будет некоторое затруднение или осложнение, и есть интерес получить хоть его. Все-таки не "езде *так* умеют", и нужно искать специалиста. Русской власти, которая всегда робеет сделать первый шаг, удобно взять готовый пример в Финляндии: она сделает второй шаг, и "по существующему образцу".

Нужно закрыть и должны быть закрыты еврейские специальные скотобойни и уничтожены специальные еврейские мясные лавки. Пусть едят с нами — это первый шаг цивилизации и погашения вражды к нам, относительно которой не можем же мы не быть подозрительны ввиду полного их разделения. Нужно повести их к свету, и повести законодательно. Нужно им просвещаться не только через чтение альманахов, не только через грамоту, книгу и либеральный журнал, — а просвещаться в *быте* и *бытовым способом*. Кончайте с "средними веками", гг. евреи, и первый шаг этого — обыкновенный наш убой скота, без садически-религиозного, садически-исступленного "кап-кап-кап" крови из медленно умирающего животного. Обоняние вами этой крови, — невольное обоняние вашим резником, — кружит нам головы, и в этом кружении есть законный страх. Перестаньте пугать нас, и мы не станем бояться.

А то что за "участие крови в религии", в синагогальном ритуале?.. Останьтесь при возвышенном монотеизме.

Это будет гораздо *реальнее* и *успокоительнее* подействует на нас, чем выкрики экзальтированного еврея в Софийском соборе, в Киеве: "Евреи не употребляют христианской крови" — и писанья о том же дружественных газет, что "этого — нет, ибо это — непросвещенно, а евреи — просвещенны".

Пусть, с одной стороны, *внутренно* они сами двинутся сюда, а с другой — пусть государство проведет свой закон "о запрещении всяких ритуальных отношений к крови в Империи", — куда *implicite* войдет и еврейский убой скота.

Россия вовсе не обязана законом признавать грубейшие остатки язычества (фетишизм крови, "кровь — фетиш"). Вот ее просвещенное право сказать *volò* и *veto*.

Нужно перенести все дело в другую плоскость

(К делу Ющинского)

Процесс об убиении Андрюши Ющинского сбит с пути почти в той же мере, как было сбито с пути первоначальное исследование. Он попал в сферу мысли и чувства людей нерелигиозных, выразителей "культуры XIX—XX веков", для которых "ритуальное убийство" немислимо, недопустимо, невероятно — и следовательно, его *не было*.

Но есть вода, и в ней живут рыбы.

Есть воздух, и в нем живут совсем другие существа — птицы.

Есть земля и бегающие по ней животные.

И наконец, есть странное существо — крот. Маленькое, теплокровное, со шкуркой животное, — с легкими для дыхания воздухом, — едва вы его, поймав, положили на землю, как оно пробежит аршина полтора и начинает *чудесным образом* зарываться в землю, уползать в землю; и через 1¹/₂ минуты вы видите один задок его, а через три минуты он скрылся под землю, и только по легким движениям почвы вы замечаете, что теперь он, так сказать, "плывет в земле и под землею".

Не хочет дышать воздухом на земле, где все так свободно, славно!

Не хочет бегать по земле, где так легко бегать.

А хочет *дышать в земле* и *бежать сквозь землю*, преодолевая в каждом вершке "вперед" ее немалое сопротивление.

"Полное *отрицание* всех удобств и благополучий". И "искание неудобного, трудного, тяжелого".

Так и в истории, и в жизни. Конечно, "большинство человечества" ходит в котелках. Все адвокаты, журналисты и вообще "порядочные люди". Но есть немногие определенные люди, которые определенно не хотят ходить в котелках, а надевают "что-то" на голову; наконец, есть почтенные люди, которые надевают "митру" на голову: одеяние вовсе неудобное при холоде, под дождем и прочее. Вообще, голову убирают

разно. И содержание в голове тоже бывает разное. "Я определенно не хочу адвокатского и журнального мирозерцания". Кроме того, я могу считать его суммой всего, что мне отвратительно, — художественно, эстетически, морально, религиозно, космологически. Адвокат есть враг мне: и я только-только сдерживаюсь, чтобы не сделать из него "ритуального употребления".

Как вы можете поручиться, что в сфере моей психологии и нашей психологии не может быть манифестации, обнаружений, действий и комплексов чувств, совершенно не похожих "на всю жизнь адвоката".

Да, есть люди, которые самоубиваются. Разве это вероятно? Самоубийство есть самый невероятный факт, и, однако, — он *есть*. Самоубиваются люди обеспеченные, с семьей, без внешних и гнетущих обстоятельств, "от тоски" и "не знаю, зачем жить?". Если такой невероятный факт существует, как вы можете ручаться, что *того-то* — не *может быть*? *Все может быть* на сложном и таинственном древе жизни людской. "Многого не может быть" — только у адвоката; но у человечества, *уже для полноты*, решительно все не только "может", но и "должно" быть. Иначе оно было бы машинкой, а не натурой.

Но это, скажут о самоубийствах, — пассивно и "себя".

Переходя к возможности активного, укажу: да разве всякое революционное убийство не есть в зерне своем жертвоприношение? "Свободе России" или "благополучию России и человечества я обрекаю в жертву жизнь *его* и потом жизнь свою", рассуждает Каляев. Адвокаты и революций не сделали, как не сделали религий. Между тем мы слышим в необозримом вое о деле Ющинского—Бейлиса только голос адвоката или, обобщеннее, "людей в котелке". И голос этот совершенно однообразен, однотонен и собственно содержит не "36 букв человеческого алфавита", а тянет только одно "а", — тянет утомительно до тошноты и рвоты. И в сущности не слагает ни одного членораздельного звука. Он просто не нужен.

Все напечатанное о деле Ющинского просто никому не интересно и совершенно не нужно и не имеет никакого значения для дела Ющинского. Ибо дело это и вопрос этот глубин человеческих, а адвокаты и вообще "в котелке" плавают на поверхности.

Дело это резкое и гордое. Оно говорит:

— Не нужно адвоката.

— Не нужно вообще "вас".

— Не нужно безбожников. Мнящих мир механическим и бездушным. Нужен мир с цветами, звездами, "в первоначальных одеждах из шкур зверей", невинный и чистый, безгрешный и Божий.

А чтобы он был, из грязи, греха, опять "Божий" — принесем древнюю жертву, древнейшую, от истоков религии сущую и никогда не имеющую исчезнуть у павшего человечества, — жертву животную, живую и...

Сильные мысли заменяются многоточиями. Об очень "сильном" вообще не говорят, а просто его делают. Вообще в мире есть много чрезвычайно важного, о чем "не говорят", а делают: упорно, властно, исполнительно.

Адвокаты могут сколько им угодно кувыркатся через свой "котелок", а митру все-таки некоторые будут носить.

Мне хочется разбить самое зерно "дела Ющинского", показав, что оно не в том котле варится. И сделать это через указание на формы мышления и чувства, которые лежат подспудно под идеєю жертв и вовсе не желают никуда уйти. "Невозможно! Невозможно! Невозможно!" Ах, господа, "кажется невозможно, чтобы дети рождались... из такого постыдства, которого — ни *назвать*, ни — *описать*, ни — *картинки* дать". А вот, подите же, "рождаются" и "рождаются". Каким-то чудом даже у адвокатов иногда "рождаются дети"... Доходят эти господа до такого бесстыдства: коего ни назвать, ни в фотографии снять.

Ах, господа адвокаты сами не знают того, что в натуре своей они гораздо глубже, чем сознают себя на улице и "в котелке"; и что до известной степени и в некоторые моменты жизни они "приносят жертвы Ваалу и Астарте" и даже не прочь ножом чиркнуть "по ритуалу". Только этого не сознают. В них это заложено как темная возможность. А в истории и кое-где теперь эти "возможности" целого человечества раскрываются.

Мои личные рассуждения, как слишком "мои", — были бы неубедительны. К счастью, в мои руки попали два документа, уже "чужим слогом" написанные, которые и могут показать читателю, что вообще эти "туманы плавают в мире", и вот один из них капнул каплей на несчастную голову Ющинского.

Вечером, в день, как была напечатана статья "Важный исторический вопрос" (об обрезании, как *крови жертвенной человеческой*, в иудаизме *теперь*), я получил на имя редакции анонимную открытку:

"М. г. А как вы объясняете слова: *Сия есть кровь Моя Нового Завета*, — и что это место есть главное в литургии"?

Т. е. — и "у вас то же, что у иудеев": "жертва", и именно "кровью", как главная часть религии и богослужения.

Я затрепетал, получив. И ухватился только за написанное выражение — "слова". "Как вы объясняете *слова*?"... "Демон! — мысленно говорил я, — так ведь *слова*. Господь Иисус Христос *отменил* кровавые жертвы, заменив их *словом о жертве*".

Но потом смутился: нам *запрещено* веровать, что это только "слова", а повелено веровать, что мы "вкушаем Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа". Священник говорит о причащении причащающимся: "Верую и исповедую, что *сие* есть самое Пречистое Тело Твое и Самая Пречистая Кровь Твоя"... У католиков это выражено со страстным нажимом: они не дают мирянам крови, а только священник ее пьет. Хотя если бы "вино" и только "слово", — то отчего *всем* не дать?

Так прошли дни, — когда я получил длинное письмо о всем деле Бейлиса от человека, коему в какой-то газете попало извлечение из моей статьи "Важный исторический вопрос". Пишет он, комкая и сокращая дело, потому что *в горе*: умер его близкий родственник. И вот, весь грустя, около бесконечно грустящих близких, он и пишет "о всех этих грустных обстоятельствах мира", из которых вытекли жертвоприношения. Письмо с Кавказа. Он христианин, а главное — очень *жизненно чувствующий человек*, "в митре", говоря символически.

”Цитата из вашего фельетона о ритуальных убийствах, встретившаяся где-то в газете, показала мне нашу единомысленность. И мне захотелось, урвав минуту, написать вам несколько слов. К сожалению, *самого*, т. е. *всего*, *фельетона* вашего, я не читал. Прежде всего, мне думается, что дело Ющинского ведется весьма нелепо. Странная альтернатива: или евреи совершают ритуальные убийства, *то есть* виновен Бейлис, или Бейлис невиновен и тогда, *значит*, евреи убийства не совершают. Не понимаю, почему все взоры обращены на Бейлиса. Лично я почти уверен, что Бейлис лишь ”замешан”, впутан в какие-то сложные отношения. И он, и Чеберякова, и еще другие — только пособники и укрыватели, как мне кажется, но не главные действующие лица. И заpiresательство всех их вполне понятно: ведь пред ними альтернатива, — либо каторга, либо смерть от кагала. Бейлис — полувиновен. Но отсюда еще ничуть не следует, что убийство Ющинского *не* ритуальное. Наиболее характерным мне кажется *вызов*, несомненно содержащийся в этом убийстве. Если несколько человек совершают убийство (а несомненно, что их было несколько), то неужели они не могут *скрыть* следов своего преступления? Неужели тело Ющинского нельзя было искромсать на кусочки и по кусочкам уничтожить, сжечь, бросить в мешке с камнем в Днепр и т. д., и т. д.? Обстановка нахождения тела кричит: ”Смотрите, мы на глазах всего мира совершаем заклятие!”... ”Вот вам, мы не преступники, а *исполнители* своей правды”. Этот вызов имеется во всех случаях, когда возбуждались дела о ритуальном убийстве. Труп Ющинского не был скрыт; его не хотели уничтожить; не хотели скрывать следов способа убийства. Значит, дело не только было в том, чтобы убить или даже нацедить крови, а, главным образом, в том, чтобы совершить всенародное жертвоприношение напоказ всему человечеству. Жертвоприношение должно быть тайною, совершаться ”за завесою”. Но о том, что совершается именно жертвоприношение, а не просто преступление, должен знать весь мир”.

”Но если так, то, конечно, это дело — не жалкого Бейлиса, а кого-то посильнее, поважнее и поумнее, наконец — порелигиознее и помистичнее. И, конечно, тот или те, кто совершил это жертвоприношение, не был так наивен, чтобы с добытою кровью сидеть в Киеве. Он приехал в Киев. Бог знает откуда и уехал Бог знает куда. Истинный виновник убийства неизвестен и, конечно, — если не случится чего-нибудь совсем необыкновенного, — никогда не будет отыскан. Как не могут в Киеве понять, что нельзя в *Киеве* искать виновника киевского же убийства, — притом совершенного уже более года назад! А Бейлис — слишком ничтожное лицо для деяния столь крупного идейно”¹.

¹ Между прочим, характерною чертою священного убиения служит круговая порука. Подобное мы видим, например, в обряде *буфаний*, священного быко-заклания. Феофраст рассказывает, что одни участники жертвоприношения приносят воду, другие — точат топор и нож; один — передает топор, другой — поражает вола, третий разрезает кожу; иные сдирают шкуру и т. д. Затем едят жертвенное мясо. Когда же вкусят от мистической трапезы, то все участники привлекаются к ответственности за убийство. Но девушки, приносившие воду для точения топора и меча, сваливают вину на точильщиков. Эти последние — на передававшего топор; передававший топор, в свою очередь, — на резника, а этот

”Но существуют ли ритуальные убийства у евреев? Что́ за чепуху несут отвергающие их, — между ними и профессор Троицкий! Ну, конечно, ни в Библии, ни в Талмуде не сказано: ”Да совершаются ритуальные убийства”. Чего ищут профессора? Неужели ищут параграф, которым узаконяются человеческие жертвоприношения? Нет надобности быть знатоком Талмуда, чтобы твердо сказать а priori: ”Такого параграфа нет и быть не может”. Но неужели такой параграф существовал в тех местах и в те времена, где и когда заведомо существовали человеческие жертвоприношения? А существовали-то они *езде* (курсив письма). Однако человеческое жертвоприношение всегда рассматривалось как акт экстраординарный, — хотя бы он и был периодическим на деле, — как нечто неожиданное. Даже жертвоприношение животное, — и оно рассматривалось как некая неожиданность, как случай, как порыв, и совершитель этой жертвы, на деле всеми ожидаемого убоя, — совершитель назначенный, — рассматривался как *убийца* (курсив письма). Так, например, Павзаний рассказывает, что на празднике Диполий в Афинах совершалось быкоубиение по следующему чину. Насыпав на алтарь Зевса Полиея ячменя, перемешанного с пшеницей, оставляют его без присмотра. Как только предназначенный для жертвоприношения бык, подойдя к алтарю, касается зерен, один из жрецов, называемый буфоном, быкоубийцей, мечет в быка топор и *убегает*, остальные же присутствующие, как бы не зная человека, совершившего убийство, несут топор на суд. Не правда ли, похоже это и на киевское дело, которое мне представляется так: один, какой-нибудь ”Шнеерсон”, ”метнул” в Ющинского, в тот момент, когда его ласкали или угощали, какое-нибудь орудие и убежал. Остальные же судили провинившееся орудие. А убийцу они ”не знают”, и это не только — по укрывательству, *но* — *и ритуально* должны ”не знать”, так как иначе ”жертвоприношение” сделалось бы простым ”убийством”. Закалающий жрец все же есть убийца, и он должен *оправдываться* (курсив письма) известными условными приемами. Важно то, что жертвоприношение всякое, не говоря уже о человеческом, всегда совершалось, или во всяком случае в глубокой древности совершалось, а потом стало считаться совершающимся — в *порыве* исступления, в состоянии религиозной одержимости, в священном безумии. Я знаю, что можно сейчас против моих слов привести многое; но мне нет времени точно высказать свою мысль. Ведь я пишу только ”для В. В. Р.” и потому уверен, что он поймет, куда я тычу ”перстом”.

”Так как же ждать, что ритуальное убийство будет показано в ”своде законов”, хотя бы ”еврейских”. К тому же проф. Троицкий ”изучал *все* источники, *кроме* устного предания и мистических книг иудейства”! Эта экспертиза — положительно из юмористического журнала. Да *где* же

последний — на меч, который окончательно признается виновным и выбрасывается в море. Так было у благородного народа, у греков. Кагал делает то же, но загнанно, трусливо и злобно. Каждый оказывается ”знать не знающим и ведать не ведающим” самых обыкновенных вещей из еврейской жизни. Все винят друг друга. Что же касается до орудий жертвоприношения, то, вероятно, они давно в Днепре, так что кагал или кто там совершал убиение — ”по совести” считает себя *уже* оправданным. *Приписка автора на корректуре своего письма.*

искать ритуальных убийств, как не в устном предании и в мистических книгах?!”

Далее в письме начинается самое важное:

”Но для внимательного наблюдателя не может ускользнуть, что с разных страниц в Талмуде и в Библии поднимаются указующие персты, метящие в одну точку, и эта точка, — правда, нигде явно не фиксированная (по-моему, в словах: ”в крови животного — душа его”, это даже и фиксировано. — *В. Р.*) и для позитивистического ума невидимая, — однако влечет к себе все существо человека, вчитывающегося религиозно, инспирирует его. Точка эта — священность *крови*. Хвольсон в своем ”исследовании” о ритуальных убийствах с адвокатско-жаргонным нахальством рассуждает о том, чего он ничуть внутренне не понимает и не желает понимать. Он с торжеством орет на весь мир, что еврею-де запрещено *даже* глотать слюну при кровотечении из десен и, *значит*, немислимо употребление христианской крови. Да, запрещено глотать слюну с кровью. А почему? Именно потому, что кровь — нечто священо, *табу* (”святые предметы” у язычников; термин этнографии и истории религий. — *В. Р.*); ”в крови его — душа его” (”Книга Левит” Моисея); а с другой стороны, — нельзя шутить с нею, как-нибудь неосторожно капнуть ею, вылить ее. Но то, что обведено столь толстой стеной запрета, — это не может не быть чем-то существеннейшим для религии. Через царские двери в наших церквах нельзя ходить, но не потому, что они не важны, но потому, что они, по важности своей, остаются для особо важных моментов”.

Ни христиане, ни евреи не смеют отрицать таинственного значения крови, ибо:

”Все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения”.

Это говорил великий знаток раввинизма — св. апостол Павел. И он выражает в этих словах основное начало всякой религии, — не только иудейства, но и христианства. Обратите внимание: ”все почти *по закону* очищается кровью, и без пролития крови *не бывает* прощения” (Послание к Евреям, IX, 22). Пусть же гг. Хвольсоны оставят свои рассуждения о кровоточащих зубах, ибо ”без пролития крови *не бывает* прощения”.

Вот центр дела, — прямо и ведущий к жертвоприношениям:

”И кровь, изъятая из обращения кулинарного, изъята именно потому, что сохраняется для моментов священнейших. Иначе не было бы никакой причины окружать ее запретами. Так, во многих культах известное животное безусловно возбраняется верующим и окружено всяческими запретами: его нельзя убивать, его нельзя употреблять в пищу. Но в известные времена и сроки оно *священно* заколается и *священно* поедается, и участие в этой священной трапезе столь же *обязательно*, сколь в *иные времена* — *запрещено*. Кровь гоев, тоже животных, вероятно, надо рассматривать как именно такой род в обычное время запретной священной пищи. Но я охотно допускаю, что очень немногие, только из избранных избранные в иудействе, посвящены в эту тайну”.

Дальше идет рассуждение человека, глубоко вникшего, так сказать, в сложение религии, в древности — прежде всего, но и — теперь. Оно драгоценно именно потому, что пишет ”наш брат”, ”современный чело-

век”, проходящий улицею рядом с ”котелками”. Пишет современник и проф. Троицкого, и проф. Покровского, и Грузенберга, и Карабчевского. ”Наш брат”, — но очень серьезный. Мне мучительно приводить слова его, но, что́ делать, — надо всмотреться в зерно мировых трагедий. Напоминаю, что автор пишет в печали, в глубоком горе о смерти родного.

”Плохо ли это? — спрашивает он и отвечает себе и мне: — Признаюсь, что еврей, вкушающий кровь, мне гораздо ближе не вкушающего, напр. Грузенберга или какого-нибудь -зона. Первые, вкушающие — это евреи, а вторые — жидаы. Что же делать: религия по существу трагична. Адвокаты рассуждают так: ”И иудейство чепуха, и христианство чепуха, и кровь чепуха, — стоит ли ссориться”. А я скажу: ”И иудейство — религия, и христианство — религия, и кровь священна и таинственна, и ритуальное убийство — великое дело”. Но иудейству как религии противостоит христианство, — не как отмена всякой религии, но как высшая религия же, как преодоление убийства. Крови агнцев и козлов и крови Ющинского, — противоположены единожды пролитая и присно проливаемая кровь Господа Иисуса. А вечно не удовлетворенному внутренно убийству ритуальному противостоит единая и присная смерть Господа: Агнца и Первосвященника. Христианство бесконечно *сгущеннее* иудейства и *окончательно* отвечает на законные (ибо ”без пролития крови не бывает прощения”, по слову Апостола) запросы иудейства; но иудейство непрестанно пытается удовлетворить свои запросы временными, и потому недостаточными, средствами. Хасиды по-своему правы, и их надо лишь укреплять в их мыслях, — чтобы они стали христианами. А ведь адвокаты — действительно враги человеческого рода, отрицатели всякой религии, — и условной дохристианской, и безусловной христианской!”

”Христианству как религии противостоит иудейство как религия же. Можно столкнуться с каким-нибудь хасидом, но нельзя столкнуться с адвокатом. Христианин понимает ритуального ”Шнеерсона”, но никогда не поймет адвоката. Ведь христианин знает, что ”если *кровь* тельцов и козлов и *пепел телицы* чрез окропление освящает оскверненных, дабы *чисто* было *тело*”, то кольми паче — ”*кровь* Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу”... (Посл. к Евреям, X, 13, 14). И еще знает христианин, что ”всякий (еврейский) священник ежедневно стоит в служении и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов”... ”Христос же, принеши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога” (id., X, 11, 2). Кто же не понимает, что по всему Ветхому Завету льется кровь и что все там красно от крови? И кто не понимает, что Новый Завет весь в бесконечно более густой, святой, страшной и животворящей Крови Единого Безгрешного?! От дела Бейлиса мне страшно, — не потому, что совершаются ритуальные убийства, а потому, что христиане до такой степени забылись, что совсем перестали чувствовать значительность идеи мистического убийства и священность крови. Евреи, если они не все стали жидами, должны понимать, что обвинение их в ритуальных убийствах есть признание за ними религиозного начала. Неужели им кажется более достойным слыть за паразитов без собственного религиозного содержания?”

”Но, конечно, правы вы, говоря, что нет резкой границы между Молохом и Богом Израилевым. А точнее, Молох — искаженный образ того же Бога Израилева. ”Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова — не бог философов и ученых” (слова Паскаля), не ”бог” — духовных академий и семинарий, не ”бог” — газет и журналов. Этот последний ”бог” — с именем, которое есть фикция, как в географии суть фикции — ”экватор” или ”меридиан”; такой ”бог” не слышит запаха крови и не знает ее священности; такой ”бог” не устанавливал евхаристии, не посылал Сына Своего на смерть, не сотворил ”мужчину и женщину”. Это — не Бог полей и лесов, а ”бог” канцелярий и духовных консисторий. Я не знаю, *кто* он, но знаю, что ни Библия, ни Христос, ни пророки, ни святые отцы — все они говорили *не об этом* канцелярском ”боге”, — модели для наглядного обучения”.

”Ужасна смерть мальчика Ющинского, — кто знает, быть может, св. мученика в церковном смысле. И заклатели его *должны* быть найдены и наказаны. Но, между нами будь сказано, пока есть такие манифестации мистического ощущения мира, какая произошла в Киеве, можно быть уверенным, что мир не совсем умер, не совсем выдохся, не совсем опозитивел и ожиловел. Борьба — так борьба. Но бороться с евреями — дело достойное, а с жидами — бррр... Смерть Ющинского — ужасная трагедия. Но трагедия эта очищает мир и благотельно опрокидывает то плоское и мелкое ощущение мира, в каком все теперь киснут. Может быть и нечто более ужасное: это когда трагедии в мире вовсе не будет, когда и евреи, и христиане станут жидами. Все кричат о ”последнем ритуальном процессе”. Если это будет так, то не покажет ли это, что и религиозные устои мира доживают последние дни; ибо те, кто существенно и в корне отвергают ритуальное жертвоприношение, неужели они могут жить христианами и исповедывать спасительность Христовой смерти на кресте?”

”Вот те мысли, которые мне хотелось написать вам. Усталый и занятый, я не сумел выразить того, что хотел: смущения трагичности и непостижимости мира и высшей разумности всего в нем совершающегося. Целую вас и привет всем вашим”.

Мне очень совестно, и я очень извиняюсь перед корреспондентом за напечатание письма его, — по-моему, имеющего величайшую ценность в киевском процессе. Непосредственно, ”в усталости” написав письмо, он ”бросил на бумагу” клоки мыслей, чувств, ощущений, которые для всего необозримого общества, живущего ”уже по-американски”, показывают бытие того ”моря соленого”, где плавают совсем иные рыбы, чем какие плавают в нашей пресной житейской водичке. ”Мертвые души” Гоголя не приносят жертв; и эти ”мертвые души” одни судили процесс и естественно отвергли *самое зерно его*. Но есть *иные моря* и *иные души*, — которые хотят причаститься ”в жизнь вечную” даже Святейшей Божией Крови и Святейшего Божья Тела. Все *это* не понятно для Грузенбергов и Левиных, для гг. К. Арсеньева и корреспондентов газет. Им не понятно уже ничего в христианстве, в церкви, в литургии; да они и не бывают никогда за нашей обедней. У нас, где все ветхозаветное отменено и изменено, где все заменилось ”Кровью и Телом Спасителя”, — т. е. Бого-человека, естественно нет и быть не может *человеческого* жертвоприношения. Но столь же естественно и неодолимо в религиях ”до нас” есть и должны быть

жертвоприношения вообще, и между ними как глубочайшая и высшая — *человеческая жертва*. Христос, указав и заповедовав вкушать Свое Тело и испивать Свою Кровь, не имел *заменить* Собою "кровь тельцов и козлов", а именно — Он *спасал* в будущем человеческую кровь и тело, отменив навсегда *человеческую жертву*, вероятное зерно тайнейших частей иудейского культа. Это "пугает", но это "есть". И *смерть* "пугает" нас, но все мы *умираем*. Драгоценное письмо удвоенно драгоценно, как написанное в смертной скорби. Нам Христос дал "воскресенье": вот у иудеев, вероятно, и брезжит мысль достигнуть не *одного* "очищения", которое достигалось "через кровь козлов и тельцов", а достигнуть будущего *воскресения* души за гробом — через высшую и священнейшую Жертву.

Всего этого рационалисты и позитивисты "не допускают", а мистика этого "требуется". Есть такая душа, есть такие "особые рыбы", есть это "соленое море". Есть изумительный *крот*, "дышащий в земле". Посторонитесь, господа на улице: идет священная процессия древности.

Об одном приеме защиты еврейства

Один из наших бывших священников, с коего снят сан, "богословствует" о деле Бейлиса:

"Что истина всем этим господам? Что им ложь? Что им богохульство? Они объявляют себя христианами, объявляют православными и ссылаются на это православие как на основу своего национализма".

"Как будто еврейские книги — *не наши* книги, и Ветхий Завет — *не наш* Завет..."

"Как же теперь примирить христианские требования православия, истинного богопознания, с неистово-злым выступлением против евреев, — выступлением, не останавливающимся даже перед хулой на Священное Писание, хулой на святой *источник православия?*"

Уже по чрезвычайной каше этих мыслей можно угадать, что говорит Гр. Сп. Петров. Он пишет эти мысли двадцать лет, и читатели его — кто верит — невольно должны думать, что И. Христос основал не *Свою Церковь*, а основал русско-еврейскую либеральную печать, коей вестником или "ангелом" послал на землю Григория Спиридоновича.

Можно было бы не отвечать на это, если бы строки эти не напоминали и не повторяли гг. профессоров наших духовных академий и даже некоторых духовных лиц, еще не лишенных, как Григорий Спиридонович, сана, — которые все пишут в этом же смысле, в этих же тонах...

Господа, опомнитесь: И. Христос основал не либерализм, а *Свою Церковь*. И чтобы основать Свою Церковь — Он должен был покончить и действительно покончил с Ветхозаветною Церковью. Каким образом священники и профессора духовных академий не видят того, чем наполнено Евангелие:

"Ваш отец — *дьявол есть*", — сказал И. Христос в глаза евреям.

"Вы — *порождения ехиднины*", — назвал Он их же.

Они Его *распяли*.

Каким образом духовные лица и их академические наставники не слышат этого вопля, проходящего через все Евангелие, — этой чрезвычайной борьбы с ветхозаветным строем, который и отошел в то, что в нашем законодательстве очень точно именуется "Моисеевым законом", а люди, держащиеся его, именуются "людьми Моисеева закона", до которого вообще нам дела нет, — и который уже в этой квалификации закона, отчужденной и далекой, низвергается приблизительно *ни в какую религию*, а — в обряд, для нас странный и чуждый.

"Люди Моисеева закона" — вот евреи; и все ветхое, кроме некоторых нравственных правил и заповедей, — для нас есть чужой и ненужный нам "Моисеев закон". Они свинины не едят — пусть. Они бедра не едят у быков и у коров — пусть. Они едят котлеты непременно *без масла* — пусть. Для нас это просто предрассудки, суеверия.

Собственно *религии* как духовного состояния, как идеального состояния — у евреев вовсе нет, а есть необозримый *ежедневный обряд*: как мыться, как кушать, как торговать. У них *место религии* занимает *материальный обряд, материальные церемонии, материальные традиции* ("священство вещей").

Да и понятно: все началось с обрезания — чисто телесного акта, — и завершилось в необозримое множество обязательных телесно-вещных мелочей.

Иисус Христос изрек о всем об этом — как о "пустом", *ничтожном, ненужном*. Обрядовый "Моисеев закон" Он наименовал как не пользующий душу и ненужный Богу. Вот переход от "Ветхого Завета" к "Новому Завету". Кто же может и смеет говорить о каком-то здесь *единстве и общности*, когда здесь все — в контрасте и, так сказать, за *контрастность* этого и умер Иисус Христос; дабы в Него верующие никогда не могли переступить через Его терновый венец и вернуться в эту — по нашим профессорам духовных академий и ех-священникам — "свою родину".

"Отец ваш *дьявол* есть", — вот слово Иисуса Христа евреям.

"Вы — *порождения ехиднины*", — и дело Ющинского, около которого они хотели удушить еще и мать (клевета на нее и заключение ее в темницу), показывает, как правильно поступал Христос, поражая в голову эту живую ехидну.

Так вот что указал нам Основатель Нового Завета: чувствовать евреев, пока они преют в своем "святом кошерном мясе" и "не едят грешного бедра" телятины или говядины, — чувствовать их и именовать их и относиться к ним как к "порождениям ехидны" и "детям дьявола".

Может быть, Григорий Спиридонович Петров и гг. Покровский (уволенный из Московской Духовной академии доцент) и Троицкий скажут, что кроме "русских националистов" судил о евреях неправильно и Иисус Христос?

Послушаем, что они скажут. Им предстоит выбрать между евреями и И. Христом; как "выбирал" это и апостол Павел, — и никто, решительно никто, не может после Христа избежать этого выбора.

Ибо Иисус Христос разрушил еврейское царство, и их кошерное мясо, и их не съдаемое ни за что бедро, и наполненный кровавыми жертвоприношениями так называемый "Второй Храм".

Не Он ли сказал:

"Камня на камне не останется".

А Петров, Троицкий и Покровский совсем без разума, с какой-то "кашей в голове", ремонтируют и воссоздают этот Храм.

Меня не очень поражало (привык), что они как будто не читали никогда Ветхозаветных книг. Но я не знаю границ изумления, когда вижу, что они не понимают, о чем идет дело в Новом Завете, в Евангелии:

О разрушении "людей и дел так называемого Моисеева закона", о превращении их "из религии — в ничто".

— Дети дьявола! Порождения ехиднины!!

" — Распятъ Его! Распни Его!.. " — "Отпусти лучше Варавву-разбойника, а Его не прощай". "И — кровь Его на нас и на детях наших".

Никогда не слышали? Профессора, священники, чуть ли который-то даже епископ...

Ученая пава

Известен рассказ хотя немного обижающий поляков, но такой остроумный, что его хочется привести ради литературного удовольствия. Нуждаясь в деньгах, один шляхтич принес закладчику кунтуш:

— Прими, пáne, кунтуш до заклада.

Тот рассмотрел внимательно и возвращает назад:

— Се, пáne, не кунтуш!.. Се есть тряпка!..

Дворянин побледнел:

— Як *тряпка*??!.. Се есть кунтуш звычайный пана Косцюшко!..

Тот, однако, отказался принять вещь знаменитую исторически, но не представляющую ценности сейчас.

Этого "пána Косцюшко" нельзя не вспомнить, читая в "Речи" длинейший фельетон "нашего знаменитого", "нашего почитаемого" профессора-юриста г. Петражицкого. Какой тон! Какое великолепие! Какое поистине епископское самоуничижение сквозь ризы, власть и всеобщие поклоны вокруг. Совсем "servus servorum Dei"¹, низайший и слабейший в сонме ученых авторитетов.

"Я не имею в виду, — кланяется и смиренствует Петражицкий, — я не имею в виду сообщать свои соображения, опровергающие легенду о существовании в еврейской религии предписания (?!! — В. Р.) применения христианской крови или, сказать точнее, — о существовании в еврейском сакральном праве нормы, требующей применения христианской крови. Эта легенда уже давно проверена наукою и опровергнута в форме, не могущей возбуждать и не возбуждающей никаких сомнений в научной сфере. В науке и для науки такого вопроса теперь не существует; а сама легенда имеет только психологический интерес в качестве своеобразного явления в невежественных и некультурных народных массах, наряду с разными другими сродными, отчасти еще более нелепыми и фантастическими, массовыми легендами и суевериями. К тому же, в связи с знаменитым делом Бейлиса, получившим характер всемирного, крайне компрометирующего скандала, высказалось столько авторитетных и компетентных представителей светской и богословской на-

¹ "слуга слуг Божьих" (лат.).

уки, историков, филологов, теологов и они так согласно и решительно подтверждают указанное положение дела в науке и необоснованность и нелепость подлежащей легенды, что мой (слушайте! слушайте! — *V. P.*) весьма скромный по сравнению с этим научный авторитет является *quantité négligeable* и к столь огромному научному весу и авторитету не мог бы ничего прибавить. Нельзя только, в связи с этим, не обратить внимания на своеобразную комбинацию, состоящую в том, что для решения подлежащего, в науке давно решенного вопроса, для его перерешения предполагается спрашивать о личном мнении какого-то науке неизвестного и в ней некомпетентного литовского ксендза, Пранайтиса, выступающего в тем более сомнительной роли, что он объявляет оппозицию и войну не только науке и ее авторитету, но и авторитету католической церкви, в качестве члена которой выступает, — к прискорбию других, более достойных и просвещенных ее членов”.

”Если стать применять в процессах под именем ”экспертизы” такие средства перерешения решенных научных вопросов, то можно легко инсценировать всевозможнейшие нелепые и фантастические процессы. Если же под именем ”свидетельских показаний” допускаются перерешения решенных научных вопросов со стороны людей, никакого отношения ни к делу, в качестве свидетелей в подлежащем смысле слова, ни к науке не имеющих, то во что же превратится уголовная юстиция! Даже и в эпоху средневекового мрака, когда были возможны и естественны такие процессы, все-таки такие явления ”экспертизы” и ”свидетельских показаний” были бы сочтены чем-то странным и недопустимым”.

”Итак, я не считаю уместным пересматривать упомянутый, давно решенный наукою вопрос”...

Так, раскланиваясь Набокову и Гессену и всей кадетской партии, пишет знаменитый цивилист. Какой величественный слог. Какое изумительное течение профессорской речи. Главное, какой тон. Между тем все это великолепие только глупо. Глупо даже для ученика пятого класса гимназии. ”В науке давно решено” и ”давно проверено наукою”, но что она может ”проверить”, когда дело идет о неисследимой *индивидуальности человеческой* в сфере религиозных исканий, догадок, опытов и иногда тайных традиций, которые у евреев *есть* потому уже, что у них *есть* тайная и до сих пор вполне не разгаданная ”кабала”. Это все равно как если бы я о Петражицком начал ”по Аристотелю” доказывать, что он никогда в жизни не был пьян, или если бы Петражицкий начал ”по Бэкону Веруламскому” доказывать, что я никогда не пойду по улице на четвереньках. Да я назло его ”логике” непременно пойду. Да разве наши футуристы не доказывают собою неприменимость каких-либо ”научных предвидений” в сфере индивидуальности. Подобаает человеку ходить с двумя бакенбардами: 1) по природе, 2) по логике, 3) по эстетике, 4) по желанию всем или хоть кому-нибудь нравиться: но они начали выбривать одну бакенбарду и оставлять другую. — А преступления? А изнасилования малолетних? ”Никакою логикою не объяснишь” и ”ни в какую историю не вписуемо”.

”Авторитетные богословы признали”... Кто? Да *католическая* и *православная* церкви канонизировали ”умученных жидами”, и Петражицкий здесь просто лжет. Удивительно для ученого, — и даже ”недопустимо, невероятно”, чтобы ученый такого авторитета солгал, как мальчишка;

но это именно *случилось* с самим Петражицким, и это уже одно доказывает ему самому, как "мир частного и индивидуального" неисследим, недоказуем и непредвидим.

Ученому невозможно солгать (явно, грубо).
Но Петражицкий лжет.
Следовательно...

Вот в том и дело, что никакого "следовательно" не выходит. "Следовало" бы, что "Петражицкий — не учен", но он явно учен. Стоят просто *факты рядом*, — и такова жизнь. "Такова" она не всегда, но часто или иногда.

Разве "возможно и вероятно", чтобы живых людей жгли на костре живые люди и смотрели на это спокойно, сидя в креслах? "Невозможно"... А — *было*, и таковое "было" называется *auto-da-fe*. Петражицкий сказал, что это "мрак невежества": но неужели время Анзельма Кентерберийского, Дунса-Скота, Оккама, время построения великих готических соборов, великих пап — было временем "дикости, невежества и мрака"? Так позволительно думать повару от Кюба, но плох тот министр просвещения, который *за одну подобную фразу*, приличную портному, а не профессору, не предложил бы завтра же профессору подать в отставку "по полной неспособности ясно что-нибудь знать и, значит, чему-нибудь научить". О, г. Петражицкий, конечно, не таков. Он именно "расписался" со своим "кунтушем пана Косцюшко": он вообразил, что русские до того глупы, что Петербург до того непросвещенный город, что его дикие и мальчишеские строки будут все равно "прочитаны с удовольствием", так как кто же будет судить "такое светило науки". Но против "науки" его никто и не идет. Судят здравым смыслом; судят тактом скромности, к которой обязаны и профессора. Судят "общечеловеческой порядочностью", к коей врожден у всего человечества инстинкт, и очень грустно, что вот не впервые уже нам, русским, и здесь, в Петербурге, приходится видеть зрелище профессора и иногда "светила науки", вышедшего на улицу, в печать, в газету в какой-то "адамовой простоте" по части общепризнанного и публично-вежливого. Потому что Петражицкий без повода и вызова оскорбляет священника Пранайтиса, профессора Сикорского и еще длинный ряд лиц, бытие этого ритуала *утверждающих*.

А все "кунтуш" напортил. "Звычайный кунтуш пана Косцюшко..." Говорят, нет "национальной науки". По крайней мере "польская наука" всегда имеет павлиный хвост и интересна часто только с хвоста, а не с головы.

Наша "кошерная печать"

Какой-то "Любош" (неужели не псевдоним, а фамилия?) пишет в еврейской газете "Речь": "И в эти дни позора, когда весь культурный мир с таким презрением следит за той вакханалией гнусности, которую патриоты проделывают вокруг Веры Чеберяк", и т. д. и т. д., — "в эти

позорные дни, когда русское имя всемирно топчут в грязь Замысловские и Чеберячки, Сикорские и Розмитальские, Розановы и Полищуки, темная рать сыщиков, пристанодержателей, людей прожженной совести и растленных перьев” и т. д. и т. д.

Но, утешает Россию Любош, —

”...пусть Розановы, Чеберячки, Сикорские и Замысловские влачат имя русское по самым смрадным низинам, — есть другая Россия, Россия великих страдотерпцев, славных художников и самоотверженных героев”...

Я знаю, что ”Любошу” никогда никто не отвечал, но я отвечаю. Однако сперва о ”Любоше”, или Любеньке: еврей, не очень старый и какой-то наружносальный, как все евреи. Лицо похоже на смазанное ваксой голенище сапога. На похоронах Пергамента, должно быть через посредство кого-то, подошел и представился. Я спросил — ”Кто?” Сказали — ”Редактор *Речи*”. Тогда еще где-то встретясь, в суде кажется, я спросил любезно: ”Отчего ваших статей давно нет в *Речи*?” Он ответил: ”Я больше люблю писать там-то” (и назвал какую-то маленькую газету). Когда я, недоумевая, спросил: ”Почему редактор *не пишет* в своей газете?” Мне ответили: ”Потому что он подставной, и его туда не пускают писать” (т. е. плохо пишет, мелкий литератор). Хоть, кажется, отчего же бы не писать в ”Речи”? Там ничего крупного нет.

Эти маленькие справки, взятые на улице и, может быть, не во всем точные (кто гоняется за ”точностью”, говоря о Любоше? хуже действительности, ведь, не скажешь), — привожу для того, чтобы у читателей лишний раз мелькнуло сознание в голове, какие люди ”делают культуру” в России. Теперь оставляю его и говорю частью по адресу ”Речи”, где пишет все-таки *профессор* Милюков, и притом профессор *русской истории*, ученик Ключевского, — и не отвращаются писать литераторы Мережковский и Философов... А главным образом, мне хочется сказать два теплых слова по адресу образованного и читающего русского общества:

Что же, господа и милая публика! Евреи совсем разошлись. Разошлись они потому, что ни рука их, ни голос не встречают отражения, препятствия, сопротивления. ”Ватное царство”, это российское общество, грамотное ее население, — ватное, в котором железная рука еврея, еще вчера купавшаяся в вонючей грязи их ”оседлости”, сегодня уже размахивается в Петербурге и бьет по щекам старых заслуженных профессоров, членов Государственной Думы, писателей и пр. Несомненно, ”Любош” бы назвал и прокурора суда, и председателя суда, — несомненно, он подразумевает и всю юстицию, во главе с г. Щегловитовым, — смешивая все в ”одну компанию” с ворами, сутенерами и пристанодержателями.

Публика кланяется. ”Хорошо пишет Любош”... ”Главное — смело”. Хотя кто же и что ему сделает, если он не назвал коронных членов суда, а он предусмотрительно не произнес вслух их фамилий. Выходец из ”оседлости” хорошо знает полицейские правила.

Вообще ”Любош” многое знает. Он знает, что полиция в Киеве вся была к услугам евреев по обнаружению убийства и что она *кричала* на несчастных родителей убитого мальчика, когда они передали слова сына-ребенка о том, будто он ”видел, как Бейлис потащил Ющинского к печи”. Что-то странное было и с юстицией: почему-то ”расследовала” дело не она, а евреи — сотрудники еврейских газет. Так что не одна

публика у нас "ватная", но и администрация в значительной степени "ватная" или "кудельная", — и, хорошо все это зная, "Любош" чувствует себя совсем свободно.

"Этих мерзавцев-русских я могу колотить по морде сколько угодно и отомщу им за века унижения в черте оседлости, где века томились мои благородные предки".

Предки Любоша!..

Я думаю, они действительно были благородны, да и он "ничего себе": знает, что — еврей, и стоит — за еврейство. Если писать не умеет или пишет грязно, как родильница до омовения в микве, то ведь его недавно выучили писать в правительственной русской гимназии, и сын его будет писать уже гораздо лучше. "Любош" — настоящий человек, ибо имеет 2—3 прямых, простых и настоящих чувства:

1) Своих — чти и люби.

2) Врагов — бей по морде.

И — исполняет.

Он хорошо видит, что это вообще — покупная и продающаяся страна, эта Россия. Всего в 10 лет, как "народился мир газет", он видит "большинство русских литераторов" пристанодержательствующими у евреев: и "дело Ющинского" обнаружило истину, новую для России, но которую евреи хорошо узнали и проверили в пору "подписи под протестом против кровавого навета". Они уже тогда *пощупали почву*, по которой в октябре месяце пошли совершенно твердо. Они знают, что в России почти нет испуганных людей и мало некорыстных людей. Литератор (высокий гонорар частных профессий) продается лишь немного дороже чиновника "старого порядка", и за генеральский куш можно купить даже "имя". А "мелкота" пойдет и за кой-какую платишку "построчных корреспонденций", и за то, что им пожмут руку с приветом: "Вы, конечно, просвещенный человек и в кровавый навет не верите?" Так как быть названным "просвещенным" — совершенная неожиданность для Кондурушкиных и Пешехоновых, то они чувствуют некоторое сладкое таяние в груди и отвечают: "О, разумеется, я буду писать за Бейлиса".

Но евреи и еврейство учли даже несколько больше. Они *пощупали русских на тельце Ющинского*, как стекло испытывается на алмаз. Святые страдания Андрюши — что-то *единственное в истории и в мире* по глубине ужаса и мрака, и вот евреи "попробовали" на этих страданиях сердце Кондурушкина и Пешехонова. Сердце не задрожало. Сердце ничего не сказало уму, воображению и совести Пешехонова и Кондурушкина, — Милюкова, Философова и Мережковского. И тогда евреи, естественно, сказали:

— О, мы свободны!!!

— Теперь-то мы уж свободные и *все можем* в этой подлой России. Где родители не плачут о детях своих, где брат продает брата и где целое общество готово попить свежееубитого ребенка, если ему сказать:

— Вы это делаете *либерально* и *просветительно*.

"Либерально и просветительно"... Это даже не деньги, которые еще надо предварительно высосать у русских, т. е. потрудиться, — а это просто четверть минуты работы типографского наборщика или приветливая улыбка на ваксенном лице "Любоша".

— Только-то?!

Русское общество молчит. Т. е. счастливо улыбается собственной щедрости.

— И тогда кровь продадите?..

Милюков, Философов, Мережковский, Пешехонов, Кондурушкин счастливо улыбаются.

Евреи повернулись друг к другу:

— Мы — *решительно все можем!!* Они даже детскую кровь продают, эти милые демократы, эти просвещенные русские... Эти о-т-лич-ные русские!!!

Хотел было начать гневно против Любоша, но не могу. Истина берет верх. Они совершенно правы, Гессен, Любош, Винавер, Марголин, Левин. Если "Вера Чеберячка" все-таки не взяла 40 000 за покрытие Бейлиса и (жму ей издали руку, как и всем притонодержателям и сутенерам, но *все-таки* не убийцам), — и даже потеряла двух детей, отравленных за сопротивление еврейской власти, — то ведь русские литераторы берут всего сотни за такое "обеление" Бейлиса, и даже "имена" берут четверть предложенного ей, да еще берут лишь косвенно, в придачу к "труду" поставления будущих статей. Вообще, как говорилось в старину, они берут "за местишко" при хорошо финансируемой газете, за "право-писать", как есть "право-жительства".

Конечно, Любош мог развернуться. "В России для нас *все возможно*", — без сомнения, говорят теперь везде по еврейским гостиным, по еврейским залам, по еврейским деловым кабинетам. "Мы несем Пешехонова за голенищем сапога", "Кондурушкин держится за хвостик адвокатского фрака Марголина", а "Философов, Милюков и Мережковский у нас также поставлены прочно, как вообще у нас прочно поставлены и усердно работают Любош и Левин"... "Немножко *хлебца* и немножко *славцы*, — и эти бедные русские сыты"... "Они продадут не только знамена свои, не только историю, но... и определенную конкретную кровь мальчика".

Красную кровь тихого, милого мальчика.

— Русские вообще ничего не чувствуют.

— И русские вообще ничего не думают.

Этот говор несется теперь в еврейских кругах.

Любош вовсе не меня бранит, не Замысловского, которых они все-таки *не купили* и которые их похвалами "за прогресс" — не обольщены. Нас они, конечно, не ругают в душе, и нас они побаиваются, и *основательно побаиваются*. Ибо этим господам (говорю о русских), продавшим Россию, мы во всяком случае не уступим и на них пойдём даже при численном отношении 1 на 100. Пойдем и победим. Пойдем не от них, а вместе с ними, и от евреев, — и пыли не останется. Ибо есть слово, *наше русское* и *исстари*: "Бог не в силе, а в *правде*". Это слово не "Моисеева закона" и не из университетских аудиторий. Мы победим, потому что мы чувствуем, что Россия вовсе не "ваша", как уже расписался (наивный) Любош с похвалами: "У нас есть и *герои*"... Это он пишет о русских моряках, помогавших гибнувшим при пожаре "Volturno". Да, — уж они оборачивают язык куда нужно:

— Моя храбрая армия, — говорит Милюков.

— "Мои" и вообще "*наши* моряки", — горячится и похваляет моряков Любош.

— Ну, и вообще "наша еврейская Россия", — заключает Гессен.

— *Ваша, ваша*, господа, Россия!

"*Ваша, ваша* она... У нас нет отечества!!"

Так торопятся Мережковский и Философов, со своим другом Минским и со своим другом Ропшиным-Савенковым в Париже...

Русский народ угрюмо молчит. Молчит он, — поспешно и, забегаая в будущее, обзывается "шайкою воров, притонодержателей и сутенеров"...

— Народ — раб! — это Мережковский говорит.

— Народ — тупица! — это говорит Философов.

— Народ вообще без будущего! — это резюмирует Милюков, как историк русского народа.

"Все — вам!" — кричит согласно русская печать и общество, обращаясь к любезным с ними евреям.

Среди улыбок и поклонов — умерщвленный Ющинский. 13 колотых ранок на голове. И незакрытые веки как будто смотрят с того света...

О, не радуйтесь, евреи... Страшен вам будет Ющинский! Будет он поминаться в ваших летописях. И, может быть, вы назначите праздник, обратный "торжеству Мордохая над Аманом": день покаяния об убитом мальчике, который был мертв и "мы все думали, что он мертв", но он "совершил дела бóльшие, чем все живые"... "И победил нас в то время, когда мы уже считали себя непобедимыми".

Мертвый Ющинский победит вас, евреи. И лучше теперь же, заблаговременно, посыпайте пеплом головы и войте свои дикие вои. Потому что *необразованный русский народ* крови детской вам не уступит. И еще потому; что ясность, моральная ясность детской крови, "взвесила судьбу" нашей "руководящей интеллигенции" и опустила чашу весов с нею — *в ад*.

Так и будет. Вы радуетесь последними радостями.

В Религиозно- философском обществе...

(Письмо в редакцию)

Меня упрекают, и устно, и печатно, отчего я ничего не ответил на обвинения, сыпавшиеся на меня в последнем собрании Религиозно-философского общества и вообще "по делу"...

— Какому?

— Бейлиса.

Но меня интересует жертвоприношение и нисколько не интересует Бейлис, "раб" и "ничто" в процессе, — вилка, которою ткнули в жертвенное мясо. *От русских* Бейлис не заслуживает каторги преступника, а заслуживает пощечины презрения.

— Почему же не говорили?

— Кому? Где?

Собрались адвокаты, мои "бывшие друзья", и много молодежи, "которая симпатична и сочувствует всему симпатичному". Адвокаты

”заверяли честью”, что такого изуверства и такой гадости, как человеческие жертвоприношения, у евреев, умеющих носить галстух и надевающих на голову котелок, конечно, — *не существует*; и самое подозрение, что у них существует это, оскорбляет еврей как нацию и еще больше позорит Россию.

”Вера в эту веру евреев — позорит Россию”.

Согласно об этом говорили все, от Мережковского до последнего адвоката.

Но нес на раменах своих связанного Исаака Авраам, *что-то понимая в этом, чему-то веря в этом*. Как было адвокатам и журналистам объяснить веру Авраама?

Что-то Авраам чувствовал, шагая ”шаг” вперед, шагая ”два” вперед, все вперед и вперед, — где уже сложил дрова и жертвенник и где *он* знал, что принесет в жертву сына.

Как объяснить теперешним евреям ”в галстухе”, что знал их отец Авраам? Они, теперешние евреи, они со своим Петражицким, они со своим Левиным, они со своим Кондурушкиным, — отрекаются и позорят имя ”отца своего Авраама”, говоря: ”Мы не такие невежды и дикари, как этот какой-то Авраам. Человекоубийца. Мы же едим только маринованные сардинки”.

Хорошо. Но если я понимаю случайно ”веру Авраама”, то как же я мог бы всплыть в Религиозно-философское собрание и объяснить адвокатам, что они суть адвокаты, но что кроме ”адвокатуры” есть и ”вера Авраама”.

Не мог. Не вмещается. Не было места, не было дыхания. *Не было тех*, кто мог бы что-нибудь понять. Не было слышания и не было разумения.

”Боже мой, Боже мой, Боже мой!.. Боже отцов наших, Ярослава, Владимира, Святослава... Боже отцов *их*, Иакова, Исаака, Авраама... Боже отцов *наших*, Ноя, Адама!..” Дело в Киеве *пронизывает всю всемирную историю*, это — *живой и непрерывный луч*, дошедший до XX века от VI века до Р.Х. ...

А вы говорите: ”Говорите об этом в Религиозно-философском собрании”... ”Ибо адвокаты полны спора и курсистки внимают”.

Пусть. Им и говорили, кто должен был говорить. Но ”Розанов” все-таки кое-что понимает ”в Аврааме”. И оскорбил бы ”веру свою”, ”все в себе”, если бы стал ”защищать Авраама перед адвокатами” или стал ”объяснять Авраама адвокатам”...

Ни дыхания, ни земли, ни воздуха...

Нет *вод* этих для плавания...

Все уже ”не понятно” в нашей обстановке и для нашего языка...

Понятно, что ”Европа шокирована” и ”мы опозорены”, но это понятно ”Левину” и не понятно ”Розанову”. Пусть он и пишет.

Просто я все-таки ”щука” (меня называли ”злодеем” в заседании общества) — и не могу никак всплыть в ту лужицу, что оставляет колесо, проколесив по грязи (публицистический *тон* речей, публицистическое *содержание* речей). Хорош я или плох, разумен или не очень разумен, но все-таки, однако, ”щука”, в ”три четверти величиной”, и решительно не мог говорить среди ”обстановки и людей”, где не помещается и ”хвост” мой, и никак не может поместиться самая ”голова”.

И молчал. Очень просто.

* * *

"Шум печати в Европе"... "Тоже и Петражицкий"... Вы думаете, это *очень много?*.. Но ведь здесь *каждый равен каждому*, и все измеряется мерою "одного" из 300 пишущих европейских или еврейских перьев, и этот "один" имеет приблизительно "величину Левина". И "голос Европы" есть просто "голос Левина", помноженный на 300, на 400, на 1000. Что́ это?

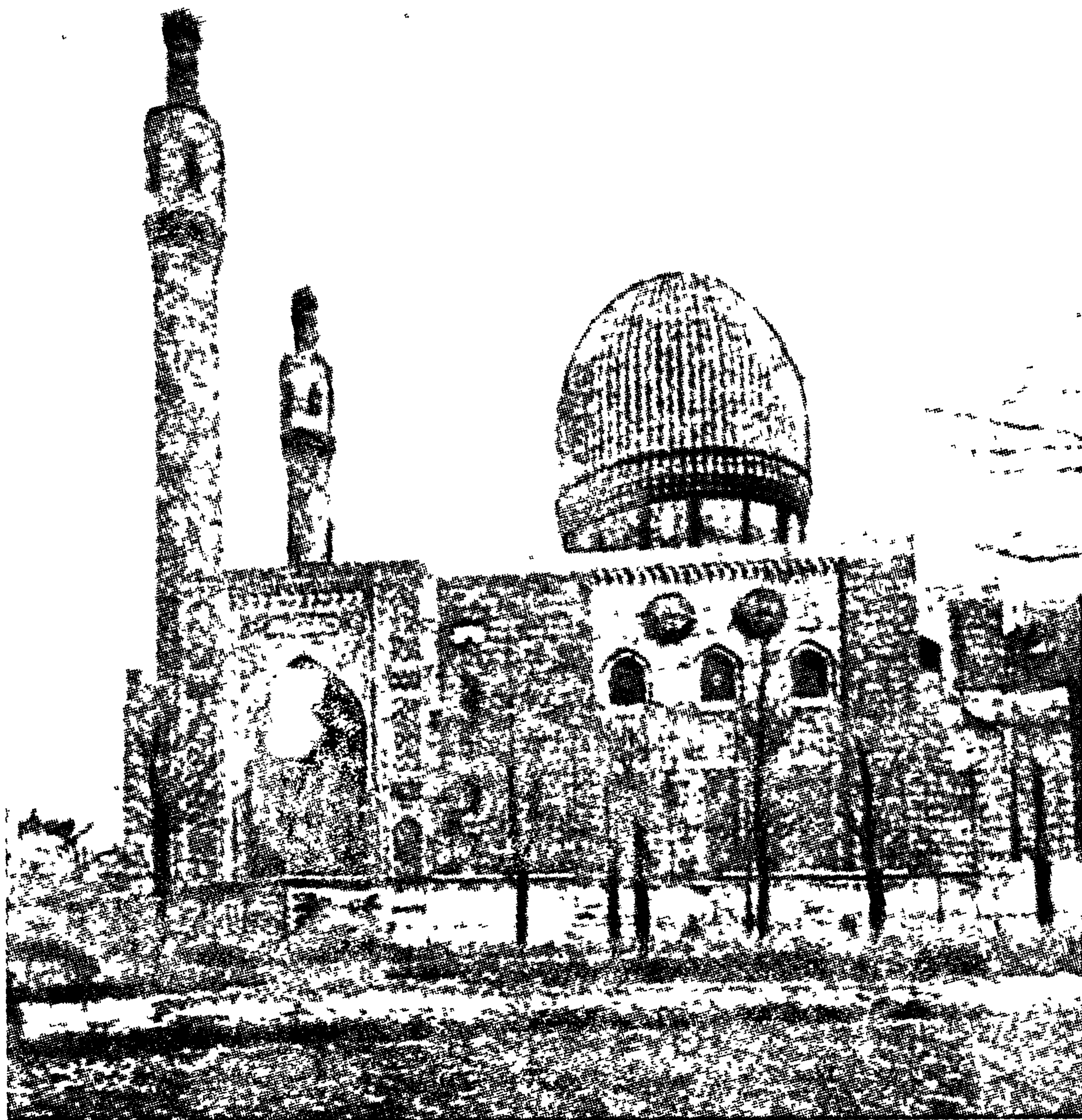
— Ничего.

Не только "я думаю", что — ничегó, но и решительно всякий понявший скажет, что это "не значит ровно ничегó".

И вот почему еще незачем было говорить в собрании. Мне просто ясно было, что это "ровно ничего не значит" и "не имеет никакой значительности и интереса".

Когда по темным улицам я ехал домой из собрания (довольно далеко), то мелькали в электричестве фонарей там и здесь наши церковки, — наши милые церковки, с позолоченными крестами на них.

Далеко было ехать, и от скуки я закрывал глаза. И тогда в тьме закрытых глаз мне чудилась *их* страшная синагога на Офицерской, — с этой шапкой на колонне, архитектурным утверждением обрезания (то же повторено на новой, строящейся мечети здесь).

— Вот в чем дело и о чем спор.

У них — все на "этом" утверждено. У нас же все держится на терпении и страдании.

"Обескровленные" журналисты

Что́ делать. Была кровь, и выточили ее. А по Библии — "в крови человека душа его". Иезекииль добавляет: "кровью твоею живи". Но как будешь "жить", когда крови нет?

А так и будешь "жить", как Пешехонов из "Русского Богатства" и Философов из "Речи". Около Пешехонова стоит Горнфельд, а около Философова стоит Гессен. Все понятно, как у Ющинского около Бейлиса и Шнеерсона.

Только мальчик наивно кричал: "Мне больно", а литераторы кричат: "Нам сладко".

"Розанов совсем бессовестный человек". Ну, ладно. Это пропускаю. А вот меня заняла картинка "по Григорию Петрову":

"Современные художники иногда изображали Христа в современной нам обстановке. Немецкий художник Франц-фон-Уде изобразил Христа в обстановке современной рабочей семьи. Финляндец Альберт Эдельфельт представил Учителя в северном финляндском лесу. У ног его стоит, на коленях, Магдалина, финляндская простая женщина".

До России, конечно, теперь Христос не доходит: Россия "трефная страна". Еще немного, и "Учителя" живописцы представят держащим вместе с Кондурушкиным (из "Русск. Ведом.") голову плачущего Бейлиса. Я думаю, когда Философов получает гонорар в конторе "Речи", он оглядывается, не стоит ли где-нибудь возле него "Учитель", смотря тихо и проникновенно: "Трудись, ученик мой, и за труд твой въяве воздадут тебе тайно". Или наоборот.

"И тут и там Учитель встречает простую умиленную веру простых мытарей и грешников. На лице Учителя благость и любовь" (Философов).

Вообще теперь Христу очень хорошо: прежде Его "не понимали" ни курфюрсты времен реформации, ни католики времен Св. Франциска Ассизского, ни православные времен Василия Блаженного. Но вот "наконец-то"...

Философов, Винавер, Кондурушкин и еще "дополнительно" до 9-ти дев со светильниками встречают Христа на страницах "Русских Ведомостей" и "Речи". Тоже и Пешехонов, как Закхей, влез на смоковницу и смотрит на "событие". Наконец Он нашел "своих" и теперь составит последняя и истинная церковь. Григорий Петров у них будет "молебны петь". Вот и финляндец Альберт Эдельфельт, вот и финляндская Магдалина. Тут не будет ни Скворцова, ни Розанова. "Нововременцев" вообще не будет. И Учитель скажет: "Не нужно нововременцев". Так к полному удовольствию нашей повременной печати совершится последний фазис христианства и заключатся судьбы всемирной истории. Наста-

нет "хилиазм", "1000 лет" блаженства, когда будут писаться только либеральные статьи, произноситься только либеральные речи, и гидра "национализма" будет раздавлена. Через 1000 лет, однако, "гидра" оживет и тут ей будет "Последний Суд".

Я понимаю, что такое "окончание всемирной истории" может удовлетворить Кондурушкина. Но не предполагаю и не допускаю, чтобы "человечество было сотворено по Кондурушкину" и чтобы оно осталось довольно таким "окончанием всего"...

Скучновато. Ах, канальственно скучновато везде...

Мелкий бес там ходит, видно,
И кружит по сторонам.

Хоть бы Мариэтта Шагинян пришла и сказала нам песенку. Или надеяться на финляндскую Магдалину до покаяния?

Возражение г. К. Арсеньеву

Русские "цилиндры" и "котелки" продолжают раскланиваться перед Европою и конфузиться за отсталое отечество. "В деле Бейлиса, — пишет в ноябрьской книжке "Вестника Европы" известный г. К. Арсеньев, — обвиняется, в сущности, целая народность в укрывательстве страшных преступлений, совершаемых будто бы какою-то таинственной и неуловимой сектою по побуждениям религиозного изуверства. Это обвинение, как бы оно ни формулировалось, направлено непосредственно против всего еврейства, не только русского, но и европейского, и задевает косвенно те слои западноевропейского общества, которые издавна привыкли считать проживающих в их среде евреев безусловно полноправными гражданами. Так как сами евреи, их ученые специалисты и все без исключения раввины категорически отрицают существование секты, допускающей употребление человеческой крови для религиозных целей, то приходится предположить одно из двух: или в самом деле такой секты не существует, ибо о ней непременно знали бы раввины и ученые исследователи, или все вообще евреи солидарны с укрываемыми ими изуверами и должны признаваться ответственными за их гнусные преступления. Этим и объясняется тот странный и непонятный для многих факт, что евреи всего мира волнуются, когда в каком-либо пункте земного шара вновь возбуждается против них страшное средневековое обвинение, вызывающее и как бы оправдывающее злобные чувства и мстительные угрозы против всех вообще евреев. Особый характер в глазах иностранцев придает киевскому процессу энергичная направляющая роль министерства юстиции, которое через посредство прокуратуры настойчиво поддерживает, заодно с черносотенцами, легенду кровавого навета. Стремление официально подтвердить существование ритуальных убийств у евреев было принято повсюду в Европе как нечто несовместимое с культурою и политическим строем просвещенных наций. В некоторых странах лица иудейского исповедания занимали

или занимают видные правительственные или судебные должности; например, в Италии еврей Луццати был министром финансов и затем даже главою правительства; генерал из евреев был военным министром; в Англии на пост лорда главного судьи назначен бывший главный атторней, еврей сэр Руфус Айзекс. Подобные назначения были бы, конечно, немыслимы, если бы по отношению к еврейской религии существовали еще дикие суеверия средних веков. Митинги протеста в разных местах выражают именно ту мысль, что миф об употреблении человеческой крови евреями оскорбителен прежде всего для тех государств, где евреи издавна пользуются всеми гражданскими правами. На многолюдном митинге, собравшемся в Лондоне 20 (8) октября, под председательством сэра Монтефиоре (еврей. — *V. P.*), прочитаны были сочувственные телеграммы вождя оппозиции Бернарда Лоу... и т. д. и т. д.

Ах, "беда, коль сапоги начнет тачать пирожник". Как и в случае с г. Петражицким, ведь всякому явно, что и *юрист* г. К. Арсеньев ровно ничего не понимает, так сказать, в *устроении*, так сказать, в *сложении* религий и религии, и ему или обоим им уже совершенно непонятно, странно и дико даже обыкновенное наше "богослужение", со словами — "Вземляй грехи мира, приими молитву нашу!" — с какою-то "кровью, пролитую за грех мира"... Ибо обоим им чужда и враждебна самая мысль о Боге, всякая мысль о Боге. Но каким образом *оба* они решаются *частичный* разум своих наук и *частичную* логику своей юридической профессии возводить к какой-то универсальной логике и универсальному разуму?! В частности, что касается юдаизма, то, поистине, "если бы человеческих жертвоприношений не находилось в нем", их *по всему сложению юдаизма* — пришлось бы искать и ожидать. Так это вытекает из наклонений и общего духа жертвенного (нисколько не отмененного) культа у них:

1) Приносится *непорочный* агнец, — непременно! Без болезни, порока, без уродства. И как *условие* этого, — берется в "агнцы" двулеток... Вот-вот играющий в поле, около матери, — совсем как киевский отрок.

2) Чистота и невинность жертвы до того высматривалась и проверялась, что все дрова на жертвенник предварительно осматривались, и не допускалось бросить на жертвенник полено с загнившим сучком или вообще с гнилым пятнышком в себе. Ничего даже в полене старого и гнилого, ничего больного и слабого, это — дух и закон!

3) Теперь слушайте же, господа: не *чистой* ли и не *святейшей* ли есть кровь человеческого младенца, "наша" кровь, "своя" кровь?!

4) Но "своя", иудейская — страшно, жалко. И они берут "нашу", гойскую, которая все-таки не совсем животная, а хотя получеловеческая¹.

Да это такая логика звеньев, которой разорвать невозможно. К ней сходятся "бока пирамиды", как к "своей вершине". Ведь Исаак — *единственный и последний* был у Авраама; от которого, — от 100-летнего Авраама и от 90-летней Сарры, — *должен был произойти весь еврейский*

¹ Предположения Пранайтиса и Шмакова, что они берут нашу кровь из вражды и враждебно к нам, — я совершенно отвергаю, как не вяжущиеся с духом "всего". Тогда бы они брали у нас преступника и злого.

народ. Вот какой был "пощажен" и "заменен" бараном! Только — он!! Но вечное памятование о человеческом жертвоприношении живет и жило во всем Израиле, живет (я уверен) даже у адвокатов-евреев, хотя они и притворяются не понимающими ничего. У евреев возмутительно их наглое заpiresательство, их прямая и очевидная ложь "в своем деле". Я убежден, что даже такие лица, как Мережковский, т. е. всматривавшийся в сложение религий и вер, конечно, знают и понимают, что у евреев это *есть*. Да посмотрите их веру: "жертвенник Соломонова храма был построен на том самом месте, где отец наш Авраам принес в жертву Исаака" (Талмуд)... И, конечно, жертвоприношение Авраама дает полную психологию и полную метафизику жертвоприношения вообще, даже животного, — всегда неполного и всегда недостаточного! Но "где-то должно быть полное", где-то "круг должен замкнуться". Разве евреям не жалко было приносить своих детей? А они их приносили, — и приносили тогда, когда пелись в их храме псалмы Давида... Вообще, они были религиозны, но "на свой лад". Вот это возвращение к "своему ладу", в своем роде "славянофильство" Израиля, в своем роде "Домострой" Израиля, — и есть их жертвоприношения. И они, конечно, непонятны и еще враждебнее гг. К. Арсеньеву и Петражицкому, чем "славянофильство" Хомякова и Киреевского, чем вся церковь наша, чем все вообще религиозное. Но оно *есть*, но оно *было* и, увы, *останется*.

Посмотрите, как они упорно *все*, — и интеллигенты, — держатся за свое "кошерное мясо". А уже "кошерное мясо" содержит в себе полную мысль жертвоприношения, и — *человеческое жертвоприношение включительно*.

В "вечер Бейлиса"...

Все русское "дым"...

Мечта. Слезы. Вздох. А у евреев все реально. Вот в чем дело.

Разве присуще русским достигать, добиваться? Это — "немецкое западное начало", и — совершенно не православно.

* * *

Вчера с вечера все звонили по телефону: один —

— Это квартира г. Розанова?

— Да.

— Кто у телефона?

— Розанов.

— Сам г. Розанов?

— Да.

— Поздравляю вас с окончанием процесса Бейлиса. Оправдали.

— Кто говорит?

— Поздравляю... от лица Шнеерсона...

— От какого "Шнеерсона"?

— О котором вы писали в вашей поганой газете.

— От поганого дурака слушаю.

Другое насмешливее:

— Звонит председатель русского студенческого кружка.

— Здравствуйте. Очень рад. Что?

— Мы решили обратиться к вам... пожалуйста, извините за беспокойство... Как вы думаете: нужно же реагировать как-нибудь на решение киевского суда?! Что же, неужели забыть мальчика Ющинского?!..

— Первым делом — отслужить панихиду по нем в Казанском соборе. Если бы не согласился местный священник, следует обратиться к свящ. Буткевичу.

— Да. Мы уже говорили с ним. Но что же еще? Неужели не реагировать?..

Я вошел во вкус:

— И, идя по Невскому, — дать по морде какому-нибудь еврею, сказав: "Это вам в память Ющинского..."

У телефона все время, кроме говорящего, слышны голоса. Чувствуется общество.

— Официально за это взыскивается три рубля, и я готов уплатить за студента. Охотно бы и сам, да стар...

Шум, хохот. Положили трубку. Догадываюсь, что евреи и насмешка...

Утешение, что все-таки я им сказал в лицо настоящее чувство.

* * *

Печально, скучно, тоскливо. Решение присяжных... Оно отразило добрый русский характер, немного вялый русский характер, истомленный пассивным слушанием множества речей и в этой истоме скорее сказавший "не знаю", чем "не виновен"... Притом, "приговоры присяжных" в последние годы таковы, что по ним скорее можно умозаключить о *нежелании* вовсе "судить", нежели о *желании* правильно "рассудить". "Наше дело — *сторона*", — говорят обыватели, как бы мотая головой: "*свой — своего* не судит", "пусть судит *царь и закон*"... "Мы *такие же* грешные, слабые: и как мы осудим *чужой грех*?"

Все это так, если бы не такой жестокий случай: ведь швайкой мозги ковыряли.

Насколько русские дремали, настолько евреи встрепенулись... Обломовщина, среди которой как же им и не "хозяйничать".

Тяжело русскому. Что-то будет и куда пойдет дальше. А куда-то "пойдет". Евреи после такого триумфа, конечно, не остановятся. Вероятно, потребуют отмены "черты оседлости" и процентной нормы в учебных заведениях. И, по всему вероятно, достигнут. Богаты. Сильны. И в их руках печать.

"Возложим печаль на Господа", — как говорят русские. А и в самом деле, что же вообще делать, как не вооружиться русским терпением?

Было крепостное право. Вынесли его. Было татарское иго. И его вынесли. "Пришел еврей". И его будем выносить. Что делать? что делать? что делать? Пришла болезнь — как же ее не вынести? Смерть придет — и ту вынесешь. Все вынесешь, когда "Бог велел".

Русь после крепостного права немного загулялась. Песни, дебош, девицы. "В церковь ни ногой". Но 50 лет гулянья — больше Бог не дает. "Прошла коту масленица". Пора попоститься, пора потрудиться. Пора,

наконец, и помолиться. Но "гром не грянет — мужик не перекрестится". Еврей и пришел как взыскательный и требовательный пастух, как пастух экономический и скупой, который упасет русскую "скотинку" ("гой") длинной хворостинушкой. Он всякого далекого достанет "долговым взысканием" и самого разгульного свяжет векселем. Это не старые слюнявые бары, проживавшие в столице. Он будет сам трудиться и заставит русского трудиться.

И если кроме процента рублем изредка поковыряет и швайкой мозги, — поплачет русский человек и помолчит. "Явных концов" у евреев никогда нельзя найти, а "неявных концов" русский робкий человек не будет взыскивать. "Притом же есть и прецедент", т. е. уже *однажды* "судили, не нашли и оправдали"... Затем, барство¹ вообще... *Ленивого* старого барина русская печать, естественно, судила, но *прилежного* еврейского барина печать столь же естественно не будет судить. К тому же — и миллионы, от которых всегда можно уделить "на угощение". А печать всегда голодновата или прожорлива. Вообще все обещает долгое и тихое и очень мирное житие, которое, наверное, обойдется без крестьянских бунтов и без всякого мифологического "Разина" или "Пугачева". Сказок при евреях не будет, а все проза.

Трудолюбивая проза.

И зѐмно поклонится русский народ еврею, что он его приучил к труду. Об этом-то сегодня в Петербурге, вероятно, и лилось шампанское в согласных банкирских и в согласных адвокатских домах. Гармония капитала, интеллигенции и трудового вопроса.

Все уляжется. Все утишится. А мы, русские, поплачем у могилки Ющинского. Чтó делать, чтó делать? Была зорька, пришла ноченька. У евреев есть поговорка или их семинарский текст: "Не вари козленка в молоке его матери". Потому они и не едят котлет *в масле* (из молока коровьего). Ну, — это обыкновенно, а есть и "юбилейные дни", прописанные Моисеем. Сегодня "юбилейный еврейский вечер", и они не только скушали агнца "в молоке его матери", этой бедной Приходько, лишенной права и похоронить своего замученного сына (бывали ли такие ужасы в православной России?!) по хлопотам сотрудника газеты, который — если он еврей — внушает робость и полиции, и судебному следователю, и всем... но и полили агнца и мать его шампанским.

¹ Минский (еврей философ и публицист) мне определенно раз сказал в пору революции (октябрьская забастовка): "Еврей *способнее* русских, и, естественно, они хотят сидеть в первых креслах в России". Я даже испугался. Так определенно и решительно я это услышал впервые. Процесс Бейлиса и трусливая роль в нем русской печати и общества, боязливо смотрящих евреям "в глазки", — показал, что "первые ряды кресел" везде уже заняты евреями. Дети в школе (еврей) говорили моему сыну: "Новому Времени" недолго *посуществовать*" — и еще: "Австрия вступится за евреев, и Россия будет разбита". Эти школьные радости и шумы не так пусты, потому что передают радость и надежды в еврейских домах. Вообще *натиск* на Россию и усилие взять в ней *верх* совершенно ясно сказались в октябре 1913 года. В двух школах, где учатся мои дети (мужск. и женск.), были попытки бить русских. В этих школах около половины учеников и учениц — еврей (школы — частные, лучшие в Петербурге; дети — из очень богатых семей банкиров, адвокатов и инженеров).

Все весело у них.

Все траурно у нас. Ведь это у нас "плакучие ивы", а у евреев в Ханаане — нарды, гранаты и виноградная лоза. И "бедных селений" России они никогда не поймут и никогда их не примут во внимание.

Недоконченность суда около дела Ющинского

В связи с делом о злодеянии над Ющинским не следует забывать нескольких сторон:

1) Недопустимо в благоустроенном государстве, — недопустимо для *авторитета* суда в нем и *чистоты* этого суда, — чтобы остались не расследованными подробнее в новом судебном делопроизводстве те обнаруженные на суде попытки подкупа свидетелей, а может быть, и действительный их подкуп, о которых говорилось на суде совершенно развязно и ничуть не отвергалось обвиняемыми или заподозренными в этом деле. Что такое вся эта история с поездкою Чеберяковой в Харьков на свидание с Марголиным и при участии еврея, сотрудника еврейской газеты? Наказуемо это или не наказуемо? Ее *упрашивали* и ей *обещали* за принятие вины на себя. В Чеберяковой вообще *искали* и *заискивали*, — и хоть Марголин "не подал ей руки", но на самом-то деле он даже *упрашивал* ее, и *упрашивали* евреи на свидании в Харькове, дать им эту руку для "золотого" рукопожатия. Наказуемо ли это? Наказуема ли вообще *попытка столкнуть следствие с его прямого пути и навести на ложные следы?*

А роль гг. Мищука и Красовского? "Мздоимство" вообще при судебном расследовании недопустимо, а здесь оно не только явно, но, так сказать, и "расселось в креслах", как неуличный барин или, вернее, как неарестуемый барин; так как участие здесь денег несомненно и не отвергалось заподозренными. В каких пределах и как оно произошло? Через *кого* произошло? Все это осталось невыясненным, неразобранным. И лежит по сей день "невыведенным" сальным пятном на скатерти судебного стола в Киеве.

Безнаказанность явного, неотрицаемого подкупа, или усилий подкупить, бесконечно ослабляет идею *чистоты* суда и не может не послужить самым отвратительным прецедентом для будущего. "Значит, вообще *дозволено* подкупать", — должен заключить обыватель. "Можно искать и можно покупать показания бедных людей", и даже — подкупать лицо, которое "приняло бы на себя вину добровольно". Зрители и вся Россия не может не подумать очень основательно, что суд на этой степени квалификации самого себя, на этой степени взгляда на самого себя, — уже не есть "суд" в сколько-нибудь взыскательном и строгом смысле.

2) Далее, — ну, Бейлис "не виновен", но ведь *кто-то* совершил все-таки это беспримерное злодеяние? Суд оставил обывателя и Россию

в бесконечном недоумении и в смущении, — в довольно основательном, наконец, раздражении и жалобе "про себя", "в сердце": как подобное злодеяние, свидетельство коего выставлено было в пещере чуть не "напоказ" и найдено через несколько дней по совершении преступления, осталось не разысканным в *виновнике* своем? Если "не Бейлис", то "ищите другого!" — естественное требование обывателя и России. Естественно, убийца не остается около трупа, и на то и существует розыск и судебное следствие, что оно вообще *умеет* и *должно уметь* что-нибудь более сложное, чем взять убийцу около трупа убитого. Степень опытности, умелости и искусства, проявленного в Киеве "около дела Ющинского", решительно остается позади сравнительно со старым дореформенным судом. Что же это за "суд", который ничего не умеет "найти" и все пропускает "сквозь пальцы"?! Это не "суд", а, извините, — ротозей. Говорим не о суде в последнюю заключительную его фазу, не об "октябрьских днях" суда, когда он был довольно напряжен, а о двухлетней вялой и промозглой волоките его. Эта "волокита" являет собою ту степень бездеятельности и инертности, которая лежит недалеко от преступления.

Гилевич вовсе был найден не в Лештуковом переулке, а в Париже, — переодетый и с другим именем. Можно было его "искать во всем свете", но г. Филиппов знал или обдумал, что можно найти именно в Париже. В киевском процессе мелькнули имена Шнеерсона, Ландау, Эттингера; но именно только "мелькнули", — "не попав на удочку". Наш суд похож на какого-то "карася для щуки", а не на "щуку для карася". Скорей его кусают, чем он кого-нибудь кусает. Он много "говорит", но "делает" он чрезвычайно мало. Что-то похожее в нем на "прогрессивный паралич": единственный случай, где "прогресс" есть болезнь, упадок и смерть. В самом деле, — "суд", который не "судит", а только рассуждает и обнаруживает красноречивые дары, — в сущности, мертв. "Суд должен наказать преступление": из этой формулы обывателя не вырвешься, ибо она вековечнее всяких фраз. Чтобы злодеяние, подобное совершенному над Ющинским, осталось неразысканным и ненаказанным, это мутит сердце простого русского человека. Пассивностью или чем другим, во всяком случае тут *суд виновен*, и он виновен *перед всею Россией*. "Суд не защищает нашу жизнь", — думает каждый, обращая глаза свои к Киеву; "суд есть посмешище для злодеев", это — *resumé* русских людей о своем русском суде, тоже довольно печальное.

Нечаева, убийцу студента Иванова, вытребовали из Швейцарии, Гилевича нашли в Париже. Вот если бы г. Филиппова и его опытных помощников командировать в Киев, они могли бы найти кое-что больше, чем безглазое киевское "следствие" и закупленная там полиция. Дело об убиении Ющинского есть действительно мировое дело, тут запутан действительно мировой интерес к самому *бытию факта* религиозного преступления, — и вполне удивительно, что в то время, как из Петербурга было выслано столько ученых-"экспертов", не подумали о командировании из Петербурга самого нужного лица, — *кто* мог бы найти *виновника*. "Виновники *настоящие*, может быть, уже уехали из Киева". Это такой глупый ответ, что разведешь руками. "Виновники"

вообще пользуются железными дорогами, подходят к кассе, берут билеты и уезжают; неужели это причина сказать: "При железных дорогах и скороездности мы вообще ничего не умеем *сыскать*"...

3) В Государственной Думе предполагается поднять имперский вопрос о прекращении ритуального убоя скота. Меня посетил член Гос. Думы, близко принимающий в этом вопросе участие. Прекращение такого особого убоя было бы первою настоящею мерою к просвещению евреев, к сближению с нами, к оставлению ими "халдейских суеверий". Просвещаться можно не через одну книжку, а и через обычаи дома. Прекращение у них "вытачивания из жил крови" уничтожило бы опасную практику этого мучающего и раздражающего нас уменья, этого подозрительного для нас уменья, которое для *чего-то* им нужно сохранять. "Для чего? Для кого? Еще для Ющинского? Кто будет *очередною жертвою?*" — Вопросам этим нельзя положить предела в мгlistой массе населения по глухим местностям. Мы не можем войти в крестьянские, в мещанские хижины и остановить здесь суеверных разговоров и суеверных страхов. Не надо давать им пищи. Посетивший меня член Государственной Думы говорил, что вопрос этот особенно труден по связи его с так называемым "коробочным сбором", на котором держится и утверждается существование самого "кагала". Я ему сказал, что, чем дело труднее, тем оно важнее, и что на этот раз русские не должны продремать мученическую кровь Ющинского. "Кагал", с участием разных Марголиных и сотрудников еврейских газет, вмешивается и в наш суд. Останавливает правильное и спокойное течение "правосудия" в стране. Он мешает основной государственной функции. Не допускается "иезуитский орден" в стране, представляющий "государство в государстве", и еще меньше можно помириться с существованием темного и явно изуверного "кагала" в стране. Пусть евреи откажутся от своего "священного государства" в стране, от своей "экстерриториальности", — на правах только "соседней с нами державы-общины", — где мы не можем судить, управлять и даже наблюдать. Пора с этой черной "интернационалкой" покончить; и обязанность с нею покончить лежит на русской Государственной Думе.

Напоминания по телефону

...Передаю факт во всей сырости, как он произошел сегодня утром. Телефоню своему другу А. М. Коноплянцеву, биографу славянофила К. Н. Леонтьева, чтобы он изложил мне свои "несколько *положительные* мысли о ритуале крови у евреев", — о чем он упомянул, *не пояснив*, в последний раз, как мы с ним виделись. И он в ответ мне телефонирует, несколько запинаясь в словах:

— Отношение к *крови*, и именно — к *человеческой крови*, может быть очень *серьезно*... Да как же вы не помните, Василий Васильевич, что в 1905 году вы и некоторые члены вашей семьи были приглашены к Минскому (еврей, поэт и философ, теперь эмигрант, — деятельный участник Религиозно-философских собраний) со специальной целью ис-

пытать причащение человеческою кровью... Тогда приглашали и меня, но я *испугался* и не пошел...

Ба! ба! ба!.. Да, действительно, — совсем забыл! Я в то время смотрел на "вечер" как на одно из проявлений "декадентской чепухи", и кроме скуки он на меня другого впечатления не произвел, отчего я и забыл его совершенно. Но я помню вытянутое и смешное лицо еврея-музыканта N и какой-то молоденькой еврейки, подставлявших руку свою, из которой, кажется, Минский или кто-то "по очереди" извлекали то булавкой, то перочинным ножиком "несколько капель" его крови, и тоже крови той еврейки, и потом, разболтавши в стакане, дали всем выпить. "Гостей" было человек 30 или 40, собирались под видом "тайны" и не "раньше 12 часов ночи"; гостями был всякий музыкальный, художествующий, философствующий и стихотворческий люд: были Н. М. Минский с женой, Вячеслав Иванович Иванов с женой, Николай Александрович Бердяев с женой, Алексей Михайлович Ремизов с женой и проч. и проч. и проч. Мережковских и Философова не было тогда в Петербурге, они были за границей. И по возвращении написал, т. е. Д. С. Мережковский, резко упрекающее письмо Н. М. Минскому; Минский показывал мне письмо, и я смеялся в нем выражению Мережковского, что "вы все там *жида с лягушкою венчали*" и проч. Тогда Мережковский находился еще в хороших чувствах и на добром пути. Так как он отнесся к "делу" серьезнее меня, то, очевидно, и должен был менее меня забыть сие, во всяком случае, извлечение *человеческой крови* с целью ею напиться всем обществом.

Но А. М. Коноплянец даже *испугался* приглашения (его слова сегодня по телефону). "У литераторов и в двадцатом веке вообще *ничего серьезного* быть не может", — думал я, кажется не без основания, тогда; и пошел на собрание без всякой "думки". Но, я думаю, основательна была и вторая половина моей мысли: "А у людей старой веры и старого *корня веры* это, конечно, вышло бы *серьезно, трагично, страшно*". Вот именно вышло бы то, чего "испугался" Коноплянец.

Во всем этом событии, — конечно, шутовском и бессодержательном, "литературном", — замечательно, однако, то, что мысль о причащении *человеческою кровью* возникла не у кого-либо из русских, не в русской голове и мозгу (ни в одном русском литературном доме ничего подобного я не слыхал!), а именно в *дому еврейском, в обществе* по преимуществу *еврейском* и в *мозгу еврейском*... Отчего из *русских* этого никогда никому в голову не приходило, — даже как позыва или случайно залетевшей в голову мысли? Нет *атавизма* и *наследственности*, нет бессознательных, безотчетных воспоминаний в застарелых, первобытных клетках мозга... В клетках, глубже всего заложенных и почти омертвевших, но не совсем умерших. А у евреев эти "старенькие клеточки" хранятся. У них действуют воспоминание, наследственность и атавизм. Поэтому Минские, муж и жена (оба евреи), хотя, конечно, тоже едва ли придавали "трагическое значение" событию и вообще-то "забавлялись" только, шутили: однако самая идея шутки, сам "Иван-Дурачок старый" — возник именно у *них*; возник как "комедия и водевиль", пропорционально XX веку, — а не как "трагедия", и может быть мистическая трагедия, времен былых и дальних, времен ветхозаветных и священных. Но что в Петербурге "комедия и кабачок", — то

где-нибудь в зарослях Вильны, в дремучих лесах Литвы и Белоруссии существует серьезно, великолепно и песенно. В "Ивана-Дурака" и его необычное счастье в Петербурге не верят, а в Вологодской губернии верят.

Возвращаясь к шуму о "кровавом навете", где русские были так унижительно "околпачены" евреями, давая свои "подписи" и "клянясь" в деле, в котором они ничего не понимают, я возвращаюсь особенно к Мережковскому тех времен, когда он упрекал Минского "за венчание лягушки и жида". Каким образом он мог забыть, что у него под носом, в доме его друга и в мозгу его друга-еврея родилась мысль о причащении, т. е. об *испитии, о вкушении человеческой крови*; явилась эта мысль не в "темных средних веках", не как "легенда", — а как *осязаемый факт* на Английской набережной, в доме Полякова, в 1905 году, у весьма и весьма "просвещенного" Николая Максимовича Минского. Да и Карташов это знал, и Философов, и Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская. Все знали. Каким же образом все клялись в Религиозно-философском собрании на докладе Мережковского по делу Бейлиса, что это "ритуальное обвинение евреев унижает Россию", что оно "позорит русский суд", что "Россия лежит трупом у себя самой в дому" (слова Мережковского) и проч.?! Каким образом все могли слушать завывательные речи гг. Керенского и Соколова, как могли *все* клясться "не подавать руки тем, кто говорит о еврейском ритуале" (как будто кто-то ищет пожимать им руку), и прочее и прочее?..

Какой обман и насмешка над слушателями!..

Недаром, когда я задремывал на своем стуле, то сквозь слова "текущего оратора" мне будто слышалась музыка одного имени:

— Шнеерзон... Шнеерзон... Шнеерзон...

Примечание. Не жалея моих 58 лет и естественной слабости воли и неясности мысли, какая сопутствует старости, — тот молоденький член моей семьи, который вместе со мною был на вечере у Минского, поднял форменный "гевалт", обвинял, что я "предал" своих друзей, что это — "донос", что участники вечера (в сущности — пустого) будут "привлечены к суду за кощунство", что "ожидается через 5 дней возвращение в Россию амнистированного Минского и теперь он в Россию не будет пущен"; что в Петербурге "непременно явятся и потребуют у меня объяснений Бердяев-христианин", а что "Ремизову не решаются показать номер "Нового Времени", где названо его имя". Таковой натиск испугал меня, и я упросил редакцию "Нов. Врем." поместить на другой день мое "Письмо в редакцию", где я отрекся от своего рассказа, сказав, что все было "пуфом" и "глупостью", о коих не "стоило говорить". Быстрое отречение мое вызвало хохот всей печати, глумливое замечание Мережковского, что "пока Розанов доказал только, что он и другие русские причащались еврейскою кровью", и т. п. Мережковский очень хорошо понимает, в чем дело, — понимает силу ссылки на *атавизм*, действующий у евреев; но он путал и лгал в этом случае, как и во все время процесса Бейлиса лгал касательно евреев и русских, касательно христианства и юдаизма, — по чисто газетным соображениям, которые доминируют теперь у него и над "третьим Заветом", и над "религией Св. Духа". Теперь я думаю, т. е. уже на третий день после напечатания статьи "Сообщение по телефону", я начал твердо думать, что даже наиболее "виновную" часть моего сообщения, именно *печатное название имен моих друзей*, — я не только в праве был, но и должен был сделать. Т. е., как и всегда, я прав был в первом движении сердца к правде. Кровь Ющинского стóбит литературного этикета, и раны его выше того, что "принято"

и "не принято". Есть вещи, около которых *более не церемонятся*. Ведь мы, замяв дело Ющинского и вопия — "не евреи!!!", тем самым дали и даем евреям братъ для себя еще Ющинских, поклявшись, что "никогда еще до такого изуверства не дойдем, как обвинение бедных евреев, гонимых правительством, в религиозном ритуале употребления крови". Но *мысль этого ритуала — есть*, и носится действительно у евреев, и только у них *одних*, уже воспитанных и пропитанных ритуалом обескровления животных для пищи... "Для *пищи*" — без крови (рационализм, рациональная и позитивная еда); ибо кровь — для *таинств* (мистерия, священство, "очищение от греха"). В этом смысле рассказ о вечере у Минского в высшей степени важен как указание хотя на *ниточку*, на одну *паутинку* древности, но уже совершенно осязательную, видимую для всякого. Для того чтобы никто не смел сказать, что "еще врет Чеберячка и еще выдумывает Розанов" (вечный припев еврейской печати), я и должен был, и *обязан* был, назвать имена участников. Ошибка была в указании *времени* (1905, а не 1903 год), но все участвующие или присутствовавшие на вечере лица были те самые, какие я назвал. "Декадентов" есть много: декадент Андрей Белый, декадент Валерий Брюсов: но только в доме *еврея* Минского заговорили: "Не извлечь ли нам *крови*". Это — шутовство по мелкости говоривших, по рационализму говоривших, по позитивизму говоривших. Но это и *история*, потому что предки-то говоривших, и именно *этих* говоривших, *евреев* не были позитивистами. Как же *они-то* говорили и думали, вот эти *не* "позитивные" евреи? Да и думали так, как на заводе Зайцева около несчастного Андрюши "те страшные евреи с необыкновенными головными уборами, которые молились перед тем, как к ним приведут мальчика" (замятое на суде сообщение погибших детей-свидетелей Чеберяковой). В. Р.

Кое-что "про себя"

Человечество, "венец природы", собрал в себя лучи всех царств до него... Есть народы типично копытные и травоядные; есть "всеядные", — и нас обижает, но мы терпим, когда немцы сравнивают нас с одним всеядным и нечистоплотным животным. Что делать, но обчиститься нам следует. В ком же, спрашивается, отразились *хищные*? А в *ком-то* отразились и они. Должны были отразиться в "венце природы". Хищников вообще немного на земном шаре, сравнительно с травоядными. Так Бог устроил, такова космогония. Да и необходимо в целях существования планеты, ибо при своем "множестве" они бы всех съели. В странной еврейской расе положены какие-то внутренние законы ограничения размножения: почему, идя "от Авраама" и переживя Египет, Грецию и Рим, они численно *меньше* германцев, французов и русских? И *многочисленны никогда не будут*. Тут "Бог отцов ихних" не сказал полной правды... Поманил к завету, но дал лишь лишнюю надежду. Мы называем евреев, все называют евреев "паразитной нацией". Но что значит "паразит-народец" около пасущихся буйволов, овец и прочих "стадообразных народов", живущих вплотную друг к другу? Среди нас "бродят" евреи, это — типично "бродячее племя", "странствующее племя". "Паразит" около "животного" есть тот, кто поедает его... Тайнственная космогония соделала евреев "хищниками" около арийцев, среди которых они блуждают и похищают. Похищают имущества, средства существования; потому что братъ жизнь запрещено. При завоевании Ханаана,

однако, они "обрекали в закляние богу своему", "богу Иаковлеву", население целых городов, с женщинами, с детьми!!.. Чего ни один в свете народ не делал. Вот настоящая манифестация "хищничества", когда законов еще не было, а корреспонденты не "сообщали в газеты". Когда было просторно и откровенно. Приписывают Андрюшу Ющинского "изуверной секте", "особому течению" в иудействе. Но разве "расправлялись в Ханаане" не двенадцать колен Израилевых? Полноте закрывать глаза на дело. В крови еврея пылает сей неугасимый огонь. "Хочется", — до жару, до истерики. "Хочется" даже на Английской набережной, в Петербурге, хотя бы как декадентская мечта, однако не забредшая в голову ни Андрею Белому, ни Брюсову, а почему-то *единственно* еврею и еврейке... Ах, всем им хочется крови ягненка ли, Ющинского ли... Левину хочется, Грузенбергу хочется, Марголину тоже хочется, и только они не ведают этого. А во сне грезится. Разве они "ритуально" не расправились с русской печатью, с русским обществом. Взглянув на этот бешеный натиск, наскок, — точно чувствуешь чьи-то зубы около шеи. Ритуал, — господа, — печальный ритуал около шеи. Ведь это они кричали "в дни Бейлиса" о всем христианском обществе: "Распни его!! Гвоздей ему в ладони!! Зауши его в лицо!!" И заушали. Тут и грязный Любош старался, — вечно неумытый, засаленный Любош, и "Каиафа"-Левин...

Все колотили нас, в печати, в обществе, в собраниях... Все проклинали Россию и русских, "при благосклонном сочувствии полиции", которая, как и в Киеве, служила им и вечно им услуживает. С полицией они друзья, хоть и потаенные, "не на виду общества". Полиция "денежке счет знает", как и наши "талантливые адвокаты".

Но, господа, — ликование ваше как-то коротко. Все-таки Иерусалима нет, Храм ваш разрушен, и торчит только жалкая синагога на Офицерской улице...

Вы вообще — *ничто*. И хоть облизываетесь капельками христианской крови, — облизываетесь даже в декадентских вычурах и в темных литовских лесах (серьезно), но мы вами не испуганы, и все ваши успехи — дотоле, пока нас обуяла "наша русская леность", — да русская безголовая, баранья "стадность". Но Христос не напрасно умер. Христос вас победил и раздавил. Он выступил как "пастырь *кротких*" и дал с тех пор победу *кроткому терпеливому* на земле.

Вот этого-то "*кроткого* начала" вы и не победите своим омерзительным "гевалтом".

* * *

А все-таки почему-то "ваш бог" обманул вас в завете: "будете яко *песок морской*" и "*благословятся* о семени вашем все народы". А вас все колотят, проклинаяют, и, несмотря на своих ежечасно беременных "Ревекк", — вас почему-то *немного*... Ах, не очень вы верьте в своего "национального бога"... А то тут случится "от лукавого"... Где ваше *господство*, еврей? На бирже, в кармане и в плохих газетах! "У нас и Любош"... С Любошем в "царство небесное" никак не пролезешь.

Присматриваясь к молодежи...

Мне хочется сказать два слова по поводу газетного сообщения о той неприятности, которой едва было не подверглись некоторые слушательницы высшего учебного заведения в Петербурге за сделанное ими приветствие прокурору Випперу...

"Как они *смели?!"*...

Но ведь суть молодости и заключается в том, чтобы "сметь"! Что это за молодость, которая оглядывается, боится, сообразуется с тем, как бы "понравиться" или как бы "не разонравиться"... Прокурор Виппер выступил смелым бойцом в опасном деле, принял на голову свою и на плечи свои ушаты выливаемых левою печатью помой, — инсинуаций, клевет; наконец, его роль защитника несчастной семьи Приходько и умерщвленного мальчика Андрюши так в общем благородна и трогательна, что было бы совершенно неестественно, если бы это не вызвало приветствий именно от молодежи, и приветствий совершенно независимо от политической окраски приветствующих. "Дело" было так трагично и страшно, что воображать, будто все забудут об исколотом трупке Ющинского из-за некоторой "бледности лица у Бейлиса", — было чудовищно. Конечно, только ужасная загнанность, в которой "левые чувства" держат в высших учебных заведениях *естественные* русские чувства, сделала то, что эти "приветствия" не выразились несравненно громче, ярче, — что они не прошли волной по России. Как-то г-жа Елизавета Кускова приводила в "Русских Ведомостях" статистику "политических убеждений", какую дала анкета слушателей высших учебных заведений. Одних социал-демократов было больше 70 процентов... Остальные были "кадеты", и естественных русских чувств — почти *ничего*...

Да, кто *помнит* себя в университете и на высших курсах, — знает очень хорошо это положение вещей... Быть русским (вовсе *не правым*) представляет трудную задачу для студента и курсистки; все их тащат, все их растаскивают "за Польшу", "за Финляндию", "за евреев", — и за Россию, и русских не остается никого... Да, да! просто — *никого* или какая-то неуловимо малая частица.

И бьется в тоске и одиночестве эта группа просто русских людей, не утащенных ни "за Финляндию", ни "за евреев". Мне рисуются просто *обыкновенные* русские юноши и девушки, как они пришли из *семьи* сперва в гимназию и потом в университет. Мечтаемый юноша и мечтаемая девушка есть просто ясное бытовое явление, ясное бытовое лицо, которому приличествует в Германии быть германцем, во Франции — французом, в Англии — англичанином и в России естественно быть *русским* и *русскою*. Признаюсь, "правая" программа и "правая" шпаргалка так же неприятна в пальцах и в душе молодежи, как левая, и лучше ее единственно по тому одному, что она смелее и самостоятельнее, что она в сущности *моложе*... Ведь все эти "социалисты" в университете суть плохо рассмотренные старички и "трусик", как есть робкий серенький зайчик-"трусик". Ведь все "волнения" в университетах — не от избытка мужества, а от недостатка мужества: "трусик" бежит за "трусиком" и множество их скапливается в "сходку", которая разбегается, когда

покажется полицейский. "Дела давно минувших дней", которых мы были очевидцами.

И хочется этим крупнякам *естественных* русских людей в университете и на курсах протянуть руку; сказать им, что, конечно, всякий *попроницательнее* человек видит мужество в них, а не в "большинстве", которое есть только большинство и имеет все печальные качества "большинства"... "Ты какого мнения, мой *sosед*?" — "А я такого мнения, как мой *sosед*"... Сия социал-демократия "в 75 процентах" не очень страшна...

Сделаю это, т. е. "протяну руку", не сам, а через голос слушательницы одного высшего в Петербурге учебного заведения... Из этого голоса, кстати, поймут отцы русских семейств и матери русских семейств, как *настоящим* их детям, с самостоятельным "я" в себе, трудно учиться, трудно от товарищей... Может быть, что-нибудь поймет и г-жа Елизавета Кускова со своим "безголовым" журналом (она издавала в дни революции странный журнал — "Без заглавия") и со своею самолюбивою статистикою. Письмо мною было получено сейчас после окончания киевского процесса:

"Прочла я сегодня ваш фельетон *В вечер Бейлиса*, и еще тяжелее и безотраднее стало на душе. Неужели наш удел вечное рабство, вечное угнетение? Неужели мы, русские, должны терпеть и только терпеть?! Тяжело, тяжело без конца видеть, как гибнет наша родина под игмом инородцев (названа более определенная нация, самое *имя* которой как-то противно выговаривать); как все дорогое, все святое для нас, русских, оплевывается этими инородцами, когда видишь, что кругом инородческие прихвостни из либеральничавшей интеллигенции еще больше, чем сами инородцы, стараются все русское втоптать в грязь!"

Говорится, вероятно, о Религиозно-философском собрании по поводу киевского процесса.

"Я учусь в высшем учебном заведении, откуда выходят учительницы; и вот, среди этой молодежи ("*sоседки своих соседок*". — В. Р.) я до сих пор, в течение 2¹/₂ лет, не встретила никого, кто бы любил родину, стремился бы к тому, чтобы принести родине пользу; нет! Кругом полное равнодушие, безразличие (в лучшем случае) ко всему русскому и, с другой стороны, — презрение к России, к ее якобы отсталости ("*далеко*" ли, *хоть в науках, сама молодежь ушла?* — В. Р.). Все русское гадко и смешно! И это будущие учительницы! Что они дадут детям?! Ни веры, ни любви к родине! А профессора (большинство) способствуют развитию враждебности и презрения к России, уже с первого курса начинают вставлять в свои лекции разные иронические словечки о России и русских".

"Простите, что письмом этим я отрываю у вас время, но нет сил молчать, а сказать некому. Если скажешь кому из окружающих, то это отношение ко всему родному, то это подпевание в унисон инородцам — волнует. Засмеют, да не станут и слушать! Но неужели же нет выхода из этого?! Ведь есть же люди, которым бесконечно дорога родина, которые болеют за нее душой?! Что, если бы и мы приступили к активной деятельности, сорганизовались бы, объявили бы своим девизом бойкот инородцам и русским инородствующим. Не *покупать* у них и не *лечиться* у них, даже перенося неудобства; уже до этого мы дожили, что

инородец нам почти необходим; а русских их прихвостней бойкотировать иначе, — при встрече с такими субъектами не подавать им руки и всячески избегать с ними общения. Неужели мы, русские, не способны на борьбу за все, что дорого для нас?! Неужели вы, который не боитесь высказывать самые горькие истины, — вы советуете терпеть? Почему вы не зовете на борьбу за родину, которую вы так любите?! Страшно за Россию, так страшно и безотрадно, что хотелось бы умереть, чтобы не видеть позора ее, унижения?! Еще раз извините меня, но нет силы молчать. Остаюсь искренно уважающая вас русская курсистка. Петербург, 1 ноября 1913 г.”.

Спасибо девушке за эти дорогие строки. Они во многих пробудят брожение мысли и скажут “кое-что” и старому поколению. Русский “способ чувствовать и мыслить”, который *есть*, — русская, наконец, *непосредственность*, прямо “наша русская природа”, — она живет и теплится под корою новых впечатлений, навеянных из всей этой “автомобильной” цивилизации... Ах, потому и любишь церковь, что находишь в ней вековое и вечное. “Это уж, милостивые государи, не автомобиль, который вертится туда и сюда”. Это *слушали* Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, — и слушали *без перемен*, — *то же!!* Пойти ко “всенощной” — то же, что пойти “в поле”, — те же вечные цветы, вечные наши русские колокольчики. “Бойкотированье инородцев” (она выразилась определеннее, т. е. об одной определенной нации), за что она ухватилась “в первую голову”, — моему старому уму не нравится тем, что тут мы стали бы повторять их, своих недругов, подражать их приемам, т. е. в своем роде тоже “поехали бы в автомобиле”. Дело это лукавое и сложное; самую борьбою они увлекают нас *на свои же пути* и переделывают “русского” в “нерусского”. “А я хочу быть русским” — вот нам девиз. Для этого я “по-московски” буду их изучать и наблюдать, чтобы, прежде всего, *познать* их и обо всем в них *догадаться*: без великой науки познания мы будем всегда бессильны. Но затем, в долгой работе жизни, в десятилетиях борьбы жизненной, — везде я буду “наблюдать русского человека” и “вот ему, родному, — помогать работой”, помощью, дачей заработка, дачей умной книги, указанием пути. Будем пахать свои цветочки и свои поля. И хорошо обработанная своя земля выбросит чужие и враждебные тернии.

Вот. Еще раз крепко жму милой девушке руку. “Бог и привел” привести ее письмо в печати, — и, может быть, на многих оно подействует. “Русские цветочки вырастают сами собой”. Они не из шелка и не на проволоке. Будем верить в русскую землю, — будем, г-жа молодежь. Земля эта добрая и благодарная. В нее именно *стоит* верить.

К стр. 281

”Не толкуют трем сразу законов о кровосмешении, двум сразу — рассказ о сотворении мира; а Колесницу толкуют лишь одному, и только в том случае, если он уже понимает по собственному разумению”.

Это в самом деле что-то странное и жуткое. Иезекииль начинает книгу пророчества своего (глава I) и повторяет потом то же самое в X главе, где мы ясно чувствуем, — и это всего *раз* на протяжении Библии, — что перед нами открывается самое существо Божие...

Но как неожиданно и странно открывается: это оказывается не *существо*, не *бытие*, не *предмет*, не *лицо*, не *”он”*, как вообще ожидалось бы о *Боге*; а — связь, соотношение, скорее *действие*, нежели *предмет*; и, словом, — Колесница... Именно, Колесница!!! Без Везомого, без Пастыря и Царя едущего...

”Безбожие”, если не *”лицо”*... Но вот смотрите эти не связуемые и связанные *”они”*: ибо колесница уж во всяком случае — *”они”*...

И было: в тридцатый год, в четвертый месяц, в пятый день месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса — и я видел видения Божии.

В пятый день месяца (это был пятый год от пленения царя Иоакима), было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, священнику, в земле Халдейской, при реке Ховаре; и была на нем там рука Господня.

И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, —

а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека;

и у каждого — четыре лица, и у каждого из них — четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь (и крылья их легкие).

И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их: и лица у них, и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего.

Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны — лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех.

И лица их, и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их.

И шли они, каждое в ту сторону, которая пред лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались.

И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня, и молния исходила из огня.

И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.

И смотрел я на животных, — и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их.

Вид колес и устройство их — как вид топаза, и подобие у всех четырех — одно; и по виду их, и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе.

Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались.

А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз.

И когда шли животные, шли и колеса подле них; а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса.

Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных был в колесах.

Когда шли те, шли и они; и когда те стояли, стояли и они; и когда те поднимались от земли, тогда наравне с ними поднимались и колеса: ибо дух животных был в колесах.

Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их.

А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их.

И когда они шли, я слышал шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего, — сильный шум, как бы шум в воинском стане; а когда они останавливались, — опускали крылья свои.

И голос был со свода, который над головами их; тогда они останавливались, тогда опускали крылья свои.

И над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем.

И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него.

В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом.

Такое было видение подобия славы Господней. Увидев это, я пал на лице свое и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: "Сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою".

И когда Он говорил мне, вошел в меня дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне.

И он сказал мне: "Сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их — изменники предо Мною до сего самого дня".

И сказал мне: "Сын человеческий! съешь, что́ перед тобою, съешь этот свиток и иди, говори дому Израилеву".

Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток и сказал мне: "Сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе"; и я съел, и было в устах моих сладко, как мед.

И Он сказал мне: "Сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами" (*глава I и начало II главы*).

И видел я, и вот на своде, который над главами херувимов, как бы камень сапфир, как бы нечто похожее на престол видимо было над ними.

И говорил Он человеку, одетому в льняную одежду, и сказал: войди между колесами под херувимов, и возьми полные пригоршни горящих угольев между херувимами, и брось на город; и он вошел в моих глазах.

Херувимы же стояли по правую сторону Дома, когда вошел тот человек, и облако наполняло внутренний двор.

И поднялась слава Господня с херувима к порогу Дома, и Дом наполнился облаком, и двор наполнился сиянием славы Господа.

И шум от крыльев херувимов слышен был даже во внешнем дворе, как бы глас Бога Всемогущего, когда Он говорит.

И когда Он дал повеление человеку, одетому в льняную одежду, сказав: "Возьми огня между колесами, между херувимами", и когда он вошел и стал у колеса, —

тогда из среды херувимов один херувим простер руку свою к огню, который между херувимами, и взял и дал в пригоршни одетому в льняную одежду. Он взял, и вышел.

И видно было у херувимов подобие рук человеческих под крыльями их.

И видел я: и вот четыре колеса подле херувимов, по одному колесу подле каждого херувима, и колеса по виду — как бы из камня топаза.

И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе.

Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, — и они туда шли; во время шествия своего не оборачивались.

И все тело их и спина их, и руки их и крылья их, и колеса кругом были полны очей, — все четыре колеса их.

К колесам сим, как я слышал, сказано было: галгал¹.

И у каждого из животных четыре лица: первое лицо — лицо херувимово, второе лицо — лицо человеческое, третье лицо — львиное и четвертое — лицо орлиное.

Херувимы поднялись. Это были те же животные, которые видел я при реке Ховаре.

И когда шли херувимы, тогда шли подле них колеса; и когда херувимы поднимали крылья свои, чтобы подняться от земли, и колеса не отделялись, но были при них.

¹ Вихрь.

Когда те стояли, стояли и они; когда те поднимались, поднимались и они, ибо в них был дух животных.

И отошла слава Господня от порога Дома и стала над херувимами.

И подняли херувимы крылья свои и поднялись в глазах моих от земли; когда они уходили, то и колеса подле них; и стали у входа в восточные врата Дома Господня, и слава Бога Израилева вверху над ними.

Это были те же животные, которые видел я в подножии Бога Израилева при реке Ховаре. И я узнал, что это — херувимы.

У каждого — по четыре лица, и у каждого — по четыре крыла, и под крыльями их подобие рук человеческих.

А подобие лиц их — то же, какие лица видел я при реке Ховаре, — и вид их, и сами они. Каждый шел прямо в ту сторону, которая была пред лицом его” (глава X, с начала и до конца).

Ничего понять нельзя! Но ведь ”и в Боге ничего понять нельзя”!!! И с этой-то, пока еще поверхностной точки зрения мы чувствуем, что тут сказано что-то настоящее...

Еще *наружное наблюдение*: сказано глубоко спокойным излагательным тоном, не ”вопия” и не ”крича с крыши”, как обыкновенный тон пророков; как бы Иезекииль говорит что-то в высшей степени обыкновенное, известное на улицах Иерусалима, не имеющее поразить новизною ни одного израильтянина.

И... только *раз* на протяжении всей Библии!!

Помню, когда еще я не знал, что на эту ”колесницу” написан целый ”Зогар” (важнейший отдел ”Каббалы”) талмудистами, — я был поражен (и зачарован) этою ”колесницею”... ”Что такое?!!” — ”Понять нельзя!” — ”А — важное, важнейшее!..”

Одно, впрочем, я понимал: ”очи”, ”очи” и ”очи”... О, где Бог — там Очи! Бог — вечное видение, не отвлеченное, не ”разумное”, а вот плотское. И ”небесное” мне всегда представлялось ”тканью очей”... ”Из *всего* в мире на нас смотрят очи”...; да и ”сам-то человек тоже полон *очей*”, но уже не таких больших, а маленьких”...

Еще понятное в Существое Божиим — это Колеса! О, конечно, колеса: ибо все движется, живет, ничего не стоит...

Пламя? уголья? Да, — ”тоже”: ибо кровь бежит, горячая... И мир — в страсти и огне...

* * *

Дальше (в тексте Талмуда), что два раввина ”должны были сойти с ослов”, дабы могли начать толкование ”Колесницы”. Гм... гм... гм...

По обстановке видно, что они ехали одни в пустыне, — но они ”сели и накрылись плащом”...

Зачем? Во время ”толкования” они могли увлечься и не заметить, что кто-то подошел. Талмуд намекает, что их никто не должен был *видеть*. Не — ”не слышать”, а — ”не видеть”: в противном случае покрывало именно не нужно было, чтобы вовремя увидеть ”подходящего” и прекратить ”толкования”. Но они не боялись *слышания*, а боялись *видения* и против него приняли меры.

Все эти подробности талмудического рассказа содержат какие-то намеки, о которых приходится сказать талмудическим же языком: ”Их понимает, кто понимает; а кто не понимает, тому и *не нужно понимать*”.

Вкрадчивые тайны... Они ползут к вам, ластятся, а вы не можете их схватить.

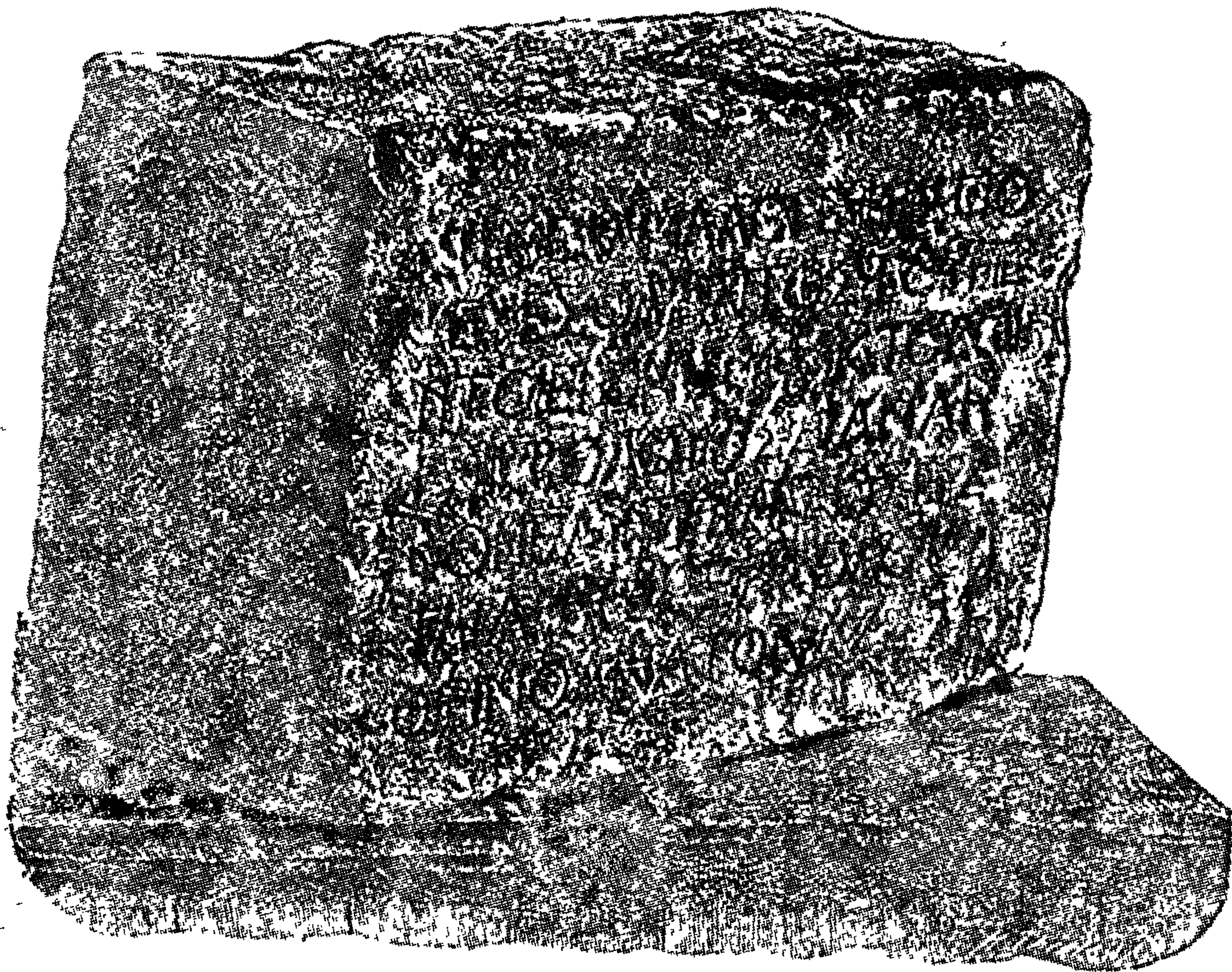
Еще: закон Талмуда, что "нельзя толковать *двум, а только одному*", — можно понимать вовсе не как *сокровение*, а как *физическую преграду*, лежащую в способе растолкования, которое, может быть, состояло и не в речах, или не в одних речах, а и в каких-то *действиях*, в коих *соучастие третьего было невозможно*, так сказать, "по природе вещей". Может быть... хотя нельзя сказать об этом — "да".

И вообще — ничего нельзя сказать. "Не изреченное", ἄρρητος.

К стр. 278

"*Всякий не еврей, который переступит через эту черту, будет убит*", — было написано на одной из перегородок непонятного Иерусалимского храма. Как странно — для нас, нашей психологии и наших храмов!!"

Надпись была на камне, по-гречески (для инородцев, т. е. греков). Камень сохранился и перевезен в настоящее время в Константинополь, где находится в музее Чинили-Киоск. Вот его изображение, воспроизведение самой надписи и ее перевод

ΜΗΘΕΑΛΛΟΓΕΝΗΕΙΣΠΟ
ΡΕΥΕΣΘΑΙΕΝΤΟΣΤΟΥΠΕ
ΡΙΤΟΙΕΡΟΝΤΡΥΦΑΚΤΟΥΚΑΙ
ΠΕΡΙΒΟΛΟΥΣΔΑΝΑΗ
ΦΘΗΕΑΥΤΩΙΑΙΤΙΟΣΕΣ
ΤΑΙΔΙΑΤΟΕΞΑΚΟΛΟΥ
ΘΕΙΝΘΑΝΑΤΟΝ

Курсивным шрифтом: μηθένα ἀλλογενῆ εἰσπορεύσθαι ἐντὸς τοῦ περὶ τὸ ἱερόν τροφαχτοῦ (описка в м. друφάχτου) χαὶ περιβόλου. ὃς δ' ἂν λήφθῃ ἐαυτῷ αἴτιος ἔσται διὰ τὸ ἐξαχολουθεῖν θάνατον.

Перевод:

Ни один инородец да не перейдет за решетку и ограду к святилищу! Кто будет пойман, пусть пеняет на себя, ибо последует смерть (*взято у г. Переферковича*).

Храм ветхозаветный был храмом затаения

...”У входа в горницу стояли два кедровых столба, и по ним всходили на крышу горницы, а концы балок отделяли в горнице *Святое* от *Святого Святых*. Отверстия были от горницы в помещение Святого Святых: *по ним спускали рабочих в закрытых ящиках, дабы они не удовлетворяли очей своих содержимым Святого Святых*”... (Талмуд, трактат *Миддот*, глава VI).

Можно ли представить, чтобы рабочие, производящие ремонт в наших *откровенных церквах*, — пропускались мимо алтаря, который ”за занавесом”, в ящиках: дабы глаз не увидел того, что внутри алтаря?!..

Что ”внутри алтаря”? Да ничего особенного, тайного: престол, т. е. стол с предметами, Евангелие, крест... Табурет для сидения священника в известные минуты литургии. ”Ничего особенного”, ”смотри, кто хочет”... Но в еврейском ”Святое Святых” было что-то, может быть, — изваянное из ”Колесницы Иезекииля”, на что взглянув, рабочий из простецов закричал бы, испугавшись или удивленный... Нам явно не все или не *подробно* все сказано о том, что же было в Святое Святых и особенно — какой это имело *вид* и *соотношение* (с другими предметами). Например, нам ничего не рассказано о ”херувимах” на крышке ковчега завета: а ведь они явно имели не *тот вид*, какой мы придаем им под влиянием традиции греко-римской (крылатые юноша или дева, т. е. вид греческой *Ники* или такой же римской *Виктории*), тогда как даже научнее было бы избрать вид вавилонских и халдейских ”керубов” (тельцы окрыленные)...

Руки!!! руки!!! руки!!!

Жертвенный иерусалимский культ, как и египетский жертвенный культ, — конечно, не состоял только в ”больно! больно! больно!”, — в ”кровь льется и нож входит в жертву!!!” — что так поражает нас и убивает нас... но и состоял в чем-то *белом* и *положительном*. Этого ”белого” были и большие полосы, и — точки, крапинки. Большие полосы, — вот:

1) Нельзя проливать кровь. Нельзя убивать. Не только человека, но — и зверя, птицу, рыбу.

Отсюда — отсутствие войн как "ремесла народного", художества рыцарского, как хроники царств и городов... Разве что случайно, непредвиденно, или по "взрыву нервов" (так, ради мщения, чуть однажды не было истреблено все колено Вениаминово: остался только *один человек* из него, укрывшийся в пещеру), или по томительной необходимости (завоевание городов Ханаана, как "земли дарованной" Богом в брачное вено Израилю).

2) Отсутствие разбоя... Никакой Геркулес и Тезей там не "очищал дорогу от разбойников". Вся земля была глубоко мирна и *бескровна* (несла целую кровь в себе, "не пролитою"). Полнокровие страны и народа.

3) Замёршие, исчезнувшие, неразвившиеся ремесла *охотника* и *рыболова*. Разве что "сетями", но не на удочку (наш кровавый, ужасный способ рыбной ловли).

Таковы *большие белые полосы* от священного культа жертв...

Но есть и *крапинки*, глубоко сидящие, как маленький, незаметный цветочек в поле. К ним я причисляю —

руки!! руки!! руки!!

— ибо об этом хочется кричать, это хочется воскликнуть. Вообразите: везде, где говорится о связывании у животных *передней пары ног*, — они, эти ноги, называются человекообразно: "руки"! Неудивительно ли, не изумительно ли? наконец, — не священо ли?! За три тысячи лет до "нас" и нашей "кичащейся мудрости", пронесшей в триумфах Ламарка, Гёте и Дарвина, которые заговорили об "единстве рода человеческого с животными", о "близости животных к человеку", заговорили притом в отвратительной, "обратной" форме — о близости человека к животному, *унижении* человека, а не о *поднятии* к нему животного, — за три тысячи до этого лет в Иерусалиме поили перед закланием из золотых чаш закалаемых животных и говорили, что у них спереди — "две руки", связывали им "обе руки"...

Как, напр.:

"Снимавший кожу с ягненка не ломал задней ноги, но продыравливал колено и вешал; кожу снимал до груди; дойдя до груди, он срезал голову и передавал ее тому, кому выпала голова; он доканчивал снятие кожи, разрывал сердце, выпускал кровь его, *отрезал руки*¹ и передавал их тому, кому они выпали на долю; приходил к правой ноге ("задней", оговорка переводчика), отрезал ее и передавал тому, кому она выпала..." (*трактат "Тамид", глава VI, 2*).

И еще:

"Все они, приившие члены закланного ягненка, стоят теперь рядом; первый — с головой и задней ногой; второй — с *двумя руками* (передними ногами); *правая рука* (передняя нога) лежит в его правой руке, а *левая рука* (передняя нога) в его левой руке, и их место кожи — *снаружи*" (VI, 3).

¹ Примечание, в скобках, переводчика (г. Переферковича): ("передние ноги"). В. Р.

Жертвоприношения у древних евреев

...Не надо, не требуется задачами нашего времени, вникать в подробности и частности древнего жертвенного культа, — где каждая, впрочем, частность имела свое значение и свою внутреннюю необходимость, часто очень интересную, но в наше время не представляющую практической важности, — но практически важно для нас, имеющих дело с евреями, пробежать глазами по общей картине этого культа, от которой поистине содрогаешься.

Места текста, на которые обращаю внимание читателя, я отмечаю курсивом.

I

”Возлияния при жертвах приносятся только днем. Все *жертвы должны быть зарезаны ножом из храмовой утвари*. Если жертвенной крови принято менее того количества, которое достаточно для кропления, то кровь не освятилась; *должно стараться принять всю кровь*. Как ему поступить? — он берет *симаны* (пищевод и дыхательное горло) в руку, и вставляет вместе с венами в кропильницу, и разрезает оба (симана) или большую часть их, дабы вся кровь была принята сосудом, и подымает нож кверху, дабы кровь не стекала (в сосуд) с него, а только из шеи; кровь, что на ноже, обтирается краем кропильницы. Должно, чтобы во время заклания, всесожжения заколающий имел мысли о шести вещах: 1) во имя жертвы, 2) во имя жертвователя, 3) что жертва — Богу, 4) что она будет воскурена на огне, 5) что будет воскурена только для запаха, 6) что запах этот приятен Господу. Если жертва — *за грех*, то заколающий должен иметь в мыслях и тот грех, ради которого жертва приносится.

Заклание святынь, совершенное не священником, — кашер, а, начиная с приема крови, дальнейшие обряды совершаются священниками. Принятие крови от всех жертв совершается храмовым сосудом и рукою священника, но не у всех одинаково место заклания и место принятия крови, а именно: великие святыни режутся, равно как их кровь принимается, только в северной части от жертвенника, — а у легких святынь заклание и принятие крови совершаются на всяком месте азары. Кропление крови от всесожжения, ашам и шеламим, совершается всегда одинаково, а именно так: *взявши крови в кропильнице, священник выплескивает из нее* два раза на оба противолежащих по диагонали угла жертвенника, на нижней половине его, на роги северо-восточный и юго-западный; кропя на рог, он старается, чтобы кровь обняла грань наподобие гаммы (Г), дабы от двух кроплений кровь находилась на четырех стенах жертвенника; остатки крови выливаются на южный иесод. От хаттаот, поступающих в пищу, кровь требует четырех кроплений на четыре рога внешнего жертвенника на верхней половине жертвенника. Как поступают? — священник берет кровь в кропильнице, относит ее к жертвеннику, *погружает правый указательный палец в кровь*, приставляет к нему средний палец с одной и большой с другой сторон и очищает (кропит) все ниже и ниже по грани рога, пока не стечет вся кровь, что на пальце;

так он поступает у каждого рога. Он *обязан погружать палец для каждого рога*; закончив окропление одного рога, он *обтирает палец о край кропильницы*, после чего *погружает снова*, ибо *остатки крови, что на пальце, негодны для кропления на другой рог*.

Всесожжение из птиц совершается так: священник поднимается по кевешу жертвенника, обращается к совеву, приходит к юго-восточному углу и там *отщемляет ее голову* (совершает *мелику*) со стороны затылка и отделяет ее от туловища, затем *выжимает кровь головы и кровь туловища на стену жертвенника* выше черты половины жертвенника; берет голову, приставляет место отщемления (к жертвеннику), натирает солью и бросает на огонь жертвенника; затем он от туловища отдирает рукою зоб и кожу, что над ним, с перьями, — и отдирает внутренности, выходящие с ним, — и все бросает на место пепла; затем, держа за крылья, без ножа, *разрывает*, не отделяя частей, натирает солью и бросает на огонь жертвенника. Как производится *мелика* (отщемление)? — он *врезается ногтем глубоко с затылка*; если хочет, — может *ногтем повести туда и обратно*, а если не хочет, — *то вдавливают ноготь*.

У жертв из птиц отделение затылка от туловища совершается у юго-западного угла жертвенника, причем *ноготь запускается так глубоко*, чтобы разрезать оба, идущие на воскурение, органа, но голова не отделяется от туловища; затем ее кровью окропляется стена жертвенника на нижней половине, а остальная кровь *выцеживается к иесоду*. От нее *жертвеннику полагается только кровь*; все остальное съедается священниками-мужчинами, как мясо хаттат из скота. Как держат жертву из птиц во время действия ногтем? — обе ноги ее священник держит между двумя пальцами и оба крыла ее между двумя пальцами, вытягивает ее шею на двух пальцах и производит ногтем разрез. Это одна из труднейших служб в храме.

Три мысли делают жертвы *насул* (негодными), а именно: мысль о перемене имени, мысль о месте и мысль о времени. Что называется "мыслью о времени"? если кто зарезал жертву с мыслью, что кропление ее кровью будет произведено после захода солнца, *т. е. по прошествии срока кропления*.

Так учит предание: *вкушение человеком равно вкушению жертвенником*¹; если при этом была мысль о незаконном времени, то жертва *пиггул*.

Телицу очистительную (т. е. рыжую) он режет правой рукой, *кровь принимает в левую и кропит правым пальцем* (правой руки): если он поступил иначе, то жертва негодна. Р. Иуда говорит: он режет правой рукой и кладет нож перед собою или передает тому, кто стоит у него сбоку; затем *кровь принимает в правую руку, переливает в левую и кропит правым пальцем*: если он поступил иначе, то жертва негодна.

Кровь жертвы-ашам от прокаженного он *принимает правой рукой, переливает в левую и кропит ею правым пальцем*: если поступил иначе — негодна.

После того как зарезаны тельцы сожигаемые и козлы сожигаемые, он кропит их кровью, а затем он входит и становится между золотым

¹Какая идея, и как осязательно выраженная, почти богоравенства человека, его *богоподобия!! В. Р- в.*

жертвенником и семисвещником так, чтобы жертвенник находился внутри от него: он *погружает палец и кропит семь раз в направлении помещения Святого Святых* (т. е. на жертвенник); *за каждым кроплением следует погружение пальца в кровь*; затем окропляются четырьмя кроплениями углы жертвенника; если он окропил рог с боков (т. е. попал не на грань, а на бока рога), то кашер, а если не попал на рог, то пасул (*негодно*).

Если он изменил порядок рогов, то — пасул; если он пропустил из кроплений хотя бы одно, — пасул; остатки крови он выливал к западному иесоду внешнего жертвенника, а кровь, оставшуюся от кропления внешнего жертвенника, он выливал на южный иесод.

Каков порядок кропления крови общественной и частной жертв? Он восходил по кевешу и обращался к совеву и, придя к юго-восточному рогу, *погружал самый проворный* (т. е. указательный) *палец правой руки*, прикладывал соседние пальцы с той и другой стороны и кропил по грани рога все ниже и ниже, *пока кровь с пальца не стекала*.

Иесод окружал жертвенник с северной и западной стороны полностью, имея локоть в вышину и локоть вглубь к жертвеннику, а с южной и восточной стороны недоставало по одному локтю, так что у рога юго-восточного не было иесода. Иесод имел *два отверстия наподобие двух тонких ноздрей*, и по ним кровь спускалась и смешивалась в канаве, а затем выходила в реку Кедрон и продавалась на удобрение.

Как совершается жертва из птиц? Жертвоприносящий ущемляет ей голову (совершает *мелику*), против затылка, но не отделяет (головы от туловища) и окропляет ее кровью стену жертвенника, а остальную кровь он выжимал на иесод (на *ноздри* жертвенника). *Жертвеннику* полагается только ее *кровь*, вся же она принадлежит *священникам*.

Как совершается *мелика* хаттат из птиц? Он помещает оба крыла ее между своими двумя пальцами и обе ноги ее между своими двумя пальцами, и вытягивает шею ее на своих пальцах, и щемит ногтем против затылка, но не отделяет (головы), и окропляет ее кровью стены жертвенника.

Как совершается *всесожжение* из птиц? Он восходит по кевешу, обращается к совеву, приходит к юго-восточному углу, щемит голову ее против затылка, отделяет и выжимает ее кровь на стену жертвенника; затем берет голову, прижимает место отщемления к жертвеннику, обтирает солью и бросает на огонь жертвенника; затем обращается к туловищу, отнимает зоб и перья и выходящие с ними внутренности и бросает все на место пепла; затем он *разрывает туловище*, но не отделяет, обтирает солью и бросает на огонь жертвенника.

Если он не оторвал зоба, или перьев, или внутренностей, выходящих с ними, или не обтер солью, — если вообще переиначил какое-нибудь действие после того, как выжал ее кровь, она кашер. Если он отделил голову у жертвы или не отделил ее у *всесожжения*, то жертва не годна; если он выжал кровь головы, но *не выжал крови туловища*, жертва не годна; если выжал кровь туловища, но не выжал крови головы, жертва кашер” (*трактат "Зевахим"*).

II

А вот порядок того *образа*, каким происходили утренние ежедневные жертвы (*тамиды*) в Иерусалимском храме:

”Говорил им мемуне: ”Идите конаться: кому закалать, кому кропить, кому снимать пепел с внутреннего жертвенника, кому снимать пепел с семисвещника, кому вносить на ковешь члены: голову и ногу, обе руки (передние ноги), хвост и другую ногу, грудь и шею, оба бока, внутренности, муку, хаватин и вино”. Они конались; кому выпадало, тот получал право.

(Мемуне) говорил им: ”Выйдите и посмотрите: наступило ли время для заклания? Если оно наступило, то увидевший восклицает: ”Свет”. (Матфей, сын Самуила, говорит: тот спрашивает: ”Весь ли восток осветился до Хеврона?” — а этот отвечает: ”Да”.)

Он говорил им: ”Выйдите и принесите ягненка из камеры ягнят (камера ягнят находилась в углу северо-западном; там помещались четыре камеры: камера ягнят, камера печатей, камера бет мокед и камера, в которой приготавливались хлебы предложения).

Входили в камеру утвари и выносили оттуда девяносто три серебряных и золотых сосуда, поили жертву тамид из золотой чаши; хотя он был осмотрен накануне, его осматривают еще раз при свете факелов.

Кому выпал тамид, тот влачил ягненка на бойню, а те, кому выпали члены, ходили за ним. Бойня находилась к северу от жертвенника, там были восемь столбов коротких, и кедровые четверугольники были на них, и железные крюки были прикреплены к ним; крюков было три ряда у каждого столба: на них вешали (зарезанные жертвы); кожу снимали на мраморных столах, находившихся между столбами.

Не связывают ягненка по способу *кафиса* (все 4 ноги вместе), но по способу *акеда* (передняя с заднею).

Кому выпало нести члены, те брали его. Его связывали (или: держали) в таком положении: голова обращена на юг, а лицо повертывалось на запад; закалающий стоит на востоке с лицом на запад. Утренний тамид закалался у северо-западного рога, у второго кольца; вечерний закалался у северо-восточного рога, у второго кольца. Закалавший закалал, принимавший кровь совершал принятие и приходил к рогу северо-восточному и кропил с востока и севера; затем шел к рогу юго-западному и кропил сначала на запад, а затем на юг; оставшуюся кровь он выливал на южный иесод.

Он (снимавший кожу) не ломал задней ноги, но *продырявливал колено* и вешал; кожу снимал до груди; дойдя до груди, он *срезал голову и передавал ее тому, кому выпала голова*; затем *срезал голени* и передавал тому, кому они выпали; он доканчивал снятие кожи, *разрывал сердце, выпускал кровь его, отрезал руки* (передние ноги) и передавал их тому, кому они выпали на долю; приходил к правой ноге (задней), отрезал ее и передавал тому, кому она выпала, а с нею оба яичка; затем он *разрывал его* и весь оказывался перед ним открытым; он брал тук и клал на место отреза головы, сверху; затем брал внутренности и передавал тому, кому они выпали, чтобы он их обмыл (брюхо обмывали на месте обмывания, сколько требовалось, а внутренности обмывали по меньшей мере три раза на мраморных столах, что между столбами).

Он брал нож и отделял легкое от печени и палец печени от печени, но не сдвигал его с места; он *прободал грудь* и передавал тому, кому она выпала на долю; обращался к правой стенке и резал, спускаясь до позвоночника, но не доходил до позвоночника, а доходил до двух мягких ребер; он это отрезал и передавал тому, кому оно выпало, а *печень висела на этом*. Он обращался к шее и оставлял при ней два ребра с одной стороны и два ребра с другой, отрезал и передавал тому, кому она выпала на долю, а *дыхательное горло, сердце и легкое висели на ней*. Он обращался к левой стенке и оставлял при ней два мягких ребра сверху и два мягких ребра снизу и столько же оставлял у другой стенки, так что у обеих было по два ребра сверху и по два снизу; он отрезал ее и передавал тому, кому она выпала на долю, а *позвоночник с нею, и селезенка висит на ней*; она была больше, но большей называли правую, ибо на ней висела печень. Он обращался к хвосту, отрезал его и передавал тому, кому он выпал на долю, а курдюк, палец печени и обе почки с ним. Затем он брал левую заднюю ногу и отдавал тому, кому она выпала на долю.

Оказывается, *все они стоят рядом с жертвенными членами в руках*; первый с головой и задней ногой: голова в правой руке, нос обращен к верхней части руки, рога между пальцами, место зареза наверху и тук над ним, а правая задняя нога в его левой руке с местом кожи снаружи; второй с двумя руками (передними ногами): правая в его правой руке, а левая в его левой, и их место кожи снаружи; третий с хвостом и ногой: хвост в правой руке, *курдюк свешивается между его пальцами*, и палец печени и две почки с ним, а левая задняя нога в левой руке с местом кожи снаружи; четвертый с грудью и шеей; *грудь в правой руке, шея в левой, и ребра ее между его пальцами*; пятый с двумя стенками: правая в правой руке, а левая в левой, и их место кожи снаружи; шестой с внутренностями, положенными в чашу, и голени над ними сверху; седьмой с мукою; восьмой с ховатин; девятый с вином. Они отправлялись и клали свои доли на нижней половине кевеша к западу, солили их, сходили, приходили в камеру газит, чтобы читать Шема (утреннюю молитву).

Мемуне говорил им: "Читайте одно благословение!" — и они читали, и читали десять заповедей, "Слушай", "Если вы будете слушать", "И сказал"; они благословляли народ тремя благословениями (т. е. читали): "Слово это истинно", славословие о службе, благословение священников, а в субботу прибавляли одно благословение для уходящей чреды. (Талмуд, трактат "Тамид", глава 3—5.)

Примечания. К стр. 350 этой книги ("Руки! руки! руки!"). Посему мы можем думать, что в видении Иезекииля ("Колесница") слова: "два крыла херувимов закрывали руки их", — мы можем читать: "закрывали *передние ноги керубов*" (если принять их в халдейском начертании).

К стр. 351. "Кровь жертвы не освятилась, если ее недостаточно для окропления (всех указываемых частей) жертвенника". Не проливает ли это света на смысл вообще жертв? Она нужна животному, а не одному человеку, — и не только "приятна Богу". Через "жертвоприношения" *освящалась кровь*, т. е. через них *святились животные*, — весь *животный мир* (pars pro toto). "Жертвоприношение было до некоторой степени внутренним "обрядом венчания" крови и жертвенника", после чего "естественное" только — "освящалось". Т. е. это было, в общем, *освящением мира* (Космоса). Да ли? Нет ли? Темно.

Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах

В своей книге "О некоторых средневековых обвинениях против евреев", 2-е издание, Спб., 1880 г., проф. Даниил Абрамович Хвольсон яростно нападает на самую мысль о возможности ритуальных убийств среди евреев. Несомненно, однако, что книга эта, написанная "на случай", пышет адвокатским жаром и рассчитана на массу. Позволительно не верить искренности ее автора, по происхождению еврея. Представляется, что специальное ученое исследование того же ученого, к тому же не затрагивающее *прямо* щекотливой темы о еврействе, а именно двухтомная книга его "Die Ssabier und der Ssabismus", St.-Petersburg, 1856, заслуживает гораздо бóльшего внимания. Речь идет о халдейских и сирийских *ссабиях* (которых не должно смешивать с звездопоклонниками, *саб́еями*), исповедывавших синкретическую религию из элементов халдеизма, парсизма, иудейства, гностицизма и неоплатонизма. Их мистические и магические воззрения просочились в позднейшее иудейство, и в частности — в каббалу. Культ ссабиев интересен, между прочим, в том отношении, что показывает *существование ритуальных убийств на семитской почве еще в XIII—XIV вв.*, т. е. 600 лет назад.

То, что проф. Хвольсону представляется совсем немыслимым у евреев, он легко признаёт у их ближайших родственников, — вероятно, в той уверенности, что книгу его о ссабиях прочтут очень немногие. Заключение Д. А. Хвольсона, на основании целого ряда свидетельств арабских историков, таковы:

- 1) что ссабии вообще приносили *человеческие жертвы*;
- 2) что для таких жертв выбирались только известные люди, определенного вида и определенных свойств;
- 3) что часто *приносились в жертву дети*;
- 4) что такие жертвы были связываемы с различными таинственными обрядами;
- 5) что такие жертвы приносились каждой "планете" ежегодно только единожды, в определенные времена;
- 6) что ссабии имели, наконец, человеческие головы, которые давали им предсказания (Vd. II, S. 143).

Вот, для примера, несколько текстов из числа переведенных с арабского на немецкий язык проф. Д. А. Хвольсоном:

В 10-й главе 1-й книги и в некоторых других местах *Космографии* арабского писателя, по имени Шемс-эд-Дин Мохаммед Ибн Абу-Фалех Димешки, говорится о храмах ссабиев и их жертвах, приносимых в определенные сроки. Димешки, по данным летописи Гасан бен-Омра, родился в Дамаске в 664 году (т. е. в 1265 г. по Р. Х.), был суфием и имел должность имама в деревне Рабува близ Дамаска. Умер он в городе Лефедде в 727 г. (т. е. 1327 г. по Р. Х.) (Chwolsohn, id., Vd. II, p. XXVIII—XXX). Вот что, между прочим, повествует этот писатель о ссабиях:

”К храмам ссабиев принадлежит, далее, храм Марса. Он имеет четырехугольную форму и весь окрашен в красный цвет, и завесы его также красны. В храме висит разнообразное оружие, и в середине его есть сидение с семью ступенями; на нем находится железный истукан. Истукан держит в одной руке меч, а в другой — голову за волосы; как меч, так и голова обмазаны кровью. Во вторник, если Марс достиг точки своей кульминации, приходят жрецы в храм Марса, одетые в красную одежду, обмазанные кровью, и с кинжаловыми ножами и обнаженными мечами в руках. Они несут с собою красноголового, рыжего и краснощекого человека, голова которого от сильной красноты блестит, и ставят его в наполненный маслом и медикаментами бассейн, где платье его и кожа его быстро размягчаются. Они укрепляют его на копьях внутри того бассейна, так что он целый год остается погруженным в масло. [Заметим, что умолчание об убиении жертвы и аналогия с последующим заставляют думать, что человек этот сидит в масле *живым*; да иначе для чего было бы *укреплять* его в бассейне, — достаточно было бы и просто погрузить. *Примечание автора заметки.*] Когда затем последует распадение, то они берут голову этого освященного тела и затем распарывают его от головы с ее нервами, жилами и отверстием для прохода аорты. Все становятся с этою головой перед железным истуканом и произносят молитву, смысл которой следующий: ”О ты, злой, непостоянный, суровый, огневой Господин! Ты любишь мятеж, убийство, разрушение, пожар и кровопролития. Мы приносим тебе жертву, которая тебе подобна; прими ее от нас милостиво и отврати от нас твое зло и твой гнев”. Они верят, что эта голова в течение семи лет предсказывает им успехи и несчастья, которые с ними случатся в году. — В городе Ссуре (Тире) существует, также на берегу, храм Марса; и ссабии утверждают, что Иерусалим был построен уже до Соломона — да будет мир над ним! — и что там был храм Марса, в каковом находился истукан, имя которого — Таммуз” (Chwolsohn, id., Vd. II, S. 388—390, § 4).

Другой рассказ подобного же рода записан Эн-Недимом. Ибн эн-Недим эль Багдади-эль Катиб (секретарь), прозванный Абулфараг Ибн Абу-Иакуб эль-Варран (книгопродавец), написал сочинение *Фирист-эль-Илум* (id., Vd. II, S. XVI—XXVI), 1-я часть 1-й книги которого посвящена ссабиям. Эн-Недим родился в 377 г. (т. е. в 987 г. по Р. Х.). Вот что говорит он в 3-й главе, озаглавленной — ”Сообщение о голове”. ”Это — голова человека, которого вид соответствует виду Меркурия, как они (ссабии) представляют его себе среди образов остальных планет.

Как только найден человек того вида, который ими считается меркурным, то они хитростью и внезапным нападением захватывают его и затем с ним поступается различно. Так, например, он ставится в масло и буру на столько времени, доколе сочленения его ни расслабнут и он ни придет в такое состояние, чтобы голова его — без того, чтобы, как я думаю, человек был заранее убит, — отделилась от тела, лишь только ее потянуть. — Отсюда происходит то, что о находящемся в тоске говорится: "он сидит в масле", — старая поговорка. Это делают они ежегодно в то время, когда Меркурий достигает точки своей кульминации. Они думают, что душа этого человека спускается от времени до времени к этой голове, говорит ее языком, — предвещает будущее и отвечает на обращенные к ней вопросы: ибо ссабии полагают, что природа человека более соответствует и подобна природе Меркурия, чем природа остальных живых существ; они полагают, далее, что человек, вследствие речи и способности суждения, ближе, чем прочие существа, стоит к Меркурию и другим вещам, которым они доверяют в этом отношении. Их почитание этой головы, их обращение с нею и то, что они предпринимают с нею *до* и *после* ее отделения от тела, наконец, употребление, которое они дают также некоторым частям этого тела, после того как они отняли от него голову, — все это образует длинный ряд рубрик, которые указаны в некоторой их книге, прозванной *Книга Эль-Хатифи...*" (id., Vd. II, S. 155). Некоторые противоречия того и другого сообщения проф. Хвольсон объясняет, во-первых, значительностью промежутка (300 лет) между датами их, — срок, когда самый культ мог измениться, — и, во-вторых, произволом в приравнивании ссабийских божеств божествам греко-римского цикла.

Из той же книги Эн-Недима узнаем следующее:

"*Аб* (август). 8-го числа этого месяца они (ссабии) дают новое вино для богов и придают ему различные имена. В этот день, в середине предполудня, они *приносят в жертву* богам, изображенным статуями, *новорожденного ребенка мужского пола*. Сначала мальчик убивается, а затем разминается, покуда не станет совсем мягким; после чего берется плоть его и *растирается вместе с тонким медом, шафраном, лавандою, гвоздикой и маслом* (по другому способу чтения: *изюминами*); *из этого теста* делаются *маленькие хлебцы*, величиною с *фигу*, и *пекутся в новой* (или вариант: *железной*) *печи*. Эти *хлебцы служат* участникам в таинствах *шемаль* (для еды) *на целый год*. Но ни женщина, ни раб, ни сын рабыни, ни помешанный не должен вкушать от них. *К убиению и изготовлению пирожков из частей этого дитяти допускаются только 3 жреца*. Все, что остается из его жил, членов, хрящей, артерий и нервов, сжигают жрецы в жертву богам" (id., Vd. II, S. 28—29, § 5).

Тут особенное к себе внимание привлекают заключительные в сообщении слова о том, что даже у ссабиев, при узаконенности ритуальных убийств, самое убиение совершалось в великой тайне, — *только тремя жрецами*; конечно, эти жрецы были не заурядными служками, а высшими посвященными. Остальные же ссабии, может быть, в точности даже и не знали, что за хлебцы раздаются им при священнодействиях.

Таковы *ритуальные убийства на семитской почве*. Еще раз повторяем, что ссабийство не только вобрало в себя некоторые мистические

и магические течения иудейства, но и само, в свою очередь, было для позднейшего иудейства источником мистических идей.

Но, спрашивается, возможно ли что-нибудь *подобное* описанному выше на почве иудейства? Д. А. Хвольсон, не задаваясь в указанном сочинении этим вопросом, приводит, однако, ряд данных, которые невольно склоняют к *утвердительному ответу* всякого непредубежденного читателя. Прежде всего напомним, что чрез всю историю народа еврейского проходят разные виды идолослужения и запретной мантики. К числу таковых относится и "об" или "ов", неоднократно запрещаемый в библейском законодательстве. Что же такое этот *об*? В Мишне (Tract. Synhedrion, 7.10) говорится, что "заклинатель чрез *об* есть пифон (чрево-вещатель), который говорит в руки". Маймонид, в своем комментарии на Священное Писание, объясняет *об* так: "Берут голову человека, после того как плоть его истлела, и осторожно поднимают ее, затем делают воскурение пред нею, — и тогда слышат эту голову говорящей, — по заявлению заклинателей, — так, как это слышат от мертвого чрез искусство заклинателя мертвецов (*об*)". В Мишна-Тора (61) Маймонид дает еще подробное объяснение *об*: "Заклинатель возжигает известный курительный состав, держит в руке миртовую ветвь, которую он подымает вверх, и говорит тогда тихо известные слова, — столь долго, покуда ему не покажется, что как будто кто-то говорит с ним и отвечает на его вопросы из-под земли, и даже таким слабым голосом, что кажется, что его воспринимаешь не ухом, но просто силою воображения. Берут также голову мертвеца, перед которой курят известные вещества, и говорят определенные формулы, покуда не уверятся, что воспринимают очень тихий голос, который проходит между рук заклинателя и отвечает на поставленные вопросы". Не правда ли, наставления Маймонида по части магии точны и определены? Трудно отделаться от мысли, что и сам он не чужд опыта в этом злохудожестве. Подобные же указания на "говорящие головы" мы встречаем во всех тайных обществах, так или иначе связанных с семитской и, в частности, с иудейской магией. Таков, например, знаменитый Бафомет тамплиеров, провозвестников каббалы и масонства. Но мало того. В Библии неоднократно встречается термин "*терафим*". Для всех исследователей несомненно, что этот термин обозначает что-то из темной области волхвований и запретных культов в иудаизме, но точное значение слова *терафим* в древнейшие времена — остается доселе невыясненным. Однако почти несомненно, что первоначально *терафим* означало какое-то обиталище, — а быть может, и изображение, — каких-то домашних духов, покровителей семейного очага, вроде наших "домовых"; а потом это, сравнительно невинное, значение выявило свою злую сущность и заменилось какими-то орудиями черной магии. В Мишне, в 36-й главе *древнейшего* писателя рабби *Элиезара*, где рассказывается история Лавана, о терафимах говорится следующее: "Что такое терафим? — *Закалывали человека, родившегося первенцем, и отрывали голову его, и солили ее в соли и в масле, и писали на золотой пластинке название какой-нибудь нечисти и полагали эту пластинку под язык головы. Затем полагали голову к стене и возжигали пред нею лампы, и простирались пред нею, и так говорила с ними эта голова. — А из чего вытекает, что терафимы говорили? — Из того, что говорится: "Терафимы говорят пустое" (Зах.*

Х, 2). Потому-то *похитила их Рахиль, чтобы они не оповестили Лавана, что Иаков бежал*".

Известный парафраст *Ионафан* говорит о терафимах, по поводу Быт. XXXI, 1, почти дословно то же. Подобные же указания дают и другие авторитеты раввинизма.

Итак, раввины *сами* относят ритуальные убийства к почтенным временам *патриархов*; стало быть, и для авторитетов иудейства *идея о ритуальных убийствах не была безусловно недопустимой*. К тому же откуда бы знали эти авторитетные наставники иудейства, отцы Талмуда, такие *подробности изготовления терафимов* (при Лаване!), если бы *сами они не практиковались в искусстве*, которое рабби Элиезар приписывает Лавану?

Но доверимся им, пусть это "ближайшие родственники патриархов" занимались отрыванием и солением голов. Что же получается для иудейского сознания? *Terminus a quo* — соленая *голова перворожденного*; *terminus ad quem* — "хлебцы с тонким медом, шафраном, лавандой, гвоздикой и т. д." *из плоти младенцев*. Середина же — жертвоприношения младенцами Молоху и "мерзости¹ амморейской", и "мерзости аммонитской" и т. д. Такова иудейская история.

Но если на *всем* протяжении истории Израиля, даже в период великих царей и богодухновенных пророков, при сильной власти и живом, строго *централизованном культе*, — *всегда* существовали всякие виды идолослужения, и в частности магические волхования, в основе которых лежит *убийство человека*, то почему современные иудеи и их поклонники так запальчиво отвергают даже *возможность* существования чего-либо подобного в *нынешнее* время, когда нет никаких сдерживающих начал, — ни культа, ни власти, ни царей, ни пророков? Если на *всем* протяжении своей истории Израиль так жадно тянулся к крови, и ритуальным убийствам, и черной магии, если всегда был кровожаден и жестоковыен, то где же *гарантии* того, что в *рассеянии*, без обличающего голоса пророков, без суровых кар со стороны своих царей, — в *господстве* своем над всем миром, — он сделался чист и беспорочен?! Если были ритуальные убийства *даже* тогда, то почему же не может быть их *теперь*? Весь семитский мир, не исключая и еврейства, доказал свою *жадность к крови*, — будь то магия, месть, фанатизм или политика. О том кричит *вся* история семитства, — ассириян, вавилонян, евреев, арабов. И виновен Бейлис или нет — все равно общее подозрение в ритуальных убийствах как одном из проявлений *мистического влечения к крови* должно остаться на этом таинственном народе, и, несомненно, *останется*, вопреки крикам всей еврейской прессы.

Ω

¹ Не нужно обманываться или не нужно доверять тону негодования, якобы (для нас) звучащему в слове "мерзость": "Прочитав несколько листов Св. Писания, — *вымой руки*", — говорит Талмуд. "Вымой" почему?! Явно — "потому, что они теперь *не чисты*". Да Талмуд и говорит *прямо*: "*прикосновение к листам Св. Писания оскверняет руки*". Далеко ли "мерзость" отстоит от "того, что *оскверняет* через прикосновение", — это совершенно неясно для европейца. *Прим. В. Р-ва.*

Иудеи и судьба христиан

(Письмо к В. В. Розанову)

1913. Октябрь, 26. Ночь.

В том-то и дело, дорогой Василий Васильевич, что последние годы идет какой-то сплошной экзамен русскому народу и на экзамене этом русский народ ежеминутно проваливается. Я не смею, будучи лишь членом народа и лишь членом церкви, требовать: "Да пойдет народ и пойдет церковь сюда, а не туда". Подчиняюсь их решению. Но я никогда не примирюсь с тем, что и народ русский, и церковь русская терпят и переносят *пошлость*. Размазня после революции в политике; размазня после автономии в университете и вообще в школе; позитивизм церковный, так ярко выразившийся в афонском деле; наконец, это глубокое непонимание религии, какой бы то ни было, это подхалимство пред "адвокатом" в деле Бейлиса, — это для меня ужаснее всяких других исходов. Какая-то серая липкая грязь просачивается всюду. А всё и все лижут ее с наслаждением.

"Не это ли *кончина мира*?"

Я не о себе болею: могу уйти "в катакомбы", запереться, жить со своими близкими и со своими друзьями; мне не скучно уединяться в мыслях. Но больно за Россию, больно за мир.

Признаться, я не совсем понимаю занятую вами позицию — "против Талмуда"¹. Если вы только аргументируете *ad absurdum* — то это хорошо. "Вы, евреи, говорите, что живете как *все*; а ну-ка, откажитесь от кошерного мяса!.. Не отказываетесь?.. Почему же недопустима мысль о крови?" — Если же вы впрямь хотите, чтобы евреи "просветились"² и огрузенбергилась, т. е. ожидали, то это ужасно.

¹ *Ужас Ющинского* — все закрыл... "Пусть берут свою кровь, не смеют — *нашей*". Вот моя не "позиция", а куда меня "столкнул" Ющинский, "без всякого рассуждения". *Примечание В. Р-ва.*

² "Просвещения", т. е. нашего правительственного и нигилистического, я им не хочу, — как не хотел бы и *лишь невольно* беру его своим детям. Но тут — большие споры, длинные туманы. "Чего я хочу?" Признаться, в теперешнем ужасе я "*ничего* не хочу". "Душа плачет, а не думает", и "язык ругается и тоже не думает". Но из "больших туманов" проступает один: ведь есть "ничего-себе" жидки — врачи, жидовки, курсистки. Не помириться ли на *них*? Потоп прошел, и нет больше Левиафанов: не помириться ли на селедке? Я не решаюсь сказать — *да*, но пусть не торопится мой друг сказать и — *нет*. *Примечание В. Р-ва.*

P.S. А моя мысль *именно в том*, что эти-то "ничего-себе" и вносят растление в наши семьи, в нашу религиозную жизнь, в души наших детей, в нашу литературу, в наши суды, в нашу журналистику, в наше крестьянство, в нашу государственность, всюду, всюду. Еврея кошерного всякий отличит и всякий осторонится, а вот такого жидка "ничего-себе" — из тысячи остережется один, кто *уже* нажегся на евреях, — да и тот рано или поздно попадет впросак. Вспомните сами, Василий Васильевич, разве вас, сотрудника "Нового Времени", не обольщали дочери и сыны Израиля? Но, может быть, пред всеми их словами, так или иначе, я смирился бы, — пред одним, однако, не смирюсь — это пред развращением детей. Все кричат о Ющинском. Но, Господи, почему вдвое не кричат о тысячах таких Ющинских, в гимназиях, в школах, в университетах? Ведь из них гг. евреи

Но и первая ваша аргументация опасна. А вдруг евреи скажут: "Будем есть тrefное мясо и ветчину; не будем принимать микву. И что вы на это скажете-е-е?"¹.

тысячью уколов извлекают всю душу. В них отравляют в самом истоке источники жизни — любовь к родине, к семье, к миру, — ко всему; и в детском или юношеском сердце, кроме ненависти, отвращения, брюзжания и беспредельной тоски и пустоты, — ничего не оказывается. Вы испугались, Василий Васильевич, *вида* крови и с испугу готовы согласиться на порчу *всего существа* наших детей. Разница же их от Ющинского та, что Ющинский освещен красным бенгальским огнем, а других детей режут при будничном сером свете всероссийской жизни. *Нет!* Я говорю Вам — "нет"; я больше страшусь этих жидков "так-себе". Всякий народ живет в определенной черте оседлости; всякий народ сидит в своем гетто. Пусть же и евреи, как "ничего-себе", так и "с пейсами", получают себе какую-нибудь область где-нибудь на земном шаре и устраивают себе там свое царство, свое гетто, вообще все, что хотят, но нас оставят в покое. *Приписка автора письма к моему примечанию.*

¹ Гм... Гм...

Переводя вопрос в *глубину вещей*, конечно, я хотел бы нам, русским, вернуть то, что утеряно везде, кроме Востока: эпоху святых по существу отношений пола, т. е. священного и религиозного не по форме и соизволению начальства, а *реально и по ощущению зачатия детей*. Но ведь нельзя сказать, чтобы это была специфическая принадлежность юдаизма, чтобы здесь они "открыли Америку". Не говоря о том, что это есть и в мусульманстве, это есть вообще почти везде на Востоке, это "восточная цивилизация": а родитель *этой мысли* — был Египет. Моисей исхитил эту мысль из Египта, как евреи выкрали у египтян золотые предметы. Египет же не знал их гнусного "Бердичева", не знал их отвратительных и бес-содержательных банков. Моя мысль, что "без евреев можно очень обойтись", что их мысль о личной своей "богоизбранности" преувеличена и чуть-чуть в отношении их лукава. Дело в том, что у Соломона кроме Суламифи было очень много других Суламифей, хотя той первой Суламифи он и не рассказывал о них. Евреи у пророков везде именуют "Бога Израилева" — *супругом* своим. Это буквально. Это написано. Хорошо. Но "за спиной" и "в других местах" были тоже Суламифи... Израиль обманулся под гипнозом своей субъективности, подумав, что он "один" или, вернее, "одна девица" и что кроме него "и взглянуть не на кого" Соломону. Но "Книга Царств" обширнее и, главное, шире смотрит на вещи, чем субъективная "Песнь песней" Суламифи. Для ее *субъективного счастья* и нужно было думать, что она — "одна", но "Книга Царств" повествует, что у Соломона было их "множество"; и, собственно, в других шатрах были тоже "Песни песней", только не сохранились для печати. "Сидон — красота мира", — говорит Бог через пророка. У Соломона были еще "царицы": "семьдесят цариц", "700 жен" и "девиц без числа"; и простушка Суламифь была "одной из девиц", а "женами" и "царицами" были, напр., Персия, бесспорно, был прекрасный Египет. И... хочу верить! даже *есть* это наша "матушка Русь". Мы несколько не должны отступать перед евреями, пугаться их и будто бы их какой-то "единственной и мистической судьбы". Попросту, мы иногда их поколотим, и будет очень хорошо. Так, царица дает пощечину служанке, даже если она нравится господину. Смелее, Русь: только верь в Бога, и мы не пропадем, или, вернее, Бог нас не оставит. Не оставит и не оставит!!.. Мы *сами* найдем и священность зачатий, — *другими методами найдем*, в *иных путях мысли* найдем; найдем оттого, что это есть *истина*, искомая равно греком, римлянином и... русским. Кто откроет "Сатурновы кольца" — все равно, немец или англичан; ведь *суть-то* в том, чтобы "Сатурновы кольца" *были*, "водились на свете", вне разума человеческого и вне разума открывателя. А "святость пола" есть истина "вне разума человеческого", это есть не "мое утверждение" (Кант) и не "cogito ergo..." Декарта, а — *das Ding an sich*. *Примечание В. Р-ва.*

В самом деле, что́ вы скажете. Что́ вы сделаете с жидовскими адвокатами? И почему вы думаете, что мы выучимся у них... чему-нибудь глубокому, а не адвокатству? Заметьте, *адвокатство*, вообще "просвещенность" — это *они* изобрели. Борьбу с Церковью католической — это они подняли. Гуманизм вытек из каббалы. И вообще жи́ды оставляли и будут оставлять тайну тайн себе самим, а нам предоставляли всегда и всегда будут предоставлять одни скорлупки: белый галстук, "Русские Ведомости", грошовые подачки и право доставления им младенцев. Жи́ды всегда поворачивались к нам, арийцам, тою стороною, на которую мы, по безрелигиозности своей, всегда были *падки*, и затем извлекали выгоды из такого положения. Они учили нас, что все люди равны, — для того чтобы сесть нам на шею; учили, что все религии — пережиток и "средневековье" (которого они, кстати сказать, так не любят, за его цельность, за то, что тогда умели с ними справиться), — чтобы отнять у нас нашу силу, — нашу веру; они учили нас "автономной" нравственности, чтобы отнять нравственность существующую и взамен дать пошлость¹. Если бы они хотели нас иудаизировать — это было бы лишь полгоря. Но в том-то и дело, что они прекрасно понимали и понимают ценность всякого религиозного начала, и, наконец, его нароодообъединяющую мощь, — и потому *свое* религиозное начало, в его тайнах и в его глубинах, таят про себя.

Р. S. Конечно, поколотим их, и это не только хорошо иногда, но *это-то* таинственно и предопределено нам. Для гордости нашей в том-то и беда, что даже колотить Израиля мы предопределены не потому, что это для *нас* хорошо или что у *нас* "руки чешутся", а потому, что мы, как крепостной дядька, должны служить барину розгами, для *его* же пользы. Ваши соображения о Суламифях, признаться, не убедительны для меня, ибо одна Суламифь, первая, действительно канонизирована "Песнью песней", Библией, а что касается до всех прочих, то они были, что немцы называют, *Privatsache* царя Соломона. Но вот, пожалуй, что́ важно: что слово Павлово, мне всегда поющее в сердце, зазвучало и в ваших словах. Да, Израиль — избранный, "садовая маслина". Но Бог и нас призвал в воспитатели зазнавшейся Суламифи. От *нас* Бог хочет, чтобы выколачивали жидовство из Израиля, а от *Израиля* — чтобы он, своим черным жидовством, оттенял в нашем сознании — непорочную белизну Церкви Христовой. Своею гнусностью Израиль спасает нас, научая нас ценить благо, нам дарованное. А мы за *это* должны колотить Израиля, чтобы он опомнился и отстал от пошлости.
Примечание автора письма к моему примечанию.

¹"Адвокаты" — это то́, что́ евреи сами хорошо именуют (у Пранайтиса) "клиптотами", "шкурками", т. е. около зерна. Теперь вообще не "зернистая цивилизация", — и "клиптотами-Грузенбергами" мы будем пользоваться, не давая им очень распространяться и захватывать наши промыслы и торговлю. "А там (в зернистую эпоху) посмотрим"... Друг мой упреждает времена и сроки, и малодушествует, не надеясь на Господа. "Господь — *прибежище* мое", и спи спокойно, русский. В час свой разбудит его Господь. И он сделает дело, какое пошлет его сделать Господь. Смелее, русские, и становитесь дружно против евреев: не бойтесь ничего. *Примечание В. Р-ва.*

Р. S. Вашими бы устами — да мед пить... Но, кажется, это Вы либо меня, либо себя только утешаете. Ведь вся действительность говорит обратное. *Примечание автора письма.*

Полновесное зерно — для себя, а мякину — это нам, "скотам", по их воззрениям.

Но что́, что́ с ними делать?! Они размножаются быстрее нас, — это простая арифметика¹. И что ни делать с ними, настанет момент, когда

¹ Если *смотреть на глаз и вблизи себя...* Но, дружок мой милый, никогда не надо пугаться, а надо надеяться на Бога... Чуть ли тут Суламифи и не было "шёпнуто" что-то лишнее, чтобы она скорее "отдавалась" царю и господину своему... Ведь евреи, современники Египта и Вавилона, должны бы были стать теперь многочисленнее народа русского, где-то толкавшегося кучкою около печенегов и половцев; многочисленнее германцев и англосаксонской расы. Но их в сущности *относительно очень немного*. Пожалуй, им было не договорено, что они будут "как песок морской" на берегу какого-то вроде "Азовского моря", тускленького и маленького, и "как звезды на небе" до телескопа, весьма и весьма исчислимы. Господь печется о других народах и любит их: и размножил их больше евреев. Вот — факт, около которого евреям не мешает погрузиться. "Царица" может сказать "служанке": у меня — 12, а у тебя — 7. *Примечание В. Р-ва.*

Р. S. Это — мысль очень важная; кажется, тут что-то есть. Но вот другая мысль, которой тоже не следует забывать. Вы помните, конечно, что евреи весьма озабочены чистотою крови *главного* ствола своего народа, — т. е. мужской линии и, по преимуществу, *первородных*. Но что касается до *женских* линий, то это — совсем иное дело. Женщина для Израиля — не хранительница, но, скорее, распространительница иудаизма. Она имеет миссию распространять влияние Израиля на весь мир, захватывать израильскими сетями *все* царства. Теперь, что́ же мы *называем* еврейством? Израиля, — мужскую и даже, отчасти, только главную мужскую линию роста. Однако от *каждой* линии, как мужской, так и женской, в каждом существе ее отделяются боковые отпрыски, — новые женские линии, из которых очень многие *смешиваются кровью с иными народами* и, оставаясь фактически еврейскими, ибо еврейская кровь *необыкновенно* сильна, перестают *называться такими*. Таким образом, еврейство, не нося этого имени, внедряется все глубже и глубже в массу человечества и корнями своими прорастает *всю* человеческую толщу. Секрет иудейства — в том, что есть чисто иудейское, чистокровное, и около него — с неимоверной быстротой иудаизирующаяся "шелуха" прочих народов. Теперь в мире нет ни одного народа, совершенно свободного от еврейской крови, и есть еврейство с абсолютно несмешанною кровью. Итак, есть евреи, полуевреи, четверть-евреи, пятая-евреи, сотая-евреи и т. д. И вот, каждый народ с каждым годом увеличивает процент еврейской крови, т. е. разжижается в своей самобытности. Еврейство представляет какой-то незыблемый центр, к которому, вдоль радиусов, неумолимо скользят все прочие народы. Следовательно, утешаться сравнительною немногочисленностью евреев — это значит забывать, что у евреев не один ствол, — под этим *именем* сливающийся, — но еще сотни и тысячи побочных *ответвлений*, и притом растущих и множащихся *ускорительно*. — Повторяю, что хотя и сравнительный процент чистокровных евреев растет, но с ужасающей, головокружительной быстротой растет число внедрений еврейства в человечество. И, рано или поздно, процент еврейской крови у всех народов станет столь значительным, что эта кровь окончательно заглушит всякую иную кровь, съест ее, как кислота съедает краску. А для этого, вы сами знаете, отнюдь не требуется процента значительного. Посмотрите, в известном и уважаемом вами дворянском роде***, не то в пятом, не то в седьмом поколении, родоначальница — еврейка. А теперь у потомков *лица, настроения, манера мысли, семейственность*, — основные, так сказать, категории бытия — типично еврейские. Члены этого рода благородны и уважаемы; но даже ничтожная капля еврейской крови в их членах придает всей структуре души их чекан и закал еврейства. *Приписка автора письма.*

их станет больше, чем нас¹. Это, повторяю, простая арифметика, и против этого есть только *одно* средство — *оскопление всех евреев*, — т. е. средство такое, применить которое можно только при нашем отречении от христианства.

Итак, вопрос о гибели нашей есть вопрос,

Давно уж взвешенный судьбою.

Ни славянские ручьи не "солятся в русском море", ни оно не "иссякнет", но все будет наводнено серою жидкою лавиною адвокатуры, которая, между прочим, зальет и Талмуд, и ритуальные убийства.

И, в конце концов, — вопрос в одном: верим мы Библии или нет². Верим ап. Павлу или нет. Израилю даны обетования — это факт. И ап. Павел подтверждает:

¹ При вере в Бога — никогда! При благочестии жизни — никогда. Как и богаче нас не "золотом" (довольно уплывающим), а вещами, имуществом, землями, заводами, "гобзоватым богатством", по Посошкову, — этим они никогда не будут нас богаче! Есть что-то неудержимо-пропадающее, скользкое, прощальное в характере их обогащения, в существе их богатства. Что они "странствователи" и "без своего места в мире" — этому гармонирует то, что они как-то "выиграют на бирже", "скупают в синдикат весь сахар", но не сотворят, не устроят ни сахара, ни фабрики, ни дома. Да, они даже не "домостроители", а какие-то вечные и везде "квартиранты"... Ах, Суламифь, оглянись на себя: ты тщишься сокровищами, но они именно похищены у простоватых, — и гляди, не грозит ли тебе в будущем сума? Во всяком случае, "Суламифь никогда не станет царицею", а в мире есть существо и "Царицы". *Примечание В. Р-ва.*

Р. S. Да, "при вере в Бога"... Но вера-то эта током иудейства непрестанно подмывается и разрушается. И, по мере того как внедряются в народ иудейская кровь и иудейские деньги, исчезает вера в Бога, — та единственная основа, на которой могли бы мы быть стойкими против разъедающих вод иудаизма. *Приписка автора письма.*

² Даже и в вере не надлежит ничего делать без осмотрительности. Вера должна быть мудра. Мы "верить Библии должны", имея в памяти, что она дана была *именно им, одному ихнему народу*, — без чтения другими народами. И сказала "им" то, что и должно было быть "сказано им" и ими "выслушано", дабы они "послушались", т. е. прежде всего обрезались. Библия — для обрезания, и — внушения его, и — утверждения его. "Супруга есть супруга и должна исполнять все супружеское" (Израиль); но это не задевает базара, города, царств. Не задевает и не сокрушает. Рабский характер и рабская же судьба евреев на протяжении целой их истории есть что-то единственное и, очевидно, вне "случая" и "обстоятельств", а — "от корня текущее". А где есть "рабы" и *будет* "раб" — будет и "господин". Именно — Суламифь, но — и только. Случай, роман, но не "сложение царств". А *есть* и "сложение царств". Соломон в *тот час*, когда говорил: "Единственная моя", "одна ты у меня", — и чувствовал так, как говорил; но есть час и час. За часом приходит другой час. Не разительны ли столь частые как будто "оставления" Израиля Богом; и вот *теперь*, напр., когда они давно не "уклоняют сердца своего" ни к Ваалу, ни к Астарте, и особенно, напр., в средние века, когда у них был "великий Маймонид", судьба их все-таки была горьковата и серовата и приходилось им "солоню". Что-то "гонимое", и в самом деле "гонимое", не здесь на земле только, но и в небесах, есть в евреях. "Не сладко переходить из земли в землю", из Испании в Польшу, из Польши в Америку. Оставляя "частности" и "обстоятельства", в глубине вещей все-таки остается только Суламифь, которой и судьба — "пастушки". Как кратка "Песнь песней":

”Весь Израиль спасется”.

Не ”духовный” Израиль, как утешают себя духовные семинарии, увы, — не духовный. Ап. Павел ясно говорит о ”сродниках по плоти” и подтверждает неотменность всех прежних обетований об избранниче-

всему роману и целой любви — 3—4 дня и много 3—4 недели, и никак не выйдет года. Вот Библия, конечно, вполне истинная книга, но ее надо читать под углом обращения к одному народу, как сказывание ему в ухо, и без потрясения ”дворцов” и ”сложения царств”. Замечательно, что Библия (ветхозаветная книга) *ведь ничем и не кончается*, как примерный эпизод, — между прочим, эпизод в *самой всемирной истории*. Начало и исходы ее ”всемирны”, ”Книга бытия”, ”Берешист”... Затем переходит в ”историю племени”... Очень хорошо и рады за них, но *нам какое дело?.. У нас свои печенег и половцы, как у них амалекитяне и моавитяне*. Храм — их *местный храм, как были аналогичные и лишь ”в печать не попавшие”* в Сидоне, Тире, в Фивах египетских... ”Ничего особенного для русского”, это — *надо хорошо помнить*. Хорошо надо помнить, что с какою-то силою и ясностью, не боясь Бога, было сказано Христом о иудейском храме именно как о *слишком местном храме*: ”Камня на камне не останется”. Ихнее ”распни Его” было совершенно бессильно, ибо храм-то все-таки был *разрушен*. Это не вне плана всемирной истории, которая должна была стать и становилась именно *всемирною*, а не местною и племенною. Уже до Христа значение иудеев и иудейства все как-то суживалось, становилось менее интересным, и, напр., их знаменитые ”Маккавеи” суть герои только ”на нашей улице”. Иудея именно и хранилась только для принесения святого агнца у родителей ”Иоакима и Анны”, — до рождения Девы Марии: после которого все рухнуло, потому что все ”более стало *не нужно*”. Вот. Не дерзко будет сказать и думать, что иудеи действительно киснут сейчас в иллюзии, не простирающейся далее ”кошерного мяса”. Их решительно *гадкая роль* в истории и объясняется тем, что Бог отошел от них, вышел из домов их, и стало *неблагодарно самое бытие их в мире*. Кольцо ”супружества” разломалось, и ”завета” Ветхого нет не потому даже одному, что ”Христос так повелел *быть*”, а напротив, Христос-то изрек им особую судьбу оттого, что ”Бог вышел от них” и ”Сын” ”исполнил только волю Отца”. Евреи занимают каким-то религиозным онанизмом, все стараясь ”известить из чресл своих Мессию...”. Ибо у них нет ”супруга”, и их обряды суть в точности теперь пустые обряды. И в Библии не сказано, что Суламифь будет вечно ”супругой”. Вообще евреи проглядели свою собственную судьбу, и это совершенно бесспорно для самих серьезных их мужей. ”Великие гаоны” ошиблись; и ”мидраш” и ”таргумы”... Все это очень интересно для *разглядывания*, но не ”иероглифы” управляют ходом корабля в море. Евреи, опомнитесь! — *да где же ваш Бог, раз Храм разрушен?!* Ведь вы же тайно знаете, ходив в ”скинию свидения” и потом в заменивший ее храм, что Соломонов храм был не место *молитвы вашей*, а *жилищем и вместилищем Божиим*... *Куда же Он? где же Он?* Подумайте и ответьте. ”На небесах”: ну, это у христиан на небесах, но вы почему-то строили единственный-одинешенек на целой земле храм. Потому что Отец местной племенной религии, конечно, имел *место себе*, а не идеи о себе... Вообще, кое-что додумав, вы поймете, что действительно у вас *пустые обряды* и что ничего или, вернее, *никого* с вами нет...

Песня Суламифи кончилась... *Примечание В. Р-ва.*

Р. S. Да, да, да... Но в том-то и дело, что, находясь онтологически в царстве ”иллюзии”, евреи все же владеют этой ”иллюзией”; а христиане слишком плохие христиане, и, имея Господа Иисуса Христа, т. е. непоколебимую Скалу реальности, — все же не чуждаются и ”иллюзии”, и за этой-то иллюзией обращаются к евреям, и закабаляются ими, и служат им. Евреи, за редкими исключениями, довольны своей ”иллюзией” и только плачутся, что не владеют ею безостаточно. А христиане косятся на ”иллюзию” и по маловерию предают Сокровище свое

стве¹. Мы — только "так"², между прочим. Израиль же — стержень мировой истории³.

Такова Высшая Воля. Если смиримся — в душе радость последней покорности. Если будем упорствовать, отвергнемся того самого христианства, ради которого спорили с Израилем, т. е. опять подпадем под пятау Израиля. Обетования Божии непреложны. Это *мы* "в черте оседлости" Божественных предначертаний, — мы, а не они. Это мы — египтяне, обворовываемые и избиваемые и мучимые; это мы — те, у которых "головы младенцев разбиты о камень", — и об этом самом *против себя* мы поем в церквах ангельскими голосами: "На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом". Нам — одно утешенье:

Хотя навек незримыми цепями
Прикованы мы к здешним берегам,
Но и тот круг должны свершить мы сами,
Что боги совершить предначертили нам.

Мы должны сами совершить круг своего подчинения Израилю! Может быть, вы — последний египтянин и я — последний грек. И, как загнанные звери, мы смотрим на "торжество победителей". Минутой позже, минутой раньше нас возьмут, зверей, может быть, — последних зверей, и выточат кровь для кошерного мяса. Но надо быть покорными.

И подлинно, как ни бери дела, а выходит все одно. Ветхий Завет дает и неустанно твердит обетования о будущем господстве над миром. Кому? — *иудеям*. А Новый? — Он отнюдь не говорит нам, христианам,

владыкам мира сего. И вот, понимая, что слабость христиан прямо пропорциональна их маловерию, евреи употребляют все усилия, чтобы расшатать и доконать эту веру. *Приписка автора письма.*

¹ Тут, истолковывая, автор переходит через край: апостолу Павлу и *надлежало* оставаться "Савлом", раз все "сродники по плоти спасутся" и, след., "спасется он с ними". Но он поискал "*иного спасения*" — у Христа. Если на двух кораблях я равно приплыву в Нью-Йорк, то для чего я буду сходить с одного корабля и всходить на другой? А ап. Павел *оставил иудейство*, и Христос *позвал его оставить иудейство*. Пламенные и все-таки земные, "от плоти", слова ап. Павла, без той оговорки, которую иногда он делает: "Это *не я* вам говорю, а *Бог* через меня вам говорит", — суть выражение пламенное и благороднейшее любви его к народу. Но это поистине есть продолжение слов Господних: "О, сколько раз *хотел я собрать вас под крылья*", которые, однако, перешли в другое: "Но вы *не захотели*, — и потому дом ваш оставляется вам *пуст*". Ни "телесно" и "никак" не спасется Израиль, а перейдет в банкиров, с надеждой, что, может быть, в доме Ротшильда или еще от брака дочери Ротшильда "с принцессой похуже" родится их Мешеах: "у, такой большой" и "у, такой богатый", что к нему под власть золота и интеллигентности сбегутся все народы. Нет, — "Грузенберг" не ничто; "Грузенберг" именно "пророчество" о всей пустоте будущности Израиля. *В. Р-в.*

Р. S. Нет, Василий Васильевич, вы тут упрощаете все. И в словах апостола языков есть какая-то, нам сейчас непостижимая, тайна, — острая, но для христианина сладостная. Да и евреи думают про себя не так плоско, как вы это приписываете им на основании тех пошлостей и "клиптотов", которые они подносят в виде приманки опозитивевшим христианам. *Приписка авт. письма.*

² А Христос? А наши праведники и отшельники? А наши Серафим Саровский и Сергей Радонежский? *Примечание В. Р-ва.*

³ Был. *Примечание В. Р-ва.*

что *это* господство переходит теперь к нам, христианам, а лишь зовет *терпеливо нести свой крест* и обещает за это спасение. Один Завет противоречит другому, — но не потому, что оба говорят одно, а потому именно, что оба говорят *разное*, и разное это обращено к *разным* лицам. И это глубокое и коренное расхождение обоих Заветов, примиримое при высоком парении духовного созерцания, как это было у апостола Павла, нестерпимо режет и жжет наше бескрылое и дряблое сознание.

Ω

”Эхад”

Тринадцать ран Ющинского

Медицинская и психологическая экспертиза колотых ран, нанесенных Ющинскому в область правого виска, не могли дать ощутительных результатов.

Существенный в этом случае вопрос — *есть* ли основания предполагать, что наносивший *эти* удары действовал систематически и по определенному плану, — остался открытым.

Между тем разрешение настоящего вопроса в положительном смысле явилось бы, в сущности, установлением факта, что налицо имеется доказательство существования убийств не с одной только целью лишения жизни.

В связи с данными другого порядка, непосредственно связанными с убийством Ющинского, наличие в этом случае нанесения смертельных ударов для неизвестной цели — могла бы дать определенную картину так называемого ритуального убийства.

Экспертиза имела в виду *все* ранения на теле убитого. Именно в этом смысле показания профессора Косоротова свелись к тому, что характер ранений, по его мнению, указывает на определенную систематичность действий убийц.

С другой стороны, экспертиза богословская обращает особенное внимание на 13 уколов в области виска, усматривая в наличности этого числа ран несомненные признаки ритуала.

Таким образом, создается некоторое разногласие, сущность которого в том, что эксперты медицины — видят систематичность в нанесении *всех* ран, тогда как ксендз Пранайтис отмечает систему *только в 13 ранах* на виске, не придавая особенно глубокого значения другим ранениям.

Оценка обеих экспертиз по отношению к данному случаю должна привести к заключению, что богословскому исследованию следует уделить достойное место, так как настоящее убийство, по многим основаниям, принимается за ритуальное.

Тринадцать ран в области правого виска убитого, по мнению эксперта ксендза Пранайтиса, стоят в несомненной связи с текстом книги *Зогар* (ч. II, 119 а), трактующего об убийстве ”двенадцатью испытаниями ножа и ножом”, что составляет тринадцать.

Эта связь, попытку установления которой делает эксперт, должна подтверждаться некоторыми внутренними звеньями.

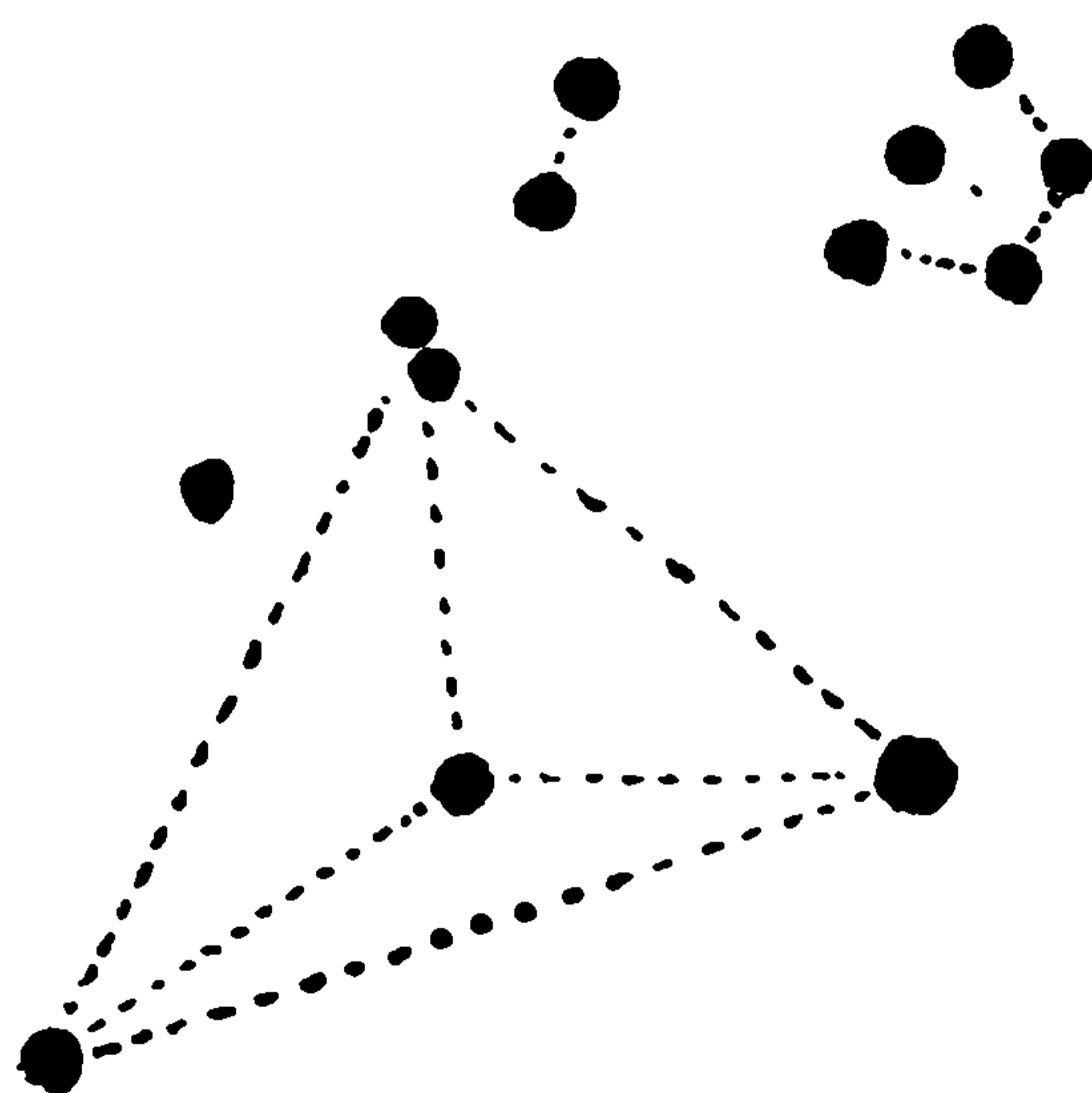
С точки зрения специалиста по изучению каббалы, как это будет указано ниже, такое внутреннее соотношение между ранениями и текстом книги Зогар, — не может подлежать сомнению. Но, тонкий знаток фактического материала, заключенного в еврейских священных книгах, ксендз Пранайтис решает вопрос об этой связи текста с убийством путем интуитивного восприятия. Та весьма существенная нить, которая соединяет оба факта, выходит за пределы компетенции почтенного эксперта, так как это область чистой, практической каббалы, даже основные положения которой могут быть не известны лицу, хорошо знакомому с еврейским священным писанием.

Если ритуальные убийства фактически существуют, то они должны трактоваться как ряд каббалистических операций над предназначенным к тому субъектом, операций, направленных к определенной цели и имеющих как исходным, так и конечным пунктом — данные каббалы.

Целью настоящего очерка является установить ту связь между 13 ранами и текстом книги Зогар, которая является как бы рецептом, с одной стороны, и практическим выполнением мистического текста — с другой.

Несомненный документ, начертанный рядом уколов на виске убитого, уже при внимательном изучении его устанавливает тот факт, что при нанесении этих 13 ран проводилась определенная система.

Все уколы, имеющиеся налицо, могут быть расположены в виде самостоятельных групп, в нижеследующем порядке:

В этих группах обращают на себя внимание главным образом две: верхняя с правой стороны и нижняя, в которой раны помещены по углам и в центре равнобедренного (почти) треугольника.

Верхняя группа заслуживает специального рассмотрения. Она образует собою положенную на бок трапецию, составленную из пяти уколов.

Правильность верхних трех ран этой группы при медицинском осмотре дала повод предположить, что раны нанесены одним ударом *трезубца*.

Оставляя, пока, в стороне это предположение, как не имеющее за собою достаточно доказательных данных, следует обратить внимание на общую форму этой группы ран.

Для суждения об истинном значении ее как каббала, так равно и еврейский алфавит дает богатый материал. В еврейском алфавите имеется литера

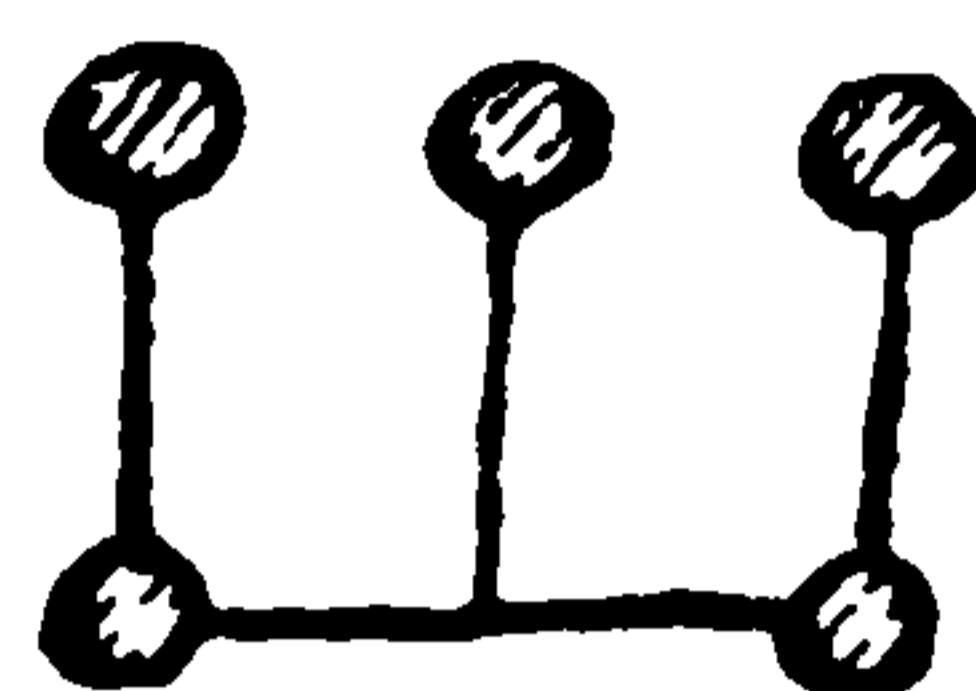
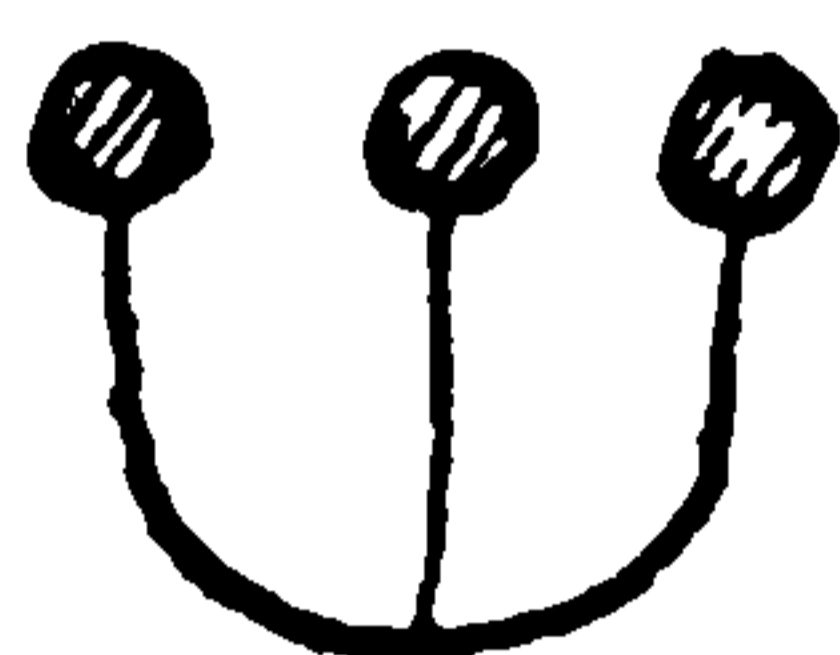

Шин

сама по себе аналогичная с исследуемой группой ранения и вполне совпадающая с последней, если литера эта будет взята из общеупотребительной у каббалистов азбуки, служащей для тайнописи (criptographia).

Эта "тайная" азбука варьировалась различным образом на протяжении многих веков, но главные варианты — между прочим, в твердо установленном так называемом "небесном письме" (Scriptura Coelestis)¹.

Scriptura Coelestis дает два варианта литеры Шин:

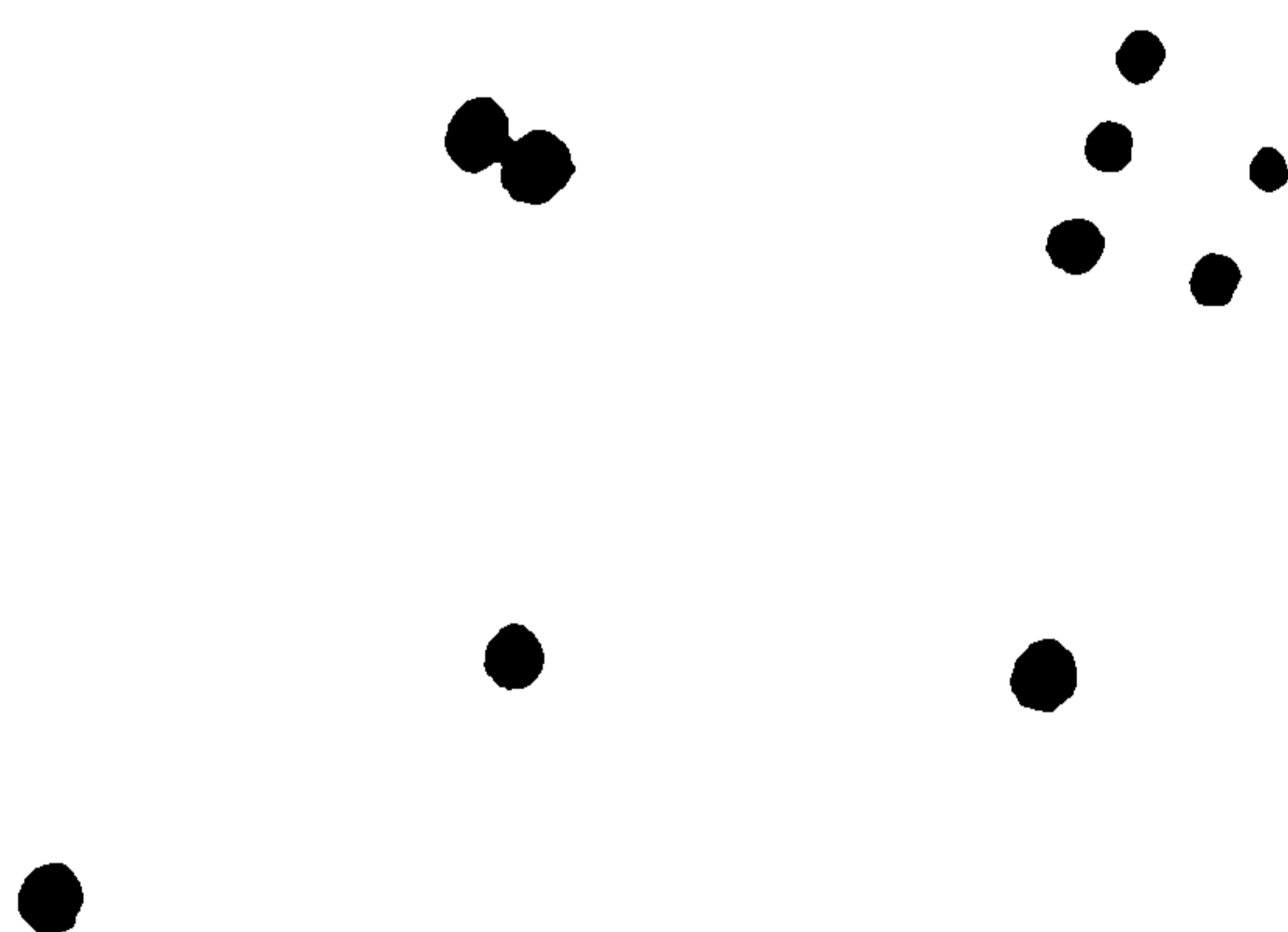

Оба эти варианта, в особенности второй, — аналогичны имеющейся на правом виске убитого группе уколов.

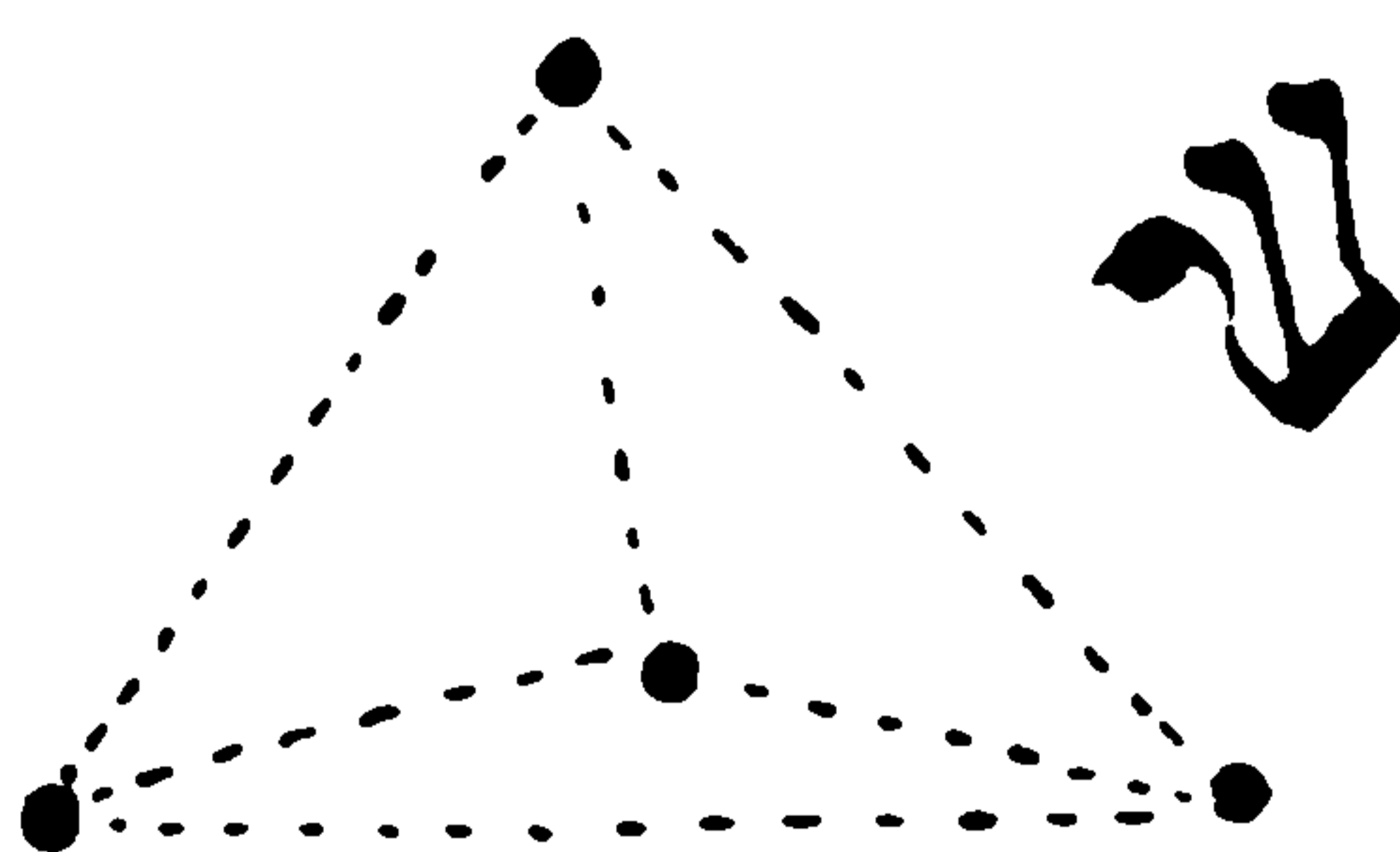
На основании этих, пока еще незначительных, данных можно высказать предположение в том смысле, что исследуемая группа ран должна читаться как литера

Изучая соотношение между настоящей группой и другой, образующей равнобедренный (почти) треугольник, следует отметить, что взаимное расположение их определяется нижеследующим чертежом:

т. е. схематически:

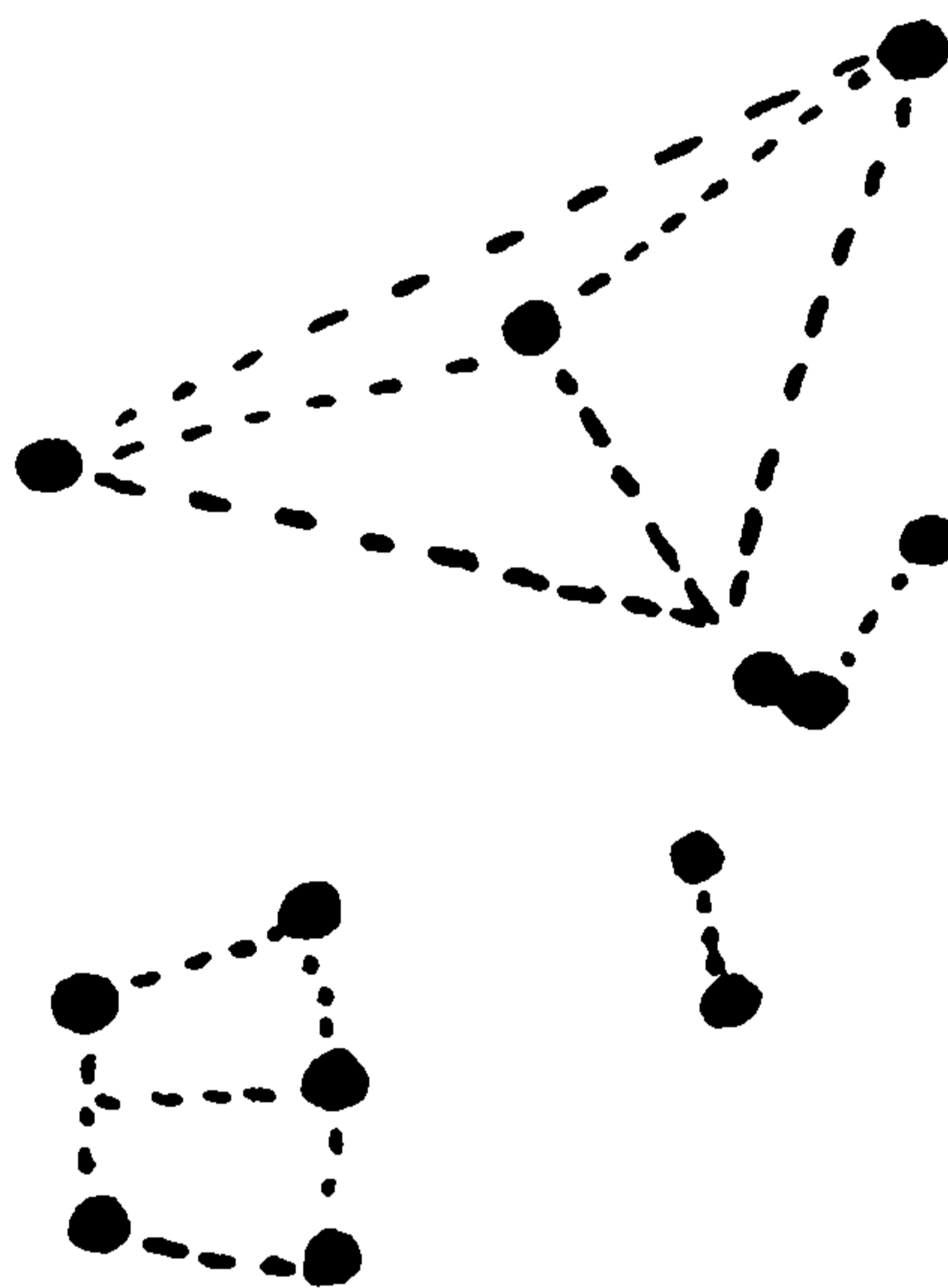
¹ *Agrippa. De philosophia Occulta. Leyden, 1531. Также Леман. Засим Rafil (популярная среди каббалистов книга. Редчайшее издание).*

До настоящего момента исследование ранений велось при горизонтальном положении трупа (см. фотографию).

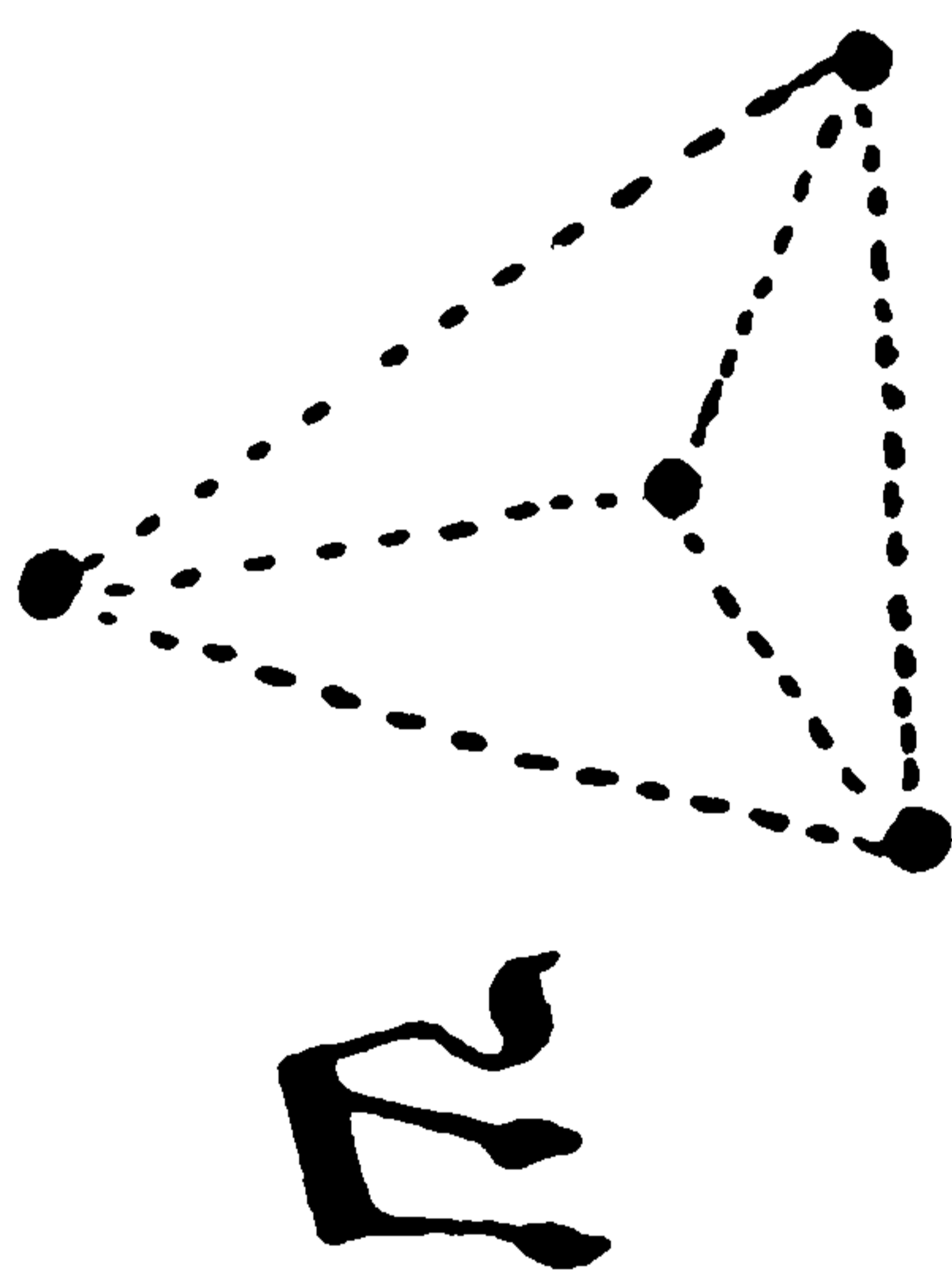
Данные медицинской экспертизы установили с несомненной точностью, что нанесение ран происходило на поверхности тела *стоящего*, слегка наклоненного влево, человека.

Засим, удары в висок производились при полубессознательном состоянии жертвы, когда голова свисает на грудь.

Таким образом, положение *всей* группы ран на виске в момент их нанесения было таково:

Сообразно с этим и приведенный выше схематический чертеж ранений оказывается в ином положении

На этом пункте исследование ранений необходимо прервать, чтобы установить приблизительное понятие о тех элементах каббалы, которые послужат материалом для дальнейшей работы.

Каббала как синтез нескольких доктрин, отвлеченных по своему существу, но глубоко интересовавших ушедших в изучение явлений видимого и невидимого мира ученых древности, в течение неопределенно долгого периода времени была в тесном смысле слова "каббалой", т. е. "преданием".

Только попытки сохранить в чистоте и неприкосновенности это тайное учение и мечты о применении на практике некоторых из положений привели к тому, что некоторыми авторами был предпринят труд зафиксировать устное предание в виде стройных трактатов.

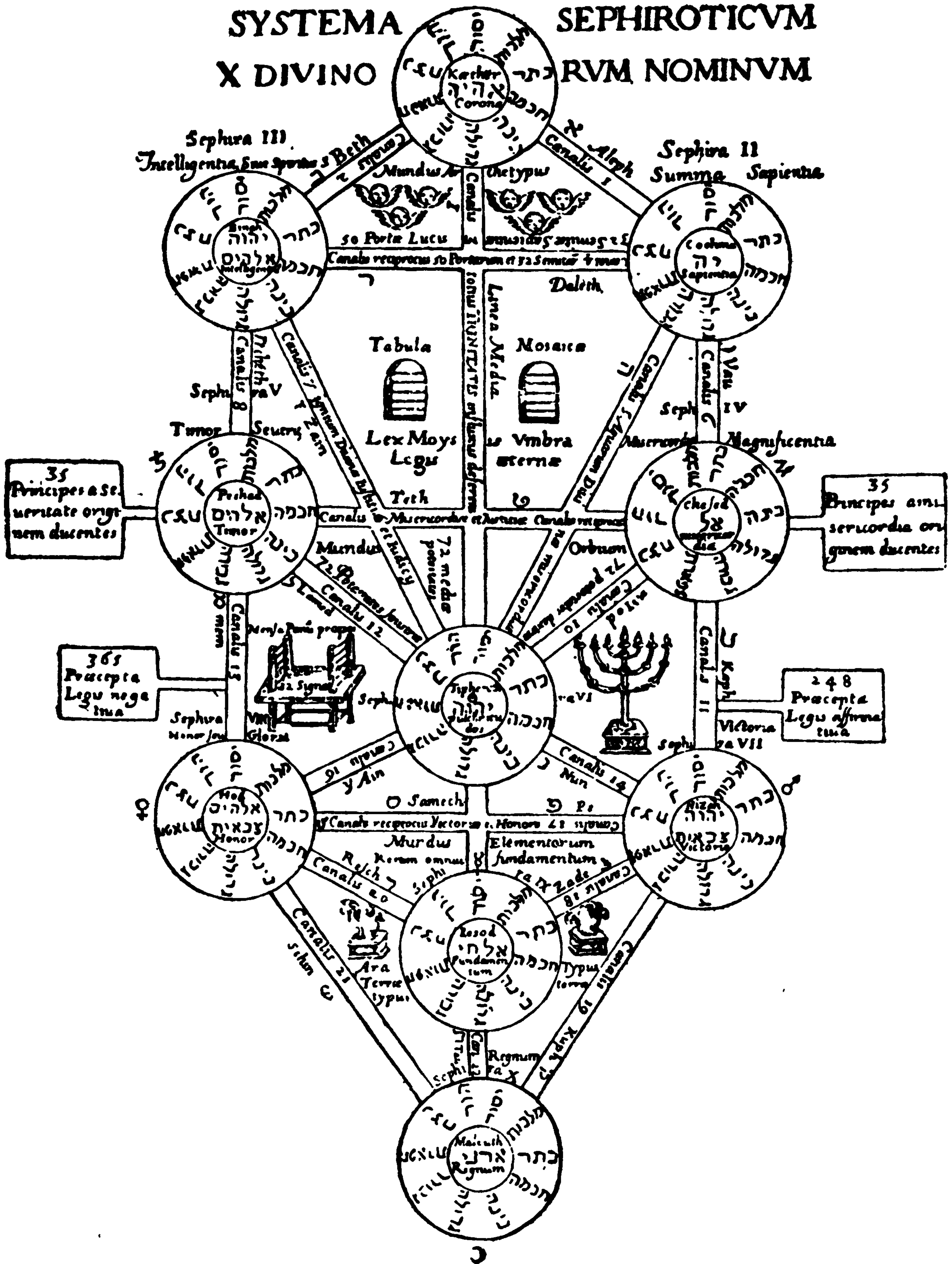
Так были составлены "Сефер Иецира" ("Книга о творении") и "Зехер" или "Зогар" ("Сияние", "Блеск").

אין סוף

HORIZON AETERNITATIS

Sephora Prima
Summa Corona

SYSTEMA SEPHIROTICVM
X DIVINO RVM NOMINVM

Облечение частей устного предания в форму письменную повлекло за собою, попутно, комментарии и сводку некоторых материалов, ради наглядности изложенных в виде каббалистических таблиц, построенных на общеупотребительном в области тайных наук принципе аналогии.

Таким образом, была составлена таблица 10 сефиротов и таблица четвертого соотношения элементов — характерные плоды отвлеченного и чрезвычайно тенденциозного по существу каббалистического мышления.

В круг настоящего исследования не входит детальное рассмотрение этих каббалистических таблиц, поэтому следует ограничиться только общим указанием на их смысл и характер.

Таблица десяти сефиротов служила каббалистам для изучения высшего сокровенного существа, нареченного и указанного Моисеем, по начертанию существ сотворенных.

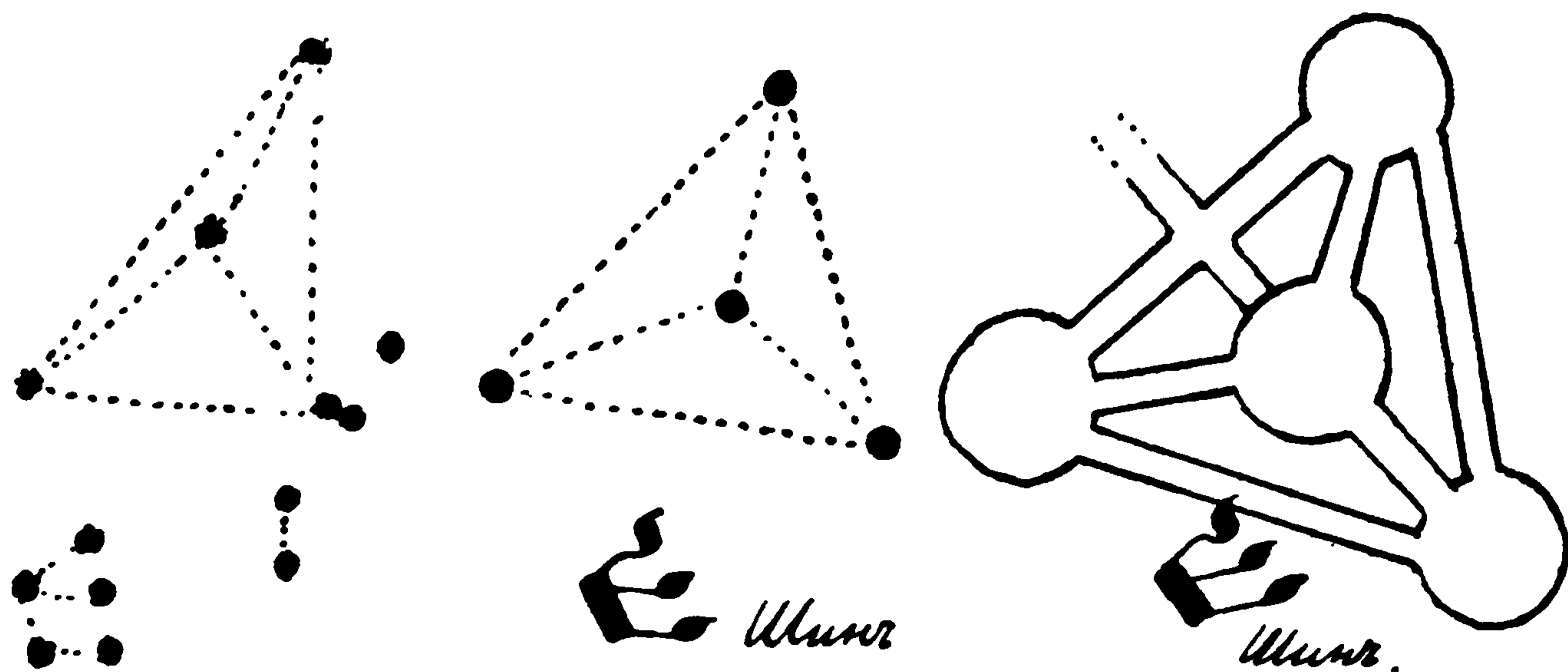
Она служила графическим изображением мира в широком смысле слова, где десять сефиротов¹ играли существенную роль, нося каждый одно из характерных имен Божиих (Шемот)².

Эти десять деятелей мира во взаимной их созидательной работе располагались (см. приложенный рисунок) каббалистами следующим образом:

Сообразно мировому порядку и таблица сефиротов делилась на три главных отдела: *Мир высший* (Sephira Prima), *Средний* (Mundus Archetypus) и *Низший* (Mundus Elementorum, rerum omnium fundamentum).

Низший мир таблицы образован *четырьмя кругами* (Sephira), соединенными каналами, из коих каждый охарактеризован буквой еврейского алфавита (см. рис. на стр. 374).

Сравнение чертежа низшего мира с схематическим чертежом группы ранений на правом виске Ющинского дает следующий ряд аналогий:

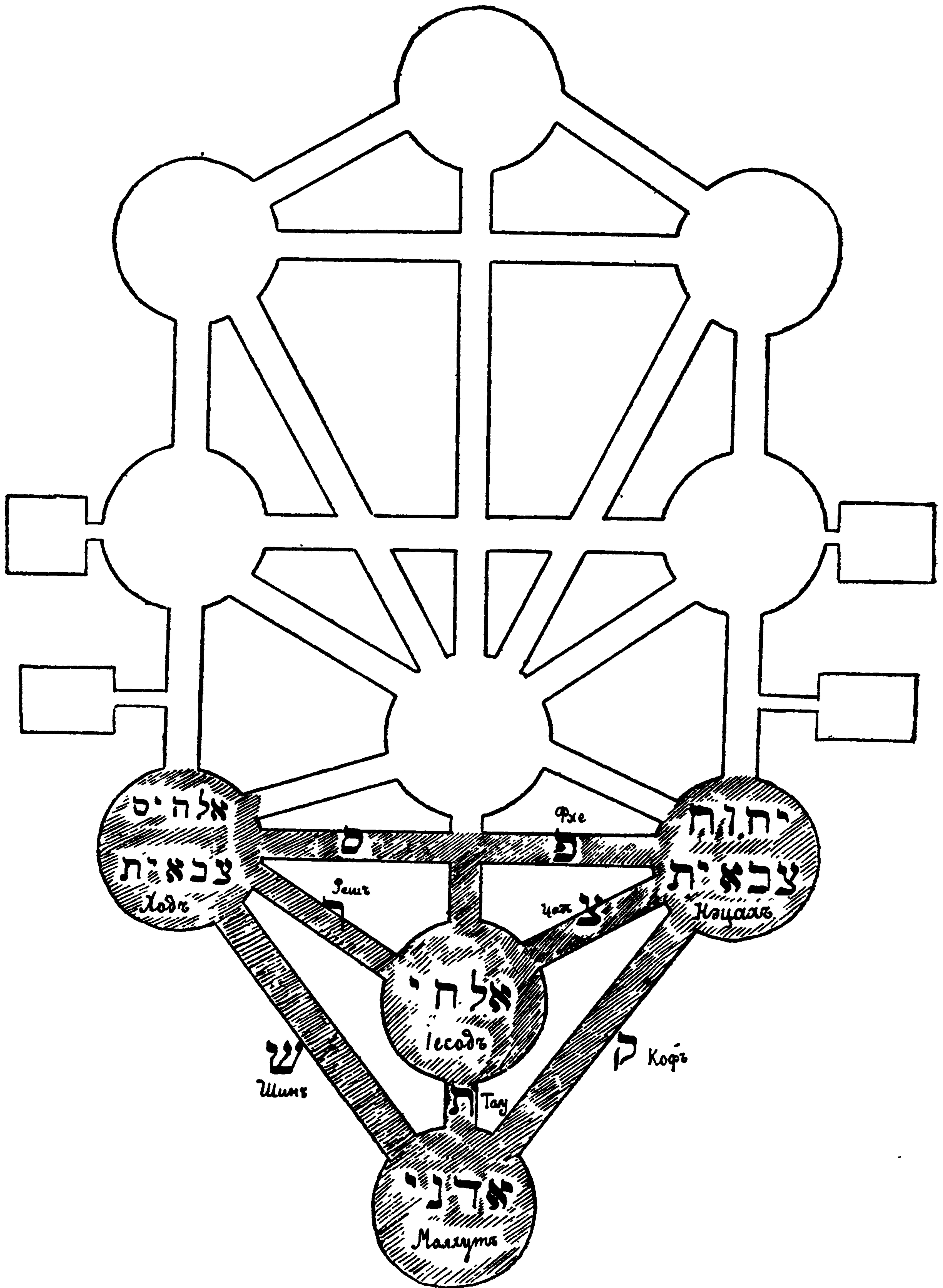
Группа ранений

Схема ранений

Низший мир таблицы сефиротов

¹ По объяснению каббалиста *Иегуда Галеви*, слово "сефор", "сефир" — значит "счет", "мера" и "вес" всех вещей мира.

² Sepher Iezirach. Mantoua. 1562.

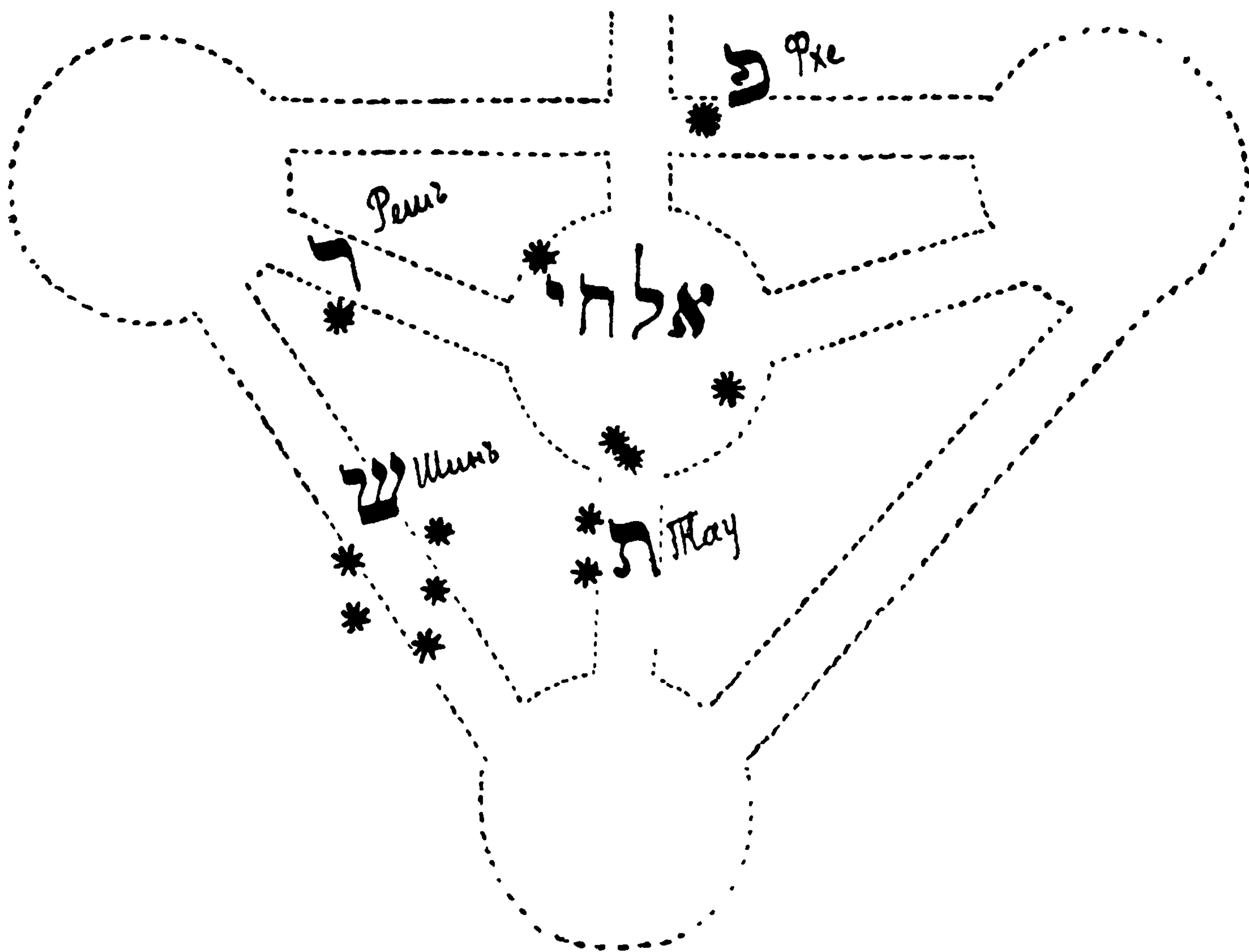

Аналогии эти, при наличии во всех трех случаях треугольников, образованных четырьмя точками, и литеры *Шин* — дают повод к заключению о их тождестве.

Но, помимо треугольника, в группе ранений имеются налицо четыре укола, выходящие за пределы двух главных групп.

Предположению о случайности этих последних, ввиду выведенного тождества, не должно быть места. Точно так же определенная плановость видна и в уколах, не входящих ни в состав треугольника, ни в состав литеры *Шин*.

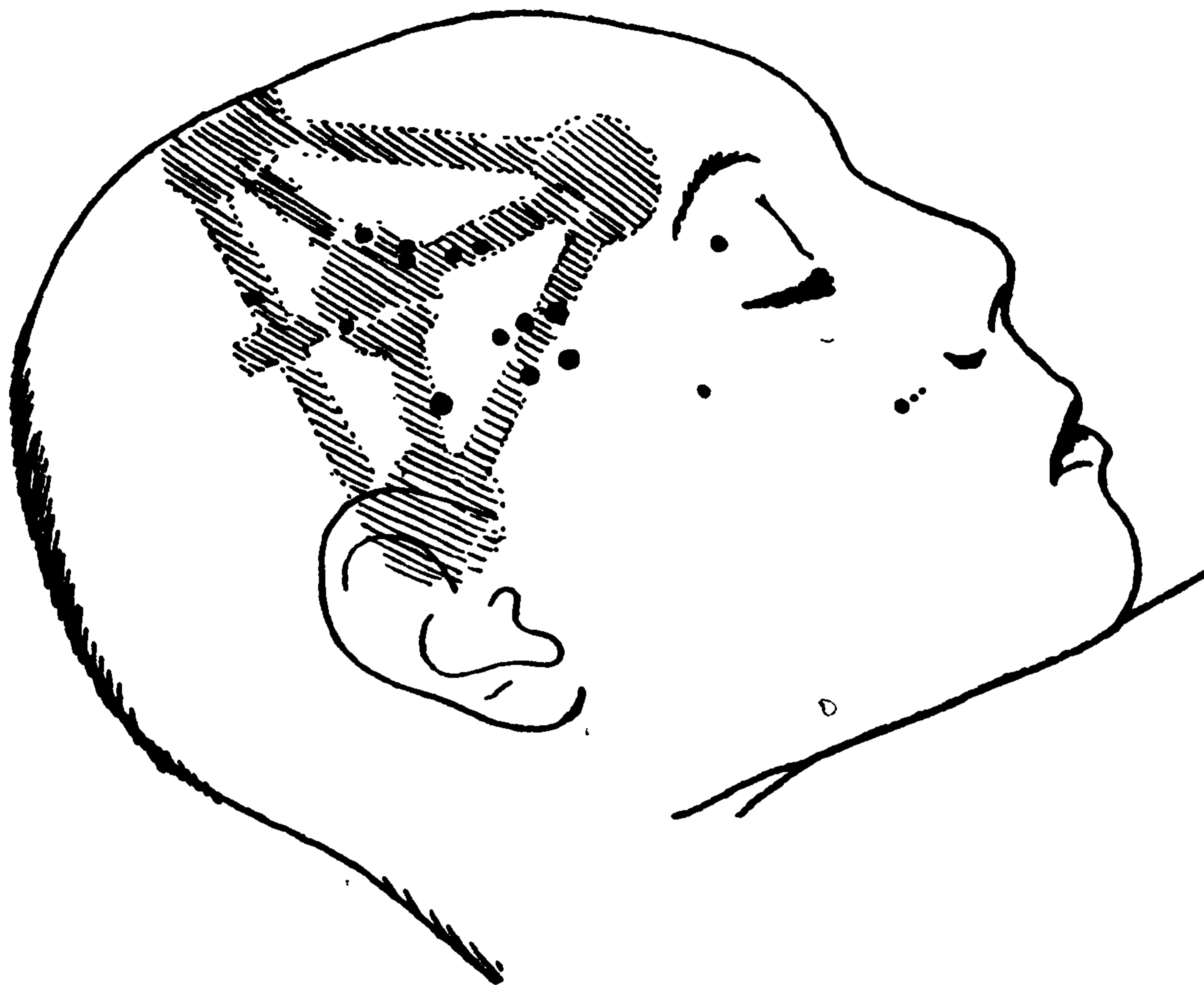
Подтверждение этого вывода становится особенно ощутительным при наложении группы ранений на рисунок низшего мира Таблицы сефиротов:

Результаты такого наложения выражаются в следующем:

- 1) В совпадении *всех* ранений с частями таблицы сефиротов;
- 2) В совмещении группы *Шин* с литерой того же наименования в таблице;
- 3) В возможности определить *буквенное* значение как отдельных групп ран, так и независимых от них уколов на правом виске убитого
- и 4) В доказательстве исходного положения, что группа из пяти уколов является воспроизведением литеры *Шин*.

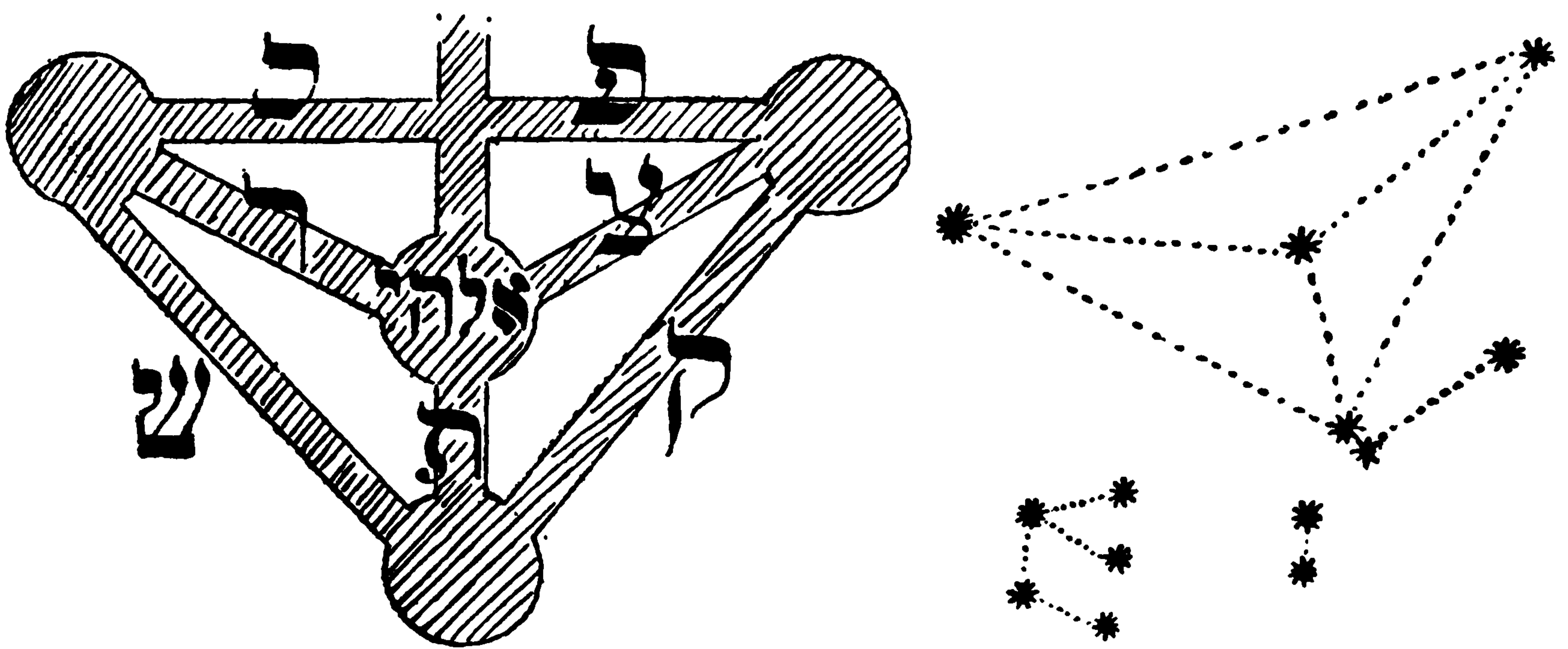
Этот момент исследования мог бы считаться конечным. Приведенные данные уже дают основание полагать, что загадочные уколы в области правого виска Ющинского являются отнюдь не случайными, нанесенными второпях.

В них ясно видна планомерность, поскольку они воспроизводят элементы низшего мира каббалы. Засим, именно в силу последнего обстоятельства, с точки зрения каббалиста, уколы эти должны трактоваться как *магическая буквенная формула*.

Наконец, как и всякая *формула*, по общему всем тайным наукам правилу, твердо установленному и имеющему не относящиеся к предмету настоящего исследования основания, — эта формула начертана на "*девственно чистом пергаменте*" (*vierge*)¹. Таким в истинном смысле "*девственным пергаментом*" послужила чистая кожа виска тринадцатилетнего мальчика.

Но уже то обстоятельство, что в данном случае имеется налицо *буквенная формула*, — обязывает продолжить дальнейшую разработку материала, которая должна заключаться в расшифровании каббалистической записи и уяснении настоящего ее смысла.

¹ Об этом "*пергаменте*" см., напр., у *Grand et Petit Albert*. Засим, все прочие трактаты по практической магии.

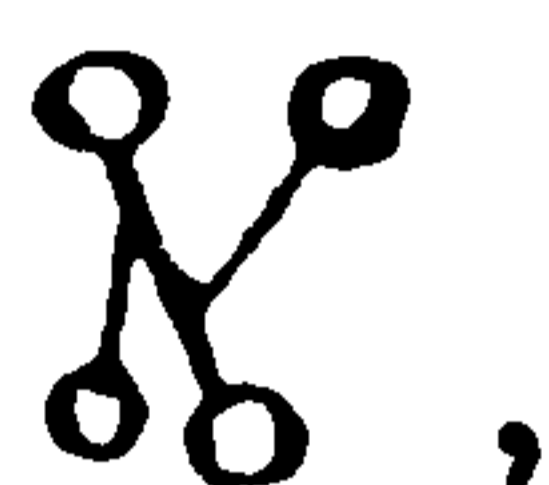
Сопоставление отдельных уколов с литерами, имеющимися в чертеже низшего мира сефиротов, дает нижеследующие результаты:

1) Левая нижняя группа — литера *Шин*

2) Верхняя левая рана — литера *Реш*

3) Центральная группа из четырех ран — литера *Алеф* ,

(Вышеупомянутая Scriptura Coelestis каббалистов дает начертание Алеф:

тогда как центральная группа ранений расположена таким образом:

Наконец, каббалистический принцип слова (шемот)

 —А-ло-х-и, Элои —

заключается в начальной его букве алеф ,

а слово это находится в центре чертежа низшего мира сефиротов и совпадает с центральной группой ран).

4) Группа из двух уколов, вправо от *Шин* — литера *Тау* — ,

5) Верхняя правая рана — литера *Фхе* .

Сообразно с сим, каббалистическая формула на правом виске убитого получает такое начертание:

Приступая к расшифрованию формулы, следует сделать несколько замечаний о литерах еврейского алфавита.

Число их 22. По характеру начертаний каббала делит их на три разряда: литеры *Матери*, *Двойные* и *Простые*. Низший мир таблицы сефиротов, по каббале, должен содержать выведенные уже настоящим исследованием буквы.

По мнению каббалистов, такое участие литер в великой мировой деятельности сефиротов придает этим знакам алфавита характер разумных существ.

Если таблица сефиротов представляет графическое изображение закона жизни всей вселенной, то буквы, входящие в состав этой таблицы, посредством сочетаний творят несметное число новых законов, управляющих изливаниями высшей силы в подразделениях всех трех миров.

Каббала снабдила еврейский алфавит особым тайным значением, которое излагается в нижеследующей таблице¹:

א	Человѣкъ	Алефъ	כ	Рука разжатая	Ламедъ
ב	Ротъ человѣка	Бетъ	ד	Женщина	Мемъ
ג	Берущая рука	Гимель	ה	Плодъ	Нунъ
ד	Грудь	Далетъ	ו	Знѣя	Самехъ
ה	Дыханіе	Гхе	ז	Матеріальная связь	Айнъ
ו	Глазъ, ухо	Вау	ח	Ротъ, голосъ, рѣчь.	Фхе
ז	Стрѣла	Зайнъ	ט	Крыша	Цадъ
ח	Поле	Хетъ	י	Топоръ	Кофъ
ט	Кровля	Тетъ	כ	Голова человѣка	Решъ
י	Указательный палецъ	Юдъ	ל	Стрѣла	Шинъ
יא	Рука скатая	Нафъ	מ	Грудь	Тау

Для удобства чтения приведенную выше формулу можно расположить строкой, причем порядок букв не имеет значения.

Центральная буква формулы *Алеф* начнет собою эту строку. За ней последует *Фхе*, *Реш*, *Тау*, окружающие *Алеф* треугольником, — и, наконец, *Шин*.

ש ת ר פ א

Тайное значение первой буквы *Алеф* — это понятие "человек". Этим, однако, не ограничивается ряд символов, связанных с этою буквою.

¹ Смотри разные трактаты по каббале.

Обозначая цифру 1, *Алеф* открывал собою *счет* чисел и, сообразно с этим, *счет времени*.

Тесно связанная с каббалой и являющаяся отдельной отраслью последней, еврейская астрология оперировала с буквой *Алеф* как с *первым знаком зодиака*.

Зодиак евреев, как и вообще древних народов Востока, начинался знаком Тельца. Новый год знаменовался вступлением Солнца в это созвездие.

Астрологическое имя *Тельца*

שֵׁר יְהוָה

Schör-Iehovach, т. е. *Телец Иеговы*, сокращенно обозначалось иероглифом *Алеф*¹

Следующая за сим буква *Фхе* по таблице тайного значения алфавита обозначает *рот, голос*.

Буква *Реш* — *голова человека*, *Тау* — его *грудь*.

Наконец, буква *Шин*, по таблице — *стрела*, заслуживает особого внимания.

Это литера-мать, главенствующая в низшем мире таблицы сефиротов. По существу своему она обозначает формирующего низший, физический мир деятеля.

Как таковая, она и является иероглифом или символом материального, вещественного мира.

Каббалистическое определение внутренней сущности христианства сводится к следующему:

Великое имя Божие (тетраграмматон) состоит, по мнению каббалистов, из четырех начал:

Иод — — начало активное,

Хе — — начало пассивное,

Вау — — звено, связующее оба начала,

Хе — — повторение, вечное творчество.

Звуковое произношение этого слова — Iehovach.

Сущность христианства, как утверждают каббалисты, заключается в помещении материального начала в имя Iehovach:

יְהוֹשֵׁה

¹ Смотри разные трактаты по астрологии.

что знаменует собою *смешение высшего и низшего миров* и читается как Ieho-schu-wah (Иегошуа) "Иисус".

Таким образом, литера эта говорит каббалистическим языком о христианстве¹.

Засим, тайное значение *Шин* — *стрела* — может пониматься как *оружие* или *орудие* вообще.

Магическое изображение бога низшего мира, Люцифера, дважды повторяет букву *Шин*: это трехязычное пламя между рогов его и орудие в виде *трезубца*.

* * *

Чтение буквенной формулы при наличности имеющихся каббалистических данных должно быть таково:

Алеф—Фхе—Реш—Тау—Шин, т. е. "человек — телец — голос — голова — грудь — стрела".

Эта фраза на виске убитого может иметь одно только значение своеобразного "sipienti sat", — значение указательное в том смысле, что "человек был убит ударами в голову и грудь, как жертвенный телец Иеговы".

По данным медицинской экспертизы, такие удары в голову и грудь имеются налицо.

В только что приведенную фразу не вошел перевод буквы *Фхе*. Значение этой буквы как *голос* имеет загадочное отношение к фразе: обозначает ли оно, что убиваемый должен кричать?

Таблица тайного значения еврейских букв дает еще одно значение знака *Фхе*, это — *рот, язык человека*.

Подставление этого значения в перевод фразы дает такой результат: "Человек — телец (рот его, голос, речь) убит ударами в голову и грудь".

Не поддающаяся объяснению роль понятия "рот" в приведенном дешифранте каббалистической формулы становится ясной при сопоставлении полученной фразы с текстом книги Зогар:

Ч. II, стр. 119 а: "И смерть их пусть будет при замкнутом рте, как смерть животного, умирающего без голоса и речи... подобно животному, зарезанному двенадцатью исследованиями ножа и ножом, что составляет тринадцать"².

Элементы и смысл каббалистической формулы, записанной на правом виске убитого, оказываются аналогичными с содержанием приведенного текста книги Зогар. Упоминаемые в этом тексте тринадцать ран — также имеются налицо.

* * *

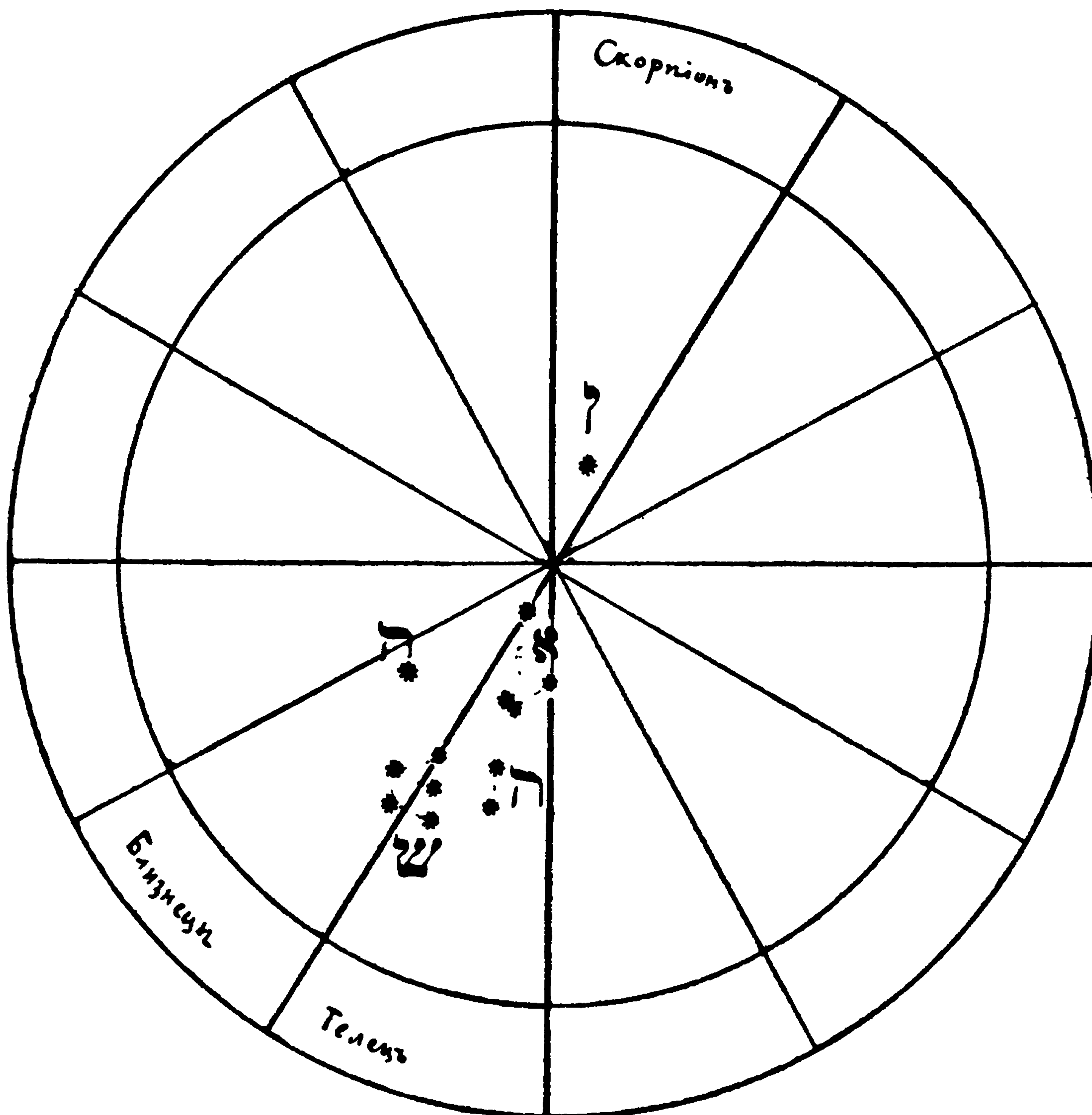
Эти данные еще не исчерпывают того богатого материала, который дает каббала применительно к данному случаю.

¹ Наблюдение, отмеченное в книгах по магии и по так наз. "окультным наукам".

² Перевод И. Ю. Маркона.

Выше указано было астрологическое значение буквы *Алеф* — это зодиакальный *Телец*.

Нанесение схемы ранений на астрологический чертеж двенадцати знаков зодиака дает такую картину:

Чертеж показывает, что буква *Алеф* (телец) находится в знаке *Тельца* — ”шор Иеговах”

שִׁיר יְהוָה .

В астрологической ”оппозиции” к нему расположен знак *Скорпиона* — по-еврейски ”пикве-талон” — ”орудие гибели”.

Астрологически это значит, что ”телец уже обречен на смерть”. В знаке *Скорпиона* находится одна из ран. По таблице каббалистического

четвертого соотношения элементов это литера *Vau* (א),

которая в этой же таблице обозначает собою кровь.

Таким же путем, при посредстве каббалистической таблицы определяется и значение остальных ран: это литера , обозначающая *тело* и посвященная демону Азазель, литера *Шин* — *орудие*.

Чтение этой новой формулы, в данном случае астрологического гороскопа, таково:

”Обреченный в жертву человек — телец, кровь его пролита, тело — достояние Азазела”.

Эта фраза опять-таки находится в соответствии с текстом книги *Зогар*. (*Миндаш-Мелех* к стр. 32 а. *Зогар*): *”Козел, которого посылали в день очищения Азазелю, — доказательство того, что мы должны сживать со света иноплеменников”* (клиптот).

Наконец, как приведенная выше, так и эта последняя формулы представляют собою записи, трактующие о принесении в жертву тельца, под видом человека, а астрологический момент, связанный с первым весенним знаком зодиака, — говорит довольно точно о времени года, в котором жертвоприношение это имело место.

Оба чтения, таким образом, в глубине своей имеют основание на следующем тексте Библии:

”Месяц сей (Нисан) да будет у вас началом месяцев. Первым да будет он у вас между месяцами года. В десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам.

Агнец должен быть без порока, мужского пола, однолетний, возьмите его от овец или от коз.

И пусть хранится он у вас до 14-го дня сего месяца. Тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером.

И пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах...”

* * *

Материалом для настоящего краткого исследования ранений на правом виске Ющинского с точки зрения каббалистики послужили следующие документы:

- 1) Фотографический снимок головы убитого;
- 2) Таблица десяти сефиротов;
- 3) Таблица четвертого соотношения элементов;
- 4) Тексты книги *Зехер* (*Зогар*) в переводах ксендза Пранайтиса и гебраиста Маркона.

Все перечисленные документы не могут быть признаны односторонними. Фотографический снимок запечатлел голый факт. Таблицы, составленные еврейскими каббалистами, можно заподозрить скорее в тенденциозно благожелательном отношении к еврейству, чем к противникам допущения факта ритуальных убийств.

Наконец, перевод текста книги *Зехер* (*Зогар*) Марконом исключает всякое предположение о намеренном искажении в пользу обвинения евреев.

Между тем именно эти чисто еврейские документы дали возможность построить мост между текстом *Зогар* и *тринадцатью уколами на голове Ющинского*.

Построчное сопоставление переводов Пранайтиса и Маркона (см. ниже) приводит к любопытным заключениям:

Перевод Маркона не мог отвергнуть факта существования в книге Зогар нескольких строк, трактующих о человеческом убийстве по определенной системе.

Вопрос о крови не столь существен. Все изложенное выше имело своей целью констатировать только факт жертвенного убийства и употребление крови — побочное явление, существование или отсутствие которого ни в какой мере не влияет на главный факт религиозного убийства.

Перевод ксендза Пранайтиса

В книге Зогар, ч. II, стр. 119 а, написано:

”И смерть их (аммэ-гаарец — не-евреев) пусть будет при заткнутом рте, как у животного, которое умирает без голоса и речи. В молитве же так он (резник) должен говорить: ”Нет у меня уст, чтобы отвечать, и нет чела, чтобы поднять голову”. И он творит благодарственную молитву и дает обет Святому, да будет Он благословен, что ежедневно должно быть его убиение во Эхаде, как при убиении скота, — двенадцатью испытаниями ножа и ножом, что составляет тринадцать (именно столько составляют числовые значения букв слова Эхад: Алеф — 1, Хет — 8, Далет — 4, а всего — 13); и он прославляет Святого Благословенного в каждый день и при каждой еде и каждом питье, как прославляет священник, когда дух (человека) хвалит Святого Благословенного ежедневно, и славит Его Имя, и соединяет Его с Его Единою, которая есть Его Шехина. (Тогда) Святой Благословенный нисходит на этот дух со многими сонмами. Илия воистину говорит: тот человек, который прославляет, и святит, и соединяет (Бога) с (Его) Матронитой, с ним восходят многие сонмы Матрониты, и многие сонмы Царя нисходят к нему, и все вместе, чтобы охранить его и дать этому духу познать много нового и будущего в пророческих снах и много тайн, как Иакову, о котором сказано (Бытие, XXVIII, 12): ”И вот агелы Божии восходят и нисходят по ней”.

Перевод И. Ю. Маркона

Зогар (часть II, стр. 119 а):

”...Нечестивцы суть те, которые не отмечены знаками чистоты; это те, которые не носят на голове и на руке филактерий, и те, которые не проявляют себя изучением закона и добрыми делами, и те, которые не соблюдают субботы и не носят цицис (т. е. кистей видения), с соблюдением белых и голубых нитей. Те, которые не имеют этих (вышеозначенных) отличий (знаков), суть мерзость для вас, это — не израильтяне,

а аммэ-гаарец (т. е. невежды). Подобно тому как они (аммэ-гаарец — еврей-невежды) суть нечисть, пресмыкающееся животное, как учат нас законоучители Мишны: "Аммэ-гаарец (т. е. еврей-невежды) суть нечисть, и жены их нечисть, а относительно их дочерей может быть применен стих (Второзаконие, XXVII, 21): "Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом". *И смерть их (т. е. аммэ-гаарец) будет явная, а не скрытая*, а под смертью подразумевается не буквально смерть, а бедность; их смерть-бедность не будет тайной, подобно смерти птиц, являющихся подобием (символом) соблюдающих заповеди (благочестивых), а открытой, пред народом, так как бедняк подобен мертвецу. Ибо есть бедность тайная, неведомая людям (окружающим), и есть бедность видная всем (на глазах у всех). *Подобно тому что кровь рогатого скота, которая льется на глазах всех, так бывают бедняки, у которых кровь льется из лица пред всеми, и (лица их) становятся зелеными (желтыми), как у мертвецов. Но если они раскаиваются и не открывают своих уст, чтобы произносить дерзости против Всевышнего, то смерть (бедность), их с закрытым ртом, как смерть животного, умирающего без возгласа и речи, а в исповеди (раскаивающийся) должен так говорить: "Нет у меня уст отвечать, и нет чела, чтобы поднять голову". И он исповедуется и славит Единство (Бога) Святого, да будет Он благословен, моля Его ежедневно о смерти в Эхаде (т. е. смерти с провозглашением Единства Бога), подобно животному, зарезанному при двенадцати исследованиях ножа и ножом, что составляет тринадцать (т. е. числовое значение букв слова Эхад: Алеф — 1, Хет — 8, Далет — 4, всего — 13) — Эхад; и он благословляет и прославляет имя Святого, да будет Он благословен в каждый день в молитве благословения "Бареху" и молитве святительства "Кедуша", при каждой еде и каждом питье его, подобно тому как благословляет священник: "Благословен Ты" — вот молитва благословения, "Который нас освятил" — вот молитва святительства. Когда дух прославляет (Господа) Святого, да будет Он благословен, каждый день в (молитве) "Барух" и святит Его в (молитве) "Кедуша", и прославляет единство Его с Его Шехиной, тогда Святой, да будет Он благословен, нисходит на этот дух многими сонмами. Илия (говорит): воистину, когда человек благословляет, святит и славит Единство (Бога) с Матронитой, с ним восходят многие сонмы Матрониты, и многие сонмы Царя нисходят к нему, и все, чтобы охранять его и сообщать ему (этому духу) много нового и будущего в пророческих снах и много тайн, подобно Иакову, о котором сказано (Бытие, XXVIII, 12): "И вот ангелы Божии восходят и нисходят по ней". И о сонмах Царя и Матрониты сказано (Бытие, XXXII, 2): "И нарек (Иаков) имя месту тому: Маханаим". Но царь и Матронита не нисходят туда".*

Засим ученый-гебраист Маркон настаивает на том, что "аммэ-гаарец" — это *еврей-невежды*, уклонившиеся от предписаний закона.

Только к ним имеет отношение систематическое "убиение в Эхаде".

Это утверждение особенно ценно.

Если разбираемый текст *Зогара* существовал в виде устного предания в первые века христианства, в чем не могут сомневаться знатоки каббалы, то "последователи Христова учения из евреев" должны были именоваться "аммэ-гаарец", поскольку они были "евреями, уклонившимися (с принятием христианства) от Моисеева закона".

Отсюда логический вывод, что "евреи-христиане" по вере суть истинные "аммэ-гаарец" Зога́ра. Это уже прямой повод, основываясь на столь излюбленном каббалистами принципе аналогии, считать и вообще христиан — объектами убиения в Эхаде.

Наконец, толкование Марконом текстов книги Зога́р — это научное исследование во всеоружии серьезных познаний.

Если согласиться в этом с противниками идеи ритуального убийства, то все же нет ни малейшего основания полагать, что каждый хассид, приступающий к чтению каббалы (*Сефер Иецира* и *Зехер*), вооружен теми глубокими познаниями в абсолютной и сравнительной филологии, в области истории и лингвистики, которыми обладает Маркон.

Никто не возьмет на себя смелость утверждать, что научное толкование текста порождает изуверную секту и изуверные деяния. Тысячи исторических примеров с достаточной убедительностью доказывают, что секты вырастают на почве искаженных текстов.

Текст книги Зога́р даже в переводе Маркона дает уже такое основание, но до каких уродливых форм может доходить толкование его фанатически настроенным цади́ком — на этот вопрос ни Маркон, ни ученые-гебраисты, ни ксендз Пранайтис не вправе дать точный ответ.

Во всяком случае, исследование *тринадцати колотых ран* (испытание двенадцати ударами ножа и ножом) на правом виске Ющинского с точки зрения каббалы является *графическим воспроизведением переведенного Марконом текста книги Зехер (Зога́р) в связи с исключительной по своему значению в каббале таблицей десяти сефиротов*.

Почему именно таблица сефиротов послужила в данном случае образцом для нанесения ранения — это уже область *практической магии*, выходящая за пределы настоящего очерка и подлежащая специальному исследованию.

Засим, с точки зрения практической каббалы, в данном случае имеются налицо *все* данные к тому, чтобы судить о планомерности преступных действий убийц.

Налицо имеется формула с определенным значением, начертанная по общему правилу на "девственно-чистом пергаменте", и начертанная *кровью*, что придает ей особое значение.

Исходя из этого факта, *ранения на правом виске Ющинского* следует трактовать как *магическое действие*, направленное к *определенной цели*, и вместе как *знак, удостоверяющий*, что настоящее убийство было выполнено от начала до конца сообразно строгим требованиям каббалистического ритуала.

* * *

Изложенный выше ряд магических операций, как было уже указано, построен на началах определенной системы и выработан, по всей вероятности, очень продолжительным применением на практике основных положений каббалы.

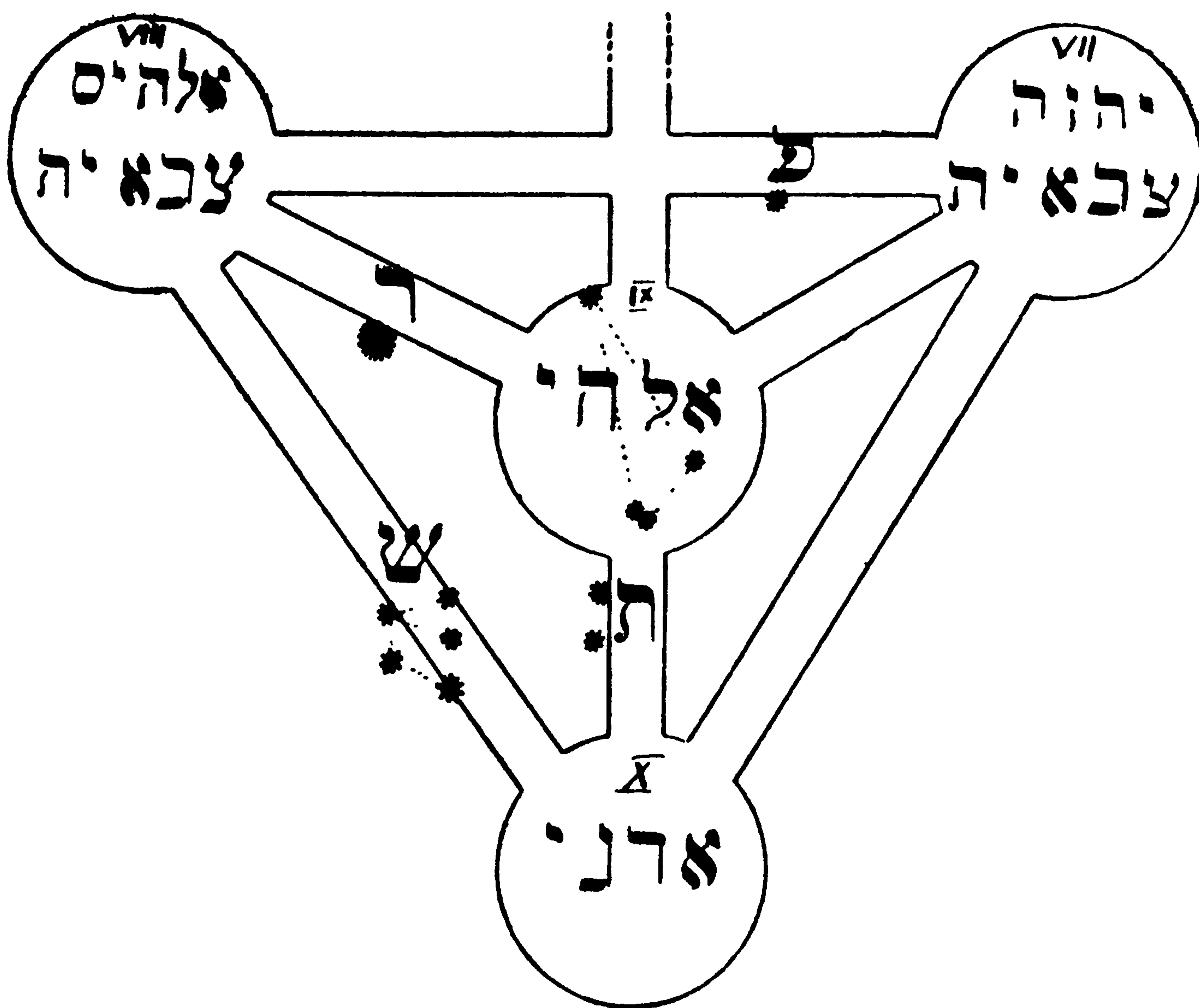
Дешифрование формулы, начертанной уколами в области правого виска убитого, дает основание не ограничиваться одним только разбором внешнего и внутреннего содержания каббалистических действий.

Если допустить, что убийство это было исключительно жертвоприношением, то глубокие *каббалистические элементы*, заложенные в *основу* деяния, делают это допущение неудовлетворительным.

Было бы слишком односторонне видеть в каббалистической формуле на правом виске одно только своеобразное *тавро* или *указание* для посвященных в глубокие тайны древней еврейской доктрины.

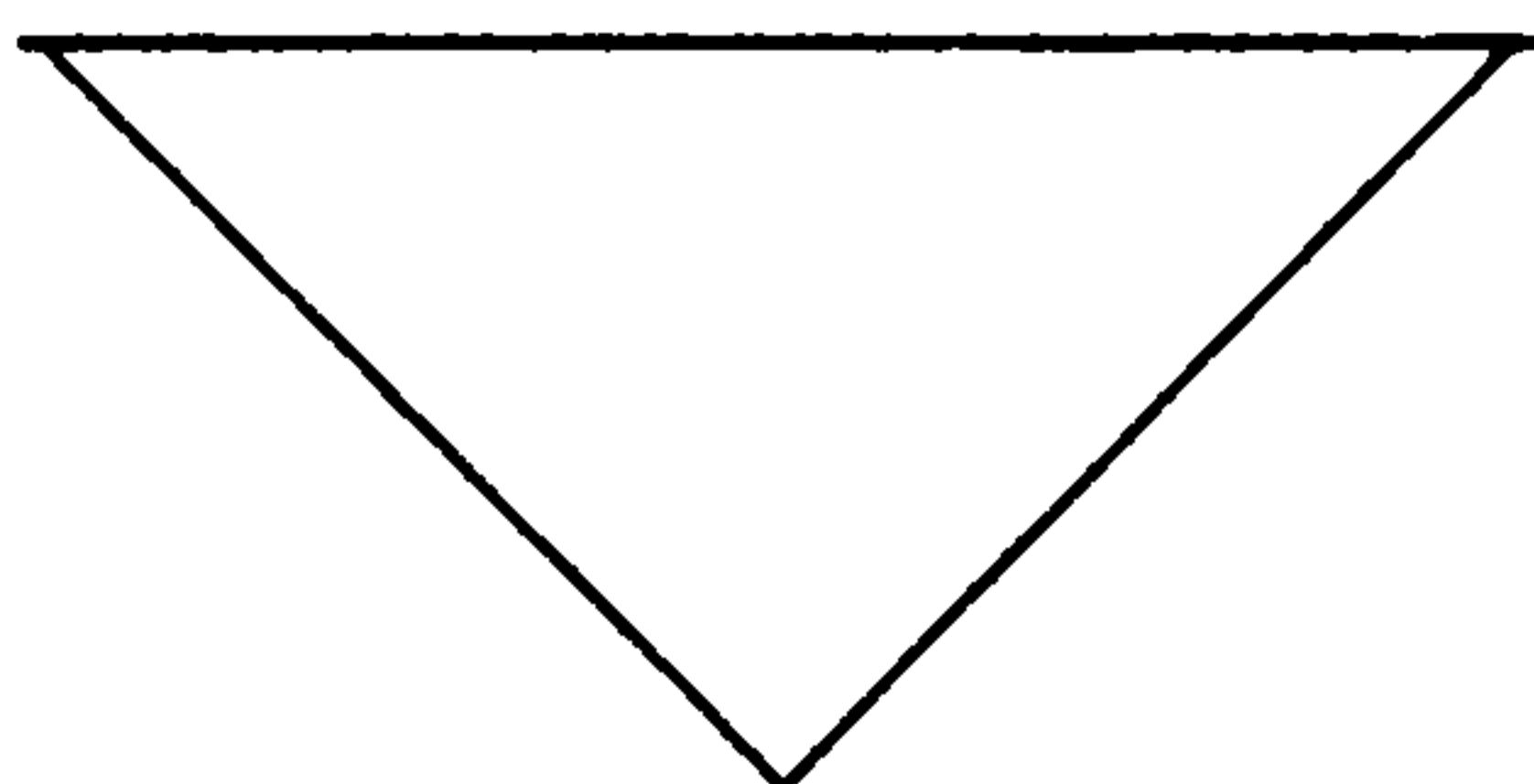
Не следует, однако, отбрасывать два только что указанные соображения. Каббала и другие еврейские историки достаточно подтвердили их наличие как фактов.

Гораздо разумнее предположение, что в данном случае существует иной, более глубокий смысл в преступном деянии. Исходя из этого предположения и опираясь на практическую каббалу, следует довести работу систематического исследования до конца и добраться до этого смысла.

Внимательное рассмотрение этого знакомого уже чертежа, изображающего совмещение низшего мира сефиротов с группами ранений на правом виске Ющинского, дает возможность определить тот общий схематический рисунок, который мысленно и фактически был начертан уколами на "девственном пергаменте".

В основе — это треугольник, обращенный вершиною вниз.

Каббала и ее ученые комментаторы (El. Levi, L. Lucas, Papus, d'Alveïdre, Christian и др.) дают совершенно определенное понятие об этом символе, в общих словах определяя его как
"все, что сходится книзу".

Более определенное выражение сущности этого знака дают следующие строки:

"Это вода, наднебесная. Метафизическая материя, истинное вещество мира, исшедшее из первичного духа, — Мать всех вещей"¹.

Засим роль этой Матери вещей трактуется следующим образом:

"Движение этой силы направляется вниз, и отсюда происходит индивидуализация материи и формирование тел всего живущего"².

Отметив, попутно, любопытную аналогию в этом случае каббалы с учением гностиков о божественной

"π λ η ρ ω μ α",

последуем за дальнейшими указаниями каббалистов:

"Магнетический астральный свет, разрушающий, творящий и формирующий все под влиянием сильной воли" (El. Levi. "Histoire de la Magie", p. 119).

"Движение, способное руководить специальным органом и серией их. Концентрируясь, оно руководит всем организмом" (L. Lucas. "Médecine Nouvelle", p. 25).

"Всякое проявление жизни в мире физическом — производится сильным напряжением этой силы" (Christian. "L'Homme Rouge des Tuilleries").

Дополнив ряд этих определений библейским термином Нааш (**נַאֲשׁ**) — Деятель, увлекающий дух к материи³, мы получим

точное каббалистическое определение треугольника, обращенного вершиною вниз, которое позволит нам выразить его понятием "предвечного формовщика всех вещей".

Обращаясь, засим, к порядку действий каббалиста, уже начертанного мысленно этот символ на "девственном пергаменте", мы должны прийти к заключению, что символическое присутствие формирующего агента необходимо было для придания формы неизвестному до сих пор объекту.

Этот объект появляется в результате следующих действий:

Наносятся три укола в кожу (девственный пергамент) убиваемого. Эти уколы вызывают кровоизлияние.

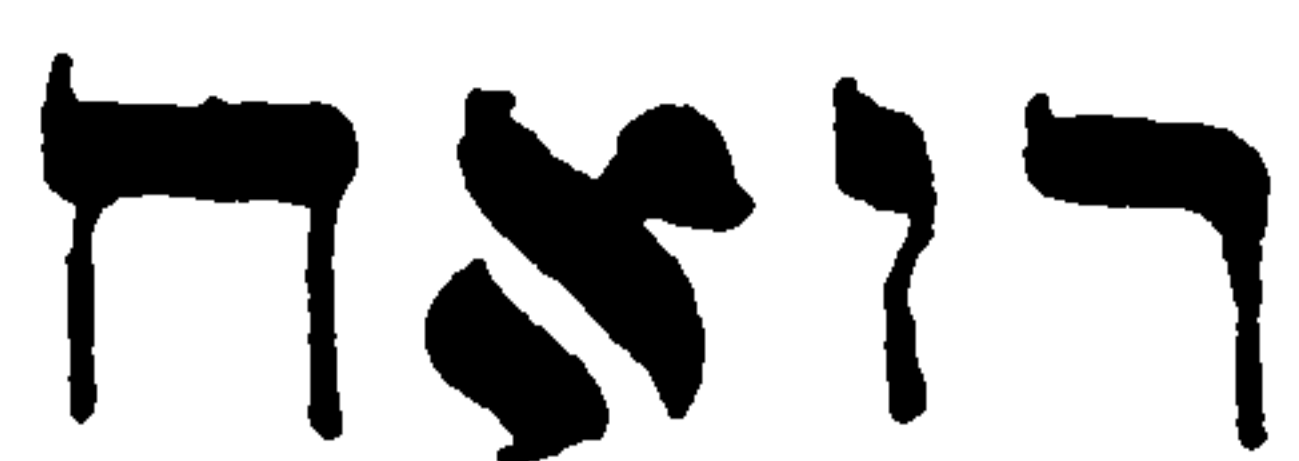
Новый элемент, появляющийся в сфере действий каббалиста, — кровь, заслуживает внимания.

¹ Esprit Sabbathier. "L'Ombre ideale de la Sagesse universele".

² Ibid.

³ Фабр д'Оливе. "La langue hébraïque restituée", 1-е изд. 1815, 2-е изд. 1905. Париж.

Так как кровь содержит в себе жизненную силу (по каббале *Руах*:

), то маги и заклинатели всего мира и всех времен

предваряли вызов духа именно пролитием крови.

В ы з о в Т и р е з и я

Одиссея. "Принеся жертвы, Одиссей вылил кровь их в яму, и духи жадно устремились к ней, чтобы почерпнуть в ней силу и проявиться. Дух Тирезия напился крови и отвечал Одиссею..."

Выделяющийся из крови жизненный флюид "*Руах*" сгущался в виде эфирной массы неопределенных очертаний над покрытым кровью "девственным пергаментом". В этот момент начинается роль магического треугольника, т. е., как выше было сказано, формирующего деятеля, обладающего, по каббале, неограниченной способностью воздействовать на "*Руах*", как рука скульптора на мягкую глину.

Этот магический треугольник своею замкнутой линией образует форму, в которой размещается жизненная сила. Эта форма не позволяет ей подвергнуться дальнейшему распадению на ряд простейших сил и сохраняет ее до того момента, пока воля каббалиста и ряд последующих действий его не дадут ей совершенно определенного назначения.

Для большей наглядности всего процесса, который изложен был выше, мы приводим здесь каббалистическую таблицу, изображающую графически все моменты описанных действий каббалиста и результаты их:

Каббалистические термины

Иехида	Начальная мысль, идея заклинателя
Хайах	Сосредоточение мысли его
Нешамах	Мысль и идея облекаются волей и желанием
Руах	С переходом идеи в действие — она превращается в активную силу и начинает воздействовать на эфирную жизненную силу, вместе с магическим деятелем Нахаш
Нефеш	Вибрации жизненной силы
Коаха Гаф	Сгущение и начало формирования жизненной силы

Мы остановились на том моменте, когда заключенная в сферу магического треугольника жизненная сила, излученная кровью, начинает формироваться под влиянием выраженного треугольником деятеля и воли каббалиста.

По каббале, этот момент характеризуется вибрацией жизненной силы.

Засим начинается роль другого символа, аналогичного обращенному к низу треугольника.

Это — "низший мир" таблицы сефиротов.

Каббалисты наносят ряд новых уколов, вызывающих новые потоки крови и новые струи жизненной силы.

Если мы обратим внимание на совмещение уколов на "девственном пергаменте" с буквами таблицы сефиротов, — мы убедимся в том, что как отдельные группы ран, так и отдельные уколы имеют буквенное значение.

Это было уже замечено выше, при расшифровке буквенного значения уколов.

Уже самый буквенный, или звуковой, смысл этих уколов определяет назначение новых ран. Потоки крови и жизненной энергии сталкиваются здесь с законом таблицы сефиротов, по которому каждая буква является творцом и деятелем, разделяющим работу самих сефиротов.

Попадая в сферу влияния букв, как деятелей, уже готовая вылиться в определенные формы, вибрирующая жизненная материя *Раух* приобретает резкие формы.

Центральная группа ран *Алеф* ()

— по тайному каббалистическому значению "человек" — дает эфирной жизненной силе *общий* облик *человеческой фигуры*.

() Рана *Реш* — "голова" — формирует *человеческую голову*.

() *Фхе* — воздействует на образование *рта, языка* и способностей к произнесению *речи*, издаванию звуков.

() *Тау* — формирует *грудь*.

Наконец группа ранений в форме литеры *Шин* () наделяет образовавшийся эфирный фантом новыми потоками *жизненной силы* (*Раух*), внося вместе с ними в оболочку его запасы новой энергии и придавая характеру его отличительные признаки своих свойств.

По каббале, *Шин* — это низменные, материальные страсти и желания, вечно мятущееся пламя, наделенное стремительным порывом к неизвестным целям.

В этой сложной работе формировки фантома не остаются без деятельности и другие основные элементы магического чертежа "низшего мира" сефиротов.

Размещенные по углам треугольника и в центр его 7, 8, 9 и 10-й сефироты также прилагают свои принципы к эфирному существу.

7-й и 8-й — *шемоты* (имена Божии), которых означают "Элогим *Цебаот*" и "Иеве *Цебаот*", т. е. бог *воинства* (= *Цебаот*

— *воинство*), вселяют в астральное существо неукротимо воинственный характер. Они определяют его основной принцип: *борьба, война, истребление*.

Созданное таким путем, по мнению каббалистов, эфирное существо представляет собою концентрацию известных сил, готовых, по соответствующему приказанию, броситься к определенной цели. И эта цель выражена достаточно ясно в действиях заклинателя.

Как мы видели уже выше, при расшифровке буквенного и словесного значения разбираемой формулы, буква *Шин*, исторгнувшая запасы жизненной силы, служит, по каббале, символистическим указанием на *христианство*.

Вторгаясь в слово I-e-o-e (тетраграмматон, *Иегова*) для образования нового слова, *И-е-ш-о-е* (*Иешуа*, Иисус), буква эта, с одной стороны, служит изображением катастрофического *падения древней веры в Иегову*, с другой — изображает необходимое для создания Богочеловека *соединение материального и духовного начал*.

Поток жизненной силы, истекшей из *Шин* в тело эфирного воинственного существа, принес собою и связанное с этою литерой уродливое представление о христианстве. В эфирном теле, таким образом, заключены элементы чисто астрального типа, сближающие его с существующим, по мнению каббалистов, эфирным гигантом самого мирового христианства.

По законам притяжений, действующих в астральном мире, созданное магическими действиями каббалиста эфирное существо устремляется к эфирному телу христианства, так как имеет с ним точки соприкосновения.

Тогда, по искреннему убеждению каббалистов, начинается титаническая борьба.

Заряженный динамическим началом разрушения и борьбы, фантом начинает *разрушать* эфирное тело кроткого фантома *христианства*.

В этом и заключается весь *внутренний смысл* и самая *цель* магических действий каббалистов.

Порядок изложенных выше магических операций, основанных на каббале, должен привести к следующему выводу:

Это был ряд систематических, до конца доведенных действий с определенной целью — вызвать к жизни имманентное существо, воспользовавшись для этого заключенной в теле убиваемого жизненной силой, и, возбудив в нем силу слепого бешенства, направить его на определенный объект воздействия.

Невзирая на крайнюю нелепость и дикость этого деяния, мы должны признать в нем систему.

Нет никаких оснований полагать, что описанное деяние исключительное.

История дает целый ряд не подлежащих сомнению фактов, где человеческие жертвоприношения составляли существенную часть магического действия.

Такова история Жиль де Ре, который пытался принесением в жертву христианских младенцев добиться секрета трансмутации металлов.

С исчерпывающею точностью нам не известны детали этих отвратительных операций, происходивших в разное время в трех замках этого алхимика-каббалиста, где было найдено впоследствии свыше полуторы тысячи детских черепов и скелетов.

Мы не можем судить о том, ведал ли что́ и для чего он творил.

Но следственный материал по этому мрачному делу дает чрезвычайно интересный факт: магические и каббалистические действия велись под наблюдением и руководством *еврея-каббалиста*.

Есть, таким образом, основания полагать, что жертвоприношения младенцев по каббалистическим рецептам не обошлись и в этом старом случае без еврейского руководства.

Засим длинный ряд исторических фактов дает изучение вопроса о так называемых "черных мессах" (*messe noire*) в XVII—XVIII вв.

Несколько таких фактов общеизвестны и послужили материалом для литературной обработки их, ввиду того что они были связаны с известными в истории именами.

Существенною частью этих месс было заклятие христианских младенцев, следовательно, это были по существу "ритуальные убийства".

Нельзя утверждать, что все подобные магические и каббалистические действия имели всегда строго определенное течение и совершались по одной системе.

Как основной их субстрат — каббала, так и отрасль ее, практическая магия, дают лишь основные, подчас очень детальные, руководящие основания и указания.

Надо полагать, что, с одной стороны, весьма частое употребление на практике этих рецептов, с другой — опасность подобных экспериментов в теперешних условиях жизни выработали определенную систему.

В киевском деле, которое судьбе угодно было представить на частное рассмотрение лиц, знакомых с каббалой и магией, можно очень ясно усмотреть несколько наслоений, как бы говорящих о том, что за недостатком достаточного количества живого "*девственного пергамента*" с бьющейся под ним горячей кровью экспериментаторы нашли возможным произвести несколько отдельных действий над христианским мальчиком.

Во-первых, это было убийство ненавистного представителя обширного общества христиан. ("Лучшего из гоев — убей". *Зогар*.)

Во-вторых, это было жертвоприношением тельца, при замкнутом рте и тринадцатью ударами ножа (*Зогар*. Ч. II), что видно из оставленной записи на виске убитого.

Наконец, *в-третьих*, — сложное маго-каббалистическое действие, удел специалистов и глубоко изучивших каббалу и практику ее изуверов.

Все три наслоения легко отделимы друг от друга. Связь их — результат всестороннего обдумывания. Цель связи — практическая выгода.

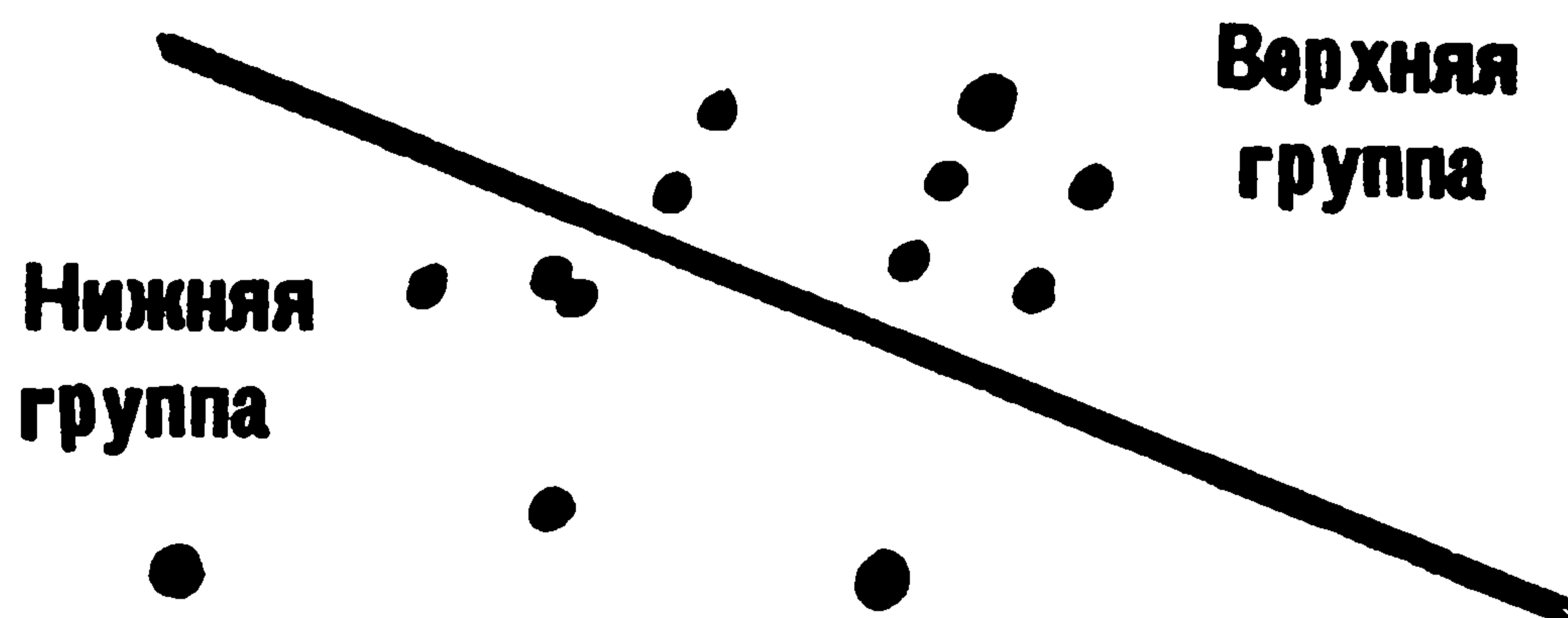
Несколько замечаний о книге г. "Урануса"

Вышедшая недавно из печати книга г. Урануса ("Убийство Ющинского и каббала". Спб. 1913) представляет собою исследование, исходящее из совершенно правильного представления об убийстве христианского мальчика как о маго-каббалистическом действии.

Однако в целом ряде выводов из этого основного положения г. Уранус допускает ряд неточностей и недомолвок, которые вредят

общему содержанию книги, оставляя впечатление чего-то незаконченного.

Приступая к дешифрованию каббалистической формулы на правом виске убитого, автор делит все ранения на две большие группы — верхнюю и нижнюю.

Такое распределение само по себе *неправильно*. Оно имеет исходным пунктом фотографический снимок, изображающий *лежащего* человека, тогда как группа ран на правом виске наносилась *стоящему*, что удостоверено медицинской экспертизой.

Засим два разобращенных треугольника, образуемые нижней группой ран, по мнению г. Урануса, символизируют разделение Бога и материи.

Хотя такое толкование и имеет основу в сочинениях Парус'а, но к этому писателю следует относиться с большой осторожностью там, где он трактует вопросы отвлеченной каббалы.

Понимание треугольника вершиною вверх как Бога слишком широко и классической каббале не известно.

Следуя за комментаторами в этой детали, мы должны усматривать символ простого убийства, т. е. разделения человеческого существа на часть низшую, материальную (тело), и на эфирную — дух, душа. Затем, сплетение двух равносторонних треугольников в виде шестилучевой звезды имеет более конкретное и знаменательное название, популярное не только среди каббалистов, но и вообще у евреев.

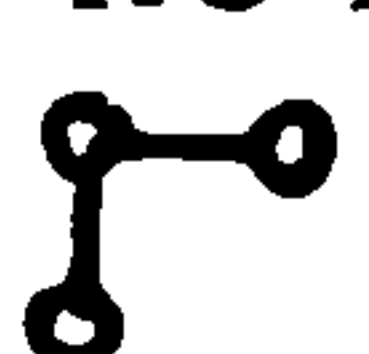
Это — *Щит Давидов* (Mogen Dawid) ().

Не следует этому символу придавать слишком отвлеченного значения, в особенности в то время, когда речь идет о практической каббале.

Совершенно правильно толкование г. Урануса средней группы точек (уколов) как литеры *Алеф*. Это соответствует и Scriptura Coelestis, и многому другому, о чем автор не упомянул.

Что же касается двух крайних точек, то почему автор понимает левую из них как *Вау*, — так и осталось невыясненным (по крайней мере, в тексте книги).

Если г. Уранус при толковании литер имел в виду таблицу сефирот, то чтение правой раны как *Реш* — правильно, но только при этом условии; в противном случае такое толкование, по меньшей мере, произвольно.

Далее следует объяснение ран верхней группы. Две левых раны г. Уранус читает, как *Далет*. Но почему? Если потому, что две раны дают комбинацию, похожую на Scripturae Coelestis, то это вряд

ли основательно. Это же самое небесное письмо каббалистов дает целый ряд аналогичных комбинаций:

 Нунъ, Ламедъ, Мемъ, Гимель, Бетъ,

 Тау, Фхе.

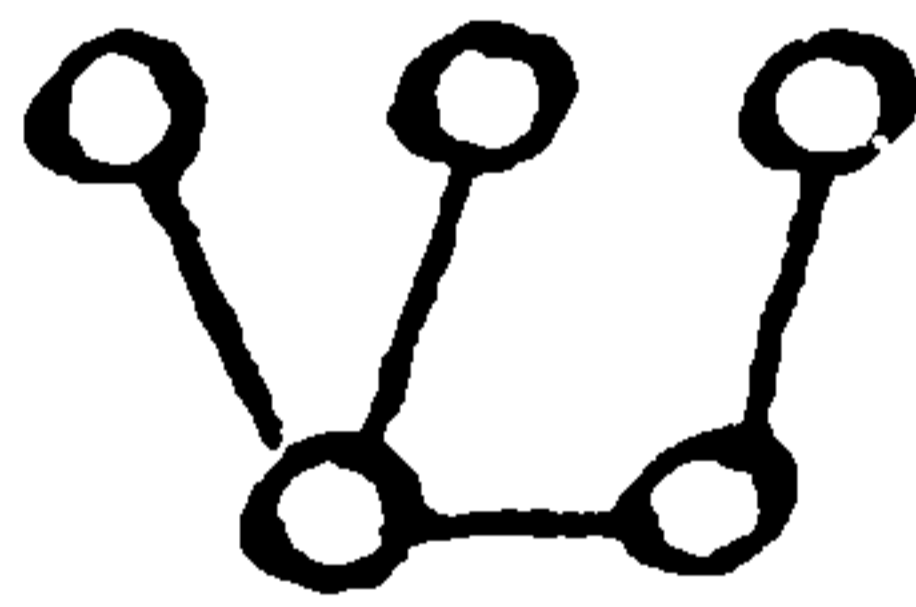
Почему же г. Уранус полагает, что две эти раны должны означать именно *Далет*?

Кстати сказать, *небесная азбука* каббалистов является только переделкой древнееврейского алфавита, повторяя классические начертания его литер. Что касается древнееврейского алфавита, то он повторяет финикийские начертания.

Таким образом, с клинообразным письмом ассиро-вавилонян *Scripturae Coelestis* не может иметь ничего общего. Это недостаток исследования г. Урануса, если он утверждает противное. Но указание автора на то, что каббала имеет много корней в учении древних вавилонских магов и астрологов, совершенно правильно, — но это указание, к сожалению, приходится читать между строк.

Относительно толкования автором литеры *Шин*, применительно к трем ранам верхней группы, можно заметить, что оно правильно лишь постольку, поскольку автор знаком с вариантами *Scripturae Coelestis*.

Г. Уранусу не был известен вариант,

который исключает необходимость толковать последнюю из верхних групп ранений, как *Самех*.

Если же согласиться с автором, что это *Самех*, то почему же именно так? Вышеприведенные комбинации, заимствованные из *небесного письма*, дают достаточно богатый материал и для других толкований¹.

С. Д-ский

¹ Прекрасное по точности и научности исследование г. С. Д-ского должно совершенно покончить с "гевалтом", русским и еврейским, пытавшимся взвалить все "на Веру Чеберяк и шайку воров". Умерщвление Ющинского было произведено "по Зогару", секретной иудейской книге, ни имя, ни письмо которой не известно никому, кроме ученых-евреев и немногих европейских ученых. Вместе со следующей далее статьей — *Что мне случилось увидеть*, это исследование ставит точку спорам о том, кто убил Андриюшу Ющинского. В. Р-в.

Что́ мне случилось увидеть...

Мне однажды пришлось присутствовать на еврейской бойне и видеть убой скота по правилам еврейского ритуала. Передаю голый факт во всей его наготе.

Случилось это так.

Лет шесть тому назад я, связанный службою, проживал в крупном центре Юго-Западного края, на три четверти населенном евреями.

Во время частых загородных прогулок мое внимание привлекло странного вида здание с длинными фабричного типа корпусами, обнесенными высоким плотным частоколом, каким принято обносить остроги и места заключения. Вскоре я узнал, что это *городская бойня* и бездействующий *альбуминный завод*. Интересуясь вопросами городского благоустройства и будучи знаком с постановкой столичных боен, я решил осмотреть местную городскую бойню, совершенно упустив из виду, что город населен преимущественно евреями, что вся торговля находится в руках евреев, а следовательно, и городская бойня должна быть еврейской.

Еврей-привратник на мой вопрос: "Можно ли осмотреть бойню?" — замялся и, по-видимому, намеревался обратиться к авторитету своего начальства в небольшом флигельке у ворот. В это время из флигелька выскочил юркий свирепого вида еврей и набросился на привратника. Понимая несколько еврейский жаргон, я мог разобрать следующую фразу: "Что же ты долго разговариваешь? Ты видишь, что это не еврей! Ведь тебе приказано пропускать только одних евреев!"

"В таком случае надо будет во что бы то ни стало проникнуть на бойню", — подумал я и решил продолжать прогулку. Возвращаясь домой опять мимо бойни, я заметил, что привратника сменили, и решил вторично попытать счастья. Для большей убедительности я заявил привратнику, что я причастен к ветеринарному надзору, что мне по делу необходимо пройти в контору; ввиду чего я прошу провести меня в контору.

Привратник помялся, но затем объяснил, как мне пройти... Старика еврея во флигеле, по-видимому, не оказалось, и я благополучно добрался до конторы. В конторе меня встретил интеллигентного вида еврей. Я отрекомендовался ветеринаром, не называя, впрочем, фамилии, и просил провести меня на бойню.

Заведующий начал подробно распространяться об устройстве бойни, при которой имеется бездействующий альбуминный завод, водопровод и также все новейшие приспособления. Наконец, заведующий начал сообщать, откуда преимущественно доставляют скот, какой породы, в каком количестве и проч. Когда я перебил его и вторично попросил провести на бойню, он после короткой паузы заявил мне, что провести на бойню не может. Впрочем, так как меня "интересует техническая часть дела", то, пожалуй, он "может показать мне *разделку мяса*".

В это время заведующего вызвали, и, уходя, он крикнул мне: "Сейчас пришло вам провожатого". Я решил, что проводника дожидаться не следует, так как он, очевидно, покажет мне лишь то, что меня не интересует. Без особых приключений мне удалось добраться до помещения бойни. Она представляла ряд длинных каменных сараев, в которых происходила разделка мясных туш. Единственно, что бросилось в глаза, это крайне антисанитарное состояние помещения. Один из рабочих объяснил мне, что убой уже окончен, что лишь в последнем корпусе оканчивают убой телят и мелкого скота. Вот в этом-то помещении я увидел, наконец, интересовавшую меня картину убоя скота по еврейскому обряду.

Прежде всего бросилось в глаза то, что я вижу не убой скота, а какое-то таинство, священнодействие, какое-то библейское жертвоприношение. Передо мной были не просто мясники, а священнослужители, роли которых были, по-видимому, строго распределены. Главная роль принадлежала резнику, вооруженному колющим орудием; ему при этом помогали целый ряд других прислужников: одни держали убойный скот, поддерживая его в стоячем положении¹, другие наклоняли голову² и зажимали рот жертвенному животному³. Третьи собирали кровь в жер-

¹ Животное должно было *стоять*. Зачем? зачем при *длительном* убое, не моментальном? при его "процедуре", "церемонии"? "*Душа*" убоя евреев — это *страдание*: и нельзя не подумать, что "стояние" жертвы входит в идею ее *истомы*. "Жертва" должна была непременно "томиться", как *терафим* в масле. Всякий, кто испытывал особую *слабость* (внезапные заболевания), знает, до чего хочется *лечь*, "прилечь", "отдохнуть". *Выемка* же крови через постепенные уколы должна была производить страшное истощение жертвы, безумное бессилие, изнеможание. "Почти вся кровь вышла"... "Дайте лечь", "ноги не держат", "не стою", "падаю"... — "Стой!!!" И (механически), не давая согнуться коленям, помощники главного резника (могеля) устраивали искусственное и принудительное стояние ребенку-ягненку ("передние *руки*"). Заметим, что во время убоя они, *как бы обнимая* ("держат"), — усиленно *чувствовали* ягненка и ярче обычного времени сознавали, что в их руках дрожит *коровий ребенок*, коровий "мальчишка" ("руки! руки! руки!"). В. Р-в.

² См. параллель — в "жертвоприношении в Иерусалимском храме": "голова (с шеею) закалаемого животного *должна быть повернута на юг*, а *лицо его должно быть повернуто на запад*" (см. стр. 354). Явно, что раз при убое скота ему "держат голову", — то это именно для того, чтобы придать голове не подлежащее случаю или переменам *положение*; и, не сомневаюсь, убой происходит с соблюдением всех, какие *можно сохранить*, подробностей храмового иерусалимского культа и обряда. В. Р-в.

³ Жертвоприношение должно быть торжественным и тихим. "В церкви не шумят, не кричат, даже не разговаривают". И *блеяние*, *крики* животных были исключены. Но сюда входила и облизываемая евреями "тоска"... *Крик*, *голос*, *подача* голоса, "позову родимую матушку" (даже у теленка) — страшно облегчает страдание. Евреи тут-то и сказали: "Стоп! ни — звука!" То-то их фарисейский принцип: "не вари козленка в молоке его матери" и "мы вообще *гуманны*"... Как они "гуманны", мы узнаем, когда попадем в их власть. Тут они нас "усадят в кадушки с маслом". Одна в высшей степени образованная свидетельница (заграничное образование) передавала мне, что однажды была свидетельницей редкого зрелища, когда евреи, в случившейся ссоре с молдаванами на базаре, не бежали, а *вступили в драку*: евреи вдруг и разом с визжанием кинулись на мужиков и начали их кусать и царапать (*не колотить* кулаками, *не поборать*)

твенные сосуды и выливали ее на пол, при чтении установленных молитв; наконец, четвертые держали священные книги, по которым читались молитвы и производилось ритуальное священнодействие. Наконец, были и просто мясники, которым передавался битый скот, по окончании ритуала. На обязанности последних лежало сдирание шкур и разделка мяса.

Убой скота поражал чрезвычайной жестокостью и изуверством. Жертвенному животному слегка ослабляли путы, давая возможность стоять на ногах; в этом положении его все время поддерживали трое прислужников, не давая упасть, когда оно ослабевало от потери крови. При этом резник, вооруженный в одной руке длинным в пол-аршина ножом, с узким лезвием, заостренным на конце, и в другой руке — длинным вершков шести шилом, спокойно, медленно, рассчитанно наносил животному глубокие колющие раны, действуя попеременно названными орудиями.

При этом каждый удар проверялся по книге, которую мальчик держал раскрытою перед резником; каждый удар сопровождался установленными молитвами, которые произносил резник¹. Первые удары производились в голову животному, затем в шею, наконец, — под мышки и в бок. Сколько именно наносилось ударов — я не запомнил, но очевидно было, что количество ударов было одно и то же при каждом убое; при этом удары наносились в определенном порядке и местах, — и даже форма ран, вероятно, имела какое-нибудь символическое значение, так как одни раны наносились ножом, другие же шилом; причем все раны были колотые, так как резник, что называется, "шпынял" животное, которое вздрагивало, пробовало вырваться, пыталось мычать, но оно было бессильно: ноги были связаны, кроме того, его плотно держали трое дюжих прислужников, четвертый же зажимал рот,

с таким неистовством, что "я почувствовала испуг, ужас, смятение. У меня потемнело в глазах от страха". Вмешалась полиция и разогнала. На экскурсии гимназистки-еврейки *чуть не побросали за борт парохода русских (меньшинство)*, и мне дочь с (девичьим) смехом (без гнева) передавала: "Меня они прижали в угол, и знаешь, папа, чуть нас не столкнули в воду". Это еврейки-гимназистки на экскурсии увидели впервые в "местечке" бедных ребятишек-евреев. Русские не сказали ни единого слова подругам, — и вообще были совершенно невинны... Дочь несколько не жаловалась на подруг, даже не имела ни капли гнева, а лишь недоумение. И рассказала лишь года через полтора. В. Р-в.

¹ Поразительно! Форменное жертвоприношение. Даже зная, что *убой* — "ритуален", по правилам и методу, невозможно, однако, было предположить этих деталей и всего этого поистине *ужасного образа!!* Да, это поистине "религия ужаса"; да — это, конечно, "молох". Кто тиранит таракана, отрывая ножку за ножкой, кто станет у живой курицы выщипывать перья — беги его, человек! Он когда-нибудь доберется *и до тебя*. В. Р-в.

Да разве уже не страшна песнь, кончающая *На реках Вавилонских*: "О, если бы я могла разбить детей твоих о камень!!!" Единственно у евреев такая строка во всемирной поэзии...

Да и Каин... "отвергнут был", покусившись принести "жертву из плодов"... "Вегетарианства не выношу, дай ягненка"... Закон души, абсолютно непонятный вегетарианским нациям, — нам, добродушным (и неужели обреченным?) волам. В. Р-в.

благодаря чему получались лишь глухие, задушенные, хрипящие звуки¹. Каждый удар резника сопровождался струйкой крови, причем из одних ран она слегка сочилась, тогда как из других она давала целый фонтан алой крови, брызгавший в лицо², на руки и платье резника и прислужников. Одновременно с ударами ножа один из прислужников подставлял к ранам священный сосуд³, куда стекала кровь животного.

При этом прислужники, державшие животное, мяли и растирали бока, по-видимому с целью усилить поток крови. После нанесения описанных ран наступала пауза, во время которой кровь собиралась в сосуды и при установленных молитвах выливалась на пол, покрывая его целыми лужами⁴; затем, когда животное с трудом удерживалось на ногах и оказывалось в достаточной мере обескровленным, — его быстро приподнимали, клали на спину, вытягивали голову, причем резник наносил последний, заключительный удар, перерезая животному горло.

Вот этот последний и был единственным режущим ударом, нанесенным резником жертвенному животному. После этого резник переходил к другому, тогда как убитое животное поступало в распоряжение простых мясников, которые сдирали с него шкуру и приступали к разделке⁵ мяса. Производился ли убой крупного скота тем же способом или же с какими-либо отступлениями — судить не могу, потому что при мне производился убой овец, телят и годовалых бычков. Вот каково было зрелище еврейского жертвоприношения; говорю "жертвоприношения", так как другого более подходящего слова не могу подобрать для всего виденного, потому что, очевидно, передо мной производился не просто убой скота, а совершалось священнодействие, жестокое, — не сокращавшее, а, наоборот, удлинявшее мучение. При этом по известным прави-

¹ Ужас! ужас! ужас! Мистический ужас страдания. О, вот *что* значат "хамитические религии", о которых такие вялые, такие "травоядные" слова мы читаем в учебниках и жалких "обзорах" по истории религий... В. Р-в.

² Просто — облизываются, это-то чувствуется. Так "облизывались" Герценштейн, Иоллас и Тан, толкая крестьян на дворянские усадьбы, при отсутствии воинской защиты. Милые и добродетельные "человеколюбцы" и "наши сограждане"... В. Р-в.

³ Конечно, — это храмовое, древнее жертвоприношение! Смотри о *приставлении сосуда* к горлу птиц, после того как священник *ногтем* прорезал "против затылка" головку горлиц, перерезав артерии и вены, но не *отделяя вполне головы*. И птичек-то выбрали самых кротких, — голубей, горлинок... Все "Ющинский", везде "Ющинский"... "Дайте нам не вора, не разбойника, не хулигана, — не *взрослого* даже дайте, а *первую и лучшую* невинность свою; *ее-то* мы и разопнем!! О, как понятен Иисус и Его крестная смерть. Поистине, *то* был последний укол сатанинского их культа. И как *хорошо*, что Он раздавил этот чудовищный культ, поистине "смертию смерть *поправ*". В. Р-в.

⁴ В одном месте *Талмуда* (много лет назад) я прочел, что пол Иерусалимского храма заливался кровью так, что кровь доставала священникам "по щиколки", — и они должны были осторожно нести "облачения", дабы не запачкать их в крови. В. Р-в.

⁵ Подозреваю, что и *разделка* не совсем проста, — а была в древности и является теперь в своем роде "магическим разъятием на органы и части", из коих каждая ведь часть ясно "говорит собою" и говорит именно "евреям", имеющим ключ к *смыслу* каждой "жилки", и "почечке", и "печени", и "тука"... Уверен, это все далеко не "просто"... В. Р-в.

лам с установленными молитвами на некоторых резниках надет был белый молитвенный плат с черными полосами, который надевают раввины в синагогах¹. На одном из окон лежал такой же плат, два жертвенных сосуда и скрижали, которые при помощи ремней каждый еврей наматывает на правую руку во время молитвы. Наконец, вид резника, бормочущего молитвы, и прислужников — не оставлял ни малейшего сомнения. Все лица были какие-то жестокие, сосредоточенные², фанатически настроенные. Даже посторонние евреи — мясоторговцы и приказчики, стоявшие во дворе, ожидавшие окончания убоя, даже они были странно сосредоточены³. Среди них не слышно было обычной суеты и бойкого еврейского жаргона, они стояли молча⁴, молитвенно настроенные.

Будучи утомлен и подавлен всем видом мучений и массой крови, какой-то жестокостью ненужной, но желая все же до конца досмотреть убой скота, я облокотился о притолку двери и невольным движением приподнял шляпу. Этого было достаточно для того, чтобы меня окончательно выдать. По-видимому, ко мне давно присматривались, но последнее мое движение являлось прямым оскорблением таинства, так как все участники, а также посторонние зрители ритуала все время оставались в шапках, с покрытыми головами.

Ко мне немедленно подскочили два еврея, назойливо повторяя один и тот же непонятный для меня вопрос. Очевидно, это был известный каждому еврею пароль, на который я также должен был ответить установленным же лозунгом.

Мое молчание вызвало невообразимый гвалт. Резники и прислужники побросали скот и бросились в мою сторону. Из других отделений также выбежали и присоединились к толпе, которая оттеснила меня во двор, где я моментально был окружен.

Толпа галдела, настроение было несомненно угрожающее, судя по отдельным восклицаниям, тем более что у резников в руках оставались ножи, а у некоторых прислужников появились камни.

В это время из одного из отделений вышел интеллигентного вида представительный еврей, авторитету которого толпа беспрекословно подчинялась, из чего я заключаю, что это должен был быть главный резник, лицо несомненно священное в глазах евреев. Он окликнул толпу и заставил ее замолчать. Когда толпа расступилась, он вплотную подо-

¹ Ну, — вот: это — *талесы*, в которых *молятся*. Рассказ автора тем более драгоценен и свеж, тем более практичен и точен, что ему "не подсказывали" ничего какое бы то ни было знание юдаизма, даже "талесов", и что в них одеваются не "раввины", а *вообще все евреи* при молитве. В. Р-в.

² Вот, вот! "Молитва", "в храме"!! А как суть-то "молитвы" и "храма" — угрюмы, страшны: то таковы и лица у "молящихся в талесах". Взглянуть бы на рысь, когда она припала к шее лося и пьет кровь: лицо, вероятно, "угрюмое и сосредоточенное". В. Р-в.

³ О, как это важно! Ведь это "Высшая Академия юдаизма", и тут даже "сторожа" и "невежды" благоговоят. В. Р-в.

⁴ О, о!!.. Страшно важно! Действительно, евреи — в вечном говоре, "трещотки". *Что же тут замолчали?* "Душа (через жертву и даже одно зрение ее) соединяется с богом израилевым". В. Р-в.

шел ко мне и грубо крикнул, обращаясь на "ты": "Как смел *ты* взойти сюда? ведь ты знаешь, что по нашему закону запрещено присутствовать при убое лицам посторонним?" Я по возможности спокойно возразил: "Я ветеринарный врач, причастен к ветеринарному надзору и прошел сюда по своим обязанностям, ввиду чего прошу вас говорить со мной другим тоном". Мои слова произвели заметное впечатление как на резника, так и на окружающих. Резник вежливо, обращаясь на "вы", но тоном, не терпящим возражения, заявил мне: "Советую вам немедленно удалиться и не говорить никому о виденном¹. Вы видите, как возбуждена толпа, я не в силах удержать ее и не ручаюсь за последствия, если только вы сию же минуту не покинете бойню". Мне оставалось только последовать его совету.

Толпа очень неохотно, по оклику резника, расступилась, — и я, по возможности медленно, не теряя самообладания, направился к выходу. Когда я отошел несколько шагов, вдогонку полетели камни, звонко ударяясь о забор, и я не ручаюсь за то, что они не разбили бы мой череп, если бы не присутствие старшего резника и не находчивость и самообладание, которые не раз выручали меня в жизни. Уже приближаясь к воротам, у меня мелькнула мысль: а что, если меня остановят и потребуют предъявить документы? И эта мысль заставила меня против воли ускорить шаги. Только за воротами я облегченно вздохнул, почувствовав, что избегнул очень и очень серьезной опасности. Взглянув на часы, я поражен был тем, как было еще рано. Вероятно, судя по времени, я пробыл на бойне не более часа, так как убой каждого животного длился 10—15 минут, тогда как время, проведенное на бойне, казалось мне вечностью. Вот то, что я видел на еврейской бойне, вот та картина, которая не может изгладиться из тайников моего мозга, картина какого-то ужаса, какой-то великой сокрытой для меня тайны, какой-то наполовину разгаданной загадки, которую я не хотел, боялся разгадать до конца. Я всеми силами старался если не забыть, то отодвинуть подальше в моей памяти картину кровавого ужаса, и это мне отчасти удалось.

Со временем она потускнела, заслонена была другими событиями и впечатлениями, и я бережно носил ее, боясь подойти к ней, не умея объяснить ее себе во всей ее полноте и совокупности.

¹ Тут-то, зрю я духом, и причина надписи в Иерусалимском храме: "Кто переступит дальше за эту черту, — пусть пеняет на себя, ибо последует смерть". Степень ужаса настоящего иудейского жертвоприношения, "по всей форме", иногда с тысячами убитых в один день животных, должна была во всяком третьем и незаинтересованном человеке вызвать такой ужас и негодование, что... стены бы Иерусалима затрещали гораздо раньше еще Веспасиана... Держа в тайне внутренность храма, они оберегали "я" свое среди народов: ибо народы, люди единым духом и единою мышцею разнесли бы по клокам воистину демоническое (с точки зрения общечеловеческой) гнездо невероятных мук и боли...

Ужасная картина убиения Андрюши Ющинского, которую обнаружила экспертиза профессоров Косоротова и Сикорского, как ударила мне в голову. Для меня эта картина вдвойне ужасна — я уже ее видел! Да, я видел это зверское убийство! видел его собственными глазами на еврейской бойне. Для меня это не новость, и если меня что угнетает, так это то, что я молчал. Если Толстой при извещении о смертной казни, даже преступника, восклицал: "Не могу молчать!" — то как же я, непосредственный свидетель и очевидец, — так долго молчал?

Почему я не кричал "караул", не орал, не визжал от боли? Ведь мелькало же у меня сознание, что я видел не бойню, а таинство, древнее кровавое жертвоприношение, полное леденящего ужаса! Ведь недаром же в меня полетели камни, недаром я видел ножи в руках резников? недаром же я был близок, и может быть, очень близок к роковому исходу! Ведь я осквернил храм. Я облокотился о притолку храма, тогда как в нем могли присутствовать лишь причастные ритуалу левиты и священнослужители! Остальные же евреи почтительно стояли в отдалении!

Наконец, — я вдвойне оскорбил их таинство, их ритуал, сняв головной убор!

Но почему же я вторично молчал во время процесса? Ведь передо мной уже *была* эта кровавая картина, ведь для меня не могло быть сомнения в ритуале? Ведь передо мной все время, как тень Банко, стояла кровавая тень милого дорогого мне Андрюши!

Ведь это же знакомый нам с детства образ отрока-мученика, ведь это второй Дмитрий-царевич, окровавленная рубашечка которого висит в Московском Кремле, у крошечной раки, где теплятся лампы, куда стекается Святая Русь. Да, прав, тысячу раз прав защитник Андрюши, говоря: "Одинокий, беспомощный, в смертельном ужасе и отчаянии приял Андрюша Ющинский мученическую кончину. Он, вероятно, даже плакать не мог, когда один злодей зажимал ему рот, а другой наносил удары в череп и в мозг". — Да, это было именно *так*, это психологически верно, я этому был зритель, непосредственный свидетель, и если я молчал, — так, каюсь, потому, что я был слишком уверен, что Бейлис будет обвинен, что беспримерное преступление получит возмездие, что присяжным будет поставлен вопрос об ритуале, во всей его полноте и совокупности, — что не будет маскировки, трусости, не будет места для временного хотя бы торжества еврейства!

Да, убийство Андрюши, вероятно, было еще более сложным и леденящим кровь ритуалом, чем тот, при котором я присутствовал; ведь Андрюше нанесено было 47 ран, тогда как при мне жертвенному животному наносилось всего несколько ран, 10—15, может быть, как раз роковое число тринадцать; но, повторяю, я не считал количества ран и говорю приблизительно. Зато характер и расположение ранений совершенно одинаковы: сперва шли удары в голову, затем в шею и плечо животному, одни из них дали маленькие струйки, тогда как раны в шею дали фонтан крови; это я отчетливо помню, так как струя алой крови залила лицо, руки и платье резника, который не успел отстраниться. Только мальчик успел отдернуть священную книгу, которую все время

держал раскрытою перед резником, затем наступила пауза, — несомненно, короткая, но она казалась мне вечностью; в этот промежуток времени вытачивалась кровь. Она собиралась в сосуды, которые мальчик подставлял к ранам. В это же время животному вытягивали голову и с силой зажимали рот, оно не могло мычать, оно издавало только сдавленные хрипящие звуки. Оно билось, вздрагивало конвульсивно, но его достаточно плотно держали прислужники.

Но ведь это как раз то, что устанавливает судебная экспертиза в деле Ющинского: "Мальчику зажимали рот, чтобы он не кричал, а также чтобы усилить кровотечение. Он оставался в сознании, он сопротивлялся. Остались ссадины на губах, на лице и на боку".

Вот как погибало маленькое человекообразное животное! Вот она жертвенная смерть христиан, с заткнутым ртом, подобно скоту. Да, так мученически умирал, по словам профессора Павлова, "молодой человек, господин Ющинский, от забавных, смехотворных уколов!".

Но что с несомненной точностью устанавливает экспертиза, это *паузу, перерыв*, последовавший вслед за нанесением шейных обильных кровоизлиянием ран. — Да, эта пауза, несомненно, была; она соответствует моменту вытачивания и собирания крови. Но вот подробность, совершенно пропущенная, не замеченная экспертизой и которая ясно, отчетливо запечатлелась в моей памяти. В то время как животному вытягивал голову и плотно зажимал рот один из прислужников, трое других усиленно *мяли бока и растирали животное*, очевидно, с целью усилить кровотечение. По аналогии я допускаю, что то же самое проделывали с Андрюшей. Очевидно, и ему усиленно мяли, надавливали на ребра и растирали тело, с целью усилить кровотечение; но эта операция, этот "массаж" не оставляет вещественных следов; вот, вероятно, почему это осталось не зафиксированным судебной экспертизой, которая констатировала лишь ссадину на боку, не придав ей, очевидно, должного значения.

По мере истечения крови, животное ослабевало, причем его поддерживали прислужники в стоячем положении. Это, опять, то, что констатирует профессор Сикорский, говоря: "Мальчик ослабел от ужаса и отчаяния и склонился на руки убийц". Затем, когда животное было достаточно обескровлено, кровь, собранная в сосуды, вылита была на пол при чтении молитв. — Еще подробность: кровь на полу стояла целыми лужами, причем резники и прислужники оставались буквально по щиколотку в крови. Вероятно, так требовал кровавый еврейский ритуал, — и только по окончании его кровь спускалась, что я, проходя, видел в одном из отделений, где был уже окончен убой.

Затем, по окончании паузы, следовали дальнейшие также рассчитанные спокойные удары, прерывавшиеся чтением молитв. Эти уколы давали очень мало крови или вовсе не давали ее. Колющие удары наносятся в плечи, под мышки и в бок животного.

Наносятся ли они в *сердце* или прямо в *бок* животному — установить не могу. Но вот некоторое различие от ритуала, описанного экспертами: животное, по нанесении названных уколов, переворачивается, кладется на спину, причем ему наносится последний заключительный удар, которым перерезают горло животному. Было ли проделано что-либо подобное с Андрюшей — не установлено. Не сомневаюсь в том, что в том

и другом случае ритуала есть свои особенности, которые я объясняю себе тем, что над Андрюшей совершен был более сложный ритуал, в лице его была принесена более сложная жертва, над ним совершено, быть может, вроде нашего архиерейского богослужения, которое приравнивалось к торжественному моменту освящения еврейской молельни. Виденный же мною ритуал был более элементарной, простой ежедневной жертвой, — нечто вроде нашей обыкновенной литургии, проскомидии. Еще подробность: в роли ритуальной версии указывают на то, что при еврейском убое скота якобы наносятся режущие раны, тогда как судебная экспертиза установила на теле Андрюши исключительно колющие. Я полагаю, что это не более как наглое вранье, рассчитанное на незнание, на полную неосведомленность нашу того, как производится ритуальный убой скота на еврейских бойнях; и против этой лжи я, как свидетель и очевидец убоя, протестую и опять повторяю: у резников я видал в руках два орудия: узкий длинный нож и шило, и этими-то двумя орудиями попеременно наносились колющие удары. Резник *колол*, *"шпынял"* животное. При этом, вероятно, и форма укола, форма самой раны имела какое-нибудь символическое значение, так как одни удары наносились острием ножа, — другие же шилом. Лишь последний заключительный удар, которым перерезывалось горло животного, был режущий. Вероятно, это была та горловая рана, через которую, по мнению евреев, выходит душа.

Наконец, враги ритуальной версии указывают на целый ряд ненужных, якобы бессмысленных ударов, нанесенных Андрюше. Указывалось, например, на *"бессмысленные"* *раны под мышками*; это утверждение опять рассчитано на наше невежество, на полное незнание еврейских обычаев. По этому поводу я припоминаю следующее: однажды, проживая в черте оседлости, я попал в деревенскую глушь, где поневоле мне пришлось временно устроиться в еврейской корчме, которую содержала очень зажиточная и патриархальная еврейская семья местного лесопромышленника. Долгое время хозяйка уговаривала меня у них столоваться еврейским кошерным столом; в конце концов я принужден был сдаться на доводы хозяйки. При этом хозяйка, уговаривая меня, объясняла, что все отличие их птицы и мяса в том, что *"оно обескровлено"*, а главное, — *"перерезаны сухожилия под мышками у животных, у птиц же — на ногах и под крыльями"*. Это, по мнению хозяйки, имеет глубокий религиозный смысл в глазах евреев, *"делая мясо чистым"* и годным для пищи, тогда как *"животное с неперерезанными сухожилиями считается нечистым"*; при этом она добавила, что *"раны эти может наносить только резник"* каким-то особым орудием, причем *"раны должны быть ровные"*.

По вышеизложенным соображениям я остаюсь при том твердом и обоснованном убеждении, что в лице Андрюши Ющинского мы должны видеть безусловно жертву ритуала и еврейского фанатизма. Не подлежит сомнению, что это должен был быть ритуал более сложный, более квалифицированный, нежели обыкновенный ритуал, по правилам которого ежедневно производится убой скота и приносится ежедневная кровавая жертва. Кстати, — вот причина, почему евреи так широко раскрывают двери синагоги. Так охотно, иногда демонстративно зазывают к себе, как бы говоря: *"Смотрите, вот как мы молимся, вот наш"*

храм, наше богослужение: видите, у нас нет тайны". Это ложь, тонкая ложь: нам показывают не храм и не богослужение. Синагога не есть храм — это только школа, молитвенный дом, религиозный клуб, доступный всем желающим. Раввин не есть священник, нет — это только учитель, избранный обществом; храма у евреев нет; он был в Иерусалиме, и он разрушен. Как в библейские времена, так и теперь храм заменяется скинией. В скинии совершаются ежедневные жертвоприношения. Эти жертвоприношения может совершать только резник — лицо духовное, соответствующее нашему священнику. Ему помогают прислужники — левиты; я их также видал на бойне — они соответствуют нашим дьячкам и причетникам, которые, несомненно, подразделяются у них на несколько разрядов. Вот в этот-то храм-скинию нас и не пускают и не впускают даже простых евреев. Доступ туда разрешен только священнослужителям, простые же смертные могут быть лишь зрителями и стоять в отдалении, — это я также видел на бойне. И если вы проникнете в их тайну, — вам грозят мстью, вас готовы избить камнями, и если вас что может спасти, так это общественное положение и, быть может, случайные обстоятельства — это я также на себе испытал. Но мне могут возразить: но ведь внешность бойни вовсе не соответствует внешности древней скинии?! — Да, это правда.

Но я объясняю себе это тем, что еврейство не желает привлекать к себе слишком зоркого внимания. Оно готово поступиться мелочами внешней конструкции, готово идти на отступления, чтобы ценою их купить тайну ритуала во всей его библейской неприкосновенности.

В заключение не могу не сказать: как же мы мало знаем еврейство и евреев! Мы ведь совсем их не знаем. Как они умело скрывают под фиговым листом невинности силу громадную, мировую силу, с которой с каждым годом приходится все больше и больше считаться. Но не из трусости, не из страха перед этой силой, не "страха ради иудейска" я предпочту скрыть свое имя, оставив его временно под забралом; нет, — тут играют роль скорее тактические соображения, в силу которых я буду более спокойно и уверенно подготавливать новый материал, который может дать иное, еще более полное освещение трактуемому вопросу. Причем я оставляю за собой право в любой момент указать и местность, и приблизительно время, когда произошло событие, т. е. когда я был зрителем описанного ритуала, — а также и назвать свое имя. Но это — потом, а пока подписываюсь псевдонимом

"Под забралом".

О терафимах

Ужасные "терафимы" ссабиев, Лавана и отчасти Маймонида, не дают покоя ни днем, ни ночью. Сперва не понимаешь, "как" и "что", — и потом только поймешь, что нужно было привести "красного человека" в такое состояние, чтобы взятая за волосы или за череп голова и немного потянутая кверху — легко "отходила" бы, отделялась от туловища, была "собой" и "одна", — без разлома, вредительства, искусственности и ножа. "Родилась" или "сделалась голова", — и потом "предсказы-

вала”, а перед нею возжигали лампы. ”Ах, *вот как* делается бог”, как делали ”своего бога” Лаван и Ревекка...

”О человеке *в тоске* говорили (по улицам, в быту): ”Он *сидит в масле*”. Значит, — *все* знали, *народно*, и все одобрили этот способ ”изготовления бога”... Бррр... это-то и не дает спать. ”Каково ему было?” — спрашивает христианин. Когда его уже тащили в храм, он знал, что ”из него будут делать бога” и голова его ”будет предсказывать”. Каково же со всем этим ”предсказанием” о себе было сидеть ему в масле...

Тосковал...

Тоскующий ”будущий бог”...

И — одна голова!!!

Бррр...

Но вот что:

Отделять, даже в изображении, голову от ”остального”, — так сказать, *портретно* убивать — мне после этих ”терафимов” кажется страшным, преступным и запрещенным. Между тем ”головные изображения” ведь действительно — *есть*. Ведь действительно *есть, существуют* ”тоскующие головы” в живописи, скульптуре, — и не будем договаривать ”где”... Таким образом, ”терафимы” эти, столь непостижимые, не есть ли брезжущий через тысячелетия образ, вид, существо чего-то знакомого?..

Глава...

Замученного...

Тоскующего...

Лампада...

Теперь: почему же ”предсказывает”? откуда сила ”предсказать”? ”Отцу моему Лавану она скажет, *куда* бежал Иаков с женами и детьми? Отец догонит его и вернет или отнимет нас. А мы его любим и хотим еще иметь детей от него” (Ревекка).

”Предсказывала” голова ”от тоски”. Ведь, масло — легкое, легче воды; и сперва ”красный человек” просто промасливался, причем сия легкая жидкость на него, на грудь, на дыхание — не давила. ”Легко дышалось”, — пока голова, если ее тронешь, ”сама отходила” от туловища. И, вот, от ”посадили в кадку с маслом” до ”голова отделилась” — проходили часы, дни...

Сколько же? Испытать бы хоть на курице, на телянке. Эти ”ссабии” не дают покоя...

Какие изверги. Хуже, чем в Иерусалиме, где кричали ”распни Его”. В масле умирать было еще страшнее, потому что *уж очень долго*...

Томилась душа...

Никто не трогал...

”Пальцем не шелохнуть”...

А *он* умирал и умирал... И когда умер — становился ”Он”. Возжигают лампы, молятся...

Но отчего же он ”предсказывал”? *Сила* его ”сказать” и ”после смерти” исходила от великого, от исключительного, от чудовищного страдания, но — *внутреннего, сосредоточенного*, именно вот ”от тоски”...

И — *некому* сказать. ”Уже решено все”. Жрецы едва ли даже и присутствуют. Так, заглядывают иногда, ”готово ли”...

”Нет, не готово, — еще *шевелится*”...

”Не готово: еще смотрит... Т. е. *следы*, что как будто *смотрит*”...

Вздохи...

А ”цела” голова: о, в *масле* не загнивают, а промасливаются. Ведь испустив ”последний вздох”, он опускался, оседал, и *погружалась в масло и голова*.

И кадка ”с богом” еще долго стояла, — год, — пока, тронув, жрецы видели, что ”сама отделяется”...

”У него — *терафим*, у него — *ефод*”, — сказано где-то в ”Книге Иисуса Навина” или в ”Книге судей израилевых”...

Несчастное человеческое томление, ужасные человеческие страдания...

Так мы болеем, тоскуем.

Теряем любовь и опять тоскуем...

Умирают дети — и еще тоскуем...

И будем умирать, ”как *терафим*”...

И молиться...

О, *тогда-то* мы уж будем молиться...

”Кто молится — он святой” (народ).

Вся молитва — от тоски...

Из страха...

Из горя...

Бедные мы человеки. Бедная наша судьба.

О, как хочется *не понимать мира*.

Голову вытаскивают из масла и говорят:

”*Пойми и предскажи*”.

И голова страдальца... говорила. Говорила, ведь? Слышали, — глухо, шепот, тихо: но — ”слышали”. Брр...

.....
Вот о *терафимах* выписки:

”Был некто на горе Ефремовой, именем Миха...

И был у Михи дом Божий. И сделал он *ефод* и *терафим* и посвятил одного из сыновей своих, чтоб он был у него священником.

В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым.

Один юноша из Вифлеема Иудейского, из колена Иудина, левит, тогда жил там;

этот человек пошел из города Вифлеема Иудейского, чтобы пожить, где случится, и идя дорогою, пришел на гору Ефремову к дому Михи.

И сказал ему Миха: откуда ты идешь? Он сказал ему: я левит из Вифлеема Иудейского и иду пожить, где случится.

И сказал ему Миха: останься у меня и будь у меня отцом и священником; я буду давать тебе по десяти сиклей серебра на год, потребное одеяние и пропитание.

Левит пошел к нему. И согласился левит остаться у этого человека, и был он, юноша, у него как один из сыновей его.

Миха посвятил левита, и этот юноша был у него священником и жил в доме у Михи.

И сказал Миха: теперь я знаю, что Господь будет мне благодетель, потому что левит у меня священником.

В те дни не было царя у Израиля; и в те дни колена Даново искало себе удела, где бы поселиться, потому что дотоле не выпало ему полного удела между коленами Израилевыми.

И послали сыны Дановы от племени своего пять человек, мужей сильных, из Цоры и Естаола, чтоб осмотреть землю и узнать ее, и сказали им: пойдите, узнайте землю. Они пришли на гору Ефремову к дому Михи и ночевали там.

Находясь у дома Михи, узнали они голос молодого левита, и зашли туда, и спрашивали его: "Кто тебя привел сюда? что ты здесь делаешь и зачем ты здесь?"

Он сказал им: "Тó и тó сделал для меня Миха, нанял меня, и я у него священником".

Они сказали ему: "Вопроси бога, чтобы знать нам, успешен ли будет путь наш, в который мы идем?"

Священник сказал им: "Идите с миром; пред Господом путь ваш, в который вы идете".

И пошли те пять мужей, и пришли в Лаис, и увидели народ, который в нем, что он *живет покойно*, по обычаю Сидонян, *тих и беспечен*, и что *не было в земле той, кто обижал бы в чем или имел бы власть*: от Сидонян они жили далеко, и ни с кем не было у них никакого дела.

И возвратились (онные пять человек) к братьям своим в Цору и Естаол, и сказали им братья их: "С чем вы?"

Они сказали: "Встанем и пойдем на них; мы видели землю, она весьма хороша; а вы задумались: не медлите пойти и взять в наследие ту землю; когда пойдете вы, придете к *народу беспечному*, и земля та обширна; *Бог предаст ее в руки ваши*; это такое место, где нет ни в чем недостатка, что получается от земли".

.....
И сыны Дановы взяли то, что сделал Миха, и священника, который был у него, и пошли в Лаис, против народа спокойного и беспечного, и *побили его мечом, а город сожгли огнем*" (Книга судей израилевых, главы XVII и XVIII).

* * *

Терафимы были и у евреев с самого раннего времени (Лаван и Иаков) до поздней эпохи царств. У пророка Осии упоминается, что "*терафимы* восстановятся вместе с праздниками и со всем правильным богослужением в Иерусалиме, как только народ еврейский вернется от служения *ваалам* к служению *истинному Богу*".

"Слово Господне, которое было к Осии, сыну Беериину, во дни Озии, Ифафама, Ахаза, Езекии, царей Иудейских, и во дни Иеровоама, сына Иоасова, царя Израильского.

Начало слова Господня к Осии. И *сказал Господь Осии*: "Иди, возьми себе *жену блудницу и детей блуда*; ибо сильно блудодействует земля сия, отступивши от Господа".

И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала и родила ему сына.

.....
И зачала еще и родила дочь, и Бог сказал ему: "Нареки ей имя Лорухама" (что значит *Непомилованная*).

.....
И, откормивши грудью *Непомилованную*, блудница зачала еще и родила сына.

И сказал Бог: "Нареки ему имя Лоамми (что́ значит — "*Не мой народ*").

Судитесь с вашею матерью¹, судитесь; ибо *она не жена Моя, и Я не муж ее*; пусть она удалит блуд от лица своего и прелюбодеяние от груди своих,

дабы Я не разоблачил ее донага и не выставил ее, как в день рождения ее, — не сделал ее пустынею, не обратил ее в землю сухую и не уморил ее жаждою.

И детей ее не помилую, потому что они — дети блуда.

Ибо блудодействовала мать их и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: "*Пойду за любовниками моими* (мой курсив), которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки".

За то́ вот, — Я загорожу путь ее тернами и обнесу ее градою, и она не найдет стезей своих,

и погонится за любовниками своими (курсив мой), но не догонит их, и будет искать их, но не найдет и скажет: "*Пойду я и возвращусь к первому мужу моему*; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь".

А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у ней серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала.

За то Я возьму назад хлеб Мой в его время и вино Мое в его пору и отниму шерсть и лен Мой, чем покрывается нагота ее.

И ныне открою срамоту ее пред глазами любовников ее, и никто не исторгнет ее из руки Моей.

И прекращу у нее всякое веселье, праздники ее и новомесячие ее, и субботы ее, и все торжества ее.

И опустошу виноградные лозы ее и смоковницы ее, о которых она говорит: "*Это у меня подарки, которые надарили мне любовники мои*"; и Я превращу их в лес, и полевые звери поедят их.

И накажу ее за дни служения Ваалам, когда она кадила им и, украсивши себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, говорит Господь.

Посему вот, — Я увлеку ее, приведу ее в пустыню и буду говорить к сердцу ее.

И дам ей оттуда виноградники ее и долину Ахор, в преддверие надежды; и она будет петь там, как во дни юности своей и как в день выхода своего из земли Египетской.

И будет в тот день, говорит Господь, ты будешь звать Меня: "Муж мой", и не будешь более звать Меня: "Ваали" (что́ значит: "Господин").

И удалю имена Ваалов от уст ее, и не будут более воспоминаемы имена их.

.....
И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии,

и обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа.

И будет в тот день, Я услышу, говорит Господь, — услышу небо, и оно услышит землю,

и земля услышит хлеб, и вино, и елей; а сии услышат Изреель.

И посею ее для Себя на земле, и помилую Непомилованную, и скажу не Моему народу: "Ты — Мой народ", а он скажет: "Ты — мой Бог!"

¹ Т. е., обращаясь к лучшим израильтянам через Пророка, Бог говорит им, указывая на остальную массу еврейского народа, впавшего в идолослужение (и пошла вслед Ваалам): "Судитесь с матерью своею", "судитесь с Иерусалимом, который изменил Мне". Прим. В. Р-ва.

И сказал мне Господь: "Иди еще и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, — подобно тому как любит Господь сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам и любят виноградные лепешки их".

И приобрел я ее себе за пятнадцать серебрянников и за хомер ячменя и полхомера ячменя,

и сказал ей: "Много дней оставайся у меня; не блуди и не будь с другим; так же и я буду для тебя".

Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя, и без жертвы, без жертвенника, без ефода и *терафима*.

После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни" (*Пророка Осии, главы I—III*).

Читатель не упустит заметить, что *суть* "Ваала" в том, что он "*не законный муж Израиля*", вовсе *не имевший* с ним никакого "завета", не дававший ему "в вено" земли ханаанской и вообще — ему *сторонний, чужой*. Это — "гой". Ваал есть "гой". Так. Согласны. Понятно. Но объективный медик находит, что "у *гоя* есть все, что и у *не гоя*". Тут-то и распаляется гнев, ярость, все. Гнев именно телесный, плотский, *отнюдь не духовный*. Мелькают груди, сосцы; мелькают "любовники", за которыми "погналась юница израильская". — "Ах", качает головою медик: "у любовника есть все, что и у *не любовника*". Медик сухой человек, не религиозный, и не понимает ни любви, ни верности, ни закона, ни завета. Ему — одна физиология. Вот почему медики вообще никогда не поймут существа религии. Религия и Библия открыли впервые человечеству существо священной любви, небесную сторону в любви: впервые они показали "закон", "брак" и "завет" там, где казалось дотоле одна медицина и биология...

Одно безразличие; грязное безразличие. "Гой"... "Ваали́".

А то — верность: это — "Иегова". И он потребовал верности; через пророков Он требует *одной верности* у Израиля.

Хотя и прав, научно и отдаленно, безбожный медик, качая головой: "Не понимаю: ведь *существо-то дела* все-таки одно".

И не объяснишь ему, что действительно в "любовничестве" и в "супружестве" совершается *одно и то же*, происходит *одно и то же*, но "одно и то же" — объективно, для зрителя...

Ну, и "для нее", израильтянки, "дочери Сиона", юницы...

Для Суламифи вообще "Соломон" или *не* "Соломон"...

Да: но *тогда* она и не была бы Суламифью, — "Возлюбленною", "Единственною"...

Была бы "просто — *так*", Парасковьей, Катериной.

Все разрушилось бы... Мир разрушился бы...

В мире должна быть Суламифь. *Тогда* освятятся и Парасковьи.

"Все равно" для Суламифи, потому что она — "девица", и ей "за кого бы ни выйти"...

Но для Соломона, для него уже — *не "все равно"*...

Он избирает, избрал...

Брак учреждает именно муж, а не женщина.

Учреждает его *любовь и ревность*... Учреждает, утверждает и охраняет.

Вот — "Ваалі" и "Он". Нет ничего более *сходного*. Но и нет ничего более *противоположного*. Для "мужа" нет ничего более вызывающего ярость, чем "Ваалі"... И — именно *оттого*, что "Ваали" не просто "занимаются разговорами" и "обсуждают новые телеграммы" с его супругою, но уводят ее в спальню и совершают с нею все, что совершается единственно в спальне...

Вот *это-то плотское*, отнюдь не *духовное*, соединение с "Сулами-фью" и отнимает у него сон, отнимает у него покой... Лишает всякого смысла его существование.

.....
Ну, *догадались* ли, что свет прорезывает четыре тысячи лет тьмы?

* * *

Медик качает головой: "Для *нас* все равно".

— Медная башка: ты никогда не поймешь религии¹.

¹ На *этом* основано, что евреи считают *себя* и каждое у них родившееся *дитя* рожденным "от Бога" не в духовном, а в прямом, плотском и, так сказать, неприличном смысле. И знаком сего служит, что каждое дитя требуется "Богом *себе*" от родителей в жертву, — и что, далее, за него непременно должен быть дан *выкуп*.

I

Текст о вкушении крови евреями — в Библии ЕСТЬ!!!

К удивлению, я нашел в самой Библии слова о вкушении крови священниками израилевыми. Они были сказаны Моисеем, с упоминанием, что — с Синая, от Бога. Вот эти слова:
Левит, глава X, стих 16—18:

”И разгневался Моисей на Елеазара и Ифамара, оставшихся сынов Аароновых, и сказал:

”Почему вы не ели жертвы за грех на святом месте? Ибо она святыня великая, и она дана вам, чтобы *снимать грехи с общества и очищать их перед Господом*”.

Вот, *кровь ее* [жертвы] не внесена внутрь святилища, а *вы должны были есть ее на святом месте, как повелено [Богом] мне*”.

Как поразительно, что слова эти не были никем замечены; ни даже в специальном исследовании — Хвольсоном.

II

”Памяти Андрюши Ющинского”

(Письмо в редакцию)

”М. Г. Хотя я не православный, даже еврей по самому происхождению своему, однако считаю долгом своей совести присоединиться к числу жертвователей на памятник над местом умучения хассидами Андрюши Ющинского в Киеве. Не он первый, не он последний. Поэтому желательно отречься от страстности и, наконец, попытаться с необходимым хладнокровием вникнуть в суть самого таинства причащения — единственного

способа общения человека с Богом путем принесения Ему в жертву существа, подобного и Ему Самому, и себе, т. е. величайшего и самого святого из ритуалов. Ритуал этот существовал в древности повсеместно, на всем лице вселенной; ныне уже почти одни только иудеи еще остаются верными хранителями этой мистерии, да и то, конечно, не все, а лишь одни потомки левитов, наследующие сокровеннейшие традиции истого служения Верховному Созидателю миров от Моисея и его предшественников, духовных вождей исчезнувших наций, цивилизаций и материков.

Интеллигентская чернь современности не поймет, конечно, всей возвышенности души тех, кто, подобно нашему праотцу Аврааму, в Киеве 12 марта 1911 года с сердцем, обливающимся кровью, отдавали Всевышнему жизнь того именно создания, которое для них самих было дорого наравне с собственным дитятею! Ведь те, кто пели гимн Творцу в те минуты, когда вместе с истекавшею кровью Андрюши испарялся к небесам чистый, непорочный дух его, — те люди всею душою и сами истекали скорбью: потому что задолго до принесения ими их великой жертвы они обязательно включить должны были ее в свое сердце; они, безусловно, любили бедного мальчика отнюдь не менее, чем единственного сына; не менее того, как любил Исаака сам Авраам: ибо лишь в этом единственном случае их жертва была совершенною и великое таинство — совершившимся. И, кто знает, не воссияет ли вскоре милосердая улыбка на лице Бога Израиля над избранным народом в награду за верное служение Ему, за соблюдение таинств, путем Ему, Единому, угодным?

Слава мученику Андрюше! Слава мученикам из колена Леви! Слава и труженикам из явных и скрытых израильтян, которым с невероятными трудами удалось не допустить до такого несчастья, как разорвание перед глазами непосвященной черни завесы Святая Святых истинной веры; слава Грузенбергу с соратниками!

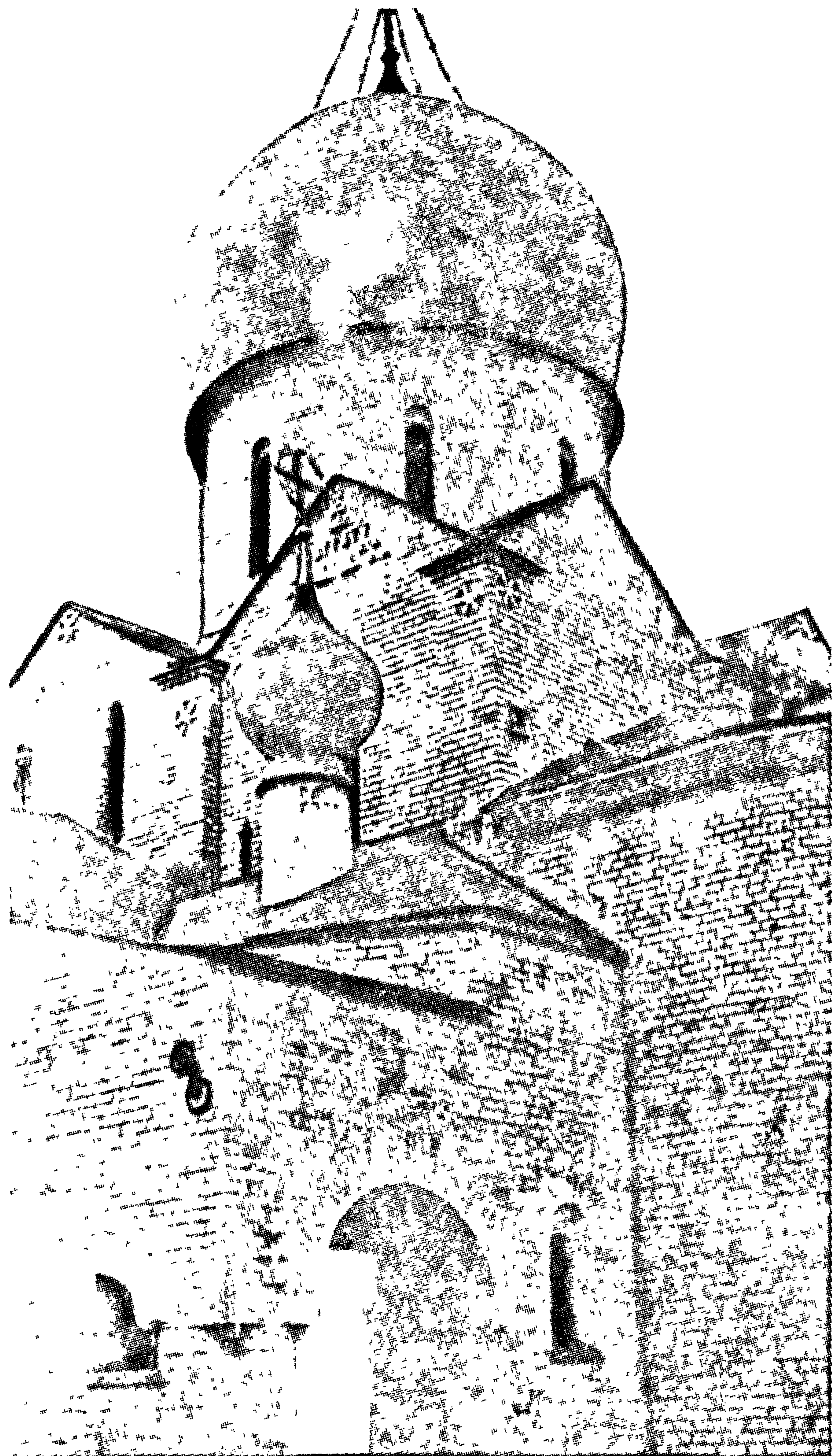
И презрение черни всего мира, бесноватой, глупой, болтающей вздор о хассидах, о нормальном суде и земной справедливости с ее законами и беззаконием! Шоа — Исроэль! Нет Бога, кроме Твоего Бога, и ты пророк Его.

Почетный член Императорского Археологического Института

Э. Л. Беренс".

Через справку по телефону у г. секретаря Археологического Института Э. Л. Беренс оказался, действительно, состоящим почетным членом названного института; службу имеет в нашем министерстве иностранных дел и находится русским консулом в г. Трапезунде, в Малой Азии. Письмо это, не мне написанное, послано было им, однако, для опубликования, вскоре по окончании дела Бейлиса; и потому я не совершаю нескромности, опубликовывая его.

Решительного значения этому письму я не придаю. Не в *нем* дело; не в сотнях писем и голосов — *за* или *против*; а в том, что все мы — *умираем*, и ищет человек прибежища от смерти — у Бога. *Как?* Ныне — в молитвах, до христианства — в *жертвах*. Самое существо жертвы ведь уже в наше время — загадка, тайна. Никто из современников (т. е. христиан) не заколет агнца, не заколет горлицы или курицы, дабы "остаться *самому живым*". А, между тем, в современном нам еврейском молитвеннике ("Молитвы евреев на весь год с переводом на русский язык, с подробным изложением богослужебных обрядов и историческими заметками о молитвах". Составил А. Л. Воль. Издание 7. Вильна. 1908 г.) есть слова, читаемые в канун *Дня отпущения, Йом-кипур*, когда

каждый еврей умерщвляет (замучивает) петуха и каждая замужняя еврейка замучивает курицу и произносит, обращаясь к "кому-то", к судьбе Эли, к "богу ли израилеву":

"Это моя жертва, это мое замещение. Этот петух (курица) пойдет к смерти, а я да доживу этот год в мире" (стр. 332)¹.

Что́ такое? Ничего *не понимаем!* Между тем — *есть, видим!!* Что́ "видим"? "Жертву за грех", "жертву как искупление", "жертву как выкуп". Мы собственно так зароскошествовались смертью за нас *Едино-го Безгрешного*, что как-то *глухо, не внимая* слушаем и *нашу* молитву: "Смертию смерть *поправ*", т. е. *истребив, изничтожив* смерть Своею божественною смертью. Мы *забалованы* богатствами христианства, — богатствами, дарами, милостынею к нам церкви. Мы веселимся и празднуем, "вкушая" один кулич и одни "крашеные яички" в свою Пасху. Но "канонические"-то яички — *красные*, и вся св. Пасха — "*красная*". Цвет жертвенной *крови*, за нас и грехи наши, во искупление нас от вечной смерти и геенны, *пролиянной*... Так "пролиянной" на страшном месте Голгофы... О, мы не судили бы так жестоко евреев, еще сидящих в "сени смертной", отрекающихся принять Христа, "Избавителя нашего" от всяких *наших и теперешних жертв*, если бы они так малодушно и по-мальчишески не лгали в этом страшном деле. "Что *нам* делать? Мы *еще* не избавлены! К нам *Искупитель* не пришел. И нам остались только древние жертвы, зенит и осмысление которых — в жертвоприношении Исаака Авраамом: на месте коего, *на самом этом месте* (по Талмуду) был воздвигнут жертвенник и Иерусалимского нашего храма".

И эта малодушная их ложь — вот их грех. Они недостойны религии ни древней, ни новой. Они — "клиптоты", шкурки, шелуха; а — *не зерно*.

Вот *где* их грех и ничтожество.

В. Р.
Спб. 25 янв. 1914 г.

¹ Еврейский *подлинник*. Перевод на русский язык сделан *не полно и не точно* для сокрытия смысла.

К ВОПРОСУ О МИФОЛОГЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. РОЗАНОВА

Загадки национальной души и жизни многих народов, особенно древних египтян, иудеев и, конечно, русских, всегда волновали Василия Розанова. В конце дней своих он писал о Египте как корне всей европейской культуры: "Начала цивилизации на самом деле были положены не греками и не евреями. Авраам, первенец от иудеев, пришел в Египет, когда он уже сиял всеми огнями. Авраам лепетал, когда Египет говорил полным голосом взрослого мужчины. Все народы — дети перед египтянами..."¹

Национальное своеобразие русской литературы Розанов осмысливал, как правило, в сопоставлении: "Русские внесли нечто совершенно новое во всемирную словесность. "Русская точка зрения" на вещи совершенно не походит на французскую, немецкую, английскую... Вся русская литература почти исключительно антропологична, — космологический интерес в ней слаб... Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все проникание у нас относится исключительно к душе человеческой, к судьбе человеческой, — и здесь по красоте и возвышенности, по верности мысли русские не имеют соперников. Но западные литературы в высшей степени космологичны, они копаются не около одного жилища человеческого, как все русские, всегда русские, — но озирают мир, страны, народы, судьбу народов"².

Гуманизм Розанова по-своему проявился в его понимании религиозно-нравственных аспектов национального вопроса. В любой конфессии — христианстве, мусульманстве, иудаизме — его привлекало общечеловеческое нравственное содержание. Так, прочитав русский перевод Талмуда, он и в этой священной книге евреев обнаруживает удивительную человечность как выражение заботы древних учителей о своем народе и его потомках.

Интерес и благорасположение Розанова к истории иудаизма особенно отчетливо отражены в его очерке "Юдаизм", опубликованном в журнале "Новый путь" в 1903 году. Писатель искал и находил в Ветхом Завете подтверждение своей родовой теории, которая в обобщенной форме была изложена в вышедшей в том же году его книге "Семейный вопрос в России".

Во втором коробе "Опавших листьев" он вспоминал, что "пробуждение внимания к юдаизму, интерес к язычеству, критика христианства — все выросло из одной боли" — из семейного вопроса, из личного и литературного, из того, что церковь не желала признать его детей от второго брака, из того, что она по своим

¹ Розанов В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 339.

² Розанов В. В. Собр. соч. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 368—369.

консисторским правилам забывала о конкретном человеке. А юдаизм, напротив, был обращен к семье, браку, "человеку рождающему" как высшему проявлению человеческой сущности.

Библия, Ветхий Завет, по словам Розанова, "универсальный родильный дом", который жаждал обрести писатель и в России. К. Чуковский назвал это чувство Розанова "страстной, безмерной любовью к цветущей, чресленной, рождающей плоти"¹.

Получив книгу Розанова "Люди лунного света", его друг — критик М. О. Гершензон писал Василию Васильевичу: "Вы, несомненно для меня, сделали великое открытие, подобное величайшим открытиям естествоиспытателей, и притом в области более важной, — где-то у самых корней человеческого бытия"². Эти "корни человеческого бытия" находил Розанов в Древнем Египте и Ветхом Завете, в иудаизме и христианстве, хотя понимал их по-своему. Размышляя об этом в книге "В мире неясного и нерешенного" (1901), он стремится осмыслить для себя древнюю религию, обожествлявшую семья, пол, роды.

Осенью 1909 года, когда завязалась переписка Розанова с Гершензоном, последний обвинил его в том, что он "чувствует национальность". Гершензон считал это "звериным чувством". Розанов совершенно искренне отвечал на это: "Антисемитизмом я, батюшка, не страдаю: но мне часто становится жаль русских, — как жалеют и детей маленьких, — безвольных, бесхарактерных, мило хвастливых, впечатлительных, великодушных, ленивых и "горбатых по отце". Что касается евреев, писал он, то "я как-то и почему-то "жида в пейсах" и физиологически (почти половым образом) и художественно люблю и, втайне, в обществе всегда за ними поглядываю и люблюсь... Мне все евреи и еврейки инстинктивно милы"³.

После убийства П. А. Столыпина образ мыслей Розанова в этом отношении меняется, и он пишет Гершензону в начале 1912 года: "Я настроен против евреев (убили — все равно Столыпин или нет, — но почувствовали себя вправе убивать "здорово живешь" русских), и у меня (простите) то же чувство, как у Моисея, увидевшего, как египтянин убил еврея" (Моисей "убил Египтянина и скрыл его в песке")⁴.

Василий Васильевич признавался, что когда он пишет дурно о евреях, то всегда с болью думает: "Это будет больно Гершензону", которого он любил. Но "что делать, после смерти Столыпина у меня как-то все оборвалось к ним (посмел бы русский убить Ротшильда и вообще "великого из ихних"). Это — простите — нахальство натиска, это "по щеке" всем русским — убило во мне все к ним, всякое сочувствие, жалость"⁵.

Во вторую годовщину смерти Столыпина в Киеве был открыт ему памятник. Как бы предчувствуя приближающееся лихолетье России, Розанов писал, что только глубокая мечтательность русских и знаменитое русское "долготерпение" мирились и выносили, что у нас иногда на долгие десятилетия водружалось "безнациональное правительство"⁶.

¹ Чуковский К. Книга о современных писателях. М., 1914. С. 172—173.

² Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона, 1909—1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 231.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Розанов В. К открытию памятника П. А. Столыпину // Новое время. 1913. 5 сентября.

Розанову как писателю всегда присущ антиномизм мышления, что проявилось и в его отношении к еврейскому вопросу. Понимание и любовь соседствуют с настороженностью, недоверием, ожиданием "беды для себя".

В 1909 году он писал: "Мне как-то пришлось прочесть, что нет ничего обыкновеннее на улицах Иерусалима, как увидеть жителя (не помню, сказано ли "еврея"), спешно идущего, который держит в руках цветок и постоянно подносит его к носу. В Берлине и Лондоне этого невозможно встретить. В другой раз я удивился, прочитав, что в иерусалимских молитвенных домах евреи часто передают из рук в руки разрезанный пополам свежесорванный лимон и все поочередно обоняют его, "дышат его запахом". Ритуальный закон, что в субботу или в пасху евреи *вдыхают запах вина*, известен. Это *обонятельное* отношение к вину вместо *вкусового* или *впереди* вкусового — замечательно"¹. Розанов всегда с особым вниманием относился к ритуальности иудаизма.

И вот через шесть лет он делает в "Мимолетном" такую "программную" запись о евреях, может быть наиболее характерную для его умонастроений того "смутного времени": "Вот что: все евреи, от Спинозы до Грузенберга, не могут отвергнуть, что когда произносится слово "ЕВРЕЙ", то все окружающие чувствуют ПОДОЗРЕНИЕ, НЕДОВЕРИЕ, ЖДУТ ХУДОГО, *ждут беды себе*. Что? Почему? Как? — Неизвестно. Но не поразительно ли это общее беспокойство, и недоверие, и страх..."²

Эти два отрывка так же взаимоисключающи, как и статьи Розанова "направо" и "налево" в "Новом времени" и "Русском слове". Свои религиозно-философские построения он пытался прилагать к конкретным историческим фактам, не задумываясь подчас о том общественном резонансе, который это могло иметь.

В книге "Сахарна", написанной в 1913 году и набравшейся летом 1917 года в типографии "Товарищества А. С. Суворина "Новое время" (последний лист неоконченной корректуры датирован 5 августа 1917 г.), Розанов продолжил основные темы "Уединенного" и "Опавших листьев", придав им особую остроту. Например, о Гоголе, "самой центральной фигуре XIX века", он писал с небывалой силой: "Гоголь — первый, который воспитал в русских *ненависть к России*... Гоголь — все. От него пошло то отвратительное и страшное в душе русского человека, с чем нет справки. И еще вопрос, исцелится ли вообще когда-нибудь Россия, если не явится ум..." В "Сахарне", как и в других книгах, Розанов превыше всего — политики, религии, литературы — ставил живого человека, смысл и загадку его существования. Он воспел женщину, силу рода и материнства ("пола" и "беременности", по его словам) так, как никто в русской литературе ни до, ни после него не сумел. И в то же время вся книга аутична, обращена к самому себе ("единственно, кого мы хорошо знаем, — это себя"). Отсюда, в частности, пространное рассуждение о том, что не давало покоя его современникам, — участие писателя одновременно в двух газетах разного направления (консервативная — "Новое время" и либеральная — "Русское слово"). Сам Розанов усматривал в этом "нечто провиденциальное": свои давние и самые упорные мечты — разрушить партии, политику, "ссоры", шум газет ("все это должно пасть").

Осенью 1913 года Розанов печатает несколько статей в газете "Земщина" в связи с судебным процессом М. Бейлиса. Руководители Религиозно-философс-

¹ Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 465—466.

² Розанов В. В. Собр. соч. Мимолетное. М., 1994. С. 228.

кого общества, и прежде всего Д. С. Мережковский и А. В. Карташев, поднимают вопрос об изгнании Розанова из своей среды за статьи, написанные в связи с делом Бейлиса.

19 января 1914 года Религиозно-философское общество было собрано для исключения Розанова. Разгорелась острая дискуссия. Раздавалось много голосов в защиту Розанова. Председательствующий даже растерялся, и заседание было отложено. М. М. Пришвин, присутствовавший на этом первом заседании, записал в дневнике: "Когда-то Розанов меня исключил из гимназии, а теперь я должен его исключать. Не хватило кворума для обсуждения вопроса, но бойцы рвались в бой".

Через неделю, 26 января 1914 года, заседание Религиозно-философского общества возобновилось. Противники Розанова (на заседания он не ходил) сплотились, народу привалило видимо-невидимо. Выступивший друг Д. С. Мережковского Д. В. Философов заявил: "Или мы, или он"¹. Ряд священников и философов выступили против суда над Розановым и против его исключения. Рассуждали так: "Неужели только один Розанов говорил нам жестокие вещи? Что же, мы стали бы изгонять из нашего Общества и Константина Леонтьева, который тоже говорил жестокие вещи?" Решительно против исключения Розанова выступил близкий друг А. Блока Е. П. Иванов. "Вы, — сказал он, — прибегли к полицейской мере изгнания, не будучи в силах справиться с врагом словом".

Самым блестящим было выступление поэта Вячеслава Иванова. Выступавшие до него с попытками осуждения Розанова говорили "с робостью, даже с нравственной трусостью", что не человека, мол, судят, что не смеют судить человека. Кто же тогда остается, кто же осуждается — писатель? Но писатель, как автор произведений, вообще суду не подлежит. "Писатель и потомство, — полагал он, — посмеются над таким судом, если бы он мог состояться... Писатель, целиком взятый, столь нежный и целостный организм, что разбивать его на части и вырывать их из контекста нельзя. Тогда пришлось бы исключить и Достоевского, и Сологуба, и, конечно, Мережковского исключили бы 100 раз... Мы исключили бы и Гоголя, если бы жили в эпоху "Переписки с друзьями", и проч., всякий раз поступали бы смешно и неплодотворно". Василий Васильевич не призывал к погромам и не унижал еврейский народ; если бы он призывал к кровопролитию, тогда подобные призывы выпадали бы из сферы писательской деятельности и подлежали бы суду и тогда, говорил Вяч. Иванов, он первый стоял бы за "всевозможное опозорение" Розанова. "Но здесь дело иное. Я встречаю с его стороны заявления, может быть, мне непонятные по своей психологической и этической связи, заявления парадоксальные, больше того, отвратительные, внушающие глубокое омерзение, — но если это омерзительное стоит в связи с писательской деятельностью, то здесь мой суд умолкает... Убеждаю вас не исключать Розанова".

Гневную речь против Розанова произнес А. В. Карташев. Мережковский упорно повторял: "Или мы, или Розанов". Много лет спустя Зинаида Гиппиус в книге о своем муже "Дмитрий Мережковский" вспоминала, что не одни "архаровцы" из "Земщины", где были напечатаны статьи Розанова о процессе Бейлиса ("Андрюша Ющинский", "Наша "кошерная печать" и др.), не поняли розановского взгляда на евреев, не поняли; что Розанов "по существу, пишет за евреев, а вовсе не против них, защищает Бейлиса — с еврейской точки зрения.

¹ Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества. СПб., 1914. Вып. 4. С. 12. Далее цит. с. 20, 32, 48—49, 65.

Положим, такая защита, такое "за" было тогда, в реальности, хуже всяких "против"; недаром даже "Новое время" этих статей не хотело печатать"¹. Розанов имел способность говорить интимно о национальном, совсем не задумываясь, как его могут понять и перетолковать.

В августе 1918 года Розанов писал критику А. А. Измайлову: "Я не понимаю: евреи или не понимают себя, или забыли свою историю, или слишком развращены русскими. Иначе ведь они должны бы, уже со статей в "Нов. Пути", — обнять мои ноги. Я же *чистосердечно* себя считаю... почти не "русским писателем", но настоящим и воистину последним еврейским пророком".

Памятное заседание Религиозно-философского общества, посвященное исключению Розанова, затянулось до глубокой ночи. Вместо первоначальной резолюции об исключении на голосование была поставлена другая формулировка: "Выражая осуждение приемам общественной борьбы, к которым прибегает Розанов, общее собрание действительных членов Общества присоединяется к заявлению Совета о невозможности совместной работы с В. В. Розановым в одном и том же общественном деле". Такое решение было принято 41 голосом "за" при 10 "против" и 2 воздержавшихся.

Формально Розанов оставался членом Общества до тех пор, пока 15 февраля 1914 года не направил председателю Религиозно-философского общества письмо с просьбой исключить его из Общества, поскольку в члены его должен был баллотироваться С. О. Грузенберг, которого Розанов (сознательно или нет) спутал с О. О. Грузенбергом, защитником Бейлиса на судебном процессе в Киеве.

В 1914 году Розанов собрал свои статьи последних лет по еврейскому вопросу и опубликовал их в книге "Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови", где речь шла о тайнах и ритуалах иудаизма, о деле Бейлиса и отношении к нему печати.

Розанов думал и выговаривал разное, творил свои мифы, но всегда болел за Россию. На вопрос, что он все-таки отрицает решительно и однозначно, писатель отвечал: "Непонимание России и отрицание России".

Размышления о браке, семье, поле, о родовом, "чресленном начале", воплощенном в Ветхом Завете, об истории евреев по Ветхому Завету отражают своеобразную ориентированность русской религиозной мысли начала XX века, мировосприятие многих писателей Серебряного века. К данной проблематике обращались С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский — ближайшие друзья Розанова, с которыми он постоянно обсуждал эти вопросы. Размышления на подобные темы были характерны и для писателей-символистов.

Иные представления господствовали в тех либеральных кругах, которые, начиная с публикаций "Уединенного" и особенно "Опавших листьев", выступали с резкой критикой писателя за его "недемократизм". Розанов никак не мог понять их "странной аргументации", отказывался ее принимать.

Многие современники не понимали Розанова, а некоторые видели в нем лишь "врага" демократии и еврейства как движущей силы ее. Обращаясь к еврейскому вопросу с точки зрения своей историософии, Розанов отнюдь не думал ущемить достоинство еврейского народа. Его интересовало то особенное, что было в истории этого народа и что было близко его собственной родовой теории. Он стремился выразить свое понимание истории и России. Идея превосходства одного народа над другим была чужда Розанову, но это отнюдь не исключало

¹ *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. 14 декабря. Дмитрий Мережковский. М., 1991. С. 448.

горячей любви к своему народу, как к своей матери, своему дому, своему отечеству.

Размышления о евреях, еврейских обычаях и нравах в историческом аспекте, еврейском вопросе в России — все это для Розанова составляло некую мифологему, которую он пытался обосновать и изложить во вневременном контексте. И тогда возникали такие его великолепные очерки, как "Библейская поэзия" (1912) и др. Когда же Розанов обращался к конкретным событиям, то из-под пера появлялись публицистические статьи, за которые перед смертью он как христианин просил прощения у евреев и за которые иные и поныне склонны считать его антисемитом.

Антиномии Розанова сказывались и здесь. Он был "православным язычником" и потому творил миф об "обонятельном и осязательном отношении" евреев к жертвоприношениям, поскольку это вытекало из созданной им мифологемы. Его мало интересовали исторические реалии (поэтому при переизданиях он отказывался исправлять фактические неточности, на которые ему указывали). Прежде всего писателя заботила виртуальная литературная мифологема, творимая им по своим собственным внутренним законам. Современники же воспринимали его мифологему как прямое видение действительности.

За несколько дней до смерти Розанов просил прощения у всех — у Мережковских и у М. Горького, с которыми давно рассорился, у врагов и у друзей. Продиктовал он дочери и свое "послание к евреям": "Благородную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у нее прощения за все мои прегрешения и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первой в свете по назначению. Главным образом, за лоно Авраамово в том смысле, как мы объясняем это с о. Павлом Флоренским. Многострадальный, терпеливый русский народ люблю и уважаю"¹.

В его предсмертной воле, написанной собственноручно, о евреях говорится: "Веря в торжество Израиля, радуюсь ему, вот что я придумал. Пусть еврейская община в лице московской возьмет половину права на издание всех моих сочинений и в обмен обеспечит в вечное пользование моему роду-племени Розановых честную ферму в пять десятин хорошей земли, пять коров, десять кур, петуха, собаку, лошадь, и чтобы я, несчастный, ел вечную сметану, яйца, творог и всякие сладости и честную фаршированную щуку. Верю в сияние возрождающегося Израиля и радуюсь ему"².

Эта "честная фаршированная щука" в "возрождающемся Израиле" говорит о слишком многом. Своих мифологем Василий Васильевич никогда не забывал, но давал им новые и новые прочтения, порождая все новые и новые вопросы.

М. М. Спасовский, редактор-издатель журнала "Вешние воды", познакомившийся с Розановым в 1913 году, писал позднее, уже в эмиграции, что в книге "Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови" Розанов никакой пропаганды против евреев не вел, — он вскрывал в ней отношение евреев к крови в мистическом плане обрядовой стороны, так же как это он делал, копаясь в "египетских пирамидах"³.

Розанов осуждал антисемитизм и его концентрированное выражение — погромы, как он убедительно написал о том в "Апокалипсисе нашего времени"

¹ Розанов В. Письма 1917—1919 годов // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 86.

² Там же. С. 84.

³ Спасовский М. М. В. В. Розанов — личность и творчество // Возрождение. Париж, 1960. № 108. С. 45.

(“Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромы?”). Но он всегда оставлял за собой право высказываться против тех, кто ненавидел Россию или клеветал на нее. “Не люблю и не доверяю”, — говорил он о таких независимо от национальности. И это было его право как русского писателя, которое никто и никогда не мог отнять у него. Он не мог и не желал одинаково относиться, “уравнять” “ненавидящих Россию и вредящих ей” с “любящими Россию и служащими ей трудом, честью и правдою”¹.

Н. А. Бердяев, говоря о влиянии Розанова на формирование в России “нового религиозного сознания”, писал: “Основным было влияние проблематики В. Розанова. Он был самой крупной фигурой собраний. В сущности, произошло столкновение Розанова, гениального критика христианства и провозвестника религии рождения и жизни, с традиционным православием, монашески-аскетическим сознанием. Были поставлены проблемы отношения христианства к полу и любви, к культуре и искусству, к государству и общественной жизни”². В 1914 году в Религиозно-философском обществе, по его мнению, возобладали иные силы, иные люди, которым Розанов с его русской идеей явно мешал.

В отзыве на книгу Бердяева “Смысл творчества”, напечатанном в “Новом времени”, Розанов высмеивал притязания национального мессианизма. Он предостерегал от этой опасности, в каком бы народе она ни проявлялась. “У русских — мессианизм славянофилов и главным образом Достоевского, сказавшийся в знаменитом монологе Ставрогина о “народе-Богоносце” и в речи самого Достоевского на открытии памятника Пушкину. Удивительно, что никому не пришло на ум, как это место *опасно*. Т. е. как опасно вообще и всемирно стремиться к первенству, исключительности, господству”³.

Мифологемы национального в творчестве В. В. Розанова в наше время звучат по-новому, заставляя о многом задуматься, когда национальные проблемы нередко становятся определяющими в отношениях между народами и государствами.

А. Николюкин

¹ Розанов В. В. Собр. соч. Мимолетное. М., 1994. С. 82.

² Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж, 1989. Т. 3. С. 691.

³ Розанов В. Идея “мессианизма” // Новое время. 1916. 10 июня.

КОММЕНТАРИИ

В публикуемых текстах, как и в предыдущих томах Собрания сочинений В. В. Розанова, сохраняются особенности авторской лексики. Написание собственных имен не унифицируется и не приводится в соответствие с ныне принятым (пояснения вынесены в комментарии и указатель имен).

САХАРНА

Летом 1913 г. В. В. Розанов вместе с женой Варварой Дмитриевной и дочерью Варей отдыхал в Бессарабии, в имении Евгении Ивановны Апостолопуло — Сахарна. С Е. И. Апостолопуло Розанов был знаком со времен Религиозно-философских собраний (1901—1903), а по ее смерти написал некролог "Памяти Е. И. Апостолопуло" (Русский библиофил. 1915. № 8). Записи 1913 г. составили книгу, получившую название "Сахарна" и разделенную писателем на три части: "Перед Сахарной", "В Сахарне", "После Сахарны". По характеру и манере записей эта книга примыкает к "Уединенному" (1912) и "Опавшим листьям" (1913, короб 2-й — 1915).

Летом 1917 г. был сделан набор (верстка) первой части книги ("Перед Сахарной") и второй части ("В Сахарне") до записи: "— Вы хотите с меня снять портрет, вы пошлете его Царю, и Он вам землицы даст?" Книга в свет не вышла, а эта верстка была впервые опубликована Н. И. Харджиевым в итальянском журнале "Ricerchi slavistiche" (Licoso, 1980/81. Vol. 27/28. С. 241—271: "К истории одной неизданной книги В. В. Розанова"). Небольшой отрывок того же текста появился в "Вестнике русского христианского движения" (1979. № 130. С. 163—167). В сокращенном виде названная верстка воспроизведена в "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1992. № 188. С. 76—109) и в полном виде в книге: *Розанов В. В. Религия. Философия. Культура*. М.: Республика, 1992. С. 314—356.

У Розанова, как и у поэтов Серебряного века, было обостренное чувство слова. На одной странице он мог писать одно и то же слово по-разному в зависимости от его художественной функции: целовал руку — когда речь шла о древнем обряде в церкви; целовал руку — когда говорилось о современном случае. Напомним кстати, что А. Блок по-разному писал слова "метель" и "мятель", вкладывая в них свои представления.

Принятые Розановым сокращения в тексте: Б. (Бог), Н. вр. ("Новое время"), О. л., Оп. л. ("Опавшие листья"), О пон. ("О понимании"), Р. ф. собр. (Религиозно-философские собрания), У. ("Уединенное"), Элевз. т. (Элевзинские таинства). Кроме того, Розанов часто сокращает обычные слова: б. (был), д. б. (должен был), м. (мой), м. б. (может быть), п. ч. (потому что), т. к. (так как), т. ч. (так что), в ваг. (в вагоне) и т. п.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые было опубликовано в журнале "Литературная учеба" (1989. № 2. С. 85—89). Печатается по рукописи РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 1—4 об.

С. 7. ...*"яко трава дние его"* — Пс., 102, 15.

Говорится о целом кружке лиц... — речь идет о московских религиозных философах, близких П. А. Флоренскому: М. А. Новоселов, В. А. Кожевников, С. Н. Булгаков и др.

С. 8. П. Ф.— то есть Павел Флоренский.

А. Г. — литературный критик А. С. Глинка, писавший под псевдонимом Волжский, автор статьи "Мистический пантеизм В. Розанова" (Новый путь. 1904. № 12: Вопросы жизни. 1905. № 1—3).

С. 9. В. К. — религиозный философ В. А. Кожевников (1852—1917).

С. 10. "...с булочной фамилией" — см. в книге В. В. Розанова "Уединенное": "Удивительно противна мне моя фамилия..."

С. 11. "Лукоморье" — издательство Михаила Суворина (старшего сына А. С. Суворина, издателя "Нового времени"), где был напечатан второй короб "Опавших листьев" Розанова.

А. Данилевская — ее письмо хранится в РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 49—50 об.

ПЕРЕД САХАРНОЙ

Печатается по корректуре невышедшей книги В. В. Розанова "Сахарна" (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 227), сверенной с рукописью в ГЛМ (Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 1—5).

Некоторые записи в рукописи, хранящейся в ГЛМ, имеют даты 1913 года, которые при подготовке к печати были Розановым зачеркнуты. Ниже приводятся эти даты, указанные в начале каждой записи:

Мне не нужна "русская женщина"...	— 15 января.
— Это что́ часы-то? Остановились?	— 13 января.
Теперь стою в банке...	— 10 января.
Много можно приобрести богатством...	— 10 января.
Как поправить грех грехом...	— 9 января.
— Отдай пирог! Отдай пирог!..	— 3 января.
Бредет пьяный поп...	— 27 января.
Вина евреев против И. Христа...	— 7 января.
За попа, даже и выпивающего...	— 11 января.
"Знаешь (и она назвала...)"	— 13 января.
Греки — "отец"...	— 8 января.
Батя. С Урала...	— 16 января.
Что истинно интересно?..	— 17 января.
Да почему он "скиталец"?	— 17 января.
В белом больничном халате...	— 21 января.
Купа седых (серых) волос...	— 21 января.
Я — великий методист.	— 21 января.
Христианству и нужно всегда жить...	— 21 января.
Первый из людей и ангелов...	— 21 января.
Какая-то смесь бала и похорон...	— 21 января.
— Я счастлива...	— 29 января.
Страхов так и не объяснил...	— 2 февраля.
Вечное — в мгновениях.	— Апрель.
Почему это важно...	— Апрель.
Наша молодежь отчасти глупа...	— Апрель.
В самом деле, писатель...	— Май
Что́ я так упираюсь...	— Май.
"Мы соль земли".	— 29 мая.
Самое семя души нашей сложно...	— Май, конец.
"Единственный глупый на Сахарну..."	— Май.
До так называемого...	— 29 мая.
Отсутствие государства...	— 22 мая.
Да не воображайте...	— 25 мая.
"Наша школа — тупа..."	— 29 мая.
Церковь возникла...	— Начало июня.

С. 13. *Шура* — Александра Михайловна Бутягина (1883—1920), дочь В. Д. Розановой от первого брака. Далее названы дети Розанова: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя.

С. 16. *"Синтетическая философия"* — основной труд Г. Спенсера "Система синтетической философии" (1862—1896).

Статья о футуристах Рог-Рогочевского. Львов-Рогачевский В. Л. Символисты и их наследники // Современник. 1913. № 6—7.

С. 18. *...придя с Айседоры Дункан домой.* — 14 января 1913 г. Розанов был в петербургском Малом театре на выступлении Айседоры Дункан, о чем написал статью "Дункан и ее танцы" (Новое время. 1913. 16 января; вошло в его книгу "Среди художников").

С. 19. *О, закрой свои бледные ноги* — моностих В. Я. Брюсова (1895).

На эмалевой стене... — В. Я. Брюсов. Творчество (1895).

Поп А-бов — священник И. Ф. Альбов, участник Религиозно-философских собраний, с которым Розанов вел переписку.

"И взяв кусок с блюда и обмакнув его в соль..." — Ин. 13, 26.

С. 21. *...авантюра на Ялу*. — Во время русско-японской войны 18 апреля (1 мая) 1904 г. в бою на реке Ялу (пограничной между Кореей и Китаем) 1-я японская армия под командованием генерала Т. Куроки нанесла поражение Восточному отряду русской Маньчжурской армии под командованием генерал-лейтенанта М. И. Засулича, что обеспечило наступление японцев в глубь Маньчжурии.

...в журнале еврея Кранихфельда — имеется в виду ежемесячный журнал "Современный мир", выходивший в Петербурге с 1906 по 1918 г. Одним из редакторов журнала был В. П. Кранихфельд, который вел отдел "Литературные отклики".

С. 22. *...почему он "скиталец"* — псевдоним писателя С. Г. Петрова.

...под Максима — имеется в виду А. М. Горький.

Фл. — П. А. Флоренский. В корректуре было: NN. Фамилия восстановлена по рукописи (также в конце записи).

Ан. Мих. — жена П. А. Флоренского Анна Михайловна, урожденная Гиацинтова (1883—1973).

С. 23. *"Гражданин"* — политическая и литературная журнал-газета, основанная и издававшаяся В. П. Мещерским в Петербурге в 1872—1914 гг.

...рассказывает в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков — речь идет о главе "Второй отрывок из Семейной хроники. Михайла Максимович Куролесов".

Иван Павлович — сотрудник журнала "Русский паломник" И. П. Щербов, близкий знакомый Розанова.

Кереметь — в вотяцкой (удмуртской) мифологии творец зла. Моления Керемети совершались при эпидемиях в священных рощах — кереметах. В "Уединенном" (М., 1990. С. 26) Розанов описывает празднование Керемети в Казанской губернии.

"Христианское чтение" — ежемесячное приложение к петербургскому журналу "Церковный вестник", выходило с 1821 г.

"Отдых христианина" — ежемесячный иллюстрированный религиозно-назидательный журнал, выходил в Петербурге в 1901—1917 гг.

С. 24. *Скука, холод и гранит* — А. С. Пушкин. "Город пышный, город бедный..." (1829).

...статьи о Страхове — предисловие к "Литературным изгнанникам" (СПб., 1913) Розанова: "Страхов, его личность и деятельность".

С. 27. *...в "Понимании"* — книга В. В. Розанова "О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания" (М., 1886).

С. 29. *"Мир как целое"* — труд Н. Н. Страхова "Мир как целое. Черты из науки и природы" (СПб., 1872).

"Идея рационального естествознания" — статья В. В. Розанова в "Русском вестнике" (1892. № 8. С. 196—221); вошла в первый том книги Розанова "Литературные изгнанники".

Облетели цветы... — С. Я. Надсон. "Умерла моя муза!" (1885).

С. 30. *Н-ня* — имеется в виду дочь Розанова — Таня.

С. 31. "*Теоретическая арифметика*" — книга Н. И. Билибина, вышедшая в Петербурге в 1899 г. 4-м изданием.

Н. — имеется в виду вторая жена И. Е. Репина, писательница Н. Б. Нордман-Северова (1863—1914).

С. 33. *Ты Петр еси* — Мф. 16, 18.

С. 34. *Пучок* — дочь Розанова Надя.

Се — раб, се — червь — Г. Р. Державин. "Бог" (1780—1784): "Я царь, я раб, я червь, я бог".

А. В. Тыркова начинает свою повесть — речь идет о книге А. В. Тырковой "Ночью" (СПб., 1911).

С. 35. "*Религия древнего мира*". — Хрисанф (В. Н. Ретивцев). Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1872—1878. Т. 1—3.

С. 37. "*Очерки греческой философии*". — Катков М. Н. Очерки древнейшего периода греческой философии. М., 1853; Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 1890.

Узнаем коней ретивых... — А. С. Пушкин. Из Анакреона. Отрывок (1835). Так цитирует это стихотворение Стива Облонский в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина" (ч. I, гл. 10).

С. 38. *Ныне так же, как и древле...* — Розанов неточно цитирует стихотворение В. С. Соловьева "Друг мой! Прежде, как и ныне..."

В САХАРНЕ

Печатается по корректуре невышедшей книги В. В. Розанова "Сахарна" (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 227 а, 228), сверенной с рукописью в ГЛМ (Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 5—10), а с записи "Они-то их целуют в плечико, а те все им "накладывают" — по рукописи РГАЛИ (Ед. хр. 228).

С. 41. "*Мы соль земли*" — Мф. 5, 13 (Вы — соль земли).

С. 42. *...как Спаситель при Тивериадском озере* — Ин. 21, 1. Этот эпизод из Евангелия Розанов рассматривает в статье "Небесное и земное" (Розанов В. В. Около церковных стен. М., 1995. С. 163—165).

...читаю свящ. Дроздова. — Дроздов Н. Всего понемногу // Колокол. 1913. 26 апреля.

С. 45. *...история с Булатовичем.* — А. К. Булатович (1870—1919), русский исследователь Эфиопии, в 1907 г. под влиянием Иоанна Кронштадтского уехал на Афон, где принял схиму. В феврале 1913 г. вынужден был покинуть Афон и указом Синода определен в Покровский монастырь в Москве.

С. 46. *Тентетников, Костанжогло, Муразов* — герои второго тома "Мертвых душ" Н. В. Гоголя.

С. 47. *Сицилианцы в Петербурге* — статья Розанова в "Журнале театра Литературно-художественного общества" (1909. № 3—4. С. 10—13). Стр. 230 — страница книги Розанова "Среди художников" (СПб., 1914), куда вошла эта статья.

С. 50. "*Сатирикон*" — еженедельный сатирический журнал, издававшийся М. Г. Корнфельдом в 1908—1914 гг. в Петербурге.

С. 51. "*Кристаллы человеческого духа*". — Леднев П. Кристаллы духа и отношение духа и материи. М., 1896. Ч. 1—2.

С. 53. *...у Августина Тьерри.* — Тьерри О. История завоевания Англии норманнами, с изложением причин и последствий этого завоевания в Англии, Шотлан-

дии, Ирландии и на материке до нашего времени: Пер. с фр. СПб., 1859—1860. Ч. 1—3 (ряд переизданий).

"Подпольная Россия" — книга С. М. Степняка-Кравчинского, написанная и вышедшая на итальянском языке (1882), в переводе автора на русский язык — в Лондоне в 1893 г. В ней описано дело Д. А. Лизогуба, повешенного в 1879 г. в Одессе за подготовку покушения на Александра II. Лизогуб — герой рассказа Л. Н. Толстого *"Божеское и человеческое"* (именуемый Светлогубом), который Розанов читал в иллюстрированном приложении к газете *"Новое время"* (1906. 19 и 22 июля).

Дебогор. М. — революционный народник В. К. Дебогорий-Мокриевич.

"К уму своему" — первая сатира Антиоха Кантемира *"К уму своему (На хулящих учения)"* (1729).

С. 55. *Нет праведного гнева...* — Готовя книгу к печати в марте 1917 г., Розанов сделал на корректуре этой и следующей записи помету: *"Выкинуть. Напечатать после моей смерти"*.

Забыл, к счастью, имя — речь идет о скульпторе М. М. Антокольском, авторе статуй *"Ермак"* (бронза, 1891), *"Иван Грозный"* (бронза, 1871), *"Спиноза"* (мрамор, 1882) в Русском музее в Петербурге.

... "ленивы и равнодушны" — А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Гл. 2 (*"ленивы и нелюбопытны"*).

С. 56. *Вержболово* — пограничная станция на границе с Германией.

"Шиповник" — книгоиздательство в Петербурге (1906—1918), основанное З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом.

А-бову и Д-ову — то есть Иоанну Федоровичу Альбову и Александру Александровичу Дернову, с которыми Розанов вел полемику.

С. 60. *... "смирись, гордый человек"* — слова из речи Ф. М. Достоевского о Пушкине 8 июня 1880 г. (Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1984. Т. 26. С. 139).

С. 61. *Проблемы Родзевича.* — Об учителе-поляке нижегородской гимназии Родзевиче, сосланном в Нижний Новгород после Польского восстания 1863—1864 гг., Розанов писал во втором коробе *"Опавших листьев"* (запись: *"У Родзевича была горничная..."*).

С. 65. *Акулина* — 16-летняя дочь богатого мужика Петра в драме Л. Н. Толстого *"Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть"* (1886).

С. 66. *Остапово.* — В рукописи Розанова зачеркнуто: *"Остапово — возмездие за Анну Каренину"*. Л. Н. Толстой умер на станции Астапово Тульской губернии.

У Герцена утонула мать — об этом Розанов писал в первом коробе *"Опавших листьев"* (запись: *"Никакой трагедии в душе... Утонули мать и сын..."*). 26 декабря 1851 г. А. И. Герцен написал по этому поводу письмо П.-Ж. Прудону.

Когда немец Шиллер и немец Гофман высекли поручика Пирогова — имеется в виду повесть Н. В. Гоголя *"Невский проспект"* (1835).

С. 67. *Евреи знают...* — эта и многие другие записи сделаны Розановым на бланке: *"Сахарнянская экономия Евгении Ивановны Апостолопуло. Земская школа виноградарства и виноделия с Опытной фермой, м. Резина Бессарабской губ., ж.-д. ст. Рыбница Ю. 3."*

С. 68. *Ст.* — П. Б. Струве; *Г. Л.* — Г. А. Лопатин; *М. Г.* — Максим Горький.

С. 69. *...статья Яблоновского.* — *Яблоновский А.* Голые люди // *Речь.* 1913. 12 мая.

...чь-то и Мережковского. — *Мережковский Д. В.* Розанов // *Русское слово.* 1913. 1 июня.

С. 71. *Портрет Репина...* — Портрет В. Г. Короленко написан в 1912 г. и хранится в ГТГ (воспроизведен в книге: *Грабарь И.* Репин. М., 1964. Т. 2. С. 285).

...мать "полька" — Эвелина Иосифовна Скуревич (1833—1903).

С. 72. *...в память Бугрова и Блинова.* — В статье *"Революционная Обломовка"* (1917) Розанов писал о нижегородском купце-старообрядце Блинове.

...статья об эмигрантах. — *Розанов В. В.* Не нужно давать амнистию эмигрантам // *Богословский вестник.* 1913. № 3 (см. в настоящем Собрании сочинений том *"Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского"*).

...*Короленко написал против кровавого навета.* — *Короленко В. Г.* К русскому обществу (По поводу кровавого навета на евреев) // *Речь.* 1911. 30 ноября. Статьи Короленко о процессе Бейлиса печатались в *"Речи"* и *"Русских ведомостях"* 19, 27, 28, 29 и 31 октября 1913 г.

...*спор Погодина и Белинского.* — В 1840-е гг. Белинский полемизировал с журналом *"Москвитянин"*, издававшимся М. П. Погодиным, который приветствовал книгу *"Выбранные места из переписки с друзьями"* Н. В. Гоголя.

"Одесские новости" — политическая и литературная газета, выходившая в Одессе с 1884 по 1918 г.

"Огни" — акционерное издательское общество, основанное в Петербурге в 1909 г. (ликвидировано в 1920 г.), выпускало историко-революционную (Г. В. Плеханов), художественную и популярную литературу.

"Прометей" — демократическое издательство в Петербурге в 1907—1916 гг., выпускавшее сочинения Л. Фейербаха, Л. Андреева, книги по истории литературы С. А. Венгерова и др.

"Молот" — издательство, выпускавшее в 1905—1907 гг. в Петербурге марксистскую литературу.

"Просвещение" — издательское товарищество, основанное в 1896 г. в Петербурге Н. С. Цетлиным. Существовало до 1922 г.

С. 73. ...*"дяди Митяя и Миняя"* — персонажи из пятой главы *"Мертвых душ"* Н. В. Гоголя.

С. 74. *Занте* — итальянское название острова (в группе Ионических островов) Закинфия (Розанов сначала так и написал, но затем зачеркнул и исправил на Занте).

С. 77. *"Оправдание добра"* — главный труд В. С. Соловьева в области нравственной философии, печатался в журналах с 1894 г., отдельным изданием в 1897 г. Розанов полемизировал с высказываниями Вл. Соловьева о Пушкине в своей статье *"Христианство активно или пассивно"* (*Новое время.* 1897. 28 октября; перепечатано в кн.: *Розанов В. В.* Религия и культура. СПб., 1899). Розанов далее пародирует статью Соловьева *"Судьба Пушкина"* (*Вестник Европы.* 1897. № 9) и содержащиеся в ней обвинения в адрес поэта.

18 ноября 1836 года — речь идет о несостоявшейся дуэли Пушкина и Дантеса в ноябре 1836 г.

С. 78. ...*"этот Толстой прожил пошлую жизнь"*. — См.: *Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. С. 54.

...*мертвым идиотом.* — Там же. С. 118.

...*Герцен был хвастунишка.* — Там же. С. 276.

...*"наелся русской крови"*. — Там же. С. 65.

Мер-ский — Д. М. Мережковский. Имеется в виду его резко критическая статья *"Розанов"* в газете *"Русское слово"* 1 июня 1913 г.

С. 82. ...*миф Кибелы.* — В греческой мифологии мать богов Кибела — дарительница плодородных сил земли. Ее культ в Риме, введенный в 204 до н. э., носил оргастический характер. Лукреций в поэме *"О природе вещей"* (II, 600—643) рисует картину шествия Кибелы.

С. 83. *"Письма Страхова"*. — Летом 1913 г. Розанов читал корректуру своей книги *"Литературные изгнанники"*, в которую вошли письма к нему Н. Н. Страхова.

"Испепеленный" — речь В. Я. Брюсова 27 апреля 1909 г. о Гоголе, напечатанная в журнале *"Весы"* (1909. № 4; отд. изд. М., 1909).

С. 84. *"Русская Правда"* — свод древнерусского права эпохи Киевского государства (списки XIII—XVIII вв.), включающий *"Законы Русского"*, *"Правду Ярослава Мудрого"*, *"Устав Владимира Мономаха"* и др.

С. 85. *"Рассказ о семи повешенных"* — рассказ Л. Н. Андреева (1908).

Был вечер... — В рукописи приписка Розанова: *"Не было ли это раньше, З. И.?"* Зинаида Ивановна Барсукова следила за печатанием *"Сахарны"*.

С. 86. *"Ветхозаветный храм"* — книга профессора Киевской духовной академии А. А. Олесницкого (1842—1907) *"Ветхозаветный храм в Иерусалиме"*.

С. 87. *"Молящ. Русь"* — статья Розанова *"Молящая Русь (На выставке картин М. В. Нестерова)"*, впервые напечатана в *"Новом времени"* 23 января 1907 г. и включена в книгу *"Среди художников"*, корректуру которой Розанов держал летом 1913 г.

С. 88. *"Не лежит закон праведнику"* — ср. 1 Тим. 1, 9.

... *"пасут их жезлом железным"* — От. 2, 27; 12, 5.

С. 89. *Фемистоклос и Алкид* — имена детей Манилова в *"Мертвых душах"* Гоголя.

... *"горячий роман"*. — Розанов развивает мысль о *"горячем и пылком романе"* матери К. Н. Леонтьева, высказанную в первом коробе *"Опавших листьев"* (Розанов В. В. *Уединенное*. М., 1990. С. 192).

С. 90. *"С того берега"* — книга А. И. Герцена, изданная в 1855 г. в Лондоне под псевдонимом Искандер.

... *люди "с общественным интересом"*. — В *"Уединенном"* Розанов писал: *"Когда я встречаю человека с "общественным интересом", то не то чтобы скучаю, не то чтобы вражду с ним: но просто умираю около него"* (с. 84—85).

... *из ресторана "Вена"* — см. запись в *"Мимолетном. 1914 год"* (19 апреля) в томе: Розанов В. В. *Когда начальство ушло...* М., 1997. С. 294.

С. 91. ... *папаша Мережковского*. — Сергей Иванович Мережковский был действительным тайным советником, столоначальником в придворной конторе при Александре II.

"Городок" (1905) — раннее произведение (с подзаголовком: *"Поэма из еврейской жизни в Польше"*) еврейского писателя Шолома Аша (1880—1957), эмигрировавшего в 1914 г. из России в США.

"Критические силуэты" — имеется в виду книга Ю. И. Айхенвальда *"Силуэты русских писателей"* (М., 1906—1910. Вып. 1—3).

С. 93. *В 12 часов по ночам...* — В. А. Жуковский. *Ночной смотр* (1836).

С. 96. ... *свящ. Горчаков* — речь идет о книге: *Горчаков М. И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей книги*. СПб., 1880.

С. 103. *Брокен* — высочайшая вершина в горах Гарца в центральной Германии. Согласно легендам, место, где в Вальпургиеву ночь (1 мая) дьявол и ведьмы справляют свои оргии. В литературе легенда получила отражение в сцене *"Вальпургиева ночь"* в первой части *"Фауста"* Гёте.

С. 104. *Лекции о христианстве Гизо*. — Гизо Ф. П. Г. *Размышления о сущности христианской веры*: Пер. с фр. М., 1865.

С. 106. *Странный договор...* — 25 июня (7 июля) 1807 г. на плоту, установленном посередине Немана близ г. Тильзит, Наполеон и Александр I подписали Тильзитский мирный договор.

С. 107. *"Речи и статьи"* — очевидно, имеется в виду книга К. А. Тимирязева *"Насущные задачи современного естествознания. Публичные речи"* (3-е изд. М., 1908). *"Жизнь растений"* (1878) Тимирязева выдержала ряд переизданий, 7-е изд. в 1908 г.

"Московская флора, или Описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии" (М., 1866; 2-е изд., 1889) — книга русского ботаника Н. Н. Кауфмана, оказавшая большое влияние на развитие ботаники в России.

С. 109. *Вьется алая лента игриво...* — Н. А. Некрасов. *Тройка* (1846).

С. 110. *"Вера и разум"* — богословско-философский журнал, издававшийся в 1884—1916 гг. в Харькове.

С. 113. *"Книга бытия моего"* — дневник археолога Порфирия Успенского (1804—1885), изданный посмертно в 1894—1902 гг. в 8 томах.

С. 114. *"Русское знамя"* — газета, орган Союза русского народа, издававшаяся в Петербурге с 1905 по 1917 г.

Сахарнянский монастырь — Сахарнянский Троицкий мужской монастырь в Бессарабии при селе Сахарна. Основан в 1776 г. Статьи Розанова о Сахарне

(“Уголок Бессарабии”, “Возле хлебов”, “Смерть урожая”, “Из монастыря домой”) печатались в “Новом времени” с 21 мая по 3 сентября 1913 г.

С. 115. *“История христианской церкви”* — книга К. П. Победоносцева “История православной церкви до начала разделения церквей” (СПб., 1891; 9-е изд. СПб., 1905).

С. 120. *Так проходит слава...* — слова из книги средневекового философа Фомы Кемпийского “О подражании Христу” (I, 3, 6), которые произносятся при возведении в сан римского папы.

“Старый дом” — очевидно, Розанов имеет в виду книгу Вс. С. Соловьева “Старый дом. Исторический роман начала царствования императора Николая I (Хроника четырех поколений)” (СПб., 1884) (продолжение романов “Сергей Горбатов” и “Вольтерьянец”).

С. 121. *“Письма к тетеньке”* (1881—1882) — цикл очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Шпонька — герой повести Н. В. Гоголя “Иван Федорович Шпонька и его тетушка”, вошедший во вторую часть “Вечеров на хуторе близ Диканьки” (1832).

“Смерть Павла I” — драма Д. С. Мережковского (1908).

“Неугасимая лампада” (1912) — сборник статей Д. В. Философова.

...книжка Кэрби и Спенса о муравьях. — *Кэрби В., Спенс В.* Общая естественная история насекомых, содержащая в себе подробное описание вредных и полезных насекомых, их превращений, пищи, приемов, служащих для ее добывания, жилищ и пр. Пер. с англ. А. Мин. М., 1863.

Михаил Андреевич — гражданский муж Е. И. Апостолопуло.

С. 122. *“История о Монтецуме”* — имеется в виду исторический роман Г. Р. Хаггарда “Дочь Монтецумы, царя Мексиканского” (1883; рус. пер. СПб., 1895, переиздан в 1903, 1904 гг.).

С. 123. *...свою книгу “Ветхий Завет”.* — *Гладков Б. И.* Священная история Ветхого Завета: Руководство для средних учебных заведений. СПб., 1907; 6-е изд. — СПб., 1913.

С. 125. *...ужасные его стихи о Бэконе.* — Александр Поп в философской поэме “Опыт о человеке” (1733—1734; послание IV, 281) называет английского философа Фрэнсиса Бэкона “мудрейшим, величайшим, подлейшим из людей”. К. А. Тимирязев приводит эту строку в своей книге “Насущные задачи современного естествознания” (М., 1908), в главе X “А. Г. Столетов” (впервые в “Русской мысли”. 1896. № 11).

...“имел 300 жен, 700 наложниц”. — В Библии говорится о 300 наложницах и 700 женах Соломона (3 Цар. 11, 3; Песн. 6, 8).

...критика Струве — имеется в виду статья: *Струве П. Б.* Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В. В. Розанове // Русская мысль. 1911. № 11.

С. 126. *Так храм оставленный — все храм...* — М. Ю. Лермонтов. “Расстались мы, но твой портрет...” (1837).

С. 128. *То, что́ было, — все прошло...* — А. С. Пушкин. “Если жизнь тебя обманет...” (1825).

С. 129. *Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо* — выражение принадлежит римскому комедиографу Теренцию (“Сам себя карающий”, I, 1).

С. 130. *“Современник”* — журнал, выходил в Петербурге в 1911—1915 гг.

“Заветы” — журнал, выходил в Петербурге с 1912 по 1914 г.

С. 133. *Эпитроп* — хранитель (греч.).

С. 135. *Пушкин только заметил на это...* — В письме П. А. Вяземскому 28 января 1825 г. Пушкин писал: “Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах... Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен”.

С. 136. *“Старые годы”* — журнал для любителей искусства и старины, выходил в Петербурге в 1907—1916 гг.

“Около стены церковной” — книга С. Щукина “Около церкви. Сб. статей” (М., 1913).

- Фл. — П. А. Флоренский; Цв. — С. А. Цветков.
С. 139. *Передонов* — герой романа Ф. Сологуба "Мелкий бес" (1907).
С. 144. *Собаке дворника, чтоб ласкова была.* — Грибоедов А. С. Горе от ума. IV, 12.
С. 148. *М.* — мамочка, жена В. В. Розанова Варвара Дмитриевна.
Манглис — селение западнее Тифлиса.
С. 150. ...*"снежной гранью перед ним Кавказ блестел"*. — В "Демоне" (I, 3) М. Ю. Лермонтова: "Под ним Кавказ, как грань алмаза, снегами вечными сиял".
С. 153. *"Блаженны вы, когда будут знать вас"* — Мф. 5, 11.
С. 155. *О лекции Соловьева о первомартовцах.* — После речи 28 марта 1881 г. против смертной казни убийцам Александра II Вл. Соловьев был вынужден оставить преподавание в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Розанов вспоминает письмо к нему Н. Н. Страхова от 23 февраля 1891 г., где дана оценка Страховым Соловьева (Литературные изгнанники. СПб., 1913. С. 349).

ПОСЛЕ САХАРНЫ

Фрагменты этой части книги Розанова были напечатаны в журнале "Литературная учеба" (1989. № 2. С. 83—122; публикация В. Сукача). Полный текст печатается впервые по рукописи РГАЛИ (Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 229).

С. 160. ...*за корректурой скопческих стихов.* — В начале 1914 г. вышла книга Розанова "Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)".

С. 161. *"Речь"* — политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге-Петрограде в 1906—1917 гг.

...*"чечевичная похлебка"* — Быт. 25, 34; поступиться чем-либо значительным ради ничтожной выгоды.

С. 162. *О, Авессалом, сын мой!* — 2 цар. 18, 33.

...*счастливы владеющие* — Гораций. Оды. IV, 9, 45.

С. 163. ...*"на канун"* — на стол, куда ставятся свечи при отпевании панихиды. Мать Розанова Надежда Ивановна (урожд. Шишкина) умерла летом 1870 г. (род. 1827). Сестра Вера (род. 1848) умерла в 19 лет.

С. 164. ...*"дама приятная во всех отношениях"*. — Гоголь Н. В. Мертвые души. Гл. 9.

...*"сладких вымыслов"*. — Обычно Розанов цитирует строку из богатырской сказки Н. М. Карамзина "Илья Муромец" (1794): "На минуту позабудемся в чародействе красных вымыслов".

"Возле русской идеи..." — статья Розанова в его книге "Среди художников".

С. 165. ...*"петуха"* и *"отречения"* — имеются в виду слова Иисуса Христа Петру: "Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня" (Мф. 26, 34).

С. 166. *2-й заповеди* — "Не делай себе кумира" (Исх. 20, 4).

С. 167. *"Золотое чудище"* — статья М. О. Меншикова в "Новом времени" 24 сентября 1913 г.

"Черный Данте... душа точно побывала в аду" — см. комментарий к с. 137 во втором томе настоящего Собрания сочинений ("Мимолетное". М., 1994. С. 483).

С. 168. *Сердечный монотеизм...* — расширенный вариант записи из "В Сахарне", дополненный окончанием в связи с процессом Бейлиса.

С. 169. *"Возврат к Пушкину"* — статья в книге Розанова "Среди художников".

С. 170. *Стрюцкий* — презренный, ничтожный человек (устар.).

Ревекочка Э. — Ревекка Юльевна Эфрос, жена А. М. Эфроса, переводчика.

...*его выступление у Аксакова.* — В. С. Соловьев, которому посвящена эта запись, печатался в 1881—1885 гг. в славянофильской газете И. С. Аксакова "Русь".

"Критика отвлеченных начал" — диссертация В. С. Соловьева, печаталась в журнале М. Н. Каткова "Русский вестник" (1877—1880), защищена в Петербургском университете 6 апреля 1880 г.

...с руганью оттуда обманутых друзей своих. — В "Вестнике Европы" Вл. Соловьев вел полемику с Н. Н. Страховым в связи с книгой Н. Я. Данилевского "Россия и Европа" (СПб., 1871; 5-е изд. 1895).

"Русским Оригеном" — имеется в виду статья А. Никольского "Русский Ориген XIX века, Вл. С. Соловьев (Его философия и общественно-исторические произведения, их критика и опыт выяснения общего характера и значения его философии)" в харьковском журнале "Вера и разум" (1902. № 5—12).

...письма к Штроссмайеру — переписка Вл. Соловьева с хорватским политическим деятелем и католическим епископом Й. Ю. Штроссмайером, одним из создателей Загребского университета (1874), опубликована в книге "Письма В. С. Соловьева" (СПб., 1908. Т. 1).

...у Леонтьева, VII том — речь идет о Собрании сочинений К. Леонтьева (Т. 7. СПб., 1913), где напечатана статья Леонтьева "Вл. Соловьев против Данилевского" (1888).

С. 171. *Опять меня ругают...* — В апреле 1913 г. вышла книга Розанова "Опавшие листья" (короб первый), вызвавшая ряд отрицательных рецензий. В конце августа 1913 г. вышла книга Розанова "Литературные изгнанники", вызвавшая в сентябре новый поток "ругательных" рецензий. Т. Глаголева писала в газете "День" 2 сентября 1913 г., что примечания Розанова в этой книге "проникнуты чрезмерной самовлюбленностью".

С. 172. *Вера* — дочь Розанова (1896—1920).

Я, Матерь Божия — М. Ю. Лермонтов. "Молитва" (1837).

С. 173. *... "законопослушная 3-я Дума"*. — Третья Гос. дума работала с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 г. (пять сессий), большинство в ней составляли октябристы и правые депутаты.

С. 175. *...история Товии, сына Товита* — см. "Книгу Товита" в Библии.

Полудева — источник выражения: роман французского писателя Марселя Прево "Полудевы" (1894; рус. пер. 1898), изображающий развращенные нравы девиц парижского общества.

С. 177. *"Русское обозрение"* — литературно-политический и научный журнал; выходил в Москве в 1890—1898, 1901 и 1903 гг., издателем был фабрикант Д. И. Морозов (ок. 1840—1896).

Ш. — Сергей Федорович Шаратов (1855—1912), писатель, журналист, друг Розанова. Рцы — псевдоним писателя Ивана Федоровича Романова (1857/58—1913).

С. 179. *... "один мой друг"* — очевидно, речь идет о публицисте И. И. Фуделе (1864—1918).

Гр. Р. — Григорий Распутин.

Н. А. Бердяев о кн. Е. Труб. — Бердяев Н. А. О земном и небесном утопизме (Кн. Е. Трубецкой. Миросозерцание Вл. Соловьева // Русская мысль. 1913. № 9. С. 46—54).

С. 182. *"Пантеон"* — издательство, основанное в Петербурге в 1907 г. З. И. Гржебиным и просуществовавшее до 1912 г. (официальным представителем издательства был М. С. Фарбман).

С. 183. *Тюрево* — поселок в Эстонии, где летом 1903 г. семья Розанова отдыхала на море. Вере было 7 лет.

Сколько я могу объяснить психологию Веры... — К этой записи дочь писателя Т. В. Розанова сделала пояснение: "Вера Васильевна Розанова умерла в 1919 г. весной, вскоре после смерти отца (неточность: на самом деле 31 мая 1920 г.) покончила с собой на почве сложного религиозного переживания и похоронена рядом с отцом на Черниговском кладбище, кладбище это находится в 2-х верстах от Троице-Сергиевой Лавры. В настоящее время могилы скрыты как В. В. Розанова, так и дочери В. В. Розановой и падчерицы Александры Михайловны

Бутягиной, также вскоре умершей, именно в 1920 г., и там же похороненной. Янв. 1934”.

С. 184. *“Современное слово”* — газета, выходила в Петербурге в 1907—1917 гг. Вырезки не сохранились. Статья С. Любоша *“Честь и бесчестие”* появилась в газете *“Речь”* 9 октября 1913 г.

С. 185. ...*“чудище обло, стоглазо и лаяй”* — неточная цитата из *“Тилемахиады”* (1766) В. К. Тредиаковского, ставшая популярной благодаря тому, что А. Н. Радищев взял эту строку эпиграфом к своему *“Путешествию из Петербурга в Москву”*.

С. 186. ...*моих статей о смерти Ющинского.* — Статья Розанова *“Андрюша Ющинский”* появилась в газете *“Земщина”* 13 октября 1913 г.

С. 187. ...*на полемике со Струве.* — После того как в ноябре 1910 г. П. Б. Струве напечатал в *“Русской мысли”* статью *“Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В. В. Розанове)”*, Розанов выступил в *“Новом времени”* со статьей *“Литературные и политические афоризмы. Ответ К. И. Чуковскому и П. Б. Струве”* (25, 28 ноября и 9 декабря 1913 г.), а затем со статьей *“Литературный террор”* (12 января 1911 г.) и *“Письмом в редакцию”* (Ответ П. Б. Струве) (15 января 1911 г.).

С. 189. *У бурмистра Власа бабушка Ненила...* — Н. А. Некрасов. *Забытая деревня* (1855).

С. 190. *“Минский голос”* — ежедневная газета в Минске в 1909—1918 гг.

Коломенская улица. — С июня 1912 по август 1915 г. Розанов с семьей жил на Коломенской ул., д. 33, кв. 21.

С. 191. *Прекрасная статья Фил-ва о Достоевском.* — Д. В. Философов начал печататься с 1897 г. и при жизни Н. Н. Страхова (1828—1896) не мог опубликовать статью о Достоевском. Возможно, речь идет о воспоминаниях Страхова о Достоевском.

С. 192. *И мертвец наш поплыл снова...* — А. С. Пушкин. *Утопленник* (1828).

С. 193. *Дело Бейлиса* — судебный процесс в Киеве в сентябре—октябре 1913 г. по обвинению еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского. Суд оправдал Бейлиса.

...*“раб” Шибанов* — речь идет о балладе А. К. Толстого *“Василий Шибанов”* (1858). Розанов имеет в виду также оценку *“раба Шибанова”* Достоевским (*Дневник писателя*. 1877. Декабрь. Гл. 2. § 2).

С. 194. *“Д.....”*, — *подражая своей матери* — имеются в виду Дмитрий Философов и его мать Анна Павловна Философова.

“Мир искусства” — художественное объединение (1898—1924), созданное в Петербурге А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым. Литературным отделом журнала *“Мир искусства”* руководил Д. В. Философов.

...*близко знать Каблиця.* — Розанов написал некролог *“Памяти О. И. Каблиця”* (*Русское обозрение*. 1893. № 11. С. 513—518).

С. 195. *Маркиз Поза* — персонаж в трагедии Ф. Шиллера *“Дон Карлос”* (1783—1787).

“Записки” Дебогория. — *Дебогорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., 1906.

“Сказания инока Парфения” — *“Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святые горы Афонские инока Парфения”* (М., 1856).

“Записки” А. Т. Болотова — *“Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им самим для своих потомков (1738—1793)”* (СПб., 1870—1873. Т. 1—4).

...*в 1876—77 гг. в Нижнем.* — В 1872—1878 гг. Розанов учился в 4—8-м классах нижегородской гимназии.

Но уже в Университете. — На историко-филологическом факультете Московского университета Розанов учился в 1878—1882 гг.

Уступая ее фараону... — Быт. 12, 15—16.

Живут со служанками (Иаков) — Быт. 29, 24—29.

Лот имел сношения с дочерьми — Быт. 19, 30—38.

С. 196. ...*все трясутся с "VII"* — заповедь седьмая: "не прелюбодействуй" (Исх. 20, 14).

"Птичка Божия" — А. С. Пушкин. Цыганы (1824). Розанов пародирует "ученые споры" критиков и литературоведов.

С. 197. ...*Мелкий бес нас водит, видно...* — неточная цитата из "Бесов" (1830) А. С. Пушкина.

С. 198. "День" — газета, выходившая в Петербурге в 1912—1917 гг.; издатель И. Р. Кугель.

С. 200. К. П. П. — Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Синода.

С. 201. *Каждый в конце концов ложится на свою полочку* — из статьи И. С. Тургенева "По поводу "Отцов и детей" (1868—1869).

"Россия" — политическая и литературная газета в Петербурге в 1905—1914 гг.

"Новый путь" — имеется в виду журнал "Новый путь" (1903—1904), издававшийся в Петербурге П. П. Перцовым и Д. В. Философовым, в котором постоянно участвовал Розанов.

"Религия Третьего Завета" — развивавшаяся Д. С. Мережковским теория, согласно которой судьба мира проходит через три этапа: Бога-Отца, Творца Ветхого Завета, когда жизнь определяется законом (господин и раб); период Сына Божьего Христа (отец и дитя), длящийся и поныне; в грядущем откроется "Третий Завет", Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви.

...*"участие сразу в 2-х газетах"* — то есть в консервативном "Новом времени", где Розанов служил с 1899 г., и в либеральном "Русском слове", где он печатался с декабря 1905 г. по ноябрь 1911 г. под псевдонимами В. Елецкий, В. Варварин.

С. 203. Митюрников Иван Иванович — заведующий книжным магазином "Новое время", член правления Русского торгово-промышленного общества взаимного кредита.

...*"книга живота"* — здесь — "живот" — имущество, нажитое.

"Писем". — "Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову" (СПб., 1913) были изданы в декабре 1912 г.

До поступления в "Н. Вр.". — 26 марта 1899 г. А. С. Суворин пригласил Розанова работать в редакции "Нового времени", и вскоре Розанов ушел со службы в Государственном Контроле.

Таня — старшая дочь писателя (1895—1975), сохранившая его архив.

Вася — единственный сын Розанова (1899—1918), умер от "испанки" в Курске по пути на Украину "за хлебом" для голодающей семьи Розанова.

...*в Лесном в 1896—5—7.* — После рождения 22 февраля 1895 г. дочери Тани Розанов с семьей живет летом на даче в Лесном.

...*семейная карточка в "Оп. л."* — в первом коробе "Опавших листьев" (СПб., 1913. С. 354).

"славянофилы" Ф. и В. — директор Государственного Контроля Третий Иванович Филиппов (1825—1899) и начальник департамента по железнодорожной отчетности, прямой начальник Розанова Афанасий Васильевич Васильев (род. 1851).

С. 204. "Земщина" — петербургская газета (1909—1917), где Розанов печатал статьи о деле Бейлиса.

...*в его благородном "Дневнике"*. — "Моя повесть о самом себе и о том, "чему свидетель в жизни был". Записки и дневник (1804—1877)" А. В. Никитенко (1804—1877) появилась в печати посмертно. Второе издание с дополнениями вышло в двух томах в 1904—1905 гг. под ред. М. К. Лемке.

С. 205. "Люд. л. св.". — Запись сделана на обороте счета банкирского дома Маврикия Нелькена за книгу Розанова "Люди лунного света" (СПб., 1912; 2-е изд. 1913).

...*за рецензией на Каптерева* — рецензия Розанова на книгу Н. Ф. Каптерева (1847—1917) "Характер отношений России к православному Востоку в XVI

и XVII столетиях” (М., 1885; 2-е изд. Сергиев Посад, 1914), напечатанная в “Новом времени” 15 ноября 1913 г.

С. 207. *“Колупаевы и Разуваевы”* — типы кулаков в книгах М. Е. Салтыкова-Щедрина *“Убежище Монрепо”* (1878—1879), *“За рубежом”* (1880), *“Письма к тетеньке”* (1881—1882).

С. 208. *Они прошли, они пройдут...* — М. Ю. Лермонтов. Демон. 2, X.

Илион — второе название Трои.

С. 209. *“Там бдолах и камень оникс”* — Быт. 2, 12.

...от брата Коли. — Старший брат Розанова, Николай Васильевич (1847—1894), в семье которого Розанов рос после смерти матери.

...верно пишет Закржевский. — Критик А. К. Закржевский, с которым в 1909—1915 гг. Розанов состоял в переписке, рецензировал розановское *“Уединенное”* (Огни. Киев. 1912. № 29) и писал о Розанове в своих книгах: *“Карамазовщина. Психологические параллели”* (Киев, 1912) и *“Религия. Психологические параллели”* (Киев, 1913).

С. 211. *Столпообразные руины* — у М. Ю. Лермонтова *“столпообразные раины”* (Демон. 1, IV). Раина — название пирамидального тополя на Украине и на Северном Кавказе. В первых изданиях *“Демона”* (1857, 1863, 1873) было напечатано *“руины”*. Опечатка исправлена в позднейших изданиях.

Домна Васильевна — Алешинцева, гувернантка в доме Розановых с 1910 г.

С. 214. *...“пошлость пошлого человека”*. — Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями (1847). Гл. XVIII, 3.

С. 215. *...“печать — 6-я держава”*. — В противовес пяти великим державам (Россия, Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия) печать в России называли (Салтыков-Щедрин) *“шестой державой”*.

...новых книг по истории Востока и Византии. — Как отмечает В. Сукач (Литературная учеба. 1989. № 2. С. 122), в октябре—ноябре 1913 г. вышли книги: *Успенский Ф. И. История Византийской империи* (СПб., 1913. Т. 1); *Очерки по истории Византии / Под ред. Бенешевича В. К.* СПб., 1913. Вып. 3.

С. 218. *...любовь “Зины”* — жена Н. А. Некрасова Фекла Анисимовна Викторова (1851—1915), с которой он обвенчался за несколько месяцев до смерти и которую он и его знакомые называли Зинаидой Николаевной.

“Сгорела книга...” — имеется в виду стихотворение Н. А. Некрасова *“Пропала книга”* (1866).

“Свет” — газета, выходила в Петербурге с 1882 по 1917 г. Розанов печатался в ней в 1896—1897 гг.

С. 220. *15 книг.* — К концу 1913 г. Розанов выпустил 15 книг и 13 брошюр. Из многочисленных книг Вл. Соловьева, вышедших при его жизни, Розанов называет только три: докторскую диссертацию *“Критика отвлеченных начал”* (1880), *“Духовные основы жизни”* (1882—1884) и *“Оправдание добра”* (1897).

...много 2-м изданием. — Вторым изданием у Розанова при жизни вышли книги: *“Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского”* (1902, 3-е изд. 1906), *“Литературные очерки”* (1902), *“Религия и культура”* (1901), *“Природа и история”* (1903), *“В мире неясного и нерешенного”* (1904), *“Уединенное”* (1916).

“Бог. Вестн.”. — В *“Богословском вестнике”* (издавался Московской духовной академией в Сергиевом Посаде Московской губ. в 1892—1917 гг.), где с 1913 г. редактором стал П. А. Флоренский, Розанов напечатал статьи: *“Не нужно давать амнистию эмигрантам”* (1913. № 3) и *“Люди без лица в себе (Иванов-Разумник)”* (1913. № 11). Очевидно, Розанов имеет в виду последнюю статью, говоря о статье *“о Философове”*.

Все трудится Павел — речь идет о П. А. Флоренском.

...“кое-что” в “Л. л. св.”. — П. А. Флоренский во втором издании книги Розанова *“Люди лунного света”* опубликовал под псевдонимом *Аноним* свои *“Поправки и дополнения”*.

“Декаденты” — статья Розанова, появилась впервые в *“Русском вестнике”* (1896. № 4) как рецензия на книгу *“Русские символисты”* (СПб., 1894—1895. Вып.

1—3). Полный текст статьи под названием "О символистах" напечатан в "Русском обозрении" (1896, № 9).

С. 221. *Михаил Евграфович* — Салтыков-Щедрин.

С. 222. *Брянск, Белый*. — Розанов преподавал в прогимназии в Брянске в 1882—1886 гг. и в Белом в 1891—1893 гг.

С. 223. *Не гулял с кистенем...* — Н. А. Некрасов. Огородник (1846).

Платон и его идея даже "порочного". — В диалоге "Государство" (кн. 8) Платон рассматривает четыре вида порочного государственного устройства (спартанское, олигархия, демократия и тирания).

...история с Огаревой. — Об иных обстоятельствах этой истории, почерпнутых из книги И. И. Иванова "И. С. Тургенев" (СПб., 1913), Розанов пишет в "Мимолетном. 1914 год" (запись 16 июля. См. том "Когда начальство ушло..." в настоящем Собрании сочинений).

С. 224. "*Недоросль*" надо целиком перепечатывать... — имеется в виду запись в "Дневнике" М. П. Погодина 25 марта 1823 г.: "О Фон-Визине: "Недоросль" должен быть помещен оригиналом в нашу Историю" (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 211).

Вральман — учитель в комедии Д. И. Фонвизина "Недоросль" (1781).

"*Часослов*" — имеется в виду сцена в "Недоросле" (III, 7), когда семинарист Кутейкин учит Митрофана по богослужебной книге "Часослов".

... "жезаны" и "жемажоху" — приводится как образец непонятных для народа словосочетаний из церковной службы: "Распятого же за ны при Понтийстем Пилате" (Символ православной веры); "Христе Боже, показавый ученикам Твоим славу Твою, якоже можаху" (Тропарь Преображения).

С. 227. "*Россия лежит у себя самой в дому трупом*". — Розанов пересказывает концовку статьи Д. С. Мережковского "Земля во рту" (Речь. 1909. 15 ноября), вошедшую в его книгу "Большая Россия" (СПб., 1910).

Анна Павловна — Философова.

С. 228. *Г.* — историк литературы М. О. Гершензон.

С. 229. "*Не пришли к Суворину*". — В феврале 1909 г. отмечалось 50-летие литературной деятельности А. С. Суворина.

С. 230. "*Стать их Личардой верным*". — В сказе о Бове-королевиче верный слуга короля Гвидона называется Личардой. Смердяков в "Братьях Карамазовых" Достоевского говорит о себе как о Личарде при Иване Федоровиче (кн. 11, VIII).

С. 231. "*И остави нам долги наши*" — Мф. 6, 12.

С. 232. *Медеи, оставленной Тезеем*. — В греческой мифологии волшебница Медея, дочь царя Колхиды, была оставлена Язоном, после чего убила своих детей от него. Таким образом, речь идет не о Тесее, а о Язоне.

Соломона, остриженного Далилой. — Согласно Ветхому Завету (Суд. 16, 4—22), Далила обрезала волосы своему возлюбленному Самсону, отчего тот утратил свою силу.

... "много званых, а мало избранных" — Мф. 20, 16; 22, 14.

"*Торгово-Пром. газета*" — петербургская газета, выходившая в 1893—1917 гг., в которой Розанов руководил литературным отделом и печатался в 1898—1899 гг.

Вот Богачев бредет... — сотрудник "Нового времени" Антон Прокофьевич Богачев.

С. 234. *...для московской газеты* — то есть "Русского слова", где постоянно печатался Григорий Спиридонович Петров.

С. 236. *Клинический институт Елены Павловны*. — В находившемся на Кирочной ул., д. 41, Императорском клиническом институте великой княгини Елены Павловны служили Вильгельм Леопольдович Якобсон, Леон Васильевич Блуменау, Иосиф Миронович Бичунский, Эдуард Андреевич Гранстрем, Владимир Николаевич Долганов.

С. 237. В пьесе у Эфрона-Литвина — очевидно, речь идет о драме С. К. Эфрона-Литвина "Язычница (Борьба иудаизма с язычеством)" (Киев, 1913).

С. 238. Глас вопиющего в пустыне — Ис. 40, 3; Мф. 3, 3.

ЗАПИСИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЙ ТЕКСТ "САХАРНЫ"

Печатаются впервые по рукописи, хранящейся в Государственном литературном музее (ГЛМ, ф. 362, оп. 1, ед. хр. 1—13). Рукопись снабжена пояснением С. А. Цветкова, друга и библиографа В. В. Розанова: "Копии афоризмов 1913 г. для "Сахарны" (в их числе есть зачеркнутые при печатании книги. Книга не успела выйти в свет). С. Ц.". Многие автографы Розанова этой рукописи вошли в основной текст, напечатанный выше. Порядок расположения материалов здесь не хронологический, а тот, который сохранился в рукописи ГЛМ.

С. 243. ...*статья Философова из "Речи"* — имеется в виду "Письмо в редакцию" Д. Философова в газете "Речь" 6 (19) мая 1913 г., вызвавшее полемику в газете 11 (24) мая.

С. 244. ...*взял "палку" ... назвав себя капралом* — имеется в виду пословица: "Кто палку взял, тот и капрал" (Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. М., 1994. Т. 1. С. 483).

Н-ву, Цв-у и Фл-у — то есть М. А. Новоселову, С. А. Цветкову и П. А. Флоренскому.

"Сумерки просвещения" — сборник статей Розанова по вопросам образования, вышел в Петербурге в 1899 г.

"Карл Фохт и его физиология". — Розанов вспоминает книгу К. Фохта "Физиологические письма" (рус. пер. СПб., 1867), которую он читал в гимназии. Кардинал Рамполла был с 1887 г. статс-секретарем при папе Льве XIII.

С. 245. ...*от Вайсберга*. — В петербургской типографии Ф. Вейсберга и П. Гершунина Розанов печатал свои книги "Около церковных стен" (1906), "Ослабнувший фетиш" (1906), 3-е издание "Легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского" (1906), "Темный лик" (1911), "Люди лунного света" (1911), "Апокалипсическая секта" (1914).

С. 246. ...*несть мужеск и женск пол* — Гал. 3, 28.

С. 248. *Ст...ъ* — Борис Григорьевич Столпнер, участник Религиозно-философских собраний в Петербурге.

С. 249. "*За стенами охранного отделения*" — сборник "За кулисами охранного отделения", вышел в Берлине в 1910 г.

...*масляницу во вкусе Бакунина*. — См.: Корнилов А. А. Молодые годы М. Бакунина. М., 1915.

С. 250. ..."*семо и овамо*" — здесь и там (устар.).

С. 251. *Сóмы* — тела организмов.

Мэонизм — религиозно-философская теория Н. Минского (в его книге "При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни", 1890), согласно которой смысл жизни в стремлении к несуществующему ("меон" по-греч. — несуществующее).

Киреевский, изданный Кошелевым. — Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М.: А. И. Кошелев, 1861. Т. 1—2.

С. 252. ...*письмо ко мне Говорухи-Отрока* — письмо 1891 г., опубликовано в книге: Розанов В. В. Литературные изгнанники. СПб., 1913. С. 446.

"*Леда*" — эротический рассказ А. П. Каменского, напечатанный в журнале "Образование" (1906. № 12), вызвал скандальную сенсацию и ряд литературных пародий.

...*53-го письма Страхова* — речь идет о книге Розанова "Литературные изгнанники".

"*Он. л.*" 342-я стр. — "Боль мира победила радость мира — вот христианство. И мечтается вернуться к радости. Вот тревоги язычества".

...351-ю (*о верности человеку*) — "Будь верен человеку, и Бог ничто тебе не поставит в неверность. Будь верен в дружбе и верен в любви: остальных заповедей можешь не исполнять".

322-ю (*о любви*) — "Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете".

Школа Тенешевой — училище (Моховая ул., д. 33, директор Г. Ф. Линсцер), где учился сын Розанова Василий.

С. 253. "*Русская церковь*" — книга Розанова, вышедшая в Петербурге в 1909 г., в ней 39 страниц (типография А. С. Суворина).

С. 254. ...*под Москвой взорвали царский поезд*. — 19 ноября 1879 г. на пути следования царя из Крыма в Петербург в результате взрыва полотна железной дороги по ошибке вместо царского поезда был взорван поезд со свитой.

Лев Толстой имел наглость писать... — имеется в виду письмо Л. Н. Толстого Александру III 8—15 марта 1881 г., в дни, когда шел судебный процесс над участниками убийства Александра II.

...*на публичной лекции Влад. Соловьева* — см. комментарий к части "В Сахарне".

Сегодня сообщение... — заметка "Ужасы жизни" в "Новом времени" 19 июня 1913 г.

С. 256. *Красуйся в Женеве...* — Последний абзац вычеркнут в рукописи (возможно, после смерти Розанова).

"*Балет рук*" — статья "Балет рук (Сиамцы в Петербурге)", написанная в 1900 г., впервые печаталась в книге Розанова "Среди художников" (СПб., 1914; вышла в свет в ноябре 1913 г.).

С. 258. *Вот наш дом в К.* — то есть в Костроме.

С. 259. *Мереж. в "Русск. Сл."* 9 июня 1913 г. — В газете "Русское слово" 1 июня 1913 г. появилась статья Д. С. Мережковского "В. Розанов" с резкими нападками на писателя.

...*после возвращения из Наугейма*. — 26 августа 1910 г. после возвращения из поездки Розанова с женой в Германию с Варварой Дмитриевной случился паралич, по поводу которого она лечилась в клинике Елены Павловны, где ее посещал Розанов.

С. 260. "*Будет день, когда их всех убьют! Так — и убьют! Мы все подыдемся и убьем!!*" — После смерти Розанова при подготовке рукописи к печати эта фраза была тщательно зачеркнута. Восстановлена в результате исследования, проведенного в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте РФ.

С. 261. *Евпраксия Ивановна*. — Жену В. О. Ключевского звали Анисия Михайловна (ум. 21 марта 1909 г.).

С. 262. ..."*воющею собакою*" — из стихотворения Г. Гейне "Принцесса Шабаш" (1851). Ср. запись 20 марта 1915 г. в книге Розанова "Мимолетное. 1915 год" (М., 1994).

С. 264. *Панагия* — нагрудный знак православного епископа, носимый на цепи. *Товит послал сына Товию* — Книга Товита, 4—5.

С. 266. "*Претерпевый до конца — тот и спасен будет*" — Мф. 10, 22.

К спорам об "Имени Иисусовом" — спор о том, является ли Имя Божие Божественной сущностью и Божественной энергией (имяславие). Иеромонах афонского Пантелеймоновского монастыря Антоний (А. К. Булатович) утверждал, что Имя Божие есть Сам Бог.

С. 268. *Митенька*. — Юродивого странника в книге Л. Н. Толстого "Детство" (гл. 6, 12) зовут Гриша.

...*упреки графини Александры Андреевны Т.* — Во время пребывания в Москве в феврале 1882 г. двоюродной тетки Л. Н. Толстого А. А. Толстой (1817—1904)

обнаружилось полное несовпадение взглядов ее и Толстого на религию и церковь. Толстой написал ей два резких письма (т. 63, № 94, 96).

...непонимание Закхея — Лк. 19, 5.

С. 269. "Северная почта" — газета, выходившая в Петербурге в 1809—1819 гг. Однако "Литературное прибавление" было к газете "Русский инвалид" (1813—1817).

С. 270. ...о новом произведении Айзмана. — А. Горнфельд рецензировал произведения Д. Я. Айзмана "Черные дни" и "Ледоход" в журнале "Восход". 1904. № 1 и 1905. № 13.

"Русское Богатство" — журнал, издавался в Петербурге в 1876—1918 гг. А. Г. Горнфельд был членом редакции в 1904—1918 гг.

С. 271. Корнилов о Бакуниных. — Корнилов А. А. Семейство Бакуниных // Русская мысль. 1909. № 5, 6 и 8.

С. 272. ... "не имею вида" — то есть вида на жительство, паспорта.

ОБОНЯТЕЛЬНОЕ И ОСЯЗАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЕВРЕЕВ К КРОВИ

Публикуется по изданию: Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. Большинство статей книги ранее появились в печати: "Иудейская тайнопись" (Новое время. 1911. 12 дек.), "Есть ли у евреев тайны?" (Новое время. 1911. 9 дек.), "Откуда несходство греческого и еврейского текстов Св. Писания?" (Новое время. 1913. 24 сент.), "Важный исторический вопрос" (Новое время. 1913. 26 сент.), "Андрюша Ющинский" (Земщина. 1913. 13 окт.), "Открытое письмо С. К. Эфрону (Литвину)" (Новое время. 1913. 3 окт.), "К прекращению ритуального убоя скота" (Новое время. 1913. 7 окт.), "Об одном приеме защиты еврейства" (Новое время. 1913. 16 окт.), "Ученая пава" (Новое время. 1913. 18 окт.), "Наша "кошерная печать" (Земщина. 1913. 22 окт.), "В Религиозно-философском обществе..." (Новое время. 1913. 24 окт.), "В "вечер Бейлиса" (Новое время. 1913. 1 ноября), "Недоконченность суда около дела Ющинского" (Новое время. 1913. 10 ноября), "Напоминания по телефону" (Новое время. 1913. 18 ноября), "Присматриваясь к молодежи..." (Новое время. 1913. 1 дек.).

Отзывы критики на выход книги Розанова были неоднозначны. Критически откликнулся А. Амфитеатров в газете "День" (1914. № 127, статья "Ни богу свечка, ни черту кочерга"), а также анонимный критик в газете "Русская речь" (1914. 5 марта). Особенно проникновенно оценил книгу в "Русской мысли" историк зарубежной литературы и переводчик А. А. Смирнов. "Говорить о Розанове трудно, невероятно трудно, — писал он. — Мерки, с которыми подходишь к оценке всякого другого писателя, к нему неприложимы, — до того он скользок и неуловим, до того он весь в намеках, недомолвках! Сам Розанов целиком "по ту сторону" не только добра и зла, но и истины и лжи... Опровергать Розанова, ловить его на ошибках, противоречиях и передержках — нечто в настоящее время совершенно излишнее и ненужное. Только о том, что есть ценного в писаниях его, и стоит говорить. Выделить же это ценное — нелегко, а проглядеть его очень просто. Между тем несомненно, что часто Розанов видит больше и глубже, чем другие; всматривается, связывает глубже и как-то особенно "по существу". Когда Розанов высказывает что-нибудь явно неверное, решение вопроса о том, заблуждается ли он добросовестно или сознательно искажает истину, — неважно, ибо самый вопрос этот о нем не может ставиться... Книга Розанова — одна из самых интересных и, может быть, самых значительных из всего, что писалось по этому вопросу, — конечно, если выйти из плана позитивного рассмотрения его. Я лично не верю в правильность ни одного из предположений и выводов Розанова" (Русская мысль. 1914. № 4. Отд. III. С. 44—45).

По сведениям, предоставленным игуменом Андроником, внуком П. А. Флоренского, статьи "Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах" и "Иудеи и судьба христиан (Письмо к В. В. Розанову)" во втором приложении, подписанные греческой буквой "омега", принадлежат П. А. Флоренскому. Это подтверждается версткой с авторской правкой, хранящейся в архиве П. А. Флоренского, а также письмами Флоренского к Розанову:

1913.X.12. Утром.

Дорогой Василий Васильевич! Очень извиняюсь за задержку — никак не мог ранее — утопаю в делах. Кое-что вычеркнул, кое-что вставил. Думаю, так лучше. Кроме того, присылаю заметку "Проф. Хвольсон о ритуальных убийствах". Если не напечатаете, то пришлите обратно. Если же напечатаете ее и свою статью, то пришлите мне номеров 10 "Нов. Вр." — где будут помещены эти статьи.

Серьезно прошу не проболтаться о моем авторстве. Это может иметь разные осложнения, и вправо, и влево. <...>

Ночью.

Ну, видно не успею кончить о Хвольсоне. Пришлю отдельно. *Подумайте*, надо ли печатать статью о Бейлисе! Хотя я несколько не сомневаюсь в существовании ритуальных убийств вообще, но в данном процессе собралась прохвосты со всего мира, кажется, и распутать, кто прав, кто виноват, никак нельзя отсюда, со стороны.

Обнимаю Вас. Привет всем Вашим.

Свящ. П. Флоренский.

1913.XI.20. Серг. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Хотел было послать корректуру Вам завтра, но едва ли будет можно, т. к. почта закроется. Сообщите *немедленно*, что такое Ваша книга "о евреях". Если там будет и "сущность иудаизма" и проч. около обрезания, пришлите мне то, что отпечатано — я сделаю важные добавления: в Зогаре нашлись *удивительные дословные* подтверждения Вашему иудаизму и т. п.

Корректуру посылаемую следовало бы прислать еще раз — много вставок. — Попрошу непременно исполнить вот какую *просьбу*: все, что будете печатать моего — непременно оттискивайте в одном экз. отдельно (конечно, *без переверстки*, просто листом) и присылайте мне. Мне надо подавать коллекцию своего, а портить книгу жаль. — На меня *отовсюду* гонение; подписываться хотя бы намеком было бы слишком неосторожно. Как-ниб. напишу закрытым письмом подробнее. Пока же целую Вас, кланяюсь Вашим и жду ответа.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

Корректуру пришлите, но закрытой бандеролью. П. Ф.

В статье "Нужно перенести все дело в другую плоскость (К делу Ющинского)" включено "письмо с Кавказа", написанное П. А. Флоренским 28 сентября 1913 г. из Сергиева Посада. Авторство Флоренского подтверждается черновиком письма, а также версткой данной статьи, присланной ему Розановым (Архив свящ. П. Флоренского). Слова Розанова: "умер его близкий родственник" (наст. изд. с. 311) относятся к двоюродному брату П. А. Флоренского Давиду Сергеевичу Мелик-Беглярову (1875—1913), похороненному на армянском кладбище в Москве (надгробный памятник сохранился).

Игумен Андроник принимал участие в подготовке издания книги Розанова "Мимолетное. 1914 год" (по рукописи, хранящейся в Архиве священника Павла Флоренского) в восьмом томе Собрания сочинений В. В. Розанова ("Когда начальство ушло...").

- С. 275. ...*один ученый* — имеется в виду П. А. Флоренский.
- С. 283. "*Бессарабия*" — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, выходившая в Кишиневе в 1911—1913 гг.
- С. 285. "*Русский труд*" — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1897—1899 гг. В ноябре—декабре 1898 г. Розанов печатал в ней серию статей "*Брак и христианство*", которая вместе с полемическими материалами была перепечатана в книге Розанова "*В мире неясного и нерешенного*".
- С. 288. "*Имя твое сладко...*" — Песн. 1, 2.
- С. 293. "*Утро России*" — ежедневная газета, выходившая в Москве в 1907, 1909—1917 гг.
- С. 295. "*Православный собеседник*" — ежемесячный журнал, выходил в Казани в 1855—1917 гг.
- С. 301. ...*о каком-то "отроке"* — имеется в виду история с жертвоприношением Авраама (Быт. 22, 2—12).
- С. 319. "*Камня на камне не останется*" — Мф. 24, 2; Мк. 13, 2.
...*длиннейший фельетон... Петражицкого.* — Петражицкий Л. К вопросу о ритуальном убийстве // Речь. 1913. 17(30) окт.
...*"слуга слуг Божьих"* — самоназвание папы римского в указах.
- С. 321. "*Любош*" (*неужели не псевдоним, а фамилия*) пишет... — Статья за подписью Любош (псевдоним С. Б. Любошица) под названием "*Честь и бесчестие*" появилась в газете "*Речь*" 9(22) октября 1913 г.
- С. 322. *На похоронах Пергамента...* — О своем "случайном" присутствии на похоронах члена Гос. думы О. Я. Пергамента 19 мая 1909 г. Розанов подробно рассказал в своей книге "*Литературные изгнанники*" (СПб., 1913. С. 257).
- С. 324. *Это он пишет о русских моряках...* — Любош в статье "*Честь и бесчестие*" писал: "Из тех, кто поспешили на помощь сгоревшему среди океана пароходу "*Вольтурно*", доблестнее всех оказалась русская команда парохода "*Царь*" (Речь. 1913. 9(22) окт. № 276).
- С. 328. ...*как Закхей, влез на смоковницу* — Лк. 19, 5—8.
- С. 329. *Мелкий бес там ходит, видно,* — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина "*Бесы*" (1830).
Хотя бы Мариэтта Шагинян... — 24 марта 1913 г. Розанов напечатал в "*Новом времени*" рецензию на сборник стихов М. Шагинян "*Orientalia*".
...*пишет... К. Арсеньев* — статья К. Арсеньева "*Длящееся недоразумение*" (Вестник Европы. 1913. № 11).
- С. 331. *Вчера с вечера...* — Оправдательный приговор в процессе Бейлиса был вынесен 28 октября 1913 г.
- С. 334. ...*"бедные селенья"* — Ф. И. Тютчев. "*Эти бедные селенья...*" (1857).
- С. 342. "*Без заглавия*" — политический еженедельник, издававшийся Е. Д. Кусковой в январе—мае 1906 г. в Петербурге.

А. Н. Николюкин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А-бов* — см. Альбов И. Ф.
- Абаза* Алексей Михайлович (1853—?), контр-адмирал, управляющий делами Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903—1905) — 21
- Аввакум*, ветхозаветный пророк — 279
- Авессалом*, в Ветхом Завете один из сыновей царя Давида — 162
- Авраам*, в Ветхом Завете старший из патриархов, прародитель еврейского народа — 18, 39, 63, 104, 109, 122, 123, 174, 189, 196, 206, 217, 223, 263, 277, 280, 286, 287, 292, 295, 296, 298, 316, 326, 330, 331, 339, 411, 413
- Агамемнон*, в греческой мифологии царь Микен, предводитель греков во время Троянской войны — 265
- Агриппа Неттесгеймский* Генрих Корнелиус (1486—1535), немецкий врач, алхимик, философ — 370
- Адонис*, в финикийской мифологии бог плодородия — 38
- Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918), один из лидеров партии эсеров и секретный сотрудник полиции, в 1908 г. разоблачен как провокатор — 21, 120, 121, 170, 172, 194, 195, 222
- Айзман* Давид Яковлевич (1869—1922), писатель — 63, 91, 270
- Айхенвальд* Юлий Исаевич (1872—1928), литературный критик — 91, 228
- Акиба* бен Иосиф (50—132/135), иудаистский теолог и проповедник (законоучитель) — 238, 280
- Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, поэт, общественный деятель, издатель — 170, 234, 252
- Аксаков* Константин Сергеевич (1817—1860), публицист, критик, историк, лингвист, поэт — 252
- Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 23
- Аксаковы* — 168, 266
- Аладьин* Алексей Федорович (1873—1927), публицист, депутат I Государственной думы от крестьянской курии (трудолик) — 90, 158
- Александр I* (1777—1825), российский император (с 1801) — 136
- Александр II* (1818—1881), российский император (с 1855) — 114
- Александр III* (1845—1894), российский император (с 1881) — 126, 190, 222
- Александр Великий* (Александр Македонский) (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.), создавший крупнейшую мировую монархию древности — 101
- Алексеев* Евгений Иванович (1843—1909), генерал-адмирал, член Государственного совета — 21
- Алчевский*, директор Харьковского коммерческого банка — 251
- Альберт Великий* (Альберт фон Больштедт) (ок. 1193—1280), немецкий философ, теолог, алхимик — 376
- Альбов* Иоанн Федорович, священник, с которым полемизировал Розанов — 19, 56, 79, 96, 124, 246
- Альбова* Александра Александровна, жена И. Ф. Альбова, знакомая Розанова — 47
- Альвейдр д'*, комментатор каббалы — 387
- Аман*, в Ветхом Завете (книга Есфирь) сановник персидского царя, пытавшийся устроить заговор против иудеев, но поплатившийся за это жизнью — 325
- Амвросий Оптинский* (Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, духовный писатель — 102
- Ампер* Андре Мари (1775—1836), французский физик, один из основоположников электродинамики — 108
- Амфитеатров* Александр Валентинович (1862—1938), писатель, публицист, критик, фельетонист — 120, 179, 229

- Андреев* Василий Васильевич (1861—1918), организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов, был в дружеских отношениях с Розановым — 23, 27, 47
- Андреев* Леонид Николаевич (1871—1919), писатель и публицист — 252
- Андромаха*, в греческой мифологии жена Гектора — 54
- Анзельм* (Ансельм) *Кентерберийский* (1033—1109), английский церковный деятель, теолог, философ — 321
- Аникин* Степан Васильевич (1868—1919), писатель и публицист, депутат I Государственной думы, трудовик, деятель кооперативного движения — 90
- Аничков* Евгений Васильевич (1866—1937), историк литературы, критик, писатель — 196
- Анна*, по христианскому преданию мать Девы Марии — 366
- Анненков* Павел Васильевич (1813, по др. данным 1812—1887), критик, историк литературы, мемуарист — 197
- Анненский* Николай Федорович (1843—1912), публицист, экономист, общественный деятель — 165, 194
- Антиох VIII* Грипп (ок. 141—96 до н. э.), царь государства Селевкидов (в Сирии) (с 125 до н. э.) — 187
- Антокольский* Марк Матвеевич (1843—1902), скульптор — 56
- Антоний* Марк (ок. 83—30 до н. э.), римский полководец — 219
- Антоний* (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (с 1898), первенствующий член Синода, член Государственного совета — 44, 69, 159, 289
- Антоний* (Алексей Павлович Храповицкий) (1863, по др. данным 1864—1936), епископ, архиепископ Волынский, архиепископ Харьковский, митрополит Киевский и Галицкий (1918), член Государственного совета (1905—1907), член Синода (1918), с 1920 г. в эмиграции — 83, 133, 243, 269
- Антонин* (Александр Андреевич Грановский) (1865, по др. данным 1860—1927), магистр богословия, епископ Нарвский, vikарий Санкт-Петербургской епархии (с 1903), епископ Владикавказский (с 1913) — 289—291
- Апис*, в египетской мифологии бог плодородия в облике быка — 37, 115
- Аполлон*, в греческой мифологии бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств — 37
- Апостолапуло* (урожд. Богдан) Евгения Ивановна (1857—1915), бессарабская помещица, знакомая Розанова со времен Религиозно-философских собраний в Петербурге — 40—42, 44, 49—51, 53, 54, 56, 75—77, 79—81, 84, 130, 199, 245, 263, 267
- Араго* Доминик Франсуа (1786—1853), французский ученый и политический деятель — 108
- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834), политический и военный деятель, пользовался большим влиянием при Александре I — 10, 136, 182
- Ардов* Т. (наст. имя и фам. Владимир Геннадиевич Тардов) (1879— после 1918), писатель и журналист — 306
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 320
- Арновий* (Арнобий) (кон. III — нач. IV в.), римский раннехристианский писатель — 35—37
- Аронсон* Наум Львович (1872—1943), скульптор — 55
- Арсеньев* Константин Константинович (1837—1919), юрист, критик, общественный деятель — 231, 316, 329—331
- Арцыбашев* Михаил Петрович (1878—1927), писатель — 137
- Астарта*, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви, в ассиро-вавилонской мифологии ей соответствует Истар (Иштар) — 311, 365
- Аттила* (ум. 453), предводитель гуннов (с 434) — 234
- Аш* Шолом (1880—1957), еврейский писатель, с 1909 г. жил в США — 70, 83, 91
- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт, член палаты лордов (с 1809) — 238, 257
- Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876), революционер, теоретик анархизма — 249, 265
- Бакунина* (в замужестве Дьякова) Варвара Александровна (1812—1866), сестра М. А. Бакунина — 271
- Бакунины* — 271

- Барятинский* Александр Иванович (1815—1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий и наместник на Кавказе (1856—1862) — 268
- Батюшков* Константин Николаевич (1787—1855), поэт — 83, 89
- Баубо* (Баубасто), в греческой мифологии жительница Элевсина, которая радушно приняла в своем доме и развеселила богиню Деметру — 35—37
- Бейлис* Мендель Тевье (ок. 1874—1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в ритуальном убийстве 13-летнего Андрея Ющинского и на судебном процессе (1913) признанный невиновным, после процесса уехал за границу — 178, 193, 198, 201—203, 227, 228, 239, 293, 294, 303, 304, 307, 310—312, 315, 317, 319, 322—325, 328, 329, 331, 333—335, 340—342, 360, 361, 400, 411
- Бекет* Фома (Томас) (1118—1170), архиепископ Кентерберийский (с 1162), канцлер Англии (с 1155) — 53
- Белинский* Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист, общественный деятель — 50, 72, 78, 101, 126, 129, 168, 179, 228, 249, 265, 266, 269, 270
- Белый* Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев) (1880—1934), писатель, теоретик символизма — 18, 339, 340
- Берг* Федор Николаевич (1839—1909), писатель, переводчик, редактор журнала "Русский вестник" (1887—1895) — 220, 222
- Бердяев* Николай Александрович (1874—1948), философ и публицист — 179, 248, 337, 338
- Беренс* Э. Л., русский консул в Трапезунде (Малая Азия), почетный член Археологического института — 411
- Бетховен* Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор, пианист, дирижер — 257
- Бехтерев* Владимир Михайлович (1857—1927), невролог, психиатр, психолог — 188
- Билибин* Николай Иванович (1849 — ?), математик — 31
- Бильбасов* Василий Алексеевич (1837—1904), историк и публицист — 262
- Бичунский* Иосиф Миронович (1869 — ?), врач — 236
- Благосветлов* Григорий Евлампиевич (1824—1880), публицист, редактор журналов "Русское слово", "Дело" — 95, 249
- Блинов*, нижегородский купец — 72
- Блуменау* Леонид (Леон) Васильевич (1862 — ?), врач — 236
- Богачев* Антон Прокофьевич, сотрудник газеты "Новое время" — 233
- Боголепов* Николай Павлович (1846—1901), министр народного просвещения (с 1898) — 92, 108
- Боголюбский* Николай Иванович (1856 — ?), протоиерей, религиозный писатель, профессор богословия Московского университета — 189
- Богораз* (Тан-Богораз) Владимир Германович (псевд. Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865—1936), этнограф, лингвист, писатель, публицист, общественный деятель — 57, 63, 83, 264, 397
- Богров* Дмитрий Григорьевич (Мордко (Мордехай) Гершков) (1887—1911), член группы анархистов и максималистов, секретный сотрудник полиции, смертельно ранил П. А. Столыпина, повешен — 55
- Богучарский* В. (наст. имя и фам. Василий Яковлевич Яковлев) (1860, по др. данным 1861—1915), публицист, историк, издатель — 155, 176, 177, 192, 194, 201, 202, 204
- Бокль* Генри Томас (1821—1862), английский историк и социолог — 50, 53, 57, 70, 111, 150, 262, 265
- Болотов* Андрей Тимофеевич (1738—1833), естествоиспытатель, агроном, писатель, мемуарист — 195
- Болотов* В. В., учитель — 188
- Болтин* Иван Никитич (1735—1792), историк, политический деятель, издатель — 261
- Бонч-Бруевич* Владимир Дмитриевич (1873—1955), политический деятель, историк, автор работ о сектантстве — 85
- Борджа* Родриго (Александр VI) (1430, по др. данным 1431 — 1503), папа римский (с 1492) — 243
- Брокгауз* Эдуард (1829—1914), немецкий издатель русского Энциклопедического словаря, внук основателя фирмы Фридриха Арнольда Брокгауза (1772—1823) — 51
- Бриллиантов* Александр Иванович (1867—1933), богослов, историк, религиозный писатель — 44

- Брюсов* Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт и прозаик, литературовед, критик, общественный деятель — 18, 83, 339, 340
- Бугров* Николай Александрович (1837—1911), нижегородский купец-миллионер — 72
- Будда* (букв. "просветленный"), имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 до н. э.) — 134, 285
- Булатович* Александр Ксаверьевич (1870—1919), религиозный публицист, дипломат, путешественник, автор путевых записок, в 1907 г. на Афоне принял схиму (монашеское имя Антоний), стал во главе движения имеславия, осужденного церковными властями, убит — 45, 243
- Булгаков* Сергей Николаевич (1871—1944), экономист, философ, богослов, публицист — 17
- Бурцев* Владимир Львович (1862—1942), публицист, участник революционного движения, издатель, разоблачитель агентов охраны (Азефа и др.) — 127
- Буслаев* Федор Иванович (1818—1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства — 141, 143, 261
- Буссенго* Жан Батист (1802—1887), французский химик, ботаник, агроном — 107
- Буткевич* Тимофей Иванович (1854—?), протоиерей, профессор богословия Харьковского университета, религиозный писатель — 332
- Бутягина* Александра Михайловна (Шура) (1882/1883—1920), приемная дочь Розанова — 13—15, 17
- Бутягина* (урожд. Руднева) Варвара Дмитриевна (1864—1923), вторая жена Розанова — 25, 43, 51, 79, 148, 161, 177, 213, 216
- Бэкон* Фрэнсис (1561—1626), английский философ и политический деятель — 121, 124, 125, 304, 305, 320
- Ваал*, древнейшее название бога или богов в Финикии, Палестине, Сирии — 285, 311, 365, 407—409
- Вайсберг* (Вейсберг) Ф., владелец типографии в Петербурге — 245
- Валла*, в Ветхом Завете служанка Рахили, наложница Иакова — 195
- Вальман* Наталья Аркадьевна (Наташа), курсистка, подруга А. М. Бутягиной — 13, 14, 216
- Ванновский* Петр Семенович (1822—1904), военный министр (1881—1897), министр народного просвещения (1901—1902) — 108
- Варавва*, в Новом Завете обвиненный в убийстве человек, которого помиловали, осудив тем самым на казнь Иисуса Христа — 319
- Варгунин*, купец — 22
- Василий Блаженный* (ок. 1469—1552/1557), московский юродивый, аскет, обличал власть имущих — 328
- Васильев* Афанасий Васильевич (1851 — после 1917), публицист, поэт, издатель, генерал-контролер (с 1893), возглавлял департамент железнодорожной отчетности, где служил Розанов — 203
- Васнецов* Виктор Михайлович (1848—1926), живописец — 110, 164
- Вейнберг* Петр Исаевич (1831—1908), поэт, переводчик, историк литературы — 65
- Вейнингер* Отто (1880—1903), австрийский философ и писатель — 248
- Венгеров* Семен Афанасьевич (1855—1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф — 65, 75, 179, 196, 197
- Вербицкая* (урожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна (1861—1928), писательница — 252
- Вергежская* — см. Тыркова А. В.
- Веселовский* Александр Николаевич (1838—1906), литературовед и филолог — 232
- Веспасиан* (9—79), римский император (с 69) из династии Флавиев — 399
- Веста*, в римской мифологии богиня домашнего очага — 118, 119
- Виклиф* (Уиклиф) Джон (1320/1330—1384), английский религиозный реформатор — 79
- Виленский* М. Г., адвокат, защитник на процессе Бейлиса — 228
- Винавер* Максим Моисеевич (1863—1926), юрист, один из основателей и теоретиков партии кадетов, депутат I Государственной думы, активный деятель еврейских организаций, с 1919 г. в эмиграции — 153, 249, 250, 263, 265, 324, 328
- Виппер* Оскар Юрьевич, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, прокурор на процессе Бейлиса — 341
- Витте* Сергей Юльевич (1849—1915), председатель Комитета министров (с 1903),

- Совета министров (1905—1906), автор Манифеста 17 октября 1905 г., мемуарист — 73, 76, 222
- Владимир I Святой* (ум. 1015), князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980), ввел в качестве государственной религии христианство — 326
- Владимир II Мономах* (1053—1125), князь Смоленский (с 1067), Черниговский (с 1078), Переяславский (с 1093), великий князь Киевский (с 1113) — 343
- Владимир* (Василий Никифорович Богоявленский) (1848—1918), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1912 по 1915) — 202
- Владимир Александрович* (1847—1909), великий князь, сын Александра II, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905), президент Академии художеств — 155
- Войтинский Владимир Савельевич* (1885—1960), писатель, публицист, политический деятель, экономист — 176
- Волжский* — см. Глинка-Волжский А. С.
- Воль Ассир Лазаревич* (1860—1900), гебраист — 411
- Вольнский* (наст. фам. Флексер) Аким Львович (1861, по др. данным 1863—1926), критик, историк и теоретик искусства, философ — 227
- Галеви Иегуда* (ок. 1075—1141), еврейский поэт и философ — 373
- Галилей Галилео* (1564—1642), итальянский физик, математик, астроном, мыслитель — 92
- Гапон Георгий Аполлонович* (1870—1906), священник, организовал "Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга", инициатор шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., был разоблачен П. М. Рутенбергом как провокатор, убит — 249
- Гарibaldi Джузеппе* (1807—1882), один из руководителей национально-освободительного движения и борьбы за объединение Италии — 245
- Гарнак Адольф фон* (1851—1930), немецкий протестантский теолог, историк христианства — 163
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831), немецкий философ — 124, 305
- Гейне Генрих* (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 265
- Гейнце Николай Эдуардович* (1852—1913), писатель и публицист — 218
- Гектор*, в греческой мифологии троянский герой — 54
- Гелиос*, в греческой мифологии бог солнца — 37
- Генрих IV* (1553—1610), французский король (с 1589, фактически с 1594) — 134
- Гера*, в греческой мифологии верховная богиня, сестра и жена Зевса — 37
- Герасимов Александр Васильевич* (1861 — после 1934), генерал-лейтенант, начальник петербургского охранного отделения (1905—1909), генерал для поручений при министре внутренних дел (1909—1914), мемуарист — 120
- Герд*, педагог, инспектор — 171
- Геркулес* (Геракл), в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов — 59, 350
- Гермоген* (Георгий Ефремович Долганев) (1858—1919), епископ Саратовский и Царицынский, требовал отлучения от церкви Розанова, Д. С. Мережковского, Л. Н. Андреева и других писателей — 98
- Герцен Александр Иванович* (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 66, 78, 89, 92, 95, 126, 129, 132, 168, 204, 205, 250, 256
- Герценштейн Михаил Яковлевич* (1859—1906), экономист, один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы, убит черносотенцами — 91, 172, 174, 264, 397
- Гершензон Михаил (Мейлах) Осипович* (1869—1925), историк русской литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик — 56, 75, 190, 228
- Гессен Иосиф Владимирович* (1865, по др. данным 1866 — 1943), юрист, публицист, один из основателей и лидеров партии кадетов, депутат II Государственной думы, редактор газеты "Речь" — 60, 153, 161, 237, 238, 249, 250, 307, 320, 324, 325, 328
- Гёте Иоганн Вольфганг* (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 238, 350
- Гизо Франсуа* (1787—1874), французский историк и политический деятель — 104

- Гилевич* Андрей, инженер, аферист и убийца — 335
- Гильдебранд* — см. Григорий VII
- Гиляров-Платонов* Никита Петрович (1824—1887), публицист, философ, историк, издатель — 168
- Гинсбург* (Гинцбург) Илья Яковлевич (1859—1939), скульптор — 55
- Гиппиус* (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945) — писательница и литературный критик — 48, 227, 338
- Гладков* Борис Ильич (1847—?), присяжный поверенный, религиозный писатель — 123
- Глазенап* Сергей Павлович (1848—1937), астроном — 101
- Глинка-Волжский* (наст. фам. Глинка, псевд. Волжский) Александр Сергеевич (1878—1940), критик, историк литературы — 8, 9, 272
- Глинский* Борис Борисович (1860—1917), публицист, историк, издатель — 155
- Глубоковский* Николай Никанорович (1863—1937), богослов, историк церкви, с которым Розанов вел многолетнюю переписку — 44
- Говоруха-Отрок* Юрий Николаевич (1850—1896), критик, публицист, писатель — 149, 252
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 21, 31, 46, 55, 72—74, 78, 83, 85, 89, 95, 120, 135, 136, 148, 149, 164, 169, 205, 206, 214, 215, 239, 268, 270, 316
- Голиаф*, в Ветхом Завете филистимлянский воин-великан, убитый Давидом — 32
- Гомер*, полулегендарный древнегреческий эпический поэт — 277, 280, 288
- Гончаров* Иван Александрович (1812—1891), писатель — 46
- Горемыкин* Иван Логгинович (1839—1917), министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета министров (1906, 1914—1916) — 73, 158
- Горнфельд* Аркадий Георгиевич (1867—1941), литературный критик, публицист, переводчик, сотрудник журнала "Русское богатство" — 63, 65, 68, 71, 83, 89, 91, 120, 173, 179, 196, 197, 236, 237, 248, 251, 258, 270, 328
- Горчаков* Михаил Иванович (1838—1910), протоиерей, профессор церковного права Петербургского университета, религиозный писатель — 96
- Горький* Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), писатель, литературный критик, публицист, общественный деятель — 22, 66, 68, 301
- Гофштеттер* Ипполит Андреевич (1860/1863—1951), публицист, сотрудник газеты "Новое время" — 250, 268
- Грановский* Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общественный деятель — 72, 101, 164, 266
- Гранстрем* Эдуард Андреевич, врач — 236
- Грибовский* Вячеслав Михайлович (1866—1924), юрист и писатель — 172, 173
- Грибоедов* Александр Сергеевич (1795—1829), писатель и дипломат — 135, 136
- Григорий VII Гильдебранд* (1015/1020—1085), папа римский (с 1073) — 114
- Григорьев* Аполлон Александрович (1822—1864), критик, поэт, переводчик, мемуарист — 8, 214
- Гроций* (де Гроот) Гуго (1583—1645), голландский юрист, социальный мыслитель и политический деятель, один из основателей теории естественного права — 77
- Грузенберг* Оскар Осипович (1866—1940), юрист и общественный деятель, защитник на процессе Бейлиса, с 1917 г в эмиграции — 170, 301, 306, 307, 315, 316, 340, 363, 367, 411
- Гузарчик*, подруга Н. В. Розановой — 34
- Гуревич* Любовь Яковлевна (1866—1940), писательница, литературный критик, историк театра, переводчица, издательница журнала "Северный вестник" — 65
- Гутенберг* Иоганн (ок. 1399 или 1406—1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 23, 43, 156, 162, 232, 257, 269, 271, 272
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 1004 — ок. 965 до н. э.) — 161, 180, 285, 331, 392, 408
- Далила* (Далида), в Ветхом Завете возлюбленная богатыря и судьи Самсона, выдавшая противникам тайну его силы — 232
- Даль* Владимир Иванович (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф — 253
- Дамаянти*, персонаж древнеиндийского эпоса, жена царя Наля — 54

- Данилевский* Николай Яковлевич (1822—1885), социолог, философ, публицист — 8, 18, 170
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт — 167
- Дарвин* Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель — 70, 248, 350
- Дебогорий-Мокриевич* Владимир Карпович (1848—1926), народник, публицист-мемуарист — 53, 195, 270
- Дегаев* Сергей Петрович (1857—1920), один из руководителей "Народной воли" и агент полиции, разоблачен как провокатор в 1883 г., жил за границей — 155
- Декарт* Рене (1596—1650), французский философ, математик, физик, физиолог — 362
- Делич* Фридрих (1850—1922), немецкий ассириолог, автор сочинения "Библия и Вавилон" (1902—1905) — 285
- Делянов* Иван Давыдович (1818—1897), министр народного просвещения (с 1882) — 108, 222
- Деметра*, в греческой мифологии богиня плодородия — 35—37
- Демидов* (Никита Демидович Антуфьев) (1656—1725), заводчик, основатель металлургического производства на Урале — 45
- Дернов* Александр Александрович (1857—?), протоиерей Петропавловского собора, публицист, сотрудник церковных изданий — 56, 109
- Димант* Ойзер (Иссер) Львович, стряпчий в Петербурге — 207
- Димешки Шемс-эд-Дин Мохаммед Ибн Абу-Фалех* (1265—1327), арабский писатель, суфий, автор "Космографии" — 357
- Дионис*, в греческой мифологии бог плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия — 36
- Дмитрий* (Дмитрий Иванович) (1582—1591), царевич, младший сын Ивана IV Грозного, погиб при неясных обстоятельствах — 400
- Дмитрий Донской* (1350—1389), великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362), полководец — 234
- Дмитрий Наумыч* (Наумович) — см. Руднев Д. Н.
- Добролюбов* Николай Александрович (1836—1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала "Современник" — 18, 164, 231, 239, 249
- Долганов* Владимир Николаевич (1868—1941), врач, директор Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны — 236
- Долгоруков* Владимир Андреевич (1810—1891), московский генерал-губернатор (с 1856) — 45, 46
- Домна Васильевна* (Алешинцева), воспитательница младших детей Розанова, ухаживала за его больной женой (1910—1917) — 211, 216
- Дорошевич* Влас Михайлович (1865—1922), журналист, публицист, критик, фельетонист — 234, 265
- Достоевский* Федор Михайлович (1821—1881), писатель и мыслитель — 81, 82, 154, 191, 194, 195, 206
- Дрейфус* Альфред (1859—1935), офицер французского генерального штаба, родом из эльзасской еврейской семьи, был обвинен в шпионаже в пользу Германии (1894), полностью реабилитирован (1906) — 55
- Дроздов* Николай Георгиевич, сотрудник церковной газеты "Колокол", полемизировал с Розановым — 42, 246
- Дрэнпер* Джон Уильям (1811—1882), американский естествоиспытатель и историк — 262
- Дункан* Айседора (1877—1927), американская танцовщица — 18, 28, 252
- Дунс Скот* (Иоанн Дунс Скот) (ок. 1266—1308), средневековый теолог и философ, представитель одного из направлений схоластики — 321
- Евгения Ивановна* — см. Апостолопуло Е. И.
- Эвмолп* (Эвмолп), в греческой мифологии фракийский царь, пришедший на помощь Элевсину в борьбе с Афинами, остался в Элевсине и считался основателем элевсинских мистерий — 35
- Екатерина II Великая* (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 90, 136, 261
- Елеазар*, в Ветхом Завете сын старшего брата Моисея Аарона и его преемник в качестве первосвященника — 410
- Елена Павловна* (1806—1873), великая княгиня, известная своей филантропической деятельностью — 236, 259

- Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854—1933), писатель, общественно-политический деятель, мемуарист — 301
- Ефрон* (Эфрон) Илья Абрамович (1847—1919), издатель русского Энциклопедического словаря — 51
- Желябов* Андрей Иванович (1851—1881), революционный народник, организатор покушений на Александра II, казнен — 195, 249, 254
- Жилкин* Иван Васильевич (1874—1958), публицист, депутат I Государственной думы, трудовик, с 1934 г. член Союза советских писателей — 209
- Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик, критик — 83, 89
- Закржевский* Александр Карлович (1886—1916), литературный критик, историк литературы, писатель — 209, 210
- Закхей*, в Новом Завете главный сборщик податей (пошлины) в Иерихоне — 268, 328
- Замысловский* Георгий Георгиевич (1872—1920), юрист, член Союза русского народа и Союза имени Михаила Архангела, депутат III и IV Государственной думы, фракция правых, гражданский истец (обвинитель) на процессе Бейлиса — 322, 324
- Занд* (Санд) Жорж (наст. имя и фам. Аврора Дюпен, в замужестве Дюдеван) (1804—1876), французская писательница — 129
- Засулич* Вера Ивановна (1849—1919), участница революционного движения, народница (с 1868), марксистка (с 1883) — 92
- Захарьин* Григорий Антонович (1829—1897), представитель известного дворянского рода, врач-терапевт, видный клиницист-практик, общественный деятель и филантроп — 18
- Зевс*, в греческой мифологии верховный бог — 37, 313
- Зелфа*, в Ветхом Завете служанка первой жены Иакова Лии и его наложница — 195
- Зосима* (ум. 1478), игумен Соловецкого монастыря — 262
- Зубаров* (правильно Зурабов) Аршак Герасимович (1873—?), публицист, депутат II Государственной думы, социал-демократ — 237
- Иаков*, ветхозаветный патриарх, родоначальник "двенадцати колен Израилевых" — 180, 189, 195, 196, 316, 326, 340, 360, 383, 384, 404, 406
- Ибн эн-Недим эль Багдади эль Катиб* (р. 987), арабский писатель — 357, 358
- Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт, публицист, филолог, переводчик, теоретик символизма — 337
- Иванов* Иван Иванович (ум. 1869), слушатель Петровской земледельческой академии, член общества "Народная расправа", убит С. Г. Нечаевым и его соучастниками — 335
- Иванов-Разумник* (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) (1878—1946), критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли, мемуарист — 60, 92, 132, 201, 266
- Игнатович*, ученый, публицист из Варшавы — 196, 197
- Иегова* (в рус. пер. Суций), в Ветхом Завете имя Бога, которое он дал сам себе — 189, 195, 217, 284, 287, 292, 379—381, 390, 408
- Иезекииль*, ветхозаветный пророк — 280, 281, 328, 344, 347, 349, 355
- Изгоев* (наст. фам. Ланде) Александр (Арон) Соломонович (1872—1935), публицист, журналист, член ЦК партии кадетов, с 1922 г. в эмиграции — 34, 127, 229
- Изида* (Исида), в египетской мифологии богиня плодородия, воды, ветра, мореплавания, олицетворение супружеской верности и охранительница умерших — 198, 199
- Измаил*, в Ветхом Завете сын Авраама и служанки Агари, родоначальник измаилитов-кочевников — 109, 280
- Иисус Навин*, в Ветхом Завете преемник Моисея при завоевании земель в Ханаане — 405
- Иисус Сирах*, в Ветхом Завете автор книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова — 178, 289
- Иисус Христос* — 9, 18, 19, 66, 86, 103, 138, 161, 202, 214, 228, 246, 251, 259, 262, 264, 284, 290, 291, 301, 302, 311, 315—318, 328, 340, 366, 367, 380, 384, 397, 413
- Илья* (Илия), ветхозаветный пророк — 296
- Иннокентий* (Иван Васильевич Беляев) (1862—1913), экзарх Грузии (с 1909), религиозный писатель — 169

- Иоав*, в Ветхом Завете двоюродный брат и военачальник царя Давида — 162
- Иоаким*, по христианскому преданию отец Девы Марии — 366
- Иоанн*, в Новом Завете апостол — 9
- Иоанн (Иван) III* (1440—1505), великий князь Московский (с 1462) — 261
- Иоанн (Иван) IV Грозный* (1530—1584), первый русский царь (с 1547) — 261
- Иоанн Златоуст* (344/354—407), византийский церковный деятель, епископ Константинопольский (398—404), теолог, проповедник — 262
- Иоанн Кронштадтский* (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, проповедник, духовный писатель, канонизирован в 1990 г. — 102
- Иоанн (Владимир Соколов)* (1818—1869), епископ Смоленский, религиозный писатель — 114
- Иов*, ветхозаветный праведник — 167
- Иоллос* Григорий Борисович (1859—1907), публицист, один из редакторов газеты "Русские ведомости", депутат I Государственной думы, смертельно ранен по заказу черносотенцев — 172, 397
- Исаак*, в Ветхом Завете патриарх, сын Авраама — 189, 286, 295, 316, 326, 331, 411, 413
- Исав*, в Ветхом Завете старший сын Исаака, уступивший свое первородство брату Иакову — 161
- Ифамар*, в Ветхом Завете сын старшего брата Моисея Аарона — 410
- Иуда*, в Новом Завете апостол, предавший Иисуса Христа — 19, 137, 165, 266
- Каблиц* Иосиф (Осип) Иванович (1848—1893), публицист — 176, 194, 195
- Каблуков* Сергей Платонович (1881—1919), секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге, преподаватель математики, музыкальный критик — 192, 193
- Кавелин* Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, правовед, философ, общественный деятель — 164
- Каиафа* Иосиф, иудейский первосвященник (18—37) — 223, 340
- Каин*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 169, 206, 396
- Каляев* Иван Платонович (1877—1905), поэт, революционер, с 1903 г. эсер, убивший великого князя Сергея Александровича, повешен — 310
- Камбиз* (Камбис), персидский царь (530—522 до н. э.) (в тексте в иносказательном смысле) — 37, 38
- Каменский* Анатолий Павлович (1876—1941), писатель, киносценарист — 137, 252
- Кант* Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 226, 362
- Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708—1744), писатель, переводчик, философ, дипломат — 53, 85
- Кантерев* Николай Федорович (1847—1917), историк — 205
- Карабчевский* Николай Платонович (1851—1925), адвокат, писатель, публицист, один из защитников на процессе Бейлиса, после 1917 г. в эмиграции — 315
- Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826), писатель и историк — 83, 89, 253, 262
- Караулов* Василий Андреевич (1854—1910), политический деятель, депутат III Государственной думы, кадет — 165
- Кареев* Николай Иванович (1850—1931), историк и социолог — 18
- Карнович* Петр Владимирович (1874—1917), эсер, смертельно ранен Н. П. Боголепова, бежал с каторги, с 1907 г. в руководстве Боевой организации эсеров, после разоблачения Азефа уехал за границу, отошел от партии — 92
- Карташов* (Карташев) Антон Владимирович (1875—1960), историк церкви, председатель Религиозно-философского общества в Петербурге (1909), один из лидеров партии кадетов, министр вероисповеданий Временного правительства, с 1920 г. в эмиграции — 338
- Кассо* Лев Аристидович (1865—1914), министр народного просвещения (с 1910) — 31, 108
- Катков* Михаил Никифорович (1818, по др. данным 1817 — 1887), публицист, филолог, издатель, общественный деятель — 37, 170, 214, 234
- Катон Старший* (234—149 до н. э.) и *Младший* (Утический) (95—46 до н. э.), римские политические деятели — 48
- Кауфман* Николай Николаевич (1834—1870), ботаник — 107
- Керенский* Александр Федорович (1881—1970), юрист, депутат IV Государ-

- рственной думы, лидер трудовиков, с 1917 г. эсер, министр и с июля 1917 г. глава Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции — 338
- Кеслинг* (Кестлин), банкир — 70, 265
- Кибальчич* Николай Иванович (1853—1881), революционный народник и изобретатель, после убийства Александра II повешен — 250, 254
- Кибела*, фригийская богиня (великая мать богов), почитавшаяся во всей Римской империи — 82
- Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856), философ, литературный критик, публицист, общественный деятель — 168, 224, 251, 331
- Киреевский* Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, археограф, публицист — 168
- Климент Александрийский* (ок. 150 — ок. 215), христианский теолог и писатель — 35—37
- Ключевская* Анисья Михайловна (1837—1909), жена В. О. Ключевского — 261
- Ключевский* Василий Осипович (1841—1911), историк — 107, 260—262, 322
- Кожевников* Владимир Александрович (1852—1917), философ, историк культуры, публицист — 9, 272
- Козлов* Иван Иванович (1779—1840), поэт и переводчик — 89
- Коковцев* (Коковцов) Владимир Николаевич (1853—1943), министр финансов (1904—1914, с перерывом в 1905—1906), председатель Совета министров (1911—1914), с 1918 г. в эмиграции, мемуарист — 208, 267
- Кольцов* Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 31, 56, 72, 154, 262
- Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910), актриса, в 1904 г. создала свой театр — 238
- Кондурушкин* Степан Семенович (1874/1875—1919), писатель и публицист — 198, 210, 214, 218, 228, 236—238, 301, 323, 324, 326, 328, 329
- Коноплянцев* Александр Михайлович (1875—?), знакомый Розанова, публицист, биограф К. Н. Леонтьева — 336, 337
- Констан де Ребек* Бенжамен Анри (1767—1830), французский писатель и публицист — 129
- Конт* Огюст (1798—1857), французский философ и социолог — 101
- Конфуций* (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель этико-политического и религиозного течения — конфуцианства — 268, 285
- Копельман* Соломон Юльевич (1881—1944), совладелец и главный редактор издательства "Шиповник" — 56
- Корнелия Салоница* (Салонина) (III в.), жена римского императора Галлиена (253—268) — 131
- Корнилов* Александр Александрович (1862—1925), историк, публицист, биограф М. А. Бакунина, общественный деятель — 271
- Короленко* Владимир Галактионович (1853—1921), писатель, публицист, редактор-издатель журнала "Русское богатство", общественный деятель — 63, 68, 71, 72, 91, 171, 173, 251, 270
- Корыстылева*, знакомая Розанова — 213
- Косоротов* Дмитрий Петрович, профессор судебной медицины, эксперт на процессе Бейлиса — 368, 400
- Кошелев* Александр Иванович (1806—1883), публицист, журналист, мемуарист, общественный деятель — 251
- Кранихфельд* Владимир Павлович (1865—1918), литературный критик, публицист — 21, 65, 91
- Красножен* Михаил Егорович (1860—?), правовед — 24
- Красовский* Николай Александрович, пристав киевской полиции, следователь по делу Бейлиса — 334
- Кристиан*, французский писатель, комментатор каббалы — 387
- Кропоткин* Петр Алексеевич (1842—1921), революционер, теоретик анархизма, философ, ученый, публицист — 193, 250
- Крупенский* Павел Николаевич (1863 — после 1927), бессарабский помещик, земский деятель, депутат II—IV Государственной думы, один из лидеров Всероссийского национального союза, после 1917 г. в эмиграции — 56
- Крупп* Альфред (1812—1887), немецкий промышленник, владелец сталелитейных заводов в Эссене (Вестфалия), сын основателя компании Фридриха Круппа (1787—1826) — 46
- Крылов* Иван Андреевич (1769—1844), писатель-баснописец — 262

- Ксенофан* (ок. 570 — после 478 до н. э.), древнегреческий поэт и философ один из основателей элейской школы, по некоторым источникам учитель Парменида — 108
- Кугель* Иона Рафаилович (1873—?), журналист, редактор-издатель газеты "День" — 198, 234
- Куприн* Александр Иванович (1870—1938), писатель — 91, 137
- Курбатов*, купец, торговец мукой в Нижнем Новгороде — 265
- Кусков* Платон Александрович (1834—1909), поэт, литературный критик, переводчик — 268
- Кускова* (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869—1958), публицистка, издательница, общественно-политическая деятельница, с 1922 г. в эмиграции — 171, 172, 176, 192, 341, 342
- Кутлер* Николай Николаевич (1859—1924), политический деятель, депутат II и III Государственной думы, кадет — 31, 91
- Кэрби* В., энтомолог — 121
- Лаван*, в Ветхом Завете брат Ревекки — 195, 359, 360, 403, 404, 406
- Ламарк* Жан Батист (1744—1829), французский естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина — 350
- Ландау* Яков, свидетель на процессе Бейлиса — 335
- Лассаль* Фердинанд (1825—1864), немецкий деятель рабочего движения, социалист, публицист — 63, 167, 170, 250
- Леви* (Левий), в Ветхом Завете третий сын Иакова, основатель племени левитов — 411
- Леви* Элифа (наст. имя и фам. Альфонс Луи Констан) (1810—1875), французский священник, теолог, писатель, автор сочинений по проблемам мистики, оккультизма — 387
- Левифан*, в Ветхом Завете морское чудовище как олицетворение всех сил зла — 361
- Левин* Давид Абрамович (1863—?), юрист, журналист, сотрудник газеты "Речь" — 171, 263, 316, 324, 326, 327, 340
- Левинсон*, знакомый Розанова по Ельцу — 91
- Левитан* Исаак Ильич (1860—1900), живописец — 55, 56, 75
- Леднев* П. (наст. имя и фам. Иван Васильевич Свечин) (1848—1903), философ, экономист, сотрудник газеты "Биржевые ведомости" — 51
- Леман* Альфред Георг, датский ученый и писатель — 370
- Лемке* Михаил Константинович (1872—1923), историк и публицист — 262
- Леонтьев* Константин Николаевич (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик, в конце жизни вел переписку с Розановым — 214, 251, 336
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт и прозаик — 81, 172, 211, 238, 239, 260—262, 272
- Лесевич* Владимир Викторович (1837—1905), философ и социолог — 19
- Лизогуб* Дмитрий Андреевич (1849—1879), революционный народник, повешен — 53, 270
- Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель — 107, 260, 262
- Лопатин* Герман Александрович (1845—1918), революционный народник, переводчик, публицист — 68, 249
- Лот*, в Ветхом Завете племянник Авраама, спасшийся со своими дочерьми после гибели Содома — 67, 195
- Лоу* Эндрю Бонар (1858—1923), английский политический деятель, лидер консерваторов в 1911—1921 гг. — 330
- Луццати* Луиджи (1841—1927), премьер-министр Италии в 1910—1911 гг. — 330
- Львов-Рогачевский* (наст. фам. Рогачевский) Василий Львович (1873/1874—1930), литературный критик, публицист — 16, 21, 127
- Любош* (Любошиц) Семен Борисович (1853—1926, по др. данным 1925), журналист, критик — 60, 184, 321—324, 340, 341
- Людовик IX Святой* (1214—1270), французский король (с 1226) из династии Капетингов — 101
- Люка* Л., французский комментатор каббалы — 387
- Мазепа* Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины (1687—1708) — 82
- Маймонид* Моисей (Моше бен Маймон) (1135—1204), еврейский философ — 359, 365, 403

- Макарий** (Михаил Андреевич Невский) (1835—?), митрополит Московский и Коломенский (с 1912), миссионер и проповедник — 159, 202
- Маккавеи**, руководители восстания в Иудее против власти Селевкидов (II в. до н. э.), позже царская династия — 366
- Макокен** Анна Васильевна, знакомая В. Д. Бутягиной, массажистка — 43
- Мальцев** (Мальцов) (1810—1893), генерал-майор, промышленник, основал чугунолитейные и стеклоплавильные заводы — 45, 46
- Марголин** Арнольд Давидович (1877—1956), адвокат, общественно-политический деятель, защитник на процессе Бейлиса, с 1922 г. в эмиграции — 307, 324, 334, 336, 340
- Марков** Андрей Андреевич (1856—1922), математик — 87
- Маркон** Исаак Юльевич (1875—1949), гебраист, историк, литературовед, общественный деятель, с 1926 г. в эмиграции — 380, 382—385
- Маркс** Карл (1818—1883), немецкий мыслитель, основатель коммунистической теории, названной его именем — 63, 158, 167, 250
- Мартынов** Николай Соломонович (1815—1875), майор в отставке, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова — 239
- Масляненко**, метранпаж — 270
- Матвеев** Артамон Сергеевич (1625—1682), боярин, приближенный царя Алексея Михайловича, руководитель русской дипломатии, убит стрельцами — 261
- Медея**, в греческой мифологии волшебница, которая помогла предводителю аргонавтов Ясону добыть золотое руно, а затем из мести убила своих детей от Ясона — 232
- Мельшин** — см. Якубович П. Ф.
- Мендельсон** Мозес (1729—1786), немецкий философ-просветитель — 265
- Мендельсон-Бартольди** Якоб Людвиг Феликс (1809—1847), немецкий композитор, дирижер, пианист, органист — 70
- Меньшиков** Михаил Осипович (1859—1918), публицист, сотрудник газеты "Новое время" — 10, 73, 167, 195, 233, 259
- Мережковский** Дмитрий Сергеевич (1865—1941), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 48, 60, 69, 78, 85, 91, 101, 102, 120, 153, 161, 169, 173, 192, 196, 201, 204, 213, 219, 227, 229, 232, 238, 259, 322—326, 331, 337, 338
- Мечников** Илья Ильич (1845—1916), биолог, патолог, эмбриолог — 87, 138, 188
- Мещерский** Владимир Петрович (1839—1914), писатель и публицист, издатель газеты-журнала "Гражданин" — 23
- Микель Анджело** (Микеланджело) Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 110, 128
- Милль** Джон Стюарт (1806—1873), английский философ, экономист, общественный деятель — 121
- Милюков** Павел Николаевич (1859—1943), историк, публицист, один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК (с 1907), депутат III и IV Государственной думы, после 1917 г. в эмиграции — 322—325
- Минский** (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855—1937), писатель, публицист, философ, после 1905—1907 гг., жил за границей — 60, 251, 325, 333, 336—339
- Митюрников** Иван Иванович, заведующий книжным магазином издательства "Нового времени" — 203, 239, 252
- Миха**, в Ветхом Завете иудей, построивший в своем доме святилище с литым кумиром — 405, 406
- Михаил** (Павел Васильевич Семенов) (1874 — после 1916), богослов, религиозный писатель, автор статей о церковной реформе, после 1906 г. перешел в старообрядчество — 246
- Михайловский** Николай Константинович (1842—1904), социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества — 19, 68, 132, 138, 150, 160, 233
- Мищук** Евгений Францевич, начальник сыскной полиции в Киеве — 334
- Моисей**, в Ветхом Завете предводитель израильских племен, основатель иудаизма, пророк — 18, 23, 104, 162, 249, 277, 294, 296, 299, 302, 303, 308, 314, 318, 319, 324, 333, 362, 384, 410, 411
- Молох**, древнепалестинское, западносемитское божество, которому приносились человеческие жертвы, упоминается в Библии — 121, 189, 293, 295, 300, 316, 360

- Монтефиоре* Клод Джозеф Голдсмит (1858—1938), английский еврейский теолог, реформатор, общественный деятель — 330
- Мор* Томас (1478—1535), английский политический деятель и писатель, автор сочинения "Утопия" (1516) — 186
- Мордохай* (Мардохей), в Ветхом Завете приближенный персидского царя Артаксеркса, воспитатель Есфири — 325
- Морозов* Давыд Иванович (ок. 1844—1896), фабрикант, издатель журнала "Русское обозрение" — 177, 178
- Морозовы*, владельцы текстильных предприятий, основатель — Савва Васильевич Морозов (1770—1862) — 45, 177, 265
- Мушжель* Виктор Васильевич (1880—1924), писатель — 83
- Мурильо* Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец — 74
- Муромцев* Сергей Андреевич (1850—1910), юрист, публицист, земский деятель, один из основателей и лидеров партии кадетов, председатель I Государственной думы — 150
- Мусин-Пушкин* Михаил Николаевич (1795—1862), попечитель Казанского (1829—1845) и Петербургского (1845—1856) учебного округа — 31
- Мякотин* Венедикт Александрович (1867—1937), историк, публицист, сотрудник и один из редакторов журнала "Русское богатство", председатель ЦК народно-социалистической партии (энесов), в 1922 г. выслан из страны — 172, 173, 270
- Набоков* Владимир Дмитриевич (1869—1922), юрист, публицист, один из основателей и лидеров партии кадетов, депутат I Государственной думы, с 1919 г. в эмиграции, погиб, когда было совершено покушение на П. Н. Милюкова — 18, 31, 214, 320
- Наль*, в древнеиндийском эпосе царь страны нишадхов — 54
- Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815) — 167
- Нартов* Андрей Константинович (1693—1756), механик и изобретатель — 260, 261
- Наташа* — см. Вальман Н. А.
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821—1877/1878), поэт, прозаик, издатель — 15, 21, 68, 90, 95, 126, 154, 168, 172, 185, 189, 223
- Некрасова* Зинаида Николаевна (наст. имя и фам. Фекла Анисимовна Викторова) (1851—1915), жена Н. А. Некрасова (с 1877) — 218
- Нелькен* Маврикий, банкир — 69, 72, 87, 173, 205
- Немирович-Данченко* Василий Иванович (1848/1849—1936), писатель и публицист — 234
- Нестеров* Михаил Васильевич (1862—1942), живописец — 87, 259, 260
- Нечаев* Сергей Геннадиевич (1847—1882), революционер, организатор тайного общества "Народная расправа" — 335
- Ника* (Нике), в греческой мифологии персонафикация победы, в римской мифологии ей соответствует Виктория — 349
- Никитенко* Александр Васильевич (1804—1877), литературный критик, историк литературы, цензор, мемуарист — 204, 205
- Никитин* Иван Саввич (1824—1861), поэт — 154
- Николай I* (1796—1855), российский император (с 1825) — 268
- Никон* (Никита Минов) (1605—1681), патриарх (с 1652), низложен на Большом церковном соборе 1666—1667 гг. — 246
- Никон* (Николай Иванович Рождественский) (1851—1918), епископ, архиепископ (с 1913), член Синода, религиозный писатель — 44, 159
- Нобель* Эммануэль (1859—1932), шведский промышленник, владелец нефтепромыслов в России (до 1918) — 45, 46
- Новиков* Николай Иванович (1744—1818), писатель, публицист, философ, издатель — 261
- Новоселов* Михаил Александрович (1864—1938), религиозный мыслитель, писатель, расстрелян — 22, 23, 47, 179, 244
- Ной*, ветхозаветный праведник, избранный Богом к спасению во время всемирного потопа — 326
- Нордман-Северова* Наталья Борисовна (1863—1914), писательница, жена И. Е. Репина — 31
- Нурри-бей* Осман, турок, торговец и поставщик коллекционных монет, знакомый Розанова — 16

- Ньютон* Исаак (1643—1727), английский математик, физик, астроном, создатель классической механики — 29, 30, 226
- Овсянко-Куликовский* Дмитрий Николаевич (1853—1920), литературовед и языковед — 91, 196, 197
- Огарева* (урожд. Рославлева) Мария Львовна (ок. 1817—1853), первая жена поэта, публициста, общественного деятеля Н. П. Огарева — 223
- Одиссей*, в греческой мифологии царь острова Итака, отличавшийся хитроумием и отвагой — 388
- Одоевский* Владимир Федорович (1803/1804—1869), писатель, философ, литературный и музыкальный критик — 224
- Озирис* (Осирис), в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира — 198, 199, 241
- Окен* (наст. фам. Оккенфус) Лоренц (1779—1851), немецкий естествоиспытатель и натурфилософ — 29
- Оккам* Уильям (ок. 1285—1349), английский философ, логик, церковно-политический писатель, представитель поздней схоластики — 321
- Олесницкий*, Аким Алексеевич (1842—1907), профессор Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии — 86, 289
- Олсуфьев* Дмитрий Адамович (1862—1930), земский деятель, член Государственного совета, публицист — 158
- Оль д'Ор*, псевдоним писателя и журналиста Осипа Львовича Оршера (1878/1879—1942) — 57, 90, 92, 120, 214, 257
- Ордын-Нащокин* (Ордин-Нащокин) Афанасий Лаврович (ок. 1605—1680), боярин, дипломат, воевода — 261
- Ордынский П.* (наст. имя и фам. Павел Львович Плохов) (1882—?), публицист — 198
- Ориген* (ок. 185—263/254), христианский теолог, философ, филолог — 170
- Орлов-Чесменский* Алексей Григорьевич (1737—1807/1808), генерал-аншеф, командовал русской эскадрой в Средиземном море — 18
- Осия*, ветхозаветный пророк — 406, 408
- Островский* Александр Николаевич (1823—1886), драматург — 46, 53,
- Павел*, в Новом Завете апостол — 114, 166, 246, 302, 314, 318, 363, 366—368
- Павел I* (1754—1801), российский император (с 1796) — 121
- Павзаний* (Павсаний) (II в.), древнегреческий писатель, автор сочинения "Описание Эллады" — 313
- Павлов* Алексей Степанович (1832—1898), богослов, специалист по каноническому праву — 96
- Павлов* Евгений Васильевич, профессор анатомии, лейб-хирург, эксперт на процессе Бейлиса — 401
- Парменид* (ок. 540 — ок. 470 до н. э.), древнегреческий философ, представитель элейской школы — 108
- Парфений* (Петр Агеев), инок, религиозный писатель — 195
- Паскаль* Блез (1623—1662), французский математик, физик, философ, писатель — 316
- Патти* Аделина (1843—1919), итальянская певица — 77
- Пенелопа*, в греческой мифологии жена Одиссея — 54
- Пергамент* Осип (Иосиф) Яковлевич (1868—1909), адвокат, деятель партии кадетов, депутат II и III Государственной думы — 322
- Переферкович* Наум Абрамович (1871—1940), филолог, переводчик, комментатор Талмуда, с 1919 г. в эмиграции — 123, 265, 283, 284, 349, 350
- Перовская* Софья Львовна (1853—1881), революционная народница, участвовала в организации покушений на Александра II, казнена — 249
- Персефона*, в греческой мифологии богиня плодородия и подземного царства — 35
- Перцов* Петр Петрович (1868—1947), публицист, литературный критик, издатель — 224, 232, 272
- Петр*, в Новом Завете апостол — 33, 241
- Петр I Великий* (1672—1725), русский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 45, 114, 165, 204, 206, 233, 246, 260, 261
- Петражицкий* Лев Иосифович (1867—1931), социолог и философ права, член ЦК партии кадетов, депутат I Государственной думы, после 1917 г. в эмиграции, кончил жизнь самоубийством — 319—321, 326, 327, 331
- Петрицев* Афанасий Борисович (1872 — после 1942), публицист, сотрудник журна-

- ла "Русское богатство", один из лидеров народно-социалистической партии (энесов), в 1922 г. выслан из страны — 176
- Петров Григорий Спиридонович* (1868, по др. данным 1867—1925), православный священник, публицист, депутат II Государственной думы, был лишен сана, с 1921 г. в эмиграции — 52, 53, 75, 191, 196, 201, 234, 317—319, 328
- Петропавловский Иоанн Дмитриевич* (1844 — ?), протоиерей, религиозный писатель — 196
- Петрункевич Иван Ильич* (1844—1928), земский деятель, один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы, с 1919 г. в эмиграции — 18
- Пешехонов Алексей Васильевич* (1867—1933), экономист, публицист, член редакции журнала "Русское богатство", один из основателей народно-социалистической партии (энесов), министр продовольствия Временного правительства, в 1922 г. выслан из страны, с 1927 г. советский экономический консультант в Прибалтике — 172, 173, 198, 218, 270, 323, 324, 328
- Пирожков Михаил Васильевич* (1867—1927), владелец книжного издательства, в 1908 г. разорился — 172
- Писарев Дмитрий Иванович* (1840—1868), публицист, литературный критик, общественный деятель, главный сотрудник журнала "Русское слово" — 91, 148, 194
- Платон* (428/427 — 348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 18, 103, 185, 188, 223, 230
- Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904), министр внутренних дел, шеф жандармов (с 1902), убит эсером Е. С. Созоновым — 45
- Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918), деятель российской и международной социал-демократии, философ, публицист — 90, 91, 127, 177, 250
- Плутон*, в греческой мифологии одно из имен бога — владыки царства мертвых — 35
- Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907), юрист, обер-прокурор Синода (1880—1905), член Государственного совета — 73, 115, 200, 244, 247
- Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), историк, писатель, издатель — 72, 224, 266
- Подолинский Андрей Иванович* (1806—1886), поэт, мемуарист — 89
- Покровский А.*, приват-доцент Московской духовной академии — 293—295, 299, 315, 318, 319
- Полицук Адам*, агент сыскной полиции в Киеве — 322
- Полонский Яков Петрович* (1819—1898), поэт — 267
- Полтавцев*, публицист газеты "Русское знамя", органа Союза русского народа — 114
- Поп Александр* (1688—1744), английский поэт — 125
- Порфирий Успенский* (1804—1885), епископ Чигиринский, археолог, писатель — 113, 114
- Посошков Иван Тихонович* (1652—1726), экономист и социальный мыслитель — 365
- Пранайтис Юстин (Иустин)* (ум. 1917), литовский ксендз, толкователь и критик Талмуда, эксперт на процессе Бейлиса — 294, 320, 321, 330, 363, 368, 369, 382, 383, 385
- Приходько* (урожд. Ющинская) Александра, мать А. Ющинского — 306, 333, 341
- Прокудин-Горский*, заведующий фототипией — 16, 35
- Прудон Пьер Жозеф* (1809—1865), французский экономист, социалист, теоретик анархизма — 250
- Птолемей II Филадельф* (308—246 до н. э.), царь Египта (с 285/283 до н. э.), при котором, согласно легенде, был осуществлен перевод на греческий язык Библии (Ветхого Завета) — 291
- Пугачев Емельян Иванович* (1740/1742—1775), донской казак, предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг. — 333
- Пуффендорф (Пуфендорф) Самуэль* (1632—1694), немецкий юрист, сторонник теории естественного права — 77
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799—1837), поэт и прозаик — 24, 31, 54, 55, 72, 77, 89, 91, 97, 128, 135, 136, 169, 177, 179, 189, 196, 197, 232, 239, 247, 261, 262, 267, 272
- Пытин Александр Николаевич* (1833—1904), литературовед, историк литературы — 163, 165, 262
- Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630—1671), донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг. — 333

- Рамполла дель Тиндаро* Мариано (1843—1913), итальянский церковный деятель, кардинал — 115, 244
- Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны, считался целителем и провидцем, убит монархистами — 102, 179
- Растрелли* Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771), архитектор — 72
- Рафалович*, банкир — 70, 265
- Рахиль*, в Ветхом Завете вторая жена Иакова — 360
- Рачинский* Сергей Александрович (1833—1902), ботаник, деятель народного просвещения — 18, 23, 47, 224, 252
- Рачковская* Эмилия, детоубийца — 57
- Ре* (Рец) Жиль де (1404—1440), французский военный деятель, маршал, занимался алхимией и черной магией, был обвинен в убийстве детей, казнен — 390
- Ревекка*, в Ветхом Завете жена Исаака — 404
- Рейснер* Михаил Андреевич (1868—1928), правовед, социолог, историк — 127
- Рембрандт* Харменс ван Рейн (1606—1669), голландский живописец, рисовальщик, офортист — 286, 287
- Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957), писатель — 179, 337, 338
- Ретин* Илья Ефимович (1844—1930), живописец — 32, 71, 135
- Рог-Рогачевский* — см. Львов-Рогачевский В. Л.
- Родзевич*, учитель гимназии в Нижнем Новгороде — 61, 62
- Родичев* Федор Измайлович (1854, по др. данным 1853—1933), юрист, земский деятель, член ЦК партии кадетов, депутат I—IV Государственной думы, с 1919 г. в эмиграции — 31, 46
- Розанов* Василий Васильевич (1856—1919) — 7—12, 30, 38, 49, 61—63, 69, 72, 78, 79, 84, 92, 99, 109, 117, 124, 133, 138, 143, 148, 161, 169, 171—173, 176, 178, 188—190, 194, 197, 204, 206, 214, 216, 226, 232—234, 238—240, 252, 256, 258, 270, 275, 297, 313, 314, 319, 320, 322, 326, 328, 331, 336, 338, 342, 350, 352, 360—367, 393, 395—399, 407, 413
- Розанов* Василий Васильевич (Вася) (1899—1918), сын писателя — 13—15, 19, 179, 203, 206—209
- Розанов* Николай Васильевич (1847—1894), брат писателя — 209
- Розанова* Варвара Васильевна (Варя) (1898—1943), дочь писателя — 13—15, 77, 80, 137, 259
- Розанова* Варвара Дмитриевна — см. Бутягина В. Д.
- Розанова* Вера Васильевна (1848—1867/1868), сестра писателя — 163
- Розанова* Вера Васильевна (Вера) (1896—1920), дочь писателя — 13, 14, 17, 34, 107, 172, 183, 206, 228
- Розанова* Надежда Васильевна (Надя) (1900—1956), дочь писателя — 13, 14, 24, 34
- Розанова* (урожд. Шишкина) Надежда Ивановна (1827—1870), мать писателя — 163
- Розанова* Татьяна Васильевна (Таня) (1895—1975), дочь писателя — 13, 14, 30, 203, 238
- Розмитальский* В. Е., член Союза русского народа в Киеве, свидетель обвинения на процессе Бейлиса — 322
- Россини* Джоаккино (1792—1868), итальянский композитор — 33
- Ротшильд* Альфонс (1827—1905), парижский банкир — 45, 367
- Рубакин* Николай Александрович (1862—1946), книговед, библиограф, писатель — 60, 244, 245
- Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894), пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 55
- Руднев* Дмитрий Наумович, отец жены Розанова В. Д. Бутягиной — 16
- Рутенберг* Петр (Пинхус) Моисеевич (1878—1942), деятель партии эсеров, разоблачивший Гапона как провокатора, в 1922 г. эмигрировал в Палестину — 249
- Руфус* Даниель Айзекс (1860—1935), английский политический деятель, глава судебного ведомства и дипломат — 330
- Рцы*, псевдоним Ивана Федоровича Романова (1861—1913), писателя, публициста, друга Розанова — 32, 33, 46, 100, 134, 178, 201, 203, 222, 232
- Рысс* Петр Яковлевич (1870—1948), публицист, писатель — 187
- Рюрик* (ум. ок. 879), по летописному преданию, предводитель варяжского военного отряда, обосновавшегося в Новгороде — 90

- Саблер* Владимир Карлович (1847, по др. данным 1845—1929), религиозный публицист, обер-прокурор Синода (1911—1915), член Государственного совета — 44, 202
- Савватий* (ум. 1435), соловецкий подвижник — 262
- Савенков* (Савинков) Борис Викторович (1879—1925), один из лидеров партии эсеров, писатель (псевд. В. Ропшин) — 325
- Сакулин* Павел Никитич (1868—1930), литературовед, историк литературы — 150, 153, 196, 197
- Салтыков-Щедрин* (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889), писатель-сатирик, публицист, редактор журнала "Отечественные записки" (1868—1884) — 21, 53, 68, 78, 85, 90, 95, 120, 167, 172, 185, 204, 207, 221, 224, 233, 268
- Сальвини* Томмазо (1829—1915), итальянский актер — 234
- Сарра* (Сара), в Ветхом Завете жена Авраама — 39, 295, 330
- Саул*, первый всеизраильский царь (примерно до 1004 до н. э.) — 169, 299
- Святослав I* (ум. 972), великий князь Киевский, отец Владимира I — 326
- Селиванов* Кондратий Иванович (ум. 1832), крестьянин, основатель секты скопцов — 159
- Семенов Тян-Шанский* Петр Петрович (1827—1914), географ, статистик, общественный деятель — 232
- Сепфора*, в Ветхом Завете жена Моисея — 296
- Серафим Саровский* (Прохор Сидорович (Исидорович) Мошнин) (1759/1760—1833), православный подвижник — 18, 85, 102, 167, 367
- Сервий Туллий*, согласно преданию, царь Древнего Рима (578—534/533 до н. э.) — 72, 78, 104—106
- Сергий* (Иван Николаевич Страгородский) (1867—1944), ректор Петербургской духовной академии, епископ Финляндский (1905—1917), местоблюститель патриаршего престола (с 1937), патриарх (с 1943) — 49
- Сергий Радонежский* (Варфоломей Кириллович) (1314/1321—1392), православный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 261, 367
- Серебрянский* Андрей Порфирьевич (1809/1810—1838), поэт, земляк и друг А. В. Кольцова — 154
- Сикорский* Иван Алексеевич (1845—1919), психиатр, педагог, профессор Киевского университета, эксперт на процессе Бейлиса — 294, 301, 322, 400, 401
- Сильченков* Константин Николаевич (1869—?), религиозный писатель, преподаватель Харьковской духовной семинарии — 24
- Симеон Столпник* (356/390—459), христианский отшельник, аскет, сидевший на столпе (колонне) около 40 лет — 226
- Скабичевский* Александр Михайлович (1838—1910), литературный критик, историк литературы — 150
- Скворцов* Василий Михайлович (1859—1932), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, публицист, редактор и издатель ряда церковных изданий — 83, 159, 264, 328
- Скиталец* (наст. фам. Петров) Степан Гаврилович (1869—1941), писатель — 22
- Слепцов* Василий Алексеевич (1836—1878), писатель — 95
- Слонимский* Людвиг Зиновьевич (1850—1918), публицист, сотрудник журнала "Вестник Европы" — 65, 89, 165, 251
- Соколов В.*, автор работ по религиозно-ритуальным проблемам — 295—299
- Соколов* Николай Дмитриевич, адвокат, присяжный поверенный — 338
- Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 92
- Соллертинский* Сергей Александрович (1846—1920), протоиерей, богослов, профессор Петербургской духовной академии — 49
- Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, поэт, публицист — 38, 57, 155, 178, 179, 220, 227, 254
- Соловьев* Михаил Петрович (1842—1901), начальник Главного управления по делам печати, писатель, публицист — 263
- Соловьев* Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 261
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 23, 124, 125, 154, 289, 362, 363, 365, 408
- Спенс В.*, энтомолог — 121
- Спенсер* Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 16, 53, 179

- Сперанский* Михаил Михайлович (1772, по др. данным 1771—1839), политический мыслитель, ближайший советник Александра I (1808—1810), генерал-губернатор Сибири (1819—1821), с 1826 г. руководил работой по законодательству — 136
- Спиноза* Бенедикт (Барух) (1632—1677), голландский философ — 55, 70, 179
- Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист, общественный деятель, редактор-издатель журнала "Вестник Европы" — 154, 163, 165, 262
- Степняк-Кравчинский* (наст. фам. Кравчинский) Сергей Михайлович (1851—1895), революционный народник, писатель — 194
- Столнер* Борис Григорьевич (1871—1967, по др. данным 1937), философ и переводчик, сотрудник Еврейской энциклопедии (1908—1913) — 90, 228, 229, 246, 248, 249, 251
- Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911), министр внутренних дел, председатель Совета министров (с 1906), руководитель разработанной им аграрной реформы — 55
- Стоюнина* (урожд. Тихменева) Мария Николаевна (1846—1940), директриса основанной ею частной гимназии в Петербурге — 171
- Страхов* Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик — 8, 18, 24, 29, 35, 83, 99, 108, 133, 134, 149, 155, 170, 191, 214, 240, 246, 248, 252
- Строганов* Сергей Григорьевич (1794—1882), глава Государственного совета (с 1856), московский генерал-губернатор (1859—1860), археолог, основатель Строгановского художественно-промышленного училища — 45
- Струве* Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, историк, публицист, общественно-политический деятель, после 1920 г. в эмиграции — 68, 90, 125, 133, 187, 220
- Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист и издатель, с 1876 г. выпускал газету "Новое время", в которой сотрудничал Розанов — 61, 127, 203, 204, 209, 229, 233—235
- Суворина* (урожд. Орфанова) Анна Ивановна (1858—1936), вторая жена А. С. Суворина — 23
- Суворов* Николай Семенович (1848—?), автор книг по церковному праву — 24
- Судейкин* Георгий Порфирьевич (1850—1883), инспектор петербургской секретной полиции, убит народовольцами — 155
- Суламифь*, в Ветхом Завете возлюбленная из книги Песнь песней — 362—366, 408, 409
- Сцевола* Гай Муций, легендарный римский герой — 238
- Сытин* Иван Дмитриевич (1851—1934), издатель — 234, 235
- Тан* — см. Богораз В. Г.
- Татищев* Василий Никитич (1686—1750), историк и политический деятель — 261
- Тезей* (Тесей), в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов — 231, 350
- Тенишева* Мария Клавдиевна (1867—1923), деятельница культуры, основательница училища в Петербурге — 252
- Терещенко* Михаил Иванович (1886—1956), сахарозаводчик, был близок к партии прогрессистов, депутат IV Государственной думы, министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции — 265
- Тернавцев* Валентин Александрович (1866—1940), богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, религиозный писатель — 49, 256
- Тимирязев* Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель — 107, 125
- Тимур* (Тамерлан) (1336—1405), среднеазиатский эмир (с 1370), полководец — 101
- Тирезий* (Тиресий), в греческой мифологии фиванский прорицатель, Одиссей спустился в подземный мир, чтобы услышать его предсказание — 388
- Тихонравов* Николай Саввич (1832—1893), историк литературы, литературовед, археограф — 45, 46, 107, 261
- Товит*, персонаж библейской книги Товита, праведник, верящий в Бога, несмотря на постигшие его несчастья — 175, 264
- Товия*, центральный персонаж библейской книги Товита, сын Товита — 175, 264
- Толстая* Александра Андреевна (1817—1904), двоюродная тетка Л. Н. Толстого — 268
- Толстая* (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844—1919), жена Л. Н. Толстого — 65

- Толстой* Алексей Николаевич (1882/1883—1945), писатель — 252
- Толстой* Дмитрий Андреевич (1823—1889), обер-прокурор Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1882) — 45, 108, 155, 222
- Толстой* Иван Иванович (1858—1916), археолог, нумизмат, вице-президент Академии художеств (1893—1905), министр народного просвещения (1905—1906) — 90
- Толстой* Лев Николаевич (1828—1910), писатель и мыслитель — 37, 54, 65—67, 72, 78, 164, 169, 179, 195, 200, 213, 223, 254, 262, 268, 400
- Триптолем*, в греческой мифологии сын элевсинского царя Келея, обучивший людей земледелию — 35
- Троицкий* Иван Гаврилович, профессор Петербургской духовной академии, религиозный писатель, гевраист — 154, 159, 198, 293, 295, 299, 313, 315, 318, 319
- Трубецкой* Евгений Николаевич (1863—1920), философ, юрист, публицист, общественный деятель, один из основателей партии кадетов и партии мирного обновления — 179
- Трубецкой* Сергей Николаевич (1862—1905), философ, публицист, общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета (1905) — 37
- Тузов* И. Л., книготорговец, владелец книжного магазина — 97
- Тургенев* Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 54, 72, 97, 98, 164, 194, 195
- Туренский*, чиновник, работавший в системе государственного контроля — 35
- Тыркова* (в замужестве Вильямс) Ариадна Владимировна (1869—1962), писательница, публицистка (псевд. А. Вергежский), член ЦК партии кадетов, после 1919 г. в эмиграции — 34, 229
- Тьер* Адольф (1797—1877), французский политический деятель и историк — 18
- Тьерри* (Тьерри) Огюстен (1795—1856), французский историк — 53
- Уде* Фриц фон (1848—1911), немецкий живописец — 328
- Улисс*, латинизированное Одиссей — 54
- Уран*, в греческой мифологии бог неба — 37
- Уранус*, публицист, гевраист — 391—393
- Фабр-д'Оливе* Антуан (1768—1825), французский писатель — 387
- Федоров* Михаил Михайлович, публицист, редактор "Литературного обозрения", приложения к "Торгово-промышленной газете" — 232
- Феодорит* (Теодорет) (393—460), христианский церковный деятель, епископ Кирский, богослов, автор сочинения "Об исправлении греческих нравов" — 36
- Феофан Прокопович* (1681—1736), политический и церковный деятель, сподвижник Петра I, богослов, религиозный писатель — 114
- Феофраст* (Теофраст) (372—287 до н. э.), древнегреческий философ и естествоиспытатель — 312
- Фигнер* Вера Николаевна (1852 — 1942), революционная народница, писательница — 92, 155, 192, 222, 249, 254
- Филарет* (Василий Михайлович Дроздов) (1782, по др. данным 1783—1867), митрополит Московский (с 1826), богослов, религиозный философ, историк, проповедник — 18, 98, 114
- Филевский* Иоанн Иоаннович (1865—?), богослов, религиозный писатель, профессор Харьковского университета, полемизировал с Розановым — 96
- Филиппов* Владимир Гаврилович, начальник сысской полиции в Петербурге — 335
- Филиппов* Третий Иванович (1825—1899), директор Государственного контроля, общественный деятель, публицист, знаток церкви — 203
- Философов* Дмитрий Владимирович (1872—1940), критик, публицист — 48, 60, 120, 173, 191, 192, 194, 201, 204, 213, 220, 227, 238, 243, 249, 266, 322—325, 328, 337, 338
- Философова* (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1837—1912), деятельница женского движения — 48, 155, 227
- Флавиан* (Николай Городецкий) (1840—?), митрополит Киевский и Галицкий (1903—1912) — 202
- Флоренская* (урожд. Гиацинтова) Анна Михайловна (1883—1973), жена П. А. Флоренского — 22
- Флоренский* Павел Александрович (1882—1937), православный священник, философ, ученый инженер, репрессирован — 8, 22, 23, 47, 52, 114, 124, 136, 220, 243, 244, 251, 259, 272

- Фон-Визин* (Фонвизин) Денис Иванович (1744/1745—1792), писатель и социально-политический мыслитель — 53, 135, 167, 224, 261, 262
- Фохт* Карл (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 66, 244
- Франциск Ассизский* (наст. имя и фам. Джованни Бернардоне) (1181/1182—1226), итальянский проповедник, религиозный поэт, основатель ордена францисканцев — 23, 328
- Хвольсон* Даниил Абрамович (1819—1911), востоковед-семитолог — 314, 356—359, 410
- Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель — 152
- Хлудовы*, семья текстильных фабрикантов — 265
- Ходский* Леонид Владимирович (1854—1919), экономист, публицист, издатель — 60
- Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860), философ, писатель, публицист, общественный деятель — 8, 168, 170, 178, 252, 331
- Хрисанф* (Владимир Николаевич Ретивцев) (1832—1883), преподаватель Петербургской духовной академии, религиозный писатель, историк религии — 35—37
- Хронос* (Кронос), в греческой мифологии один из титанов — 37
- Хрусталева-Носарь* (наст. фам. Носарь) Георгий Степанович (1877—1918), юрисконсульт, адвокат, в октябре—ноябре 1905 г. председатель Петербургского совета рабочих депутатов — 248, 249
- Хрущов* (Хрущев) Иван Петрович (1841—1904), педагог, публицист, издатель — 222
- Цветков* Сергей Александрович (1888—1964), историк литературы, друг и библиограф Розанова — 23, 47, 51, 83, 126, 136, 148, 152, 153, 203, 224, 235, 245, 251
- Цебрикова* Мария Константиновна (1835—1917), писательница, публицистка, литературный критик — 170
- Цетлин* Натан Сергеевич (1872—?), владелец книгоиздательства "Просвещение" и книжного магазина в Петербурге — 72
- Цинагамаров* (Динамгэваров) Сико, знакомый и корреспондент Розанова из Тифлиса — 53
- Чайковский* Петр Ильич (1840—1893), композитор — 26
- Чеберяк* (Чеберякова) Вера Владимировна, содержательница воровского притона, ее имя фигурировало в деле об убийстве А. Ющинского — 304, 306, 312, 321, 322, 324, 334, 339, 393
- Чернышевский* Николай Гаврилович (1828—1889), писатель, публицист, критик, философ, общественный деятель — 7, 18, 34, 95, 112, 126, 132, 148, 168, 231, 239, 262
- Чехов* Антон Павлович (1860—1904), писатель — 52, 66, 243, 270
- Чуковская*, знакомая Розанова — 62
- Чуковский* Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков) (1882—1969), писатель, литературовед, критик — 163
- Шагинян* Мариэтта Сергеевна (1888—1982), писательница, критик, литературовед — 329
- Шарапов* Сергей Федорович (1855—1911), экономист, публицист, издатель — 177, 178
- Шейн* Павел Васильевич (1826—1900), фольклорист, этнограф — 56
- Шекспир* Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт — 257, 258, 264
- Шелгунов* Николай Васильевич (1824—1891), публицист, критик, общественный деятель — 150, 170, 239, 265
- Шеллинг* Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ — 29
- Шибанов* Василий (XVI в.), стремянный и гонец князя А. М. Курбского, умер от пыток — 193
- Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 195, 264
- Шляпкин* Илья Александрович (1858—1918), литературовед и филолог — 197
- Шмаков* Алексей Семенович (1852—1916), юрист, публицист, истец на процессе Бейлиса — 330
- Шнеерсон* Файвель, торговец, свидетель на процессе Бейлиса, родом из Любавичей, центра хасидизма — 313, 315, 328, 331, 335
- Шперк* Федор Эдуардович (1872, по др. данным 1870—1897), философ, поэт, критик, друг Розанова — 51, 140—143, 147, 232

- Штейн*, соученик Розанова по гимназии в Нижнем Новгороде — 61
- Штроссмайер* Йосип (1815—1905), хорватский политический деятель, католический епископ — 170
- Шундилов* Василий Максимович, инспектор гимназии в Нижнем Новгороде — 61
- Шура* — см. Бутягина А. М.
- Щегловитов* Иван Григорьевич (1861—1918), министр юстиции (1906—1915), председатель Государственного совета — 322
- Щедрин* — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щербов* Иван Павлович, кандидат богословия, преподаватель Петербургской духовной семинарии, знакомый Розанова — 23, 47, 100
- Щербова* (урожд. Миллер) Надежда Романовна (ок. 1871—1911), сотрудница журнала "Русский паломник", жена И. П. Щербова — 100
- Щукин* С., священник, религиозный писатель — 136, 137, 246
- Щусев* Алексей Викторович (1873—1949), архитектор — 199
- Эгерия*, в римской мифологии нимфа-пророчица — 72, 78, 104—106
- Эдельфельт* Альберт, финский художник — 328
- Элиот* Джордж (наст. имя и фам. Мэри Анн Эванс) (1819—1880), английская писательница — 39
- Элогим* (Элохим), одно из наименований Яхве (Иеговы) в Ветхом Завете — 248
- Эттингер*, торговец и помещик из Галиции (Австрия), родственник владельцев кирпичного завода в Киеве, свидетель на процессе Бейлиса — 335
- Этрусцила* (III в.), жена римского императора Этруска — 131
- Эфрон* (псевд. Литвин) Савелий Константинович (Шеель Хаимович) (1849—1926), прозаик, драматург, мемуарист — 237, 306
- Эфрос* Ревекка Юльевна, жена переводчика и критика А. М. Эфроса, знакомая Розанова — 170, 251
- Юлия Домна* (158—217), римская императрица, жена императора Септимия Севера — 131
- Юлия Маммея* (ум. 235), мать римского императора Александра Севера, племянница Юлии Домны — 131
- Юпитер*, в римской мифологии верховный бог — 105
- Юсупов* Николай Борисович (1750—1831), министр департамента уделов, член Государственного совета, меценат — 18
- Юшкевич* Семен Соломонович (1868—1927), писатель, публицист, историк литературы — 83
- Ющинский* Андрей (ум. 1911), подросток, убийство которого стало причиной суда над Бейлисом — 184, 186, 192, 197, 198, 201, 202, 209, 218, 228, 233, 275, 300—313, 315, 316, 318, 322, 323, 325, 328, 332—336, 339—341, 361, 362, 368, 375, 382, 385, 386, 391, 393, 397, 400—402, 410, 411
- Яблоновский* Александр Александрович (1870—1934), критик, фельетонист, публицист — 69, 87, 92, 120, 127, 138
- Явейн* Георгий Юльевич, врач — 236
- Якобсон* Вильгельм Леопольдович, врач — 236
- Яковлев* Иван Алексеевич (1767—1846), отец А. И. Герцена — 89
- Якубович* Петр Филиппович (псевд. Л. Мельшин и др.) (1860—1911), революционный народник, писатель, переводчик, журналист — 177, 194
- Якунчиков*, коллекционер — 90
- Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054), великий князь Киевский (с 1019), сын Владимира I — 261, 326, 343

Составитель В. М. Персонов

СОДЕРЖАНИЕ

САХАРНА

Предисловие	7
Перед Сахарной	13
В Сахарне	40
После Сахарны	156
Записи, не вошедшие в основной текст "Сахарны"	243

ОБОНЯТЕЛЬНОЕ И ОСЯЗАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЕВРЕЕВ К КРОВИ

Иудейская тайнопись	276
Есть ли у евреев "тайны"?.. (Ответ на заявление 400 рав- винов)	281
Еще об иудейской тайне (Ответ г. Переферковичу)	283
Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови	285
Откуда несходство греческого и еврейского текстов Св. Писания?	289
Важный исторический вопрос	293
Андрюша Ющинский	300
Испуг и волнение евреев	304
Открытое письмо С. К. Эфрону (Литвину)	306
К прекращению ритуального убоя скота	307
Нужно перенести все дело в другую плоскость (К делу Ющинского)	309

Об одном приеме защиты еврейства	317
Ученая пава	319
Наша "кошерная печать"	321
В Религиозно-философском обществе... (Письмо в редак- цию)	325
"Обескровленные" журналисты	328
Возражение г. К. Арсеньеву	329
В "вечер Бейлиса"...	331
Недоконченность суда около дела Ющинского	334
Напоминания по телефону	336
Кое-что "про себя"	339
Присматриваясь к молодежи...	341

Приложение первое

Храм ветхозаветный был храмом затаения	349
Руки!!! руки!!! руки!!!	—
Жертвоприношения у древних евреев	351

Приложение второе

Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах	356
Иудеи и судьба христиан (Письмо к В. В. Розанову)	361
"Эхад". Тринадцать ран Ющинского	368
Что́ мне случилось увидеть...	394
О терафимах	403

Приложение третье

Текст о вкушении крови евреями — в Библии ЕСТЬ!!!	410
"Памяти Андрюши Ющинского" (Письмо в редакцию)	—
<i>А. Николюкин.</i> К вопросу о мифологеме национального в творчест- ве В. В. Розанова	414
К о м м е н т а р и и	421
У к а з а т е л ь и м е н	440

Василий
Васильевич
Розанов

Сахарна

Заведующий редакцией

М. М. Беляев

Ведущий редактор

П. П. Апрышко

Редактор

Ж. П. Крючкова

Технический редактор

Р. Я. Лаврентьева

ЛР № 010273 от 10.12.97.

Сдано в набор 13.07.98.

Подписано в печать 10.12.98.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1.

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 32,6.

Тираж 5000 экз.

Заказ № 3784.

Электронный оригинал-макет
подготовлен в издательстве.

Российский государственный
информационно-издательский
Центр "Республика"
Комитета Российской Федерации
по печати.

Издательство "Республика".
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма
"Красный пролетарий".
103473, Москва,
Краснопролетарская, 16.